VISIT…

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Б.И. ТАТАРИНЦЕВ

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Том I

А — Б

Ответственный редактор
кандидат филологических наук *Д.А. Монгуш*

"НАУКА"
НОВОСИБИРСК
2000

Tyulemissov Madi مهدی ابواصل

tmadi1@gmail.com

УДК 801.32.2
ББК 83.3(2Рос-Туви)
Т12

Рецензенты

кандидат филологических наук *Ч.М. Доржу*
кандидат филологических наук *М.В. Бавуу-Сюрюн*

Утверждено к печати
Ученым советом Института гуманитарных исследований
Республики Тыва

Татаринцев Б.И.

Т12 Этимологический словарь тувинского языка. — Новосибирск: Наука, 2000. — 341 с. (Т. I: А — Б).

ISBN 5—02—032303—9 (т. I).
ISBN 5—02—032304—7.

Словарь — результат многолетней работы автора в области тувинской (тюркской) этимологии. В нем на основе структурных характеристик и звуковых особенностей слов анализируется происхождение корневой лексики тувинского языка. Исследуются фонетические, словообразовательные и семантические аспекты.

Для тюркологов, историков, преподавателей, студентов.

ТП—2000—II—№ 106

УДК 801.32.2
ББК 83.3(2Рос-Туви)

ISBN 5—02—032303—9 (т. I)
ISBN 5—02—032304—7

© Б.И. Татаринцев, 2000
© Оформление. "Наука". Сибирская издательская фирма РАН, 2000

ВВЕДЕНИЕ

1

Вторая половина XX столетия характеризуется расширением этимологических исследований и, в частности, созданием многочисленных этимологических словарей[1], в том числе и тюркских языков.

В последние десятилетия в тюркологии заметно повысился интерес к историческому прошлому тюркоязычных народов и к истории и происхождению соответствующих языков и их конкретных уровней (в том числе лексического). Ряд исследований, выполненных нередко с разных позиций, посвящен истории лексики тюркской языковой семьи в целом или определенных классификационных групп, входящих в ее состав, а также отдельных языков и письменных памятников.

В результате на материале тюркских языков появилось несколько этимологических словарей. В их числе издания, охватывающие тюркскую семью языков в целом. Следует отметить словарь финского исследователя М. Рясянена (EW)[2] и в особенности многотомный отечественный труд — "Этимологический словарь тюркских языков" (ЭСТЯ), уже завершенный, хотя, к сожалению, еще не увидевший света в полном объеме. Создание последнего в значительной мере связано с именем Э.В. Севортяна.

На материалах древнетюркских памятников и широко используемых данных современных тюркских языков основано капитальное лексикографическое издание, подготовленное Дж. Клосоном (ED).

По своему масштабу и значению к указанным работам близок четырехтомный труд Г. Дёрфера о тюркских и монгольских элементах в лексике персидского языка (Дёрфер).

Еще до выхода в свет этих капитальных трудов или отчасти одновременно с ними были изданы этимологические словари некоторых отдельных тюркских языков: чувашского[3], казахского[4] (краткий коллективный труд), тофаларского (этимологический словарь корневых основ, составленный В.И. Рассадиным и представленный в качестве

---

[1] См.: *Лингвистический* энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 597.

[2] Здесь и далее см. раздел "Используемые сокращения".

[3] *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1964.

[4] *Қазақ* тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. — Алматы, 1966.

приложения к его монографии по фонетике и лексике данного языка (Рассадин. Фонетика, *151* и *след.*)).

Существует также множество публикаций (и появляются все новые), содержащих этимологические изыскания по определенным тематическим группам слов или отдельным словам тюркских языков. Кроме того, по проблемам тюркской этимологии проводились научные совещания, результаты которых нашли отражение в публикациях соответствующих научных сборников[5].

Таким образом, этимологические исследования на материале тюркских языков достаточно активны и с учетом относительной кратковременности их проведения в целом результативны.

Вместе с тем по некоторым направлениям этимологии фактически сделаны лишь первые шаги. Это можно сказать, в частности, о составлении этимологических словарей отдельных тюркских языков и, пожалуй, вообще об этимологических разработках по их лексике. Те лексикографические издания подобного типа, которые уже упоминались нами, являются словарями первого поколения. Из-за ранних сроков выхода в свет в этих работах не могли быть учтены результаты этимологических словарей, охватывающих семью тюркских языков в целом (EW и особенно ЭСТЯ), и других крупных трудов по тюркской этимологии, а также по сравнительно-исторической лексикологии, вышедших в свет в 60—70-х гг. и позднее и создавших основу для написания лексикографических словарей указанного типа[6].

Названным выше словарям отдельных языков предшествовал лишь этимологический словарь тюркских языков Г. Вамбери, созданный еще в прошлом столетии и в настоящее время вызывающий в основном исторический интерес[7].

Появление словарей отдельных тюркских языков было в определенной мере несвоевременным. Поэтому они отчасти устарели, хотя и сохраняют значение справочников по тюркской сравнительной лексикологии. Работа над этимологическими словарями конкретных тюркских языков велась и в последующие годы[8], но, по-видимому, еще рано говорить о достижении сколько-нибудь заметных результатов.

Для создания таких словарей (точнее, подобных работ второго поколения) имеются не только основа, но и в значительной мере не-

---

[5] См.: *Теория* и практика этимологических исследований. — М., 1985; *Проблемы* составления этимологического словаря отдельного языка. — Чебоксары, 1986; *Проблемы* этимологии тюркских языков. — Алма-Ата, 1990.

[6] Э.В. Севортян в числе целей ЭСТЯ назвал и создание базы для разработки в дальнейшем этимологических словарей отдельных тюркских языков (ЭСТЯ I, *25*).

[7] См.: *Щербак А.М.* Состояние работы и задачи составления этимологических словарей тюркских языков // СТ. — 1975. — № 4. — С. 3—4.

[8] *Кайдаров А.Т.* Тюркская этимология: проблемы и задачи // Проблемы этимологии тюркских языков. — С. 8—10.

обходимые условия, которые детально рассматривались[9]. Исходя из этого, реально говорить о создании не только кратких словарей-справочников, но и более капитальных лексикографических изданий, направленных на исследование проблем происхождения лексики отдельных конкретных тюркских языков, в том числе и тувинского.

Вместе с тем следует отдавать отчет в том, что в настоящее время существуют и немалые трудности при подготовке подобных научных трудов. Они связаны, в частности, с источниковедческой базой. Круг источников, которые желательно учитывать в работе над этимологическим словарем отдельного тюркского языка, настолько велик, что его едва ли можно охватить полностью[10], даже в тех благоприятных ситуациях, когда работа ведется не единичными исследователями, а целыми научными коллективами.

В частности, лакуны и неточности, вызванные неполнотой учета имеющихся источников, есть и в таком капитальном труде, как ЭСТЯ (о чем подробно будет сказано в дальнейшем).

Кроме того, неполнотой отмечены и многие из самих существующих источников. Связанные с этим трудности практического характера, стоявшие перед Э.В. Севортяном, когда он более сорока лет тому назад приступил к работе над "Этимологическим словарем тюркских языков", существуют и поныне. Среди них — отсутствие относительно полных словарей по ряду тюркских языков, ограниченное число диалектных и исторических словарей, а также глоссариев к памятникам и т.д.[11]

Деятельность исследователей-тюркологов в значительной мере разобщена, ее координация практически отсутствует, а соответствующие источники труднодоступны.

Список источников, на которые мы в той или иной мере опирались при создании "Этимологического словаря тувинского языка", довольно широк[12], но, к сожалению, в силу ряда причин, о которых частично сказано выше, он не полон.

---

[9] *Левитская Л.С.* О некоторых принципах составления этимологического словаря отдельного тюркского языка // Проблемы современной тюркологии. — Алма-Ата, 1980. — С. 193.

[10] См., в частности: *Офросимова-Серова Л.Г.* Об источниках этимологического словаря отдельного тюркского языка // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка. — С. 23 и след.

[11] *Левитская Л.С., Мусаев К.М.* Эрванд Владимирович Севортян и тюркская историческая лексикология // Теория и практика этимологических исследований. — С. 97.

[12] См. список использованных источников в разделе "Используемые сокращения" (п/раздел "Литература"). В список включены только те работы, которые использованы в I томе данного словаря. Кроме того, относительно полные (без сокращений) ссылки на некоторые источники (используемые эпизодически, однократно) приводятся в словарных статьях. Общая характеристика источников дается нами в статье "О проблемах составления этимологического словаря тувинского языка" (Вопросы тувинской филологии. — Кызыл, 1983. — С. 45—49).

2

Словари, в которых рассматривается происхождение лексики, делятся на три типа: историко-этимологический, сравнительно-этимологический и собственно этимологический. Первые два сочетают в себе соответственно элементы исторического и этимологического и сравнительного и этимологического словарей.

В нашем случае словарь первого типа, к сожалению, нереален, поскольку мы имеем дело с одним из младописьменных (не имеющим длительной письменной традиции) тюркских языков. Материалы по тувинскому языку, зафиксированные, в частности, в трудах таких исследователей, как Г.И. Спасский, М.А. Кастрен, В.В. Радлов, Н.Ф. Катанов, являются сравнительно поздними (все они относятся лишь к прошлому столетию) и к тому же в большей или меньшей степени фрагментарными, и их совершенно недостаточно для воссоздания истории тувинской лексики в целом.

Это обстоятельство лишает нас возможности установить источник и время появления в рассматриваемом языке значительного количества слов, что можно сказать, например, о тех, которые имеют тюркскую этимологию, но не принадлежат к базисной лексике. Такие слова в принципе могли образоваться в прошлом непосредственно в тувинском языке, но вместе с тем вероятно, что они могли быть заимствованы из другого тюркского языка (языков), учитывая существование в истории тюркоязычных народов длительных и интенсивных контактов друг с другом, результатом чего является отмечаемый исследователями смешанный характер тюркских языков.

Большинство имеющихся этимологических словарей тюркских языков можно отнести к сравнительно-этимологическому типу, причем чаще с преобладанием сравнительного элемента над этимологическим. Этимологическое решение встречается в основном в случае заимствований; в остальных ситуациях превалирует то, что вслед за Э.В. Севортяном можно назвать "простым сопоставлением" (ЭСТЯ I, *49*). Следует, кстати, отметить, что в ЭСТЯ разработке этимологических версий как раз уделено большое место, и этот словарь по своему типу ближе всего к собственно этимологическим.

Собственно этимологическим словарем является и данное издание, выполненное на материале тувинского языка. Анализ основной части слов содержит этимологический элемент (разной степени гипотетичности). Сравнительный компонент словарной статьи приводится в том объеме, в каком он необходим для установления этимологии слова.

В тех случаях, когда в существующих трудах (в первую очередь в ЭСТЯ) содержится достаточно полный материал сравнительного характера, в нашем издании он приводится в максимально кратком ви-

де, с указанием основных фонетических вариантов и лексических значений слова в других тюркских языках и со ссылкой на предшествующие публикации, что продиктовано, в частности, необходимостью избегать повторов и увеличения за их счет объема данного словаря.

В определенных случаях сравнительный компонент, имеющийся в других изданиях, дополняется и уточняется. Речь идет о случаях пропуска тувинских слов и неточного их написания[13].

Вместе с тем при отсутствии в предыдущих публикациях сравнительного материала или при наличии значительных лакун в нем, подобный материал приводится нами по возможности в полном виде.

В зависимости от того, насколько разработана этимология, по-разному выглядят и этимологические компоненты словарных статей. В ряде случаев предложенное нашими предшественниками этимологическое решение не вызывает возражений, и мы ограничиваемся краткой справкой, которая иногда дополняется и уточняется пояснениями относительно специфики звукового облика и семантики анализируемого слова в тувинском языке.

Однако в предшествующих изданиях, в частности в ЭСТЯ, немало этимологий, носящих спорный характер и требующих, как мы полагаем, иного решения (например, применительно к тувинскому языку) или не доведенных до логического завершения.

В подобных случаях этимологический раздел дополняется обоснованием нашей точки зрения, а также другими элементами (в том числе изложением более предпочтительной этимологической версии), и, таким образом, этимологизация имеет более или менее детализированную форму.

Следует также отметить, что для ЭСТЯ характерны существенные ограничения в отношении словника. В него включена в основном общетюркская и межтюркская лексика, под первой из которых понимаются слова, представленные во всех ареальных (классификационных) группах тюркских языков, а под второй — слова, представленные более чем в одной такой группе (ЭСТЯ I, *25*).

Таким образом, в словник ЭСТЯ не включена лексика, специфичная для какой-либо одной классификационной группы (кыпчакской, огузской и др.) и представляемая как объект будущих этимологических словарей соответствующих групп или отдельных тюркских языков (ЭСТЯ I, *46*)[14].

Возможно, отчасти по той же причине в словнике ЭСТЯ оказалась довольно слабо представлена лексика, характерная для языков

[13] *Татаринцев Б.И.* О проблемах составления этимологического словаря тувинского языка // Вопросы тувинской филологии. — Кызыл, 1983. — С. 48.

[14] См. также: *Офросимова-Серова Л.Г.* Источники этимологических словарей региональных групп тюркских языков и практические вопросы подготовки материалов этих словарей // СТ. — 1980. — № 1. — С. 53—58.

определенных регионов, в частности тюркских языков Сибири или, конкретнее, Южной Сибири (тувинского, тофаларского, алтайского, хакасского, шорского), хотя они, согласно некоторым существующим классификациям, относятся к разным группам.

Кроме того, в словник ЭСТЯ не включалась и лексика, представленная в отдельных тюркских языках. Этимология некоторой части подобных слов, не нашедших отражения в ЭСТЯ в качестве заглавных, рассматривается в других его словарных статьях. Но вместе с тем остается неохваченной указанными трудами, а также другими работами по тюркской этимологии, весьма значительная и интересная (в плане происхождения) часть тюркской лексики, которая и должна стать одним из основных объектов рассмотрения этимологических словарей отдельных тюркских языков. Эта часть лексики, не включаемая в общетюркскую и межтюркскую, требует тщательного и кропотливого анализа с учетом всего имеющегося материала, который, к сожалению, не всегда можно обнаружить в имеющихся публикациях.

Этимология многих из относящихся сюда слов не совсем ясна. Часто она отсутствует вообще или ограничивается приведением сравнительных данных. Вместе с тем трактовка части подобных слов как заимствований из соседних нетюркских и немонгольских языков[15] также вызывает серьезные сомнения (особенно если речь идет не о собственных именах, а об апеллятивной лексике).

За основу словника этимологического словаря тувинского языка взят словник ТРС или, вернее, та его часть, которая содержит слова, требующие этимологического объяснения[16]. Поэтому в словник этимологического словаря не включена лексика, происхождение которой не представляет собой ничего неясного.

Во-первых, сюда относится множество слов, морфологическая структура которых достаточно прозрачна и легко объяснима без специальных исследований (в частности, речь идет о результатах действия регулярных словообразовательных моделей), а во-вторых — основная масса поздних русских заимствований, которые по своему орфографическому облику близки или тождественны своим прототипам.

В то же время в словник этимологического словаря нами вводятся дополнительно из других источников по лексике тувинского язы-

[15] Так, в одном из трудов содержится положение, согласно которому в словарном составе тувинского языка отмечено "наличие элементов соседних финно-угорских, самодийских, палеоазиатских и тунгусо-маньчжурских языков" (*Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. — М., 1969. — С. 323). Ср. также: *Дыбо А.В.* Заимствования из уральских языков в анатомической лексике алтайских языков // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. — М., 1989. — Ч. I. — С. 210—215.

[16] Эти слова приводятся в основном с теми же значениями (переводами), которые указаны в вышеприведенном словаре. В части случаев перевод дается в измененном (уточненном) варианте.

ка многие непроизводные (корневые) основы, производные основы с мертвыми корневой и/или аффиксальной морфемами, в том числе пережившие изменения фономорфологического и семантического характера, а также заимствования, отсутствующие в словнике ТРС.

Э.В. Севортян в предисловии к "Этимологическому словарю тюркских языков" указывал, что в его словник, за единичными исключениями, не включаются "арабские, персидские и славянские заимствования, нетюркский характер которых в общем ясен и без особого труда устанавливается путем сличения их с материалом современных арабских, персидских или славянских словарей..."[17]. Исключение в этом плане делается только для монгольских заимствований "как менее известных в научной работе в области тюркских языков" (ЭСТЯ I, *46*).

Для лексики тувинского языка элементы арабского и персидского происхождения малохарактерны, а то немногое, что в ней имеется, заимствовано через монгольское языковое посредничество (см. соответствующие статьи данного словаря). Вместе с тем монгольские заимствования составляют весьма заметную часть тувинской лексики, и включение их в словник этимологического словаря актуально уже по этой причине, а не только по основанию, указанному Э.В. Севортяном. Однако многочисленность тувинских лексических монголизмов, а также распространенность их в различных сферах лексики обусловливают введение определенных ограничений при их отражении в словнике нашего этимологического словаря.

Наиболее полно в нем отражены монгольские заимствования, носящие общеязыковой характер и находящиеся в настоящее время в активном употреблении[18]. Монголизмы, перешедшие в пассивный словарный фонд (архаизмы и историзмы) или имеющие ограниченную (локальную) сферу применения (фольклор и близкие к нему литературные формы, диалекты и говоры), включаются в словник выборочно. В основном представлены наиболее характерные из монголизмов или те, рассмотрение которых в той или иной степени проливает свет на этимологию других, связанных с ними слов (см., в частности, статьи **буруу II** и **бызаа**), а в некоторых случаях и самих монголизмов.

Подобные заимствования с ограниченной сферой употребления, многие из которых отсутствуют в словнике ТРС, привлечены из других источников (публикации по тувинской диалектологии, фольклорно-этнографические материалы).

---

[17] Следует отметить, что невключение в ЭСТЯ (в массе своей) арабских и персидских заимствований вызывает у других ученых неоднозначную реакцию. См., например: *Левитская Л.С., Насилов Д.М.* Включать ли в общетюркский этимологический словарь иранские и арабские заимствования? // Теория и практика этимологических исследований. — М., 1988. — С. 51—54.

[18] Такие заимствования в основном включены в словник указанного "Тувинско-русского словаря".

Из подобных источников[19] в наш словарь привлекались слова, нуждающиеся в этимологическом объяснении и не связанные своим происхождением с монгольскими языками.

Диалектная и архаичная (фольклорно-этнографическая) лексика находит в словаре двоякое применение. Во-первых, такой материал используется как вспомогательный (при наличии диалектных и других вариантов литературных слов, более близких к древнему состоянию по своему облику или семантике) в ходе этимологизации вышеупомянутых слов.

Используя подобные варианты в качестве вспомогательных, мы не выделяем их, как правило, в виде отдельных статей словаря. Но существует и второй способ использования в словаре диалектизмов и архаизмов: представление их в качестве отдельных статей в тех случаях, когда они являются именно особыми словами, а не их вариантами и представляют интерес в историко-лингвистическом плане.

"На периферию" тувинской лексики порой вытесняются слова общетюркского характера, которым в литературном языке соответствуют синонимы с более ограниченным ареалом или, напротив, очень древние и редкие элементы лексики[20]. Те и другие существенны для более объемного представления прошлого состояния лексики тувинского языка и его самого в целом.

Э.В. Севортян, комментируя особенности словника ЭСТЯ, писал, что "составители словаря не выискивали лексические раритеты, но, наоборот, стремились охватить массовые, обыденные основы общетюркского или межтюркского характера" (ЭСТЯ I, *46*). Однако думается, что к словнику этимологического словаря отдельного языка должны предъявляться несколько иные требования: здесь следует не ограничиваться охватом только "массовых, обыденных основ", а привлекать, по возможности, и так называемые "раритеты", т.е. достаточно редкие слова.

В частности, такие слова (или их формы) характерны для тоджинского диалекта тувинского языка, лексика которого в большом объеме включается нами в словник этимологического словаря, чему также способствует наличие монографии, снабженной указателем тоджинских слов и форм (Чадамба 1974).

Помимо ранее отмеченных ограничений в словнике, существуют и другие. Так, нами, как и частью других составителей этимологических словарей (см., например, ЭСТЯ), не включаются имена собст-

---

[19] К сожалению, отбор из них подобной лексики сталкивается с определенными сложностями, поскольку материал разбросан по многочисленным публикациям, а не сконцентрирован в соответствующих словарях (в частности, отсутствует диалектологический словарь тувинского языка).

[20] *Татаринцев Б.И.* О проблемах составления этимологического словаря тувинского языка. — С. 51—52.

венные[21]. Исключение составляют некоторые традиционные этнонимы (*тыва, моол, орус, кыдат* и некоторые другие).

Следует также отметить, что в существующие этимологические словари тюркских языков не включаются, как правило, и разного рода подражательные слова, что вполне обосновано. Это особая категория лексики, в структурном и смысловом отношении отличная от знаменательных и служебных слов и притом довольно слабо изученная с точки зрения ее происхождения.

С одной стороны, говоря о подобных словах, "невозможно отрицать их относительную древность и тем более общетюркское происхождение многих из них" (Щербак 1987), а с другой — среди них немало возможных заимствований (например, монголизмов в части тюркских языков). Вероятно также существование таких подражательных слов, которые возникли самостоятельно, независимо друг от друга в различных языках.

В этимологическом словаре тувинского языка рассматриваются только слова, производные от подражательных (изобразительных) основ.

Этимологический анализ состоит из трех частей (реконструкций): реконструкция древнего звукового облика слова, его первоначальной морфологической структуры и исходного лексического значения. При этом в наиболее развернутом виде реконструкции используются применительно к исконной (незаимствованной) лексике.

Как отмечал Э.В. Севортян, "в этимологических исследованиях по разным языкам центр тяжести анализа нередко переносится в область фонетических изысканий, когда... воссоздается предельно достижимый фонетический облик этимологизируемого слова", причем, "как правило, воссоздание предшествующих фонетических состояний слова оставляет без ответа вопрос о его морфемном составе, о морфологической эволюции слова..." (ЭСТЯ I, *29—30*).

Последний же вопрос вполне обоснованно считается гораздо более важным для этимологического анализа, и Э.В. Севортян в связи с этим подчеркивал, что «основным приемом анализа в "Этимологическом словаре тюркских языков" является раскрытие в этимологизируемой основе определенной словообразовательной модели с последующим анализом ее структурных элементов» (ЭСТЯ I, *25*)[22]. Не слу-

---

[21] Ср., в частности, "Этимологический словарь славянских языков", куда на правах заглавных слов включаются "важнейшие из праславянских топонимов, антропонимов и имен божеств". См.: *Маковский М.М.* Компендиум славянской и индоевропейской этимологии (К 20-летию выхода в свет 1-го выпуска "Этимологического словаря славянских языков") // ВЯ. — 1995. — № 3. — С. 127.

[22] См. также: *Насилов Д.М.* Морфосемантическая этимологизация — ведущий принцип построения "Этимологического словаря тюркских языков" // Теория и практика этимологических исследований. — М., 1985. — С. 50 и след.

чайно также, что его автор предпочитает говорить не о чисто фонетической, а о "фонетико-морфологической реконструкции" (ЭСТЯ I, *30*).

Мы также полагаем, что воссоздание "предельно достижимого фонетического облика" слова, являющегося объектом этимологического анализа, не должно быть его основной целью, не говоря уже о том, что не вполне ясно, какой предел здесь реально достижим и какова должна быть глубина реконструкции в этимологическом словаре отдельного тюркского языка.

Думается, что едва ли реалистично восстановление пратюркского облика рассматриваемых слов, как это иногда предлагается[23]. Затруднительно и использование для подобной цели "готовых" реконструкций, уже произведенных на общетюркском материале. Восстановленные таким образом архетипы (праформы) зачастую разновариантны, и выбрать из них наиболее вероятный оказывается достаточно сложным делом.

Исследователи, работающие с подобными реконструкциями, исходят из весьма различных, порой взаимоисключающих представлений о тюркском праязыковом состоянии на фонетическом уровне.

Сравним, в частности, различные представления о первоначальном характере анлаутных шумных согласных (СИГТЯ Ф, *171—173*), о том, какова природа ряда других начальных согласных, вторичные ли они, протетические или, наоборот, первичные, пратюркские[24], реальны ли "первичные" (пратюркские) долготы, насколько древним является чередование гласных *а ~ ы* в корневых слогах (см., например, ЭСТЯ I, *26—29*) и т.п.

Многие различия в реконструкции пратюркских архетипов (как, впрочем, и в предлагаемых этимологических версиях в целом) связаны с отношением исследователей к тем или иным гипотезам о родстве тюркских языков с языками других семей (в частности, алтайской или, что менее распространено, ностратической). Естественно, что пратюркские реконструкции алтаистов и исследователей, не разделяющих точки зрения о родстве между собой алтайских языков, значительно расходятся[25].

Если говорить о нашем отношении к подобным гипотезам, то мы считаем, что родство алтайских (и тем более ностратических) языков не доказано и исходить из него в этимологических исследованиях неправомерно. Мы также полагаем: алтаистические и подобные им

---

[23] *Гарипов Т.М., Чанышев Я.А.* От общетюркского этимологического состояния к историко-этимологическому словарю отдельного тюркского языка // Теория и практика этимологических исследований. — С. 48.

[24] *Щербак А.М.* Состояние работы и задачи составления этимологических словарей тюркских языков. — С. 7.

[25] Там же.

сближения тюркских слов не проливают свет на происхождение последних, а нередко создают превратное представление о нем (что и отмечается в соответствующих статьях данного словаря).

Подводя итог рассмотрению проблематики, связанной с определением места фонетической реконструкции в этимологических словарях, следует подчеркнуть, что в данном издании мы ограничиваемся только определенным минимумом, необходимым для выработки или поддержки соответствующей этимологической версии и для объяснения тех или иных специфических особенностей, которые фонетический облик слов приобрели в исследуемом (тувинском) языке. Речь идет, в частности, о преобразованиях комплексов с интервокальными согласными в долгие (иногда краткие) гласные, о неясных случаях, связанных с появлением фарингализации (ср., например, статьи **анай, аныяк**) и т.д.

Как и в ЭСТЯ, в этимологическом словаре тувинского языка основное внимание уделяется реконструкции первоначальной морфологической структуры "этимологически затемненных" слов (в первую очередь имеющих исконно тюркское происхождение). При этом мы по возможности стремились выявить полный состав входящих в такие слова компонентов, в том числе и аффиксов[26], а также соответствующие словообразовательные модели.

Применительно к такого рода анализу может быть использовано определение "словообразовательная этимология" (или "ближняя этимология"), а к словарю соответствующей направленности — "словообразовательно-этимологический словарь"[27].

В своем словообразовательно-этимологическом анализе мы во многом опирались на капитальные труды Э.В. Севортяна (имеются в виду в первую очередь ЭСТЯ, а также монографии по аффиксальному словообразованию (см.: АГ, АИ).

Следует заметить, что подобный анализ позволяет сделать вывод о морфологической членимости не только неодносложных основ слов тюркского происхождения (они, бесспорно, членимы), но и подтверждает предположение о том, что нередко и односложные "трехбуквенные" корни-основы могут оказаться производными от корней, представленных в форме открытого слога[28]. Такими чаще оказываются именные основы (см., например, статью **баш** и др.).

---

[26] В этом плане нам также очень близок основной методический принцип "Этимологического словаря славянских языков", определяемый как "целостная этимологизация слова, т.е. этимологизация всех компонентов слова без остатка" (*Маковский М.М.* Указ. соч. — С. 128).

[27] См.: *Маковский М.М.* Указ. соч. — С. 128; *Невская Т.В.* Из истории славянских этимологических словарей: "Этимологический лексикон" Ф. Рейфа // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. — 1995. — Т. 54, № 4. — С. 56—58.

[28] *Насилов Д.М.* Указ. соч. — С. 53.

Семантическая реконструкция, т.е. восстановление древнего, исходного или близкого к нему лексического значения слова, тесно связана с морфологической (словообразовательной). Приемы семантической реконструкции стали разрабатываться в основном лишь в течение последних десятилетий (причем главным образом на материале индоевропейских языков)[29].

В этимологических словарях и в частных этимологиях еще относительно недавнего прошлого наблюдается недостаточное внимание к анализу содержательной стороны слова, что в ряде случаев значительно снижает уровень достоверности предлагаемых этимологических версий.

К сожалению, это характерно и для аналогичных исследований на материале тюркских языков, в частности, и для томов ЭСТЯ, составленных Э.В. Севортяном. Определенная недооценка факторов лексико-семантического характера наблюдается как в конкретных этимологических статьях, так и во вводном разделе данного труда, где, к примеру, много внимания уделяется морфологической реконструкции, тогда как о семантической реконструкции сказано, по выражению самого составителя, всего "несколько слов" (ЭСТЯ I, *44*).

В практике этимологических исследований на тюркском языковом материале наблюдаются как попытки "обойтись" без семантической реконструкции, ограничившись, по сути дела, фонетической, так и не доведенный до логического завершения семантический анализ или некорректность в определении исходного значения (мотивирующего семантического признака)[30].

Мы в своих этимологических исследованиях стремились уделять должное внимание анализу развития семантики (в частности, лексической) и историческим связям значений слов, а ряд конкретных этимологий в значительной степени основывается на семантической реконструкции. Связанные с ней проблемы представляют особые трудности при этимологическом анализе. Опорой для семантико-этимологического изучения считается метод семантических параллелей, когда в качестве доказательства предполагаемого развития значений приводятся случаи их аналогичного развития[31]. Широкое использование семантических параллелей является достоинством этимологического словаря[32].

---

[29] См., в частности: [*Трубачев О.Н.*] Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. — М., 1988. — С. 197 и след.

[30] См. об этом, в частности: *Татаринцев Б.И.* О реконструкции мотивирующего семантического признака в процессе этимологизации (на материале тюркских языков) // Теория и практика этимологических исследований. — М., 1985. — С. 35—42; *Он же.* О специфике семантической реконструкции в условиях отдаленности значений многозначных слов // СТ. — 1988. — № 6. — С. 20—27.

[31] *Лингвистический* энциклопедический словарь. — С. 596.

[32] *Маковский М.М.* Указ. соч. — С. 128.

С этим в принципе следует согласиться. Вместе с тем само понятие "семантическая параллель" не вполне ясно. Возникает вопрос, должен ли поиск подобных параллелей ограничиваться исследуемой языковой семьей или он может быть расширен за счет привлечения материалов других семей языков.

В области лексической семантики и ее развития между различными (в том числе и неродственными) языками существует значительная общность. Поэтому, думается, семантические параллели как одно из обоснований правильности семантической реконструкции на тюркском языковом материале могут быть привлечены и из языков других семей, где их изучение заметно продвинуто. Речь идет в данном случае о материале русского языка.

Поэтому, используя в данной работе семантические параллели, мы привлекали и такой материал (см., например, булан I, II).

Вместе с тем в связи с проблемами семантической реконструкции ощущается необходимость в проведении (и притом в широком масштабе) исследований по тюркской семасиологии и ономасиологии, где они практически почти не ведутся.

3

В заключение вводного раздела рассмотрим некоторые практические вопросы, связанные с формой подачи языкового материала в данном словаре.

Словарные статьи располагаются в порядке современного тувинского алфавита, в основном пословно, но в некоторых случаях — с элементами гнездового расположения родственных слов или их вариантов. Такое расположение продиктовано потребностями этимологического анализа.

В подобных случаях слова, входящие в гнездо (за исключением заглавного, или заголовочного слова), отражаются в отсылочных статьях, адресующих читателя к заглавному слову основной статьи. В отсылочных статьях даются как заголовочные и немногочисленные слова, этимология которых дается в основных статьях, но не выносится в них в качестве заглавных. Кроме отсылочных статей, в словаре есть внутренние отсылки в одних основных словарных статьях на заглавные слова других, где имеется материал, существенный для обоснования той или иной этимологической версии.

Омонимы (принадлежащие, в частности, к одной и той же части речи) отмечаются римскими цифрами (I, II, III...). Омонимичные основы, относящиеся к разным частям речи (именам и глаголам, в частности), таких помет не имеют. Глагольные даются в форме основы (совпадающей с формой повелительного наклонения 2-го л. ед. ч.)

с черточкой в конце слова (-) и тем отличаются от именных омонимов: ср., например, **ак-** 'течь' и **ак** 'белый'. В подобных случаях по алфавитному расположению глагольные основы предшествуют именным.

Выборочно для заглавных слов используются элементы транскрипции, которые даются в квадратных скобках после соответствующих слов (так отмечаются, в частности, фарингализованные, в некоторых случаях — долгие назализованные гласные, носовой *й* (*j̃*) и некоторые другие звуковые особенности, не находящие отражения в тувинской орфографии).

Материалы современных тюркско-русских словарей и некоторых других подобных источников (по языкам, где имеется письменность на основе русской графики) приводятся с частичным сохранением их графического облика, но с определенными упрощениями, а именно: с транслитерацией части букв средствами тувинской графики (**ө**, **ү**, **ң**) и без использования диакритических добавлений к буквам **г**, **к**, **ч** и др. (ср. в других языках — **ғ**, **қ**, **ҷ** и др.).

Графический облик слов турецкого языка и его диалектов, приводимых по современным источникам (с использованием графики на основе латиницы), сохраняется полностью.

Традиционная, основанная на кириллице транскрипция, характерная главным образом для дореволюционных и отчасти для послереволюционных изданий (труды В.В. Радлова, Н.Ф. Катанова, Э.К. Пекарского и др.), также сохраняется, но с элементами упрощения, частично совпадающими с указанными выше, а кроме того, касающимися употребления в словах с различным вокализмом то русских, то латинских знаков, обозначающих, в частности, заднеязычные (**к**, **k**) и другие (**л**, **l**) согласные. Во всех подобных случаях нами употребляются буквенные знаки русского языка.

Языковые материалы древнетюркских памятников, а также старописьменного монгольского, арабского, персидского, китайского, тибетского языков, санскрита и других восточных языков даются без сохранения их оригинального написания, а только в той транскрипции и транслитерации (на основе латиницы и кириллицы), которая принята в соответствующих источниках, с элементами унификации. При этом мы в определенной мере ориентировались на буквы алфавита "Древнетюркского словаря" (ДТС, *XV и след.*) для передачи облика слов древнетюркских памятников.

Материал современных монгольских языков с письменностью на русской графической основе дается с полным сохранением принятого написания слов. В транскрипции как на латинской, так и на русской основе (тофаларский, сарыг-югурский и др.) представлен ма-

териал некоторых языков. В подобных случаях в основном сохраняется транскрипция источника соответствующего материала.

Знаки транскрипционного алфавита, используемого в ЭСТЯ, также сохраняются в нашем словаре, другие знаки (предполагаемого древнего состояния, развития (перехода), чередования, варьирования и т.п.) употребляются нами с ориентацией на ЭСТЯ (I, *52—53*).

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРА. ИСТОЧНИКИ

АА — Аксагалдай ашак. Тыва хуулгазын тоолдар. — Кызыл, 1992. — Т. 1.

Абаев — Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. — М.; Л., 1958—1989. — Т. I—IV.

АГ — Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. — М., 1962.

АИ — Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. — М., 1966.

Айдаров — Айдаров Т. Проблемы диалектной лексикологии и лингвистической географии. — Алма-Ата, 1991.

Аманжолов — Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. — Алма-Ата, 1959.

Антонов — Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. — Якутск, 1971.

Арсланов — Арсланов Л.Ш. Язык карагашей-ногайцев Астраханской области. — Набережные Челны, 1992.

Ахметьянов. ОЛДК — Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. — М., 1981.

Ахметьянов. ОЛМК — Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. — М., 1989.

Ахметьянов. Ср. исследование — Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. — М., 1978.

АЭ — Алтайские этимологии. — Л., 1984.

Баскаков 1966 — Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. — М., 1966.

Баскаков 1985 — Баскаков Н.А. Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве". — М., 1985.

Бертагаев. Лексика — Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков. — М., 1974.

Бётлингк — Бётлингк О.Н. О языке якутов. — Новосибирск, 1989.

Бирюкович — Бирюкович Р.М. Лексика чулымско-тюркского языка. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984.

Благова. БН — Благова Г.Ф. "Бабур-наме": Язык, прагматика текста, стиль. — М., 1994.

Боровков 1961 — Боровков А.К. «'Бадā' и 'ал-лугат'». Словарь Тāли 'Ӣмāнӣ Гератского к сочинениям Алишера Навои. — М., 1961.

Боровков 1963 — Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. — М., 1963.

БТ — Баазанайның тоолдары. — Кызыл, 1980.

Будаев — Будаев Ц.Б. Бурятские диалекты: (Опыт диахронического изучения). — Новосибирск, 1992.

ВАЯ — Вопросы алтайского языкознания. — Горно-Алтайск, 1988.

Вербицкий — Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. — Казань, 1884.

Владимирцов. Монгольский сборник — Владимирцов Б.Я. Монгольский сборник рассказов из Pañcatantra // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при АН СССР. — Л., 1925. — Т. V, вып. 2.

Владимирцов. Общественный строй — Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. — Л., 1934.

Владимирцов. Ср. грамматика — Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. — Л., 1929.

Владимирцов. Турецкие элементы — Владимирцов Б.Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Зап. Вост. отд-ния имп. Русского географического общества. — СПб., 1911 (отд. оттиск). — Т. XX, вып. 2—3.

ВТЯ — Вопросы тувинского языкознания. — Кызыл, 1993.

ВЯ — Вопросы языкознания.

ГАЯ — Грамматика алтайского языка / Сост. членами алтайской миссии. — Казань, 1869.

Голст. — Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь: В 3 т. — М.; Л., 1938.

Гребнев — Гребнев Л.В. Тувинский героический эпос. — М., 1960.

ДБХ — Далай-Байбың хаан. — Кызыл, 1994.

Дёрфер — Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. — Wiesbaden, 1963—1975. — Bd. I—IV.

Дмитриев. СТЯ — Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. — М., 1962.

Дмитриева — Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. — Л., 1981.

ДСЯЯ — Диалектический словарь якутского языка. — М., 1976.

ДТС — Древнетюркский словарь. — Л., 1969.

ДХЯ — Диалекты хакасского языка. — Абакан, 1973.

Жамбал-сурен — Жамбал-сурен Н. Тибетские слова в монгольском языке: Дис.... канд. филол. наук. — М., 1961 (рукопись).

Иванов — Иванов С.А. Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. — Новосибирк, 1993.

Иллич-Свитыч 1971 — Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b — ḳ). — М., 1971.

Иллич-Свитыч 1976 — Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (l — ʒ). Указатели. — М., 1976.

Иллич-Свитыч 1984 — Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (p — q). — М., 1984.

ИМЧЯ — Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. — М., 1976.

ИОЭАЯ — Исследования в области этимологии алтайских языков. — Л., 1979.

ИП — Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. — М., 1961.

ИРЛТЯ — Историческое развитие лексики тюркских языков. — М., 1961.

Ишбердин — Ишбердин Э.Ф. Наименования птиц в башкирских говорах // Вопр. башкирского языкознания. — Уфа, 1973.

Кажибеков — Кажибеков Е.З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках: (Явления синкретизма). — Алма-Ата, 1986.

КазРС — Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. — Алма-Ата, 1989.

Кайдаров — Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. — Алма-Ата, 1986.

КалмРС — Калмыцко-русский словарь. — М., 1977.

КЛА — Кенин-Лопсан М. Алгыши тувинских шаманов. — Тыва хамнарның алгыштары. — Кызыл, 1995.

Козин. СС — Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. — М.; Л., 1941.

Кононов. ГЯТРП — Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. — Л., 1980.

Кононов. Родословная туркмен — Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-ль-Гази, хана хивинского. — М.; Л., 1958.

КРС — Киргизско-русский словарь. — М., 1965.

ЛРДИВ — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока // Материалы к дискус. на междунар. конф. — М., 1989. — Ч. 1.

Малов. Лобнор — Малов С.Е. Лобнорский язык / Тексты, переводы, словарь. — Фрунзе, 1956.

Малов. УНС — Малов С.Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. — М., 1961.

Малов. УЯ — Малов С.Е. Уйгурский язык. Хамийское наречие. — М.; Л., 1954.

Малов. ЯЖУ — Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Словарь, грамматика. — Алма-Ата, 1957.

Менгес — Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". — Л., 1979.

МК — Словарь Махмуда Кашгарского (по "Древнетюркскому словарю"); см. ДТС.

МК И — Девону луготит турк. Индекс-лугат. — Ташкент, 1967.
МЛС — Монгольский лингвистический сборник. — М., 1992.
Монгуш 1973 — Монгуш Д.А. Сокращенная форма личных имен в тувинском языке // УЗ ТНИИЯЛИ. — Кызыл, 1973. — Вып. XVI.
Монгуш 1983 — Монгуш Д.А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопр. тувинской филологии. — Кызыл, 1983.
МРС — Монгольско-русский словарь. — М., 1957.
Мурзаев. Словарь — Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. — М., 1984.
Мусаев — Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. — М., 1975.
Опыт — Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. — Казань, 1903.
ОРС — Ойротско-русский словарь. — М., 1947.
ОСЛАЯ — Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. — Л., 1972.
ОСМАЯ — Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. — Л., 1978.
ПДТП — Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности / Тексты и исследования. — М.; Л., 1951.
Пек. — Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. — Б. м., 1959. — Т. I—III.
ПОАЯ — Проблемы общности алтайских языков. — Л., 1971.
Попов — Попов Г.В. Слова "неизвестного происхождения" якутского языка. — Якутск, 1986.
Поппе. Мук. — Поппе Н.Н. Монгольский словарь Муккадимат ал-адаб. — М.; Л., 1938. — Т. XIV, ч. I—II: "Труды Института востоковедения".
Поппе. Сол. — Поппе Н.Н. Материалы по солонскому языку. — Л., 1931.
Потанин — Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — СПб., 1883. — Вып. IV.
Рамстедт — Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. — М., 1957.
Рассадин. МБЗ — Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. — М., 1980.
Рассадин. Морфология — Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. — М., 1978.
Рассадин. Очерки — Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. — М., 1982.
Рассадин. Словарь — Рассадин В.И. Словарь современного тофаларского языка (рукопись).
Рассадин. Фонетика — Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. — Улан-Удэ, 1971.

Рассадин. Этимология — Рассадин В.И. Об этимологии некоторых бурятских диалектных слов // Исследования бурятских и русских говоров. — Улан-Удэ, 1977.

Рахимов — Рахимов Т.Р. Китайские элементы в современном уйгурском языке. — М., 1970.

РСл. — Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. — СПб., 1893—1911. — Т. I—IV.

РФ ТНИИЯЛИ — Рукописный фонд Тувинского НИИ языка, литературы и истории.

Рясянен. Материалы — Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. — М., 1955.

Садвакасов 1970 — Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. — Алма-Ата, 1970. — [Ч. 1]: Очерк фонетики, тексты и словарь.

Садвакасов 1976 — Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. — Алма-Ата, 1976. — [Ч. 2]: Лексика, морфология и языковая интерференция.

Санжеев. Сравнительная грамматика — Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. — М., 1953. — Т. I.

Санжеев. Глагол — Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. — М., 1964.

Сат, Салзынмаа — Сат Ш.Ч., Салзынмаа Е.Б. Амгы тыва литературлуг дыл. — Кызыл, 1980.

Серебренников, Гаджиева — Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 1986.

СИГТЯ М — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. — М., 1988.

СИГТЯ Ф — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. — М., 1984.

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. — Л., 1975. — Т. I; 1977. — Т. II.

СТ — Советская тюркология (Баку).

Старостин — Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М., 1991.

Татаринцев 1976 — Татаринцев Б.И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. — Кызыл, 1976.

Татаринцев 1988 — Татаринцев Б.И. О специфике семантической реконструкции в условиях отдаленности значений многозначных слов // СТ. — 1988. — № 1.

Таубе — Сказки и предания алтайских тувинцев. Собраны Эрикой Таубе. — М., 1994.

Тенишев. С.-югур. — Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. — М., 1976.

Тенишев. УДС — Тенишев Э.Р. Уйгурский диалектный словарь. — М., 1990.

ТНС — Тувинские народные сказки. — Новосибирск, 1994.

Тодаева. Джангар — Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар". — Элиста, 1976.
ТРС — Тувинско-русский словарь. — М., 1968.
ТРФС — Хертек Я.Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. — Кызыл, 1975.
ТС — Тюркологический сборник.
ТСГА — Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1979.
Тугушева — Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. Фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР. — М., 1991.
Тумашева — Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. — [Казань, 1992].
ТуркРС — Туркменско-русский словарь. — М., 1968.
ТурРС 1945 — Турецко-русский словарь / Сост. Д.А. Магазанник. — М., 1945.
ТурРС 1977 — Турецко-русский словарь. — М., 1977.
УЗ ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы и истории.
УРС — Уйгурско-русский словарь.
Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1964—1973. — Т. I—IV.
Федотов — Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. — Чебоксары, 1980—1986. — Ч. I—III.
Хабичев — Хабичев М.А. Именное словообразование в куманских языках. — М., 1989.
Харитонов — Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. — М.; Л., 1954.
ХРС — Хакасско-русский словарь. — М., 1953.
Цэвэл — Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. — Улаанбаатар, 1966.
Чадамба 1974 — Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. — Кызыл, 1974.
ЧР — Черемисов К.М., Румянцев Г.Н. Монгольско-русский словарь (по современной прессе). — Л., 1937.
ЧРС — Чувашско-русский словарь. — М., 1982.
Шанский и др. — Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. — М., 1971.
Шервашидзе 1989 — Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд // ВЯ. — 1989. — № 2.
Щербак 1970 — Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л., 1970.
Щербак 1977 — Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). — Л., 1977.

Щербак 1987 — Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). — Л., 1987.

ЭСТЯ I — Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1974. — Т. I: Общетюркские и межтюркские основы на гласные.

ЭСТЯ II — Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1978. — Т. II: Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б".

ЭСТЯ III — Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1980. — Т. III: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "В", "Г" и "Д".

ЭСТЯ IV — Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1989. — Т. IV: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "Ӂ", "Ж", "Й" / *Отв. ред. Л.С. Левитская.*

ЭСЧЯ — Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1964.

ЯМВМ — Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. — М., 1981.

ЯРС — Якутско-русский словарь. — М., 1972.

Donner — Donner K. Kamassisches Wörterbuch. — Helsinki, 1944.

ED — Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish. — Oxford, 1972.

EW — Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuch der Türksprachen. — Helsinki, 1969.

Grundwort — Doerfer G. Grundwort und Sprachmischung. — Wiesbaden, 1988.

Joki — Joki A. Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischen. — Helsinki, 1952.

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ*

азерб.	— азербайджанский
алт.	— алтайский
анат.	— анатомическое
араб.	— арабский
арх.	— архаичный
ассан.	— ассанский
аф.	— аффикс
балк.	— балкарский
бараб.	— барабинский диалект
башк.	— башкирский

* В список включены сокращения названий языков и диалектов, стилистических помет и некоторых грамматических терминов.

биол. — биологический
бот. — ботанический
букв. — буквально
бур. — бурятский
вежл. — вежливое
вин. п. — винительный падеж
воен. — военный
вопрос. — вопросительный
вост. — восточный
вост.-монг. — восточно-монгольский
вост.-тюрк. — восточно-тюркский
высок. — высокий стиль
гаг. — гагаузский
грам. — грамматический
дат. п. — дательный падеж
дерб. — дербетский диалект ойратского языка
диал. — диалектный
др.-булг. — древнебулгарский
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-уйг. — древнеуйгурский
ед., ед.ч. — единственное число
жен. — женский лексикон (алт.)
зап. — западный
знач. — значение
зоол. — зоология
ист. — историческое
исх. п. — исходный падеж
каз. — казахский
калм. — калмыцкий
кар. — караимский
кач. — качинский диалект
кбалк. — карачаево-балкарский
кирг. — киргизский
кирг.-южн. — южный диалект киргизского языка
кит. — китайский
ккалп. — каракалпакский
книжн. — книжный
койб. — койбальский диалект
кор. — корейский
кр.-тат. — крымско-татарский
коттск. — коттский
кум. — кумыкский
куман. — куманский
куманд. — кумандинский диалект

кыпч. — кыпчакские языки
л. — лицо
-л. — -либо
леб. — лебединский диалект
лит. — литературное
лоб. — лобнорский
маньчж. — маньчжурский
мат. — математический
межд. — междометие
межтюрк. — межтюркский
мест. — местоимение
мест. п. — местный падеж
мн., мн.ч. — множественное число
многокр. — многократный вид
миф. — мифологическое
монг. — монгольский язык
монгол. — монгольские языки
напр. — например
направ. п. — направительный падеж
нар. — наречие
ног. — ногайский
общетув. — общетувинский
общетюрк. — общетюркский
оруд. п. — орудный падеж
осет. — осетинский
п. — падеж
парн. — парные слова
перен. — переносный
перс. — персидский
п.-монг. — старописьменный монгольский
под. — подобные
полигр. — полиграфический
полит. — политический
полов. — половецкий
поэт. — поэтическое
презр. — презрительное
прил. — прилагательное
прост. — просторечное
против. — противительный
проч. — прочее
прям. — прямое
разг. — разговорный
рел. — религиозный
род. п. — родительный падеж

рус. — русский
саг. — сагайский диалект хакасского языка
сал. — саларский
сиб.-тат. — диалекты сибирских татар
сиб.-тюрк. — сибирско-тюркский
скр. — санскрит
служ. — служебное слово
см. — смотри
собир. — собирательный
совр. — современный
согд. — согдийский язык
сол. — солонский
ср. — сравни
ср.-кит. — среднекитайский
ст.-монг. — старомонгольский
ст.-тат. — старотатарский
ст.-уйг. — староуйгурский
суф. — суффикс
сущ. — существительное
с.-югур. — сарыг-югурский
тат. — татарский
театр. — театральный термин
тел. — телеутский диалект
тиб. — тибетский
т.-маньчж. — тунгусо-маньчжурский
т.н. — так называемый
тоб. — тобольский диалект
тодж. — тоджинский диалект
тоф. — тофаларский
тох. — тохарский
туба — тубаларский*
тув. — тувинский
тув.-тоф. — см. тоф.
тув.-тодж. — см. тодж.
тунг. — тунгусский
тунг.-маньчж. — тунгусо-маньчжурские языки
тур. — турецкий
турк. — туркменский
тюрк. — тюркский
угор. — угорский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский

* Данное сокращение заимствовано у Н.А. Баскакова.

указ.	— указательный
уст.	— устаревший
уступ.	— уступительный союз
утв.	— утвердительный
филос.	— философский
финск.	— финский
фолькл.	— фольклорный
хак.	— хакасский
хим.	— химия
чаг.	— чагатайский
чалкан.	— чалканский диалект
чув.	— чувашский
чул.-тюрк.	— чулымско-тюркский
шахм.	— шахматный
шор.	— шорский
шумер.	— шумерский
эвен.	— эвенский
эвенк.	— эвенкийский
южно-сиб.	— южно-сибирский
юр.	— юридический
як.	— якутский

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

> перешло в... (заимствовано в...)
< заимствовано из... (возникло из...)
~ связано с...; вариант
? сомнительно
* реконструированная форма (значение)

ТУВИНСКИЙ АЛФАВИТ

Аа	Бб	Вв	Гг	Дд	Ее	Ёё	Жж
Зз	Ии	Йй	Кк	Лл	Мм	Нн	ң
Оо	Өө	Пп	Рр	Сс	Тт	Уу	Үү
Фф	Хх	Цц	Чч	Шш	Щщ	ъ	Ыы
		ь	Ээ	Юю	Яя		

— А —

а *союз против.* 'а, но'.

По всей вероятности, заимствование из русского языка, где имеется подобный союз, имеющий индоевропейское происхождение (см., напр.: Фасмер I, *55*). Отмечен как русизм и в некоторых других тюркских языках, например в киргизском (КРС, *17*).

аа I [аа ~ а̄а̄] 'молозиво'.

Непосредственные структурно-фонетические соответствия в других тюркских языках не отмечены, однако тув. *аа* не без оснований сближается с общетюркским словом, старейшей формой которого считается *ағуз* и которое чаще всего также означает 'молозиво' (ЭСТЯ I, *406*).

По мнению Э.В. Севортяна, *агуз* восходит к *аңуз* (< *аң-уз*). В качестве обоснования приводятся турецкие диалектизмы *anız*, *aŋız*, *avuz*, *avur*... 'молозиво', а также *ağdırmak* (< *ağ-dır-mak*) 'варить, доводя до густоты'. Из этого сопоставления Севортян вычленяет глагольные и именные корни (основы) **an-* ~ *an* ~ *aŋ-* ~ *aŋ* ~ *ağ-* ~ *ağ*. По его мнению, глагол мог иметь семантику *'быть/становиться густым (о молоке)'.

В структурно-семантическом плане нам представляется более вероятной другая этимологическая версия. Соглашаясь с тем, что перед нами отглагольное образование, мы полагаем, что производящей могла быть глагольная основа, омонимичная приводимой выше *аг-* ~ *аң-* и означающая 'подниматься(ся); переполняться, литься через край; выступать из берегов (о реке); выходить, обнаружиться, появляться' (ЭСТЯ I, *68—69*; см. также **агдыр**), что вполне согласуется с семантикой слов *агуз*, *аа* и т.п.

С мнением, что в *аа* представлен именной корень (типа *аң* ~ *аг*) (ЭСТЯ I, *406*), трудно согласиться, поскольку в фонетическом плане переход *аң* или *аг* в *аа* труднообъясним из-за звуковых особенностей тувинского языка. Думается, что и здесь мы имеем дело с именем, производным от глагола и образованным с помощью аффикса (или аффиксов) *-а* ~ *-ы* (*-у*). Исходная форма тув. *аа* может быть представлена как **аг-а* (< **аң-а*) или **аг-ы* (< **аң-ы*)...

Структурно-фонетически тув. *аа* ближе всего к тур. диал. *ağan* 'молозиво' (< **ağ-an/ağ-ın*) (ЭСТЯ I, *406*), что косвенно свидетельствует о древности слова.

Ср. также **уурак**.

аа II см. **аңаа**.

аагайла- *редко* 'уговаривать, ссылаясь на что-то'.

Глагол образован при помощи продуктивного аф. *-ла-* от именной основы **аагай*, непосредственных соответствий которой не обнаружено, но которая, возможно, связана с глагольной основой типа **ab-* (< **ab-* или **aγ-*) 'испытывать удовольствие, быть развлеченным', а также 'соглашаться, поддаваться уговорам, влиянию' в отдельных тюркских языках (см. о ней: ЭСТЯ I, *66*) и гомогенна с глаголом *аат-* (см. **аат-**). Судя, однако, по глаголу *аагайла-* ('уговаривать'...), его основа *аагай* должна была иметь активное значение (уговор, "уламывание" и т.п.), поэтому ее можно считать производной не непосредственно от указанного глагола, а от его побудительного залога (с семантикой типа 'уговаривать, уламывать'). Исходя из сказанного, первоначальный облик именной основы *аагай* может быть представлен в виде **агыкай* или **абыкай*<**а$^{г}_{б}$-ык-ай*, где *аг-* (*аб-*) — исходная глаг. основа, *-(ы)к-* — аффикс каузатива и *-ай* — имеобразующий формант.

В настоящее время для аф. *-(ы)к-* не характерна семантика каузатива, но она могла быть, как считает, в частности, И.В. Кормушин, его первоначальным значением (см.: ОСМАЯ, *41—43*).

аадам, аадама [ãã] 'горячий, резвый (о лошади)'.

Непосредственных соответствий в других тюркских языках не обнаружено. Допустима связь с алт. *агыт-* 'отпустить на волю; освободить от пут (лошадь)', башк. *агыт-* 'выпускать жеребят на волю', которые, возможно, являются по происхождению формой понудительного залога от *аг-*(< **ащ-*) 'подниматься, переполняться; вставать' (см. **агдыр**). Но структурно это допущение вызывает затруднения: если *аадам* еще объяснимо как **аңыт-ам*, то вариант *аадама* едва ли можно без натяжки возвести к той же основе: для появления образований с *-ма* глагольная основа должна оканчиваться на гласный (< *аада-ма*). Различия же между компонентами *-ма* в *аадама* и *-м* в *аадам* имеют, скорее, морфологическую (структурную), нежели фонетическую природу.

Поэтому другая версия представляется более логичной. Тув. *аадам(а)* могло быть связано в итоге с глаголом *аг-* (<*аң-*) 'накреняться, переворачиваться' (ср. **аңдар-**), от которого, в свою очередь, (через посредствующее именное звено) образовался глагол типа *агына-* ~ *агна-* 'валяться (о животных); кувыркаться, биться, метаться' и т.п. (ЭСТЯ I, *69—70, 75*). Э.В. Севортян представляет структуру этого глагола как *аг-* + *-ын-* + *-а-*, где *-(ын)-* — аффикс отглаголь-

ного имени, а *-а-* — глаголообразующий аффикс. По-видимому, сходную структуру имеет и производящая глагольная основа тув. *аадам* и *аадама*, которая может быть представлена в виде **аңыда-* (< **аң-ыт-а-*), где вместо *-(ы)н* в *аг(ы)на-*, вероятно, использован другой формант — *-(ы)т*. От этой основы могли быть параллельно образованы прилагательные *аадам* и *аадама*.

аадама см. **аадам**.

аадаң *уст.* 'четырехугольный кусок выделанной кожи или материи (для завертывания мелких вещей — чая, табака и т.п.)'.

Видимо, достаточно архаичное слово. Его предполагаемая производящая основа отмечена только в древнетюркских памятниках и отдельных современных периферийных тюркских языках; ср. др.-тюрк. *abï-* 'скрывать, прятать', *abït-* то же (ДТС, *2—3*), с.-югур. *aγït-* 'запирать (о двери)' (Тенишев. С.-югур., *171*).

Можно полагать, что приводимые глаголы, в свою очередь, образованы от именной основы *аг ~ аб*, прослеживающейся в широко распространенном тюркском слове *аглак* (< *аг-ла-к*) ~ *авлак* 'уединенное место; укромный, уединенный' (ср. также др.-тюрк. *aγla-* 'пустовать, быть безлюдным') и сравниваемой с *аг* некоторых других источников в значении 'уединенный, пустой; уединенное укромное место' (ЭСТЯ I, *64*).

Тув. *аадаң* можно рассматривать как производное от глагольной основы *аγït-*, образованное при помощи форманта *-(а)ŋ* и означающее первоначально 'определенное место, куда что-либо прячут (укрывают)'. Вероятным соответствием *аадаң* является шор. *адыңа* 'большой мешок из мягкой кожи с верхней частью из холста' (РСл. I, *489*).

Вместе с тем возможно, что тув. *аадаң* возникло как результат монгольского влияния: ср. п.-монг. *vadang* 'обертка (из ткани); покрывало', монг. *ваадан(г)* 'полотенце, кусок материи (для завертывания чего-л.); узел', которые, в свою очередь, сопоставляются с кит. *бāдāнь* 'обертка, простыня, платок (для узла)', *бэ́йдāнь* и *бо́дāнь* 'простыня' (ССТМЯ I, *129*). Однако при этом допущении остается неясной причина отсутствия в тув. *аадаң* начального согласного *в-*: подобных случаев элизии в тувинском языке не наблюдается. Более вероятным было бы сохранение подобного согласного, хотя и в фонетически преображенном виде.

ааджа *диал.* 'папа, отец'; см. **ача**.

аажок, аайжок [ā̆ā] 'очень, сильно, необычайно, страшно'.

По-видимому, связано с именем *аай* 'лад, порядок', 'направление' и т.п. (см. **аай**); второй компонент представляет собой отрицание *чок* (ср. *хөлчок* 'очень, сильно' при *хөл* 'мера'). При этом допущении *аайжок* — первичная форма, а *аажок* — вторичная, представляющая собой результат выпадения и/или ассимиляции согласных.

Возможно, иную интерпретацию последнего дает алт. *аа јок* 'множество, счету нет' (ГАЯ, *139*), первый компонент которого, вероятно, связан с тув. *аг*, употребляющимся для обозначения многочисленности (см. **аг**).

аажы, аажы-чаң [а̃а] 'нрав, норов, характер', 'манера', 'поведение'. Монголизм. Ср. п.-монг. *ayaši* 'движение тела, осанка'; 'вид, фигура, форма', 'обхождение, обращение', монг. *ааш* 'поведение; характер, нрав', калм. *ааш* [аашъ] *книжн.* 'характер, повадка, норов', бур. *ааша* 'поступок, действие, поведение', монг. *ааш зан* 'поведение, характер'. Возможно, тув. *аажы, аажы-чаң* принадлежит к числу старых монгольских заимствований; судя по назализации гласного, оно могло войти в тувинскую лексику еще в то время, когда в монгольском сохранялся интервокальный согласный *-γ-* (п.-монг. *ayaši*), который на тувинской почве мог быть преобразован в *ң*, что наблюдается и в других случаях (как в монгольских заимствованиях, так и в исконно тюркских словах; ср., напр., **ааржы, аары-**).

См. также **чаң**.

аажыла- [а̃а] 'обращаться с кем (чем)-л., относиться к кому (чему)-л. (каким-л. образом); вести себя, поступать (каким-л. образом); относиться к кому (чему)-л. плохо; плохо себя вести'.

По-видимому, как и производящая основа глагола — существительное *аажы* (см. **аажы**), этот глагол также мог быть заимствован из монголоязычного источника: п.-монг. *ayašila-* 'поступать, сообразуясь с чем-л.; подражать, следуя чему-л., обращаться, обходиться с кем-л.', монг. *аашла-* 'вести себя, проявлять свой нрав, характер'.

аажы-чаң см. **аажы, чаң**.

ааза- [а̃а] 'обещать, сулить'.

Видимо, производное от *аас* 'рот' (см. **аас**), которое означает еще 'речь, слово', а также 'обещание, честное слово'. В других тюркских языках подобного производного не обнаружено.

аазат- [а̃а] 'открывать, раскрывать (рот, пасть)'.

В ТРС (с. 26) дается как форма понудительного залога от *ааза-*, но последнее имеет другую семантику, не соотносимую с *аазат-* (ср. **ааза-**), хотя в принципе мог быть и глагол *ааза-* со значением 'раскрываться (о рте, пасти)'. В тофаларском отмечен глагол *аазат-* с тем же значением, что и тув. *аазат-* (Рассадин. Словарь).

аай [а̃ай] **1.** 'порядок, лад; сущность, существо, суть, смысл, толк; направление, путь движения; характер, ход чего-л.'; **2.** в качестве прилагательного означает общепринятое, обычное или совпадающее с направлением чего-л.: *аай хол* 'правая рука', *аай салгын* 'попутный ветер' и т.д.

Имеются бесспорные соответствия в соседних тюркских языках, в числе которых тоф. *аай* 'толк, порядок'; 'состояние'; 'попутный' (*аай салгын* 'попутный ветер'). В.В. Радлов дает алтайское с кратким гласным (*ai*) и с семантикой 'верное понятие, понимание, правило, изъяснение', но указывает, что у В. Вербицкого это слово отмечено с долгим гласным (*āi*) (РСл. I, *3*). В качестве соответствия к тув., тоф. и алт. *аай* рассматривается также як. *аанья* 'соразмерность, толк, суть' (Рассадин ТС 1977, *229*). Последнее Э.К. Пекарским дается в нескольких вариантах со значениями 'ладный, годный, путный, правильный, соразмерный; соразмерность, лад, согласие, гармония' (Пек. I, *108*), а в современном словаре — в виде *ааннья* и в значениях 'хорошо; порядочный, путный' (ЯРС, *24*).

Практически этимология этих слов еще не анализировалась. Правда, тув. *аай* под вопросом включено М. Рясяненом в группу слов, куда входят каз. *aja* 'лучший', лоб. *aja* 'средство, возможность', хак. *aj* 'очень', як. *ajïnn'a* (ср. выше *ааннья*), и все они возводятся к монг. *aja* 'соответствие, благоприятные обстоятельства' (EW, *10*), что едва ли применимо ко всем этим словам, и в частности к тув. *аай*. Э.В. Севортян, исследуя широко распространенный в тюркских языках глагол *айа-*, древнейшим значением которого он считает 'уважать, оказывать уважение; почитать', ставит его в связь с алт. *ai* (в "радловском" варианте), каз. *aja* 'лучший' и некоторыми другими словами, присоединяя к этим сопоставлениям указанное монг. *aja* (ЭСТЯ I, *102*). Небезынтересно также общетюркское прилагательное *айык* 'трезвый, бодрый, смышленный'..., которое Радлов связывал с *ai* 'ум'(РСл. I, *34, 218*), а Севортян возводил к глагольной основе *а:й-*, восстанавливаемой им, в частности, на основе турк. *а:йыл-* 'приходить в сознание' и тур. диал. *ау-* 'прийти в себя, очнуться', в дальнейшем допуская сосуществование основ с долгим и кратким *а*, а их более старой формой считая **ан̃* (с учетом др.-тюрк. *ajĩγ* 'трезвый' (?) и тат. диал. *ан'-* 'приходить в сознание'...) (ЭСТЯ I, *113—114*).

Возможно, к этому же кругу слов можно отнести и як. *ааннья* с его "первичной" долготой и некоторыми другими особенностями структурно-фонетического характера. Сюда же можно отнести южносиб.-тюрк. *аай*, но с учетом того, что для алтайского, тувинского и тофаларского языков характерны долготы, носящие явно вторичный характер.

Также допустимо сопоставление *аай* ~ *ãай* с именем *аң* 'сознание, разум, рассудок; смысл'... и соотносительным с ним глаголом *аң-* 'понимать, сознавать' (ЭСТЯ I, *153—154*). Ср. также **оң** II. *Аай* возводится, таким образом, к **аңай* или **аңый*, которое может быть истолковано как производное на -(α)*й* либо непосредственно от

глагольной основы *аң-*, либо от глагола типа др.-тюрк. *аңа-* 'понимать, разуметь' (< *аң*). Скорее всего, первоначально это было качественное прилагательное с семантикой 'разумный, ладный, правильный' или подобной ей.

аайжок см. **ажок**.

аак- [ãã] *разг.* 'жаловаться, капризничать (о больном ребенке)'.

Глагол, связанный с основой звукоподражательного характера, типа **аг* (возможно, и **аң*) и подобными (подробнее о них см. ЭСТЯ I, *79—80*) и, вероятно, гомогенный с турк. *агы* [а:гы] 'плач, стенание, рыдание'. Вероятно, *аак-* (<**аңак-*) образован от подобной основы при помощи аф. -(α)к. См. также **аак I**.

аак I [ãã] 'капризы, постоянный плач (чаще о больном ребенке)'.

Ср. др.-тюрк. *аvаγ* 'кокетство, каприз' (?) (ДТС, *69*), як. *ыңаа* 'капризный'. Тув. *аак* соотносительно с глаголом *аак-* (см. **аак-**) и тоже связано со звукоподражанием (через глагольную основу) или с соотносительным с ним глаголом типа **йаң- *аң-* (?) (ЭСТЯ I, *79*).

аак II [ãã] 'последствие'.

Неясное по происхождению слово. Непосредственных соответствий в других тюркских языках не обнаружено. Может быть, *аак*, как и *аай* (см. **аай**), следует связать с глагольной основой *аң-* 'понимать', особенно с учетом того, что этот глагол имеет значения 'гадать, ожидать' (ЭСТЯ I, *153*), а также 'предчувствовать, заранее ощущать'. *Аак* же — 'последствие того, что ожидают, того, что предчувствуют и т.д.' Поэтому первоначальный облик и структура *аак* могут быть предположительно восстановлены в виде $аң^{а}_{ы}к < *аң\text{-}\,^{а}_{ы}к$.

аак III [ãã] 'упрек, укор'.

Ср. в "тобольском наречии" глагол *аңды-* 'порицать, упрекать' (РСл. I, *195*), который дается Радловым (в разных языках) с семантикой 'охотиться', 'вертеться', 'поджидать', хотя явно не все эти значения связаны друг с другом. Структурно *аңды-* не совсем ясно. Э.В. Севортян относительно этого глагола (в значениях 'поджидать', 'охотиться') высказал мнение, что компонент *-ды-* является вариантом глаголообразующего аф. *-да-* при основе *аң* (ЭСТЯ I, *157—158*). По аналогии можно предполагать подобную же структуру и в *аңды-* 'упрекать', выделив именную основу **аң* 'упрек' (?). *Аак* (<$*аң^{а}_{ы}к$) могло быть производным от глагола $аң^{а}_{ы}$-, образованного от этой основы.

аак IV [ãã] 'крепость (на вкус)'.

Слово монгольского происхождения: п.-монг. *аγаγ*, монг. *ааг* 'крепость (напр., чая, какого-л. настоя и т.п.); острота, горечь', калм. *ааг* 'настой (чая, лекарства)', бур. *ааггай* 'крепкий; острый, пряный, кислый'.

аак-баак [а̄а̄к б а̄а̄к], **аак-маак** [а̄а̄к м а̄а̄к]: **аак-маак** (~ **баак**) **четпе-** 'очень быстро, в мгновение ока'.

Первый компонент сочетания *аак-маак*, вероятно, связан с кр.-тат. *бир аң*, приравниваемым к выражению *бир көз умгунча* и переводимым как 'мгновение' (РСл. I, *183*). Ср. также лоб. *аңгача* 'вдруг, в мгновение', первый слог которого был идентифицирован с *аң* в значении 'внимание, понимание' (Малов 1956, *85*), что едва ли правильно. Возможно, эта основа имеет образное происхождение и характеризует быстроту движения. Правда, тур. *an* (< *aŋ*?) 'момент, мгновение' интерпретируется как арабизм (ТурРС 1977, *53*). Тув. *аак* может восходить к **аңык* < **аң* (вероятно, через промежуточный глагол). Второй компонент, по-видимому, имеет сходную структуру и семантику и может иметь связь с основой типа *маң* 'быстрый бег' (см. **маң**) или с соотносительным с ним глаголом *маң-* 'бежать' (см.: РСл. IV, *2006*). Последний компонент словосочетания — глагол *чет-* 'достигать, догонять' в форме отрицания.

аак-маак см. **аак-баак**.

аал I 'аал, селение из нескольких юрт; дом'.

Общетюркское слово, существующее в вариантах *агыл*, *авул* и др. *Аал*, кроме тувинского, отмечено также в шорском и хакасском языках. По мнению Э.В. Севортяна, этот вариант восходит к *ағал*, который встречается, в частности, в сарыг-югурском (ЭСТЯ I, *83*). Предполагаем, что исходной формой для *аал*, вероятнее всего, явилось *агыл*, имеющее более широкое распространение и характерное как для современных языков, так и для памятников письменности.

В ЭСТЯ Э.В. Севортян дает две разные статьи и фактически две различные версии происхождения слова: 1-я статья *авул* 'аул, юрты, кочевье; стан, лагерь; племя' (с. 65—66) и 2-я — *а:ғыл* 'загон для скота; забор, двор; селение, дом' и т.п. (с. 83—85) (в этой статье рассматривается и тув. *аал*). В первом случае этимология дается исходя из глагола *ав-* ~ *а:в-* 'собираться', причем указывается, что "более старой формой корня *а:в* (*а:в-* ? — *Б.Т.*) должна быть *а:ғ-* и, следовательно, более старой формой слова должна быть турк. *а:гыл*".

Однако турк. *а:гыл* рассматривается уже во второй статье, где автор дает этимологию, исходя из первичности значений 'ограда', 'забор', что в принципе также допустимо, но, к сожалению, остается неясным, как можно согласовать эти две версии.

Думается, что первичной здесь логичнее считать семантику, связанную с помещениями, хозяйственными постройками, ограждениями и т.п., а появление значений, характеризующих общности людей или других живых существ, могло быть уже вторичным, явиться результатом распространенного метонимического переноса

типа 'помещение' → 'занимающая его общность'. Поэтому не случайно, что в старых памятниках наиболее распространенным значением слова *агыл* является 'загон для скота' и что отмечено также односложное наименование (в частности, тур. *ağ*) со значениями 'место, окруженное... забором; загон' (ЭСТЯ I, *83, 84*).

По мнению А. Рона-Таша (ВЯ 2, 1974, *43*), тюрк. *aγïl* связано с гнездом слов *aγ-* 'поднимать', *aγïm*, *aγïš* 'высота' и первоначально означало 'забор, огораживающий животных; каменное укрытие, воздвигаемое для защиты от ветра'... См. также **агдыр**.

аал II *разг.* (*при обращении*) 'парень, мальчик'; 'друг, дружище, товарищ'.

Ср. шор. *агал ~ агол* 'друг, приятель, брат' (Вербицкий, *3*). Вероятно, можно сблизить *аал* II с *аал* I, т.е. первоначально это мог быть житель того же аала (селения), что и говоряций (результат метонимического переноса). Таковы, например, як. *ыал* и чув. *йал*, соответствующие тув. *аал* I и обозначающие как селение (жилье), так и понятия 'житель, односельчанин, сосед' (ЭСТЯ I, *83*). Появление значения 'парень, мальчик', видимо, могло быть результатом сближения со словом *оол* 'мальчик', и не случайно, что в ТРС (с. 28) *аал* II и *оол* сопоставлены.

Не исключено, однако, что *аал* 'селение' и *аал* 'друг', 'товарищ' могут иметь разное происхождение. В указанном словаре Вербицкого соответствующие понятия выражаются сходно, но все же поразному: ср. *агал ~ агол* 'друг, приятель' и *ал ~ аал* 'юрта; деревня, селение' (с. 3, 16).

аалак-бол *тодж.* 'много'.

Второй компонент этого сочетания явно идентичен общетюрк. *бол ~ мол...* '(из)обильный', 'многочисленный', 'полный', '(вполне) достаточный' (ЭСТЯ II, *184—185*). Можно полагать, что *аалак* по семантике был идентичен или близок *бол*, однако обнаруженные нами вероятные единичные соответствия компонента *аалак* характеризуются как раз противоположным значением; ср. тоф. *аалагаш ~ аалыгаш* 'немного, мало' (Рассадин. Словарь), чул.-тюрк. *аглак* 'мало' (Бирюкович, *26*). каз. *азын-аулак* 'немного, незначительно', где у второго компонента восстанавливается исходная основа **ауа* 'мало' (Кайдаров, *189*), а первый связан с общетюрк. *аз ~ ас* 'мало' (см. **ас II**). Отмечено также парное сочетание типа чаг. *аз аглак* 'немножко, незначительно' и подобные (Благова. БН, *315*). Может быть, такая семантика связана с проявлением энантиосемии (внутрисловной антонимии)? Если принять за исходное значение множества, многочисленности, то, вероятно, *аалак* можно связать с глагольной основой **аб- ~ *аг-*... 'собирать' или с его именным соответствием (см. **аал I**, **аг**). Исходная форма этого компонента может быть представлена как **ан(ы)лак ~ *аг(ы)лак*.

аамай [ãã] 'бестолковый, непонятливый; рассеянный, невнимательный'.

Тоф. *аамай-[тэлең]* 'глуповатый, придурковатый' (Рассадин. Словарь), алт. *аамай* 'ротозей'; 'бестолковый', хак. *аңмай-* перен. 'разевать рот, ротозейничать'; 'быть рассеянным, растерянным'; *аңмах* 'ротозей; невнимательный, рассеянный', як. *аамайдаа-* 'приводить в беспорядок'. Ср. также бур. *аамай-* 'приоткрывать, разевать (рот, пасть, клюв); быть ротозеем', *аама(г)-аама(г)* 'усиленно открывая и закрывая беззубый рот'. (См. также: Рассадин. Фонетика, *157*.)

В ЭСТЯ из приводимых слов включены только хак. *аңмай-* и *аңмах* (I, *155*), которые, наряду с другими, отнесены к числу производных от глагола *аң-* (*а:ң-*) 'опешить, приходить в замешательство'. Последний, в свою очередь, примыкает к мимеографическим лексемам, выражающим облик, вид, позу, положение, состояние живых существ, главным образом человека — в данном случае опешившего, изумленного (см. **аңгада-**).

Однако в тоф. *аамай* отсутствует назализация начального долгого гласного, что, скорее всего, указывает на отсутствие интервокального *ң* у их прототипа. Кроме того, указанный согласный обычно сохраняется в соответствующей позиции в якутском языке, чего нет в данном случае: ср. як. *аамайдаа-* (В.И. Рассадин приводит и якутскую именную основу *аамай* 'путаница, бессвязность').

Возможно, хотя бы в части случаев долгота восходит к комплексу типа *ага* или *агы*. Э.В. Севортян указывал на наличие у глагола *аң-* (*а:ң-*) именного коррелята с вариантами **аң ~ *аг* 'изумленный, растерянный' (ЭСТЯ I, *756*). Допустимо, что *аамай* первоначально представлял образование на *-май* от глагольной основы **аг-а-* или **аг-ы-* 'теряться' и т.п. Ср. в структурном плане тув. **аазатпай** 'разиня, ротозей' при *аазат-* 'открывать рот'; см. **аазат-**.

аан I 'позже, попозже; позднее (к вечеру); потом'.

Ближайшее соответствие — тоф. *аан* 'немного погодя (примерно час)', считающееся этимологически невыясненным (Рассадин. Морфология, *246*).

Авторы "Грамматики тувинского языка" высказывают обоснованное мнение о том, что это наречие в прошлом представляло собой форму исх. п. указ. мест. с основой *ан*: **ан-дан > аан* (ИП, *419*). Ср. также алт. *анаң-оноң* 'после, потом'.

аан II *утв. частица* '-то'.

Тоф. *аан* — усилительно-подтвердительная частица ('ведь', 'же') (Рассадин. Морфология, *270*). Ср. также каз. **ауа** — восклицание согласия ('да!'). Возможна также связь с якутской усилительной частицей *агай* 'довольно, изрядно; несколько' (усиливает значение предшествующего слова) (ЯРС, *30*). У тув. и тоф. *аан* можно предполагать начальную форму **аган ~ *аңан*.

аанайтан, аанакайын 'к тому же, некстати; опять-таки'.

Происхождение неясно. Ср. монг. *аанай* 'опять, снова; все тот же', даваемое с пометой "презр(ительно)" (МРС, *16*), бур. диал. *аанай* 'опять, снова', калм. *аана* то же; монг. *аанайхан* 'неважный, плохой'. Однако здесь неясны структурные и, отчасти, смысловые различия между тув. *аанайтан*, *аанакайын* и монгольскими словами. Ср. также др.-тюрк. *аŋаju* 'еще, сверх того, кроме того' (ДТС, *46*). С монг., бур. *аанай* сопоставляется также як. *аанай* 'горе, прискорбие, огорчение, досада'; межд. 'увы!' (Попов, *92*).

аанакайын см. **аанайтан**.

аап-саап 'разные, мелкие, несущественные'.

Ср. тур. *abuk sabuk* 'бессвязный, пустой, вздорный; мешанина, вздор, галиматья, чушь', кирг. *апырык-сапырык* 'мелкие обрезки кожи; мусор, хлам'. Тув. *аап-саап* принадлежит к числу парных образных слов, характерных для тюркских и монгольских языков и служащих для выражения отрицательного, пренебрежительного отношения к каким-либо реалиям (см.: ЭСТЯ I, *645*); ср. также **аар-саар, үвек-савак, үвүр-савыр, үп-сап**. Долгота в *аап-саап*, вероятно, эмфатического характера.

аар I [ā̆a] 'тяжелый; дорогой (о цене)'.

Общетюркское слово, отмеченное в вариантах *агыр* (*а:гыр*), *авыр* и др. ('тяжелый, грузный' и т.д.). Вариант со вторичным долгим *а*, кроме тувинского, отмечен еще в хакасском, а также гагаузском и диалектах турецкого языка (ЭСТЯ I, *85*). Ср. также тоф. **аар** 'тяжелый'.

Слово считается отглагольным именем на *-р* от *а:ң-* 'сваливаться в сторону; свешиваться, перевешиваться' (см. **аңдар-**) (ЭСТЯ I, *86*), что в принципе не вызывает возражений, однако явно гомогенные с *агыр...* слова, судя по ЭСТЯ, интервокального *ң* не содержат: в них есть только *-ғ-* и восходящие к нему согласные. Поэтому можно полагать, что *агыр...* восходит к варианту указанного глагола в форме *аг-* (*а:г-*). Назализованный долгий в тувинском и тофаларском может отражать не только первичный *ң*, но и *ң* < *ғ* (ср., напр., **аары-, аас**).

аар II 'тот, противоположный; находящийся по ту сторону, дальний (о горном склоне); северный (несолнечный) (о горном склоне)'.

Э.В. Севортян включил тув. *аар* только со значением 'находящийся на той стороне' в ряд слов типа *аңры*, *аңары*, *аңгыр(кы)*, *ары* и т.п. со значениями 'по ту сторону; та (противоположная) сторона, другая сторона'. Все эти формы возводятся им к указ. мест. **ан+-кару* (аффикс направительности) > **ангару* > **аңару* > **аңары* > **а:ры* > *ары*. При этом тув. (а также хак.) *аар* возводятся к предпоследней стадии развития формы слова (**а:ры*) "с апокопой *-ы*, по-видимому, редуцированного" (ЭСТЯ I, *157*).

Однако наличие подобной первоначальной структуры у всех приводимых Э.В. Севортяном форм вызывает сомнения (см., в частности, **анаар**). Это относится и к наиболее распространенной из них — *ары*, характерной в основном для кыпчакских и некоторых других языков. Ее и подобные ей формы А.М. Щербак возводит к определительному сочетанию **ан йери* 'то место, та сторона' (с аффиксом принадлежности 3-го л.) (Щербак 1987, *30—31, 79*), что представляется достаточно вероятным (ср. также **бээр**).

Вместе с тем существует версия, согласно которой, напр., каз. *ары* 'дальше' этимологически прослеживается только до основы *ар* 'та сторона, на той стороне...', реализуемой в сочетании *ар жакта* 'на той стороне, по ту сторону (чего-то)' (Кайдаров, *187*), хотя *ар* в подобной позиции вполне могло быть вариантом *ары* с редукцией конечного узкого гласного.

Тув. и хак. *аар*, видимо, также претерпели подобное изменение гласного в ауслауте (на что указывал и Э.В. Севортян), но они восходят, скорее, не к **а:ры*, как полагал он, а к *ары*, и долгота здесь носит компенсирующий характер.

Тув. *аар* 'северный (несолнечный)', очевидно, имеет иное происхождение, нежели *аар* в значении 'тот, противоположный...'. *Аар* в первом значении сопоставимо с *ар* ~ *ары* 'северный склон (горы)' (см. **ары II**). Вторичным вариантом слова *ары*, вероятно, является *аар* 'северный (несолнечный, теневой)'. Происхождение долготы здесь также может иметь объяснение, аналогичное высказанному выше. Возможно, что долгота в этом случае возникла в результате сближения (контаминации) с *аар* 'тот, противоположный'...

аарак *частица* 'чуть-чуть' (употребляется после деепричастия на *-а*).

Хак. *арах*, шор. *а:рак* то же. В шорском, кроме частицы *а:рак*, существуют ее аффиксальные варианты *-арык* ~ *-арак* с семантикой неполноты признака; в ряде тюркских языков тоже отмечен подобный аффикс: алт. *-арык*, в большинстве других языков — *-рак*. Частица (в тувинском, хакасском, шорском) является, по мнению исследователей, более древней разновидностью этого форманта (СИГТЯ М, *154*), однако происхождение последней не выяснено. Как полагает Л.С. Левитская, тув. *аарак* возникло из *арай* 'чуть-чуть, немножко' + аф. *-рак* (ИМЧЯ, *148*), что, однако, не выглядит достаточно убедительным, особенно с учетом того, что *арай* — заимствование (см. **арай**).

Можно предполагать, что *аарак* ~ *арах* гомогенно с *ара* (см. **ара**) и является производным от *ар-* 'отделять(ся), разделять(ся)' (поскольку означает нечто неполное, промежуточное).

Долгота в тув. и шор. *аарак* , по-видимому, эмфатическая. Ее возникновение объяснимо у частиц. Во всяком случае, судя по облику начального компонента (гласного) в аффиксальных соответст-

виях частицы, этот гласный не восходит к комплексу "гласный + согласный + гласный" (ГСГ). Вероятно, такого же происхождения долгота в киргизском варианте этого аф. — *ыраак*, *-раак* (см.: Рассадин. Морфология, *91*).

аар-саар 'мелкий, текущий; повседневный, очередной, обычный; разный'. Скорее всего, монгольское заимствование. См. монг. *аар саар* 'мелкий, мелочный; пустяковый, пустячный', бур. *аар-саар*, калм. *ар сар* 'кое-какой, разный'.

ааржы [ãã] 'ааржи (*процеженная гуща хойтпака — квашеного молока*)'. Тоф. *а̃арша* 'мерзлое кислое молоко' (Рассадин. Фонетика, *158*), алт. *аарчы* 'творог; творожистый осадок, остающийся после перегонки молочной водки', хак. *аарчы* 'творожистый осадок от айрана (остающийся после перегонки молочной водки)'. В алтайском языке В.В. Радлов отмечал и более древний (с интервокальным согласным) вариант слова — *агырчы* 'творог, казеин, оставшийся после перегонки водки из молока', который, по его мнению, восходит к сочетанию *ак* 'белый' + *ірчі*, причем корень последнего связывается с *ири-* 'гнить, киснуть' (ср. *сут ірігäн* 'молоко скисло') (РСл. I, *162*). К более древней форме слова восходит также и ног. *авырша* 'подсоленное кислое молоко (заготовленное на зиму)', где *в* < *ғ*.

Хотя предлагаемая Радловым этимология содержит рациональное зерно в логико-семантическом плане, в целом она близка к "народной этимологии" и едва ли может быть принята.

В принципе мы имеем дело с явным монголизмом как в сибирских тюркских языках (см.: Рассадин. МБЗ, *21*, *60*), так, по-видимому, и в ногайском: ср. п.-монг. *aγarča aγarči*, монг. *аарц* 'род творога из кислого молока', калм. (диал.) *аарц* 'творог (из только что заквашенного молока)', бур. *аарса(н)* 'арса (род творога, получаемого посредством кипячения кислого молока)' и т.д. (см.: ЯМВМ, *105*).

Однако, в свою очередь, в монгольских языках приводимые названия кисломолочных продуктов имеют, по всей вероятности, тюркское происхождение. Ср. тур. *ağırtı* 'свернувшееся молоко', а также ног. *агув* 'очень соленая, пересоленная пища; яд, отрава', кум. *агув* 'кислятина'. Сюда же, вслед за М. Рясяненом, правомерно отнести др.-тюрк. *aγartγu* 'вид пшеничного пива', тел., шор. *абыртκы* 'брага из ячменя', хак. *абыртхы* 'хлебный напиток; квас из толокна' (EW, *8*). Возможно, исходной формой п.-монг. *aγarča* ~ *aγarči* явилась **aγ$\overset{a}{\underset{i}{=}}$rtī* (ср. тур. *ağırtı*), что затем дало на монгольской почве **aγarti* с типичным переходом *ti* > *či*. Приводимые же выше тюркские слова могут быть сближены с общетюркским названием яда, отравы *агы* ~ *авы* и т.д. (см. оо).

Тув., тоф. *аӓржы*, вероятно, восходят к монгольскому слову того периода, когда в нем еще сохранялся интервокальный *γ*, перешедший в заимствовании в *-ң-* и затем выпавший.

аартык [ӓӓ] 'обуза, помеха'.

Родственно *аар* 'тяжелый' (см. **аар I**) и могло быть образовано непосредственно от него при помощи аф. *-дык ~ -тык*, хотя он служит в основном для образования имен от глагольных основ (АИ, *353—355*). То же могло быть и в данном случае, тем более что Э.В. Севортян отмечал наличие соотносительной с *агыр* (> *аар*) глагольной основы *агыр-*(< **а:ныр-*) 'быть тяжелым'; ср. также тур. диал. *ağrıntı* (< *ağır-ıntı*) *olmak* 'быть обузой' (ЭСТЯ I, *86*).

аары- [ӓӓ] 'болеть'.

Общетюркское слово. В тюркских языках отмечаются две разновидности соответствий тув. *аары-*: 1) *агыр-* в ряде современных языков, в частности кыпчакских и 2) *агры-/агыры-* — в письменных памятниках, уйгурском, отчасти в сибирских тюркских языках (ЭСТЯ I, *86—87*). Глаголы первой разновидности считаются Э.В. Севортяном производными от именного члена глагольно-именных омонимов **а:г* 'боль' ~ **а:г-* 'болеть'. Кстати, глагольная основа *аг-* 'болеть' отмечена в чул.-тюрк. (Бирюкович, *13*). В свою очередь, возможна связь **а:г ~ *а:г-* и с основами, обозначающими капризы, плач больного ребенка (см. **аак-**, **аак I**).

Производным от этой основы считается глагольное имя **а:гыр ~ *агар...*, которое и прослеживается в образованном от нее глаголе *агры-*. Оно же — в тув. глаголе *аарзын-* 'чувствовать боль', 'болеть' (ЭСТЯ I, *86—87*). В тув. *аары-* (а также в тоф. *аӓры-*) согласный *-г-*, видимо, находился в интервокале, и в этом положении он заменился заднеязычным *-ң-*, что и отразилось в назализации вторичного долгого.

аары-аржы- [ӓӓ] 'болеть'.

Первый компонент этого парного слова имеет довольно ясную этимологию (см. **аары-**); в то время как второй, не употребляющийся ныне в качестве самостоятельного слова, не вполне понятен. Возможно, он связан с глаголом *ар-* 'худеть' (см. **ар-**), соответствия которого означают также 'уставать, ослабевать', иногда 'быть больным' (ЭСТЯ I, *160*).

Этот глагол существует в односложной и двусложной форме (*ары-*), что может быть свидетельством существования в прошлом именной основы **ар* 'боль(ной)', от которой при помощи аф. *-шы-* (*-чы-*) и мог образоваться глагол *аржы-*.

аас [ӓӓ] 'рот, пасть; устье (реки); отверстие, дуло; вход; **аксы** [аъ] рот его'... (притяжательная форма 3-го л. ед.ч.).

Общетюркское слово; известно в вариантах *агыз* (считается древнейшим), *авыз*, *а:з* (таг.), *аас* (тув., хак., шор.) 'рот; отверстие;

вход' и др. (ЭСТЯ I, *81—82*). Э.В. Севортян выделяет в *агыз* корень **аг*, который он сопоставляет с кирг., ккалп. *аң* 'яма', с монг. *анд* 'щель', 'трещина', *андγа-* 'зиять' и другими соответствиями в алтайских языках, что в принципе не вызывает возражений. Но структурно *агыз* выглядит при этом не совсем ясным: фактически аффиксальной части *-(ы)з* приписывается значение двойственности, что, по В. Бангу, относится и к названиям других "парных" органов тела на *-(з)*. Это не представляется нам убедительным. Скорее, речь должна идти о глагольной основе и о форманте, образующем отглагольные имена. См. также **көскү** [-**хөрек**], **мээс**. Такой основой может быть **аң-* (а также, вероятно, и **аг-*) 'быть широко открытым, образовывать щель', которая также реконструирована в работе Э.В. Севортяна (ЭСТЯ I, *756*).

Вызывает интерес тув. *аӓс* и *аъксы* (те же формы отмечены и в тофаларском), судя по которым *аас* непосредственно восходит к *аңыз(с)*, а последнее — к *агыз*, интервокальный согласный в котором отражен в форме *аъксы* в виде *к*. *Аъксы* любопытно и в другом отношении: наличием фарингализации инициального гласного. С учетом того, что фарингализация тувинских гласных в конечном счете является следствием изменения качества следующих за ними шумных сильных согласных, можно предположить, что в этом случае таким гласным мог быть конечный *-з* или, скорее, *-с*, а не сонант *-р*, перешедший в *к*. Ср. также **боостаа**, **боксу** и **боксу-**.

аас-кежин, аас-кежик [ӓӓ-еъ] 'счастье'.

Полукалька монгольского словосочетания *амны хишиг* (*хэшиг*) 'счастье, благополучие' (буквально 'рта счастье'), где первый компонент — монг. *ам*(*ан*) 'рот' в форме род. п., а *хишиг* (*хэшиг*) означает 'милостыня, благополучие'. По интерпретации Й. Ринчена (Олон улсын монголч эрдэмтний III Их хурал. II боть.—Улаанбаатар, 1977. — С. 149), монгольское выражение характеризует удачу человека, получающего неожиданно для себя обильную еду и питье, средства на безбедное существование и т.п.

Вариант *аас кежии* — по форме изафетная конструкция, но структурно более близок к оригиналу, нежели *аас-кежик*, основанный на примыкании компонентов. См. **аас**, **кежик**.

аас-кежик см. **аас-кежин**.

ааспырак [ӓӓ] 'грубый, несдержанный в разговоре (обычно о детях и молодых людях)'; 'красноречивый'.

В конечном счете *ааспырак* связано с *аас* 'рот', но более прямой, непосредственной является связь с вторичными значениями слова *аас* типа 'слово, речь'; 'брань; ругань, перебранка' (см. **аас**). От *аас* (< *азыз ~ агыс*) было образовано первоначально при помощи аф. *-мыр ~ -мар* прил. **ааспыр* (< **аас-мыр* < **агыз-мыр*) со значением склонности: ср. кирг. *сөзмөр* 'красноречивый' от *сөз* 'слово' (АИ, *197*).

Затем, можно полагать, от **ааспыр* (< **аасмыр*) образован глагол **ааспыра-*, производным от которого и явилось прилагательное *ааспырак*.

аасташ [а̃а̃]: употребляется в словосочетаниях типа *аасташ хөнектер* 'чайники с одинаковыми по размеру отверстиями для наливания воды', *аасташ үңгүр* 'нора с двумя или несколькими выходами'. *Аасташ* образовано от *аас* 'рот', 'отверстие', 'крышка' при помощи довольно редкого и в тувинском языке практически непродуктивного аф. *-таш*, образующего существительные или прилагательные с семантикой общности, одинаковости, "парности" и т.п. (АИ, *164—166*); ср. общетюрк. (в том числе тув.) *атташ* 'тезка' <*ат* 'имя'.

аат- [а̃а̃] 'качать (ребенка)'.

Ср. тоф. *а̃:t-* 'качать ребенка', сопоставляемое с тувинским глаголом и с хак. *абыт-* 'качать люльку', уйг. *авут-* 'утешать, успокаивать, забавлять (ребенка)', тур. *avıt-* 'забавлять, успокаивать' и т.д. (Рассадин. Фонетика, *158*).

Э.В. Севортян также сопоставлял тув. *аат-* с этими и некоторыми другими глаголами, в частности с *авун-* 'развлекаться', 'успокаиваться', где им выявляется глагольная основа **аб-*, а также **аг-* 'испытывать удовольствие', 'быть развлеченным', от которой *авут-*, *агыт-* является формой побудительности. Тув. и тоф. *аат-*, скорее всего, восходят к праформе с интервокальным заднеязычным согласным. Они, по-видимому, гомогенны с глаголом *аагайла-* (см. **аагайла-**).

Мнение же о том, что тоф. *а̃:t-* — из **aβīt-*, а появление назализованности здесь "обусловлено общей тенденцией тофаларского языка назализовывать все звуки, допускающие назализацию без потери своей фонематической значимости" (Рассадин. Фонетика, *25*), представляется недостаточно обоснованным.

аашкын- [а̃а̃], **аашын-** [а̃а̃шшын-] 'обещать, давать честное слово'.

Непосредственных соответствий в других тюркских языках не обнаружено, но возможна связь с глаголом *аагайла-* (см. **аагайла-**). Учитывая распространенность в тувинском метатезы согласных *ш* и *к*, глагол *аашкын-* (> *аашшын-*) можно представить в виде **а$^{г}_{ӈ}$ык-шы-н-*, где первый компонент — производное от глагола *аң-* (*аг-*) 'быть увлеченным', 'поддаваться чьему-л. влиянию'... (не исключена и семантика 'оказывать влияние, убеждать' и т.п.), *-шы-* — глаголообразующий аффикс (см.: АГ, *331—336*).

Таким образом, **аңыкшы-* означало 'стимулировать чью-л. увлеченность, уговаривать, убеждать, клясться'; залоговый же аф. *-н-* означал, что действие совершается для себя. Однако недостаток материала не позволяет считать приводимую выше этимологическую версию единственно возможной.

Некоторыми исследователями тувинского языка высказывается (в устной форме) мнение о том, что *аашкын-* образовалось путем слияния компонентов устойчивого сочетания *аас ышкын-*, истолковываемого по-разному ('сказать лишнее, проговориться' или 'дать обещание, которое трудно выполнить') (букв. 'рот (слово) ронять'). Ср. *ааза-* 'обещать'. Подобная версия также допустима.

Среди вариантов рассматриваемого глагола отмечена и аналитическая форма *ааш кынныр* (*ааш кылын-*) (см.: ТРФС, *18*), являющаяся, по-видимому, результатом народной этимологии.

аашын- см. **аашкын-**.

ава 'мать, мама'.

Общетюркское. В ЭСТЯ есть две статьи к этому слову: *аба* 'отец, дядя; дед, предок; мать, старшая сестра' и *апа* 'мать, старшая сестра, тетка' (ЭСТЯ I, *54—57, 158—159*). Тув. *ава* включено в первую статью (см. также: Кононов. ГЯТРП, *104*). Не исключена, однако, и связь тувинского слова с вариантом *апа. Аба ~ апа* возводится к глаголу **аб-* (вероятно, и **ап-*), исходя из шор. *ав-* 'быть престарелым' (ЭСТЯ I, *56*).

Фонетически не аргументировано мнение Н.И. Егорова, согласно которому тув. *ава*, "по всей вероятности, восходит к западнохуннской форме *ӓвӓ*, чередующейся с *ӓмӓ* (Исследования по этимологии чувашского языка. —Чебоксары, 1981. — С. 42).

аваангыр [аъ] 'ловкий, умелый, проворный, шустрый, расторопный, сноровистый'.

Ср. каз. диал. *апай-топай* 'быстро-быстро' (Аманжолов, *355*), кирг. *апыл тапыл* 'торопливо, проворно, быстро', як. *абыгынай- ~ абыкынай-* 'делать что-л. скоро и старательно'. (Пек. I, *11*), *абыгынай-* 'проявлять излишнюю торопливость, суетиться без толку' (ЯРС, *28*), *амагаччы* 'ловкость, находчивость', тат. диал. *абдыра-* 'спешить' (ЭСТЯ I, *58*).

По-видимому, тув. *аваангыр* и приводимые соответствия — образно-подражательного происхождения и связаны с основой **ап*, характеризующей быстроту, ловкость. А.Т. Кайдаров выделяет **ап* 'нечто рассеянное, суетливое, ловкое, проворное'... в казахских глаголах *абдыра-*... 'суетиться' и *абыржы-* 'беспокоиться, волноваться'. Вероятно, та же основа и в каз. *аптык-* 'торопиться, суетиться', *апырак* 'сумасброд'...; 'бедовый, буйный', приведенных уже в другой словарной статье (см.: Кайдаров, *187*, статьи ап I, II). В плане структуры тув. *аваангыр* представляет собой характерное для тувинского языка прилагательное на *-кыр* (*-гыр*). Такие прилагательные образуются как от именных, так и от глагольных основ, причем для последних характерна форма возвратного залога на *-н-* (ИП, *199—200*). Имена на *-кыр* обозначают, в частности, склонность, приверженность к чему-л.

Нечто подобное наблюдается в *аваан-гыр*, где предположительно можно увидеть глагольную основу **аваан-* < **ап-а-га-н-*: *ап* — образная основа со значением быстроты, *-а-* — глаголообразующий аффикс, *-га-* (или *-гы-*) — формант интенсивно-учащательного характера (см.: АГ, *243—247*), *-н-* — залоговый аффикс. См. также **авырган**.

В.Г. Егоров (ЭСЧЯ, *19*) включил тув. *аваангыр* в статью с заглавным чув. *аван* 'хороший, приятный'..., ставя его рядом с такими словами других тюркских языков, как *авынчак* 'милый, любезный', *авын-* 'чем-л. заниматься, проводить время', *абдан* 'хороший' и т.п. Эти сопоставления довольно разнородны и мало что дают для установления этимологии тувинского слова.

авагай, авыгай *фолькл.* 'господин, госпожа (при обращении)'.

Тув. *авагай* отмечено в ЭСТЯ (I, *204 и след.*); его соответствия имеются в некоторых тюркских языках, в том числе — *апакай, абакай* и т.д. со значениями 'тетя', 'жена, супруга', 'знатная женщина'...

Э.В. Севортян полагает, что *апакай* и др. — производная основа, членимая на *апа* ('мать') + *-кай* — аффикс с уменьшительно-ласкательным значением. Вместе с тем в дальнейшем он приходит к заключению, что "тюркская основа *апакай* образовалась под влиянием монгольской *abaγai*, означающей, в частности, 'госпожа', представляя собой частичную кальку с последней".

По мнению других исследователей, это слово, особенно в сибирских тюркских языках, является бесспорным прямым монгольским заимствованием (Рамстедт, *184*; Рассадин. МБЗ, *34, 44—45*), что представляется более обоснованным, хотя его гомогенность с *апа* также вполне реальна.

В монгольских языках *abaγai ~ abuγai* и его современные соответствия означают, с одной стороны, почтительное обращение к старшим вообще, а с другой — 'замужняя женщина', 'пожилая женщина' и т.п. Иногда эти обозначения даются в качестве самостоятельных слов-омонимов.

См. также **авыкай, агбай I, II**.

авыгай см. **авагай**.

авыдай *фолькл.* см. **амыдай**.

авыкай *фолькл.* 'девушка из знатной семьи; барышня'.

В фольклоре встречается, в частности, выражение *хүн херелдиг алдын авыкай даңгына* 'с солнечными лучами золотая барышня-царевна'.

Монголизм. По форме *авыкай* близко к предыдущему слову (см. **авагай, авыгай**) и, вероятно, родственно с ним, однако прототип его в монгольских языках выглядит несколько иначе: это п.-монг. *abaqai ~ abaχai*, монг. *авхай*, бур. зап. *абхай* со значениями 'принцесса', 'дочь знатного человека, барышня', 'царевна'.

авыра- *уст.* 'спасать, миловать'.

Соответствия имеются во многих тюркских языках, но исследователи с достаточными основаниями считают этот глагол монгольским заимствованием в тюркских языках (см., в частности: ЭСТЯ I, *59—60*). В тувинском монгольское происхождение *авыра-* отмечено еще Н.Ф. Катановым (Опыт, *424*).

авыра *межд.* 'боже!, боже мой!, помилуй!'.

Ср. у Н.Ф. Катанова *абыра* 'сохраняй'. По происхождению — повелительная форма от *абыра-* (см. **абыра-**).

авыра-азыра *межд.* См. **авыра**, **азыра**.

авырал *рел.* 'спасение, избавление'; 'покровительство, протекция', 'милость', 'помощь', *уст.* 'амнистия'.

Монгольское заимствование (см.: Опыт, *121*). Ср. п.-монг. *abural*, монг. *аврал* 'спасение; защита, избавление'.

авырга, амырга 'дудка, рожок (для приманивания маралов)'.

Ср. алт. *абыргы* 'дудка для приманивания марала'. По всей вероятности, эти слова можно связать с распространенным тюрк. *аврут* (> *овурт*)... 'внутренняя сторона щеки', 'часть щеки около рта', 'полость между зубами и щекой', 'полость рта' и т.д. (ЭСТЯ I, *407—408*). Связь здесь двоякая: реалии, обозначаемые словами *авырга* и *аврут*..., являются полыми. Кроме того, и те и другие связаны со звучанием. Э.В. Севортян исходной производящей основой для *аврут* считал **ап-* (> **аб-*) 'всасывать, втягивать в себя', что вполне вероятно и применимо к нашему случаю: например, когда охотник имитирует крик самца-марала, он не дует в дудку-авырга, а втягивает воздух в себя. Структурно *авырга ~ абыргы* может быть представлена как существительное на *-ка ~ -кы* от **абыр-* — формы каузатива от **аб-* 'всасывать, втягивать в себя'.

авырган [аъ] 'белка-летяга', **авырган-үгү** [аъ] 'сова'.

Тоф. *ар'ыrgап* 'белка-летяга', алт. *бабырган* то же, алт. (чалкан.) *бабырган* 'бурундук', хак. *пабырган ~ табырган* 'белка-летяга', кирг. *бабырган* 'сыч' (=*бабыр*); 'говорун, говорливый'.

По мнению А. Йоки, это слово подражательного характера. Он приводит также каз. *мамыр* 'хромой', *мамыр кус* 'птица, не способная хорошо летать' (по РСл.) и, исходя из них, реконструирует глагольную основу **babyr-* 'плохо двигаться', от которой с помощью аф. *-ган* и образовались слова типа *бабырган* (Joki, *79—80*).

В принципе версия о подражательном характере производящей основы представляется верной, но конкретизировать ее довольно сложно. Эта основа может быть звукоподражательной, на что указывает кирг. *бабыр(ган)*; ср. также як. *ба* — 'крик филина, тетерева, летяги' (Харитонов, *260*). В основу образного представления могут быть положены особенности внешнего облика животного. Ср., например, тув. *авырган* и *авыраш* [аъвыраш] 'косматый, взлохмаченный'.

Наконец, наименование может быть связано с характеристикой особенностей движения. Нам не представляется в этом плане убедительной этимология Йоки, тем более что она не соответствует инициальной части тувинского и тофаларского слова. Скорее напротив, речь идет о живых существах с динамичными движениями. Потому не исключено, что тув. *авырган* может быть сопоставлено с *аваангыр* (см. **аваангыр**), хотя это их сближение могло носить и вторичный характер. Ср. в этом плане хак. *табырган* 'летяга' и *табырак* 'скоро, скорее' (РСл. III, *971*).

авыяазын см. **авыяас**.

авыяас 'двуличие, притворство, лукавство, лицемерие, фальшь'.

Ср. п.-монг. *abijas*, монг. *авьяас* 'склонность; талант, дар; влечение', калм. *авьяс* 'привычка, пережиток; склонность, страсть к чему-л., усердие; традиция, обычай', бур. *абьяас* 'склонность, влечение, призвание; способность, талант, дар; пристрастие, страсть, усердие; темперамент; обаяние' (см. также: ЯМВМ, *106*).

Ц. Дамдинсурэн считал, что монг. *авьяас* заимствовано из санскрита (< скр. *абхяаса*) (Studia Mongolica. — Ulan-Bator, 1961. — T. II, fasc. 1—16. — P. 69).

В тувинском языке мы имеем дело с переосмыслением заимствованного слова, появлением у него значения отрицательной характеристики ('склонность' → 'склонность ко лжи, лживость'), что свойственно ряду монголизмов с характеризующей или даже нейтральной семантикой в тувинском языке.

Не совсем ясен другой вариант этого заимствования в тувинском — *авыяазын*. Судя по виду, он должен быть связан с более архаичным вариантом монгольского слова, который должен был выглядеть как **abijasun*. Однако подобный в имеющихся источниках не зафиксирован, хотя, по-видимому, существовал.

аг: **аг хораа** *фолькл.* 'народ', **аг шериг** *фолькл.* 'войско, рать; полчище', **аг сүрүг** 'стадо, табун', **аг түме(н)** 'многочисленный'.

В приведенных сочетаниях у первого компонента (*аг*) может быть реконструирована семантика собирательности, множества, близкая значениям вторых компонентов и усиливающая эти значения. За исключением *хораа*, эти компоненты в тувинском употребляются и в качестве самостоятельных слов: *шериг* 'войско, армия; военный, воин', *сүрүг* 'стадо; скот', *түме(н)* 'множество'.

В отличие от них, *хораа* определенно является монголизмом и притом старым: ср. п.-монг. *χoruγa(n)* ~ *χorij-a* 'стан, военный лагерь, табор, таборный способ кочевания'; 'двор, обнесенный стеной' (Голст. II, *185*, *188*; Владимирцов. Общественный строй, *128*, *171*; ДТС, *458*). Этот же монголизм — в парном слове *кажаа-хораа* 'двор'; 'ограда, забор' (см. **кажаа**).

Возможно, что *аг* в *аг хораа* употреблено вместо другого, монгольского по происхождению, слова. У *аг хораа* есть фолькл. вариант *ар-хораа* 'народ, подданные' (см. **ара-албаты**). Здесь, возможно, произошла замена *ар* на *аг*.

Самостоятельно, хотя и как архаизм, *хораа* употребляется в значении 'комитет', являясь поздним заимствованием (см. **хораа**).

Что касается компонента *аг*, то он, по-видимому, гомогенен с каз. *ауан* 'много, множество; обильно' (Аманжолов, *356*), а также с др.-тюрк. (МК) *а:в-* 'собираться', *авла-* 'собираться; стекаться'; ср. также др.-уйг. *аγїl-* 'двигаться, перемещаться (массой)' (Тугушева, *308*). На основании анализа материалов словаря Махмуда Кашгарского делается вывод о существовании глагола *а:г-*, более старой формы корня *а:в-* (ЭСТЯ I, *65*). Тув. *аг* свидетельствует о том, что существовала соотносительная с этим глаголом именная основа. См. также **аалак бол**, **ага I**.

ага I [аъ]: **ага турган** 'всё, целиком, полностью'.

Первый компонент (*ага*), возможно, связан с *аг* и родственными с ним словами, которые, в свою очередь, являются производными от *а:в ~ а:г* 'собирать(ся)' (см. **аг**). Судя по фарингализации в тув. *ага* [аъга], последнее < **ак-а*, где **ак-* — возможный вариант указанной глагольной основы. Вероятно, **ака* означало 'множество, всё'. Компонент *турган* — форма причастия на *-ган* от глагола *тур-* 'стоять; быть, находиться; иметься' и т.п. Видимо, *ага турган* означало 'бывший (находившийся) в наличии'.

ага II, **агы** *диал.* 'старший брат' (Монгуш 1983, *137*).

Соответствия в вариантах *а:га ~ ага* и некоторых других широко представлены в современных тюркских языках и письменных памятниках, начиная с древнетюркских; преобладающее значение — 'старший брат', реже употребляется *ага...* в качестве других определений степени родства (например, 'отец, дядя, дедушка'). Весьма характерно его употребление как формы почтительного, вежливого обращения, а также в качестве различных наименований лиц привилегированного сословия (ЭСТЯ I, *70*).

Ага считается гомогенным с тюрк. *ака ~ акка* (см. **акы**). Вместе с тем Э.В. Севортян отмечает наличие между этими словами различий как в семантике, так и в звуковом облике (в частности, "в протяженности начального гласного") (Там же).

Наличие у некоторых вариантов *ага* долготы начального гласного наводит на мысль о возможности связи (вторичного сближения?) с тюркской глагольной основой *а:г ~ аг-* 'подниматься (вверх)' и т.п.; см. **агдыр**, а также ЭСТЯ I, *68*. О подобной связи может свидетельствовать широкое использование *ага* как названия, характеризующего принадлежность к привилегированному сословию, что не отмечается у соответствий *ака ~ акка*.

Кроме того, иногда у соответствий *ага* отмечается семантика 'большой, бóльшая часть' (напр., в казахском языке) (ЭСТЯ I, *70*). В тувинском эпосе также встречается слово *ага* в значении 'большой' (или 'высокий'?): ср., в частности, выражение *үжен үш дээрниң агазы* (БТ, *112, 149*) 'наибольшее (наивысшее?) из тридцати трех небес'. Значение *ага* разъясняется с помощью слова *улуг* 'большой, великий', которое означает также 'взрослый; старший (по возрасту)' (*улуг оглу* 'его старший сын').

В отдельных случаях наблюдается субстантивация соответствий тув. *улуг* и их употребление в качестве терминов родства, напр. тур. *улы* (по Ценкеру) 'старший сын' (ЭСТЯ I, *593*).

По-видимому, *ага* также первоначально было прилагательным с указанной выше семантикой, но, в отличие от случая с *улуг...*, адъективная форма *ага* была практически вытеснена из употребления, и в тюркских языках это слово закрепилось главным образом как существительное с теми значениями, о которых шла речь выше. У слов типа *ага* и *ака* отмечается близость с материалом монгольских языков, характер которой до конца не прояснен (ЭСТЯ I, *71, 122*).

агаар 'воздух, атмосфера'; 'погода'.

Принадлежит, скорее всего, к числу поздних монголизмов (относящихся к 20-м гг. нашего столетия). Ср. п.-монг. *aγār*, монг. *агаар* 'пространство, сфера', 'воздух, атмосфера'. Считается заимствованием из современного монгольского языка (Рассадин. МБЗ, *64*).

агай [аъ] *уст.* 'княгиня, жена нойона'.

Слово монгольского происхождения, представляющее, вероятно, контаминацию из двух монгольских слов: ср. п.-монг. *aγ-a*, монг. *агаа* 'госпожа, дама', 'царица, княгиня', п.-монг. *aχai*, монг. *ахай* — форма почтительного обращения к замужней женщине (см.: Голст. I, *10*; ЭСТЯ I, *206*). Своим внешним обликом тув. *агай* связано с *aχai*, *ахай*, а значением — с *aγ-a*, *агаа*.

аганак [аъ] 'белая куропатка'.

Это слово в тувинских говорах отмечено также и в других вариантах: *агыын*, *агыына*, *ааганак*, *агыынак*.

Соответствия имеются в основном в тюркских языках Сибири: *агууна*, *агуун*, *агаун* и т.п. — в основном в значении 'куропатка'. За пределами этого региона они встречаются редко: башк. *агуна* 'белая куропатка' (EW, *9*; Ишбердин, *150*). В.В. Радлов связывал подобные слова с общетюрк. *ак* 'белый', разделяя, в частности, *агууна* на компоненты *ак* + *ууна* (?) (РСл. I, *172*). Та же точка зрения выражается и некоторыми современными исследователями (см.: EW, *2*; Ишбердин, *150*).

М. Рясянен в качестве параллели к тюркским словам приводит п.-монг. *aga(g)ина* 'Taucher' ('водолаз' ?) (EW, *9*), что не ясно. В

монгольских языках имеются соответствия этим словам: п.-монг. *аχӣпа*, монг. *ахӯн* 'куропатка' (Владимирцов. Ср. грамматика, *332*); но современные словари дают монг. *ахууна* со значением 'гагара' (МРС, *48*; Цэвэл, *58*), ср. также калм. *ахун* 'гагара', бур. *ахууна* 'куропатка; чернеть (порода уток)'. Названия птицы в сибирских тюркских языках (по крайней мере часть из них) прямо относят к числу монгольских заимствований (см.: Рассадин. МБЗ, *44*, *51*). В принципе ту же трактовку допускает и тувинский материал, где мы, по-видимому, имеем дело с монголизмами разновременными (более древними, с сохранением конечного гласного - *агыына* и более современными, с его редукцией - *агыын*) и относящимися, вероятно, к разным источникам. Согласный *-к* в конечной позиции *аганак* и некоторых других вариантов, возможно, является тувинским уменьшительно-ласкательным аффиксом.

Аъганак, *ааганак* едва ли возможно связать непосредственно с *ак* 'белый', где в тувинском — обычный краткий гласный (ср. фарингализацию в *аъганак* и долготу в *ааганак*), хотя в принципе, наверное, не следует исключать связи слов тюркских и монгольских (< тюркских ?) языков с этой именной основой. Эта версия, может быть, реальна, о чем свидетельствует лоб. *каӣуна ~ каруна* 'черная птица с белой шеей' (Малов. Лобнор, *126*), которая, возможно, одноструктурна с названием куропатки (связь с *кара* 'черный' ?).

агар I [аъ] 'шерсть от второй (осенней) стрижки овец'.

Ср. алт. *акар* в словосочетании *акар тукту кой* 'малошерстная овца'. Монгольское заимствование. Ср. п.-монг. *aqar*, *aqur*, монг. *ахар* 'короткий, низкий; овечья шерсть осенней стрижки', бур. *ахар* 'овечья шерсть (летняя после весенней стрижки)'. См. также ЯМВМ, *116*.

Неясно, есть ли связь рассматриваемых слов с турк. *агар* [а:га:р] в сочетании *агар чэкмен* 'домотканый туркменский халат из верблюжьей шерсти' (ТуркРС, *20*).

агар II: агар-сандан, агар-сандан ыяш [аъ-] *фолькл.* 'священное сандаловое дерево; дерево ценной породы (крепкое, прочное)'.

Второй компонент наименования (*сандан*) употребляется в качестве самостоятельного слова (см. **сандан**), а первый (*агар*) — только в указ. сочетании; ср. алт. *агару* 'святой'.

Тув. *агар-сандан* является монголизмом: ср. п.-монг. *agaru*, монг. *агар* (< скр. *akaru* 'сандал, алоэ') 'алоэ, кипарис' (см.: Владимирцов. Ср. грамматика, *225*); по другим данным, монг., п.-монг. *агар* заимствовано монгольским языком из санскрита через тибетское посредничество (Жамбал-сурэн, *9*); ср. также калм. *ahp* [ahъp] 'сандал; алый, красный' (в сочетании *ahp зандн модн* 'красное сандаловое дерево') (КалмРС, *27*). Вместе с тем *ahp зандн* [*модн*] име-

ет также перевод 'сандаловое дерево; алоэ' (Там же, *27, 240*). Ср. также бур. *агар зандан* 'алоэ, столетник', *агар зандан модон* 'сандаловое дерево; алоэ'.

Происхождение обоих компонентов *агар-сандан* в конечном счете связано с буддизмом и санскритом как языком буддийской религии. Они являются названиями двух "священных" пород деревьев, из которых наиболее употребительным было название сандала (монг. *зандан*, тув. *сандан*). Наименование *агар* 'алоэ, канарис' и т.п. чаще употреблялось в сочетании со словом, обозначающим сандал, что способствовало утрате им первоначального значения и переосмыслению в последующем (об этом свидетельствует материал калмыцкого, бурятского и тувинского языков).

Приводимые выше толкования значений тув. *агар-сандан* [*ыяш*] в значительной мере условны. В большей степени для этого наименования (главным образом в языке эпических произведений) характерна семантика типа 'высший сорт сандала' (см.: ТНС, *418*).

В тувинском эпосе *агар-сандан* [*ыяш*] обозначает в основном материал, из которого изготовлены некоторые предметы быта знатных людей, чаще всего коновязи (*баглаш*).

агбай I. 1. *фолькл.* 'господин, госпожа' — почтительная форма обращения в сочетаниях *хаан агбай* (*хаан* 'хан'), *кадын-агбай* (*кадын* 'ханша'), 2. обращение, чаще с аффиксом принадлежности 1-го л. ед. ч. (*агбайым*) 'друг, дружище'.

По-видимому, гомогенно с *авагай*, *авыгай* (см. **авагай, авыгай**) и также является монголизмом, но более поздним, о чем свидетельствует отсутствие гласного на месте второго слога, что связано с его редукцией на монгольской почве. В тувинском отмечена также метатеза *абгай* > *агбай*, которая, возможно, объясняется наличием в тувинском языке многочисленных имен на *-бай*, *-пай* (*адыгбай*, *аазатпай*, *олутпай*).

Появление в тувинском фамильярной формы обращения *агбай(ым)* 'друг, дружище' является, по-видимому, результатом снижения, демократизации употребления этого слова, что нередко случается со словами, обозначающими титулы, строго этикетные формы обращения и т.д. (см., напр.: Пизани В. Этимология. — М., 1956. — С. 151).

агбай II *разг.* 'пожилая женщина, баба'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *abγai*, монг. *авгай* 'пожилая женщина, старуха; жена, супруга'. По характеру фонетических изменений (метатеза) отмечается сходство с *агбай* I (см. **агбай I**).

агбай-хөөгет *разг.* 'женщины, бабы'.

Относительно первого компонента см. **агбай II**. Второй компонент (*хөөгет*) также монгольского происхождения и восходит к основе типа монг. *хуухэд* 'дети, ребята; дитя, ребенок', калм. *куукд*

[күүкед] 'дети, ребята, детвора; ребенок; девочка, девушка', бур. *хуухэд ~ хуугэд* 'дети, ребята; ребенок'. По происхождению это, видимо, форма мн. ч. от *хүүхэн, күүкн, хүүгэ(н) ~ хуухэн* 'девочка, девушка; дочь; дитя, ребенок'.

агбан-теве 'тарантул'.

В тувинском языке имеется также и другое название тарантула — *шагаан-теве*. В обоих названиях выделяется компонент *теве* (< *теве* 'верблюд'). Происхождение *шагаан-теве* ясно. Это полукалька ст.-монг. *čaγān temege(n)* 'белый верблюд', 'тарантул'. Поскольку одинаковы вторые компоненты названий *агбан-теве* и *шагаан-теве*, можно допустить если не тождество, то смысловое сходство и их первых компонентов. Возможно, *агбан* < *аг-ман*, где *аг-* можно связать с др.-тюрк. *аγ- ~ а:γ-* 'измениться в лице, побледнеть' (МК), а *-ман* (> *-бан*) — тюркский аффикс, образующий отглагольные и отыменные производные (в частности, прилагательные) (АИ, *197—199*). Не исключена возможность связи с *ак* 'белый', среди соответствий которого нередко встречается *аг* (ЭСТЯ I, *116*).

агдыр *тодж.* 'вверх'.

По-видимому, образовано от *аг-* (в туркменском и части древнетюркских памятников *а:г-*) 'подниматься вверх' — одного из древнейших глаголов, сохранившегося лишь в отдельных современных тюркских языках (ЭСТЯ I, *68*), с помощью аф. *-дыр*. В тувинском это продуктивный аффикс, образующий наречия от основ глагола (см.: ИП, *426 и след.*). Среди производных от глагольной основы *аг-* — тоф. *агды* 'лестница', образованное с помощью форманта *-ды ~ -ты* (Рассадин. Морфология, *78*). Ср. также тоф. *агдыры* 'вертикально вверх', *агдыраа* 'вверх на гору' (Рассадин. Словарь).

агла- 'загонять зверя в засаду, устраивать облаву'.

В тюркских языках широко распространено существительное *аг ~ аб...* 'охота, ловля; облава, погоня'..., в том числе тоф. *аγ* (*аг*) 'облавная охота' (Рассадин. Фонетика, *151*). Имеется также глагол *аг- ~ ав-* 'гнать', 'устраивать засаду', 'охотиться' (ЭСТЯ I, *61*). Тув. *агла-* является глаголом, производным от указанного именного корня.

аг-шээр: **аг-шээр чок** 'беззастенчивый, нескромный; откровенный'.

Второй компонент этого сочетания (*шээр*) — монголизм со значением 'запрет(ный)' (см. **шээр, шээрле-**); первый (*аг*), вероятно, также имеет монгольское происхождение: ср. монг. *аг* 'сильно, крепко, туго' (МРС, *21*), 'сильный, крепкий; тесный, стесненный, узкий' (Цэвэл, *18*). Таким образом, в целом первоначальная семантика сочетания *аг-шээр чок* была *'без запрета-стеснения'.

агы I 'полынь холодная'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *agi*, монг. *агь* 'белая степная полынь', 'полынь холодная'. Э.В. Севортян сопоставляет с монг. *agi/агь* тюрк.

агы ~ агу 'яд, отрава' (ЭСТЯ I, *67*) (см. **оо**). Скорее, в данном случае должна существовать связь с тюркским названием белого цвета (*ак*), характер которой, однако, неясен.

агы II [аъ] *тодж.* 'недавно'.

Ср. тоф. *аъна* 'вот только что' (Рассадин. Морфология, *246*), с.-югур. *акана* 'прежде, немного раньше; близкое время'. Сюда же, возможно, следует отнести алт. *ака* 'конь, опередивший других в беге', хотя в ЭСТЯ (I, *123*) для него указаны иные этимологические связи, а также тел. *ака* 'наилучший, превосходнейший', *акала-* 'опережать, превосходить' (Вербицкий, *12*, *462*). Исходя из этого, можно предполагать существование в прошлом глагола **ак-* 'опережать; быть (несколько) впереди, до..., раньше...'. Может быть, та же основа — в названиях старших родственников (см. **акы**), хотя в последнем случае реальны и другие истолкования.

агыр- *уст.* 'сопровождать шамана, подражая его выкрикиваниям'.

Связано со звукоподражательной основой, что отметил уже В.В. Радлов относительно каз., тат., кр.-тат. *акыр-* 'реветь, кричать (о животных); ругаться' (РСл. I, *100*); им отмечено также тур., алт. *агыр-* 'громко кричать' (РСл. I, *156*), объясняемое в ГАЯ как "кричать во время ловли зверей, чтобы криком выгнать их на удобное место"; ср. также ккалп. *акыр-* 'реветь, рычать; кричать, говорить громко'. Э.В. Севортян среди глаголов, образованных при помощи аф. *-гыр* от звукоподражательных основ, приводит тат. *акыр-* (АГ, *267*).

Для суждения о самой основе в данном случае, возможно, имеет значение вокативное слово *а* — "восклицание для привлечения внимания" (РСл. I, *1*).

ада I [аъ] 'отец'; 'основоположник, родоначальник'.

Общетюркское; преимущественная форма — *ата*, со значениями 'отец, дед (по отцу), предок; уважаемый, почтенный человек; дядя; старший брат; самец' и др. (ЭСТЯ I, *200—201*). Существенно также кирг. *ата* 'покровитель, патрон' (при собственных именах) (КРС, *77*).

Праформу слова Э.В. Севортян (правда, с сомнением) восстанавливает в виде **а*:*та*, исходя из туркменских и турецких диалектных данных, что, с учетом фарингализации в тув. *аъда*, во всяком случае, допускает альтернативную исходную форму с начальным кратким гласным.

Убедительной этимологии слово не имеет. М. Рясянен (EW, *31*) считает его словом лепетного происхождения. Э.В. Севортян отмечает, что *ата*, как и некоторые другие обозначения "отца", "деда", а также "матери", имеет широкое распространение в разных языковых семьях (ЭСТЯ I, *201*), а это делает этимологию слова весьма затруднительной.

Тем не менее следует отметить, что в тюркских языках *ата ~ ада* имеет ряд определенно гомогенных с ним слов, каковыми можно, например, считать чаг. *атаг* (сравниваемое Радловым с *ата*) 'доверенный, заступающий место другого; опекун' (тур. *atağlık* 'опекунство'), *атун* 'заступничество' (РСл. I, *453*, *463*) (ср. кирг. *ата* 'покровитель'), куманд. *адак* 'дед' (РСл. I, *478*), тел. *аду* 'почтение, уважение'; ср. также алт. *адай* 'самый старший из родственников'. Думается, что здесь реален глагольный корень **ат-* (**ад-* ?) 'заступаться, покровительствовать; быть почтенным, уважаемым', который может быть связан с *ат-* 'подниматься', восстановленным Э.В. Севортяном в другой статье его словаря (ЭСТЯ I, *200*, *756*). Таким образом, по своей первоначальной семантике *ата* — это *'тот, кто поднимается, возвышается над другими, оказывает покровительство' и т.д. Ср. в семантическом плане **ага II**, **ача**.

***ада II** [аъ]: употребляется в форме *адам* (реже *адазы*) в выражениях, начинающихся с *чүү адам* (*адазы*)! 'что за!' и выражающих сильное удивление, восхищение, недоумение и т.п.

Ср. хак. фолькл.: *Адамнаң даа абахай хыс!* 'Ах, какая красавица!', хак. (саг.) *Адымна!* 'Ах! Как много!', *адамада* 'очень, весьма' (РСл. I, *486*), шор. *адамчас* — междометие, выражающее досаду (РСл. I, *487*), кирг. *адам* (или эмоционально более сильное *адамэй*) — возглас удивления (чаще употребляется женщинами). Ср. также башк. *атак* — междометие, выражающее сильное удивление, 'о!', алт., шор. *ат-таң ~ ат-тазы* — частица, выражающая удивление, неудовольствие (ГАЯ, *193*; Вербицкий, *32*), узб. *аттанг(а)* 'вот досада!, какая досада!'. В.В. Радлов приводит тел. *аттагай* и *аттаң* - восклицание удивления, неудовольствия, сопоставляя их с *ата*, *ада* 'отец', 'дед', 'предок' (РСл. I, *470*). В РСл. содержится также следующий материал: каз. *атаң!*, азерб. *атасыны саттыгым!* 'досадно! экая досада!', кр.-тат. *атаң*, *анаңа!* 'как бы не так!' и т.д. (I, *451*), — часть из которого явно связана с *ата ~ ада* 'отец'...

Непосредственно с этим словом может быть связано и тув. (*чүү*) *адам* (*адазы*), представляя собой как бы форму притяжательности соответственно 1-го и 3-го л. ед. ч. и некоторые из их ближайших соответствий, включающих в свой состав компонент *адам*.

Вместе с тем наличие случаев типа *ат-таң*, *аттаң*, *атаң* и т.д. позволяет говорить и о другом источнике и пути появления подобных слов. В частности, слово *таң* 'удивление, чудо', а также восклицание удивления, сомнения достаточно широко распространено в тюркских языках (см. **та**, **таң**). Существовало, по-видимому, и **ат* с подобной же семантикой, о чем свидетельствуют такие его производные, как кар. *ада-* 'изумляться, удивляться; неметь (от радости)', *адамак* 'изумление', *адат-* 'ошеломлять,

одурманивать'; ср. также тув. *ат* 'беда' (см. **ат II**) и *ат* в комбинации с другой частицей: шор. *ат-чаалды* — частица, выражающая удивление, недовольство (Вербицкий, *32*). Вместе **ат* и *таң* и составили парное восклицание *ат-таң* > *аттаң* > *атаң*, которое затем, вероятно, подвергалось вторичному структурному переосмыслению, в результате которого конечный *-ң* был воспринят как показатель принадлежности 2-го л. ед. ч. (не случайны, видимо, алт. *ат-таң* ~ *ат-тазы*), а основа слова (*ата*) сближена, контаминирована с *ата* 'отец, предок', что также является вполне логичным, ибо употребление слов подобного рода (обозначающих, напр., покровителей, защитников) в качестве междометий — достаточно распространенное явление.

адаан [аъ] 'месть, вражда; азарт'.

Монгольское заимствование; ср. п.-монг. *ataγa(n)*, монг. *атаа(н)* 'зависть, ревность, ненависть', калм. *атан* 'зависть', 'вражда', 'соперничество, конкуренция', бур. *атаа(н)* то же. Судя по сохранности в тув. *адаан* конечного *-н*, оно могло быть либо очень старым заимствованием, либо восходить к ойратоязычному источнику.

адаан-демисел [аъ] 'вражда, рознь, междоусобие', 'конкуренция, конкурентная борьба'.

Монголизм. Ср. монг. *атаа(н)-тэмцэл* 'соперничество'.

См. также **демисел**.

адаан-моорей [аъ] *фолькл.* 'состязание (напр., в стрельбе из лука)'. См. **адаан, моорей**.

адаарга- [аъ] 'завидовать'.

Ср. п.-монг. *ataγarχa-*, монг. *атаарха-* 'завидовать', 'ревновать', 'недоброжелательствовать' < *ataγa*, *атаа(н)* 'зависть', 'ревность'; см. **адаан**.

адааргал [аъ] 'зависть'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *ataγarχal*, монг. *атаархал* 'зависть', 'ревность', 'ненависть'. См. **адаан, адаарга-**.

адагаш 'столб', 'подпорка, опорная жердь (в чуме)', 'коновязь'.

В ТРС *адагаш* 'столб...' и *адагаш* 'коновязь' даются как омонимы, что едва ли обосновано.

По-видимому, *адагаш* связано с общетюрк. *адак* ~ *аяк*... 'нога', а также 'подставка', 'основа', 'подпорка', 'опора', 'столб(ик)' (ЭСТЯ I, *103*). См. также **адак I, II**. Тув. *адагаш* может быть интерпретировано как форма уменьшительности от *адак*, хотя аф. *-(α)ш*, образующий отыменные производные, может иметь и семантику увеличительности, причем "значение уменьшительности-увеличительности... уже не воспринимается в ряде слов" (АИ, *171*).

Слово *адагаш* 'коновязь' отмечено также в "женском" лексиконе алтайского языка, где оно разъясняется как **ат агаш* 'дерево, к которому привязывают лошадь' (ВАЯ, *154*) что, однако, вызы-

вает сомнения. Не заимствовано ли алт. *адагаш* из тувинского языка? См. также **анай**.

адаглаарга, адаглаарда *уст. союз уступ.* (с оттенком сожаления) 'хотя бы, по крайней мере, на худой конец'.

По форме — причастие на *-ар* + аф. дат. и мест. падежей. Глагольная основа *адаглаарга*, по-видимому, в конечном счете связана с *адак* 'низ(кий), неудовлетворительный' и т.п. (см. **адак I, II**), для которого допускается монгольское происхождение. Это можно отнести и к **адаглаар-*, именная основа которого в монгольских языках имеет графический облик *адаг* (произносится *адак*), а глагольная выглядит как *адагла-*, которая, правда, в современных источниках отмечается нечасто (ср. бур. *адагла-* 'доходить до конца, кончать; выбирать что-л. похуже'), но, возможно, существовала в старописьменном монгольском языке. На почве тувинского языка образование типа *адагла-* практически исключено (ср. тув. *адакта-* 'переходить реку вброд' и т.п.).

С тув. *адаглаарга...* сходно по семантике уйг. диал. *adayi* 'в заключение, в конце концов', истолковываемое как посессивная форма от *adaq* 'конец' (Тенишев. УДС, *10*) и, возможно, также отражающее монгольское языковое влияние.

адак I 'низ, нижняя часть, низовье, неглубокий, мелкий, стоящий низко (о воде)'; **адаа-биле** *служ.* 'под' и т.п.

адак II 'неудовлетворительный, плохой (об оценке знаний)'.

Согласно ТРС, здесь два омонима, но фактически это одно слово: значения *адак* II могут быть рассмотрены как переносные от *адак* I: 'низкий, мелкий, находящийся на низком уровне (о воде)' → 'низкий, плохой'.

В ЭСТЯ (I, *104*) тув. *адак* дается в статье **айак II**, включающей *адак ~ азак ~ айак* с семантикой 'конец; последствия; низовье'... Тувинское *адак* приведено только в последнем значении. *Айак ~ азак* и прочие рассматриваются как «результат метафоризации центрального значения **а:йак ~ *а:дак*... 'нога'».

Вместе с тем в статье дается и монгольское соответствие тюркским словам — *адаг* (*адаγ*) 'конец; крайность; нижняя часть или устье реки; крайний, последний; самый дальний; худший, наиболее низкий (по качеству)', и приводится мнение С. Калужинского о том, что *адак* в тувинском и некоторых других тюркских языках заимствовано из монгольских языков (ЭСТЯ I, *105*). Это в принципе допустимо, особенно в отношении *адак* II (хотя, в свою очередь, согласно распространенному мнению, монг. *адаγ* является тюркизмом и можно говорить о вторичном, или возвратном заимствовании).

Что касается *адак* I, то с ним дело обстоит сложней: оно вполне может быть результатом переосмысления (и последующей утраты)

адак 'нога', тем более что семантика типа 'низ', за исключением специализированного значения 'низовье реки', не характерна для монгольских языков. В тувинском помимо того есть и рефлексы *адак* 'нога' (ср., в частности, глагол *адакта-* 'помогать кому-л. сесть на лошадь, поднимая его за ногу сзади'; см. также **адаккыр**), а РСл. (I, *477*) дает *Soj.* (=тув.) *адак* в этом значении.

Распространенная этимология слова *адак*... 'нога', нашедшая отражение и в труде Э.В. Севортяна, связывает это слово с глаголом типа *ad-* 'шагать...' (ЭСТЯ I, *103—104*), что убедительно с логической точки зрения, но плохо согласуется с языковыми, в частности фонетическими данными. Указанный глагол имеет первичную долготу (**a:d- ~ *a:t-*), что явствует из данных туркменского и других языков (ЭСТЯ I, *88—89*), но в *адак ~ айак*... она отсутствует (в том числе и в туркменском), а первичная долгота у последнего восстанавливается только на основании сближения с глаголом **a:d-* 'шагать'.

Обоснованная критика вышеприведенной этимологической версии в плане историко-семантических параметров дается также в публикации И.В. Кормушина (СТ 6, 1987, *3—9*), где предлагается и убедительная этимология *адак*, связывающая ее не с шагом и вообще не с движением, а с разделением, раздвоением (см. **адыр I, II, адыр-**). Эта этимология, на наш взгляд, подтверждается и некоторыми дополнительными материалами. Так, в ЭСТЯ (I, *115*), где рассматривается происхождение слов со значениями 'разделять, раздваивать', приводятся следующие примеры (из турецких диалектов): *ау* 'промежуток между двумя штанинами (то место, где они расходятся)', *ayak* 'развилка дорог' (последнее вполне могло быть гомогенно с *айак* 'нога, ноги').

адаккы 1. 'нижний', 2. 'войлок (которым покрывают стены юрты)'.

В ТРС значения этого слова 1 и 2 даются как омонимы, хотя между ними налицо смысловая общность: войлок (*адаккы* 2) служит для покрытия стен, т.е. нижней части юрты, а не верхней, купола. Первичной является адъективная семантика ('нижний'). Структурно *адаккы* 1 есть образование на *-кы* от *адак* 'низ' (см. **адак I, II**).

адаккыр 'подвижный, легкий, ловкий'.

Производное на *-кыр ~ -гыр* типа *дылгыр* 'красноречивый' (*дыл* 'язык', 'речь'), *чүрекки́р* 'смелый, храбрый' (*чүрек* 'сердце'); ср. также **аваангыр**. *Адаккыр* — от *адак* 'нога' (см. **адак I, II**).

адам см. ***ада II.**

адан [аъ] 'рабочий (кастрированный) верблюд'.

Отмечено в основном в варианте *атан* в тюркских языках среднеазиатского ареала, в древнетюркских и других письменных памятниках, где имеется также форма *atgan*, — везде в том же значении, что и в тувинском.

Считается отглагольным именем, образованным с помощью аф. *-ан, -ган* от **ат-* 'холостить', с которым сопоставляется *ат* 'холощеный конь' (см. **аът**) (ЭСТЯ I, *202*).

Непосредственные соответствия (*atan* и подобные) отмечены в монгольских языках (ЭСТЯ I, *203*), где они являются тюркизмами. Вместе с тем употребляемая в области верблюдоводства терминология, в тувинском, несомненно, отражает и монгольское влияние, поэтому в ней, возможно, *адан* могло быть монголизмом.

ада-өгбе 'предки'.

См. **ада I**, **өгбе**.

адаска 'старая, вытертая шкура (подстилка, на которой спят)'; *перен.* 'дрянь, подлец, никудышный человек'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *adasya*, монг. *адсага* 'невыделанная кожа (обычно употребляется для подстилки на пол)'; перен. 'кляча', калм. *адсһ* [адсъһъ] 'шкура лошади (невыделанная)', диал. 'кожаная бадья (емкостью 2—4 ведра)', перен. 'грубый, невежественный'. Монгол. *ada-ska* 'шкура коня' связывается с *adagun* 'конь', как *üke-ske* 'коровья шкура' с *üker* 'рогатый скот' и т.п. (Рамстедт, *189*).

ада-төөгү [аъ] 'старина'.

Образовано от *ада* 'отец', 'предок' (см. **ада**) и *төөгү*, означающего в основном 'история'. См. **төөгү**.

ада-чурт [аъ-уъ] 'отечество, отчизна'.

Сложное слово, компоненты которого связаны с *ада* 'отец', 'предок' и *чурт* 'страна'. См. **ада I**, **чурт**.

адаш *фолькл., редко.* 'шутливое обращение девушки к юноше' (БТ, *127*).

В речи тувинцев Северо-Западной Монголии отмечено *адаш* 'друг'. Ср. тоф. *адаш* 'тувинец (уважительное слово)', сопоставляемое с др.-тюрк. *adaš* 'друг, приятель', алт. *адаш*, хак. *адас* 'тезка', кирг. *аяш* 'друг мужа', уйг. *адаш* 'приятель', азерб. *адаш*, тур. *adaş*, каз. *адас*, башк. *адаш*, узб. *адаш* 'тезка', як. *атас* 'друг, приятель' (Рассадин. Фонетика, *151*), уйг. диал. *адаш* 'любовник, любовница' (Садвакасов 1970, *166*).

Э.В. Севортян (ЭСТЯ I, *203—204*) дает в одном ряду формы типа *атташ* (где, правда, отсутствует тув. *атташ*) и *аташ ~ адаш* (причем последние также не в полном объеме и без учета некоторых их структурно-семантических модификаций; см. ниже). Севортян пишет, что он возвращается к "старой этимологии", предлагавшейся восточными филологами, согласно которой все эти слова членятся на *ат(ад)* 'имя' + аф. *-таш*, хотя, как он отмечает, "не вполне ясно, как могло развиться старейшее значение 'товарищ, друг' ('товарищ по имени' > 'товарищ'), единственное в древнейших памятниках тюркских языков".

Исследователь далее задает обоснованный вопрос: не имеем ли мы здесь дело с контаминацией разных слов? Мысль о гетерогенно-

сти образований типа *атташ* и *адаш* более определенно выражена С.Н. Муратовым (ПОАЯ, *336*), который отмечал также наличие у *адаш* "*j*-вариантов": др.-тюрк. *ajaš-amraš-* 'взаимно сочувствовать', 'относиться с симпатией', *ajaš* 'друг', кирг. *аяш* 'друг мужа', 'жена друга'.

Думается, однако, что характер отношений между *д-* и *j*-вариантами здесь иной, нежели в обычных случаях чередования *d*(δ) ~ *z* ~ *j*, поскольку первый вариант абсолютно преобладает над вторым, хотя сопоставление этих вариантов обосновано.

Привлекает также внимание существование соотносительного с *адаш* глагола: др.-тюрк. *adaš-* 'дружить с кем-л.' (ДТС, *9*). С.Е. Малов приводит древнетюркский парный глагол *adaš-kiŋäš-* 'общаться, советоваться', сопоставляя его с турк. *atаš-* 'иметь разговор, беседу', которое Радловым, в свою очередь, сравнивается с *aitыш-* 'разговаривать, беседовать...' (ПДТП, *354*; РСл. I, *457*).

Наличие соответствия *адаш* ~ *адаш-* позволяет говорить о том, что рассматриваемое существительное является, скорее всего, производным от глагола **ada-*, о чем свидетельствуют и слова, которые можно отнести к числу родственных с *адаш* слов; ср. каз. диал. *аданас* 'родственник', ног. *аданас* 'родной; единокровный, единоутробный' (< **аданаш* < *ада-н-*(α)*ш*).

Судя по глагольным формам типа др.-тюрк. *adaš-*, **ada-* должен быть глаголом общения, а *adaš-* — форма совместно-взаимного залога этого глагола, обозначающая общение с близкими или равными друг другу людьми. Появление сущ. *адаш* могло быть результатом конверсии глагольной основы в именную.

Что же касается *ajaš-* ~ *ajaš*, то здесь также возможна связь с глаголом речи *ай-* (см. **айбы**, **айыт-**), но более вероятной представляется связь с общетюрк. глаголом *айа-* 'беречь', 'жалеть, сочувствовать' (см.: ЭСТЯ I, *101—102*) в форме совместного залога. Словом *айаш* обозначали, по-видимому, более близкого человека, нежели того, кого называли *адаш*; ср. кирг. *адаш* — почтительное обращение к незнакомому мужчине и *аяш* — форма обращения к другу мужа или жене друга, а также пословицу *аяш жолу бир башка, адаш жолу бир башка* 'одно дело — аяш, другое — адаш' (первому обязаны помогать, заботиться о нем, а со вторым — ограничиваются шапочным знакомством) (КРС, *88*).

адыг 'медведь'.

Общетюркское, отмеченное в вариантах *айы(г)* ~ *айу* ~ *азыг* ~ *адуг*... Существует ряд этимологий, в значительной мере основанных на трактовке этого названия как эвфемизма. В частности, Э.В. Севортян предлагал связать *айы(г)*... с восстановленным им глаголом **ай-* (исходя лишь из тел. *аік-* 'быть престарелым', а также принимая во внимание эвфемистическое обозначение медведя посредством

слова *аба* 'отец', 'старик' в некоторых тюркских языках (ЭСТЯ I, *112—113*).

Эта версия не выглядит убедительной, поскольку едва ли достаточно практически только одних данных телеутского диалекта алтайского языка для того, чтобы реконструировать производную основу с известным чередованием *d* ~ *z* ~ *j*, а факты использования эвфемизмов для наименования зверя не означают еще, что каждое такое наименование обязательно должно быть эвфемизмом.

Вполне возможно и прямое название по присущим медведю качествам. В частности, представляется, что *айы(г)* ~ *адыг* может быть гомогенно с *айгыр* (и др.), общетюркским названием жеребца (см. **аскыр**), возводимым к глагольной основе с семантикой 'возбуждаться', 'бесноваться, неистовствовать' и, вероятно, 'быть сильным, могучим' (ср.: ЭСТЯ I, *94*, *108*), характеризующей медведя как сильного, злого и большого зверя (в связи с последним признаком). Ср. *аз-* 'перерастать любые размеры' и *аҙар* 'большой', як. *атыыр*, означающее, кроме 'жеребец', также 'большой, сильный, мощный' (ЭСТЯ I, *94*, *107*; ЯРС, *53*).

В этом плане представляет интерес и этимология, предлагаемая К.А. Новиковой и связывающая названия жеребца с глагольной основой *ai-* ~ *at-* ~ *ac-* 'подниматься' (ИОЭАЯ, *83*).

адыгуузун *прям. и перен.* 'животное, скотина'.

Монголизм, и, судя по внешнему облику (сохранение конечного *-н* с предшествующим гласным), довольно древний. Ср. п.-монг. *adaγūsun* ~ *aduγūsun*, монг. *адгуус(ан)*, калм. *ahурсн* 'скотина, животное' (см. также: ЯМВМ, *107*; ОСЛАЯ, *109*).

адып: **адып каг-** 'забывать', 'ронять, терять (доро́гой)'; **аттын-** 'быть забытым, потеряться'.

Глагольная основа ***ат-* (~ ***ад-*) в форме основного залога и одновременно деепричастия на *-п* как компонент сочетания со вспомогательным глаголом *каг-* ('покидать, оставлять'), а также в форме страдательного залога (аф. *-тын-*).

По-видимому, та же основа содержится в глаголе *адыр-* и сущ. *адыр* (см. **адыр-**, **адыр I**). Соответствия первого имеют семантику 'разлучать', 'разводить', 'лишать, отнимать'. Если считать *-(ы)р* в *адыр-* показателем понудительного залога, то основа ***ат-* означала 'лишаться', 'терять' и т.п.

Возможно вместе с тем, что *адып каг-* и *аттын-* связаны с глагольной основой *ат-* 'бросать, кидать' (см. **ат-**), можно допустить, что у *ат-* [аът-] существовал вариант с кратким, нефарингализованным гласным.

адыр- 'отцеплять; распрягать, выпрягать; отделять, разъединять, разнимать; освобождать, избавлять'.

Общетюркская глагольная основа, отмеченная в вариантах *айыр- ~ адыр- ~ азыр-* и с тем же кругом значений, по происхождению являющаяся залоговой формой от **ай- ~ *ад-* с древнейшими значениями 'разделять(ся)', 'раздваивать(ся)' (ЭСТЯ I, *114—115*) (см. также **адып каг-**). В тувинском языке, помимо характерного для него варианта с интервокальным *д*, отмечено также гомогенное с ним слово с интервокальным *й* (см. **айыыр, ээрмээш**).

По-видимому, производными от глагольной основы **ай- ~ **ад-* являются и образования типа тув. *адыр* 'развилина', 'ответвление, ветка', 'приток (реки)', 'отрасль' и подобные ему (ЭСТЯ I, *215*).

адыр I см. **адыр-**.

адыр II [а́дыр] 'погоди, постой, сейчас!, одну минуту!'.

Ср. хак. *адыр* — междометие, выражающее призыв; *адыр, тохта!* 'постой!'; В.В. Радлов считал хак. (саг.) *адыр* изолированной формой повелительного наклонения от *адыр-* 'разделять' (РСл. I, *491—492*). А. Йоки приводил соответствия *адыр* в южно-самодийских словах в качестве тюркизмов, а в тюркских языках (хак., тоф.) связывал с араб. *hādir* 'готовый' (ср. др.-тюрк. *azīr ~ hazīr* 'готовый' < араб. (ДТС, *199*)), полагая, что с распространением ислама арабское слово через посредство других тюркских языков могло дойти до языков сибирских тюрков (Joki, *57*).

Эта версия, как и мнение Радлова, выглядит неубедительно, в частности в логико-семантическом плане. Скорее, это междометие — местное по происхождению слово, начальный компонент которого можно, например, сопоставить с тув. *ха* — возглас, которым подзывают корову, яка, *хаай* — возглас, которым останавливают отару овец, тоф. *ĥa* — возглас, которым побуждают скот стоять смирно (напр., при доении), *ĥaa-ĥaa* — возглас, которым побуждают человека остановиться, *ĥадыр* и *ĥаадыр* 'погоди, постой, сейчас' (Рассадин. Словарь), где начальные *х* и *ĥ* могут быть как исконными, так и протетическими. Сюда же может быть включено и азерб. *a* — восклицание для привлечения внимания (РСл. I, *1*). В целом *адыр* и подобные ему междометия могли быть составными: второй их компонент, вероятно, восходит к повелительной форме глагола *тур-* : *тур!* 'стой!'.

адыр-мыдыр *собир.* 'развилина, ответвление, ветвь'.

Относительно первого компонента данного парного слова см. **адыр-**, **адыр I**. Что касается компонента *мыдыр* (существует и вариант *быдыр*), то он, по всей вероятности, родственен таким словам, как тув. *будук* 'сук, ветка' и *бут* (см. **будук, бут**, а также **быдара-, быдаргай**). Анализ их структуры показывает, что существовала основа типа *бута- ~ буты-* 'ветвиться' (и, очевидно, 'разделять(ся)') и, возможно, производная от нее именная **бут-ыр ~*

бут-ур (> *бытыр* — в частных случаях, с делабиализацией *у* > *ы* первого слога), о реальности которой свидетельствуют глаголы *бытыра- ~ пытыра-...* 'рассеиваться, расходиться'; ср. также хак. (саг.) *пыдра-* 'очищать дерево от сучьев, обламывать ветки' (РСл. IV, *1316*) < **пыдыр* 'сук, ветка' (иначе см.: ЭСТЯ II, *308—309*). На вокализм второго компонента в тув. *адыр-мыдыр* повлияло "соседство" с *адыр*, "рифмование" с ним.

Сходные внешне с *адыр-мыдыр* компоненты встречаются также и в других языках (ср., напр., кирг. *адыр-будур* 'холмистая местность'), но едва ли можно говорить об их гомогенности с тувинским парным словом.

адыш 'ладонь, горсть'.

Тоф. *адыš* 'ладонь'[1], якут. *ытыс* 'ладонь', 'лапа', 'горсть'.

В.В. Радлов сопоставлял тувинское слово с *адак* (*айак*) <'нога'> (РСл. I, *490*), что не выглядит убедительным. Э.В. Севортян (ЭСТЯ I, *100—101*) включил тув. *адыш* и як. *ытыс* в статью, где фигурирует в основном форма *айа* 'ладонь'.

Все они возводятся к глагольной основе **а:й-/*-ад-* + *-а*, *-(α)ш*. Для установления этой основы приводятся слова, считающиеся производными от нее, в том числе тур. диал. *аута* 'ладонь', тат. диал. *айма-* 'захватывать горстями (ладонью)' и т.п., но соответствия с интервокальным *д* среди них отсутствуют. К ним, по-видимому, не может быть отнесено и др.-тюрк. *аδut ~ adut* 'горсть', которое Э.В. Севортян помещает уже в другой статье, где даются слова типа *авуч ~ овуч* 'горсть, ладонь' (то же у Г. Дёрфера, см.: ВЯ 3, 1972, *65*), и отмечает: "На тюркской почве *adut* пока не разъясняется, поскольку корень **ad-* или **adu-* в имеющихся тюркских материалах, кажется, не отмечен" (ЭСТЯ I, *410*), что противоречит ранее сказанному. Вместе с тем по фактическим основаниям более вероятна связь *адыш...* и *adut*, нежели *адыш* и *айа*. В последнем случае родство явно не доказано и вызывает сомнения.

Анализируя *adut*, Э.В. Севортян отмечал, что корень **ад-* (**ad-*) представлен в монгольских языках, в которых отмечены, в частности, глагол *adχu-/amгax* (последнее — с опечаткой: *amчax*) 'сжимать в руке/кулаке' и существительное *adχu/amга* 'ладонь', 'горсть' и здесь мы, возможно, имеем дело с тюркизмом, в дан-

[1] В.В. Радлов дает *адыш* 'ладонь' как татарское слово (с пометой Kas., т.е. Kasaner-Dialect "Казанское наречие") (РСл. I, *493*), что, скорее всего, является результатом ошибки: вместо Kas. должно быть, очевидно, Karg., или Karagassen-Dialect "Карагасское наречие" (что соответствует современному тофаларскому языку). Тот же источник содержит Soj. (=тув.) *адыы* и койб. *адыа* 'ладонь' (РСл. I, *490*), представляющих собой не совсем точно воспроизведенную форму принадлежности 3-го л. слова *адыш* (ср. тув. *адыжы* '(его) ладонь'). Вместе с тем материалы словаря Радлова показывают, что ранее *адыш* было распространено несколько шире, чем сейчас: оно отмечалось и в хакасском языке (в частности, в его койбальском диалекте, ныне не существующем).

ном случае применительно к глагольной основе: ср., кирг. *аткы-* 'цапать (напр., когтями)', 'схватить, сграбастать', сиб.-тат. *аткы-* 'ущипнуть', 'сильно зажать', турк., кирг. *атым* 'горсть, щепотка', с.-югур. *аткым* 'захват руками', где едва ли можно говорить о повсеместных монголизмах. В этот же ряд может быть включен и глагол, связанный с як. *ытыс* 'ладонь', 'лапа, горсть' — *ытыс-* 'брать что-л. горстью', 'зачерпывать'. См. также **аткак**.

Судя по приводимому материалу, существовал корень **ад-* (**ат-*) 'хватать, захватывать (в горсть)', 'черпать' и т.п., от которого с помощью аф. *-ы(ш)* было образовано *адыш*.

Слова *адыш* — в тувинском и тофаларском, *ытыс* — в якутском, по-видимому, архаизмы, наиболее близким которым является др.-тюрк. *аδыт ~ адыт*. Однако *адыш*, скорее всего, не родственно ни *айа*, ни *авуч*. В связи с последним см. **аспак**.

ажаа- [аъ] 'ухаживать, кормить', 'сберегать, сохранять'; 'убирать (урожай)', *перен.* 'хоронить'.

Значения глагола объединены общим смысловым компонентом 'проявлять заботу (о ком-л., о чем-л.)'. Первичное значение, видимо, — 'кормить'. Судя по этому, видна связь с именем *аш* 'пища, еда' (см. **аъш-чем**), а также 'поминки', '(жертвенная) пища' (ЭСТЯ I, *210—211*), с чем отчасти может быть связано появление у глагола значения 'хоронить'. В тюркских языках достаточно широко распространен производный от *аш...* глагол типа *аша-* 'есть, кушать', к числу соответствий которого отнесен и тув. *ажа-* (?) (ЭСТЯ I, *212*) с такой же семантикой, что является результатом недоразумения.

Тув. *ажаа-* отличается от основной части соответствий типа *аша-* как фонетически (наличием вторичной долготы), так и семантически (каузативностью). Полагаем, что долгота "скрывает" аффикс понудительного залога, каковым должен был являться *-га-(-гы)*. Следовательно, **ашаа* восходит к **ашага-* или **ашагы-*. Указанный формант в принципе является реальностью, но он придавал учащательное значение. Рамстедт первоначально рассматривал аф. *-га-* при глагольных основах в качестве древнего форманта понудительного залога, утверждая, что "следы бывших понудительных образований на *-га-* имеются в различных диалектах", но затем он фактически отказался от своей точки зрения (см.: АГ, *243 и след.*). Думается, что тув. *ажаа-* подтверждает ее реальность.

В тофаларском языке отмечен глагол *аша-* 'ухаживать, заботиться, водиться (с ребенком)', 'выхаживать, выкармливать' (Рассадин. Словарь), который фонетически идентичен *аша-* в ряде других тюркских языков, а семантически очень близок тув. *ажаа-*. Может быть, тоф. *аша-* < *ашаа-* (< *ашага-*), но в нем впоследствии была утрачена долгота.

ажаа-тежээ- *собир.*, см. **ажаа-**.

Второй компонент собирательного глагола — монгольского происхождения: ср. п.-монг. *teǰije-*, монг. *тэжээ-* 'кормить; воспитывать'; см. также: ЯМВМ, *211.*

ажаал-тежээл *собир.* 'уход, забота, опека'.

Второй компонент (*тежээл*) — монголизм: п.-монг. *teǰijel*, монг. *тэжээл* 'корм, пища, питание'. *Ажаал* — производное от *ажаа-* (см. **ажаа-**), образованное, по-видимому, по образцу монг. *тэжээл.*

ажай-буурул *высок.* 'древний, седой'.

Монголизм, ср. п.-монг. *ǎǰai buγural*, монг. *азай буурал* 'серебристая седина'. См. также **буурул.**

ажал *разг.* 'месть, мщение'.

Ср. глаголы типа с.-югур. *ачы-*, як. *асый-* 'сердиться; иметь враждебное чувство; досадовать, раздражаться (от подстрекания)', от которых образованы с помощью аф. *-г ~ -в*, *-к* существительные с семантикой 'злоба, ненависть', 'ярость' и т.п. (ЭСТЯ I, *92*). Указанные глагольные основы возводятся, в свою очередь, к «глагольно-именным омоформам **а:ч* с комплексным значением, в состав которого входит 'горечь; горький'» (см. **ажы- I**).

Можно предположить, что глагольная основа, подобная вышеприведенным, могла оканчиваться и на *-а-* (**ажа-* < **ача-*); от нее и было образовано тув. *ажал.* Обычно отглагольные образования на *-л* в тувинском — это либо монгольские заимствования, либо поздние образования по образцу последних (ср., напр., **ажаал-тежээл**), но *ажал* не может быть отнесено ни к тем, ни к другим. Правда, аф. *-л* в отглагольных именах был в определенной мере характерен и для древнетюркских памятников (АИ, *193*). Поэтому в тув. *ажал* можно увидеть, скорее, своего рода реликт.

В ряде тюркских языков существует слово *ажал...* 'смерть', являющееся арабизмом (EW, *4*), но оно, насколько позволяют об этом судить имеющиеся материалы, не отмечено в сибирских тюркских языках. Это обстоятельство, а также семантические различия позволяют говорить, скорее всего, о совпадении этого слова с тув. *ажал.*

ажам 'голодный; ощущающий голод', **ажамык** 'голодный, ощущающий голод; ненасытный', **ажап-чилби** 'жадный, ненасытный'.

Ср. тел. *ачап* 'алчность, жадность' (РСл. I, *503*), алт. (туба) *ажап*, куманд. *ачап* 'жадный'.

А.Т. Кайдаров справедливо отмечает гомогенность тув. *ажам* с *ач ~ аш* 'голод' (см.: Лексика и морфология тюркских языков. — Новосибирск, 1982. — С. 6), но *ажам*, по-видимому, восходит непосредственно не к самому *ач...* в качестве имени, а либо к омонимичному с ним глаголу *ач-* 'голодать, быть голодным' (ЭСТЯ I, *208*), либо к глаголу **ача-*, образованному от именной основы *ач...*

(что кажется менее вероятным, поскольку такого глагола в других языках не отмечено). *Ажамык* структурно также не вполне ясно (связано ли оно с именной или глагольной основой, выделяется в нем формант *-мык* или *-амык*, поскольку в принципе здесь допустимо различное членение; см.: АИ, *308—310*).

Ажап (как компонент сочетания *ажап-чилби*) явно родствен вышеприведенным словам и, в частности, *ажам*. Но конечный согласный тоже нуждается в выяснении: судя по имеющимся соответствиям, *-п* может иметь морфологическую природу, но не исключено, что мы имеем здесь дело с чередованием *м* ~ *б* и переходом *м* > *б* > *п*.

См. также **чилби**.

ажамык см. **ажам**.

ажап-чилби см. **ажам**, **чилби**.

ажы- I 'киснуть, прокисать'; 'щипать, саднить, зудеть'; 'скорбеть, горевать'.

Общетюркское слово, гомогенное с *ажам* (см. **ажам**). О соответствиях и структурных характеристиках см.: ЭСТЯ I, *91—92*.

ажы- II [аъ] 'открываться, быть открытым'.

Очевидно, *ажы-* гомогенно с односложной глаг. основой *аш-* 'открывать' (см. **аш-** II), носящей общетюркский характер. Однако двухсложные глаголы, непосредственно соответствующие тув. *ажы-*, для тюркских языков не характерны (не отмечены, в частности, в ЭСТЯ I, *209—210*). Может быть, *ажы-* свидетельствует о существовании соотносительной с *аш-* (< *ач-*) именной основы **аш* (< **ач*) 'открытый', от которой мог быть образован глагол **ашы-* > *ажы-*. О других свидетельствах ее существования см.: Кажибеков, *132—133*.

ажыг 'с лишним, больше' (*чус ажыг* 'больше ста').

Послелог, представляющий собой производное от *аш-* (см. **аш-**) 'переваливать (через гору)', у которого отмечены также значения 'превышать, превосходить', образован с помощью аф. *-г*.

В других тюркских языках тув. *ажыг* соответствуют чаще всего образования на *-а*(*-ы*) от формы понудительного залога указанного глагола — *ашыра* ~ *ашыры* и под. или, реже, такие же производные образованы непосредственно от глагольной основы *аш-* (ср. турк. *аш-а* 'больше') (ЭСТЯ I, *214*; Щербак 1987, *82*).

ажыгла- [аъ] 'использовать, пользоваться, применять, употреблять; эксплуатировать что-л.'.

Судя по характеру семантики — позднее монгольское заимствование: ср. п.-монг. *ašiγla-*, монг. *ашиглах* 'иметь пользу, выгоду; извлекать прибыль, выгоду; воспользоваться, использовать; эксплуатировать'.

ажыглал [аъ] 'использование, употребление, применение; эксплуатация чего-л'.

Позднее монгольское заимствование: п.-монг. *ašiγlal*, монг. *ашиглал* 'использование, эксплуатация'; см. **ажыгла-**.

ажыг-шүжүг *разг.* 'горе, скорбь'.

Первый компонент (*ажыг*) распространен в свободном употреблении, означая 'кислый', 'горький'; 'горе, скорбь'; он представляет собой имя, образованное от глагольной основы *ажы-* (см. **ажы-** I), в отличие от второго (*шүжүг*), употребляемого только в составе парного слова *ажыг-шүжүг*. Его соответствия, существующие в вариантах *süčig*, *süčük*, *čüčük* и т.д., широко распространены в тюркских языках и означают 'сладкий, приторный'; 'вино' (ДТС, *516*; РСл. III, *2199*, IV, *839—840*; EW, *434*); отмечен также глагол типа др.-тюрк. *süči-* 'быть сладким'. Рясянен полагает, что **süči-* членится на *süt* 'молоко' + аф. *-si-* и, по-видимому, в целом означает 'подобный молоку' (см. также: Рамстедт, *127*), что, однако, спорно (ср.: ВЯ 2, 1993, *93*).

Таким образом, *ажыг* и *шүжүг* — бывшие антонимы. В других тюркских языках сочетания, соответствующие тув. *ажыг-шүжүг*, означают 'превратности судьбы': ср., напр., кирг. *ачуу менен чүчү* 'превратности судьбы, радости и горечи' (букв. 'горькое и сладкое') (КРС, *880*), чаг. *ačïq va süčikni* (*tatïp ärdi*) '(он вкусил) горькое и сладкое' (РСл. IV, *839*).

Прямым соответствием тув. *ажыг-шүжүг*, является турк. *ажы-сүйжи* (в выражениях типа *дурмушың ажысы-сүйжиси* 'горести и радости жизни' (ТуркРС, *29*). В тувинском языке из-за утраты второго компонента в свободном употреблении произошло переосмысление композиты в целом: она стала собирательным, обобщенным обозначением горя, скорби, беды. По форме **шүжүг* ближе всего к др.-тюрк. *süčig*; появление начального шипящего связано в конечном счете с регрессивной дистантной ассимиляцией, в результате которой произошел переход анлаутного *с* > *ч* (ср. узб. *сучук* и *чучук* 'сладкий'); тув. же **шүжүг* непосредственно восходит к прототипу **чучиг* или **чучүг*.

ажык [аъ] 'польза, выгода'; 'доход'; 'заработок'.

Монголизм или, вероятнее, контаминация из двух слов монгольского происхождения: ср., с одной стороны, п.-монг. *ašiγ*, монг. *ашиг* 'выгода, польза, доход', и, с другой стороны, п.-монг. *ačuγ*, монг. *ацаг* 'плата, оплата; заработная плата' (см. также **асык-шалың**). Конечный *-γ(-г)* в монгольских словах, скорее, смычный заднеязычный *-к*, нежели сонант типа тув. *-г*. Поэтому в монголизмах тувинского языка *-γ(-г)* чаще воспроизводится как *-к*. Вышеприведенные монгольские слова могут иметь (хотя бы частич-

но) тюркское происхождение: ср., напр. п.-монг. *ačиγ* 'плата' и др.-тюрк. *ačïγ* 'награда; благосклонность; польза' (ДТС, *5*).

ажык-дуза [аъ-уъ] 'значение, польза, выгода'.

Монголизм: п.-монг. *ašiγ tusa* 'интересы; значение, роль' (ЧР, *13*), монг. *ашиг тус* 'польза, выгода; интересы'. См. **ажык**, **дуза**.

ажык-кончаа [аъ] 'нажива, выгода; прибыль, доход'.

Слово монгольского происхождения. См. **ажык**, **кончаа**.

ажык-олча, **олча-ажык** [аъ] 'доход, доходность'.

Монголизм: п.-монг. *ašiγ olǰa*, *olǰa ašiγ*, монг. *ашиг олз*, *олз ашиг* 'нажива, доход, прибыль'. См. **ажык**, **олча**.

ажык-орулга [аъ] *собир.* 'прибыль, доход'.

Монголизм: п.-монг. *ašiγ orulγ-a*, монг. *ашиг орлого* 'доход, прибыль, рентабельность'. См. **ажык**, **орулга**.

ажыл 'работа, труд'.

Монголизм: п.-монг. *aǰil*, монг. *ажил* 'работа, труд'.

ажыл-агый [-аъ] 'хозяйство'.

Позднее монгольское заимствование. В оригинале тув. *ажыл-агый* соответствует п.-монг. *aǰu aχui*, монг. *аж ахуй*, оба компонента которого восходят к глаголу *а-χи* 'быть, существовать'; первый компонент является формой слитного деепричастия этого глагола, а второй — отглагольным существительным (ЧР, *27*). В тув. *ажыл-агый* проявляется "народная этимология": первый компонент был заменен словом *ажыл* 'работа, труд', также являющимся монгольским заимствованием; см. **ажыл**.

ажыл-үүле *собир.* 'работа, труд'.

См. **ажыл**, **үүле**.

ажыл-херек 'дело, работа'.

Монголизм: п.-монг. *aǰil kereg*, монг. *ажил хэрэг* 'дело, работа'. При этом *херек* в качестве самостоятельного слова, возможно, не является монгольским заимствованием (см. **херек**). См. **ажыл**, **херек**.

ажыл-хожул *разг.* 'дело, работа'.

Первый компонент явно монгольского происхождения (см. **ажыл**). Второй неясен; употребляется только в составе этого слова. Соответствия в монгольских языках нами не обнаружены, хотя по форме (наличие конечного *-л*) *-хожул* также выглядит "монголообразным", однако аф. *-л* в тюркских языках отмечен не только в словах монгольского происхождения, но и в собственно тюркских (см. **ажал**).

Компонент *хожул*, возможно, следует сопоставить с як. *хосулаі-* 'действовать энергично, решительно; двигаться торопливо' (Пек. III, *3526*), *хоһулай-* 'хлопотать за кого-л.' (ЯРС, *502*), *хосуун* (~ *хосун*) 'смелый, отважный, храбрый, удалой; шустрый, бойкий, ловкий, энергичный; усердный (работник)...' (Пек. III,

3526—3527), *хоһуун* 'трудолюбивый, работящий', уст. 'смелый, храбрый, удалой; энергичный' (ЯРС, *503*). кирг. *кошолоңдуу* 'резвый' (*кошолоңдуу тору ат* фолькл. 'резвый гнедой конь'). В этих словах можно выделить, по-видимому, глагольную основу **кош(у)-*, характеризующую энергичное, решительное действие, усердие, трудолюбие. В як. *хосулаі-* (*хоһулай-*) также ощущается, вероятно, именная основа **хосул* (*хоһул*), соответствующая тув. *хожул* (< **кош(у)-л*).

Предполагаемую глагольную основу **кош(у)-* можно связать с тур. *koş-* 'бежать, мчаться, скакать; спешить, торопиться'.

ажылчын *сущ., прил.* 'рабочий, работающий'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *aǰilčin*, монг. *ажилчин* 'рабочий, трудящийся'.

ажын- 'сердиться, дуться, злиться'.

Широко распространено в тюркских языках в вариантах *ачын- ~ ажын-* 'сожалеть, быть печальным'; 'сердиться' (РСл. I, *506*, *522*), по происхождению является формой медиопассива от *ачы- ~ ажы-* (см. **ажы-** I), что фактически отмечено В.В. Радловым, но в ЭСТЯ *ажын-* и его соответствия не нашли отражения.

ажыр см. **ажыргы**.

ажыргы: **ажыргы чарык** 'правая сторона коня или вола (с которой не садятся верхом)'.

Второй компонент сочетания — слово *чарык* 'сторона' (см. **чарык**). Соответствий первому компоненту в других тюркских языках не найдено. По-видимому, в конечном счете тув. *ажыргы* связано с глагольной основой *аш-* 'миновать, оставить позади' (см. **аш-** I). Ср. производный от нее послелог *ажыр* 'через', 'мимо'. *Ажыргы* могло быть образовано от *ажыр-* — формы каузатива указанной основы с помощью аф. *-гы*.

В современных тюркских языках отглагольные производные на *-гы* — в основном существительные (в частности, со значением орудия, приспособления), но в древнетюркских и средневековых тюркских памятниках аф. *-гы* служил и для образования имен со значением признака, а также причастных форм (АИ, *228*, *232*). К числу подобных архаичных образований можно отнести и тув. *ажыргы*.

ажыт 'скрытый, спрятанный за чем-л., невидимый'.

По-видимому, одно из отглагольных образований на *-(α)т*, среди которых отмечены и имена со значением признака (см.: АИ, *279—284*). Производящей основой можно считать глагол *аш-* (см. **аш-** I), среди значений которого в тувинском и других тюркских языках отмечены 'скрываться, заходить (о небесных светилах)', 'быть проглоченным', 'пройти мимо', 'уйти так далеко, чтобы не было видно', 'пропадать' (ЭСТЯ I, *213*). В других тюркских языках

отмечены образованные от той же глагольной основы (но со значением типа 'переваливать') имена, одноструктурные с тув. *ажыт*, но с иной семантикой: ср. тур. *aşıt* 'вершина горы', узб. *ашит*, др.-тюрк. *ašut* 'перевал' (АИ, *281*, *282*, *283*), тув. *ажыг* 'перевал'.

ажы-төл [аъ] 'дети; потомки'.

Компонент *ажы* самостоятельно не употребляется, в отличие от *төл* 'дитя, детеныш' (см. **төл**); Н.И. Егоров сближает тув. *ажы-төл* с чув. *ача* 'ребенок', алт. *ачы* 'младший брат, племянник', монг. *ачі*, *ач* 'внук (по мужской линии); племянник', др.-тюрк. *atï* 'внук, племянник (сын младшего брата)...' (Исследования по этимологии чувашского языка. — Чебоксары, 1981. — С. 32). Исходя из др.-тюрк. *atï*, праформу рассматриваемых наименований Н.И. Егоров восстанавливает в виде ***atï*.

С этим соображением, на наш взгляд, можно согласиться лишь отчасти. Например, в принципе логично возводить к прототипу *atï* монг. *ачі*, но едва ли к нему же можно возвести тюркские названия типа алт. *ачы*, которые могут быть монголизмами, как, возможно, и *ажы* в тув. *ажы-төл*, тем более что *ачі/ач* и их соответствия в монгольских языках употребляются в составе парных слов с той же собирательной семантикой, что и у *ажы-төл*; ср. п.-монг. *ачі üre*, монг. *ач үр* 'потомки, потомство', бур. *аша үрэ*, *аша гуша* 'внуки и правнуки; потомки'.

Не очень убедительно выглядит в этом ряду чув. *ача*, поскольку, в частности, начальный *а-* в словах чувашского языка почти не соответствует подобному же гласному в словах других тюркских языков. Фарингализация гласного в тув. *ажы* [аъжы] отражает сильное качество аффрикаты *ч* в *ачі*.

ажы-төрү- 'жить, существовать (о людях)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *аjи törü-*, монг. *аж төрөх* 'жить, существовать; иметь средства к жизни'. Первый компонент по происхождению — деепричастие от глагола бытия *а-*. См. также **ажыл-агый**, **төрү-**.

аза 'черт, злой дух, сатана.'

Тоф. *аза* 'черт', алт. *аза* 'злой дух, демон', шор. *аза* (наряду с *айна*) 'злой дух', тат. *аза* 'злой дух, который живет в земле или под землей', тат. диал. *азат* 'дух болезни детей' (Ахметьянов. ОЛДК). Сравнительно недавно *аға* (значение которого восстанавливается исходя, в частности, из тув. *аза*) обнаружено и в древнетюркских рунических памятниках Алтая В.М. Наделяевым (Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — Новосибирск, 1981. — № 11, вып. 3. — С. 74, 75). По мнению В.И. Рассадина, *аза* является словом енисейско-кетского происхождения и сопоставляется с ассан. *аса*, коттск. *аса*, *аша* 'дьявол' (Рассадин. Фонетика, *93*), но Э.Ф. Чиспияков интерпретировал случаи типа *аса*, *аша* как тюркские заимствования в

южно-енисейских (ныне мертвых) языках (Языки и топонимия. — Томск, 1976. — С. 75), что представляется более обоснованным.

Уже В.В. Радлов сопоставлял *аза* с монг. (п.-монг.) *ада* 'черт, дьявол, нечистый дух' и зафиксировал *ада* 'черт, злой дух' в киргизском (РСл. I, *447*, *557*), что, однако, не подтверждается современными словарными материалами.

С *аза* и *ада* (*ada*) сопоставляется др.-тюрк. *ada* 'бедствие, опасность, несчастье' (Ахметьянов. ОЛДК, *12*), что небесспорно (см. **ат II**).

Учитывая, что в алтайских диалектах, шорском и хакасском языках отмечено слово *айна*, синонимичное *аза* (РСл. I, *17*), можно предположить, что в случае с *аза ~ ада ~ айна* мы имеем дело с распространенным чередованием *д ~ з ~ й*, но ареальная характеристика с этим не согласуется. Кроме того, в имеющихся этимологических разработках ни *айна*, ни *ада* не связываются с *аза* (см. EW, *5*, *12*, *20*).

По-видимому, оправдана трактовка *аза* (наряду с тат. диал. *азат*) как производного от глагола *аз-* 'совращаться, вырождаться'... (Ахметьянов. ОЛДК, *12—13*). Этот глагол, имеющий также семантику 'беситься', 'быть обуреваемым похотью' и т.п., в ЭСТЯ связывается то с *а : з-* 'сбиваться с дороги', то с вариантами глагольной основы, к которой возводится название жеребца (ср.: ЭСТЯ I, *94* и *108*), но, возможно, это был какой-то особый, самостоятельный глагол. С *аза*, по-видимому, гомогенно ног., каз. *асау* 'дикий, необъезженный (о лошади)'.

аза-бук *собир.* 'черти, бесы'.

См. **аза**, **бук**.

азазыг 'ничтожный, крохотный, крошечный, малюсенький'; **азарганчыг** то же.

В ТРС (с. 45) последнее приводится в одной статье с *азарганчыг* 'скверный' (< *азарга-* 'брезговать' < *аза* 'черт'), тогда как *азазыг* I 'крошечный' обоснованно дается как омоним к *азазыг* II 'похожий на черта'. По-видимому, *азазыг* I связано с *ас ~ аз* 'немного' (см. **ас II**) или с глаголом *аз-* 'уменьшаться', который, правда, встречается редко (ЭСТЯ I, *93—94*), но, во всяком случае, основа **аза* в *азазыг* I (< *аза-зыг*) должна являться именной. Прямых соответствий *азазыг* I в других тюркских языках не обнаружено, а соответствие производящей (глагольной) основы прилагательного *азарганчыг* отмечено, в частности, в чаг. *азірган-* 'считать за малое, пренебрегать'[1] < *аз* 'малый' (АГ, *328*).

[1] По другим данным, этот глагол в чагатайском имеет форму *azyr-yan-* с семантикой 'почитать малым или ничтожным; казаться малым кому, быть недовольным' (см.: Благова. БН, *210—211*).

В "Грамматике тувинского языка" приводится глагольная основа *азырган-* 'считать себя малым (малочисленным), умалять себя' (от *ас* 'малый'), истолковываемая как производное с аф. *-ырга* в форме возвратного залога (ИП, *270*). Очевидно, *азырган-* есть вторичный фонетический вариант **азарган-* в *азарганчыг* (< *азарган-чыг*).

Вместе с тем в указанной работе особо отмечено отсутствие долготы в приводимой основе (*азырган-* вместо ожидаемого *азыырган-*), чем, по-видимому, также подтверждается то, что она является производной не от *ас*, а от **аза*.

аза-муна 'невнятно, неясно; невпопад, некстати (о разговоре)'.

По всей вероятности, это наречие, восходящее к соединительному деепричастию на *-а* от парного глагола или от сочетания близких по значению глагольных основ **аз- мун-*, где первый компонент — глагол *аз-* (*ас-*) 'терять дорогу, заблуждаться, сбиваться с пути' и т.п. (см. **ас- I**), а второй (*мун-*) можно отождествить с др.-тюрк. *тип-* 'заблуждаться; становиться слабоумным, впадать в детство; нести вздор' (ДТС, *348*); ср. также древнетюркский парный глагол с соотношением компонентов, обратном **аз- мун-*: *тип- аз-* 'терять рассудок, беситься (о животных)' (ДТС, *348*).

азар I [аъ] 'навес, укрытие, тент (для предохранения вещей от дождя, солнца)'.

По-видимому, непосредственно *азар* можно считать монгольским заимствованием: ср. п.-монг. *asar*, монг. *асар* 'палатка, шатер; башня', бур. *асар* 'палатка, шатер; башня, башенка'. В то же время вероятна гомогенность с общетюрк. *ас-* 'вешать, вывешивать' (см. **ас- II**), но производные такого характера, непосредственные соответствия тув. *азар*, для других тюркских языков не характерны. Глагол *ас-* мог повлиять на семантику существительного *азар* ('то, что вешают'); монг. *asar*, *асар*, возможно, связаны с *аса-* 'подниматься, влезать наверх', которое некоторые исследователи опять-таки связывают с *ас-* 'вешать' (ЭСТЯ I, *193*).

азар II [аъ] *уст. рел.* 'небо'; **азарлар** 'небожители'.

Вероятно, связано с др.-уйг. *asur*, *asuri* 'асурии, класс демонических существ; демон' < скр. *asura* (ДТС, *61*; Боровков 1963, *29*) или с монг. *asur*(*i*) 'злые духи', восходящим к тому же источнику. Однако семантика тув. *азар* ('небо в религиозном смысле') позволяет предположить, что оно, возможно, гомогенно с *азар* I (см. **азар I**) или, по крайней мере, испытало влияние глагола *ас-* 'вешать, подвешивать' или монг. *asa-* 'подниматься'.

С индийской или индоиранской мифологией связываются и образования типа тат. *азар-бизэр* 'расстроенный; в смятении', чув. *асар-писер* 'нечистая сила', кирг. *азар-безер* 'обеспокоенный' (Ахметьянов. ОЛДК, *13—14*), но вместе с тем оба компонента этих наименований считаются словами иранского происхождения, не свя-

занными с санскритским *asura* (РСл. I, *560*; EW, *29, 33*; КРС, *25, 123*).

азарганчы- 'возноситься, кичиться'.

Непосредственных соответствий в других тюркских языках не обнаружено. Между тем тув. *азарганчы-* определенно связано в итоге с глаголом *аз-* (*а:з-*) 'выступать из берегов; переходить границы, пределы; перерастать любые размеры' и под. Отсюда *аҙар* 'большой' (по Ценкеру) (ЭСТЯ I, *94*). Очевидно, реальна глаг. основа **азар-га-(н)-* *'увеличивать(ся)', от которой с помощью аф. *-(н)чы-* образовался глагол *азарганчы-*. Указанный формант сохранился в тофаларском языке, где *-ньчжы-* служит для образования от глагольных основ глаголов со значением 'чувствовать, ощущать, испытывать какое-либо чувство' (см.: Рассадин. Морфология, *243*). В данном случае *азарганчы-* фактически означает 'представлять себя большим (великим)', 'возомнить о себе'.

В.И. Рассадин отмечает, что *-ньчжы-* довольно редкий в тюркских языках аффикс. В тувинском языке такой формант практически отсутствует, выступая в основном как часть составного по происхождению аф. *-нчы-г* (*-нчу-г*)... образующего прилагательные (ИП, *202*).

азарганчыг см. **азазыг**.

аза-хортан 'черти' (см. **аза**); 'хитрый, ловкий; коварный' (см. **хортан**).

аза-четкер см. **аза, четкер**.

аза-шулбус см. **аза-бук, аза, шулбус**.

азы [аъ] 'или, либо'.

Из современных тюркских языков отмечено, кажется, лишь в тувинском, а также в тоф. (*азу* 'или'), где оно считается древнетюркским по своему происхождению (Рассадин. Фонетика, *83*).

Действительно, соответствия этого союза отмечены в древнетюркских памятниках, в вариантах *азu*, *азun*, *аz* (реже) и, эпизодически, *adu* (ДТС, *13, 72, 73*; Боровков 1963, *13, 43*). В Тефсире (Боровков 1963, *73*) отмечено также *азура* 'или; либо; наоборот', а *абу ~ азу* в нем отнесено к архаической лексике, сближающей Тефсир с языком памятников XI в. и более раннего времени (Там же, *17*).

По предположению Дж. Клосона, указанный союз имеет персидское или арабское происхождение (ED, *280*). В ДТС с арабским и, в частности, с араб. диал. *adū* 'кроме', 'еще', 'или' сопоставляется только *adu* 'или' (?) (ДТС, *13*), что, вероятно, обосновано, но едва ли проясняет этимологию слова в целом и часть его форм (напр., *азура*).

По мнению других исследователей, *азu*... имеет тюркское или, шире, алтайское происхождение. Так, В. Томсен и М. Рясянен связывали его с тюрк. *аz-* 'заблуждаться, сбиваться с пути' (ГЯТРП, *33*). А.Н. Кононов в своей монографии по языку рунических памятников приводит две этимологические версии, первая из которых да-

валась выше, а вторая, принадлежащая О. Притцаку, связывает *azu* с глагольной основой *a-* '*sein*' ('быть, являться') (ГЯТРП, *206—207*), имеющейся в монгольских языках. Однако ни первая, ни вторая (особенно!) версии не выглядят достаточно убедительными в структурно-семантическом плане, хотя возможно, что *azu*... могло быть вторично осмыслено (в духе "народной этимологии") как производное от *аз-* 'сбиваться с пути' или *ас-* ~ *аз-* 'совращаться' и т.д. (см. **аза**), что, с одной стороны, объясняет преобладание у слова вариантов с интервокальным *-з-*, но, с другой — остается неясным появление фарингализации гласного в тув. *аъзы*.

Представляется более логичным связать *azu* ~ *азы* с *ад-* ~ *аз-* ~ *ай-* 'разделять(ся)', 'отделять(ся)' (ср. **адыр-**, **адыр**); в таком случае форма *азура* из Тефсира может быть интерпретирована как производное от каузативной формы указанного глагола (*азур-а*). Если принять эту версию, то можно также говорить о гомогенности *азы* ~ *azu* ~ *аби* с распространенным в письменных памятниках словом *адын* ~ *абын* 'другой, иной', 'еще', 'снова', 'кроме' (ДТС, *10*; Боровков 1963, *40*; о его структуре см.: ЭСТЯ I, *115*).

Вместе с тем, если основываться на подобном этимологическом сближении, то в тувинском и тофаларском вероятнее было бы ожидать вариант **ады*, а не *азы*. Но данный случай может быть отнесен к числу тех немногочисленных отклонений от общего правила, которые отмечены в этих языках и которые характеризуются наличием *з* на месте ожидаемого *д* (см. **азыг II**, **аскыр**, **эзер**).

азыг I 'клык'.

Общетюркское; отмечено в вариантах *азыг* ~ *азы* ~ *азув* ~ *азав* со значениями 'коренной зуб, клык; острые зубы; шило, игла; острие, лезвие, жало' (ЭСТЯ I, *96—97*).

К числу родственных с *азыг* слов нами относятся также як. диал. *аhай* 'клык' (ДСЯЯ, *52*), с.-югур. *азгашкан* 'шаманское название божества с выдающимися клыками' (Малов. ЯЖУ, *12*).

О происхождении слова имеется несколько гипотез, основная часть которых рассматривается в ЭСТЯ. Сам Э.В. Севортян считает *азыг*... "названием орудия/средства от глагола *азы-*, **аза-* на основании сближения, в частности с тур. *azı-* 'разжевывать еду, пищу'... (по-видимому, первоначально о животных)", затем высказывает предположение, что сюда же относится **аз-* 'колоть' (?), восстанавливаемое на основании анализа названий колючих растений типа тур. *azan* ~ *azgan* и др.

Думается, что *азы-* 'разжевывать пищу' и **аз-* 'колоть' едва ли совместимы в логическом плане. В своей этимологии Э.В. Севортян исходит фактически сразу из двух значений, связанных с зубами: 'коренной зуб' (тот, которым жуют, разжевывают) и 'клык' (имеющий заостренную форму), что не вполне правомерно.

В данном же случае более логично считать исходной либо семантику типа 'клык', либо семантику, связанную с другими предметами заостренной формы: шилом, иглой и т.п. (см. выше), к которым можно отнести и клыки. Ср. также рус. *клык*, трактуемое как производное от **kolti* 'колоть' (Шанский и др., *199*; Фасмер II, *256*). Значения же 'коренной зуб', как и алт. (жен.) 'зуб, зубы' (ЭСТЯ I, *97*) вторичны. Глагольная основа *azı-* 'разжевывать пищу' могла быть образована по конверсии от *азы* 'коренной зуб, коренные зубы'. См. также **диш**.

азыг II 'угол, грань'.

Непосредственных соответствий этому слову в других тюркских языках не обнаружено, но, кажется, тув. *азыг* гомогенно с *айыр ~ азыр ~ адыр* (см. **адыр I**), означающим не только 'развилина, ответвление', но и 'угол', о чем свидетельствует алт. (туба) *айыр* 'угол дома'; ср. также хак. (саг.), шор. *азыр-* 'расходиться, разделяться, образовывать угол' (РСл. I, *568*).

В отличие от глагола *адыр-* и сущ. *адыр, азыг* восходит к варианту *аз-* (*аδ-*) глагола *ай- ~ ад- ~ аδ-* 'разделяться', как, вероятно, и союз *азы* (см. **азы**), хотя здесь более логичной для тувинского языка была бы форма **адыг*. Ср. **азы, аскыр, эзер**.

азыма, азымал [аъ] 'нутрец, самец с одним яйцом (о баране, жеребце)'; *презр.* 'слабак (о мужчине)'.

Может быть сопоставлено с узб., кр.-тат., тур., др.-тюрк. *азман*, каз., ног. *азбан*; *azma ~ azman* (МК) с семантикой 'кастрированный (о животных)', 'баран-валух', 'баран, не способный к оплодотворению' и т.п. (ЭСТЯ I, *96*).

Э.В. Севортян рассматривал *азман ~ азбан* как производное, образованное с помощью аф. *-ман > -бан* в объектном значении от глагола **(й)аз-*, **(й)аза-* 'холостить', представленного в тув. *чаза-*... 'кастрировать...', что нам представляется неубедительным, в частности, с учетом приводимого далее вполне обоснованного мнения С. Калужинского, согласно которому тув. *чаза-* — монгольское заимствование (ЭСТЯ I, *96*; **чаза-**).

Э.В. Севортян приводит также сравнение тюрк. *азман*... с монгольским *asamaγ/асмаг* 'холощеный бык', *asaman/асман* 'имеющий одну тестикулу', *'животное, холощенное при наступлении зрелости'* и рассматривает кирг. *асман* 'бык, кастрированный в зрелом возрасте' как монголизм, хотя, по мнению М. Рясянена, тюрк. *азман ~ азбан*... в один ряд с которыми поставлено тув. *aspan* 'кобылка' (см. **аспан**), вообще относятся к монгольским заимствованиям (EW, *33*), что нельзя принять в полном объеме.

С учетом того факта, что среди названий кастрированных животных немало эвфемизмов, нельзя ли тюрк. *азман ~ азбан* связать с распространенной в тюркских языках основой *аз-* 'худеть', 'исто-

щаться', 'чахнуть' (ЭСТЯ I, *161*)? Первоначально *азма(н)*..., возможно, означало 'слабый, неполноценный'.

Что касается тув. *азыма(л)*, то оно, судя по своему внешнему облику (наличие гласного между *з* и *м*, фарингализация гласного *а*) и семантическим особенностям, может быть отнесено к числу монголизмов (ср. монг. *асман*, п.-монг. *asaman* 'неполноценный самец'). Утрата конечного *-н* встречается часто в современном монгольском, поэтому вариант *азыма* вполне понятен. Конечный *-л* в *азымал* может быть рассмотрен как случай замены одного сонанта (*н*) другим (*л*), возможно, отчасти происшедшей под влиянием монголизмов на *-мал* и образованных с помощью форманта *-мал* слов тувинского языка (ИП, *168—169*).

азымал см. **азыма**.

азыр- 'чихать'.

Общетюркская основа с тем же значением, имеющаяся в вариантах *аскыр- ~ асыр-* и др.; связана с подражательным корнем (см. ЭСТЯ I, *194—195*).

азыра- [аъ] 'кормить, питать; воспитывать; приручать'.

Глагол *азыра-* имеет соответствия общетюркского масштаба, в числе которых *аср-* (< *асыра-*) и т.п. со значениями 'питать, кормить; выращивать, растить; воспитывать, охранять, беречь'. По Севортяну, *асра-* (< *асыра-*) — отыменный глагол с аф. *-ра-*, образованный от имени *асы* с центральным значением *'вскормленный, выросший' (ЭСТЯ I, *194—195*).

Тув. *азыра-* (*азра-*) Н.Ф. Катанов считал монголизмом (Опыт, *424*); но, хотя в монгольских языках имеется близкое соответствие тюркскому глаголу *asara-/acpax* 'соболезновать, сострадать', 'воспитывать', 'кормить, питать', думается, что столь однозначно вопрос о происхождении в тувинском языке этой глагольной основы решить трудно. Межд. *азыра*, как и в случае *авыра* (см. **авыра**) является по происхождению формой 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения от *азыра-* в значениях 'спасать, беречь' и т.п., что также характерно для тюркских языков.

азыра I 'название маски цама, изображающей человеческое лицо'; *рел.* 'танцор в маске быка с рогами' (ТРС).

Монгольское или тибетское заимствование. Ср. п.-монг. *azar*, а также монг. *адзар* 'учитель, наставник; учитель-индиец, индийский мудрец; название маски-персонажа мистерии цам, изображающей индийского мудреца' < тиб. *а-са-ра ~ азара* то же (Владимирцов. Ср. грамматика, *221*). В свою очередь, тибетское слово было связано своим происхождением с санскритом: ср. скр. *ācārya*, откуда также др.-уйг. *ačari ~ ačarï* 'учитель, наставник' (ДТС, *4*; Тугушева, *307*). Приведенные монголо-тибетские соответствия объясняют особенности фонетического облика и первое значение тув. *азыра*. Не иск-

лючено также, что *азыра* могло быть и названием маски быка, и участника цама в этой маске, поскольку в монгольском языке отмечено также и слово *азар* (*азар ухэр*) 'бык с густой шерстью на голове' (Цэвэл, *25*), и могла произойти контаминация двух слов: названия маски и названия быка.

азыра II [аъ] *межд.*; ср. **авыра, азыра-**.

азыракчы [аъ] 'кормилец, воспитатель; откормщик (скота)'.

Это слово может быть как собственно тувинским (недавним по времени), производным от *азыра-* (см. **азыра-**), так и непосредственно монгольским заимствованием: ср. п.-монг. *asaraγči*, монг. *асрагч* 'няня; воспитатель; опекун, покровитель'.

азырал [аъ] **1.** 'кормление (скота), приручение; корм, фураж; выращивание', **2.** 'домашний (о животных)'.

Ср. хак., алт. *азырал* 'пища, корм; питание, кормление; фураж'. Вероятно, монголизмы; к их числу относят, напр., хак. *азырал* (Рассадин. МБЗ, *37*). Вместе с тем семантика монгольского слова выглядит иначе: п.-монг. *asaral*, монг. *асрал* 'милосердие, сострадание, любовь, доброта; спасение; забота, уход'.

Вероятно, *азырал* в языках южносибирских тюрков с семантической стороны отражает более древнее состояние монгольского слова.

ай I 'луна; месяц (календарный)'.

Общетюркское. Праформа восстанавливается в виде **a:й* или, с учетом тоф. *aj̃*, **a:й̃* (ЭСТЯ I, *98—99*). Но первоначальное значение здесь, вероятно, не 'луна', а иное. См. **ай II**.

ай II, ай *вост.* 'сарана, саранка'.

Тоф. *ай* 'сарана'; В.В. Радлов отмечает *ai* 'луковица, которая употребляется в пищу' в тув., тоф. и койбальском диалекте хакасского (РСл. I, *3*); в других южно-сибирских языках и диалектах эта основа существует в составе слова *саргаі* (< *сарыг* + *аі*) 'сарана' (РСл. IV, *332*) (*сарыг* 'желтый').

Этимология слова неизвестна. Рясянен под вопросом возводит название саранки (*aj*) к кор. *pha* 'лук(овица)' (EW, *10*), что выглядит сомнительно. Мы полагаем, что *ай* 'саранка' гомогенно с *ай* 'луна' (см. **ай I**): сходство их семантики бесспорно (оба слова обозначают предметы округлой формы, если исходить из того, что *ай* первоначально обозначало плод саранки, луковицу). Не случайно поэтому и сходство внешнего облика слов: наличие назализованного *j̃* в том и в другом случае. Сказанное не означает, что название луковичного растения восходит непосредственно к названию луны (хотя не исключено и это, учитывая также желтый, "лунный", цвет луковицы).

Скорее, оба слова восходят к *ай* (~ **aj̃*) с первоначальной семантикой 'круг' или 'шар', 'круглый', 'шарообразный'. О реальности слова с такой семантикой свидетельствует, в частности, распро-

страненная тюркская глагольная основа *айла-* 'вертеть, кружить, вращать; окружать', которую, по мнению Севортяна, "можно этимологизировать двояко: 1) < *ай-ла-*, где **ай* имеет значение открытой местности...; 2) нельзя исключать... возможности образования *айла-* от **а:й* 'луна, месяц'" (ЭСТЯ I, *110*).

С учетом сказанного вторая возможность как раз более реальна, если предположить, что производящая именная основа означала не 'луна', а 'круг(лый)', 'шар(ообразный)'.

Связь *ай* 'луна' и *ай* 'саранка' имеет определенную параллель в монгольских языках, где, вероятно, не случайным является сходство слов *сар(а)* 'луна' и *сарана* 'сарана, саранка' (с последним связано рус. *саран(к)а*).

ай III см. **ай де-**.

ай-бес *собир.* 'съедобные коренья'; см. **ай II, бес I, II**.

айбы 'просьба, поручение; повеление; заказ'.

Тоф. *ajbы* (*айбы*) 'просьба, приказ, наказ; разрешение', алт. *айбы* 'просьба, приказ' (Рассадин. Фонетика, *152*; Рассадин. Морфология, *76*).

В.И. Рассадин в принципе правильно истолковывает *айбы* как имя, производное от тюркского (хотя, по-видимому, не обязательно от др.-тюрк.) *aj-* 'говорить, сказать' и образованное при помощи непродуктивного аф. *-бы*. Глагол речи *ай-* имеется и в других тюркских языках (ЭСТЯ I, *99*). См. также **айтыр-, айыт-**.

айгадаң 'открытый, обозримый; открытый, безлесный'.

Ср. алт. (леб.) *аіга* 'гладкий' (РСл. I, *14*), хак. *айгы* 'гладкий, скользкий лед', чул.-тюрк. *айгыс* 'гололед' (Бирюкович, *27*), каз. *аікын* 'широкий, пространный, далеко простирающийся' (РСл. I, *12*); сюда же, возможно, относятся як. *айгаары* 'просторный (дом), огромный (вещь, орудие)' и под. (см.: Попов, *93*).

По всей вероятности, гомогенно с *аяң* 'альпийский луг; лужайка, поляна', которое Э.В. Севортян объяснял как отыменное с уменьшительным значением от *ай* 'поле' (ЭСТЯ I, *105—106*), но, исходя из вышеприведенных материалов реален также и глагол **ай-* 'быть ровным (гладким), открытым', производными от которого могут быть алт. *аіга* (< *аі-ға*), хак. *айгы* (< *ай-гы*) и, вероятно, другие имена: *айгыс* и *айкын*, хотя последние имеют аффиксальную часть, которая, возможно, включает в себя компонент *-гы-*, характеризующий интенсивность или частоту действия (существует также в варианте *-га-*).

Сюда же должно быть отнесено и редко встречающееся тув. *айга-тайга* 'обширное безлесное нагорье' (АА, *166, 219*), точнее, его первый компонент; см. **тайга**.

Тув. *айгадаң* в структурном плане может быть представлено как **айга* (именная основа) + глаголообразующий аф. *-да-* (или *-д-* ~

-т-) + -(α)*ң* — аф., образующий отглагольные имена (чаще с признаковым значением). Возможно, однако, что **айга-* было глагольной основой с аф. интенсива *-га-*, а **айгат-* — та же основа в форме каузатива.

Что касается тув. *аян*, то в ЭСТЯ с ним в исходной части словарной статьи сопоставлено только кирг. *айант* 'площадь; прогалина среди горного елового леса', но у тувинского слова есть и прямое соответствие в виде алт. *айаң* 'поляна на высокогорье или лесная поляна', с которым О.Т. Молчанова сопоставляет еще хак. *аян* 'лысый', кум. *аяз* 'лысина' (ТСГА, *17*); ср. также тат. диал. *айаз* 'поляна или открытое место в лесу' (Садыкова З.Р. Говоры оренбургских татар. — Казань, 1985. — С. 123). С *аяң* (и *айгадаң*) можно сопоставить еще каз. *айдын* (точнее *айдың*) 'широкое большое озеро; широкий водоем, открытая поверхность большого озера' (Ономастика Средней Азии. — М., 1978. — С. 112—113), як. *айдаң* 'необыкновенно обширный, огромный' (иначе см.: Попов, *52*), каз. диал. *аймак* 'большое, обширное' (Аманжолов, *354*). Все это, скорее, отглагольные, чем отыменные образования.

айгы-байгы [аъ-аъ] 'весь, имеющийся в наличии'.

Слово монгольского происхождения, первый компонент которого связан, по-видимому, с монгольским глаголом *ахи* 'быть, существовать; иметься в наличии' (см. также **ажы-төрү-**, **ажыл-агый**), а второй — со сходным с последним по своей семантике глаголом *baiхи* (см. **байгы**). Появление *й* в первом компоненте тув. *айгы-байгы* — результат частичного уподобления его второму компоненту.

ай де- 'гнать, отгонять, прогонять (о скоте); призывать к порядку'.

В других тюркских языках более распространен глагол *айда-* 'гнать, прогонять', который В.В. Радлов возводит к *ai* 'восклицание' (алт. *ай* 'крик, когда гонят скот' (ГАЯ, *141*)) + аф. *-ла-*, отмечая в то же время, что форма *аіла-* нигде не встречается (РСл. I, *49*). В действительности же *айда-*, скорее всего, сингармонизированный вариант глагольного сочетания *ай де-*, где второй компонент — глагол речи *де-*.

Ср. с.-югур. *айде-* 'гнать, пасти скот', которое С.Е. Малов под вопросом расчленяет на *ай де-* 'говорить ай' (ЯЖУ, *13*), что вполне оправданно. См. также **хай (хай де-)**.

айдың 'лунный свет; светлый (о лунной ночи), лунный'.

Общетюркское; основная форма — *айдың*, отмечена со значениями 'лунный (свет)', 'свет, блеск, сияние', 'светлый, сияющий, сверкающий, яркий' и т.д. Согласно общепринятой этимологии, *айдың* связано со словом *ай* 'луна' (см. **ай I**), хотя структура слова недостаточно ясна. По Севортяну, *айдың* — производное, образованное аф. *-ң* в значении носителя процесса, объекта последнего и их признаков от глагола **а:йды-*, семантика которого не приводится.

Однако аф. *-ды-* не характерен для тюркских языков (если только не считать его редким вариантом аф. *-да-*), но главное, что вызывает сомнение, — это кажущаяся бесспорность гомогенности *ай* и *айдың* и первичности семантики последнего, связанной с луной. Значения 'лунный свет', 'лунный' могут быть вторичными, явившимися результатом позднего ассоциативного сближения *айдың* с *ай* 'луна'. Об этом свидетельствует, в частности, распространенность семантики 'светлый, яркий, сияющий', которую не вполне логично интерпретировать как вторичную от 'лунный'. В ряде современных тюркских языков соответствие *айдың* — слово *айдын* вообще не имеет "лунной" семантики, а означает 'свет, блеск, сияние'; ср. также 'отверстие для света' ((тур.) РСл. I, *52*). Семантика яркого света проявляется и в производных от *айдың* словах; ср. тув. *айдыңна-*, означающий 'стать светлым (от лунного света)' и вместе с тем 'притупляться, ослепляться от света (о зрении)'.

Любопытно, что даже приводимый в ЭСТЯ материал, который должен бесспорно подтвердить генетическую связь между *ай ~ а : й* 'луна' и *айдың*, недостаточно убедительный: ср. тур. диал. *ay aydın*, *ay aydiñi* 'лунный свет', которые по своему происхождению являются, скорее, результатом не тавтологии, а игры слов, свидетельствующей о том, что *aydın* обозначало какой-то иной, но не лунный свет (ЭСТЯ I, *105*).

Думается, что *айдың*, скорее, гомогенно с общетюрк. *айаз ~ айас* 'ясный, безоблачный'... (см. **аяс-, аяс**), которое считается производным от именной — *ай* 'ясный' или глагольной основы *ай-* 'быть ясным' (ЭСТЯ I, *102—103*, *755*), но не очень понятно, какова структура *айдың*. Думается, что последнее двухкомпонентно: *айдың*. Такое членение предлагает В.И. Рассадин (Морфология, *65*), правда, трудно согласиться, что основа *ай* означает 'луна'. Кроме *айдың*, непродуктивный аф. *-дың* обнаруживается им в еще одном тофаларском слове — *кырдың* 'острая грань' (< *кыр* 'грань'), причем отмечается, что в других тюркских языках он вычленяется в одном слове *айдың* (с. 65).

Это не совсем точно: в тувинском, например, кроме *айдың* отмечены и другие слова на *-дың* (*-тың*): *имиртиң* (наряду с *имир*) 'сумерки' и *бүлүртүң* 'сумрак, полумрак' (см. **бүлүртүң, имир[тиң]**). Возможно, *-тың ~ -дың* — формант с усилительной семантикой, и в таком случае *айдың* должно было первоначально означать 'яркий (свет)', 'сияние'.

айдыс, айыс *рел.*, *уст.* 'окуривание ладаном, очищение от грехов, благословение'.

Ср. др.-уйг. *adistit ~ adištit* 'благословение; благодать' (< скр. *adhisthita*) (ДТС, *10*), с.-югур. *ачіс* в *ачіс сал-* 'благословлять, освящать' (сравнивается с монг. *adicmy* <?>) (Малов. ЯЖУ, *19*); ср. п.-монг.

adis, монг. *адис* уст. 'благословение; панацея' (см. также: ЯМВМ, *107*), *adistit/адистит* 'соизволение, милость, спасение; благословение' (Цэвэл, *23*).

В тувинском, как и в сарыг-югурском, мы имеем дело с монголизмом; *й* в *айдыс* и *айыс* есть рефлекс гласного *и* и смягчения предшествующего ему согласного монгольского слова. Элизия согласного *д* в *айыс*, возможно, связана с появлением *й*.

айма- I 'растеряться, опешить; запутываться'.

айма- II 'не попадать в цель (о пуле)'.

Фактически, перед нами не омонимы, а многозначное слово.

В ЭСТЯ отсутствует, хотя явно гомогенно с общетюркской глагольной основой *эймен-* (более распространенный вариант) ~ *айман-* (отмечен в древнетюркских памятниках, считается старейшим) 'бояться; стыдиться; уклоняться, избегать...'. Можно сказать, что тув. *айма-*, в котором отсутствует залоговый показатель *-н-*, является наиболее древним по форме.

По мнению Э.В. Севортяна, *эймен-* ~ *айман-* могло быть образовано как от глагольной (**ай-*), так и от именной основы (*ай* 'страх, боязнь' отмечена в тюркских языках), соответствия которым фиксируются и в монгольских языках (ЭСТЯ I, *249—250*); см. также **айыл**.

аймаара- 'становиться рассеянным (несообразительным); растеряться, опешить; запутываться'.

Глагол, родственный *айма-* I, II (см. **айма-** I, II), но структурно не совсем ясный. В принципе глаголы на *-ра-* могут быть как отыменными, так и отглагольными (АГ, *323 и след.*), т.е. *аймаара-* < **айма-* + *-ра-*. Но реальна и именная основа **айма*, о которой можно судить по аналогии с тур. диал. *eymeli* (< *eyme-li*) 'стыдливый, стеснительный' (ЭСТЯ I, *250*), и, следовательно, **eyme* означало 'стыд, стеснительность'. Подобную же семантику могло иметь и **айма*.

Однако в обеих версиях остается неясной долгота во втором слоге, которая, возможно, носит эмфатический характер.

аймак 'род, родовое деление; племя; аймак' (*административная единица, например, в МНР*).

Широко распространенное в тюркских языках слово, считающееся монгольским заимствованием (ЭСТЯ I, *110*). Тув. *аймак* было отнесено к числу монголизмов Н.Ф. Катановым (Опыт, *144*).

айтыр- 'спрашивать, допрашивать'.

По происхождению глагол *айтыр-* — это либо форма каузатива на *-тыр-* от глагола речи *ай-*, имеющегося в ряде других тюркских языков, либо та же форма, образованная с помощью аф. *-р-* от *айыт-* 'указывать' (см.: ИП, *275*).

См. **айбы, айыт-**.

айыраң 'яркий и пестрый (например, о цветах)'.

Непосредственных соответствий не обнаружено. Думается, это слово связано с *аяс* и *айдың* (см. **аяс, айдын**), у соответствий которых отмечена семантика 'свет, сияние'; 'ясный', 'солнечный'; 'блеск', 'сияющий, яркий' и т.п. (ЭСТЯ I, *102, 109*) и которые являются производными от основ **ай* 'ясный, яркий', или **ай-* 'быть ясным, ярким'. Структурная интерпретация тув. *айыраң*, как и части других многосложных слов на *-аң* в тувинском языке (ср., напр., **аадаң, айгадаң**), по-видимому архаичных, достаточно сложна и допускает варианты и неоднозначные решения. В частности, *айыраң* могло быть производным от глагольной основы **айыр-*, которую, в свою очередь, реально представить или как глагол, образованный от именной основы **ай*, или как форму каузатива от глагола **ай-*.

Возможны и другие структурные решения. В частности, возникает вопрос: нельзя ли связать *айыраң* с глагольной основой *айыр-*, "йотовым" вариантом *адыр-* (см. **адыр-**), которая, имея семантику разделения, разъединения, означает также 'отличать', 'выделять', 'выбирать', 'роиться (о пчелах)', а среди родственных с этой основой слов отмечается, напр., хак. *аймах* 'различный' (ЭСТЯ I, *114—115*), которое имеет также семантику 'разный, разнообразный'? При такой этимологической интерпретации *айыраң* по своей семантике характеризует нечто особое (особенное), разнородное и т.п. О реальности варианта *айыр-* применительно к тувинскому языку см. в статье **айыыр**.

Однако более предпочтительной, исходя из семантики тув. *айыраң*, представляется первая версия.

айыс см. **айдыс**.

айыт- 'указывать, показывать; наставлять, объяснять; обучать, учить'. Ср. тоф. *айыт-* 'указывать, показывать' (Рассадин. Словарь), алт. *айт-* 'говорить, сказать; указывать', а также другие соответствия в форме *айт-* (< *айыт-*) общетюркского характера главным образом с семантикой 'говорить, сказать' и т.п. Истолковываются как понудительная форма от глагола речи *ай-* (ЭСТЯ I, *111—112*). См. также **айбы, айтыр-**. В некоторых языках соответствия *айыт-* (напр., чув. *ыйт-*, як. *ыйыт-*) означают 'спрашивать'; эта семантика в тувинском передается глаголом *айтыр-*. Ср. также др.-тюрк. *ajït-* 'позволять (просить, дать, заставить) говорить; спрашивать; показывать, наставлять'... (ДТС, *29—30*).

Тув., тоф. *айыт-*, отчасти алт. *айт-* обращают на себя внимание своей особой, культурно-дидактической семантикой. Вероятно, глагол *ай-* в понудительной форме *ай(ы)т-* и с указанной смысловой характеристикой был заимствован из древнеуйгурского языка, в памятниках которого отмечен *ajït-* 'показывать, наставлять' (ДТС, *29*).

айытка- 'рапортовать, докладывать'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *ailatγa-*, монг. *айлтгах* высок., уст. 'доводить до сведения, докладывать'; этот глагол означал также 'просить, спрашивать (младшие старших)'. Тув. *айытка-*, по-видимому, заимствовано из монгольского (халха-монгольского) языка. На внешний облик слова оказало влияние сближение с глаголом *айыт-* (см. **айыт-**); интересно, что между монгольским и тувинским словом можно проследить и реальную генетическую общность. В ЭСТЯ (I, *100*), как и в других исследованиях, тюркский глагол речи *ай-* сопоставляется с монгольским *aja*, *aji* 'звук', *aji-la-d-* 'говорить, сказать' и др.

айыткал 'рапорт, доклад'.

Как и производящая глагольная основа *айытка-* (см. **айытка-**), *айыткал* представляет собой позднее монгольское заимствование; внешний облик слова подвергся тем же изменениям. Ср. п.-монг. *ailatγal*, монг. *айлтгал* 'донесение, доклад, рапорт (высшей особе)'.

айыыл 'опасность, угроза; напасть, беда; авария'.

Монголизм (Рассадин. МБЗ, *64*); ср. п.-монг. *ajuγul*, *ajul*, монг. *аюул* 'страх, ужас; опасность, угроза, бедствие', (Поппе. Мук.) *ajil* 'страх'. Значение 'авария' в тув. *айыыл* явилось, видимо, результатом самостоятельного смыслового развития слова. Монгольское слово, в свою очередь, может иметь генетические связи с тюркскими языками (см. **айма- I, II**).

айыыр 'вилы'.

Тодж. *адыр* 'вилы'; ср. ккалп. *айыр ~ айры* 'вилы, развилина', кирг. *айры* 'раздвоенный; развилина, вилы', уйг. *айрі* 'деревянные вилы; рогатина', каз. *аир* 'вилы', леб. *аиран* то же (РСл. I, *25*), алт. *айруш* 'вилы', хак. *азыр* 'вилы, развилина' (см. также: ЭСТЯ I, *115*). Очевидно, *айыыр* гомогенно с *адыр-*, *адыр* (см. **адыр-**, **адыр I, II**) и представляет отклоняющийся, "йотовый" вариант этого наименования вместо более логичного для тувинского языка варианта с интервокальным *д*, каковым является диал. (тодж.) *адыр* 'вилы'. Тув. *айыыр*, как видно из сопоставления данных, по своему структурно-фонетическому облику ближе к соответствию в некоторых кыпчакских языках, но в тувинском имеется также вторичная долгота второго слога, не совсем ясная по своему происхождению. Может быть, *айыыр* по структуре несколько отличается от своих соответствий типа ккалп. *айыр* и представляет собой производное от глагольной основы *айыр-* 'разделять(ся), раздваивать', образованное с помощью аф. *-р* по типу причастных форм на *-(α)р* от глагольных основ с конечным *-р*, когда последний выпадает в интервокальном положении и образуются долгие гласные: ср. *бар-* 'идти, направляться' + *-(α)р* > **барыр* > *баар* 'идущий'. Подобным образом, **айыр-ар* (или, возможно, **айыр-ыр*) > *айыыр*.

ак- [аъ][1] 'течь, струиться; сходить, стаивать (о снеге)'.

Глагольная основа общетюркского характера с основным значением 'течь'; имеет также именное соответствие *ак* и под. (ЭСТЯ I, *118–119*).

ак 1. 'белый; седой; сивый', 2. 'белок'; **актыг** 'невинный, безвинный; приобретенный честным путем, неворованный'.

Ак ~ а:к — общетюркская именная основа, у которой значения 'белый', а 'также седой, сивый' относятся к числу наиболее частотных. Кроме того, в ряде языков у *ак* отмечена семантика 'невинный, невиновный, незапятнанный, честный', а в отдельных языках (в частности, в турецком и алтайском) *ак* употребляется и как существительное с семантикой 'невинность, безгрешность' (ЭСТЯ I, *116*). От подобного субстантива с помощью аф. *-лыг* (в варианте *-тыг*) образовано и тув. *актыг* 'невиновный'.

Этимология *ак* неясна, однако исследователи тяготели к его трактовке как слова иноязычного, не тюркского по происхождению. Оно либо считалось заимствованием вообще, без указания источника (О.Н. Туна), либо возводилось к тохарскому (И. Бенцинг) или, чаще, к китайскому (К. Менгес, М. Рясянен, К. Брокельман) языкам. Э.В. Севортян (ЭСТЯ I, *117*) приводит все эти версии, никак не комментируя их.

Тем не менее версии о заимствованном, в частности китайском, происхождении тюрк. *ак* едва ли следует считать доказанными и исходить из них, как это иногда делается (см.: Иванов, *217*).

В одной из недавних работ, где рассматривается этимология тюрк. *ак*, подобные версии в расчет не принимаются, хотя последнее трактуется как относительно позднее по времени слово, активно проявившее себя после отделения от пратюркского чувашского языка. С.А. Старостин полагает, что первоначально оно имело значение 'светлый' и обозначало масть животного (Старостин, *26*, *110*, *125*, *184*).

Такая возможность не исключена, но в целом имеющиеся данные не позволяют внести необходимую ясность в вопрос о происхождении рассматриваемого слова.

акаа *диал.* 'старший брат, дядя (вежливое обращение)'.

Вариант слова, бытующего в тувинском языке в формах *акай*, *акы*, *ага* и др. (см. **ага**, **акы**). Скорее всего, *акаа* [аккаа] гомогенно с *ака*[*й*], *акы*. Не вполне ясна, однако, долгота конечного гласного (имеющая, возможно, эмфатический характер).

---

[1] Фарингализация гласных в односложных глагольных основах здесь и ниже указывается с определенной мерой условности, поскольку фарингализованное произношение подобных гласных в односложных формах глаголов (в частности, в повелительном наклонении) зачастую не наблюдается, носит факультативный характер, а в полной мере оно реализуется в производных формах, с двумя или большим числом слогов.

акай см. **акы**.

акта 'мерин; кастрация'.

В других тюркских языках отмечено в вариантах *агта*, *ахта*, *акта*... чаще всего в значении 'мерин'. Слово распространено очень широко и фактически является общетюркским. Что касается его происхождения, то наибольшее число сторонников имеет версия о том, что *акта*... (первичной формой которого считается *ахта*) заимствовано из иранских языков и вошло в тюркские либо непосредственно из них, либо через монгольское посредство (ЭСТЯ I, *77*). Высказывается также точка зрения, согласно которой это слово не иранское или персидское, а исконно монгольское (Joki, *59*, *60*). Попытку обосновать ее предпринял Т.А. Бертагаев (Лексика, *358*).

В последние годы возникла также версия о тунгусо-маньчжурском происхождении *акта*..., принадлежащая К.А. Новиковой (см.: ИЭОАЯ, *91 и след.*).

Трудно судить о том, какая из этих версий наиболее аргументирована, но, судя по всему, они свидетельствуют о нетюркском происхождении слова и о сравнительно позднем его появлении в тюркских языках. В тувинском *акта*, скорее всего, монгольское заимствование.

акша [аъ] 'деньги'.

Общетюркское; отмечено в вариантах *а:кжа* ~ *акча* (наиболее частотный) ~ *агжа*... 'деньги' (наиболее распространенное значение, в том числе и в памятниках), 'монета', 'серебряная монета', 'серебряная или золотая монета', 'мелкая монета...', 'финансы'.

По практически общепринятой этимологии этого слова *акча*... истолковывается как субстантивированное прил. *а:к-жа* ~ *ак-ча*... 'беловатый' с аф. *-жа* ~ *-ча*, обозначающим неполноту признака в прил. *а:к* ~ *ак* 'белый' > 'серебряный'. Утверждается также, что *а:кжа* с самого начала означает серебряную ("беловатую") монету (ЭСТЯ I, *120—121*), но это утверждение не подкрепляется необходимой аргументацией.

Данная этимология имеет ряд изъянов, в частности, она не подтверждается культурно-исторически (напр., нет доказательств тому, что первые деньги у тюрков были серебряные). Далее, насколько позволяют судить имеющиеся материалы, слово *ак* 'белый' лишь в современных языках может эпизодически обозначать реалии, связанные с серебром; ср. приводимые в ЭСТЯ (I, *120*) азерб. *аг пул* 'серебряные деньги'. Что касается прилагательного *акча*, а также других форм неполноты признака прил. *ак* (*акчыл*, *аксыл* и т.п.), то все они употребляются со значениями 'беловатый'; 'белесый; беленький' и др., но ни одно не означает 'серебряный' или 'серебро' (ЭСТЯ I, *177*).

Поэтому возникает вопрос: не подверглось ли рассматриваемое название денег (или, может быть, вообще ценностей) вторичному переосмыслению в плане структуры и семантики после того, как связь с первичной производящей основой у этого слова была утрачена (причем в период такого переосмысления именно серебро стало играть заметную роль в денежном обращении)?

Это переосмысление произошло, видимо, и в Турции XIV в., когда была введена в обращение мелкая серебряная монета, получившая название *акче*, а затем *акча*; при этом *акче* (*akçe*) 'беловатый' считается переводом греч. *аспрон* 'белый' (см.: Зварич В.В. Нумизматический словарь. — Львов, 1980. — С. 9).

Судя по "Древнетюркскому словарю", рассматриваемое слово (в форме *aqča*) отмечено только в одном из енисейских памятников рунической письменности, и значение его истолковывается в достаточно общем плане: 'монета, деньги' (ДТС, *48*). Нет достаточных свидетельств тому, что это наименование было первоначально связано с серебром и вообще с белым, светлым (металлом); семантика же 'серебряная монета' довольно поздняя: отмечена в средневековых памятниках (ЭСТЯ I, *120*; EW, *13*).

Не случайно, что распространенная этимология, связывающая название денег *акча*... с белым цветом, не устраивала некоторых исследователей, напр. Г. Рамстедта, который возводил *aqča* к уменьшительной форме от древнетюркского *ayï* 'сокровище', но эта этимология была отвергнута Г. Дёрфером под тем предлогом, что *ayï* означает '(шелковая) парча' (см.: ЭСТЯ I, *120—121*), а это не соответствует действительности. Например, ДТС (с. 17—18) дает обширный и достаточно убедительный материал, согласно которому *ayï* (это заметно и в производных от него) в первую очередь означало 'драгоценности, сокровища, дары' (парные слова типа *ayï baram ~ ayï barïm* 'богатство') (см. также: EW, *8*).

Вероятна также гомогенность *ayï* с *ayïr* 'ценный, дорогой', *ayar sataylïγ* то же (ДТС, *17*, *19*), которые ДТС дает в качестве омонимов к *ayar ~ ayïr* 'тяжелый, весомый', 'тяжкий', хотя, как правило, *ayïr* и прочие с семантикой 'ценный, драгоценный', 'дорогой' вполне обоснованно интерпретируются как лексико-семантический вариант общетюркского *агыр ~ авыр*... 'тяжелый' (ЭСТЯ I, *85*; см. **аар I**), что вполне логично.

М. Рясянен в одной статье с *ayï* 'сокровище' помещает др.-тюрк. *ayï* 'щедрый' (EW, *8*), но в ДТС значения 'щедрый; великодушный' связаны со словоформой *aqï ~ aχï* (ДТС, *48*, *71*), и трудно сказать, существует ли родство между последней и *ayï* 'сокровище'. Думается, что в принципе этимология, предложенная Г. Рамстедтом, имеет под собой основания, хотя едва ли *акча* и другие соответствия этого слова должны быть возведены именно к *ayï-ča*,

поскольку гласный второго слога должен был сохраниться. Акча, вероятно, восходит к **ағ-ča* или подобной праформе, где **ағ* может быть как именной, так и глагольной основой, поскольку с помощью аф. *-ча* образуются также и отглагольные имена (АИ, *189*).

Если *ағī* гомогенно с *агыр...* 'тяжелый', которое, в свою очередь, связывается с глаголом *аң- ~ аг-* 'свешиваться (на сторону)', 'опускаться', 'перевешивать (о чаше весов)' и т.п. (ЭСТЯ I, *69*), то **ағča* первоначально означало 'нечто тяжелое, солидное', а затем 'ценное, дорогое' (в том числе, естественно, и деньги).

Фарингализация в тув. *аъкша* связана, по-видимому, с качеством согласного *ч* (> *ш*), в прошлом сильного.

акшы- [аъ] 'стареть (о человеке)'.

Возможно, связано с "глагольно-именными омоформами" **ак ~ *ак-* с центральными значениями 'старый'; 'стареть', 'становиться старым', которые выявлены Э.В. Севортяном на основании як. *агыі-* 'стареть', 'матереть' (Пек.), *агам* 'пожилой' (ЭСТЯ I, *122*; см. также **акы**). Тув. *акшы-*, по-видимому, подтверждает реальность именной основы **ак* 'старый', от которой этот глагол образован при помощи архаичного форманта *-чы- ~ -шы-* (см.: АГ, *331—336*). См. также **акы**.

акы [аккы ~ аъккы] 'старший брат; дядя (по отношению к старшим мужчинам)'; **акай** *диал.* форма вежливого обращения к пожилым людям; **хака[й]** *диал.* 'старший брат'.

Диалектные соответствия зафиксированы большей частью в форме звательного падежа (ср. также лит. *акый*).

Акы включено Э.В. Севортяном в ряд общетюркских слов типа *акка ~ акга ~ ака* и др. со значениями 'отец', 'дядя (вежливое, почтительное обращение к старшему мужчине)' и может быть интерпретировано, согласно ЭСТЯ, как производное, образованное от **ак-* 'стареть' при помощи аф. *-кы* (ЭСТЯ I, *121—122*); см. также **акшы-**. Однако здесь реальна и другая интерпретация, согласно которой *акы* и подобные ему термины родства связаны с иной глагольной основой **ак-* 'опережать, быть несколько впереди' (см. **агы II**); тогда *акы...* означало бы не 'старый', а 'тот, кто был (родился) первым, раньше говорящего'.

Как отмечено рядом исследователей, близкие соответствия *акы ~ ака* имеются и в других языках, и некоторыми из них соответствующие термины родства рассматриваются как общеалтайское достояние.

По Г. Дёрферу, тюркское слово — заимствование из монгольских языков, где имеются п.-монг. *ахa*, монг. *ах* 'старший брат'; 'почтительное обращение к старшим по возрасту'. См. также **ага II**, **акаа**. ЭСТЯ (I, *122*) ограничивается тем, что приводит подобную точ-

ку зрения, основной аргумент которой сводится к тому, что слово не отмечено в древнетюркских памятниках, но этого недостаточно для обоснования заимствованного характера *ака...* в целом. В отдельных случаях, однако, заимствование из монгольского допустимо, как, напр., тув. диал. *акай* или *хака[й]*. В последнем начальный *х-*, скорее всего, протетический; он мог возникнуть в результате сближения с тув. *ха* 'старший брат'. См. **ха**.

Ср. также **ага**.

ал- 'брать; получать; принимать'.

Общетюркское; в основной части языков имеет вариант *ал-*; его значения — 'брать, взять', 'получать' и т.п. Имеются параллели и в других алтайских языках (ЭСТЯ I, *127—129*); см. также **аппар-**, **эккел-**.

ал: **ал-бот** *поэт.* 'я сам, весь'; **ал-сагыш** 'всё существо'.

Ал употребляется в тувинском только в качестве первого компонента данных сложных слов, где *бот* означает 'сам', а *сагыш* — 'мысль, душа', 'намерение', 'мечта, желание' (см. **бот, сагыш**). Ср. тоф. *ал-шен* 'сила', при *шен* 'сила (физическая)' (Рассадин. Словарь). В этих образованиях в той или иной мере проявляется семантика тотальности типа 'весь, целый'. *Ал*, по-видимому, близко к др.-тюрк. *alqu* 'все, всё'. См. также тур., кр.-тат. *алай*, кар. *алайы* 'все'; 'каждый', 'целиком', которое считается результатом переосмысления другого слова, *алай* I, обобщением значений 'толпа', 'процессия' и т.п. в смысле множества людей (ЭСТЯ I, *133*), но происхождение последнего не вполне ясно; доминирует мнение о его заимствованном характере (ЭСТЯ I, *132—133*).

Думается, что и *алай* 'всё, целиком', и *ал* связаны, скорее, с другим рядом слов, обозначающих широту, масштабность: см. **ала III**, **алаак**, **алгы-** и др.

В тувинском языке с семантикой усиления, подобной той, которая присуща *ал*, употребляется также *ала*: ср. *ала-чайгаар* 'совершенно стихийно' (при *чайгаар* 'стихийно, самотеком'), *ала часты (чайны) өттүр* 'всю весну (лето)' и т.п., где *ала*, вероятно, производно от глагола **ал-*, соотносительного с *ал*.

ала I 'пегий (о масти животных); пестрый, полосатый'.

Общетюркское; основной вариант — *ала*; значения — 'разноцветный', 'пестрый', 'смешанный', 'пятнистый', 'полосатый', 'пегий', 'неодинаковый...'.

Этимология практически отсутствует. Сближение Г. Вамбери *ала* с *ал* 'алый' и мнение его о том, что собственным значением *ала* является 'окрашенный' (ЭСТЯ I, *129—130*), не выглядит убедительным. В *ала* производящая основа, скорее всего, должна характеризовать не однородный цвет, а как раз наоборот, неоднородность, смешанность и т.п.

Эта основа (глагольная), по-видимому, выявляется в распространенном тюркском сущ. *алмаш* 'смена', 'перемена' и в особенности в глаголе *алмаш-* 'менять(ся)', 'обменивать(ся)', 'сменяться', 'чередоваться'; 'смешивать'; 'сбиваться, запутываться', которые Севортяном возводятся к глагольной основе **ал-* (семантика последней не приводится) (ЭСТЯ I, *138*), и не связывается с *ала*, что в данном случае было бы целесообразно.

Вероятно, восстановленная в ЭСТЯ глагольная основа **ал-* первоначально означала *'(из)меняться', 'смешиваться', 'быть неодинаковым (разнородным, разнообразным)' и т.п. Эта же глагольная основа, вероятно, и в узб. *олги* 'рябчик ферганский'.

См. также **ала-буга**, **аланды**.

ала II: **ала карак** *фолькл.* 'глаз(а)'.

В этом сочетании *ала* выступает как постоянное определение к сущ. *карак* 'глаз(а)' (см. **карак**) и практически утратило самостоятельное значение. Подобное сочетание отмечено и в других языках, где фигурирует иное название глаза — *көз ~ гөз*, но семантика этих выражений различна. Так, например, по наблюдениям М. Сапарова, в туркменском языке и огузском наречии узбекского языка *ала гөз* означает 'карие глаза', 'кареглазый', тогда как узб. *ола кўз* — 'выпученные глаза', 'глаза навыкате' (Вопросы тюркского языкознания. — Алма-Ата, 1985. — С. 49); ср. кирг. *алагар* (*алагай*) *көз* поэт. 'ясные очи (о красивых, больших глазах)', *алак көздүү* 'пучеглазый', *алаң көз* 'большеглазый', ккалп. *алак* 'выпуклый (о глазах)', каз. *алай-* 'широко раскрыть (глаза)'. Ср. также тур. *гөзлär ала гörмäк* 'мелькать перед глазами' (РСл. I, *352*), где явно ощущается связь с *ала* 'пестрый' (см. **ала I**). Эта связь, возможно, прослеживается и в значении 'карие глаза'; ср. также каз. *ала* (*алаңгыр*) *көз* 'пестроглазый' (Аманжолов, *355*). Тувинское же *ала карак* в прошлом означало, вероятно, 'глаза навыкате' или 'большие, широко открытые глаза', о чем, видимо, свидетельствует наличие глагола (в ритмической форме) *алараңнат-* 'смотреть широко открытыми бегающими глазами'; ср. уйг. *алаі-* 'выпучить глаза' (РСл. I, *354*), ккалп. *алар-* то же.

В таком случае *ала* II гомогенно, в частности, с *алгы-* 'расширяться' (см. **алгы-**).

ала III: **ала шору** 'упрямый, никак не желающий делать что-л. (напр., отвечать на вопрос)'.

Второй компонент словосочетания связан со словом *шору* 'вина; неудача (по собственной вине)' (см. **шору II**). Что касается *ала*, то этот компонент, по-видимому, гомогенен с *алаак-*, *алаң* (в словосочетаниях), *алаңзы-* (см. соответствующие статьи) и связан с глаголом **ал-* 'лишаться рассудка, слабеть умом'. Непосредственно с *ала* (в *ала шору*) могут быть сопоставлены алт., каз. *ал-а* 'глу-

пый; запутанный', тур. диал. *ala ala baktmak* 'смотреть глупо, придурковато' (ЭСТЯ I, *145*).

Общий смысл выражения, вероятно, 'проявляющий глупое, беспричинное упорство'.

ала IV см. **але**.

алаак- 'сбиваться, теряться; путаться (напр., в счете); отвлекаться, отрываться (от мыслей, разговора)'.

В ЭСТЯ (I, *145*) тув. *алаак-* дается в числе слов, гомогенных с основами **ал-* 'лишаться рассудка' и **ал* 'лишившийся ума', 'глупый', среди которых наиболее близким к *алаак-* является хак. *алах-* 'лишаться ума', причем тувинское слово структурно делится на **ал-* + *-а:к-* (ЭСТЯ I, *145*). Но второй компонент выглядит не совсем ясным (в частности, в плане происхождения долгого гласного).

Возможно, тув. *алаак-* структурно не вполне тождественно хак. *алах-* или в последнем оказалась утраченной долгота гласного второго слога. Эта долгота заставляет предполагать в *алаак-* либо залоговую форму от глагольной основы типа **алак-* + *-(α)к-*, либо глагол, образованный при помощи аф. *-(α)к-* от именной основы с конечным заднеязычным согласным или долгим гласным (ср. алт. *алаа* 'рассеянный; глуповатый'). Вероятнее всего, эта основа могла выглядеть как **алак*: ср., напр., уйг. *алак* 'бред' и некоторые другие ее соответствия со значениями 'глупый', 'ошибка' и т.п. (ЭСТЯ I, *145*). Не исключено, однако, что *алаак-* могло быть производным и от *алаң* со сходными значениями (см. **алаң**). Таким образом, исходная форма *алаак-* могла выглядеть как **алагык-* или **алаңык-*.

алаак 'лесная поляна (в пойме реки и на островах)'.

Включено Э.В. Севортяном в ряд слов типа *алан ~ алаң* 'ровная, открытая и обширная местность', 'площадь', 'поляна' и др., которые считаются производными на *-(α)ң* > *-(α)н* от **а:л-* ~ **а:л* и, по-видимому, от **а:ла-* ~ **а:ла* с основными значениями **'быть открытым, обширным' ~ *'ширь'.

По Севортяну, тув. *алаак* из **ала* + *-гак* (ЭСТЯ I, *135*), что справедливо в фонетическом аспекте: тув. *алаак* изредка отмечается в варианте *алагак* (см.: АА, *196, 220*). Однако структурно эта реконструкция не вполне ясна. Можно полагать, что здесь производящая основа, скорее, глагольная (*ала-*), чем именная (*ала*).

ала-буга 'окунь'; **алага** *тодж.* то же.

Широко распространенное в тюркских языках название рыбы; часто пишется как одно слово — *алабуга* 'окунь' (РСл. I, *367*), в киргизском — 'форель'. Уже В.В. Радлов выделял в этом наименовании компоненты *ала* и *буга*, первый из которых связан с *ала* 'пестрый', 'пегий' (см. **ала I**), а второй — с *буга ~ пуга ~ бука*..., обо-

значающим быка и вообще крупное животное (самца). См. **буга I**. Тув.-тодж. *алага*, видимо, является вариантом *ала-буга* с выпадением одного из срединных слогов, что для тувинского языка является достаточно характерным. К тоджинскому *алага* близко восточномонгольское название окуня (ср. п.-монг. *alaγana*, бур., монг. *ал(а)гана*), возможно, являющееся заимствованием в указанных языках из диалекта тюркских языков Южной Сибири (типа тув.-тодж.).

Ср. в этом плане **кадыргы**.

ала-була 'разномастный; разноцветный'.

Ср. каз. *ала-гула* 'пестрый, разноцветный', чаг., вост.-тюрк. *ала-була* 'разных красок' (РСл. I, *352—353*). Э.В. Севортян в числе наиболее распространенных производных от *ала* 'пестрый...' (см. **ала I**) отмечает тур. диал. *ala bula* (другие формы — *alalı bulalı*, *alaş bulaş*, *ala bele* и др.), азерб. диал., уйг., тув. и др. *ала-була*, узб. *ола-була* 'разноцветный', 'пегий', 'пестрый' (ЭСТЯ I, *130*), но без анализа компонента *-була*...

Последний по происхождению связан с глагольной основой *бул-* 'мешать; смешивать' (см., напр., **булга-**, **булут**). В отдельных языках соответствие *-була* бытует в качестве самостоятельного слова: ср., напр. башк. *була* 'безалаберный; беспорядок, суматоха' (ЭСТЯ II, *255*). Таким образом, оба компонента в *ала-була* одноструктурны, восходят к глагольным основам со сходными значениями. Возможно, существовала и парная глагольная основа ***ал-бул-* 'смешивать(ся)', 'перемешивать(ся) (о цветах, расцветках)', к которой и могло восходить *ала-була*. Ср. в структурном плане **аза-муна**.

алага I см. **ала-буга**.

алага II 'молоток'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *aluγa*, монг. *алх(ан)* 'молот(ок)'. Факт заимствования тув. *алага* (и *алыга*) из монгольских языков отмечен Н.Ф. Катановым (Опыт, *33*, *122*). В качестве монголизма соответствия тув. *алага* отмечены и в некоторых других тюркских языках (EW, *15*; Рассадин. МБЗ, *58*).

алага III 'ни слуху ни духу; ничего не известно (о ком-л.)'; **алага бар-** 'пропасть без вести'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *alaγa*, монг. *алга* 'нет; отсутствует' (Цэвэл, *30*). Б.Я. Владимирцов (Ср. грамматика, *230*) дает монг. ***alaγa* 'нет', 'отсутствующий'. Слово, вероятно, связано с п.-монг. *ala-* 'убивать'.

алагада- 'сильно бить, глушить; давать пощечину'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *alaγada-*, монг. *алгадах* 'бить, ударять ладонью, дать пощечину' < *alaγa/алга* 'ладонь'. О заимствовании монгольского названия ладони в тюркских языках см.: ЭСТЯ I, *133*.

алажы 'жердь чума; чум'; **алажы өг** *тодж.* 'чум'.

Тоф. *алажы* 'боковой шест остова чума' (Рассадин. Словарь). Общетюркское. Э.В. Севортян (ЭСТЯ I, *130—131*) включил тув. *ала-*

жы в ряд *алачык ~ алачук ~ алачу...*, отметив, что формы с *-чу* старше форм с *-чук*... Поэтому среди современных вариантов тув. и тоф. *алажы* могут рассматриваться как одни из старейших. Соответствия *алажы* употребляются в значениях 'шалаш, шатер; лачуга, хижина; укрытие из 16 жердей, покрытое попоной, заменяющее шатер или шалаш' и т.п.

Относительно происхождения слова существует несколько версий. Наиболее реалистической представляется та, которую высказал Э.В. Севортян и согласно которой *алажык ~ алачык ~ алачу*... есть «уменьшительная форма на *-чу* (древняя форма...) и *-чык* от **алан ~ *алаг ~ *алав ~ *ала*. Ср. тур. диал. *alak* (< **alağ*) 'временная постройка из ветвей и прутьев в саду, на винограднике...'». (ЭСТЯ I, *131*).

В этой версии есть рациональное зерно, но она не доведена до завершения. В частности, семантически и структурно "не проявлена" реконструируемая именная основа, и в целом неубедительно выглядит трактовка рассматриваемых наименований как уменьшительных по своей форме. Кроме того, получается, что "старейшие" формы типа *алачу ~ алажы* должны восходить к более молодой (?) основе **ала*, структурно к тому же наиболее неопределенной.

Нам представляется, что судить о первоначальной семантике слова можно (в определенной мере) по следующим данным. Отмечая у качинцев слово *alaschik*, которым именовался конусообразный шалаш из поставленных по кругу жердей, Г. Миллер (XVIII в.) пояснял, что это слово означает "острый", т.е. остроконечное жилье (Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. — Абакан, 1957. — С. 187), или, возможно, жилище, основа которого составлена из длинных, заостряющихся кверху предметов (жердей). Ср. тодж. *алажы өг* 'чум' (первоначально 'юрта (*өг*) из жердей' ?).

Вполне вероятно, что 'жердь, жерди' было первым или одним из первоначальных значений рассматриваемого слова и что в целом для реконструкции его семантики существенную роль играли характер и форма материала, используемого для строительства объектов, обозначаемых словами *алачу ~ алачык*: прутья, доски и лубки, камыш, ветви, жерди и т.п. (ЭСТЯ I, *131*), имеющие определенную протяженность и соответственно высоту.

В таком случае вероятна гомогенность этих названий со словами типа *алаң* 'высоты по берегам рек...', 'пригорок, холм на равнине', *алан* (турк.) 'холм, возвышенность, бугор', *alay* (тур. диал.) 'спина', 'возвышенное место, где сидят женщины в дни торжеств'..., которые Э.В. Севортян поместил в статью, посвященную словам *алан ~ алаң*, являющимся обозначениями обширных открытых мест-

ностей (см. **алаак, алгы-**), но отметил, что "значение высоты... связано с другим корнем" (именным): **ал ~ *йал* (ЭСТЯ I, *135*).

В конце ряда приводимых выше названий возвышенностей и возвышений дается алт. *ал* 'возвышенный' и *ал тайга* 'великие скалистые горы' (по РСл.).

Исходя из сказанного, можно говорить о реальности глагольной основы **ала-* 'возвышаться, подниматься', непосредственно от которой при помощи аф. *-чы(-чу)* и *-чык(-чук)* могла образоваться хотя бы часть рассматриваемых названий видов жилья, поскольку при помощи названных формантов в тюркских языках образуются и отглагольные имена (АИ, *186—189*). Некоторые же из них, в частности образования типа *аланчык* в турецких диалектах и алтайском, вероятно, действительно уменьшительные (точнее, уменьшительно-уподобительные) формы от имени *алан* (ср. приводимое выше турк. *алан* 'холм'), т.е. *аланчык* — нечто напоминающее холмик, бугорок, если, конечно, *аланчык* — это не производное от залоговой формы (**алан-*) вышеприведенного глагола **ала-*. От последнего могло быть образовано и кбалк. *алау* уст. 'великан'.

Во всяком случае, мнение, согласно которому "турецкие диалектные и алтайские формы с *-н-* (*аланчык*) старше основ без *-н-*" (ЭСТЯ I, *131*), едва ли можно считать достаточно обоснованным. См. также **алай**.

алай: алай урук *редко, фолькл.* 'длинный, большой шест с петлей для поимки лошадей (укрюк)'.

В отличие от слова *урук* 'укрюк' (см. **урук**), *алай*, по-видимому, употребляется только в сочетании *алай урук*, характеризуя большую величину (длину) соответствующей реалии. Можно полагать, что *алай* гомогенно с *алажы* (см. **алажы**) и, подобно последнему, могло быть производным, скорее всего, прилагательным на *-й* от той же глагольной основы **ала-* 'возвышаться, подниматься'. *Алай* следует также сопоставить и с тур. диал. *alay*, которое приводилось в предыдущей статье.

алактаа см. **алак-таагы**.

алак-таагы, алактаа (Улуг-Хем) 'тушканчик'.

Н.Ф. Катанов также зафиксировал это слово в варианте *алактаа*, установив, что оно является монгольским заимствованием (Опыт, *155*); ср. п.-монг. *alaγdaχa, alaγdaγ-a*, монг. *алагдаага ~ алагдаахай* 'тушканчик' (в букв. переводе 'пегий жеребенок'). Ср. тоф. *алак* 'пегий (черно-белый — о масти)' < монгол. (Рассадин. Фонетика, *153*) в отличие от *ала* (см. **ала I**).

алама 1. 'бездонный, глубокий', **2.** 'глубокая яма'.

Вероятно, монгольское заимствование. В источниках фиксируется п.-монг. *alma*, монг. *алам* 'яма', однако тув. *алама* должно восходить к прототипу, имеющему гласные после *л* и *м* (**alama*). Соот-

ветствий в других тюркских языках не обнаружено. Э.В. Севортян поместил тув. *алама* (причем без перевода) среди производных от **а:ла-* 'быть открытым, обширным' (ЭСТЯ I, *135*), что следует считать, скорее всего, недоразумением. Пожалуй, реальна связь с тюрк. *ал* 'низ'; 'нижний'; см. **алды II**.

аланды 'проталина'.

Непосредственных соответствий не найдено. Э.В. Севортян дает тув. *аланды* в ряду слов типа *алан ~ алаң* 'ровная местность, поляна' и т.д., возводя его то к **ал-*, то к **ала-* 'быть открытым, обширным', что едва ли обосновано (ср. **алаак**) (ЭСТЯ I, *135*).

Тув. *аланды* гомогенно с *ала* 'пестрый' (см. **ала I**); не случайно другое название проталины в тувинском языке — *ала-хар* (букв. 'пестрый снег'). В том же значении употребляется тув. *каранды*, также связанное с названием цвета (*кара* 'черный').

Аланды, по-видимому, производное от той же глагольной основы **ал-* '(из)меняться', 'смешиваться', которую мы считаем производящей для *ала* 'пестрый'. Оно образовано при помощи распространенного в тувинском языке аф. *-(α)нды*. Правда, в этом случае более логично было бы ожидать, что начальный гласный форманта окажется узким (**алынды* вм. *аланды*), но на облик слова могло оказать влияние сближение с *ала* 'пестрый'. С тув. *аланды* гомогенно тув.-тодж., тоф. *алаңгы* 'проталина' (Рассадин. Словарь) < *ала* + *-ңгы*. Ср. также алт. *аламык* (< *ала-мык*?) 'пестрое место; верхушки и откосы горы, покрытые серыми камнями' (ГАЯ, *145*).

алаң: **алаң кайга-** 'недоумевать'; **алаң кыл-** 'беспокоить, не давать покоя'; **алаң(ы) ас-** '(рас)теряться'; **алаңзы-** 'недоумевать; (рас)теряться'.

В тувинском языке *алаң* употребляется только в составе устойчивых сочетаний с глаголами *кайга-* 'удивляться', *кыл-* 'делать, производить', *ас-* 'блуждать, заблуждаться' или как корневая часть глагола *алаңзы-*. Тув. *алаң кайга-*, хак., алт. *алаң ас-* Э.В. Севортян рассматривает в ряду слов типа *алык ~ алыг* 'слабоумный', 'глупый', а также *алаң* в качестве самостоятельного слова, означающего 'глупый', 'беспокойный', 'рассеянный' (алт. и кирг.). (Оно имеется и в уйгурском, где означает 'недоумение; беспокойство, тревога'.) В этот ряд, однако, едва ли следовало включать кирг. *алаң* в сочетании *алаң көз* 'большеглазый' и сходные с ним по семантике слова других языков (ЭСТЯ I, *145—146*; см. **ала II**).

Как полагает Э.В. Севортян, "*алык ~ алаң... — название признака, в форме на -(α)к, -(α)ң... от глагола **ал-* *'лишаться рассудка, слабеть умом', у которого имеется и именное соответствие **ал* 'лишившийся ума', 'глупый'. То и другое прослеживается в ряде производных" (ЭСТЯ I, *145*), к которым можно отнести и тув. *ала* в сочетании *ала шору* (см. **ала III**).

Тув. *аланзы-* — производное от *алаң*, образованное с помощью глаголообразующего аф. *-зы-* с семантикой уподобления; ср. тел. *аланзы-* (< *алаң* + *-сы-*) 'колебаться' (РСл. I, *358—359*).

алаңгы (алыңгы): **алаңгы (алыңгы) эдек** *фолькл.* 'задняя пола; задняя часть подола (халата)'.

Однако в части фольклорных произведений *алаңгы* (*алыңгы*) *эдек* означает, напротив, 'передняя пола (часть подола)'. Ср., с одной стороны, ТРС (с. 52), а с другой — фольклорные издания "Бааза-найның тоолдары" (Кызыл, 1980. — Ар. 154), "Бора-Шокар аът-тыг Боралдай" (Кызыл, 1983. — Ар. 140).

Можно полагать, что первоначальным значением устойчивого сочетания *алаңгы* (*алыңгы*) *эдек* (при *эдек* 'пола, подол'; см. **эдек**) было именно 'передняя пола'... В таком случае *алаңгы* ~ *алыңгы* гомогенно с тув.-тодж. *алын* 'лицо' (см. **алын**) и, может быть, является производным от последнего прилагательным на *-кы*(*-гы*) (ср., напр., *адак* 'низ, нижняя часть' и *адаккы* 'нижний'). Ср. также алт. *алынгы* 'находящийся впереди' (*алын* 'передняя часть', 'лицо'), в свою очередь, родственное хак. (саг.) *алың* 'передний', каз. *алыңы*, *алыңгы* то же (РСл. I, *373*, *378*), турк. *алынкы* 'передний'.

Изменение семантики *алаңгы* (*алыңгы*) *эдек*, вероятно, было обусловлено утратой связи с названием лица, переда на тувинской почве и, возможно, сближением с названием низа (см. **алды II**), что в языковом сознании соединилось с тем, что находится сзади, позади.

алаңгыыш *бот.* '[черная] чемерица'.

Ср. алт. *алаңыш* бот. 'куколь'.

Это название ядовитых растений, возможно, гомогенно с *алаң...*, *алаң-зы-* (см. **алаң**); оно истолковывается как производное на *-гыыш* (*-кыыш*) от глагольной основы типа *алын-* (алт., хак.) 'сходить с ума, беситься' (см. ЭСТЯ I, *145*) или *алан-* (алт., тел.) 'быть глупым, делать глупости' (РСл. I, *359*), что объясняется определенными свойствами растения. Сходный мотивирующий признак лежит и в основе рус. *чемерица*. См.: Фасмер IV, *331—332*.

алаңзы- см. **алаң**.

алас-алас 'заклинание, сопровождаемое окуриванием дымом можжевельника'.

Севортян (ЭСТЯ I, *136*) приводит слово *алас* по материалам киргизского, алтайского и хакасского языков в следующих значениях: 'окуривание дымом арчи (знахарский способ лечения)' — кирг. (ср. кирг. *алас-алас — балакеттен калас* 'заклинание алас-алас — от беды избавление' (КРС, *46*)); 'окуривание дымом богородской травы во время болезни' — хак.; 'восклицательное слово, которое шаманы произносят при камлании' — алт. Далее в форме вопроса высказывается мнение об иранском происхождении слова (приводится перс. *alas* 'горящий уголь').

Данные, приведенные в ЭСТЯ, недостаточно полные. Помимо тув. *алас-алас*, в нем отсутствуют и другие непосредственные соответствия слова, в частности узб. *алас* 'приемы, применяемые знахарями при лечении больных (в частности, вращение над ними зажженной тряпки)'; *алас-алас* 'старый обычай очищения путем перепрыгивания через костер...' В последнем значении отмечено *алас* в языке сибирских татар[1], и *элэшэ* — в языке татар казанских. По мнению Р.Г. Ахметьянова, данное слово, вероятно, связано с общекыпчакским ураном (боевым кличем) *алач*, *алаш* и образовано от *ал* 'огонь' — слова опять-таки иранского происхождения (ОЛДК, *67*).

Иранское происхождение (в том или другом варианте) здесь допустимо, но возможно и собственно тюркская этимология *алас* [*-алас*]. Если связывать появление этого слова с огнем (а это весьма вероятно), то следует привлечь такие соответствия, как тур. *alaz* 'пламя' (не относящееся, судя по имеющимся источникам, к персизмам), имеющее вариант с начальным *-j* (*jalaz* 'пламя'), а также уйг. *аланга* 'огонь' (УРС, *30*), ккалп. *алыс-* 'вспыхивать, загораться', каз. *алау* 'костер'. Первоначально **alas(z)*, видимо, и означало 'огонь, пламя' (ср. ног. *аласла-* 'жарить над огнем; палить, опаливать' и, наконец, 'окуривать').

Наличие у тур. *alaz* йотового варианта *jalaz* позволяет сопоставить *алас* с др.-тюрк. *jal-* 'вспыхивать, воспламеняться, гореть' и *jal-* 'обжигать, прижигать' (ДТС, *227*; см. также: ЭСТЯ IV, *106—107*), по аналогии с которыми можно представить и существование основы **al-* с подобной семантикой. От такой основы и было образовано, вероятно, *алас* (см. также **чалар**, **чалын**).

Па́рное *алас-алас* первоначально, по всей вероятности, представляло собой обращение к огню с просьбой об очищении.

ала-чайгаар 'самотеком, стихийно; невольно'.

См. **ал**. У первого компонента (*ала*) возможна также связь с *ала* 'глупо, неосознанно' (см. **ала III**). См. также **чайгаар**.

ала-шокар 'пестрый, пятнисто-пестрый; разноцветный'.

См. **ала I**, **ала-була**, **шокар**.

албаара- 'забываться, впадать в забытье, бредить'.

Слово *албаара-* в конечном итоге гомогенно с *ала* III, *алаң*, *алаңзы-* (см. указанные статьи), но в тюркских языках прямого соответствия ему не обнаружено, тогда как в монгольских оно имеется: ср. п.-монг. *almaira-*, монг. *алмайрах* 'помешаться, бредить; быть рассеянным, забывчивым, небрежным' < *almai*, *алмай* 'рассеянный, невнимательный'; монг., бур. *алмай* 'беспечный; непутево, несу-

[1] Ср. также сиб.-тат. *алас сикеру* 'устаревший свадебный обычай проводить коня через огонь' (сопровождался "волшебными" словами "алас, алас") (Тумашева, *21*).

разно, бестолково; зря, попусту', *алмайрха* 'быть рассеянным'. Ср. также тур. *алпак-салпак* 'глупый' (РСл. I, *431*).

Не вполне ясно соответствие тув. *аа* дифтонгу *ай* в монгольских словах. Вероятно, тув. *албаара-* заимствовано из ойратских говоров, где наблюдается переход *ай* в долгий гласный (правда, переднерядный).

албада- 'заставлять, обязывать, принуждать, вынуждать'.

Как и алт. *албада-* 'принуждать' (Рассадин. МБЗ, *25*), тувинское слово относится к числу монгольских заимствований. В свою очередь, п.-монг. *albada-*, монг. *албадах...* 'неволить', 'принуждать, притеснять; администрировать' < *alba(n)* 'служба; обязанность'. См. **албан**.

албан 1. 'служба; дань; повинность; естественные потребности'; **2.** 'обязательно, необходимо, должно'.

Монгольское заимствование, претерпевшее, однако, в тувинском языке заметное семантическое развитие (увеличение смыслового объема); ср. монгол. *alba(n)* 'служба; обязанность; подать; дань, повинность'. Как монголизм в тувинском языке отмечено Н.Ф. Катановым (Опыт, *121*). В том же качестве зафиксировано в ряде других тюркских языков, причем тув. *албан* ошибочно приведено в форме с конечным заднеязычным *ң* (*алваң*) (ЭСТЯ I, *448*).

албан-дужаал [уъ] 'должность'.

Монголизм: п.-монг. *alban tušijal*, монг. *албан тушаал* 'должность, служебный пост'. См. также **албан, дужаал**.

албан-үндүт *собир.* 'дань, повинность'.

См. **албан, үндүт**.

албан-хаакчы[т] 'служащий'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *alban χaγāγči*, монг. *албан хаагч* 'служащий' < *alban χaγā-/алба(н) хаах* 'служить, находиться на службе', где второй компонент считается глаголом с исходным значением 'закрывать'. Он означает также 'нести, отбывать (службу)'; см. *хаах* с указанными значениями в МРС (с. 492). Они характерны также для бур. *хаа-ха*, производное от которого имя *хаагша* означает 'закрывающий', а в сочетании с *алба* 'служба' — 'служащий'.

В тувинском языке, кроме монголизма *албан-хаакчы[т]*, бытует также устойчивое сочетание *албан хаг-* 'служить', являющееся полукалькой монгол. *alban χaγā-/алба(н) хаах* (см. также **албан**). Форма *албан-хаакчыт* в тувинском восходит к форме мн. ч. в монгольском; ср. п.-монг. *alban χaγāγčid* 'служащие' (ЧР, *17*). Судя по характеру семантики, слово было заимствовано, скорее всего, не ранее 20-х — начала 30-х гг. нашего столетия.

албаты 'подданный'.

Монгольское заимствование. (См.: Опыт, *33*, *121*.) В этом качестве отмечено и в других сибирских тюркских языках (Рассадин. МБЗ, *24*, *37*, *45*). В оригинале представляет прилагательное, образован-

ное от *alba(n)* (см. **албан**), каково, в частности, п.-монг. *albatu* 'податной, подданный' (Голст. I, *38*, *46*). Ср. **ара-албаты**.

албык- 'задыхаться, тяжело дышать (от недостатка воздуха, сильной жары)'.

По-видимому, производное от подражательной основы, каковой, например, можно считать кирг. *алп*, в предложении *алп дедире, сугунду* фолькл. 'он жадно проглотил' (КРС, *52*) (букв. 'издав звук алп, проглотил'). *Алп* — звукоподражание, связанное с глотанием или, возможно, с затруднениями при дыхании.

Албык- < *алп* + *-(ы)к-* — аффикс глаголообразования.

**Алп*, вероятно, родственно с **ал-к*, с которым М. Рясянен, не внося, правда, ясности в характер этой основы, связывает лоб. *алкум*, каз., кирг. *алк-ым* 'горло, глотка', 'зоб' (EW, *17—18*), соответствия которого типа *алкым ~ алкын* 'горло, глотка' имеются и в некоторых других (в частности, кыпчакских) языках (Арсланов, *113*). Но, думается, более логично связывать эти названия непосредственно с глагольной основой типа **алк-ы-*, о которой можно судить по залоговой форме, отмеченной в каз. *алкы-н-* 'задыхаться; горячиться, напрягать усилия' и ног. диал. *алкын-* 'задыхаться, спешить' (Арсланов, *114*) и по семантике, сходной с тув. *албык-*. В том и в другом случае можно предполагать связь с родственными изобразительными словами (соответственно **алк* и **алп*), характеризующими стесненное, затрудненное дыхание или нечто похожее. Подобные слова, оканчивающиеся на сочетания согласных *лк* и *лп*, достаточно распространены в тюркских языках (Щербак 1987, *130*).

албын *редко, фолькл.* 'злой дух, нечистая сила'.

Монголизм; ср. п.-монг. *albin*, монг. *албин* 'бес, демон, злой дух'. Отмечено также и в некоторых других тюркских языках: як. *албын* 'лукавый; хитрость, коварство', тоф. *ablыn* (*аблын*) 'горный хозяин (добрый дух)' (Рассадин. Фонетика, *151*; Рассадин. Словарь), кирг. *албын* 'название болезни'; диал. 'заклинание, состоящее из неприличной брани, которой якобы отгоняются злые девы, приносящие болезнь'. См. также **албыс**.

албыс *миф.* 'албыс, степная дева, ведьма'.

Н.Ф. Катанов дает это слово в варианте *албас* и с переводом 'русалка' (Опыт, *127*), приравнивая его к монгол. *almas* (без перевода) (ср. монг. *алмас* 'легендарные дикие люди; ведьма'). Ср. также алт. *албыс* фолькл. 'дух болезней', *алмыс* 'мифическое название одного из злых духов'; тел. *алмыс* 'покрытые шерстью люди, которые, по преданию, жили на Алтае; злые духи, служители Эрлика' (РСл. I, *439—440*), шор. *ылбыс* 'блуждающий огонь; один из духов' (РСл. I, *1380*) и под. Монгольское *алмас*, с одной стороны, обнаруживает сходство с *albin* (ср. **албын**), а с другой — с

распространенным в тюркских языках *албасты* (и близкими к нему по облику) 'злой дух', 'домовой' и т.п.

О происхождении *албасты* и подобных наименований высказан ряд версий. См., в частности: Климов Г.А., Эдельман Д.И. К этимологии *Albasty//Almasty* // СТ. — 1979. — № 3. — С. *57—63*; Ахметьянов. ОЛДК, *16—17* и др. Однако в настоящее время исследователи, ввиду крайней запутанности этого вопроса, еще не пришли к убедительному решению. Тув. *албыс* и некоторые другие его соответствия ближе всего к монгольскому слову и, вероятно, являются монголизмами. К их числу относится также як. *албас* 'волшебство, чары; хитрость, коварство' (Рассадин. МБЗ, *68*), которое имеет общие точки соприкосновения с монгол. *almas*.

албыс-шулбус *собир.* 'черти, дьяволы'.

См. **албыс, шулбус**.

алга- [аъ] 'благословлять'; **алгыш** [аъ] 'благословение, напутствие; шаманское камлание, заклинание'.

Соответствия типа *алка- ~ алга- ~ alqï-* (ДТС) 'благословлять', 'желать хорошего', 'восхвалять', 'благодарить'... отмечены в памятниках, сибирских тюркских и некоторых других языках.

Э.В. Севортян семантически объединяет *алка- ~ алкы-* с алт. *алмак* 'хороший', 'примерный', 'лучше', выделяя корень **ал* (глагольный или именной) и представляя *алка-*... соответственно как усилительную формулу глагола **ал-* ['быть хорошим' ?] или как отыменный глагол (ЭСТЯ I, *137*).

С точки зрения структуры эта этимология не вызывает сомнений, но в плане семантики версия Э.В. Севортяна выглядит недостаточно проработанной, хотя, думается, он находился на верном пути. По-видимому, в основе *алка-* лежит идея превосходства: 'улучшать, делать какой-л. объект превосходным'. Поэтому *алка-* можно связать со словами, обозначающими возвышенности, возвышения типа **ал-* 'возвышаться' ~ *ал* 'возвышенный' (очевидно, употребляются и в переносном смысле) (см. **алажы, алай**). Не случайны поэтому такие значения рассматриваемого глагола в древнетюркских памятниках, как 'восхвалять, превозносить'.

В связи со сказанным следует напомнить, что еще Г. Вамбери сопоставлял *алка-* с рядом выделяемых им односложных основ (в числе которых имелась и *al* со значениями 'большой, высокий'; 'увеличивать, восхвалять'; он привлекал к сравнению также слова типа общетюрк. *алп* 'храбрый', 'герой' (ЭСТЯ I, *137*). Эти сопоставления во многом оказались обоснованными, скорее всего, и в том, что касается последнего слова.

Тюрк. *алп ~ алып* до сих пор не имеет убедительной этимологии (см. ЭСТЯ I, *139*), и идея Вамбери, определенно, выводит ее из тупика.

Интересно, что более широко, чем глагол *алка- ~ алкы-*, в тюркских языках распространено отглагольное имя *алкыш ~ алгыш* 'благословение'; 'благожелание'... (тувинское соответствие *алгыш* ЭСТЯ не отмечено), считающееся именем действия на -(α)*ш* от *алка- ~ алкы-* (ЭСТЯ I, *137*), но, скорее, от последнего из этих вариантов. В тувинском есть также производные и от варианта с конечным широким гласным: *алгаг*, *алгаашкын* 'благословение', но они, скорее всего, представляют собой новообразования.

алган- [аъ] 'камлать, исполнять шаманские заклинания (песнопения)'.

Тоф. *аьлһан-* 'шептать, произносить заклинания (о шамане)'; 'читать молитвы; высказывать благопожелания' (Рассадин. Словарь), алт. (чалкан.) *алган* 'заклинание над убитым медведем'.

Очевидно, *алган-* представляет собой форму возвратного залога от *алга-* 'благословлять' (см. **алга-**), сохраняя в основном значение последнего, но вместе с тем конкретизируя его. По мнению Д.А. Монгуша, семантика *алган-* выглядит как 'желать кому-л. добра, блага путем камлания'. Ср. также др.-тюрк. *alqa-* 'благословлять, восхвалять, благожелать' и *alqan-* 'прославлять, восхвалять' (ДТС, *38*). Алт. диал. *алган* 'заклинание над убитым медведем' могло быть результатом конверсии глагольной основы *алган-* в именную. Ср. чув. *ылхан-* 'проклинать' и *ылхан* 'проклятье', которые, однако, едва ли родственны *алган-* и *алган* (см.: ЭСЧЯ, *343*); *ылхан-* явно связано, напр., с др.-тюрк. *alqan- ~ alqīn-*, которое в паре с *qarγan-* означало 'проклинать' (ДТС, *38*, *426*) и которое, вероятно, связано с основой *alq-* 'губить, уничтожать' (ДТС, *37*).

алгы- [аъ] 'расширяться, увеличиваться (о размере, объемах)'.

Ср. тоф. *алһы-* 'быть широким', хак. *алгы-* 'расширяться; ширяться, распространяться', др.-тюрк. *alqīγ* (в парном слове *keŋ alqīγ* 'широкий, обширный', употреблявшемся в древнеуйгурских текстах; см.: ДТС, *298*), тув. *алгы-г* 'широкий, просторный; большой (об одежде и обуви)'.

Судя по соответствиям, *алгы-* является архаичным словом; оно отмечено Э.В. Севортяном в тувинском и хакасском языках и относится им к производным от *ал* (**а:л*) 'ширь'; образовано с помощью аф. *-кы-* (ЭСТЯ I, *135*). См. также **ал, ала II, III, алаак, алажы, алай.**

алгы I [аъ] 'выделанная кожа; шкура (как сырье, товар)'.

Тоф. *аьлһы* 'специально выкроенные и сшитые кожаные покрышки чума' (Рассадин. Словарь).

Можно полагать, что исходная или близкая к исходной семантика сохранилась в тофаларском. В таком случае *алгы ~ аьлһы* гомогенно с глаголом *алгы-* 'расширяться, быть широким' (имея в виду, что речь идет о больших кусках кожи). Однако в отличие от глагола, отыменного по происхождению (от *ал*), *алгы* 'кожа, шкура'

связано, скорее всего, с омонимичным *ал* (*а*:*л*) глаголом (см.: ЭСТЯ I, *135*) (в форме интенсива **алк-* 'быть весьма широким' ?). Нельзя также не отметить в качестве возможных соответствий тув. *алгы* такие слова, как алт. *алкы*, *алкы паран* 'имущество' (ОРС, *16*; РСл. I, *390*), а также туралинское ? *алгы* 'долг' (< *ал-* 'брать') (РСл. I, *393*), чаг. *алгіт* 'по́дать', 'пошлина', 'взятка', *алгу* 'взятие', *алғу бäргӱ* 'торговля, сделка, мена' (РСл. I, *396*), которые, по-видимому, связаны с общетюрк. *ал-* 'брать' (см. **ал-**). Тув. *алгы*, судя по семантике, могло быть вторично сближено с подобными словами и получить содержание, связанное с торговым обменом, сохранив отчасти и первоначальное значение ('кожа, шкура').

алгы II 'крик, рев, вопль'.

Непосредственных соответствий не обнаружено, но, по имеющимся данным, слово явно тюркского происхождения и, вероятно, связано (в конечном итоге) со звукоподражанием. Так, судя по приводимым в ЭСТЯ (I, *129*) данным, существует глагол типа уйг. *alq-* 'кричать'. В киргизском отмечено также *алка* 'глотка' в сочетании *алкадан ал-* 'взять за глотку'; ср. также *алкым* 'горло, глотка', почему-то считающееся арабизмом (КРС, *51*), лоб. *алкум* 'глотка', *алкылік* 'ремень у узды за щеками лошади' (Малов. Лобнор, *84*). Впрочем, подобные наименования могут иметь и несколько иную этимологию: см. **албык-**.

алгый [аъ] 'небольшая плоская чаша (используемая охотниками)'.

М. Рясянен (EW, *17*) дает хак. *алгай* 'плоский котел (дорожный)', алт. *алгый* то же, як. *алгый*, *олгуй* 'большой котел' (или 'громаднейших размеров котел, котлище'. См.: Пек. I, *76*), возводя их (под вопросом) к *ал-* 'брать'. См. также у А. Йоки (Joki, *62—63*), отмечающего *algajak* 'маленький котел' как тюркское заимствование в южно-самодийском. В.И. Абаев рассматривает близкое по внешнему облику слово как тюркизм в осетинском (*алӑас*, *алӑаw* и т.п. 'сковородка с ручкой' (Абаев I, *46*)). Осетинское слово при этом связывается с балк. *jalğauč* то же, а также с приводимыми выше формами типа *алгай*, которые, как полагает В.И. Абаев, образованы от глагола *yalğa-* ~ *jalğa-* 'скреплять, прикреплять' (по РСл.), а производное от него имело первоначальную семантику '(сковорода) с прикрепленной, припаянной ручкой'.

Однако едва ли ко всем названиям котлов, чаш, сковород, приводимым выше, применимо объяснение, даваемое В.И. Абаевым. Названия в языках Кавказа и тюркских языках Сибири, возможно, гетерогенны и имеют лишь внешнее сходство.

Что касается происхождения названий типа *алгай* ~ *алгый*... то в их основе лежит, по всей вероятности, иной семантический признак (в частности, признак широты, плоскостности), который характерен для семантики всех этих наименований. Тув. *алгый* поэтому гомо-

генно с глаголом *алгы-* 'расширяться' (см. **алгы-**) и прил. *алгыг* 'широкий'... *Алгый* первоначально, возможно, также было адъективом со сходной семантикой. Сходную структуру имело и хак. *алгай*.

Близкую *алгый* семантику и структуру имели также тув. *чалгый* и *чалгыяк* (см. **чалгый, чалгыяк**).

Вместе с тем с учетом наличия монгольского соответствия (в том числе п.-монг. *alχui* 'котел') нельзя исключить, что в части подобных случаев мы имеем дело с монголизмом. Такое мнение, например, высказывается относительно як. *алгый ~ олгуй* (Иванов С.А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. — Якутск, 1980. — С. 31).

алгыш- [аъ] 'ссориться, браниться'; **алгыш** [аъ] 'ссора, перебранка'.

Непосредственных соответствий не обнаружено, но явна гомогенность с *алгы* II (см. **алгы II**). Как то, так и другое производны от **алк-* 'кричать', откуда первоначально **алкыш-* (> *алгыш-*), а от него, вероятно, путем конверсии — *алгыш*. Ср. **кырыш-**.

алда- 'обознаваться; ошибаться, совершать оплошность'.

В тюркских языках широко распространен глагол, образованный древним аф. *-да- ~ -та-* от именной основы *а:л ~ ал* 'хитрость, ложь'... со значениями 'обманывать; соблазнять, искушать; лгать, врать', что в целом отличается (в категориальном аспекте) от тув. *алда-*, который, кстати говоря, отсутствует в ЭСТЯ (I, *126—127*). В тюркских языках с семантикой 'ошибаться, обманываться' употребляется медиальная форма глагола *алда-* (ЭСТЯ I, *127*).

Э.В. Севортян отмечает также наличие монгол. *aldaγ-a/алдаа* 'ошибка, заблуждение, оплошность', имеющего, вероятно, тюркское происхождение, "поскольку эта основа носит в монгольском изолированный характер", с чем трудно согласиться, поскольку в монгольских языках отмечена и глагольная основа типа п.-монг. *alda-*, монг. *алдах* 'ронять, упускать, терять; промахиваться, не попадать; терять, проигрывать; ошибаться, делать пропуск, упущение, ошибку; терять выгоду, пользу...', с которой непосредственно соотносится тув. *алда-* как явный монголизм.

Н.Ф. Катанов отмечал в качестве производного от монгол. *alda-χи* тув. *алдаа* 'ошибка' (Опыт, *138*), которое в современном тувинском языке не зафиксировано: в нем имеется *алдаг* 'промах; ошибка, оплошность', по-видимому, собственно тувинское производное от *алда-*.

алдагда- 'обознаваться, ошибаться'.

Как и *алда-* (см. **алда-**), глагол *алдагда-* является монгольским заимствованием. Последний, однако, восходит к форме страдательного залога на *-гда-* от монгол. *alda-/алдах*. Глагол в этой форме имеет семантику 'быть упущенным, утраченным, теряться'...

алдагдал 'промах, ошибка'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *aldaγdal, aldal* то же. См. **алдагда-**.

алдаг-онак, алдак-онак 'смутно, неясно (о памяти); едва, кое-как'.
Монголизм. Ср. п.-монг. *aldaγ onaγ*, монг. *алдаг оног* 'изредка; кое-где', бур. *алдаг оног* 'невпопад, как попало'. См. **алда-**.

алдай-танды [аъ] *собир. фолькл.* 'высокие горы, высокогорье, хребет'; 'окружающая природа'.
В современном тувинском языке в качестве самостоятельного слова, относящегося к горному рельефу, употребляется только второй компонент собир. *алдай-таңды* (см. **таңды**). Первый компонент в этом качестве (но в основном в варианте *алтай*) употребляется в значениях 'алтайский'; 'алтаец' и в качестве топонима (*Алтай ~ Алдай*), хотя *алтай* в некоторых тюркских языках Сибири употребляется также в значениях 'высокие горы, горная страна, альпы' (РСл. I, *402—403*). По-видимому, эта семантика — вторичная, явившаяся результатом переосмысления соответствующего топонима. Сводка этимологических версий относительно последнего содержится, в частности, в работе О.Т. Молчановой (ТСГА, *130—131*; см. также **алдын**).

алдак-онак см. **алдаг-онак**.

алдар 'слава'.
Монголизм. См. п.-монг. *aldar*, монг. *алдар* 'известность, популярность, слава; честь; репутация'.

алдара- 'становиться негодным; выходить из строя; становиться бестолковым, перестать соображать'.
Ср. хак. (койб.) *алдара-* 'мучиться', чаг. *алдара-* 'спешить; преждевременно родить; изумляться, теряться (от радости, горя, мучения)', уйг., вост.-тюрк. *алдира-* 'спешить, торопиться; изумляться, теряться' (РСл. I, *415—416*, *422*), уйг. *алдири-* 'опешить, теряться; торопиться, спешить', кирг. *алдыра-* 'растеряться, опешить; обессилеть, ослабеть', а также п.-монг. *aldara-*, монг. *алдарах* 'развязываться, расстегиваться; ослабеть (физически)', калм. *алдрх* 'развязываться, расстегиваться; ускользать, высвобождаться'.
Возможно, *алдара-* и его тюркские соответствия гомогенны с *алаң*, *алаңзы-* (см. **алаң, алаңзы**) или связаны с какой-то основой образного характера. По мнению М. Рясянена, тюркские слова типа *алдара-* — монгольского происхождения (EW, *17*), что небесспорно.

алдар-ат, ат-алдар 'слава, известность; популярность, авторитет'.
См. **алдар**. Компонент *ат* связан со словом *ат* 'имя' (см. **ат I**), а в целом *алдар-ат* или, чаще, *ат-алдар* представляет собой полукальку монгольской композиты типа п.-монг. *aldar ner-e*, монг. *алдар нэр* 'авторитет, репутация; престиж, популярность'.

алдаржы- 'славиться; завоевывать авторитет, становиться популярным (известным)'.
Монголизм; ср. *aldarši-*, монг. *алдарших* 'прославляться; делаться известным, знаменитым, популярным'. См. также **алдар**.

алдар-хавыяа 'доблесть; заслуга'. См. **алдар, хавыяа**.

алдар-хүндү *собир.* 'уважение, почет, доблесть'.

Монголизм. См. п.-монг. *aldar kündü*, монг. *алдар хүнд* 'авторитет'. См. также **алдар, хүндү**.

алды I *диал.* 'соболь'; ср. **киш**.

Тоф. *aldы* (*алды*) 'соболь (грубое название)' (Рассадин. Фонетика, *153*; Рассадин. Словарь), шор. *алды* 'соболь', тел., шор. *алды* 'дичь', алт. (туба), хак. (койб.) *алда* 'дичь; соболь' (РСл. I, *380*, *418*), алт. *алды* 'дикий зверь' (ГАЯ, *146*), шор. *аг алды* 'горностай' (РСл. I, *418*). Ср. также хак. *албыга* 'соболь', тел., шор. *албага* 'добыча (охотничья); соболь' (РСл. I, *432*); алт. *албага* 'дичь, добыча' (ГАЯ, *145*), чул.-тюрк. *алыс* 'дичь'; *алыч ~ а:лыч ~ а:лыц* 'зверь; лось', *албун* 'табуированное название зайца; заячье чучело (как охотничий амулет)' (РСл. I, *350*; Бирюкович, *28*, *29*), алт. *алу* 'пушной' (*алу аң* 'пушной зверь').

А.М. Щербак (ИРЛТЯ, *143—144*) относит тув. *алды*, наряду с хак. *албыга*, к охотничьим наименованиям соболя (со ссылкой на Л.П. Потапова). По мнению В.И. Рассадина, *алды* образовано от общетюрк. *ал-* 'брать' (Рассадин. Фонетика, *153*). То же мнение высказывалось В.В. Радловым относительно *албага* (РСл. I, *432*). М. Рясянен дает раздельную этимологию для *албага ~ албыга*, возводя его к сочетанию *al* 'алый' или *ala* 'пестрый' + *buγa* 'бык' (ср. **ала-буга**), и для *алда ~ алды* (< *ал-* 'брать') (EW, *16*, *17*).

Думается, что в принципе связь с глагольной основой *ал-* более обоснована, в частности, с учетом того обстоятельства, что *ал-* (возможно, под влиянием табу) могло означать и 'захватывать, овладевать, завоевывать, хватать, ловить' (ЭСТЯ I, *128*), а возможно, и 'умерщвлять (на охоте)'. Не отсюда ли монгольское слово типа п.-монг. *ala-*, бур. *ала-*, монг., калм. *ал-* 'убивать'? В этом плане с *ал-* могло быть связано, к примеру, др.-тюрк. *alq-* 'губить, уничтожать' (ДТС, *37*; EW, *17*; см. также **алган-**), которое может быть интерпретировано как форма интенсива от *ал-* *'умерщвлять'.

Думается, что и часть слов, обозначающих охотничью добычу и наиболее ценную из нее — соболя, образованы не непосредственно от *ал-*, а также от форм интенсива этого глагола типа **ал(ы)т-* (> *алда*, *алды*) или **алб(а)- ~ *алб(ы)-* (> *албага*, *албыга*, *албун*).

С *алды ~ алда*, вероятно, гомогенно тел. *алда* 'смерть (в персонифицированном виде)' (РСл. I, *412*), откуда также алт., тел. *алдачы* 'ангел смерти; дух, уносящий душу умершего' (РСл. I, *417*; ОРС, *16*). Существует также мнение, согласно которому *алды* и *албага* связываются с восстанавливаемым для енисейских языков (кетского и др.) словом (в настоящее время — инициальным компонентом слов) *il-/al-* 'созданный солнцем и живущий на земле' и которое высказано Л.Г. Тимониной (см.: СТ I, 1982, *91—96*; Грамматические исследо-

вания по языкам Сибири. — Новосибирск, 1982. — С. 162—168). Это мнение представляется нам недостаточно обоснованным.

алды II [аъ] 'шесть'.

Общетюркское; наиболее распространенный и, по всей вероятности, более близкий к исходному вариант — *алты*. По мнению Э.В. Севортяна, тув. *алды* (с фарингализацией) и ст.-уйг. *aldï* "не вполне ясны без дополнительных данных" (ЭСТЯ I, *142*). Однако тувинское слово в фонетическом плане достаточно ясно: появление фарингализации начального гласного *а* и озвончение согласного *т* вызвано ослаблением последнего; он был некогда сильным придыхательным согласным. Сильное качество этого согласного сохраняется в тоф. *altы* 'шесть' (Рассадин. Фонетика, *153*).

Несмотря на ряд гипотез (см.: ЭСТЯ I, *142*; ИМЧЯ, *40—41*), этимология числительного *алты* остается неясной; в основном его связывают с глаголом *ал-* 'брать', но убедительных обоснований этого не приводится. То же следует сказать и о попытке истолковать **алты* 'шесть' как форму принадлежности 3-го л. ед. ч. от *alt* 'низ, нижний' (СИГТЯ М, *168—169*); см. **алды III**.

Может быть, рассматриваемое числительное связано своим происхождением с тюркскими основами **а:л* *'ширь' ~ **а:л-* *'быть открытым, обширным', реконструированными Э.В. Севортяном (ЭСТЯ I, *135*) и реализуемыми в ряде производных (см. **алгы-** и др.). В этом случае **алты* могло первоначально означать 'расширяющий(ся), выходящий за пределы (о пальцах одной руки при счете)'. Структура **алты* может быть представлена по-разному: 1) **ал-* (*а:л-*) + *-ты*, где *-ты* — редкий формант, образующий отглагольные имена (ср. в других тюркских языках *йар-ты* 'половина' и его соответствия: ЭСТЯ IV, *145*, а также **чарты**); 2) **ал* (*а:л*) + *-(ы)т-* + *-ы*, где *-(ы)т* — глаголообразующий аффикс, а *-ы* — аффикс, образующий отглагольные имена. Возможны и другие варианты данной структуры.

Типологически предлагаемая этимологическая версия может быть сопоставлена с гипотезой о происхождении индоевропейского числительного "шесть" от корня со значением 'расти, увеличиваться' (см.: ВЯ 4, 1995, *145*; Этимология. 1991—1993. — М., 1994. — С. 180).

алды III [аъ] 'низ, нижняя часть чего-л.'; **алдын** [аъ]: **алдын кир-** 'попасть ниже цели (о пуле)'.

Общетюркское; распространенные формы *alt* (*алт*) и *алд(ы)* ~ *алт(ы)* 'нижняя часть, низ (чего-л.)'. Согласно распространенной этимологии, *алт* < *ал* 'низ' + пространственный показатель *-т(-д)* (ЭСТЯ I, *140*), что вполне применимо и к тув. *алды* (< *алт-ы* с сильным согласным *т*; *-ы* — аффикс принадлежности 3-го л. ед. ч.). Предположение, согласно которому тув. *алды* < **алны* < **алын-ы* (ср. *алын* в некоторых языках в значениях 'место под предметом; ниж-

няя часть') (ИП, *441*), менее вероятно, поскольку в этом случае остается неразъясненной фарингализация гласного *а*.

Соответствия тув. *алдын* (в *алдын кир-*) имеются, кажется, только в древнетюркских памятниках в форме *altïn* и со значениями 'внизу, ниже; нижняя сторона' и т.д., состоящей из основы *alt* и показателя оруд. п. *-ïn*, с последующей субстантивацией формы (ЭСТЯ I, *140*; ДТС, 40).

алдын [аъ] I: **алдын кир-** см. **алды** III.

алдын [аъ] II 'золото; золотой'.

Общетюркское; распространено в основном в вариантах *алтын ~ алтун* и с семантикой 'золото(й)'; имеет соответствия в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках (см.: ЭСТЯ I, *142—143*; ИОЭАЯ, *19—24*). Наиболее распространенная этимология, восходящая в конечном итоге к точке зрения Г. Рамстедта, сводится к интерпретации *алтын ~ алтун* как словосочетания *al* 'алый' + *tun* (< *toŋ*, *ton*) 'медь', причем второй компонент в тюркских языках как самостоятельное слово отсутствует и выявляется этимологами в кор. *toŋ* 'латунь, медь', *ton* 'деньги' < кит. *tuŋ*, *tuŋ juan* 'медь' и т.п. (ЭСТЯ I, *142*), с которыми сопоставляется чув. *туй ~ той* 'бронза' и тур. *tunç*, 'бронза'. По Рясянену, второй компонент — непосредственно кит. *ton* (EW, *18*).

Г. Дёрфер приводил существенное возражение о возможности сочетания тюркского слова с неупотребляемым в тюркских языках самостоятельно заимствованным словом *тоң*, которое, по мнению В.И. Цинциус и Т.Г. Бугаевой, "не представляется убедительным", но практически не опровергается (ИОЭАЯ, *23*). Сближения с чув. *туй*, имеющим параллели только в марийском и удмуртском (см.: ЭСЧЯ, *255*). и тур. *tunç* (см.: EW, *499*), приводимые Севортяном, не проясняют ситуацию.

Имеются и затруднения фонетического характера: китайская форма имеет облик *тоң* (*toŋ* или *d'ung*) и неясно, почему в тюркских названиях золота нигде не сохранился заднеязычный *-ң*. Далее, если учесть, что у последнего слова преобладающей была форма с гласным *о*, то более логично было бы ожидать в тюркских языках названия золота в варианте **алтан* (ср. иное по структуре *алтон ~ алтан* (тув. *алдан*)) '60' (< *алты он* 'шесть десятков') (ЭСТЯ I, *141*), но этот вариант слова отмечен только у як. *алтан* 'медь' и тоф. *алдан*, относимых к монголизмам (EW, *18*; Рассадин. Фонетика, *153*), т.е. он является явно вторичным.

В последние годы предпринята попытка возвести *алтын* к сочетанию *ал* 'алый' + *тон* (*ton ~ tun*) 'шуба; шкура' (Зейналов Ф.Р., Новрузов М.Д. СТ 5, 1984, *45 и след.*). Согласно этой версии, шкуры или меха служили у предков тюркоязычных народов товаром-эквивалентом. Затем, с введением в оборот цветных металлов,

шкуры постепенно вытесняются из товарооборота. Заменив последние функционально, металл "заимствовал" их прежнее название. Так у слова *tun/ton* появляется значение 'медь'. При этом происходит "семантический сдвиг шкура — медь — золото". В конечном итоге исследователи фактически приходят к традиционной версии.

Вместе с тем их интерпретация происхождения слова априорна и не подтверждается сколько-нибудь солидной аргументацией. Следует, кстати, отметить, что название шубы или халата *тон ~ дон* характеризуется наличием вариантов только с широким гласным *о* и что для этого слова не характерна семантика 'шкура' или 'мех(а)' (ЭСТЯ III, *262—263* и статья **тон** в данном словаре).

В принципе существующие этимологии оправданно связывают названия золота с *ал* 'алый', но по структуре это название, скорее всего, не являлось словосочетанием. Оно было, возможно, аффиксальным образованием от глагола, в свою очередь являющегося производным от *ал*. В ЭСТЯ производные от этого прилагательного слова, в том числе и глаголы, не приводятся, по-видимому, из-за их малой распространенности (ср., напр., тат. *алла-* 'алеть, розоветь, румяниться').

Но ранее могли существовать подобные отыменные глаголы, образованные не только при помощи *-ла(н)-*, но и при помощи других аффиксов, например *-ы-* (**алы-*). Реальна также и основа *алыт-*, где *-т-* — аффикс интенсива или каузатива; *алтын* < **алыт-* + *-(ы)н*. Возможно, от той же глагольной основы образовано и слово *алтай* (и *Алтай*) (см. **алдай-таңды**), которое, помимо названия горной местности, означает еще 'род лисицы, из шкуры которой делают шубы'; 'красноватый, золотистый' (РСл. I, *403*), причем более древней является, по-видимому, адъективная семантика. Это слово в сходных значениях встречается также в иранизированной форме *altaji* (Боровков. 1961, *75*); ср. кирг. *алтай ~ алтайы* — эпитет наиболее сильных зверей волчьей породы (волка, собаки, лисы) (КРС, *52*). Родственно им и каз. диал. *алтал* 'красивый, красный цвет' (Аманжолов, *355*).

але (ала, эле) *частица подтверждения* (*в основном в составе вопросительных предложений*) 'не так ли? да? так ведь?'.

Первоначальный вариант, видимо, несингармоничный (*але*); по происхождению частица, возможно, связана с *а*, древнетюркской усилительно-вокативной постпозитивной частицей (ДТС, *1*). Ср. также *алай ~ алый ~ алей...* 'так, такой; да', возводимое к *аллай* < *анлай* (*ан* — основа указательного местоимения) (ЭСТЯ I, *133*).

Вместе с тем подобная частица (со значением утверждения, усиления) отмечена и в монгольских языках: ср. п.-монг. *ele*, монг., калм. *л*, бур. *ла*, *лэ* (Рассадин. Очерки, *92*).

алын-: **сагыш алын-** 'догадаться', **сезик алын-** 'возникнуть (о подозрении)'.

Ср. алт. *сагышка алын-* 'разуметь, понимать', др.-тюрк. *köŋülkä alïn-* 'живо, горячо, воспринимать что-л.'. *Алын-* — форма возвратного залога от *ал-* 'брать', означающая 'взять для себя', 'взять на себя' и т.п. См. также **сагыш**, **сезик**.

алын *разг.* 'лицо'; *тодж.* 'лоб', **арын** 'лицо; страница'; *грам.* 'лицо'.

Общетюркское. В тюркских языках распространен главным образом вариант с интервокальным *л* (*алын*) со значениями 'лоб, чело', 'перед', 'лицо'...; вариант с интервокальным *р*, являющийся результатом спорадического чередования *л* ~ *р*, кроме тувинского, отмечен еще в турецких диалектах (*arın*, *arıŋ*).

По мнению Г. Дёрфера, тув. *арын* могло быть результатом контаминации с *эрин* 'губа' (Grundwort, *234*).

Алын гомогенно с *алаңгы*, *алыңгы* (см. **алаңгы**) и восходит к *ал* 'перед' + аф. *-ын* в уподобительно-уменьшительном значении (ЭСТЯ I, *146*).

алыңгы см. **алаңгы**.

алыс 'суть, корень, источник; исход, конечный результат; конечный'.

Соответствия (основной вариант — *алыс*) широко распространены в тюркских языках, но семантически они достаточно удалены от тув. *алыс*: наиболее частотное значение — 'далекий, дальний', ср. также 'безмерный, чрезвычайный, долгий' и некоторые др.

В ЭСТЯ (I, *147*) тюрк. *алыс* (под вопросом) истолковано как монголизм. Ср. п.-монг. *alus*, монг. *алс* 'расстояние; даль; далекий, отдаленное будущее', калм. *алс* 'через, в некотором отдалении', бур. *алас* 'дальний; дальний путь'. Во всяком случае, убедительной тюркской этимологии слова не существует.

Однако тув. *алыс* выглядит далеким в семантическом плане и в сравнении с монгольскими словами. В тувинском языке слово *алыс* подверглось смысловым изменениям, связанным, вероятно, с его употреблением в качестве "книжного" слова с широкой, недостаточно определенной семантикой, что в значительной мере характеризует заимствования, проникающие через письменную речь.

ам 'теперь, сейчас, в настоящее время'.

В ИП (с. 419) приводится ряд сопоставлений, восходящих в конечном итоге к *ам* ~ *эм*, этимология которого неизвестна. Высказывается также предположение, что первоначально *ам* являлось существительным, употреблявшимся в значении 'настоящее время' (наподобие слов *эрте* 'утро'; *дүн* 'ночь', *дүш* 'полдень' и т.п.).

В большинстве тюркских языков соответствующее название двусложно (*инди* ~ *енди* ~ *имди* ~ *емди*...; ср. также тоф. *амды*, др.-тюрк. *amdï* ~ *amtï* ~ *emdi* ~ *emti* 'теперь, сейчас'). Э.В.Севортян считает, что

последнее образовалось от корня *ам* и его модификаций (в варианте *ам* он зафиксирован только в памятниках, а также в тувинском и хакасском языках), но сам этот корень и, в частности, его первоначальный фонетический облик остаются неясными (ЭСТЯ I, *357—358*). В тувинском языке *амды* сохранилось как диалектное слово в значении 'спустя некоторое время' (Чадамба 1974, *7*) и в качестве основы других производных слов типа *амдыгы* в выражении *амдыгаа* (< *амдыгы-га*) *чедир* 'до сих пор'; см. также **амдыгы, амдыкы, амдыы, амдыгылар**.

ама 'мера длины ткани, равная ее ширине; лист (*полигр.*)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *ата*, монг. *ам* 'ама (мера измерения, равная квадрату по ширине материала)'.

амагайла- 'одевать недоуздок; взнуздывать (с использованием в качестве узды аркана)'.

Ср. алт. *амайла-* 'разнуздать', п.-монг. *атаγаі* 'разнузданный, безуздый', *атаγаіla-* 'разнуздать', бур. *ам(а)гайгша* 'разнузданный'; однако в монгольском есть слово *амгай* 'удила', а в калмыцком *амһа* то же, кроме того, там же отмечен глагол *амһалх* 'взнуздывать; обуздывать'. Возможно, тув. *амагайла-* — монголизм ойратского происхождения.

Ср. также тув. *авыңгай* (< монг.) 'удила' в фольклорном тексте (ДБХ, *120, 133*).

амады 'вертлюг, конец тазобедренной кости'.

Неясное слово. В тюркских языках есть ряд производных от глагола **ом-* 'выдаваться, выступать вперед, быть выпуклым, округлым' (ср. кирг. *омок*, хак. *омых* 'грудь лошади', *омрав* и под. 'грудь (лошади); ключица', *омуз* 'плечо, лопатка', тур. *ота* 'выступающая, выпуклая, округлая часть чего-л., особенно костей'; в турецких диалектах *ота* — 'лобковая кость, лодыжная кость, оконечность берцовой кости' и др.) (ЭСТЯ I, *453—455*).

Э.В. Севортян находит у глагольной **ом-* и коррелятивной ей именной основы целый ряд вариантов, среди которых передне- и заднерядные, а в числе первых отмечен и неогубленный **ең-* (ЭСТЯ I, *758*). Принимая во внимание такое разнообразие вариантов, может быть, следует говорить об образной исходной основе таких слов и включить в число разновидностей этой основы также **ам-* или **ам*? Тув. *амады* по своей структуре могло быть производным на *-ы* от глагольной основы **амат-* (< **ам-а-т-*?). Дать более определенное представление о структурном членении *амады* в настоящее время затруднительно.

амала- 'обещать, сулить'.

Монголизм: п.-монг. *amala-*, монг. *амла-* 'обещать, давать слово' < *ама*, *ам* 'рот; словесный, устный'. По структуре близко своему синониму — глаголу *ааза-* (см. **ааза-**).

ама-хеле *уст.* 'спор, ругань, перебранка'.

Монголизм. Ср. монг. *хэл ам* (п.-монг. *kele ama*) 'пересуды, кривотолки, раздоры', *ам хэлээр доромжлох* 'оскорблять словесно'. В буквальном переводе монг. *хэл ам* означает 'язык-рот', а *ам хэл*, напротив, 'рот-язык'. В тувинском языке более употребительно парное слово *аас-дыл* ('рот-язык'), синонимичное *ама-хеле* и, возможно, являющееся калькой последнего.

амджажы- [аъ] 'приобретать привычку делать что-л. (нежелательное); повадиться; привыкнуть; заладить'.

Слово монгольского происхождения; ср. п.-монг. *amtaši-*, монг. *амтши-*, бур. *амташа-*, калм. *амтших* 'входить во вкус, привыкать, повадиться' < *amta(n)*, *амт* 'вкус'. См. **амдан**.

амдан [аъ] 'вкус (пищи)'.

Как и *амтан* с тем же значением в некоторых тюркских языках Сибири (РСл. I, *651*; Рассадин. МБЗ, *19*, *68*), является монгольским заимствованием. Гомогенно с *ama(n)* 'рот' (ОСЛАЯ, *73—75*). См. также **амдан-чимден**.

амдан-чимден [аъ — иъ] *собир.* 'вкус'.

См. **амдан**. Подобно ему, *амдан-чимден* также представляет собой монгольское заимствование: ср. п.-монг. *amta(n) šimte(n)*, монг. *амт шимт*, калм. *амтн-шимтн*, бур. *амта шэмтэ* парн. 'вкус'.

Второй компонент монгольских слов самостоятельно не употребляется. По-видимому, *šimte(n)* и подобные родственно монгол. *šime/шим* 'сок; питательность', *šime-/шимэх* 'высасывать сок'.

амдыгы см. **амдыы**.

амдыкы см. **амдыы**.

амдыы (**амдыгы**, **амдыкы**) 'тот (который был), тот самый'.

По форме — производное на *-гы* (*-кы*) от основы *амды*, связанной с *ам* (см. **ам**). Ее соответствия имеют значения 'теперь, в настоящее время', а также 'затем', 'после этого', 'немного погодя', 'в скором времени' (ЭСТЯ I, *357*). Судя по тув. *амдыгы* 'тот, который был', основа *амды*, вероятно, могла обозначать время не только непосредственно следующее за настоящим моментом, но и предшествующее ему.

Выражение *амдыы* (*амдыгы*, *амдыкы*) *кижи* означает в тувинском 'мой муж' или 'моя жена' (когда один из них говорит о другом в его отсутствие) и буквально переводится 'тот самый (человек)'. Формой мн. ч. от *амдыгы* (с эмфатической долготой во втором слоге ?) — *амдыгылар* — передается устаревшее значение 'особа, господин, сударь' (букв. 'они, те самые').

амдыгылар см. **амдыы**.

амза- 'отведывать, пробовать (на вкус); пригубить'.

Монголизм. В этом качестве был отмечен Н.Ф. Катановым (Опыт, *423—424*). Как монгольское заимствование глагол зафиксирован и в других тюркских языках Сибири (Рассадин. МБЗ, *22*, *40*, *46*).

амы *биол.* 'жизнь'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *ami(n)*, монг. *амь* 'жизнь; дыхание', бур. *амин* то же.

амы-баш *разг.* 'едок (член семьи)'.

Композита, первый компонент которой представляет собой монгольское заимствование, гомогенное с *амы* (см. **амы**). Прототип этого слова в монгольских языках самостоятельно или в сочетаниях означает 'едок, душа' (ср. бур. *амин*, калм. *эмн* (< *amin*), монг. *амь бүл*). Второй компонент (*баш*) — слово общетюркского характера с первоначальным значением 'голова', обозначающее также единицу счета и употребляющееся в значениях 'особь', 'душа', 'человек, животное (при исчислении)'. См. **баш**.

амы-бот 'сам; холостяк; единоличник'.

Полукалька монгольского парного слова; ср. п.-монг. *ami bej-e* 'сам' (ЧР, *20*). Относительно первого компонента (*амы*) см. **амы**, **амы-баш**. Компонент *бот* (см. **бот**) передает значение монг. *бие*, п.-монг. *bej-e* 'тело; рост; сам, лично'.

амыдай *диал.* 'тезка'.

В этом значении чаще употребляется другое слово, *атташ* (см. **адаш**), в отличие от которого *амыдай* представляет собой монгольское заимствование; ср. п.-монг. *ami(n)dai*, монг. *амьдай* 'тезка'.

амыдыра- 'жить, существовать'; **амыдырал** *филос.* 'жизнь, существование; быт; бытие'.

Поздние монгольские заимствования, гомогенные с *амы* (см. **амы**). Ср. п.-монг. *amidura-*, монг. *амьдра-* 'воскресать, оживать, приходить в чувство; быть живым, жить, существовать', *amidural/амьдрал* 'воскрешение, оживление; жизнь, существование'. Терминологизация слова (появление таких значений, как 'быт', 'бытие' на основе семантики типа 'жизнь') осуществилась на почве заимствующего языка.

амыдырал см. **амыдыра-**.

амылан- 'жить, поддерживать существование'; оживляться, становиться живым'.

Н.Ф. Катанов отметил *амылан- ~ абылан-* 'кормиться, добывать средства к существованию' как основу, связанную с п.-монг. *amilaχи* (Опыт, *100*, *127*), означающим, как и монг. *амилах*, 'оживать, воскресать; приходить в себя'. Тув. *амылан-* — форма возвратного залога от **амыла-* < *amila-* < *ami* 'жизнь' (ср. **амы**).

амыр 1. (*приветствие*) 'покой, спокойствие, мир', **2.** 'легкий, нетрудный'.

Отмечено в ряде тюркских языков (варианты *амыр ~ абыр* со значениями 'спокойный, мирный', 'спокойствие, мир' и т.д.); Э.В. Севортян склоняется к тому, чтобы истолковать это слово как мон-

гольское заимствование (ЭСТЯ I, *59—60*); так же истолковывал тув. *амыр* Н.Ф. Катанов (Опыт, *33*).

амыра- 'успокаиваться, утешаться; радоваться, веселиться'.

По-видимому, как и *амыр* (см. **амыр**), производный от него глагол *амыра-* является монголизмом (ср. п.-монг. *amara- ~ amura-* 'быть спокойным; чувствовать удовольствие, веселиться; угощаться'). Этот глагол бытует в ряде тюркских языков (ЭСТЯ I, *59*), но не отмечен в ЭСТЯ, где помещено тув. *авыра-* (см. **авыра-**), и в целом явно объединены гетерогенные основы монгольского происхождения (с интервокальными согласными *в* и *м*).

амырак 'милый, милая; любимый, любимая; возлюбленный, возлюбленная'.

Слово, не характерное для современных тюркских языков. Зафиксировано, кажется, только в языке древнетюркских памятников: *amïraq* 'друг; любимый' < *amïr-* 'любить' (ДТС, *41*); ср. также *amra-* 'любить' и *amraγ ~ amraq* 'любимый, возлюбленный; друг' (ДТС, *41—42*). Соответствия *амырак*, кроме того, имеются в монгольских языках; ср. Поппе. Мук. *amraq*, п.-монг. *amaraγ ~ amuraγ*, монг. *амраг* 'друг; любимый, милый' (в монг. также 'любовь'), калм. *амрг* [амръг] 'друг, приятель', бур. *амараг* 'любимый, милый, дорогой'. При этом слово монгольских языков считается тюркским заимствованием (Владимирцов. Турецкие элементы, *19*), но в тувинском оно может быть и монголизмом.

амырга I см. **авырга**.

амырга II 'титул победителя в национальной борьбе "хуреш"'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *aburγa*, монг. *аврага* 'гигантский, исполинский'; 'гигант, исполин', 'высшее звание борца, чемпион'. См. также **амырга-маңгыс**, **амырга-моос**.

К указанному прототипу восходят и названия некоторых реалий большого размера. Ср., напр., тув. диал. *амырга* 'длинная пила для распиливания бревен вдоль' (Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период. — Кызыл, 1977. — С. 83).

Иногда (в шаманских камланиях) *амырга* является вариантом названия духа *амырга-моос* (КЛА, *182, 424*).

амырга-маңгыс, амырга-моос *миф.* 'чудовище'; 'шаманский дух'.

Первое из этих слов является разновидностью наименования т.н. "мангуса" (см. **маңгыс**) и, по-видимому, первоначально означало 'гигантский мангус', поскольку начальный компонент наименования *амырга-маңгыс — амырга* — монголизм, восходящий к тому же прототипу, что и *амырга* II (см. **амырга II**).

То же происхождение имеет *амырга* и в *амырга-моос*. В тувинской сказке, записанной Г.Н. Потаниным, фигурирует змей *Амырга Могус* (Потанин, *379*), где *могус* представляет более древнюю (с

сохранением интервокального *-г-*) форму компонента *моос* в *амырга-моос*; *могус* (> *моос*), вероятно, есть форма мн.ч. монг. *могой* (п.-монг. *moγai*) 'змея, змей' или, вернее, одна из его форм, образуемая, в частности, при помощи аф. *-с*: с его прибавлением происходит замена конечного *-й* основы согласным *-с*. Ср. бур. *абарга могой* 'удав; название мифической змеи' (фолькл.), в котором представлена форма ед. ч. прототипа тув. *амырга-моос*.

Компонент *моос* в тувинском языке (в частности, в шаманистской терминологии) употребляется и в качестве самостоятельного слова, обозначающего определенную категорию добрых духов-ээренов, и в составе определительных сочетаний — конкретных ээренов типа *ала моос* 'полосатый моос', *көк моос* 'синий моос'. (См.: Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. — М., 1991. — С. 242; КЛА, *181—182*, *424*).

амырга-моос см. **амырга-маңгыс**.

амыргын *уст.* 'здравствуйте!, мир вам!' (*приветствие с оттенком особой вежливости*).

Как и родственное ему *амыр* (см. **амыр**), *амыргын* является монголизмом; ср. п.-монг. *amurχan*, монг. *амархан*, калм. *амрһн*, бур. *амархан*, уменьшительную форму от *amur/амар* (> тув. *амыр*) 'спокойненький; безмятежный, тихий; легонький, нетрудный', выполняющую также (в частности, в монг.) функцию приветствия (чаще в составе устойчивых "формул приветствия" типа монг. *амархан сайн байна уу?*, *амархан уу?* (Цэвэл, *38*).

амыр-дыш 'отдых, покой' см. **амыр, дыш**.

амыр-менди 'здоровье, благополучие'.

Ср. тоф. *амыр менди* 'доброго здоровья!' (пожелание уезжающему). Монголизм; ср. п.-монг. *mendü amur*, монг. *мэнд амар* 'благополучие'. См. также **амыр, менди**.

амыр-соксаал: амыр-соксаал чок 'без устали'.

Заимствование с элементом калькирования из современного монгольского языка: ср. монг. *амар зогсоолгүй* 'без устали'. При заимствовании монгольских сочетаний знаменательных слов с отрицательной частицей *-гүй* последняя в тувинском заменяется отрицанием *чок* 'нет', 'без' (см.: Рассадин. МБЗ, *61*); см. также *аргажок*, *магатчок* и другие подобные случаи.

Монг. *зогсоол* имеет значение 'место стоянки'. См. также **амыр**.

амыр-тайбың *собир.* 'мирный, спокойный'.

Монголизм: ср. п.-монг. *amur tajibung*, монг. *амар тайван* 'спокойный, благополучный'. См. **амыр, тайбың**.

амыр-чыргал *собир.* 'покой, счастье, блаженство'.

См. **амыр, чыргал**.

амыр-шөлээн 'раздольный'.

См. **амыр, шөлээн**.

амытан 'живое существо, животное'; *разг.* 'имеющееся в наличии, всё'.

В тувинском, как и в некоторых других тюркских языках (ср. алт. *амыйтан* 'живые существа'), это монгольское заимствование (см. Опыт, *121*). Ср. п.-монг. *amitan*, монг. *амьтан* 'живое существо, животное', связанное с *ami/амь* 'жизнь; дыхание' (см. **амы**).

амы-хуу 'личный; частный'.

Заимствование (с грамматическим переоформлением), связанное со словосочетаниями типа п.-монг. *ami χubijin* 'личный, частный' (ЧР, *20*), первый компонент которого восходит к *ami* 'жизнь' (см. **амы**). Это слово в определенных сочетаниях означает стремление к осуществлению только своих интересов, заботу только о себе; *χubijin* — форма род. п. от *χubi* 'часть; доля' (см. **хуу**).

ана *частица* 'вот, ну, просто' (*ана ат болду!* 'просто беда!').

Имеет соответствия общетюркского характера; наиболее распространенная форма — *ана* с семантикой 'вот', 'вон', 'здесь', 'да' и т.п. По Севортяну, *ана* представляет собой сращение из указ. мест. **а-н* (~ **и-н* ~ **у-н* ~ **о-н*) и эмфатического *а!* (ЭСТЯ I, *147—148*). См. также **анаар**.

анаа 'обыкновенный, простой, обычный, нормальный' // 'обыкновенно, просто' и т.д.

Можно сопоставить тув. *анаа* с имеющимся в ряде тюркских языков прил. *аныk* 'ясный', 'очевидный, понятный'... которое возводится к глаголу **ан-* 'становиться ясным' и др. (ЭСТЯ I, *152*). Тув. *анаа*, вероятно, образовано с помощью аф. *-а* от той же глагольной основы (и тогда долгота — эмфатического характера?) или от формы **анагы* < **анакы* < **ан-а-кы*, где *-а* — аф., образующий отглагольные имена, а *-кы* — формант, при помощи которого образуются прилагательные.

анаар *диал.*, **ынаар** *лит.* 'туда', 'там'.

Ср. тоф. *ынаары* 'туда' (Рассадин. Морфология, *245*), др.-тюрк. *ïnaru* 'за, туда, дальше' (ДТС, *219*), азерб. *анары* 'в ту сторону'.

Э.В. Севортян в одной из статей ЭСТЯ (I, *157*) дает лишь отдельные из указанных соответствий (в частности, без тувинских и тофаларских данных), включая их в ряд слов типа *аңры* ~ *аңару* и под. со значениями 'в ту (другую) сторону', 'та, противоположная сторона' и др. и возводя их к указ. мест. **ан* + аф. *-кару* (ЭСТЯ I, *157*).

Это объяснение, однако, едва ли применимо ко всем рассматриваемым Севортяном формам (см. также **аар II**), в частности к др.-тюрк. *ïnaru*, которое, скорее всего, членимо на *ïna* + *ru*. В первом его компоненте (*ïna*) можно видеть вариант экспрессивно-указательного мест. *ана*, образованного от **ан* (ЭСТЯ I, *148*; статья **ана**), а во втором — аффикс направ. п. *-rï* (*-ru*), изолированные формы которого используются в функции наречий (ГЯТРП, *160*).

Тув. *анаар ~ ынаар*, тоф. *ынаару* могут быть производными от *ана*, образованными с помощью дательно-направительного аф. *-кару*, и тогда указанные формы восходят к **анакару* > **анагару* и далее идут современные формы с вторичной долготой, являющейся результатом стяжения комплекса с интервокальным *-г-*.

Вместе с тем *анаар ~ ынаар*, тоф. *ынаару*, возможно, по своей структуре тождественны др.-тюрк. *ïnaru*. В этом случае долгий *аа* восходит к краткому гласному, а долгота носит возместительный (компенсирующий) характер или является эмфатической по происхождению. Ср. **аар II**.

Как следует из вышесказанного, из вариантов с начальными широким (*анаар*) и узким (*ынаар*) гласными первичным следует считать первый, хотя на этот счет имеется и другое мнение. См., в частности, **анда**.

анай [аъ] 'козленок (до года)'; *тодж.* 'олененок'; **аныяк** [аъ] 'молодой, юный'.

Н.Ф. Катанов, кроме *анай*, отмечал в тувинском также *анак* 'домашний козленок' (Опыт, *1096*). Ближайшие соответствия — тоф. *аъннай* 'домашний козленок, олененок, теленок в возрасте до года' (Рассадин. Словарь), алт. (туба) *анай* 'годовалый теленок домашней козы' (Рассадин. Фонетика, *154*). В женской лексике алтайского языка отмечено также *аанай* — ласкательное название детей и детенышей животных (ВАЯ, *155*).

Н.К. Антонов (с. 59) сопоставляет тув. *анай* с як. *ыҥаах* 'олененок с начала зимы до 1 года', в качестве параллелей к которому, в свою очередь, приводятся тюрк. *оглак* 'ягненок' и *оглак*, *олак*, *ылак*, *улак* 'козленок'. Як. *ыҥаах* истолковывается как результат сложной ассимиляции с назализацией: *оглак* > *огнак* > *ыҥаах*. Н.К. Антонов предполагает, что такого рода ассимиляция имела место и в тув. *анай*.

Однако едва ли такое превращение реально для тув. *анай*, как, впрочем, и для як. *ыҥаах*, с которым, по-видимому, одноструктурны як. диал. *ыҥай* 'медвежонок', 'неполовозрелый налим', 'маленький ребенок', *ынаах* 'олененок в возрасте до года', а также *ынаа-* 'находиться на последнем месяце беременности' (ДСЯЯ, *312—313*), хотя в принципе сближение якутского слова и его соответствий с *анай* (а кроме того, наверное, и с *анак*, *аныяк* и т.п.), возможно, имеет под собой основу. Можно полагать, начальный гласный *а-* на якутской почве заменился гласным *ы-*, что для якутского в достаточной степени характерно (ср., впрочем, **ынай**).

А.М. Щербак (ИРЛТЯ, *119*) сопоставлял тув. *анай* с именами типа *эник* 'щенок' (см. **эник**); ср. также азерб. диал. *ӓнӓі* 'щенок от шести месяцев до года' (Там же, *129*), этимология которых имеется

(ЭСТЯ I, *281—283*). Можно было бы действительно считать тув. *анай* и подобные слова твердорядными вариантами к ранее указанным, и этому не препятствует, в частности, фарингализация в тувинском и тофаларском (в заднерядных словах) и ее отсутствие в *эник*.

Производящей основой слов, подобных последнему с переднерядным вокализмом, считается глагольная основа **ен-* 'рожать, зачать' (ср. як. диал. *ынаа-*) (ЭСТЯ I, *283*). Можно полагать, что она существовала и в заднерядном варианте (**ан-*). Тув. *анай* [аънай], судя по тоф. *аънһай*, восходит к исходной форме **анкай* < **ан-кай*, являющейся отглагольной (возможно, первоначально адъективом), хотя не исключено, что **анкай* могло быть и отыменным существительным (с основой **ан*, соотносимой с **ан-*) с уменьшительным значением.

Вероятно, при образовании этого слова на стыке заднеязычных *н* и *к* не успел образоваться *ң*, который в таких случаях является обычным в тувинском, поскольку здесь сильный *к* исчез, передав свое качество начальному *а*(> *аъ*), а в тофаларском **к* превратился в слабый *h*, но сохранился. Исчезновение заднеязычного согласного типа *к* при появлении фарингализации в тувинском — редкое явление, но оно все же отмечается и в некоторых других случаях: см. тув. *ие* 'мать', *ийи* 'два'.

Тув. *аныяк*, вероятно, производное от *анай* (с последующей редукцией и переходом *а* > *ы* во втором слоге,образованное, возможно, с помощью аф. *-(а)к* с диминутивной (уменьшительно-ласкательной) семантикой. Однако она к настоящему времени утрачена. Структура отмеченного Н.Ф. Катановым *анак* также не вполне ясна, поскольку, в частности, неизвестно каково звучание последнего и есть ли в нем фарингализованный гласный. Возможно, *анак* — образование от глагольной основы **ан-*, о которой уже говорилось выше, с помощью аф. *-(а)к*.

анда *диал.*, **ында** *лит.* 'там'; 'у него, у нее'.

По своему происхождению *анда*, *ында* — форма мест. п. с аф. *-да* от местоименной основы **ан* (см.: ИП, *216*, *236*). Ср. **анаар (ынаар)**, **андыг (ындыг)** и под.

В парадигме склонения мест. *ол* 'он, тот' *ында* также передает значение мест. п. ('у него; у того').

Относительно варианта с узкорядным начальным гласным (*ында*) Э.В. Севортян высказал мнение, что он принадлежит к "реликтовым формам" и что, в частности, его корень (*ын*) "соотносится с корнем **ин*, представленным своими производным в древнейших текстах" (ЭСТЯ I, *445*).

Под **ин* подразумевается местоимение, которое можно отождествить с "пратюркским местоимением 3-го л. **i(n)* 'он, тот'. Послед-

нее утрачено в качестве самостоятельного слова, но, как предполагается, сохранилось в ряде производных форм. Кроме *ында*, одним из авторов "Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Морфология" к ним относятся тув. *ынаар*, *ындыг*, *ынча* и под. (СИГТЯ М, *202—203*), с чем, однако, трудно согласиться, учитывая наличие у большинства из них вариантов с инициальным *а-* (см. **анаар**, **андыг**, **анча**). Требует объяснения в данном случае и твердорядный характер вокализма в тувинских формах с начальным *ы-*.

Более правильна, очевидно, другая точка зрения, также высказанная в цитируемом труде, согласно которой основа *ĭn* (*ын*) в тувинском и тофаларском языках вторична, и, "по всей вероятности, развилась не без аналогизирующего воздействия косвенной основы местоимения 'этот' — *mĭn-* (*мын-*) (СИГТЯ М, *228*). См. **мында**, **мынаар**, **мынча** и др. Нечто подобное могло иметь место уже в древности, о чем свидетельствует наличие в древнетюркских памятниках вариантов *ĭnaru* 'туда, дальше', *ĭnča* 'так'.

андазын 'соха', 'плуг'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *andisu ~ anǰisu*, (Поппе. Мук.) *anǰasun* 'соха', монг. *андис(ан) ~ анжис(ан)*, калм. *андсх*, дерб. (Зап. Монголия) *андасан* 'соха', 'плуг'. Вероятно, тув. *андазын*, как и алт. *андазын* 'плуг, соха' (РСл. I, *239*), ойратского происхождения.

андыг *диал.*, **ындыг** *лит.* 'такой', 'так'.

Общетюркское; отмечено в вариантах *андаг ~ андай* и т.п. с семантикой 'такой', 'так'. Состоит из местоименной основы **ан* + *-дыг*, восходящего к служебному слову *дег* 'как'. Как и в ряде подобных слов, наблюдается сохранение начального **а-* в одних диалектах (западной зоны) и переход *а* > *ы* — в других, а также в тувинском литературном языке (см.: ЭСТЯ I, *149—150*; ИП, *236*).

анча *диал.*, **ынча** *лит.* 'столько'; 'так'.

анча- *диал.*, **ынча-** *лит.* 'так делать, так поступать'.

Мест. *анча ~ ынча* структурно представляет собой соединение местоименной основы **ан* (см. **анаар**, **анда**, **андыг**) и аф. *-ча* со значением сравнения, уподобления и т.п., являющегося в тувинском языке мертвым формантом (см.: ИП, *236*). В современных тюркских языках распространено в основном в варианте с инициальным широким гласным, однако в древнетюркских (в частности, в древнеуйгурских) памятниках, наряду с *апča*, отмечено уже и *ĭnča* 'так' (ДТС, *219*).

Глагольная основа *анча-* (*ынча-*), кроме тувинского, имеется также в тофаларском: *ыньчжа-* 'так делать' (Рассадин. Морфология, *255*). По мнению авторов "Грамматики тувинского языка", где соответствующий глагол приводится в инфинитивной (причастной) форме на *-ар*, *ынчаар* разложимо на *ын-ча-ар*, где *ын-ча* — мест.

ынча, а *-ар* — глагольный (точнее, причастный) аффикс. "Вполне возможно, что прежде после *ынча* 'так' употреблялся какой-то глагол со значением 'делать', например *кылыр*, от которого сохранился лишь глагольный аффикс, присоединившийся теперь к *ынча*. Таким образом, по-видимому, получился своеобразный глагол *ынчаар*..." (ИП, *238*). Ср. также **мынча, мынча-**.

анчыг 'надоедливый; неприятный, вызывающий раздражение; нескладный, неловкий'.

Можно предполагать гомогенность *анчыг* с др.-тюрк. *ajïγ ~ ajïγ ~ anïγ* 'дурной, плохой', 'зловредный, неблагоприятный', 'злобный' (ДТС, *28—29*), возводимым, в частности В. Бангом, к корню **aj- ~ *an'-* *'бояться, страшиться' или, может быть, 'пугать'; ср. также *ajïn-* 'бояться, опасаться' (ДТС, *29*), но, возможно, что **aj ~ an'* — основа не глагольная, а именная.

Ближайшим структурно-семантическим соответствием к *анчыг* является якутский архаичный глагол *анчый-* (где *-й-*, возможно, усилительный компонент), приводимый Э.К. Пекарским в составе выражения *мунна мунчуйбата, анна анчыйбата* 'он не обратил никакого внимания, не обнаружил ни малейшего сожаления (раскаяния)' (Пек. I, *112*).

Тув. *анчыг* в структурном плане допускает различные интерпретации. Это может быть производное на *-г* от глагольной основы **анчы-* (< **ан*) или образование на *-чыг ~ -нчыг* от глагольной основы **ан-* или, может быть, **айын-* (ср. др.-тюрк. *ajïn-*) (в последнем случае с выпадением сочетания звуков *йы*).

аныяк см. **анай**.

аң 'зверь'.

Распространено в тюркских, а также в монгольских языках. В древнетюркских памятниках встречается также переднерядный вариант *äŋ* (см. **аң-мең**). Основные значения — 'дичь; всякое животное, на которое охотятся, зверь; марал, олень; охота, добыча (зверя)'. Севортян (ЭСТЯ I, *152—153*) сравнивал *аң* с *аг ~ ав* 'охота' (ср. агла-), указывая, что в монгольских языках одним словом *ang* обозначается и зверь, и охота, тогда как в подавляющем большинстве тюркских языков для значения 'охота' уже очень рано обособилось слово *аб > ав*. Но нет ли здесь контаминации двух различных слов?

аңаа, аа [ãã] 'там; туда'.

Связано с мест. *ол* 'он; тот'. По структуре форма дат. п. от **ан*. Развитие этой формы представляется в следующем виде: *ан-га > аң-га > аңаа*, причем долгота гласного в *аңаа* считается компенсирующей (возникшей в результате утраты согласного *г* у аффикса). Результатом дальнейшего фонетического развития *аңаа* является вариант *аа* (ИП, *218—219*).

аңга, аңган [аъ]: **аңган бажы** 'макушка, самая верхушка (горы)', **аңга бажындан (баштай)** 'вначале, сначала', **аңга дугаар** 'в первый раз, впервые', **аңга(и) шагда(н)** 'сначала'.

По-видимому, монголизм; ср. п.-монг. *анд҂а(л)* 'начало'; 'начальный, первый', монг. *анх(ан)* 'вначале', *анх түрүү* 'прежде всего, первым делом', калм. *анхн* 'первоначальный, самый ранний'; 'впервые', *анхн цагаас* 'сначала', бур. *анха(н)* 'сперва, вначале'; 'первоначальный; первый, начальный', *анха дугаар* 'первый'. Словосочетания тувинского языка воспроизводят частично с калькированием или переоформлением — соответствующие монгольские устойчивые сочетания.

Ср. также тоф. *һаңдап* 'очень высокий толстый кедр', истолковываемое как слово неизвестного происхождения (Рассадин. Фонетика, *90*) (с начальным протетическим согласным?), якут. *аңаа* 'очень большой и крупный (о лосе, олене)', *аңалык ~ аңаалык* 'крупное лиственничное дерево, засохшее на корню'. Они, вероятно, связаны с основой *аг- < а:ң-* 'подниматься, увеличиваться' и т.п. (см.: ЭСТЯ I, *68*), с которой допустима и связь монгол. *анд҂а(л)/анха(н)*.

аңгада- 'растеряться, прийти в недоумение; обомлеть, оторопеть'.

Непосредственных соответствий не обнаружено. Однако можно определенно говорить о связи тув. *аңгада-* с основами типа *аңкай-* 'быть широко открытым; удивленно смотреть, таращить глаза, иметь растерянный вид' и т.п. (см. тув. *аңгай-* 'зиять', 'широко раскрываться'), которые считаются производными от **аңк* 'удивленный, пораженный' < **аң-* 'приходить в смущение, затруднение' (ЭСТЯ I, *154—155*) и примыкают к мимеографическим лексемам, выражающим облик опешившего, изумленного человека (см. **аамай**), что связано, в частности, с широко раскрытым ртом и глазами (ср. восстановленную основу *аң-* **'быть широко раскрытым'**, к которой имеют отношение, напр., як. *аңа* 'открытый; отворенный', тат., башк. *аңкав* 'нёбо', каз. *аңка* (< *аң-* + *-ка*) 'зев' (ЭСТЯ I, *156*).

Вероятно, от именной основы типа *аңка* с помощью аф. *-да-* и образован глагол *аңгада- < *аңка-да-* с возможной первоначальной семантикой 'широко раскрыть (рот, глаза) от растерянности, неожиданности' > 'проявлять растерянность, недоумение' и т.п.

аңган см. **аңга**.

аңгастан- 'приспосабливаться к обстоятельствам, находить выход из положения'.

В ТРС (с. 62, 66) *аңгастан-* дается с отсылкой на *аргалан-* — форму возвратного залога от *аргала-* 'успокаивать (ребенка); прибегать к хитрости' (см. **аргала-**). Кроме того, *аңгастан-* явно одноструктурно с *аргаста-*, *аргастан-* (см. **аргаста-**).

В других тюркских языках прямого соответствия рассматриваемому глаголу не найдено. Структурно *аңгастан-* разделяется на компоненты *аңгас-та-н-*, где *аңгас* — именная основа, возможно, родственная глаголу *аңта- ~ аңда- ~ аңды-* и под. со значениями 'поджидать, подстерегать'; 'искать; хитрить'; 'осмотреться'... Этот глагол своим происхождением связывается Э.В. Севортяном с процессом охоты на зверя или дичь (*аң*) и истолковывается как "образованный от названия объекта действия *аң* 'зверь, дичь' + глаголообразующий аффикс *-да-* (ЭСТЯ II, *158*).

Действительно, ряд значений глагола (особенно 'находиться в засаде; ловить, поймать, целиться' и др.) как будто указывают именно на такую производящую основу, но, вероятно, это лишь результат вторичного сближения со словом *аң* 'зверь', а первоначальной основой глагола могло быть иное слово, в данном случае *аң* (*а:ң*) 'мысль, сознание, разум, остроумие, чуткость, чутье' и т.п. (ЭСТЯ I, *153*; см. также **аай**).

В тув. *аңгас* вычленима глагольная основа **аңга-* (< *аң* + *-гав-*), где *-га-* — либо вариант аф. *-да-*, либо самостоятельный формант типа *-а-* или *-га-* (Ср. *анга-* 'понимать, знать' < *анг* 'сознание' в некоторых памятниках (АГ, *211*), а *-с* — аффикс, образующий отглагольные имена (в других тюркских языках ему часто соответствует *-з*). Остальные компоненты структуры тув. *аңгастан-* — глаголообразующий аф. *-та-* (в данном случае это может быть и фонетический вариант форманта *-ла-*) и залоговый *-н-*.

аңгы I 1. 'отдельный, раздельный', 2. 'кроме'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *anggi*, монг. *анги* 'часть; доля, участок', 'класс, группа'... калм. *әңг* [*әңге*] 'род, племя; отдел, часть, филиал, отрасль; разряд'... Тув. *аңгы* I, однако, семантически отличается от монгольских соответствий, выступая как прилагательное (или наречие, так как может означать 'отдельно, раздельно'), а также и как послелог. Это последнее отличие, возможно, связано с контаминацией в сознании носителей заимствующего языка монгольских слов *anggi* и *anggida* (см. **аңгыда**). Однако семантика *anggi/анги* частично сохранилась в *аңгы* [аъңгы] 'класс'; см. **аңгы II**.

аңгы II [аъ] *полит.* 'класс'.

Бесспорно, гомогенно с *аңгы* I (см. **аңгы I**) и также является монгольским заимствованием, но явно поздним. В *аңгы* II не вполне ясно появление фарингализации гласного. Возможно, будучи заимствовано через посредство письменных источников на старомонгольском языке, соответствующее слово могло быть прочитано не *anggi*, а *angχi*, и в результате ослабления (озвончения) согласного в *аңгы* II [аъңгы] могла возникнуть фарингализация.

аңгыда 'кроме'; ср. **аңгы I**.

Монголизм. Ср. п.-монг. *anggida*, монг. *ангид* 'отдельно, порознь; кроме; другой'.

аңгыжыра- *уст.* 'изолироваться, отделяться; размежеваться'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *anggijira-*, монг. *ангижрах* 'отделяться, разделяться; разлучаться; избегать, избавляться'. См. также **аңгы II**, **аңгыда**.

аңгыр 'огарь, турпан (птица)'.

Соответствия *аңгыр* (типа *аңар ~ аңкір ~ аңыр...* 'род утки, водяная птица с красной грудью') широко распространены в тюркских языках на территории Азии (в основном в современных). Все они относятся к монгольским заимствованиям (EW, *21*). Тув. *аңгыр* Н.Ф. Катанов приравнивал к п.-монг. *anggir* (Опыт, *31*). Для тюркских языков более характерно название водоплавающей птицы (дикой утки, турпана, фламинго) в форме *аңыт ~ аңгыт* и под. (см.: EW, *21*). Сопоставление словоформ с конечными *-р* и *-т* и с истолкованием их как звукоподражательных по своему происхождению см. в статье Д.Х. Базаровой (Исследования по лексике и грамматике тюркских языков. — Ташкент, 1980. — С. 80—81).

аңгыс 'залежь, залежные земли; скошенное поле, стерня'.

Ср. др.-тюрк. *аŋіz* 'жнивье, стерня', уйг. *аңиз ~ еңиз* 'поле, пашня; пастбище', тур. *anız* 'жнивье, стерня', чаг. *аңіз ~ äңіз* 'поле под паром, пустое поле; скошенное поле', кирг. *аңыз* 'жнивье, стерня', каз. *аңыз* 'убранное хлебное поле', ккалп. *аңыз* 'пашня, возделанное поле; бахча'.

Часть этих соответствий (без этимологии) приводится в работе М. Рясянена (EW, *21*, *45*). А.Т. Кайдаров восстанавливает каз. **аң* [*аŋ*], исходя из *аңыз* 'жнивье, стерня'; 'поле, где сжат хлеб', а также из диал. *аң жер* 'поле для вспашки' (Кайдаров, *187*). Это сопоставление убедительно, но структура форм типа *аңыз ~ аңгыс...* при этом остается непроясненной. Требует разъяснения и происхождение **аң* (в *аң жер*).

Можно предположить, что соотносительной с **аң* основой является глагольная основа *аг- ~ а:г- < *а:ң-* 'поднимать(ся)' (см.: ЭСТЯ I, *68—69*, а также **агды**), имея в виду, например, торчащую кверху солому (стерню) или "поднятое" (вспаханное) поле. Возможно также, что таким глаголом мог быть и **а:г- ~ *а:ң-* 'переворачиваться', 'опрокидываться', учитывая, что у него существуют производные (залоговые) формы на *-тар- ~ -дар-*, означающие, в частности 'пахать' (см. **аңдар**).

В таком случае **аң* (*а:ң*) могло иметь семантику типа 'перевернутый, опрокинутый' и т.п. (> 'связанный с пахотой'). С этой основой можно, в свою очередь, связать тув.-тодж. *аңзый-* 'запрокидывать назад голову', *аңзыгыр* 'запрокинутый (о голове)'.

Что касается структуры *аңыз...* то оно, скорее всего, является отглагольным именем, связанным с указанными основами и образованным при помощи аф. *-(α)з*. Согласный *-г-* в тув. *аңгыс*, скорее всего, протетический.

аңдар- 'перевертывать, переворачивать; опрокидывать; перелицовывать; выворачивать наизнанку; пахать, вспахивать'.

Общетюркский глагол, отмеченный в вариантах *агдар- ~ авдар- ~ аңдар-* и с широким кругом значений типа 'сваливать, опрокидывать; переворачивать вверх дном; пахать' и т.п. Он считается производным от *а:г-* 'свешиваться на сторону; склоняться; переворачиваться' (см. также **аар I, аңгыс**), образованным с помощью аффикса побудительности *-тар- ~ -дар-* (ЭСТЯ I, *73—74*). Более старой формой глагола Э.В. Севортян считает **а:ңдар- ~ *а:ңтар-*. См. также **аңдаштан-**.

аңдар-дүңдер- см. **аңдар-, дүңдер-**.

аңдаштан- 'лежа на спине, переворачиваться то в одну, то в другую сторону (обычно о лощади, чешущей себе спину)'.

В ЭСТЯ (I, *75—76*) тув. *аңдаштан-* включено в ряд глагольных слов типа *агна- ~ агына- ~ авуна-* и под. 'валяться, переворачиваться с боку на бок; биться, метаться', которые связываются (через промежуточную именную основу) с тем же глаголом *а:г-*, что отмечается и в некоторых других производных (см., напр., **аңдар-**). Тув. *аңдаштан-* в ЭСТЯ подразделяется (без соответствующих разъяснений) на следующие компоненты: *аң-ла-ш-лан-*, что нуждается в комментариях и уточнениях.

Так, в фонетическом плане *л* после *ң* должен был, скорее, видоизмениться в *н* (**аңнаштан-*), чем в *д* (*аңдаштан-*). Кроме того, основе *аң-* (*> аг- ~ а:г-*) в данном случае следовало быть не глагольной, а именной (соотносительной с *аң-*), от которой при помощи аф. *-да-* (а не *-ла-*) был первоначально образован глагол **аңда-* (ср. приводимое Севортяном алт. *аңдан-* 'перевертываться, опрокидываться; валяться, кататься; кувыркаться'... представляющее собой как бы сокращенный структурный вариант *аңдаштан-*). В дальнейшем от глагольной основы **аңда-* было образовано имя или образное слово **аңдаш*, послужившее непосредственной производящей основой глагола *аңдаштан-*, который в структурном плане значительно отличается от соответствий в массе тюркских языков.

Вместе с тем в тоджинском диалекте тувинского языка отмечен несколько иной вариант рассматриваемого глагола — *аңгаштан-* (Чадамба 1974, *50*). Здесь глагольной основе **аңда-* в *аңдаштан-* соответствует **аңга-*, которая, в свою очередь, является прямым соответствием распространенной тюркской форме *аг(ы)на-* (для тувинского не характерно сочетание *-гн-*: оно подвержено метатезе с ассимилятивным изменением *н > ң*).

В остальном структура *аңгаштан-* та же, что и у *аңдаштан-*. Однако наличие рассмотренного выше тоджинского варианта позволяет по-иному представить структуру *аңдаштан-* и общий характер ее изменений.

Можно полагать, что более древней формой глагола была *аңгаштан-*, которая затем подвергалась влиянию родственных глаголов типа *аңдар-*, *аңдар-дуңдер-* (см. **аңдар-**) и в результате частичной контаминации с ними несколько изменила свой облик.

Соответствие тув. *д* заднеязычному согласному в других языках спорадически отмечается и в других случаях: ср. **даңза**.

аңмаар 'амбар'.

Русское заимствование, относительно старое (возможно, дореволюционное); отмечено также и в современной форме *амбар*.

В русском языке слово *амбар* — иранизм, заимствованный через посредство тюркских языков Европы; но как вторичное заимствование из русского отмечено в некоторых тюркских языках восточного ареала уже В.В. Радловым, в том числе и в варианте *аңмар* (саг.) (РСл. I, *243*); ср. также тоф. *таңта:r* (< рус. *амбар*) (Рассадин. Фонетика, *206*).

Переход *мб* > *нм*, однако, не совсем понятен. Может быть, основу приведенного заимствования составляла какая-л. рус. диал. форма слова (типа *анбар*).

аң-мең *собир.* 'всякого рода звери'.

В древнетюркских (особенно в древнеуйгурских памятниках широко употребляется *тӓң*, означающее 'пища, корм для птиц; добыча ловчей птицы; приманка' (ДТС, *341*); его соответствия сохранились в отдельных современных тюркских языках. Ср. турк. *мең* 'приманка, наживка'. Калм. *мең* 'приманка (для ловли зверя)', по-видимому, тюркское заимствование.

В памятниках отмечено также парное слово *ең тең* 'добыча', где *ең* — явный вариант слова *аң* 'животное (как объект охоты), зверь' (см.: ЭСТЯ I, *153*), характерного и для тувинского языка (см. **аң**). В некоторых тюркских языках отмечено "распространенное" (двухсложное) соответствие слову *тӓң* (*мең*); ср. тат. диал. *мәнке*, чув. *менке* 'наживка удочки', як. *мэңнэ ~ мэңиэ* 'наживка; приманка', которые, вопреки высказывавшемуся мнению (ср.:Ахметьянов. Ср. исследования, *196*), не являются тунгусскими заимствованиями. Напротив, тунг. (в частности, эвенк.) *мэңе*, *мэнге* трактуется как якутизм (ССТМЯ I, *570*).

аңныыр 'охота'.

Слово гомогенно с *аң* 'зверь' (см. **аң**) и производным от него глаголом *аңна-* 'охотиться', которые имеют соответствия в монгольских языках, но не могут быть с достаточной определенностью отнесены к числу монголизмов. В отличие от них, *аңныыр* — бес-

спорное монгольское заимствование (и, притом, сравнительно недавнее), структурно неразложимое и неразъясняющееся, исходя из тюркских языков и тувинского в частности. Ср. монг. *агнуур*, п.-монг. *angna-γur* (< *angna-* 'охотиться' + аф. *-γur*) 'охота, охотничье занятие'.

ап *фолькл.* 'лукавство, хитрость; лицемерие'.

Ср. як. *ап* 'волшебство, чародейство, колдовство' (ЯРС, *43*; см. также Пек. I, *122—123*). То же слово в южносибирских языках отмечено со значениями 'ласка; лицемерие' (РСл. I, *611*).

Э.В. Севортян, по-видимому, склонялся к мысли о том, что приводимые им по работам Пекарского и Радлова слова относятся к монголизмам, приводя монгол. *ab/ав* 'волшебство, колдовство, чары' и другие соответствия (ЭСТЯ I, *169*). Эта версия вполне правомерна.

апар- [аппар] 'становиться, делаться; превращаться; наступать (о времени)'; 'быть должным (обязанным), приходиться'.

Прямых соответствий не обнаружено. Этимология затруднительна. Можно высказать предположение о связи *апар-* с глаголом *арба-* < **арпа-* 'завораживать, заколдовывать' и под. (ср. также производные от него имена типа *арбаг* ~ *арпаг* 'колдовство, чары; заклинание, магическая формула; волшебство'...). По Э.В. Севортяну, *арба-* < **аб* + *-ра-* с метатезой *бр* > *рб* и сопоставлением *ап* с монг. *ав* 'волшебство, колдовство' (ЭСТЯ I, *169*), что, однако, вызывает сомнения. Едва ли подобная метатеза должна была произойти повсеместно, и явно нет достаточных оснований для поиска производящей основы глагола в монгольских и в тех сибирских тюркских языках, что испытали сильное монгольское языковое влияние, как это делал Севортян (см. также **ап**). Ср. также глагольную основу *ар-* 'прельщать, соблазнять, обманывать' (ЭСТЯ I, *170*, а также **арга I**), с которой также может быть связано *арба-* ~ *арпа-*. Если же исходить из *арба-* ~ **арпа-*, то вполне реально представить эту основу в форме каузатива на *-р-*: **арбар-* ~ **арпар-*. Но в подобных случаях (при наличии *-р-* в разных слогах) в тувинском языке происходит регрессивная диссимиляция *-р-* > *-л-* (ср., напр., **бүлгээр**). В результате такого процесса могли возникнуть такие варианты указанной формы, как **албар-* или **алпар-*, т.е. варианты, близкие первоначальной форме другого глагола — *аппар-* 'уносить' (см. **аппар-**), омонимичного *апар-* [аппар-] и ныне отличающегося от последнего лишь написанием. Изменения в звуковом облике *апар-* могли произойти под влиянием глагола *аппар-* (в том числе по аналогии с теми изменениями, которые претерпела форма данного глагола).

Лексическая семантика слова также значительно изменилась: она не связана непосредственно с магией и колдовством, но семан-

тика становления, превращения, возможно, отражает эту связь. С точки зрения грамматической семантики можно отметить отсутствие в значении 'становиться, делаться'... компонента каузативности (понудительности), который, судя по первоначальной форме глагола, должен был быть. Но здесь мы, возможно, имеем ту спайку придаточной (аффиксальной) морфемы с корневой в единое целое с сохранением исходного значения, которую на других примерах залоговых форм отмечал А.Н. Кононов (ГЯТРП, *78*).

Однако смысловой компонент, связанный с понудительным залогом, возможно, отразился в значении 'быть должным, приходиться (делать что-л.)' рассматриваемого глагола.

аппар- 'уносить; уводить; увозить'.

Широко распространенный в тюркских языках глагол (в формах *апар- ~ аппар-* и с подобной же семантикой). Уже В.В. Радлов трактовал его как результат сращения *алып бар-*, первый компонент которого — деепричастная форма от *ал-* (*алыр*) 'брать' (см. **ал-**), а второй — глагол *бар-* 'идти, направляться' (РСл. I, *613*, *619*, а также ЭСТЯ I, *128*).

аптара, аптыра 'сундук'.

Монгольское заимствование в тувинском, а также в ряде других тюркских языков (Опыт, *126*; ЭСТЯ I, *58*); ср. монгол. *abdara/авдар* 'сундук; ящик'.

Наряду с отмеченными в территориальных говорах тувинского языка фиксируются и варианты *аптара ~ аптыра* с долготой конечного гласного (*аптараа*, *аптыраа*). Обратив внимание на подобные варианты, отмеченные, в частности, в кандидатской диссертации З.Б. Арагачы (Чаламба 1974), Э.В. Севортян указывал на них как на изолированные формы, "не разъясняемые из монгольского" (ЭСТЯ I, *58*).

Следует сказать, что долготы, соответствующие монгольским кратким гласным, встречаются и в других монголизмах тувинского языка. Чаще всего появление подобных долгот связано с особенностями его фонетики, реализующимися при освоении заимствований. В данном случае долгота конечного гласного носит компенсирующий (возместительный) характер и обусловлена ослаблением гласного среднего слога (что особенно заметно в варианте *аптыраа*).

аптыра см. **аптара**.

ар- 'худеть'.

Наиболее близкие соответствия имеются в некоторых тюркских языках. Этимология неясна.

Э.В. Севортян (ЭСТЯ I, *160—162*) дает *ар(ы)-* 'худеть' как омоним и различное по происхождению слово по отношению к общетюрк. *а:р-* 'уставать, утомляться', но аргументируется это не-

достаточно убедительно. В ЭСТЯ отмечается, что «глагол 'худеть' в форме *ар(ы)-* почти исчез в тюркских языках, сохранившись главным образом лишь в производном прилагательном *арык* 'худой, тощий'» (с. 161). Вместе с тем в этом источнике почему-то пропущены тув. *ар-*, а также др.-тюрк. *ar-* 'худеть, тощать', которые вместе с як. *ыр-* то же образуют наиболее близкую группу соответствий.

ар I 'сейчас; погоди!'.

Вариант (с опущенной частью второго слога) слова *адыр* с той же семантикой. См. **адыр II**.

ар II см. **ары I**.

ара 1. 'промежуток, расстояние; межа', 2. 'недо- (*в качестве первого компонента глаголов*)'; **аразында (аразында)** 'между, среди'...

Общетюркское; отмечено в вариантах *а:ра ~ ара* 'промежуток', 'расстояние между двумя пунктами', 'интервал', 'середина', 'между, среди'...; считается производным от глагольной основы **ар-* 'отделять(ся)' (ЭСТЯ I, *162—163*). См. также **аарак**.

араа 'нарезка, нарез (у винтовки)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *араγа(н)* 'зуб, клык; зубец, зубчик', монг. *араа(н)*, калм. *аран*, бур. *араа(н)* 'коренной зуб, клык; зубчатое кольцо, шестерня'. Ср. также **араатан**. По-видимому, винтовая нарезка в стволе огнестрельного оружия придает стволу изнутри негладкий, "зубчатый" характер, с чем и связано подобное наименование.

ааразай 'очень высокий, высоченный; очень крупный (о человеке, животном)'.

Не очень ясное по происхождению слово; прямых соответствий не обнаружено. Ср. калм. *арнзл* [аръзъл] 'аранзал (волшебный богатырский конь)', бур. *арья-барья* 'массивный; огромный', *арьяг* 'огромный, исполинский', *арьял* 'громадный'.

Можно полагать, что *ааразай* связано с какой-то именной или образной основой, характеризующей большую величину, размеры. Ср. основы **ар* 'остаток, излишек' ~ **ар-* 'увеличиваться, быть в излишке; превосходить' (ЭСТЯ I, *182*; см. также **арт- II**). Возможно, что восстановленная Э.В. Севортяном именная основа **ар* могла иметь и "качественную" семантику, о чем, кажется, свидетельствует як. *ар* 'лучший в своем роде; почтенный, важный; громадный' (Пек. I. *126*).

Может быть, структуру тув. *ааразай* можно представить как **ар* ('огромный') + *-а-* (аффикс глаголообразования) + *-га-* ~ *-гы-* (аффикс учащательности) + *-са-* (аффикс дезидеративности) + *-й* (аффикс отглагольных имен, в частности прилагательных). Таким образом, *ааразай* < **арагасай* < **ар-а-г(α)-са-й*. Ср. также тат. диал. *ыргу-* 'умножаться' и т.п. (ЭСТЯ I, *182*). См. **аргай-хоргай**.

ара-албаты *фолькл.* 'подданные'.

В отличие от второго компонента, функционирующего и в качестве самостоятельного слова (см. **албаты**), компонент *ара* употребляется в тувинской лексике только в составе данного парного слова или в производных формах (ср. **арат**). Как и *албаты*, *ара* является монголизмом: ср. п.-монг. *aran*, монг. *ара(н)* 'человек; простолюдин; чернь'. В тувинском фольклоре отмечено также наименование *ар-хораа* 'народ, подданные', где *ар* представляет собой вариант *ара* в *ара-албаты* (с редукцией гласного второго слога). Относительно компонента *хораа* см. **аг, хораа**.

арааатан 'хищный; хищник'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *araγātan*, *arijatan*, монг. *арааатан* 'хищник, хищные звери'. Последнее связано с названием зубов, клыков (см. **араа**).

арага 'арака (*молочная водка*); вино; водка; алкоголь'.

Общетюркское: *арака ~ аракы ~ ракы*... 'водка; вино; спиртное', 'арака'. Традиционно считается арабизмом: ср. араб. *araq* 'пот', 'крепкая водка' и т.п. (ЭСТЯ I, *166—167*); формы с конечным *-а* встречаются довольно редко (в частности, в караимском, хакасском, тувинском), более обычен конечный *-ы*. По Севортяну, здесь вероятнее всего "произошло расширение конечного узкого велярного под влиянием ударения" (с. 166).

Вместе с тем Э.В. Севортян выражает определенное сомнение в арабском происхождении слова: "Если предмет и его название имеют арабское происхождение, то посредником в движении *арак(ы)* на восток могли быть тюрки, монголы, персы. Но принадлежит ли *арак(ы)* к собственно семитской основе в арабской лексике, остается под вопросом" (с. 167). В тувинский язык *арага* (если это арабизм) могло попасть, скорее всего, через монгольское посредничество, тем более что в древнетюркских памятниках это слово не отмечено. В таком случае тув. *арага* может быть сопоставлено в данном случае с п.-монг. *araqi* (ср. также тув. диал. *арагы*). Скептическое отношение Э.В. Севортяна к традиционной этимологии слова, связывающей его с арабским языком, в определенной степени оправдано и подтверждается наличием в монгольских языках слова *arajan* (п.-монг.) 'водка двойной перегонки' и его современных соответствий (см. **аржаң**), которые, в частности, М. Рясянен помещает в одном ряду с *araqi* (EW, *23*). Может быть, это действительно гомогенные наименования? Однако в настоящее время определенно ответить на этот вопрос затруднительно.

арага-дары *собир.* 'алкогольные напитки'.

Первый компонент связан со словом *арага* (см. **арага**), а второй, как, по-видимому, и первый, и наименование *арага-дары* в целом связаны с монгольским влиянием. Ср. монг. *архи дарс* 'спирт-

ное, алкогольный напиток', бур. *архи daphан* 'водочные изделия; вина, спиртное, молочная водка', второй компонент которых (*дарс(ан), daphан*; ср. также п.-монг. *darasun*) имеет примерно ту же семантику, что и *архи* (п.-монг. *araqi*): 'вино', 'водка (молочная)'. На тувинской почве этому компоненту соответствует *-дары*, который, возможно, связан с формой монгол. *darasun* без элемента *-sun*, который в монгольских языках служит "для подчеркивания конкретности значения слова" (Рамстедт, *199*), но в них есть слова, употребляемые как с этим элементом, так и без него (см. **үре** и **үрезин**).

арага-хойтпак *собир.*; см. **арага**, **хойтпак**.

арага-хымыс *собир.*; **арага**, **хымыс**.

арай 'слегка, чуть-чуть, немножко'.

В вариантах *аран ~ араң ~ арай* 'едва', 'насилу', 'только', 'тихо' и т.п. распространено в ряде тюркских языков. Предполагается, что это монгольское заимствование, причем формы с конечным *-ң > н* восходят к классическому монгольскому языку, а форма *арай* (присущая сибирским тюркским языкам) — к общемонгольскому варианту. Вместе с тем корнем всех этих форм, как полагает Э.В. Севортян, является тюркский глагол *ар- ~ ары-* 'уставать' (ЭСТЯ I, *167—168*). См. **ар-**.

аралчаа 'смешанный аллюр' (*бег лошади*).

Непосредственно *аралчаа*, по-видимому, является монголизмом; ср. п.-монг. *araljiγā ~ arilǰiγā*, монг. *арилжаа* (или *арилжаа хатир*) 'перебой, переход из одного аллюра в другой'; оно явно связано с другим монгольским словом, трактуемым как омоним первого: *arilǰiγā/арилжаа* 'мена, обмен, меновая торговля' (Цэвэл, *51*; МРС, *43*). Ср. также глагол *arilǰi-/арилжих* 'менять, обменивать; делать перебои в беге (о лошади)', который, возможно, является результатом заимствования (сопровождаемого переоформлением) тюрк. *аралаш-* 'смешиваться' (в тув. 'чередоваться') < *ара* 'промежуток' (см. **ара**).

арам I 'погоди-ка, постой'.

Форма с частицей *ам* от *ар* < *адыр* (см. **адыр II**, **ар I**). Ср. *кай* и *каям*.

арам II: **арам-безерек** 'ни то ни се', **арам-саар** 'вряд ли, сомнительно', **арамна-** 'переставать, прекращаться', **арамныг** 'удовлетворительный; неважный'.

С компонентом *арам* вышеприведенных парных слов и аффиксальных образований, по-видимому, может быть сопоставлено хак., шор. *арам* 'редкий, негустой; нечастый', тур. диал. *aram aram* 'местами, временами', турк. *арам* [а:] 'умеренный, небольшой (по силе, величине)'. Из их числа в ЭСТЯ приводится только тур. диал. *aram aram*, которое считается гомогенным с *ара* 'промежуток, интервал' (см. **ара**, **аралчаа**) и, подобно последнему, — производным

от **ар-* 'отделяться; разделяться' (ЭСТЯ I, *162—163*). С той же основой связаны и п.-монг. *arayu*, *aramag* 'редкий, негустой', к которым М. Рясянен возводит, в частности, хак. *арам* (EW, *23*), с чем, однако, трудно согласиться.

Думается, что мнение Э.В. Севортяна, отраженное в ЭСТЯ, может быть распространено на все соответствия турецкого диалектизма *aram arat*. Тув. *арам*, кажется, могло быть и качественным прилагательным (или наречием) и, судя по форме *арамныг*, соотносительным с ним существительным.

Что касается парных слов, то второй компонент *арам-безерек* употребляется в тувинском и как самостоятельное слово со значениями 'недостаточный'; 'незавершенный', 'преждевременно родившийся' (см. **безерек**), а *саар* в *арам-саар* может быть сопоставлено с др.-тюрк. **sïŋar* (ср. др.-тюрк. *sïŋar-la-* 'считать кого-л. одиноким и слабым' (ДТС, *504*). Ср. также куманд. *сагар* 'бледный'.

арат 'арат, скотовод (в Туве и Монголии)'; 'народ(ный)'.

Монгольское заимствование, относящееся, по-видимому, к сравнительно недавнему времени; ср. п.-монг. *arad*, монг. *ард* 'народ, люди; скотовод(ы)', 'трудящиеся, народ; массы, население'. Монгольское слово представляет собой форму мн. ч. от *ара(н)* 'человек'. Ср. **ара-албаты**.

арбай 'ячмень'.

Соответствия (в форме *арпа ~ арба...* 'ячмень') носят общетюркский характер. Форма с конечным *-й* из тюркских языков отмечена только в тувинском, совпадая в этом плане со словами монгольских языков типа *arbai/арвай* 'ячмень', и, скорее всего, принадлежит к числу монголизмов, на что фактически указывал Н.Ф. Катанов (Опыт, *33*, *126*). Не подлежит сомнению, в свою очередь, и тот факт, что в монгольских языках название ячменя является тюркизмом (ЭСТЯ I, *176—177*).

Однако происхождение тюрк. *арпа...* пока не выяснено. Считается, в частности, что оно заимствовано. Так, существует гипотеза об иранском происхождении слова, принадлежащая А. Йоки, но явно недостаточно обоснованная (ЭСТЯ I, *177*; ИОЭАЯ, *164—165*). Выдвинуты и версии собственно тюркского происхождения *арпа...*, но они вызывают сомнения у исследователей. Так, Л.В. Дмитриева считает, что «невозможно семантически возводить *арра* к др.-тюрк. *ar*-I 'истощать', 'худеть', *ar*-II 'отделять' и еще менее — к *arï-* 'очищаться'» (ИОЭАЯ, *165*).

Остается неясным, означает ли это невозможность тюркской этимологии вообще, но в любом случае не следует ограничиваться только тем кругом слов, которые приводятся выше. Можно привлечь для сопоставления, к примеру, глагол *арт-* 'увеличиваться, прибавляться'... (< **ар-* 'увеличиваться; быть в излишке') (см.

арт- II); ср. еще др.-тюрк. *arqan ~ arqun* 'многочисленные, многие (?)'; 'множество'; возможно, с.-югур. *араң куран* 'множество людей' (?). Интересно тур. *arpağanlık* 'изобилие; обильный урожай', прямо, кажется, не соотносимое с турецкими же *arpa* 'ячмень' и *arpağan* 'вид дикого овса' (соответствия последнего со структурной интерпретацией см. в ЭСТЯ I, *177*). Приводимые для сопоставления слова могут характеризовать или прямо характеризуют многочисленность, обилие, густоту злаков, что вполне может быть отнесено и к ячменю. К кругу тех же слов принадлежит, по-видимому, и монгол. *arbin* 'обильный' (см. **арбын**).

Структура *арпа* представляется в виде **ар-п-а*, где **ар-* — 'быть во множестве (в излишке)', *-п-* — аффикс интенсива, *-а* — аффикс отглагольного имени (сходная структура у др.-тюрк. *arqan ~ arqun* и особенно *arqa*, приводимого ниже, но с формантом *-q-*, соответствующим *-п-* в *арпа*). Др.-тюрк. *arqa* 'множество, совокупность; толпа, группа' (ДТС, *53*), возможно, идентично тув. *арга* в составе выражения *арга чон* 'толпа народа' (?) в тексте шаманского камлания (ср.: КЛА, *239*, *472*). В плане смысловой аналогии с *арбай* ср. также **буудай**, **тараа**, **хонак**.

См. **арыг I**, **арыскан**.

арбак 'горсть'.

Видимо, основа образного происхождения. Ср. тоф. *арбай-* 'быть растопыренным (о пальцах рук, когтях у орла); быть разветвленным (о коряге, оленьих рогах)', *арбак* 'когтистая лапа хищного зверя или птицы' (Рассадин. Словарь). Ср. в структурно-семантическом плане **аспак**.

арбан 'арбан, десятидворка (*низшая единица административного деления в Туве*)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *arban*, монг. *арав* (*арван*) 'десять'; п.-монг. *arban ger* 'десятидворка' (ЧР, *31*), монг. *арван* ист. 'десяток (низшее подразделение в монгольских войсках)'.

арбыда-, **арбыжы-** 'увеличиваться, умножаться'.

Монголизмы. Ср. п.-монг. *arbida-*/монг. *арвидах*, п.-монг. *arbiji-*/монг. *арвижих* 'накопляться, множиться, увеличиваться'.

См. **арбын**.

арбыжы- см. **арбыда-**.

арбыжылдыг 'обильный; многочисленный'.

Морфологически переоформленное монгольское заимствование. Ср., например, п.-монг. *arbijil-tai* 'обильный' < *arbijil* 'увеличение' < *arbiji-* (см. **арбыда-**, **арбыжы-**).

арбын 'обильный, многочисленный; большой'.

Алт. *арбын* 'спорый; многочисленный; большинство, большая часть', хак. *арбан* 'крупный, большой', кирг. *арбын* 'много; большая часть', тоф. *арбын* 'обильный (об урожае)'; 'спорый'. Как и тувинское сло-

во, все они являются монгольскими заимствованиями: ср. п.-монг. *arbin* 'обильный; бережливый, экономный, спорый', монг. *арвин* 'обильный; обилие' и т.п. (см.: EW, *24*; Рассадин. Фонетика, *155*).

арбыш *фолькл.* 'шёлк'.

Непосредственных соответствий не обнаружено, однако *арбыш*, возможно, гомогенно с др.-тюрк. *arïš* 'основа ткани' и его современными соответствиями < **ar-* 'плести, вязать, ткать' (см. **аргак**, **аргамчы**, **аргы-**). В таком случае *арбыш*, возможно, < **ар-* + *-мыш*. Этот аффикс в ряде тюркских языков (в частности, огузских) используется для образования причастных форм прошедшего времени, а также и как словообразовательный формант (см.: АИ, *348 и след.*). В тувинском языке он является мертвым формантом, встречающимся в составе лишь отдельных слов (см., напр., **чемиш**).

Арбыш < **армыш* первоначально, вероятно, имело значение типа 'плетеный'. Ср. также **торгу**.

арга I 'способ, средство, прием, путь; уловка, хитрость; возможность'.

Соответствия (*арға*) со сходным кругом значений имеются в киргизском, алтайском, сарыг-югурском (ЭСТЯ I, *170*) и некоторых других тюркских языках (РСл. I, *295*).

По мнению Э.В. Севортяна, *арга* — производное от глагола *ар-* 'прельщать, соблазнять, обманывать', а его соответствие в монгольских языках типа *arya/арга* 'способ; средство'... — тюркское заимствование (ЭСТЯ I, *170*), что может быть правильно в принципе, но не исключена возможность повторного заимствования слова из монгольского источника, например в сибирских тюркских языках. В частности, Катанов считал монголизмом тув. *арга* (Опыт, *137*).

арга [аъ] II 'горный лес'.

Ср. тоф. *arha* 'северный склон горы' (Рассадин. Фонетика, *72*). В тувинском есть выражения *арга чарык*, *арга тала*(*зы*) 'северная (лесистая) сторона (гор)'. В горных условиях Тувы лесистыми чаще всего являются северные, более влажные склоны гор, с чем и связано появление у слова *арга* семантики 'горный лес', тогда как у тоф. *arha* сохраняется более старое значение.

Вместе с тем это слово, бесспорно, имеет прямую связь с общетюркским *арка* (> *арга*) 'спина, задняя часть (сторона)', 'северная сторона' и т.п., этимология которого дается в ЭСТЯ (I, *174—175*). По этой версии *арка* < **ар-ка*, где **ар* — глагольно-именной корень со значениями *'взваливать, нагружать на спину; нести на спине' и *'задняя сторона, спина, тыл'.

Структура *арка* в указанном источнике остается до конца непроясненной, но можно полагать, что оно является отглагольным производным словом.

арга-арыг *собир.* 'лес, леса'.

См. **арга** I, **арыг** II.

аргажок 'безвыходный, невозможный, плохой, неудовлетворительный'; 'слабый, хилый, больной'.

Результат частичного калькирования монгольского слова *аргагүй* 'безвыходный, невозможный; беспомощный', где *-гүй* — отрицательная частица, замененная в тувинском компонентом *-жок* (< *чок* 'не(т)'). Основа *арга-* связана с *арга* 'способ, прием' и т.п. См. **арга I**. Ср. **амыр-соксаал [чок]**. (См. также: Рассадин. МБЗ, *61*).

аргай-хоргай: **аргай-хоргай саадак** *фолькл.* 'большой (вместительный) колчан'.

В тувинском самостоятельно употребляется слово *саадак* 'колчан'. Непосредственных соответствий *аргай-хоргай* не найдено. Вероятны исходные образные основы. Возможно, первый компонент гомогенен с *араазай* (см. **араазай**). Ср. также як. *аргыл* 'большой', *арбах сүгэ* диал. 'широкий топор', чул.-тюрк. *а:рыг* 'крупный', монг. *архаг* 'большой, сильный', *арха-* 'громоздиться', бур. *арха-бурха* 'большой, крупный'. Компонент *хоргай* ср. с кирг. *коркой-* 'иметь вид высокого, вздымающегося ввысь',
як. *хорой-* 'вытягиваться вверх'.

аргак [аъ] 'кромка (материи)'.

Ср. др.-тюрк. *arqaγ* 'уток, поперечные нити ткани' (ДТС, *54*), с.-югур. *аркаглыг* 'сторона ткани, холста, где сделан разрез и остались махры, а не сторона кромки' (Малов. ЯЖУ, *17*), турк. *аргач* 'уток', хак. *арха* 'кромка материи', а также п.-монг. *arχaγ*, монг. *архаг* 'края, кромка (материи, ткани)', калм. *архг* 'кромка, кант'. В конечном итоге тув. *аргак* — слово, скорее всего, монгольского происхождения, но его монгольские соответствия, вероятно, — тюркизмы. В этом смысле *аргак* гомогенно *аргы-*, *арбыш* (см. **арбыш**). См. также: ЭСТЯ I, *170* (статья **арга I**).

аргактыг [аъ]: **аргактыг алды моюн** *фолькл.* 'шестисуставные позвонки'; *перен.* 'очень крепкая шея'.

В буквальном переводе *аргактыг алды моюн* означает 'шесть шей, обладающих аргак'ом', а *аргак*, возможно, связан с др.-тюрк. *аγruγ* в сочетании *аγruγ söŋük* 'атлант (первый шейный позвонок)' (при *söŋük* 'кость'). В свою очередь, *аγruγ* не связано ли с глаголом *аγ-* (*аг-*) 'подниматься (вверх); увеличиваться, вставать' (см., напр., **агдыр**) в форме каузатива (***аγïr-*)? **Аргак* в *аргактыг*, возможно, < **аγraq*, структурно подобного *аγruγ*. Метатеза **аγraq* > *аргак* могла произойти под влиянием *аргак* 'кромка материи' (см. **аргак**). *Аргактыг* встречается и в варианте *аргыктыг* (ДБХ, *232*).

аргала- 'успокаивать (ребенка); хитрить, прибегать к хитрости'.

Ср. тоф. *аргала-* 'уговорить; утихнуть (о буране)', алт. *аргала-* 'избавлять', считающиеся, наряду с тув. *аргала-*, монголизмами, подобно той основе, от которой образован глагол (см. **арга I**) (Рассадин. Фонетика, *155*).

арга-меге *собир.* 'обман'.

См. **арга I, меге I.**

арга-мергежил 'опыт, навык, умение, мастерство'.

Один из поздних монголизмов. Ср. п.-монг. *arγa mergejil* 'умение, навык, квалификация, ловкость, искусство' (ЧР, *30*). См. также **арга, мергежил.**

аргамчы 'аркан, корда'.

В тюркских языках соответствия этого слова (в основном в форме *аргамжы* и под.), означающие 'аркан, веревка (из конских волос)', распространены достаточно широко, но, несмотря на возможность его этимологизации на тюркской основе (как это делал К. Брокельман), такая этимология Э.В. Севортяном оценивается как проблематичная, а наиболее вероятным источником слова представляются монгольские языки (ср., напр., п.-монг. *arγamǰi* 'веревка, аркан', 'привязь', путы'), где, однако, этимология слова остается не вполне ясной (ЭСТЯ I, *172—173*).

В ЭСТЯ (с. 172) определенное внимание уделяется различиям в качестве аффрикат последнего слога монгольского слова и его соответствий в тюркских языках. Но отчасти эти различия мнимые. В тувинском, например, между сонантом и гласным произносится звонкая аффриката *ч* (*дж*), которая на письме, однако, обозначается знаком *ч* (ИП, *81—82*). То же и в слове *аргамчы* [аргамҷы], где, вопреки мнению Э.В. Севортяна, различий между монгольским словом и его заимствованием в указанном плане практически не прослеживается.

Следует отметить, что в некоторых диалектах (напр., тоджинском) у слова *аргамчы* отмечена глагольная омоформа *аргамчы-* 'привязывать арканом'.

арганна- *тодж.* 'обманывать'.

Основа глагола (**аргап* < **аркан*), по-видимому, гомогенна с *арга* (см. **арга I**) и образована от той же глагольной основы *ар-* 'прельщать, соблазнять, обманывать' при помощи форманта *-кан ~ -ган.* Непосредственно с **арган* может быть сопоставлено хак. (кач.) *арган торгы* 'искусственный шелк'. См. также **аргаста-.**

арга-оп 'хитрость'.

См. **арга I, оп.**

аргар 'архар, горный баран'.

Общетюркское; список соответствий типа *аркар ~ архар* и др. с той же или близкой семантикой см. в ЭСТЯ (I, *176*). Там же дается этимология, связывающая название архара с формой рогов и интерпретирующая его как глагольное имя на *-р* со значениями признака от **арка-*; ср. кирг. *аркай-* 'торчать в разные стороны', 'выситься, вздыматься', кирг. *аркагай* 'выпятившийся', 'торчащий во все стороны'; *аркагай мүйүз аң бугу* фолькл. 'белый олень с вет-

вистыми рогами'... В принципе такое объяснение приемлемо, хотя в деталях вызывает некоторое сомнение: определение, которое подходит для рогов оленя, не очень убедительно применительно к горному барану: его рога не высятся и тем более не ветвятся, а изогнуты и откинуты назад.

Возможно, *аркар*... гомогенно *арка* 'спина' (см. **арга II**), возводимым Э.В. Севортяном к глаголу **ар-*, который восстанавливается с семантикой 'взваливать, нагружать на спину, нести на спине'. Судя по формам типа *аркар*, рассматриваемое слово может быть непосредственным производным на *-р* от соотносительного с **ар-* глагола **арк-* типа тур. диал. *ark-* 'повесить за спину что-л.' (ср. производное от последнего *arka* 'груз, переносимый на спине') (ЭСТЯ I, *175*). Тюрк. *аркар ~ архар ~ аргар* традиционно сближают со словом монгольских языков типа п.-монг. *arγali*/монг. *аргаль* 'горный баран', 'самка горного барана', причем последние этимологизируются (на монгольской же языковой основе) следующим образом: *arγa-li* < **arĭγāli* < **arĭγan* 'клык' + **-li*), что не очень ясно и неубедительно ни с лингвистической, ни с логической точки зрения. Тюркские слова считаются родственными п.-монг. *arγali*, но природа этого родства не раскрывается (см.: ОСЛАЯ, *127—128*). Думается, что монгольские формы, скорее всего, вторичны по отношению к тюркским.

аргаста- 'находить выход (из затруднительного положения)'; 'делать что-л. кое-как'.

Производный глагол, в котором четко вычленяется именная основа **аргас*, в свою очередь, сопоставляемая с алт. *аргас* 'ленивый' (ГАЯ, *150*), хак. *аргаас* 'ленивый; лень; лентяй, лодырь', *аргас* (тел., шор., саг., койб.) 'леность, соединенная с хитростью', 'леность', *аргастан-* (тел., шор., саг.) 'быть хитрым и ленивым; быть ленивым' (РСл. I, *298—299*).

Похоже, что в основе тув. *аргаста-* лежало имя с нерасчлененной или комплексной семантикой типа 'ленивый и хитрый', которая в семантике глагола разделилась: 'хитрый' отразилось в значении 'находить выход'... а 'ленивый' — в 'делать что-л. кое-как'.

В.В. Радлов под вопросом возводил *аргас* (*аргаас*) к сочетанию *арга* (по-видимому, 'ум, хитрость' и т.п.) и *-сыз ~ -сыс* (аффикса привратива), что кажется сомнительным, хотя в целом связь *аргаас ~ аргас* и *арга* (см. **арга I**) вполне вероятна. Однако непосредственно возводить *аргас*... к *арга* или даже к глаголу *ар-*, к которому возводят последнее, затруднительно в структурно-морфологическом плане.

Впрочем, имеется и глагольная основа *арга-* 'обманывать, обольщать' (ЭСТЯ I, *170*; РСл. I, *295*), производным от которого могло быть *аргас* (< **арга-с* или **арга-з*).

Не исключена, впрочем, и вторичность сближения *арга* и *аргас*, *аргаста-*, которые, возможно, гомогенны с *ардак* 'неженка, баловень', *арда* 'невежда' и т.п. (ЭСТЯ I, *172—173*), алт. *арда* 'любимое дитя' (ГАЯ, *150*), что объясняет семантику 'ленивый; лень'. Долгота во втором слоге хак. (и некоторых других) *аргаас*, вероятно, эмфатического характера.

арга-сүме 'совет'.

См. **арга I**, **сүме I**.

арга-сын *собир.* 'леса и хребты'.

См. **арга II**, **сын**.

арга-хорга *собир. разг.* 'способ(ы); хитрость, хитрости'.

Первый компонент связан с *арга* I (см. **арга I**). Второй в качестве самостоятельного слова не обнаружен. Внешне и структурно есть сходство с *аргай-хоргай* (см. **аргай-хоргай**), но в отличие от последнего *арга-хорга* имеет прямые соответствия в монгольских языках: ср. бур. *арга хурга* 'возможности; средства, способы', калм. *арһ-хорһ* в сочетаниях вроде *арһ-хорһ хәәх* 'искать средства (способа) защиты (для достижения целей)'. Второй компонент здесь, возможно, связан с *хорһ* (монг. *хорго*) 'укрытие, прикрытие'. См. также **хоргада-**.

аргы- I 'ездить; объезжать, разъезжать; курсировать, совершать рейсы'. Э.В. Севортян (ЭСТЯ I, *172*) сопоставляет тув. *аргы-* и *аргы-* в киргизском и кумыкском (последние означают 'бежать крупным карьером (о скаковом коне)', 'идти галопом'), считая их "учащательной формой с аф. *-кы*" от **ар-* *'идти, бежать крупным шагом' (на основании кирг. *арыш* 'шаг', 'размах' и *арым* 'крупный шаг', 'размах'), что вполне вероятно.

аргы- II 'вязать; плести; ткать'.

В ЭСТЯ (I, *170*) дается тув. *аргы-* , а также хак. *арга-* 'вышивать гладью'. Сюда можно отнести, вероятно, и лоб. *аіка-* < *арка-* 'переплетаться ногами' (Малов. Лобнор, *81*), которые сопоставляются с именем *арга* ~ *арха* 'уток ткани', 'кромка материи'. Те и другие считаются производными от **ар-*... 'плести' (ЭСТЯ I, *170*, *756*). См. также **аргак**, **арык II**.

ар-дор- *собир.* 'худеть; слабеть, обессилеть'.

Компонент *ар-* связан с глагольной основой *ар-* (см. **ар**), а *дор-* в тувинском языке является связанной основой, в настоящее время самостоятельно не употребляемой (см. также **дора-өлчүк**). Компонент *дор-*, как и *ар-*, тюркского происхождения. Он сопоставим с др.-тюрк. *tur*(*tor-*?) 'худеть, тощать' (ДТС, *587*; ср. также EW, *489*), як. *туор-* 'тощать', *туор* 'расположенный к тощанию' (Пек. III, *2824*), с.-югур. *tor* 'голод'. Исходная форма глагола восстанавливается с первичной долготой — **тӯр* 'тощать, худеть' (см.: Щербак 1970, *197*).

С *дор-...*, возможно, связано появление у тувинской глагольной основы *тур-* [дур-] 'стоять' значения 'уставать' (контаминация *дор-* с *дур-* ?). Подобная семантика последней Э.В.Севортяном отмечена у тюркских соответствий лишь в гагаузском языке (ЭСТЯ III, *298*), хотя в производных от *дор- ~ тор-* и (как и в тувинском) в самостоятельно не употребляемых формах может иногда наблюдаться чередование широких гласных с узкими, возникшее, по всей вероятности, как результат перехода *-о- > -у-*. Ср. каз. *арык-турык* собир. 'худые и истощенные' (Кайдаров, *289*), *арык-турак мал* 'истощенный скот' (КазРС, *41*), каз. диал. *арык-дорык* 'худой, тощий скот', кирг. *арык-торук ~ арык-турык* 'худые и истощенные'. По-видимому, с тюркскими формами, характеризуемыми наличием *-у-* в первом слоге, связаны монгольские основы типа *tura-/турах* 'худеть, тощать', которые, в свою очередь, в принципе также могли повлиять на семантику тув. *тур-* [дур-] 'стоять' в указанном выше направлении.

аревэ *ист.* 'ревсомол' (*молодежная общественная организация в Тувинской Народной Республике*).

Как и *ревсомол* (*революционный союз молодежи*), тув. *аревэ* представляет собой сложносокращенное слово, образованное на основе словосочетания; им является *аныяктарның революстуг эвилели* 'революционный союз молодежи'.

аржаан 'аржан' (*минеральная целебная вода и ее источники*).

Кроме тувинского, слово отмечено еще в нескольких тюркских языках в вариантах *аршан ~ арасан ~ аржан* ('целебный источник', 'минеральная вода' и т.п.). Как полагает Э.В. Севортян, тув. *аржаан* "из *арашан*, однако источник долготы *а*: во втором слоге... неясен". Как и другие исследователи, Севортян связывает эти слова с заимствованием из санскрита, но, очевидно, через монгольские языки (что Э.В. Севортян допускает для северо-восточных тюркских языков, а значит и для тувинского). Он также приводит монгольские параллели типа *рашаан ~ аршаан* (ЭСТЯ I, *168*), т.е. с долготой гласного второго слога, что как раз и объясняет появление соответствующей долготы в тув. *аржаан*.

аржаң [аъ] 'крепкая арака (молочная водка) двойной перегонки'; **аржаң-коржаң** [аъ-оъ] *фолькл.* 'очень крепкая арака; яд, отрава'.

Ср. алт. *арайан* (монг.) 'водка из молока' (ГАЯ, *149*), *арајан* (в сказках, от *аракы*) 'водка из молока', *арајан коројон* 'водка' (РСл. I, *250*), шор. *арачын-корачын* 'крепкая водка' , хак. *арачан* то же, чул.-тюрк. *аразан* 'водка', *коразын* 'вино из молока'.

Связь таких названий с начальным *а-* и названия араки, о чем писал В.В. Радлов, представляется вероятной (см. **арага**). Вместе с тем обосновано и мнение о том, что наименования типа *аржаң* — монгольского происхождения (см. также: Рассадин. МБЗ, *26, 37, 45, 48*):

ср. п.-монг. *araja* 'молочная водка двойной перегонки', *qoraja* 'молочная водка тройной перегонки' и их современные соответствия — монг. *арз*, *хорз*, калм. *арз* [арзъ], *хорз* [хорзъ], бур. *арза*, *хорзо*.

Вместе с тем в звуковом облике слов тюркских языков есть расхождения с их монгольскими соответствиями, нуждающиеся в разъяснениях. Это касается, в частности, конечного носового согласного. Комментируя фонетические особенности алт. *арајан* и *коројон*, В.И. Рассадин отмечает наличие в них конечного *-н*, не зафиксированного в этих словах ни в старописьменном монгольском и ойратском, ни в современных монгольских языках, и высказывает предположение, что они были заимствованы из того (по-видимому, достаточно древнего) языка-источника, где *-н* в указанных словах был употребителен (МБЗ, *26*).

Что касается тув. *аржаң* и *коржаң* (в основном составе парного слова *аржаң-коржаң*), то в них отмечен конечный заднеязычный *-ң*, который, вероятно, отражал переход *-н* > *-ң* в самих монгольских языках, где *-н* неустойчив и либо эллиптируется, либо заменяется согласным *-ң*, что характерно для восточных монгольских языков и, в частности, халха-монгольского. Для него характерно (как, впрочем, и вообще для современных монгольских языков) редуцированное произношение кратких гласных непервых слогов, что также отразилось во внешнем облике тув. *аржаң* и *коржаң*, являющихся двухсложными, в отличие от их трехсложных соответствий в других тюркских языках.

Монголизмы тувинского языка явно отражают более раннюю стадию развития монгольской аффрикаты *-з(дз)*, когда она еще носила не свистящий, а шипящий характер (*дж* ~ *ǰ*), и, таким образом, источником тув. *аржаң* и *коржаң* были, по всей вероятности, халхаские диалекты на относительно раннем этапе их развития.

аржаң-коржаң см. **аржаң**.

аржымак [аъ] 'кожаный бурдюк (для араки или хойтпака)'.

Ср. алт. *арчымак* ~ *арчмак* 'переметная сума, которая кладется ездоком под себя', хак. *арчымах* 'кожаная сумка для продуктов; переметная сума'.

РСл. (I, *324*) дает алтайское и сагайское *арчымак* в значении 'вьюк', истолковывая его как производное от *арт-* 'вьючить'. Близок к этой точке зрения и Э.В. Севортян, который связывает *арчымак* ~ *арчымах* с параллелью *арт-* — глаголом *арды-* ~ *арты-* 'навьючивать' и т.д. (ЭСТЯ I, *181*). Однако несмотря на приводимые в этом источнике образования типа *артмак* ~ *артпак*, фонетически переход *артымак* > *арчымак* выглядит не совсем убедительно и логично, тем более что на предыдущей странице (с. 180) Э.В. Севортян приводит др.-тюрк. *arč-* 'навьючивать' (?) (по ДТС) и производное от него существительное *arčï* 'седельный ранец'.

Таким образом, существует еще одно соответствие рассматриваемым словам, правда не очень ясное по составу. Неясен, в частности, элемент *-č(ч)-*, в связи с чем задается вопрос: "Нельзя ли *-ч-* рассматривать как корреспонденцию *-т-*?" (ЭСТЯ I, *180*). Остается, однако, неясным, имеет ли это соответствие фонетическую или морфологическую природу (ср., напр., упоминание аф. *č*(~ *š*) как залогового в работе Кононова) (ГЯТРП, *78*).

Поскольку производные на *-мак* — отглагольные имена, то алт. *арчымак*, хак. *арчымах*, по-видимому, < **арч*(*ы*)*-мак*, где узкий гласный, вероятно, протетический. Первоначально это слово означало, скорее всего, какую-то дорожную емкость (типа сумки), изготовленную из кожи, а затем (в тувинском языке) — кожаный бурдюк.

Следует отметить и попытку истолковать некоторые из приводимых выше слов (в частности, хак. *арчымах*) как монголизмы (Рассадин. МБЗ, *36*). См., в связи с этим, **ачымак**.

аржыыл [аъ] 'платок, косынка; полотенце, салфетка'.

Н.Ф. Катанов, зафиксировавший это слово в форме *арчы̄л* 'платок, ручник', указывал на наличие к нему параллели в виде п.-монг. *arčiγul* ('платок, полотенце') (Опыт, *34*) < *arči-* 'вытирать'. Бесспорно, что и тув. *аржыыл* и его соответствия в других тюркских языках (Рассадин. МБЗ, *23*, *35*, *38*) являются монголизмами, хотя монгол. *arči-* имеет соответствия в тюркских языках (ЭСТЯ I, *185*, *186*); см. также **ары-**.

В тоджинском диалекте слово отмечено в варианте *аълчыыр*, который приводится в качестве примера сохранения более близкого к оригиналу, чем в литературном языке, фонетического облика монголизма (Чадамба 1974, *59*). Это верно отчасти (в отношении аффрикаты *ч*). Между тем монг. *алчуур*, с которым сопоставляется *аълчыыр*, представляет собой вторичную форму, претерпевшую, вероятно, метатезу *л* и *р* (ср. *arčiγul* > *alčiγur* > *алчуур*). В принципе подобная метатеза могла произойти и в самом тоджинском диалекте (ср.: Чадамба 1974, *53*).

аржыын [аь] *уст. разг.* 'аршин (мера длины)'.

Соответствия *арчын*, *аршын* и т.п. носят общетюркский характер и представляют собой заимствование из иранских языков (ЭСТЯ I, *183—184*). Первоначальное значение слова — 'локоть (как мера длины)'. Из иранских (точнее, из среднеперсидского), очевидно, через посредство тюркских языков, оно проникло в славянские, в том числе и в русский (*аршин*). См. историю слова также в работе А.В. Дыбо (СТ I, 1989, *72—73*).

Э.В. Севортян отмечал, что в некоторых тюркских языках это название меры, в свою очередь, появилось уже из русского, каково, в частности, як. *арсыын*, *ассыын* с его долготой на ударном

слоге (ЭСТЯ I, *184*). Сказанное применимо и к тув. *аржыын*, также относящемуся к числу русских заимствований.

арзылаң [аъ] 'лев'.

По масштабу распространения соответствий этого слова (*арслан ~ арыслан ~ арсылан...*) они имеют общетюркский характер и этимологизируются также исходя из тюркских языков. Существует целый ряд этимологических версий, которые нам, как и некоторым другим тюркологам, трудно принять (ЭСТЯ I, *178*), тем более что ни одна из них не получила широкого распространения.

По мнению Э.В. Севортяна, "*арслан* — название носителя процесса, образованное аф. *-лан...* от *арс* — подражания рычанию диких зверей, лаю" (ЭСТЯ I, *177*), но из дальнейшего изложения и из приводимых примеров явствует, что речь идет только о собачьем *лае, что не связывается с "образом" льва.*

Едва ли также можно согласиться с тем, что прилагательные вроде хак. *арсыл* 'дикий, свирепый; лютый', алт. (туба) *арсыл* 'зубастый' (сюда же, вероятно, следует отнести и чалкан. *арсыл тиш* 'корневые зубы') "являются производными от подр(ажания) *арс* с модификатором *-ыл*" (с. 178) или, точнее, от *арс* — подражания рычанию. Однако вполне допустимо, что происхождение названия льва связано с подражательной, хотя и не обязательно со звукоподражательной основой. Думается, что слова типа *арсыл* могут быть гомогенны с глагольной основой типа тув. *арзай-* 'торчать, выдаваться (о скале)', 'скалиться', хак., кирг. *арсай-* 'торчать острием вверх', як. *арсай-* 'выставлять, скалить неровные зубы'; ср. также п.-монг. *arǰai-*, монг., бур. *арзай-* 'оскаливаться' и т.п. (см.: Рассадин. Морфология, *159*, *160*).

Здесь можно говорить об образной основе **арс*, характеризующей что-то торчащее, острое, оскаленное, злобное. Кроме *арсыл*, к группе связанных с ней слов можно отнести хак. *арыстыг*, шор. *арыштыг* 'буйный; вздорный' (Вербицкий, *29*), тоб. *арсар* 'дикий' (РСл. I, *326*). Что касается названия льва *арсылан ~ арслан*, то его морфологическая структура могла быть и такой, как она представлена в ЭСТЯ, и несколько другой, более непосредственно связанной с основами типа *арсыл* (через стадию глагола **арс(ы)-ла-* *'быть диким, злым' ?).

Этимология тув. *арзылаң* имеет, однако, свою специфику. В ЭСТЯ это слово ошибочно дается с конечным *-н*, а затем делается неправомерный вывод о том, что название льва с конечным *-ң* в тюркских языках не отмечается (с. 179). Соответствие тюркскому *арслан...* с конечным *-ң* отмечено в монгольских языках, как древних, так и современных (ср. *ars(a)lang* и под. 'лев'), и является их характерной особенностью (что, кстати, отмечено и в ЭСТЯ). Можно полагать, что *-ң* появилось в них в результате "народной

этимологии", связавшей конечный компонент слова из гласного и согласного (*-ан*) со словом *аң* 'зверь' (см. **аң**).

Кстати говоря, существуют и научные этимологии названия льва, где также фигурирует *аң* 'зверь' (ЭСТЯ I, *178—179*).

Исходя из такого существенного в данной ситуации признака как наличие конечного *-ң*, тув. *арзылаң* следует отнести к числу монгольских заимствований.

арт- I 'навьючивать (на верховую лошадь); перебрасывать, перекидывать (по обе стороны, напр. переметную суму через седло)'.

Общетюркское; соответствия в форме *арт-* и некоторые др.; значения — 'навьючивать', 'грузить', 'взваливать'. *Арт-* считается отыменным глаголом, образованным от **ар* 'спина' (см. также **арга II, арты**) + *-(ы)т-* и означавшим *'навьючивать на спину лошади или другого животного' (ЭСТЯ I, *180*). В структурном плане ср. **арт- II**.

арт- II [аъ] 'быть в излишке; оставаться, не израсходоваться'.

Общетюркский глагол, зафиксированный в основном в форме *арт-* и близких к ней, с семантикой 'увеличиваться, прибавляться, возрастать (в количестве, мере)' (считается древнейшей), а также 'изобиловать', 'быть в излишке' и др.

По Севортяну, *арт-* < **ар* ~ **ар-* соответственно со значениями 'остаток, излишек' ~ 'увеличиваться, быть в излишке; превосходить' (ЭСТЯ I, *181—182*). Реальность этих основ, помимо материалов, приводимых в ЭСТЯ, подтверждается, по-видимому, чул.-тюрк. *а:рыг* 'крупный' (Бирюкович, *19*).

Структурно рассматриваемый глагол близок к *арт-* I, представляя собой производное слово, образованное с помощью аф. *-т-*, хотя морфологическая природа этого элемента в случаях *арт-* I и *арт-* II, возможно, различна: в одном случае это словообразовательный, а в другом — формообразующий, т.е. залоговый аффикс. В отличие от *арт-* I, в *арт-* II конечный согласный был сильным, что подтверждается, в частности, тоф. *ар̱т-* 'оставаться, быть в излишке' (Рассадин. Фонетика, *155*) и различиями соответствий у этих двух глаголов в других тюркских языках. Так, у *арт-* I отмечены корреспонденции с долготой гласного (*а:рт-*) и звонким конечным согласным (*ард-*) (ЭСТЯ I, *180*), которые отсутствуют у *арт-* II. Качеством согласного объясняется наличие фарингализации в *арт-* II (*аъртар*).

арт 'горный перевал'.

Соответствия тув. *арт* довольно редко встречаются в современных тюркских языках: тоф. *аърт*, кирг. *артуу* ~ *арт* (последнее только в составе географических названий) 'горный перевал'; ср. также якут. *аартык* 'теснина, горное ущелье, горный проход, горный перевал; дорога, идущая ущельем или по склону горы'. Вместе с

тем они довольно широко представлены в древнетюркских и других письменных памятниках, где *арт* означает не только 'горный перевал, горный проход; ущелье', но и 'нагорье; крутое место, подъем, холм, вершина; круча; хребет'.

Существуют две основные этимологии слова. Одна, принадлежащая К. Брокельману, истолковывает *арт* как производное от *ар-* 'проходить (по местности)'; другая этимология (Э.В. Севортяна) связывает *арт* 'перевал' с сущ. *арт ~ а:рт* 'спина', интерпретируя первое как результат метафорического переноса наименования (ЭСТЯ I, *179*). При этом сам Севортян оценивает этимологию Брокельмана как правомерную и вполне обоснованную.

Эта версия действительно представляется более предпочтительной, но в то же время требует уточнения. Мы полагаем, что *арт* родственно *ара* 'промежуток' (см. **ара**), которое К. Брокельман также связывал с *ар-* 'проходить (по местности)', но Э.В. Севортян вполне обоснованно считает производным от *ар-* 'отделять(ся), разделять(ся)' (*ЭСТЯ I, 163*). Действительно, приводимые выше значения *арт* и его соответствий определенно связаны с идеей пространственного разделения, разъединения, не говоря уже о случаях прямого выражения данной идеи. Так, тоф. *аърт* означает не только 'горная седловина, перевал', но и 'граница' (Рассадин. Словарь). С *арт*, по всей вероятности, гомогенно и як. *арыт* (< *ар-(ы)т*) 'промежуток, расстояние между двумя предметами', справедливо истолкованное как слово, структурно и семантически родственное с *ара* (ЭСТЯ I, *163—164*). Возможно, *арыт* могло быть и первоначальным вариантом *арт* (*арыт > арт*).

Исходная для *арт* разъединительная семантика в значительной мере объясняет, почему это слово служит названием как положительных форм рельефа местности (нагорье, подъем, хребет и т.п.), так и отрицательных его форм (горное ущелье, проход, в определенной мере и перевал).

Впрочем, наличие у тюркских географических терминов такого рода противоположных значений — довольно характерное явление. Так, *ор ~ ур* означает 'ров, канава, яма', а также 'вал' (в том числе 'вал со рвом'), 'холм, возвышенность' (ЭСТЯ I, *467*), тув. *шыҥ* имеет значение 'глубокий лог', а его соответствия типа *чыҥ ~ шын(г)*... — 'крутой обрыв, неприступная гора, пик, труднодоступная вершина' (Мурзаев. Словарь, *616*; см. также **шыҥ**), *чат* (*шат*) — соответственно 'горная гряда, плоскогорье, расчлененный кряж' и 'замкнутая балка' (Там же, *608—609*); см. **шат**.

арты 'задняя часть чего-л.'

Слово общетюркского характера. В работе Исхакова и Пальмбаха сказано, что *арты* < *арт* + аф. принадлежности 3-го л. *-ы* и что без этого аффикса оно употребляется в тувинском языке только в зна-

чении 'перевал', а во многих других языках оно без аффикса принадлежности означает 'зад, задняя сторона'. Оно же употребляется (в соответствующих формах) и как послелог или служебное имя со значением 'за, позади' (ИП, *441—442*).

Учитывая то, что выше говорилось о слове *арт* (см. **арт**), такое истолкование семантико-этимологических связей *арты* представляется недостаточно обоснованным. Скорее всего, *арт* 'перевал' и *арт(ы)* 'зад' и под. не родственны между собой.

Арт 'задняя сторона' структурно представлено в виде **ар*, гомогенном с *арка* 'спина' (см. **арга II**) + *-т* в локативном значении. См. ЭСТЯ I, *180*.

артыш 'артыш, можжевельник туркестанский'.

Общетюркское; отмечено в фонетических вариантах *ардыч ~ ардыш ~ артыш* главным образом в значении 'можжевельник', в единичном случае — 'ель, елка'; как морфологические варианты (с другими формантами) могут быть истолкованы включаемые в тот же ряд слов др.-тюрк. *artïz* 'можжевельник', тур. диал. *ardık* 'горное растение с продолговатыми листьями, идущими на корм скоту' (ЭСТЯ I, *173*). Возможно, существует связь *ардыч* и проч. с др.-тюрк. *artun* 'тмин', хотя "семантически они расходятся" (ЭСТЯ I, *173*). Однако смысловые различия существуют и в ранее отмеченных случаях. Думается, к рассматриваемому кругу слов следует отнести и *ард* 'разновидность кипариса', с которым Э.В. Севортян связывает происхождение слова *арча* 'можжевельник', 'сосна', 'елка' (ЭСТЯ I, *182—183*).

Высказывались мнения о заимствованном характере слова *ардыч*... в тюркских языках. Его источниками считали персидский и монгольские языки. В целом эти точки зрения справедливо оспариваются (надо учитывать при этом и многообразие морфологических вариантов *артыш* и его соответствий в тюркских языках), хотя в отдельных случаях мы, вероятно, встречаемся со вторичными заимствованиями. Так, тур. диал. *ardeç* 'можжевельник' вполне объяснимо на основе сопоставления с перс. *ärdäǯ*.

Думается, что наиболее обоснована приводимая в ЭСТЯ среди прочих этимологическая версия К. Брокельмана, согласно которой *ардыч ~ ардуч* образовано с помощью аф. *-ч* от глагола *арыт-* 'очищать' и означает 'средство для очищения', поскольку можжевельник туркестанский (артыш) действительно является традиционным очищающим средством: очищение, а также лечение достигается путем окуривания дымом артыша (см. в этой связи **алас-алас, сан**); нечто подобное следует сказать о хвойных деревьях и, возможно, о других видах растений, названных выше; структура их названий, в том числе и слова *ард*, ясна: последнее, вероятно, < *ары-* 'очищать(ся) + аф. *-т*. См. **ары-**.

ары- 'чиститься, очищаться; отчищаться'.

Глагольная форма, распространенная, судя по ЭСТЯ (I, *184—185*), в различных древних и средневековых тюркских памятниках, в турецком и некоторых других современных языках, в отличие от соотносительной с *ары-* или производной от нее именной основы *ары(г)* 'чистый', имеющей общетюркский характер.

Глагол *ары-*, видимо, образован от именной основы, сохранившейся в отдельных тюркских языках; ср., напр., як. *аар* 'чистый; лучший' (ЭСТЯ I, *185*). Ср. также алт. (туба) *арла-* (< *ар* + *-ла-*) 'чистить; убирать'. Ср. **ары IV**.

ары I 'пчела'; **хар(ы)** *диал.* то же.

Ары — наиболее распространенный вариант общетюркского названия пчелы, реже — осы, шмеля, овода; иногда он встречается с долгим *а*. Другие варианты — *ара*, *аруу* (< *арыг*), *а:р* и т.п. Судя по некоторым данным: наличие словосочетаний типа тур. *бал арысы* (*бал* 'мед'), кирг. *орус аары* 'пчела' и т.п., — 'пчела', возможно, не первоначальное значение слова. Оно могло обозначать какое-то другое насекомое, издающее жужжание: ср., напр., лоб. *ары* 'большая черная муха (пчела?)'.

Э.В. Севортян вполне обоснованно отвергает, по фонетическим и семантическим основаниям, версию об арабском происхождении слова (ЭСТЯ I, *187*). Против этого свидетельствует и его ареал.

Наличие вариантов финального гласного (*-ы*, *-а*, *-(ы)г*) свидетельствует о структурной членимости и, скорее, об отглагольном происхождении слова. Гласный первого слога мог быть как кратким, так и долгим, причем долгота в части случаев явно вторична (ср., напр., хак. *аар* 'пчела'), как вторичен и начальный *х-* в тув. диал. *хар ~ хары*.

С *ары* 'пчела' можно сопоставить тоф. *ары* 'интенсивный рев изюбров во время гона' (Рассадин. Словарь), которое в настоящее время омонимично *ары* 'пчела', но здесь вполне вероятна и гомогенность слов. К этому же кругу слов можно отнести кирг. *аркыра-* 'реветь, бурлить', *арылда-* 'реветь' и т.п., где, думается, можно выделить основу **ар-* 'издавать рев (рычание, жужжание и т.п.)'; см. также **арзылаң**.

ары II, ар 'северный склон горы'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *aru*, монг. *ар*, бур. *ара*, калм. *ар* [аръ] 'спина, задняя сторона, задняя, северная сторона (горы)'. Вместе с тем, как отмечают исследователи, *ары* имеет родственные связи с *арка* (ср. **арга II**) и другими тюркскими словами (ср. **арт**, **арты**). См. также **өвүр**.

Наличие двух вариантов (*ары* и *ар*) связано с тем, что первый из них, по-видимому, отражает более старую монгольскую форму (типа *aru*), а второй — современную, с редуцированным конечным гласным.

ары III 'рисунок, тиснение (на выделанной коже)'.

Монгольское заимствование ? Ср. п.-монг. *ar*, монг. *ар* 'черты, линии на ладонях и подошвах; черты вообще; полоски, узоры, цветы (на материи); струи, рябь на воде (от ветра)' (Голст. I, *83*).

ары IV: **ары хүннү бадыр** 'целый день, до самого заката, весь день напролет'.

Синонимично выражению *сарыг хүннү бадыр* (букв. 'желтому, светлому, солнцу дай закатиться ?), лексикализованному предложению повелительного характера. Соответственно *ары* может быть сближено с *арыг* (< *ары-*) 'чистый', имеющим также семантику типа 'ясный, светлый, прозрачный' (см.: ЭСТЯ I, *185*). *Ары* может быть < *арыг* (как результат переразложения смежных заднеязычных согласных сочетания *арыг хүннү*), но не исключено, что *ары* не восходит к *арыг*, хотя все-таки гомогенно с ним, как и ряд его соответствий в других тюркских языках (см.: ЭСТЯ I, *184—186*).

арыг I 'пойменный лес'.

Ср. тоф. *arыγ* 'густой лес на равнине', др.-тюрк. *arïγ* 'лес', хак. *арыг* 'роща; чаща, заросли', як. *арыы* 'остров', 'лесная чаща' (по данным ЯРС, 'участок леса на поляне; отдельно стоящий лесок'); 'поле, луг' (Рассадин. Фонетика, *156*). В.В. Радлов давал саг., койб., леб. *арыг* в значении 'остров на реке' и в сопоставлении с якут. *арыы* (см. выше), а также *арал* 'остров; тальник на берегах рек; покрытые кустарником острова на реке' (РСл. I, *272*, *252*); ср., кроме того, шор. *аргы* 'остров'.

Сопоставление *арал ~ арыы ~ аргы ~ арыг* (последнее только по данным РСл.) дается и Э.В. Севортяном (ЭСТЯ I, *167*), который помещает также случаи типа *арыг* (но без тувинских и некоторых других данных) в другую статью своего словаря (ЭСТЯ I, *188—189*), где, в частности, рассматривается этимология слова *арык* 'арык, канал'. Слова этого круга связываются в ЭСТЯ то с основами, обозначающими текучую воду, то с глаголом *ар-* 'отделять' и именной основой *ара* 'промежуток' (см. **ара**), что представляется более обоснованным, поскольку рассматриваемые слова обозначают некие о т д е л ь н ы е, обособленные (или отделяющие, обособляющие) природно-географические объекты (см. также **арык I**).

Вместе с тем могут существовать различия, в этимологии слов с семантикой типа 'остров', с одной стороны, и 'лес' — с другой. Если первые действительно связаны происхождением с глагольной основой *ар-* 'отделять', то вторые, возможно, производны от **ар-* 'увеличиваться, быть в излишке' или от ее именного соответствия **ар* 'излишек' (ЭСТЯ I, *182*) (может быть, 'избыток; избыточный') (см. также **арт- II**), имея в виду, что речь идет о густом лесе, зарослях, чаще.

Этот смысловой компонент отражен в значениях ряда соответствий слов *арыг* и *арал*. Э.В. Севортян считал, что значения 'лес', 'заросли' и т.д. в *арал* "связаны с рекой"... (ЭСТЯ I, *188*). В то же время в статье ЭСТЯ (I, *167*), где рассматривается этимология слова *арал*, в качестве фактически наиболее древнего значения отмечено (по древнетюркским материалам С.Е. Малова и А. фон Габен) 'чаща', не связанное определенно ни с рекой, ни с островами. Подобное можно сказать и о слове *арыг* с его древнейшим значением 'лес'. В последующем, по-видимому, произошла контаминация слов *арал* и *арыг*, обозначающих густую растительность, с неродственными, но образованными по тем же моделям словам, означающим 'остров', вследствие чего возникли "комбинированные" значения вроде 'покрытые кустарником острова на реке; отдельно стоящий лесок; 'лесной остров' и т.п. Таким образом, *арыг* < **ар-* 'быть в излишке, избытке' + *-(ы)г* или из **ар* 'излишек, избыток' + *-ы-* + *-г*. Это слово гомогенно, в частности, с тюрк. *арпа* 'ячмень' и его соответствиями (см. **арбай**). Не случайно, ввиду этого, сходство этого слова с як. *арбай* 'чаща, чащоба'; диал. 'ива'. См. также **арыскан**.

В тувинской лексике отмечены два сходных слова для обозначения леса — *арыг* и *арга* ('горный лес'), которые некоторые исследователи склонны считать родственными словами (см.: EW, *25*), что, однако, неправомерно. Этимология *арга*, к примеру, в достаточной мере ясна (см. **арга II**), и она, очевидно, не может быть использована для объяснения происхождения *арыг* и определенно соотносимых с ним слов.

арыг II 'чистый; опрятный, аккуратный'; **арыг-силиг** то же; **арыг-шевер** 'чистота, аккуратность; гигиена, гигиеничность'; **арыг-шевергин** 'чистоплотный'.

Арыг — прилагательное, образованное от глагольной основы *ары-* (см. **ары-**); компонент *силиг* (< *сили-*) употребляется также в качестве самостоятельного слова (см. **сили-, силиг**). В *арыг-шевер* мы имеем дело с недавним переоформлением п.-монг. *ariγun čeber* (монг. *ариун цэвэр*) 'чистота, гигиена'; ср. также *ariγ čeber/ариг* [арик] *цэвэр* 'гигиеничный'; см. **шевер**. Нечто подобное наблюдается и в **арыг-шевергин** (см. **шевергин**).

арык I 'арык, оросительная канава'.

Общетюркское; в основном употребляется в варианте *арык*, реже *арыг* и др. со значениями 'арык, канал, канав(к)а, желоб(ок)', 'ре(ч)ка, протока' и т.п. По мнению Э.В. Севортяна, *арык*... можно сказать с корнем **а:р- ~ *ар-* с общим значением 'протекать; впитываться', которое он обнаруживает в ряде производных основ типа др.-тюрк. *arqu* '(большая) река', шор. *аргы* 'рукав реки; остров', чаг.? *арна* 'канал; рукав реки', тур. диал. *araz* 'поток' и т.п. Вместе с тем Э.В. Севортян не исключает возможности формиро-

вания *арык* и проч. "под влиянием индоевропейских источников" (ЭСТЯ I, *187—189*). А.Т. Кайдаров предположил, что *арык* связано с **ар* 'нечто чистое, очищенное'... (см. **ары-**) и что оно первоначально означало 'очищающий, смывающий водой' (Кайдаров, *187*). По историко-культурным соображениям некоторые исследователи скептически относятся к возможности отнести *арык*... к собственно тюркским словам. Так, в работе Л.В. Дмитриевой сказано, что "Г. Дёрфер справедливо... не видит оснований считать отмеченный в тюркской среде с XI в. термин *arïq* тюркизмом, т.к. искусственное орошение для степных кочевников-тюрков не могло быть исконным и более древним по сравнению с персами... Еще В.В. Бартольд писал о приоритете персов над тюрками в искусственном орошении. Поэтому трудно полагать, что персидские формы рассматриваемого термина заимствованы из тюркских языков, скорее наоборот..." (АЭ, *133*).

Если даже в принципе согласиться с приведенными выше соображениями, то требуется еще доказать синхронность появления у тюрков оросительных каналов и слова *арык*, которое могло существовать и до этого, но с другой семантикой. Тот факт, что в древнетюркских памятниках оно означало 'арык, оросительный канал', еще не означает, что для *арык* такая семантика была первичной. Она не "вытекает" и из семантики глагола **ар-* 'протекать', реконструированного Э.В. Севортяном. Можно допустить в таком случае первичность значений типа 'река' и под., также зафиксированных памятниками письменности.

Однако при анализе основных групп значений слова *арык* по материалам тюркских языков обращает на себя внимание определенная нестандартность сочетания у него значений, характеризующих естественные ('река') и искусственные ('канал') водные объекты. Кроме того, им в ряде языков обозначаются различные, в основном искусственные, протяженные углубления, для которых иногда вообще не обязательно заполнение водой ('канава, канавка; желоб; желобок; сельскохозяйственная борозда, межа на волейбольном поле, ров'). См. также чаг. *arïγ*, *arïq* 'линия; трещина' (Фасмер I, *92*). Кроме того, для близких к *арык* соответствий в некоторых других тюркских языках отмечена семантика типа 'остров' (ЭСТЯ I, *188*). Встает вопрос о том, значения какой из этих групп первичны. Думается, таковыми никак не могут быть значения, характеризующие рукотворные водные объекты.

Вместе с тем этимология слов со значением 'остров' представляется ясной: они связаны с глагольной основой **ар-* 'отделять(ся)'. В принципе с этой основой (ср. также лоб. *ар-* 'отделяться', 'разделяться') можно связать и *арык* со значениями углублений ('кана-

ва', 'межа', 'ров', 'трещина' и т.п.[1]), а также это же слово, обозначающее водные объекты (см. также: СИГТЯ М, *311*), сначала, возможно, естественные — типа реки, ручья и т.п., если рассматривать их как нечто разделяющее, отделяющее (водные рубежи) или нечто отдельное от других (протока, рукав реки, затем оросительный канал, также представляющий ответвление от другой водной артерии).

В этой связи следует отметить, что В.В. Радлов высказывал предположение о том, что *арык* < *аірык*, т.е. производное от *айыр- ~ аір-* 'отделять', 'разделять' (РСл. I, *269*). Фонетическая неоправданность такой этимологии уже отмечалась. К тому же добавлялось, что "и семантически она недостаточна ясна" (АЭ, *134*), с чем, однако, трудно согласиться. При наличии глагольной основы *ар-*, семантически близкой *айры- ~ айыр-*... эта этимология получает более твердую основу.

Структурно *арык* однотипно с производными на *-к* от основы *айыр-* и ее соответствий и сходно с ними по семантике; ср. кирг. *айрык* 'расщелина; место слияния двух горных рек', тув. *адырык* (см. **адыр-**) 'приток; дельта, развилина (реки)'.

Для старописьменного монгольского отмечены *aruγ* 'ирригационный канал' и *araγ/airiγ* 'высохшее русло реки или ручья' (ЭСТЯ I, *189*), первое из которых восходит, по-видимому, к тюрк. *арык ~ арук*, а второе (точнее, его вариант *airiγ*) — к *айрык*.

Не исключено, что тув. *арык* могло быть вторичным монгольским заимствованием. См. также **бута II**.

арык II 'корзинка'.

Монголизм. В принципе структура и семантика слова *арык* могут быть разъяснены на основе тюркских языков (см., в частности, **аргы- II**), однако само это слово для тюркских языков не характерно, а прямые его соответствия имеются в монгольских языках: ср. п.-монг. *aruγ ~ araγ* 'плетеная корзина', монг., бур. *араг* 'плетеная из прутьев корзина для собирания навоза'.

С тув. *арык* ср. якут. *арык ~ орук* 'ведьмино помело на сосне и лиственнице', также относимое к числу монгольских заимствований (Рассадин. МБЗ, *68*).

арын- 'размахивать, потрясать (кулаком)'.

Непосредственных соответствий не обнаружено. Может быть, *арын-* родственно *арын* 'лицо' (см. **алын, арын**). Обращает на себя внимание то, что в тувинском языке, кроме *арныр* — причастной формы от *арын-*, существует и ее вариант *анныр*, основой которого, возможно, являлось **алын-*. В таком случае *арын- ~ алын-* повторя-

[1] Ср. также семантику имени *ара* (см. **ара**), явного производного от глагола *ар-*, в частности значения типа 'щель, зазор, межа' (ЭСТЯ I, *162*), и др.-тюрк. *arqu* (< *ar-qu*?) 'ушелье, низина' (Тугушева, *312*).

ет чередование тув. *арын* и тодж. *алын* 'лицо'. Рассматриваемая глагольная основа обозначает действие, производимое впереди, перед лицом действующего. Возможно, **алын-* (> *арын-* ?), как и имя *алын* — производное от *ал* 'перед'. Эту глагольную основу можно истолковать как форму возвратного залога от **алы-* (< *ал* + *-ы-*) 'выдвигать вперед' (?). Семантика глагола может быть определена лишь приблизительно, тем более что в других тюркских языках подобных производных от *ал* глагольных основ не обнаружено.

арын 'лицо' см. **алын**.

арын-нүүр 'лицо; совесть'.

См. **арын, алын**. Второй компонент < монг. *нүүр* 'лицо, лик'; *нүүргүй* 'бессовестный, бесстыдный'. См. также **нүүр**.

арыскан (в отдельных говорах также **арыксан**) 'сухостой; бурелом', 'гарь (лесная)'.

Ср. тоф. *арыскан* 'лесная гарь (обычно обгорелые, высохшие деревья)' (Рассадин. Словарь), алт. *арыскан* 'дремучий; чаща', чул.-тюрк. *аарысган от* 'хлебная солома', *аарсхан* 'камыш' (Бирюкович, *6*, *30*). Возможно, эти слова гомогенны с *арыг* 'пойменный лес' (см. **арыг I**), а также с образованиями типа *арал* в значении 'чаща, заросли', с которыми может быть сопоставлено алт. (куманд.) *арлык* 'валежник', алт., шор. *арлык* 'валежник в лесу; лесная чаща, бурелом; наклоненный лес, пригнутый снегом или еще чем-л.' (Вербицкий, *24*) < **арыл-* + (*ы*)*к*, т.е. от залоговой формы глагола **ар*(*ы*)- 'быть в излишке (избытке); быть многочисленным, густым' и т.п. Возможно, *арыскан* < *арыксан* < **арыгсан* < **арыг* 'лес' или под. + *-са-* + *-н* с учетом того, что *-са-* (*-сы-*) в тюркских языках имеет не только желательное значение, но и семантику подобия, а также значения других глаголообразующих аффиксов (АГ, *305—310*). На метатезу *кс* > *ск* в данном случае могли повлиять и формы слов, относящиеся к флоре и фауне, на *-кан*, многочисленные в указанных языках.

Ср. также як. *арбай* 'чаща, чащоба', *арбах* 'густые ветви (дéрева); валежник, бурелом, кучи хвороста', *арбаа-* 'хвалить, превозносить, преувеличивать', *арбаан* 'преувеличение; излишество'.

ас- I 'заблудиться, сбиться с пути'.

Общетюркское; ср. *а:з- ~ аз- ~ ас-*... 'сбиваться с дороги' и т.д. (см.: ЭСТЯ I, *94—95*).

ас- II [аъ] 'вешать; вывешивать'.

Общетюркское; в основном отмечено в варианте *ас-* с семантикой 'вешать' и под. (ЭСТЯ I, *192—193*).

ас I *редко* 'немного, чуть-чуть'.

Общетюркское; *а:з ~ аз ~ ас*... 'малый, малочисленный; немного, мало'. Имеются алтаистические сопоставления, не проливающие, однако, свет на этимологию слова (см.: ЭСТЯ I, *93—94*).

ас II 'горностай'.

Распространенное в тюркских языках слово. Наиболее частотный его вариант — *ас* (ср. также *агаз*, *агас* < *ак ас* в некоторых языках, а кроме того, *арс*, *арыс*, *арсы*) с семантикой 'горностай, ласка, хорек, сурок'. Э.В. Севортян предполагал, что *ас* < *арс* и далее < **арсу*. Он высказывал, хотя и с сомнением, предположение о заимствовании слова из арабского языка (ЭСТЯ I, *191—192*). Однако едва ли можно уверенно говорить о гомогенности форм типа *ас* и *ар(ы)с* и им подобным, тем более что выпадение *-р-* для таких ситуаций не показательно. В целом ни формы с *-р-*, ни форма типа *ас* не позволяют пока внести ясность в вопрос о происхождении слова.

аска- [аъ] 'хромать'.

Общетюркское; в основном распространено в вариантах *агса-* ~ *акса-* (в тувинском и некоторых других тюркских языках — результат метатезы) с тем же основным значением. Следует согласиться с мнением Э.В. Севортяна, согласно которому *агса-...* < *а:г-* ~ *аг-* ~ **а:н-* 'сваливаться (набок, на сторону)' + глаголообразующий аф. *-са-* "со значением склонности к какому-л. действию" (ЭСТЯ I, *76*). Относительно глагольной основы *аг-...* см. также **аңдар-**.

аскак-дүскек [аъ-үъ] 'хромой'.

Ср. также кирг. *аксак-төксөк* 'хромые и отставшие' (главным образом об овцах).

Первый компонент (*аскак*) употребляется и в качестве самостоятельного слова со значением 'хромой' < *аска-* 'хромать' (см. **аска-**). В отличие от *аскак*, компонент *дүскек* в тувинском языке, как и *төксөк* в киргизском, лишено самостоятельного употребления. Последнее может быть интерпретировано как производное от глагольной основы типа тур. *түксä-* ~ *түкзä-* 'оступаться, запинаться' (РСл. I, *1534*). В свою очередь, этот глагол, по-видимому, одноструктурен с *аска-* (< *акса-...*) (см. **аска-**) и, подобно тому как *акса-* ~ *агса-* гомогенно с *аңдар-*, *түксä-* может быть родственно глаголу *дүңдер-* (см. **дүңдер**).

Вместе с тем у *-дүскек*, *-төксөк*, *түксä-* имеются и другие родственные с ними слова, в частности вост.-тюрк. *төкär* 'изувеченный, хромой' (РСл. III, *1242*), кирг. *төкөр* 'хромой' (< **төк-* или **төкä-* 'хромать' <?>).

В тув. *-дүскек*, как и в случае с *аска-*, *аскак*, также имеет место метатеза *кс* > *ск*.

аскым [аъ] 'строптивый, норовистый, резвый (о лошади)'.

Ср. др.-тюрк. *aqsumla-* 'скандалить, буянить', *aqsun* 'свирепый, разъяренный', *aχsum* ~ *aχsun* 'буйный, скандальный (о пьяном)'; 'дебошир' (ДТС, *71*). М. Рясянен (EW, *13*), кроме части указанных выше древнетюркских форм, приводит также чаг. *aqsum* ~ *aχsum*

'пьяный', як. *аҳsīm* 'шальной, резвый, бодрый (о лошадях)' и чаг. *aksin* 'лошадь с норовом' и считает, что из тюркских языков происходит монгол. *agsum* 'бешеный, неистовый, дерзкий'.

Можно полагать, что рассматриваемое прилагательное родственно межтюркскому существительному типа *акын ~ акун* 'набег, налет, натиск', считающемуся производным от глагольной основы *ак-* со значениями 'нападать', 'прыгать', 'скакать; бросаться' и т.п., и алт. *ака* 'конь, опередивший других в беге' (ЭСТЯ I, *113*). В структуре *аксым* (> *аскым*) ~ *аксум* можно выделить аф. *-сы-*, образующий глаголы от именных (а также глагольных) основ, и формант *-м*, с помощью которого образуются отглагольные имена. Сложнее обстоит дело с формами на *-н* (*аҳsun* и под.), поскольку здесь не исключена контаминация с образованиями типа *азгын* 'бесстыдный, распущенный', 'избалованный'... < *аз-* 'беситься, выходить из себя'... (ЭСТЯ I, *94—95*), имеющими, таким образом, иную структуру, нежели *аксум ~ аскым*. Ср. также ног. *асав ат* 'дикий, неприрученный конь'.

Соответствия тюрк. *аксым... ~ аксын...* имеются и в монгольских языках; кроме вышеприведенного *agsun*, ср. также монг. *агсам ~ агсан* 'буйный (о пьяном); резвый, горячий (о коне)'. Имеются и слова с несколько иной структурой: калм. *агсг* фолькл. 'быстрый, резкий; норовистый, неспокойный'. Т.А. Бертагаев относил слова типа монг. *агсам* к числу исконно монгольских слов, причисляя их к производным с опорными элементами *аг-/ог-/эг-*, имеющими общее значение 'крутой, стянутый' (Лексика, *298*), что представляется в достаточной мере спорным. Вместе с тем сложно определить источник тув. *аскым*: оно может быть как тюркским по происхождению словом, так и монгольским заимствованием.

В связи с этимологией *аксым ~ аскым* ср. также данные тунгусо-маньчжурских языков: маньчж. *фак фак* 'вдруг; с яростью', *факса* 'вдруг', 'яростно, запальчиво', эвенк. *акса-* 'обидеться' и проч., на основании которых, хотя и под вопросом, реконструируется праалтайский глагол **п"аксу-* 'вспылить' (АЭ, *29*), но эти данные переводят вопрос об этимологии в иную плоскость (возможность происхождения по крайней мере части подобных соответствий от образных основ, применительно к которым затруднительно говорить об общности происхождения).

аскыр 'жеребец'; 'самец' (*в сочетаниях с названиями некоторых животных*).

Общетюркское; варианты — *айгыр ~ азгыр ~ адгыр...* со значениями 'жеребец', изредка — 'бык', 'осел', а также 'темпераментный, отличающийся большой величиной, силой'... Считается производным, образованным при помощи аф. *-кыр ~ -гыр* от глагольной ос-

новы с чередованием *д ~ з ~ j*, однако среди исследователей нет единства по вопросу о семантике указанной основы. По мнению одних, это глагол со значениями 'возбуждаться (похотью)', 'покрывать животных' и др. (ЭСТЯ I, *107—108*). По мнению других, он означал 'подниматься' (см.: ИОЭАЯ, *83*, а также статью **адыг** данного словаря), хотя, возможно, эти значения связаны друг с другом.

Тув. *аскыр* имеет определенную специфику в фонетическом облике: как правило, из указанного чередования для него характерен согласный *д* (*д*), и потому название жеребца в тувинском должно было бы иметь вид **адгыр* или **аткыр*, но здесь он входит в группу *з*-языков (ср. с.-югур. *азгыр*, хак. *асхыр*). Такие случаи применительно к тувинскому языку встречаются довольно редко; ср. в этом плане также **азыг II**, **эзер**.

аспак 'лапа (у хищника), когти'; *зап.* 'скоба'.

Тув. *аспак*, по-видимому, связано с образной глагольной основой *аспай-* 'торчать (напр., о растопыренных пальцах)'; ср. также *аспагар* 'торчащий, растопыренный'. *Аспай-* и др., вероятно, результат метатезы *пс* > *сп*: ср., к примеру, кирг. *апсай-* 'быть лохматым, косматым', *апсагай* 'лохматый, косматый', тур. *апыш ~ абыш* 'угол между ногами', *апыш- ~ абыш-* разделить; растопырить ноги, делать большие шаги' (РСл. I, *614*, *630*).

Вероятна также связь с тюрк. *авуч* 'ладонь, горсть', которую связывают с тур. диал. *avk(a)-* 'сжимать в ладони', *avaz* 'горсть, ладонь' (ЭСТЯ I, *409—410*); ср. также кирг. *апчы-* (< *ап-чы-* ?) 'хватать, цапать'.

аспан 'саранчовое насекомое, кобылка (с колючим хвостом)'.

Ср. тел. *апсан* 'кобылка (с красными трескучими крыльями)', *абачыjак*, *абаджак* 'кобылка' (РСл. I, *618*, *625*). Связаны, по-видимому, с основой образного происхождения. Исходная форма неясна.

асты *уст.* 'плата, вознаграждение шаману за камлание'.

В.Я. Бутанаев в качестве соответствия тувинскому слову приводит хак. (саг.) *асты* с тем же значением (ВТЯ, *37*).

В тюркских языках широко распространено слово *асы ~ асу ~ ассы ~ асыг*... 'польза, доход, плата' и под., которое интерпретируется как "название результата действия, образованное аф. -(α)ғ > -α от глагола **ас-ыт-* 'приносить пользу' с корнем *ас* (**а:с*) 'польза'... Таким образом, **асыт-* < *ас* + *-ыт-*. Соответствия *ас* 'польза' отмечены в некоторых современных тюркских языках (ЭСТЯ I, *196*).

Э.В. Севортян вместе с тем полагал, что некоторые из приводимых им форм (с конечными *-ы* и *-у*) образовались по следующей схеме: **ас-ыт-ы* > **асты* > *ассы* > *асы* (Там же). Здесь в качестве одной из промежуточных реконструированных форм фигурирует **асты*,

фактически совпадающая с тув., хак. *асты*, которые были неизвестны Э.В. Севортяну и которые могли возникнуть из **ас-ыт-ы*. В цитируемой статье ЭСТЯ (I, *196*) в качестве одного из соответствий *асы*... приводится тув. *ажык* 'польза, выгода'. Однако фонетические особенности последнего не комментируются, и включение его в этот ряд недостаточно обосновано (см. **ажык**).

В ЭСТЯ (I, *195*) имеется еще одна статья, где рассматриваются другие производные, связанные с *ас* 'польза'. В их числе — *астлам* (языковая принадлежность не указана), соответствующая *аслам* 'прибыль, выгода, барыш' и т.п. в других языках и структурно представляемая как глагольное имя на *-(а)м* от **асты-ла-* (< **асыт-ы-ла-*). Таким образом и здесь возникает **асты*, на этот раз в качестве реконструированной производящей основы. Ее же можно видеть в подобном качестве в составе куман. (полов.) *astïlan* 'нажива, ростовщичество' (очевидно, из **astï-la-n*) (Там же). Приведенные выше данные свидетельствуют о древности тув. и хак. *асты*.

асык-шалың [аъссык] *уст.* 'зарплата, оклад'.

Оба компонента, по-видимому, монгольского происхождения: *асык-* — поздний монголизм: свистящий *с* [сс] явно отражает *ц* в монг. *ацаг* 'плата (за доставку чего-л.)' (ср. п.-монг. *аčиу* то же). Этот компонент может встречаться в варианте *астык* (результат метатезы из **атсык*, где *тс* воспроизводило *ц*?). Возможно, *астык* < **ат-сык* под влиянием *асты* (см. **асты**). В свою очередь, монгольское слово связано с др.-тюрк. *аčïγ* 'награда, вознаграждение; дары'; ср. также **ажык**. О соответствиях второго компонента см. в статье **шалың**.

ат- [аъ] 'стрелять; поражать (о солнечном ударе)'.

Общетюркское; наиболее распространенный вариант — *ат-*. Исходная семантика — 'бросать, кидать' (распространена очень широко) (ЭСТЯ I, *199*). По мнению Э.В. Севортяна, для тюркских языков можно принять в качестве исходного корень с долгим гласным *а:*, рефлексом которого считается *-d* в *ad-* некоторых древнетюркских памятников, но "долгота гласного исчезла в тюркских языках давно, сохранившись лишь в отдельных территориально и фонетически весьма отдаленных друг от друга диалектах".

Думается, однако, что тувинская, а также тофаларская (ср. тоф. *аъ-* 'стрелять из лука') фарингализация свидетельствует о том, что гласный *а-* был, скорее, краткий. Последующий же согласный мог быть как сильным, так и слабым, вследствие чего предыдущий гласный являлся соответственно кратким или долгим.

Особо следует сказать об *ат-* в словосочетании *даң ат-* 'рассветать' (*даң* 'заря, рассвет') и его широко распространенных соответствиях в других тюркских языках. Его глагольный компонент обычно отождествляется с *ат-* 'бросать; стрелять', но, по Север-

тяну, вряд ли связан с ним. Более правомерно, как он полагает, видеть в нем омоформный глагол, лежащий в основе як. *ытын-* (< **ыт-* + *-ын-*) ~ *ыттар-* (< **ыт-* + *-тар-*) 'взбираться, влезать; всходить, восходить' (ЭСТЯ I, *200*).

Реальность такого глагола сомнений не вызывает (ср. также **аткыс**). Но вместе с тем связь между стрельбой из лука и светом солнца прослеживается и в семантике слов на ином материале (в частности, тунгусо-маньчжурских языков). Так, эвенк. *гарпа* означает 'луч' и 'стрела', а *гарпа-* — 'излучать свет, светить, освещать лучами (о солнце); проникать (о лучах солнца)'; 'стрелять из лука' и т.п. (см.: ССТМЯ I, *142*).

ат I 'имя, название; доброе имя, честь; звание'.

Общетюркское; отмечено в вариантах *а:т ~ а:д ~ ад ~ ат* (последний — преобладающий) с основным значением типа 'имя, название' (ЭСТЯ I, *198—199*). Этимологические связи неясны.

ат II 'беда; ужас; несчастье'.

Ср. др.-тюрк. *ata ~ ada* 'бедствие; опасность, несчастье', ? ног. *ада* бремя, обуза', *атлан!* 'спасите!, караул!, помогите!'.

С.Е. Малов др.-тюрк. *ada* сопоставлял с п.-монг. *ada* (ср. также монг. *ад*) 'злой дух, нечистая сила, домовой, бес' (ПДТП, *354*), что в принципе приемлемо. Ср. также калм. *ад* [адъ] 'безумие, сумасшествие', бур. *ада* 'домовой; бес, злой дух, нечистая сила; вредный, злой, гадкий (о человеке)'. Вероятно, мы имеем дело с тюркизмом в этих языках.

Можно полагать, что с *ат ~ ада* связана распространенная в тюркских языках основа типа *адаш-* 'сбиваться с пути, заблудиться, заблуждаться, ошибаться'... (см.: ЭСТЯ I, *95*), где, однако, не приводятся вышеуказанные имена. См. также каз. диал. *адас* 'ошибка, неточность', *ада-* 'растеряться, лишиться памяти, сознания' (Аманжолов, *353*).

Э.В. Севортян считал вышеприведенную основу *адаш-* "фонетически параллельной" *азаш-* 'сбиваться с пути' и под., медиальной формой от *а:з- ~ аз-* 'выступать из берегов', 'разнуздаться', 'беситься' и т.п. (ЭСТЯ I, *94—95*), что, однако, едва ли позволяет говорить о гомогенности "глагольных корней" **а:з- ~ *а:т-* (с. 95), хотя (судя, в частности, по тюрк. и монг. *ada*) вполне можно говорить о реальности глагольной основы **а:т-* (или **ат-*) *'подвергаться беде, несчастью'. В отличие от *ada*, тув. *ат* не является отглагольным аффиксальным образованием, оно представляет именной коррелят по отношению к указанной основе.

ат-алдар см. **алдар-ат**.

аткаар 'назад; задний, находящийся позади'; **аткаары** *тодж.* то же.

Ср. тоф. *аъткаары* 'назад', кар. *арткары ~ аткары* 'назад, обратно', чаг. *арткар* 'назад'.

Гомогенно с *арты* (см. **арты**), являясь формой пространственного падежа на *-кар(у) ~ -гар(у)* от *арт* 'спина; задняя сторона'; ср. также тат. *артка* 'назад' (Рассадин. Морфология, *247*). В вариантах типа *аткаар* и под. наблюдается выпадение согласного *р* в сочетании *ртк*; ср. **атпак**.

аткак [аъ] 'зазубрина, острый конец остроги, рыболовного крючка'.

Ср. тоф. *аътkак* 'зазубрина, жало (у остроги, рыболовного крючка, багра, наконечника стрелы и т.п.)' (Рассадин. Словарь), тел. *аткак* 'жабры (у рыб)'; 'зазубрина (у остроги и уды)' (РСл. I, *464*), алт. *аткак* то же, *актык* (куманд., леб.) 'крюк, зазубрина у остроги и уды' (I, *120*), хак. *атпах* 'жабры (рыбы)'.

М. Рясянен (EW, *31*) приводит тел. *аткак* и хак. *атпах*, возводя их под вопросом к *ат-* 'бросать', что в принципе допустимо, хотя в то же время ощущается связь с основой **ат-* 'хватать' (см. **адыш**). Отмечены также глагольные основы типа тоб. *аткы-* 'захватывать силой, сжимать' (РСл. I, *465*), кирг. *аткы-* 'цапать (напр., когтями); схватить, сграбастать; терзать', с которым связано *аткуур* 'трехпалый железный крюк для переворачивания мяса в котле', а также др.-тюрк. *atqan-* 'привязываться, прицепляться (в переносном смысле)', *atqaγ* рел. 'привязанность к миру' (ДТС, *68*), что позволяет говорить о глаголе **atqa-* 'прицеплять', 'цеплять(ся)', с чем и следует связать производные типа *аткак*. Глаголы *аткы- ~ *атка-* — форма интенсива от **ат-* 'хватать'.

аткыс *тодж.* 'лист из дранок лиственницы, связанных волосяной нитью (*употребляется для сушки сараны*)'.

Ср. тоф. **аткыс** 'помост из лучинок, на котором сушат над костром клубни сараны' (Рассадин. Словарь), алт. *адыс ~ атыс* 'деревянная решетка для сушки творога, сыра', *аскыт* 'деревянная решетка для сушки творога' (метатеза из *аткыс*?), хак. диал. *аатыс* 'деревянная решетка для сушки сараны и сырцов' (Бутанаев ВТЯ, *37*).

Ср. также шор. *адыс* 'загон (1/18 десятины земли)' (РСл. I, *493*), др.-тюрк. *atïz* 'посевная площадка между двумя арыками', лоб. *атыз ~ атыс* 'часть поля между канавами воды', турк. *атыз* 'грядка, грядка; делянка', каз. диал. *атыз* 'полоска земли', *атанак* 'кочковатое поле'; ср. также уйг. *ätiz* (< *atïz*) 'пашня, пахотная земля', ккалп. *атыз* 'поливное поле', *атызла-* 'окружать поливное поле небольшими земляными насыпями для удержания воды'.

Рясянен (EW, *31*) ограничивается параллелями типа *atïz* с земледельческой семантикой, сопоставляя их с небесспорными соответствиями в монгольском и корейском, но тув., тоф. *аткыс* (наряду с алт. *адыс ~ атыс* и, возможно, *аскыт*) явно относятся сюда же: их объединяет семантика подъема, возвышения, проявляющаяся в древнетюркском, лобнорском, туркменском, особенно в

казахском и являющаяся, очевидно, исходной (иначе см.: Ахметьянов. ОЛМК, *49—50*).

Круг сопоставляемых слов может быть расширен за счет параллелей типа кирг., каз. *адыр* 'гористая страна', кирг. *адыр ~ адырман* 'холмистая местность, увалы, взгорье, угорье', турк., ккалп. *адыр* 'холмы; холмистая местность' и т.п., имеющие монгольские параллели, но они едва ли полностью могут быть отнесены к монголизмам (ср.: EW, *76*). В рассматриваемых соответствиях выделяется глагольная основа **at- ~ *ad-* 'подниматься, возвышаться', сходная с *аг-* 'подниматься вверх' (см. **агдыр**). Это напоминает ситуацию с переднерядным *эгиз* 'высокий' (< **эг-* ?), которое сопоставляется с *эдиз* 'высокий' (< **эд-* ?) (ЭСТЯ I, *224*). Та же снова выделяется Э.В. Севортяном в сочетании *дан ат-* (см. **ат-**).

А.Т. Кайдаров на материале типа каз. *атырау* (*ат* + *ыр* + *ау*) 'отдаленный (от берега реки, озера, моря)', ккалп. *атау* 'полуостров, остров' (сюда же следует, вероятно, включить тур., азерб. *ада* 'остров', чаг. *адак* 'остров, поросший растениями' и др.) считает возможным выделить основу **ат-* 'разводить, разделить, отделять' и под. (Кайдаров, *188—189*). Возможно, это значение — сопутствующее тому, что было отмечено для **at- ~ *ad-* ('подниматься, отделяя один объект от другого'?).

Следует отметить, что тюркские слова со значением 'остров'..., судя по ЭСТЯ (I, *87—88*), не имеют удовлетворительной этимологии и для них приведенную выше версию можно считать вполне приемлемой.

К сказанному можно добавить, что едва ли указанные слова можно связывать с тюрк. *адак ~ айак* 'нога; конец, низовье реки' и под. (Ахметьянов. ОЛМК, *29*).

Согласный *к* в тув. и тоф. *аткыс*, вероятно, вторичен и мог быть результатом диссимиляции и других фонетических процессов, которые можно представить как *атыз* > *аттыс* > *аткыс*, но не исключена и его морфологическая природа.

атпак 'вешалка для конской сбруи'.

Ср. алт. *артпак* 'шест; две жерди, на которых находится решетка для сушки творога' (ОРС, *21*), тур. *арда* (*arda*) 'длинная палка, жердь, веха', которое В.В. Радлов сравнивал с тел. *арткы* 'шест, положенный горизонтально на два столба и служащий для развешивания белья' (РСл. I, *316*, *320*). Последнее Радлов относил к числу производных от глагола *арт-* (очевидно, *арт-* 'навьючивать'; см. **арт- I**), отмеченному также в значении 'вешать, навешивать' и т.п. (ЭСТЯ I, *180*; РСл. I, *306*). В тув. *атпак* < *артпак* < **арт-мак* отмечено выпадение *р* в комплексе из трех согласных. Ср. в этом плане **аткаар**, **итпек**.

Атпак, очевидно, гомогенно с *артмак* > *артпак* 'переметная сума, вьюк' (см., в частности, **аржымак**).

аттык- [аъ] 'бить (об источнике, о фонтане), бить ключом, сильной струей, извергаться (о вулкане), лететь стрелой'.

В ЭСТЯ (I, *204*) приводятся ккалп., тат., башк., узб. диал. *атлык-* со значениями 'вскакивать, подскакивать; стремиться, рваться' и в этом же ряду тув. *аттык-*, что вполне закономерно. *Аттык-* < *атлык-* в результате ассимиляции. Последнее возводится к *ат-* 'бросать, кидать; пускать' (см. **ат-**) + аф. *-лык-* в медиальном значении. Ареал глагола может свидетельствовать о его кыпчакском происхождении.

аттын- [аъ] **I** 'ругать(ся), бранить(ся)'.

Ср. тоф. *аьттын-* 'быть совсем недисциплинированным' (Рассадин. Словарь), алт. (туба) *атат-* 'нападать'.

Возможно, *аттын-* связано с *ат-* 'бросать, кидать' (см. **ат-**). Например, в турецком языке отмечено такое производное от этого глагола, как *atak* 'смелый; дерзкий, наглый', словосочетание *söz at-* 'задевать словами; приставать (к девушке, женщине)' (*söz* 'слово; речь'). По своему происхождению *аттын-*, возможно, форма возвратного залога на *-тын-* от *ат-*.

аттын- II см. **адып**.

ача 'отец, папа'.

ЭСТЯ (I, *231—235*) дает ряд соответствий, включающих главным образом переднерядные варианты типа *еже*, *ече* и относительно немногочисленные заднерядные, в числе которых *аҗа*, *ача* (среди них и тув.), *ачы*, причем первоначально они относятся к позднейшим. У них соседствуют "женские" значения ('мать, старшая сестра, тетка, бабушка'), которые являются господствующими, и "мужские" значения вроде 'старший брат, отец, старший родственник, дед'.

Однако затем, прослеживая динамику в развитии семантики, Э.В. Севортян говорит фактически о первичности мужских значений ("женские" закреплены за формами с небной огласовкой), поскольку «ненебные... формы *ача*, *аҗа* как остаточные сохраняются в качестве индифферентных к различию "мужских" и "женских" значений, в одних языках обозначая и те и другие..., в других — только "мужские", в третьих — только "женские" значения» (с. 233). Из этого следует, что формы типа *ача* — едва ли "позднейшие" (они, кстати, отмечены в форме *ачӣ* 'пожилая женщина' не только в МК, что указано Севортяном, но и в форме *аča* 'родственник' в памятниках енисейской письменности; ср. также в МК *ачӣqīm* 'мой старший брат' (обращение к старшим родственникам), *аči* ~ *azu* 'отец (при обращении к богу)' (ДТС, *4*, *6*, *74*).

См. также ряд соответствий в современных тюркских языках, приводимых Н.И.Егоровым (Этимологические исследования по чувашскому языку. — Чебоксары, 1984. — С. 20—21).

В плане происхождения представляет интерес тув. диал. *ааджа* 'отец, папа', зафиксированное в речи тувинцев Северо-Западной Монголии (Монгуш 1983, *135*, *137*). Помимо звонкого согласного *дж*, оно характеризуется также долготой начального гласного.

Если соответствие *дж* в речи тувинцев указанной группы общетувинскому *ч* (или *чч*) представляет собой достаточно характерное явление, то наличие в *ааджа* начального долгого нуждается в дополнительном объяснении. Возможно, диалектное слово не родственно литературной форме *ача*. *Ааджа*, в частности, сопоставимо со словом типа *агача* в некоторых тюркских языках, означающим 'батюшка' (алт. диал.), 'дядя' (кар.), 'старший брат' (кр.-тат.), 'старшина' (др.-уйг.) (РСл. I, *150—151*), которое связывается с тюрк. *ага* 'старший брат, дядя; отец' (см. **ага II**) и истолковывается как его уменьшительно-ласкательная форма (ЭСТЯ I, *71*), образованная с помощью аф. *-ча*.

Тув. диал. *ааджа* таким образом, вероятно, < *агача*, и долгота восходит к комплексу **ага*, хотя здесь не исключено и удлинение гласного *а* в форме *ача* (> *ааджа*).

Во всяком случае, вполне допустимо при этимологизации *ача*... исходить из заднерядных (ненебных) вариантов как первоначальных. А их, в свою очередь, можно связать с глагольной основой **ач- ~ *аж̧-*, которую можно видеть в др.-тюрк. *ačïn-* 'заботиться, печься о ком-л., опекать; оказывать милость, благодетельствовать', *ačïγ* 'награда, благосклонность; благоденствие, счастье' (см. также **ачы**). Таким образом, *ача ~ аж̧а* — это тот, кто проявляет заботу, опекает, покровительствует и т.д., или, иными словами, совершает действия, характеризующие старшего родственника. Структурно-семантически *ача*... практически тождественно или очень близко к *ата ~ ада* (см. **ада**).

ачы [аъ] 'благо(деяние), милость'.

Монголизм. Факт заимствования тувинского слова (в форме *аччы*) установлен еще Н.Ф. Катановым (Опыт, *142*); ср. п.-монг. *ači* 'милость, воздаяние; возмездие', монг. *ач*, бур. *аша* 'милость, благодеяние; услуга; воздаяние', калм. *ач* [ачъ] то же. Вместе с тем у слов монгольских языков прослеживаются связи со словами тюркских языков; ср. др.-тюрк. *ač* 'милость' (?), *ačïγ* 'награда; благосклонность'... и т.д. (см. **ача**).

ачы-дуза [аъ-уь] 'услуга; помощь'.

Монголизм: п.-монг. *ači tusa* 'польза, выгода; заслуга', калм. *ач-тус* 'польза; услуга, помощь'. См. также **ачы**, **дуза**.

ачыжы [аъ] 'временное пользование (скотом)'; **ачыла-** 'просить на время, во временное пользование (скот)', **ачылал** 'просьба дать что-л. на время, во временное пользование', **ачылга** 'то, что получено на время, во временное пользование (скот)'.

По-видимому, связаны с *ачы* (см. **ачы**), часть образований имеет структурные параллели в монгольских языках, отличающиеся, однако, от тувинских слов по лексической семантике; ср., напр., тув. *ачыла-*, *ачылал* в указанных значениях и п.-монг. *ačila-*, *ačilal*, монг. *ачлах*, *ачлал* со значениями соответственно 'оказывать благодеяние; благодетельствовать' и 'благодеяние; добро, милость'. Возможно, тувинские слова (частично?) представляют результат переосмысления монгольских. Они могли быть также образованы по образцу последних (*ачылга*) или заимствованы из каких-то монгольских диалектов.

ачыла- [аъ] см. **ачыжы**.

ачылал [аъ] см. **ачыжы**.

ачылга [аъ] см. **ачыжы**.

ачымак [аъ] 'небольшая переметная сума'; *тодж.* 'сума из шкур'.

Ср. п.-монг. *ačimaγ*, монг. *ачмаг* 'переметная сума (два узла или тюка, перекинутых через седло)' < *ači-/ачих* 'грузить, нагружать; навьючивать'. Тув. *ачымак* — монголизм. Монгол. *ači-/ачих*, однако, связывают (напр., Г. Рамстедт) с тюрк. *арт-* 'нагружать; навьючивать'; впрочем, в древнетюркском фиксируется и основа *arč-* 'навьючивать' (см. **аржымак**). Между *аржымак* и *ачымак* существует отдаленное генетическое родство.

ачыр-дачыр [аъ-аъ] 'равный (по силе, в борьбе)'.

Монголизм? Ср. п.-монг. *ači tači*, монг. *ач тач* 'примерно равный, одинаковый (напр., в борьбе)', бур. *аша-таша* 'почти наравне, почти одновременно'. Возможно существование монгольской формы типа **ačir tačir*.

ачы-хавыяа [аъчы] 'заслуга, заслуги; благодеяние'.

Монгольское заимствование. Ср., напр., п.-монг. *ači gabij-a* 'заслуга; следствие, результат' (ЧР, *23*). См. также **ачы**, **хавыяа**.

аш- *I* 'переваливать, переходить; заходить (о небесных светилах); быть проглоченным, проходить (через горло); побеждать, брать верх'.

Общетюркский глагол, отмеченный в вариантах *а:ш- ~ аш-* 'переваливать (через гору)' и т.д. (ЭСТЯ I, *212—213*).

аш- II [аъ] 'открывать, раскрывать; распахивать'.

Общетюркское; наиболее распространенный и одновременно древний вариант — *ач-* (> *аш-*) 'открывать'... (ЭСТЯ I, *209—210*).

См. также **ажы-** II.

аш I 'голодный; голод'.

Общетюркское; отмечено в вариантах *а:ч ~ ач* (> *аш*) 'голодный; алчный, жадный'...; имеется также соотносительный с этим именем глагол с семантикой 'чувствовать голод' (ЭСТЯ I, *208*).

аш II: **аш дүк** 'подшерсток, пушок'.

Вероятно, связано с производными значениями *аш* I (см. **аш I**) типа 'тощий, худой, худощавый' (см.: ЭСТЯ I, *208*); см. также алт. (туба) *ач* 'тонкий, стройный'. См. также **дүк**.

ашак [ашшак] 'пожилой мужчина, старик; муж'.

Общетюркское слово, у которого выделяются две группы форм: I — *абычка ~ авушка ~ абышка*, характерная для памятников и ряда современных, в частности, западнотюркских языков, и II — *апшыйак ~ абшак ~ апшак ~ ашак* (тув.), характерная в основном для языков южно-сибирских тюрков, с семантикой 'старик; муж' и т.д. (ЭСТЯ I, *60—62*). Формы первой группы возводятся к сочетанию основы **абыч*, по-видимому, со значением старшего родственника и древнего аф. *-ка* с уподобительным или уменьшительным значением. В свою очередь, **абыч*, очевидно, гомогенно с тюрк. *аба* (< **аб- ~ *ап-* 'быть престарелым') (см. **ава**); ср. также хак. (саг.) *абый* 'старое дерево' (ДХЯ, *44*).

Формы второй группы допускают, по Э.В. Севортяну, двоякую этимологию: 1) *абыч ~ абыш* + аф. *-(α)к* с той же семантикой, что и ранее названная; 2) сочетание основы *аба ~ абы ~ абу* с диминутивом *-чак ~ -жак*. При этом предпочтение отдается второй, как более вероятной. По мнению Э.В. Севортяна, тув. *ашак* < **а:шак* < < *ав°шак*, т.е. представляет собой результат утраты вторичной долготы, в свою очередь, связанной с выпаданием интервокального *в*.

Думается, однако, что как в целом, так и применительно к тув. *ашак* предлагаемая версия недостаточно оправдана. Скорее, исходная основа была все-таки (в большинстве случаев по крайней мере) та же, что и в группе I (*абуч ~ абуш*), а аффиксальные элементы (с уменьшительной семантикой) — различными, в том числе *-(а)к*, *-чак* и, вероятно, какие-то другие. Тув. *ашак* — возможно, из **абуш-(ч)ак* с последующим выпадением второго слога, что в тувинских словах встречается нередко, и с ассимиляцией согласных основы и аффикса (*ашшак*). Можно также допустить, что в **абуш(ч)ак* произошло выпадение только узкого гласного этого слова с последующей регрессивной ассимиляцией согласного *б*(> *п*).

Судя по формам типа *апшыйак* (ср. также алт. диал. *апшыйач ~ апшыйаш* 'старик; муж'), часть соответствий тув. *ашак* связана с основой типа **абшый*, родственной *абыш ~ абыч*. О реальности **абшый* свидетельствует хак. диал. *апшый* 'медведь' (ДХЯ, *62*) — табуизированное название, связанное с первоначальной семантикой 'старик' и под. (ср.: ЭСТЯ I, *61*). Отражением формы *апшыйак* (< *абшыйак*) являются тоф. *ашыняк* 'муж; мужчина, мужик' (ср. так-

же *ашыняк-аң* 'медведь-самец') (Рассадин. Словарь), тув. диал. *ашйак*[1], *ашгыйак* 'старик' (Монгуш 1983, *136*).

ашак-кадай *собир.* 'муж и жена, супруги'.

См. **ашак, кадай**.

ашак-куряк (куяк) [уъ] *собир. прост.* 'муж и жена, супруги'.

См. **ашак, куряк (куяк)**.

ашта- [аъ] 'чистить; убирать, подметать; полоть'.

Прямых соответствий глаголу *ашта-* в других тюркских языках не обнаружено, но можно предположить его гомогенность с *ажы-* 'открываться', *аш-* 'открывать' (см. **ажы- II, аш- II**) с учетом того, что ряд значений соответствий последнего в других тюркских языках, особенно в чувашском, явно содержит компонент 'приводить в порядок': ср., в частности, 'причесывать, расчесывать; прокладывать (дорогу), расчищать (напр., канаву); очинить (карандаш), полировать; рассеять, разогнать (тучи); освежать' (см.: ЭСТЯ I, *209*; ЧРС, *517—518*), а среди производных от этого глагола — чувашское прилагательное *уҫă* 'открытый...; чистый'.

Относительно структуры *ашта-* может быть высказано два предположения. Во-первых, *ашта-* < **ачла-* может представлять собой вторичное образование от глагольной же основы *ач-*; подобные производные от глагольных основ распространены в тюркских языках. Они, в частности, образуют глагольные формы со значением учащательности (интенсивности), хотя в ряде случаев такая семантика уже не ощущается: произошла "деградация учащательного значения аф. *-ла-*", но основные глаголы бывают вытеснены бывшими их вторичными (учащательными) формами, что, может быть, произошло и в нашем случае (АГ, *89—93*).

Во-вторых, вполне реально существование параллельной глагольной — именной основы **ач* (> *аш*) с семантикой 'открытый' (см. **ажы- II**) и, возможно, *'чистый'. На существование ее указывают прилагательные, отмеченные в некоторых тюркских языках: ср. кирг. *ач*, употребляемое в словосочетаниях с названиями цветов, расцветок в значении 'светлый' (см. также уйг. *ач*, узб. *оч* 'светлый; яркий'), что довольно близко к значению 'чистый'. В случае с тув. *ашта-* наиболее вероятна отыменная конструкция.

аът 'мерин; лошадь, конь (общее название)'.

Общетюркское; преобладающая форма — *ат* со значениями 'лошадь, конь, мерин'. Распространена этимология, связывающая *ат* с **aqta* 'мерин' (ЭСТЯ I, *197*; ИП, *27*), хотя она вместе с тем вызывает обоснованные возражения (см., напр.: Щербак 1970, *45* (примеч. 76)). См. также **акта**. Можно предполагать гомогенность

[1] Практически в той же форме (*ашйак*) это слово как тувинское (*Soj.*) отмечено и в словаре Радлова (РСл. I, *600*).

ат ~ аът и *атан* 'рабочий верблюд', связанного с **ат-* 'холостить' (см. **адан**). В случае *ат* допустимо предположить конверсию глагольной основы в именную.

аът-хөл *собир.* 'лошадь; тягло; подвода'.

См. **аът, хөл.**

аът-хөлге см. **аът-хөл.**

См. **аът, хөлге.**

аът-ыһаа см. **аът-хөл.**

См. **аът, ыһаа.**

аъш-чем 'пища, еда, продукты, продовольствие'.

Ср. тоф. *аш нем, аш чиишкин* 'пища' (Рассадин. Фонетика, *156*). В отличие от *чем* 'пища, еда; корм' (см. **чем**), в тув. языке компонент *аъш*, как и тоф. *аш*, самостоятельно не употребляется. Ему соответствует общетюркское слово (варианты *аш ~ ас*; в некоторых языках — *ааш*, на основании чего восстанавливается "первичная" долгота начального гласного); значения — 'кушанье, еда; суп; плов' и т.д.

Согласно мнению некоторых исследователей, *аш ~ аъш* — иранское заимствование (ДТС, *61*; ЭСТЯ I, *210—211*), хотя Э.В. Севортян в то же время допускает, что это слово могло быть и исконно тюркским (ЭСТЯ I, *212*). Сходное предположение высказывает Л.В. Дмитриева (ИОЭАЯ, *179*), основываясь на многочисленности производных от основы *аш* и наличии ностратических параллелей, которые приводятся по известному труду В.М. Иллича-Свитыча (см. также: СИГТЯ Ф, *88*).

Следует, однако, сказать, что сопоставления, предлагаемые в этом труде, даже те из них, которые можно условно отнести к ближайшим, в частности эвенк. *ala* 'вкусный', эвен. *alak-e* 'вкусно' // кор. *al* 'зерно', и на основании которых восстанавливается алт.// тюрк. **al* 'пища, еда', не выглядят бесспорными и, в сущности, не проливают свет на происхождение слова. Этимология последнего неясна, хотя мнение об исконно тюркском (но не "алтайском"!) происхождении *аш* и его соответствий в других тюркских языках следовало бы предпочесть версии об иранском заимствовании, очень слабо аргументированной в настоящее время.

ая 'самострел'.

Ср. тоф. *аја*, алт. *айа*, хак. *ая*, як. *айа* 'самострел' (Рассадин. Фонетика, *152*), а также алт. (чалкан.) *айа* 'сеть', алт., хак. *айа* 'забор, заграждение; тенета, сети', алт. 'паутина' (РСл. I, *198—199*), шор. *айа* 'городьба для козлов (косули), где ставится натянутый лук со стрелой, настороженное для зверя ружье; поставленная сеть' (Вербицкий, *7*), др.-тюрк. *аја* 'преграда, препятствие' (Боровков 1963), як. *айага* 'загородь, засека', ? кирг. диал. *аят* 'ров вокруг личного земельного участка, ограждающий участок от скота'.

Эти слова являются названиями препятствий, в том числе и таких, которые связаны с охотой на зверя, — оружия, орудий или сооружений, представляющих опасность, которых следует остерегаться, быть с ними острожными и т.п. Поэтому *ая* и его морфологические варианты могут быть родственны с общетюркской глагольной основой типа *айа-* 'беречь(ся), остерегаться'. Ср. также односложное тур. диал. *ау-mak* 'стеречь, наблюдать' (ЭСТЯ I, *101*), с которой, по-видимому, гомогенен глагол *еймен- ~ айман-* 'опасаться, остерегаться, уклоняться, избегать' (см. **айма- I, II, айма-ара-**). Слова типа *ая*, скорее всего, являются производными от односложной глагольной основы **ай-* (ср. *айа-*, *ау-mak*). Трудно согласиться со сближением *ая* и его соответствий с названиями лука *ja* и под. (EW, *10, 86*).

аяар 'медленный, тихий; размеренный, плавный'; *грам.* 'сонорный'. Ср. тел. *ajāp* 'тихо, медленно' (РСл. I, *211*), с.-югур. *айар* 'тихонько; медленный', которое С.Е. Малов сопоставил с монг. *айаар* 'легонько' (ЯЖУ, *13*), что вполне оправданно. Ср. также п.монг. *ajār*, совр. монг. *аяар* и их соответствия в других монгольских языках с семантикой 'тихо, негромко; медленно' (ЯМВМ, *116*). В тувинском языке монгольское слово употребляется как качественное прилагательное и в качестве соотносительного с ним наречия (в значениях 'медленно, тихо, плавно' и т.п.).

аяк 'чашка, пиала'.

Фактически общетюркское, в основном отмечено в форме *аяк* [айак] со значениями 'чаша, бокал, чашка', иногда — 'пиала, плошка, стакан' и др.

По Э.В. Севортяну, *айак* < **айак*. Эта праформа устанавливается на основе як. *ӑйах* 'отверстие, вход; проход, прорубь; рот, уста; самый большой кубок' (ЭСТЯ I, *105*). Назализация отмечена и в тоф. *ӑjаq* 'большая чашка, миска' (Рассадин. Фонетика, *152*).

Якутское же *ӑйах* сопоставляется с *агыз* 'рот' (см. **аас**), а в них выделяются корни **аг-*, ... *ӑj-* (ср. *аң* 'ям(к)а') (ЭСТЯ I, *82*). Вместе с тем для якутского языка вполне вероятна первоначальная гетерогенность, омонимия слов со значениями 'отверстие; рот' и т.п., с одной стороны; и с семантикой 'чаша, кубок'... — с другой.

Нельзя ли связать рассматриваемое название сосуда с названием действия типа 'кружить, вращать', ибо речь идет о предмете округлой формы (и к тому же, возможно, первоначально изготовленном посредством вращения — на гончарном круге)? В таком случае *айак* гомогенно с *айла-* 'вертеть, вращать; окружать' < **ай*, связываемым, в числе прочих, и со словом *а:й* 'месяц, луна' (ЭСТЯ I, *109—110*), у которого также имеется вариант *ӑй* (см. **ай I, II**). Бытовал, вероятно, и глагол **ай*(α)- с тем же кругом значений, что и *айла-*, о чем могут свидетельствовать кирг. *айыш* 'посте-

пенное возвышение', *айыштуу* 'покатый', *аяз* 'кривой, согнутый', др.-тюрк. *ajaz* 'углубление в стене, ниша' (Тугушева, *314*), тоф. *айыт-* 'отклоняться назад', *айыткак* 'пологий, отлогий', *айтар* 'зад, задница; задняя часть' (Рассадин. Словарь).

С точки зрения структуры рассматриваемого слова представляет определенный интерес каз. диал. *аят* 'маленькая деревянная чашечка' (Аманжолов, *359*) < *ай*(α)-*т*?

аяк-сава *собир.* 'посуда'.

См. **аяк, сава.**

аяк-шынак *собир. разг.* 'всякого рода чашки'.

См. **аяк.** Ср. также шор. *аяк шынак* 'мелкая посуда; чашки, ложки и проч.' (Вербицкий, *7*), с.-югур. *чінак* 'чашка (выдолбленная из дерева)', *чар чынак* 'разбитая (чайная) чашка', тур., кр.-тат., чаг. *чанак* 'глиняная чашка; блюдо, миска' (РСл. III, *1856*), турк. *чанак* [ча:нак] 'деревянная миска, чашка', азерб. *чанаг* 'мера сыпучих тел (около 5 кг); посуда, вмещающая 5 кг; таз (анат.); деревянная миска; раковина', др.-тюрк. *čapaq* 'деревянная долбленая посуда небольшого объема; чашка, миска, блюдо', уйг. *чанак* 'раковина, ракушка; воронка (пропускающая зерно на мельничные жернова); впадина, орбита, глазница, череп', кирг. *чанак* 'глазная впадина; коробочка хлопка; стручок бобовых'; диал. 'вертикальная часть могильной ямы', каз. *шанак* 'глазная орбита; коробочка хлопка'.

По мнению Дж. Клосона (ED, *425*), первоначально *чанак* означало что-то вроде 'полый объект конической формы'. В принципе такая семантическая реконструкция приемлема, но думается, что первоначально это были объекты, связанные с анатомией (ср. данные азербайджанского, уйгурского и киргизского языков), названия которых были затем перенесены на сосуды (первоначально, скорее всего, выдалбливаемые из дерева). *Чанак*, по всей вероятности, — производное от глагольной основы типа кирг. диал. *чана-* 'копать', уйг. *чани-* 'копать; прорывать; рубить'.

Иногда *чанак* связывается с китайским языком, откуда, по всей вероятности, др.-тюрк. *сап* 'мера емкости «чан»' (ср. кит. *чжань*, *čап* 'маленькая чашка для вина или масла') (ДТС, *138*). Г. Дёрфер (III, *102*) считает, однако, не ясной связь китайских слов с тюрк. *čапаq*.

Тув. *-шынак* употребляется только в качестве компонента парного слова *аяк-шынак*. Изменения, наблюдаемые в его звуковом облике по сравнению с *чанак*, закономерны.

аялга 'мотив, мелодия; диалект, говор; произношение, интонация'. Подобно алт. *аялга* 'манера поведения' (Рассадин. МБЗ, *30*) и некоторым другим соответствиям — *аялгы*, *аялгу* (см.: РСл. I, *213—214*) слово является монголизмом. Тув. *аялга* относится, по-видимому, к числу поздних заимствований из халха-монгольского языка и по

своей семантике, возможно, представляет собой контаминацию из двух слов: ср. монг. *аялга* 'междометие; акцент; мелодия, мотив' и *аялгуу* 'возглас; наречие, диалект; произношение', связанные, в частности, с монг. *ая* 'мелодия, мотив, напев'. См. также **аян**.

аямдыт *тодж.* 'олений потник'.

Ср. тоф. *айамдыт* 'потник из шкуры, который первым кладут мехом вниз на спину животного при заседлывании' (Рассадин. Словарь). Других соответствий не найдено.

Возможно, это название гомогенно со словами, обозначающими широкие, открытые, гладкие поверхности. Такие обозначения мы считаем связанными с глагольной основой **ай-* 'быть ровным (гладким), открытым' (см. **айгадаң, аян**). В таком случае *аямдыт* может восходить к залоговой основе от **ай-* — **ай-*(α)*н-дыр-* 'покрывать чем-л. ровным, гладким' + аф. *-т* (ср. *олут* 'сиденье' < *олур-* + *-т* и подобные образования); переход *нд* > *мд* на стыке морфем — результат ассимилятивных изменений.

аян I 1. 'приятный, хороший (напр., о песне)', 2. 'внешний облик, вид (в частности, хороший, привлекательный); обстоятельства, настроение; тон; произношение, акцент'.

Ср. п.-монг. *aja*, монг. *ая* I 'положение, обстоятельство; способ; характер; обычай', *ая* II 'мелодия, мотив, напев', п.-монг. *ajaγ*, монг. *аяг* 'характер, нрав, норов; поведение', бур. *ая* 'приличие, такт, хороший тон, благопристойность; манеры, поведение', *аян(г)* 'обыкновение, привычка; поведение, характер', калм. *ая* уст. 'мелодия, мотив'.

Тув. *аян* — по-видимому, монголизм, родственный *аялга* (см. **аялга**) и представляющий результат контаминации монгол. *ая*, *аяг* и *аян(г)*. Однако прямого соответствия (с конечным *-н*) в монгольских языках не отмечено. Не исключено влияние других слов с тем же обликом, что и *аян*, или родство с ними. См. **аян II, аян-тээ**. Э.В. Севортян, например, сопоставляет монг. *ая* (*aja*) 'соразмерность, соответствие; благоприятные обстоятельства' (ср. выше *ая*) с тюркскими глаголами типа *айа-* 'беречь'; 'жалеть'; 'уважать, почитать', считая последнее значение древнейшим (ЭСТЯ I, *101—102*). Возможно, тув. *аян* первоначально было связано с указанной глагольной основой (< *айа-н* 'приятный, хороший'?), а затем подверглось семантическому влиянию монгольских слов. В таком случае допустимо родство *аян* с первым компонентом сложного слова *аян-тээ* (см. **аян-тээ**).

аян II *уст.* 'поездка, путешествие'; **аян-чорук** то же.

Монголизм, что отмечено Н.Ф. Катановым (Опыт, *31*): ср. п-монг. *ajan*, монг. *аян* 'путешествие, поход; дальняя дорога' (ЧР, *24*, где п.-монг. *ajan* отмечено как тибетизм), калм. *аян* уст. воен. 'поход', бур. *аян* 'дальний путь, дальняя дорога; переход; пробел'. В современном тувинском языке слово употребляется в основном в фор-

ме *аян-чорук*, где *чорук* в качестве самостоятельного слова означает 'поездка, путь'; ср. тоф. *айан* 'дальний путь, путешествие' (< монгол.) (Рассадин. Фонетика, *152*). *Чорук* < *чор(у)-к*, где *чор(у)-* — глагольная основа со значением 'идти, ехать'.

Э.В. Севортян рассматривал тув. *аян-чорук* наряду с тюркскими словами, существующими в большинстве своем в варианте *айан* (*аян*) со значениями 'шаг (лошади); медленный шаг' и т.п., считая, что все они удовлетворительно разъясняются на тюркской почве. Тем не менее он не исключает возможности заимствования (по крайней мере, як. *аян* 'путешествие' и тув. *аян* в *аян-чорук*) из монгольского (ЭСТЯ I, *106*).

аян-тээ 'безделье, праздное, бесцельное провождение времени'.

Первый компонент слова (*аян*) можно связать с общетюркской глагольной основой *айа-* 'беречь, жалеть, щадить', а также 'быть скупым; мало употреблять; откладывать' и т.п. (ЭСТЯ I, *101*), что довольно близко к семантике типа 'быть бездеятельным', которая выходит на первый план в форме медиального залога этого глагола: ср. *ajan-* (в чагатайском и некоторых др.) 'жалеть самого себя, быть ленивым, не работать как следует' (РСл. I, *209*). *Аян* как компонент тув. *аян-тээ* представляет собой именное соответствие к *айан-* и может восходить к нему непосредственно (как результат конверсии) или быть образованным от *айа-* при помощи аф. *-н* (образующего имена).

Что касается компонента *-тээ*, то он, возможно, восходит к исходной форме **теге* или **теги*: ср. в ряде тюркских языков наречие *тек* 'напрасно, даром, без дела' и его двусложный вариант типа хак. (саг.) *текä* 'напрасно, без цели, даром' (РСл. III, *1014—1015*). Возможна также связь *-тээ* с другим тюркским словом — *дек* ~ *тек* 'тихий, спокойный; смирно, неподвижно', *диг-* (?) 'успокоиться' (ЭСТЯ I, *185*).

аян-чорук см. **аян II**.

аяц 'альпийский луг; лужайка, прогалина, поляна'; см. **айгадаң**.

аяс- 'проясняться (о погоде)'; **аяс** 'ясный (о погоде); ясная погода, вёдро'.

В тюркских языках широко распространена именная основа *айаз* ~ *айас* 'ясный и морозный'..., 'мороз, стужа; ясная погода'; а соотносительная с ней глагольная имеется лишь в нескольких из них (ЭСТЯ I, *102—103*). По мнению Э.В. Севортяна, первичным является имя (вначале, по-видимому, качественное прилагательное), которое, как он полагает, является производным на *-(α)з* от корня **ай* ~ *ай-* > **ай* ~ **ай-*, выделяемого из таких слов, как *айык-* 'проясняться' и *айык* 'ясный (о погоде)' (в нескольких языках), тур. диал. *ayat*(*lık*)/*ayar* 'солнечная погода без дождя' и др.

аяс см. **аяс-**.

— Б —

ба *диал.*; см. **бе II.**

баажы[зы] 'притворство, симуляция; хитрость, ловкость; намек на разгадку (при отгадывании загадок)'.

Монголизм; ср. п.-монг. *baγaši*, монг. *бааш* 'притворство, симуляция; хитрость, лукавство', бур. *арга баша* 'ловкость, изворотливость; увертка, махинация', *башар* 'навык'. В свою очередь, монгол. *baγaši/ бааш*, вероятно, имеет тюркское происхождение; ср., напр., тур. *bağ-* 'связывать, привязывать'; перен. 'совращать, вводить в соблазн; очаровывать, околдовывать', *bağı* 'волшебство, колдовство, чародейство', тат. *баг-* 'гадать, ворожить' и т.д. (см. также: ЭСТЯ II, *15*—*17*; ЭСЧЯ, *146*), обозначающие понятия, в значительной мере связанные с ловкостью, хитростью, обманом и т.п.

баал *тодж.* 'седловина; очень короткая протока между двумя озерами, почти сливающимися друг с другом'; **баалык** 'седловина'.

Баал в первом значении отмечено в монографии З.Б. Чадамба, а во втором — зафиксировано нами в Тодже (см.: СТ 5, 1977, *19*). Можно предположить, что *баал* связано с существительным *баг* 'связка', 'узел, связь'; 'соединенный' (см.: ЭСТЯ II, *15*; а также **баг II**), значения которого объединяются, в частности, общим смысловым компонентом 'то, что связывает, играет роль связующего звена'. Первоначальную форму существительного *баал* можно представить как **баг-ыл*, где *-(ы)л* — аффикс, при помощи которого образовывались имена с диминутивным (уменьшительным) значением. В настоящее время он является мертвым формантом, но присутствие его прослеживается в отдельных словах. Так, в тоджинском диалекте тувинского языка отмечен местный географический термин *артыл* 'низкий горный перевал; седловина' (ср. **арт**). Первоначальную семантику слова **багыл* (> *баал*) можно восстановить как *'маленькое (короткое) соединительное звено', что явно просматривается в таком значении *баал*, как 'очень короткая протока'... *Баал* 'седловина' фактически означает 'связующее звено между горами'. Тув. *баалык*, вероятно, в свою очередь является уменьшительной формой (на *-(ы)к*) от *баал*.

баалык см. **баал.**

баалың 'эмаль (на посуде)'.

Монголизм: п.-монг. *palang*, монг. и др. *пааланг* 'эмаль; глазурь' < кит. (см.: ЯМВМ, *187*).

баар I 'печень; печенка'; **баары** 'перед, передняя часть'.

Этимологическая близость *баар* и *баары* допускается авторами "Грамматики тувинского языка" (ИП, *442*); в ЭСТЯ (II, *18*) соответствия тув. *баар* даются в числе других со значениями 'передняя

часть предмета', 'передняя или внутренняя часть предмета'. Наиболее распространенная и, по-видимому, наиболее старая форма этого общетюркского слова — *багыр* (> *баар*). Кроме характерного практически для всех языков значения 'печень', *багыр...* означает также 'сердце, грудь' (то и другое как в прямом, так и в переносном смысле), 'живот, брюхо', изредка 'почка; легкое'; 'желчный пузырь' (с.-югур); кроме того, слово употребительно в значениях типа 'бок', 'склон горы; подошва горы' и т.п. (ЭСТЯ II, *18—19*). Удовлетворительной этимологии слово не имеет, хотя и предполагается существование "производящей основы **баг-* ~ *бег-*, которая может быть, скорее всего, глагольной" (Там же, *19*).

Думается, при этимологизации следует учитывать то, что *багыр* обозначает объекты (особенно части тела), которые имеют рельефную, выступающую форму. Поэтому к числу слов, гомогенных с рассматриваемым, можно, вероятно, отнести хак. (саг.) *пагыр* 'нарост на стволе дерева', чаг. *багдаі* (< *баг-да-і*?) 'склон горы, спуск, отлогость' (РСл. IV, *1460*), *багрін* 'гребень (петушиный)' (РСл. IV, *1456*), узб. *баг-* 'высовываться' — *hervorstehen* ('выступать, выдаваться') (РСл. IV, *1447*).

Основа **баг-*, о которой писал Э.В. Севортян, судя по последнему примеру, могла быть глагольной, но у нее существовало, по-видимому, и именное соответствие **баг*, реализуемое в чаг. *багдаі* (ср. также каз. *баглан* 'большой и толстый', турк. *баггоюн* < *баг гоюн* 'откармливаемый скот'). Основа **баг-* имела морфологический вариант **бак-*, реализуемый, вероятно, в др.-тюрк. *baqu* 'гряда холмов', с.-югур. *пака* 'мускулы руки (выше локтя)'. Рассматриваемые основы структурны; членимы, о чем свидетельствует этимология других слов (см. **баш**, **маадыр** ~ **баадыр**).

По своей структуре *багыр* представляло имя, образованное непосредственно от глагольной основы **баг-* 'выдаваться, выступать' при помощи аф. *-(ы)р*, либо производное, включающее в свой состав тот же формант, но без вставочного гласного, от предполагаемой глагольной основы **багы-* (< *баг* + *-ы-*), которая могла быть образована от именного коррелята глагола **баг-*.

Первоначально *баар* могло иметь семантику типа 'выступающая часть, выступ чего-л.', хотя неясно, к каким конкретным реалиям первоначально относилось слово (ими не обязательно могли быть части тела, о которых шла речь выше). У отдельных соответствий рассматриваемого слова, в частности у як. *быар*, до сих пор фиксируется именно такая семантика, но уже в качестве вторичной, как переносное значение (ЯРС, *90—91*).

баар II: **баар дүңгүр** уст. 'шаманский бубен коричневого цвета'.

Словосочетания *баар дүңгур* с указанным значением встретилось в тексте одного из шаманских камланий (алгышей). См.: КЛА, *326*.

Первый компонент сочетания (*баар*) в тувинском языке самостоятельно не употребляется, в отличие от второго (*дүңгүр* 'бубен (шаманский)') (см. **дүңгүр**).

Баар **может быть сопоставлен с общетюрк.** *бакыр ~ багыр* 'медь (красная)', 'медный'. Последнее, кроме того, в словосочетаниях может выражать цветовую семантику: ср. кбалк. *багыр бетли* 'побагровевший, покрасневший (напр., от стыда)', тат. *бакыр баш* 'рыжие волосы', *бакыр елан* зоол. 'медянка', *бакыр чәчәк* 'куколь' ('медно-красный цветок').

Н.А. Баскаков представляет круг значений *бакыр* в следующем виде: 'медь, бронза; бронзовый, багряный, багровый' (Баскаков 1985, *119*), считая, таким образом, цветовую семантику производной от субстантивного значения. Вместе с тем он далее приводит версию о заимствовании названия меди из арабского *mayar* 'красновато-коричневый' (Там же).

В целом этимология тюрк. *бакыр ~ багыр* неясна. Э.В. Севортян считал, что ее следует искать на тюркской почве, и связывал происхождение слова с глагольной основой *бак- ~ баг-*, значение которой пока трудно определить (ЭСТЯ II, *46*).

Тув. *баар* в сочетании *баар дүңгүр* обозначает коричневый цвет, т.е. цвет, близкий к красному. Цветовая семантика, по-видимому, все-таки является наиболее архаичной для *бакыр ~ багыр* (> *баар*). Ср. в этом плане названия типа ст.-тат. *бакира*, тат., башк. *бакра* 'куколь; плевел', связываемые со ст.-тат. *бакыра*, *бакра*, *багрый* 'багрового, медного цвета', а последние считаются производными от *бакыр* 'медь' (Ахметьянов. ОЛМК, *52*). Структурно эти образования, однако, не вполне ясны. Может быть, следует допустить существование глагольной основы, соотносительной с *бакыр* (*бакыр- ~ багыр-* ?), производными от которой и являются подобные названия. См. также: ИОЭАЯ, *29*.

баарак 'ласковый, душевный, жалостливый'.

Непосредственных структурных соответствий в других тюркских языках не обнаружено. Однако в них отмечены явно родственные с тув. *баарак* слова. Как и оно, данные слова связаны в конечном счете с общетюрк. *багыр*... 'печень'... (см. **баар** I). Среди них — прилагательное, образованное от последнего посредством аф. *-мал* — *бавыр-мал*, характерное для казахского и каракалпакского языков и употребляемое в значениях 'добрый, отзывчивый (по отношению к родственникам), любезный'. Кроме этого слова, Э.В. Севортян отмечал имя, образованное с помощью аф. *-к* от дезидеративного глагола с аф. *-са-* (< *багыр*) — *багыр-са-* 'жалеть, сжалиться' типа *багырсак ~ паарсак* 'милосердный, сострадательный, жалостливый' и под. (ЭСТЯ II, *19—20*). В ЭСТЯ справедливо отмечено, что эти производные ориентированы на такие вторич-

ные значения *багыр*... как 'родственник', 'друг', 'милый мой' и т.п. Можно полагать, что производные типа *бавырмал* и *багырсак* первоначально характеризовали отношения с родственниками, близкими людьми (см. также **баарлаш-**, **куда-баар**).

Тув. *баарак* структурно отличается от указанных производных, но оно в этом плане, вероятно, ближе к *багырсак*: можно предполагать существование глагольной основы **багыра-* (> *баара-*) 'относиться как к близкому человеку', 'быть душевным, ласковым', от которого посредством аф. *-к* и было образовано *баара-к*. См. также **ээрек-баарак**.

Не следует вместе с тем исключать возможности образования *баарак* и непосредственно от *багыр* (> *баар*) с помощью уменьшительного аф. *-(а)к*, имея в виду то, что соответствия *багыр* имели семантику типа 'близкий родственник, родня; друг' и под. и что с помощью указанного форманта могут образоваться не только существительные, но иногда и прилагательные. См.: АИ, *166*, *167*; Хабичев, *60*.

См. также **баарзык**.

баарзык 'поджелудочная железа'.

Ср. соответствия в ряде тюркских языков: *багырсак ~ бавырсак ~ багырсык*... в значениях 'внутренности', 'кишки', 'желудок', 'баурсак — маленькие куски теста (в виде шариков, квадратиков), жаренные в бараньем сале или масле' и т.д. (ЭСТЯ II, *22—23*); см. также **бовурзак**, **боорзак**. В указанном источнике, однако, отсутствует тув. *баарзык*, ближайшим соответствием которого является тоф. *баарсык* 'поджелудочная железа', 'сало поверх тонких кишок' (Рассадин. Словарь).

Следует, однако, отметить, что в тувинском языке *баарзык* как анатомическое наименование обычно встречается в сочетании *бестиг-баарзык* 'поджелудочная железа' (*бестиг* 'имеющий железы, железистый'; см. **бес I, II**). Это может означать, что ранее *баарзык* имело какое-то иное, нежели 'поджелудочная железа', значение, хотя и связанное с анатомией.

Всеми исследователями происхождение слова *багырсак ~ багырсык*... связывалось с *багыр* 'печень', 'живот' и т.п. (см. **баар I**); сомнения и разногласия вызывала только вторая, аффиксальная часть слова (*-сак ~ сык*), которую удовлетворительно разъяснил Э.В. Севортян, считающий, что она "в этом и некоторых других словах восходит к глаголу уподобления с аф. *-сы-*, что нашло свое отражение также в формах *багырсак ~ багарсак — багарсук ~ багарсык ~ багырсык* и т.д." (ЭСТЯ II, *23*), т.е. 'то, что похоже на печень'. См. также **кара-баарзык**.

баарлаш- 'вступать в родственные отношения друг с другом, родниться'. Глагол, образованный с помощью аф. *-ла-ш-* от *баар* (см. **баар I**). Соответствиям последнего в ряде тюркских языков присущи значе-

ния 'родственник, кровный родственник' и т.п. (см.: ЭСТЯ II, *18*), что отразилось в семантике тув. *баарлаш-*. Ср. кирг. *боордош- ~ боорлош-* 'брататься (во время первой мировой войны)', *боордош ~ боорлош* 'кровный родственник', *боордош элдер* 'братские народы'. См. также **куда-баар** 'сваты'.

баартак 'прилавок'; *разг.* 'подоконник'.

Связано с *баар* 'печень', соответствия которого в других тюркских языках имеют также значения 'грудь', 'живот'. По-видимому, *баартак* первоначально обозначало нечто такое, на что можно было налечь, навалиться, прилечь, о чем можно судить на основании производного от *баартак* глагола *баартак-тан-* 'налегать, навалиться (грудью, животом)'; ср. кирг. *боорток-то-* 'ложиться на живот, на грудь; лечь лицом вниз, ничком'.

По своей структуре *баартак* — вероятно, производное от глагольной основы *баарта-*, имевшей примерно ту же семантику, что и *баартактан-* (ср. ног. *бавырла-* 'прижиматься, приникать грудью').

баартактан- см. **баартак**.

баартык I 'фартук, передник'.

Как и ряд предшествующих слов, *баартык* связано с *баар* или, точнее, *баар(ы)* 'перед' (см. **баар I**).

Ср. др.-тюрк. *bayïrdaq* 'короткая женская кофточка с короткими рукавами' (ДТС, *78*), 'лифчик' (МК И, *63*), тур. *bağırdak* 'свивальник; гигиенический пояс', каз. диал. *бауыртак* 'подпруга у седелки' (Аманжолов, *362*). Структурно *баартык*, возможно, сходно с *баартак* (см. **баартак**), а элемент *-тык* представляет фонетический вариант *-так* < *-та-к*. Вместе с тем в тюркских языках отмечены и самостоятельные форманты *-так* и *-тык*, но они присоединяются в основном к глагольным основам (см.: АИ, *220—221*, *354—355*). На внешний облик и семантику тув. *баартык*, вероятно, повлияло рус. *фартук*.

баартык II см. **баартак**. Ср. также **баартык I**.

баг 'ремень; аркан; привязь'.

Общетюркское слово, отмеченное в вариантах *ба:г ~ па:г ~ баг* и т.п. с развитой многозначностью, причем выделяются значения орудия средства действия ('завязка; оковы; веревка, привязь, ремень'...) и значения результата действия ('связка, вязанка'...). Рассматриваемое существительное образовалось при помощи древнего аф. *-(α)г* от глагола **ба-* 'связывать, привязывать' (ЭСТЯ II, *13—16*).

багажа-херексел *собир.* 'инвентарь, орудия труда; оборудование'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *bayača ~ bayaja ~ bayaǰi* 'орудие, инструмент, прибор, снасть', монг. *багаж* то же; п.-монг. *keregsel bayaǰi ~ bayaǰi keregsel*, монг. *багаж хэрэгсэл* 'орудия, инструменты; оборудование'. См. также **херексел**.

багажа-чепсек см. **багажа-херексел.**

Монголизм: п.-монг. *bayaǰi ǰebseg*, монг. *багаж зэвсэг* 'орудия, инструменты; инвентарь'. См. также **чепсек.**

багай [аъ] 'плохой, скверный; бедный, несчастный; слабый, слабосильный'.

По-видимому, производное от *бак* 'плохой, дурной' (см. **бак I**), образованное при помощи аф. *-ай*. В тувинском языке это практически мертвый формант, наблюдаемый в отдельных словах (ср., в частности, **багай-согай** и **бак-сок**, **көвей** и **көп**). Однако он сохраняет некоторую активность в тофаларском, где "образует вторичные основы качественных прилагательных от прилагательных, оставляя те же лексические значения, но внося некоторую усиленность качества" (Рассадин. Морфология, *101*).

багай-согай [аъ-оъ] *собир. разг.* 'неважный, незначительный; плохой'.

См. **багай, бак I, бак-сок.**

багана [аъ] 'столб; подпорка (в юрте); колонна; свая'.

В тюркских языках соответствия тув. *багана* отмечены в двух основных вариантах: *бакан* и *багана*. Э.В. Севортян основу *багана* возводит к глаголу **бакқан-* (ср. алт., тел., шор. *пакқан-* 'делать, вбивать столбы' < *пак* + *кан*, по Радлову), что недостаточно ясно. Основу *бакан* ~ *баған* можно связать, в частности, с тат. диал. *бағы* 'подпорка, с помощью которой приподнимают нагруженную телегу'. "В обеих основах выделяется часть *бағ-* < *бак-*, для суждения о которой, как и о всей предложенной этимологии, приведенных данных еще недостаточно" (ЭСТЯ II, *42—43*). Едва ли эту часть можно отождествить с глагольной основой *бак-* '(напряженно) смотреть'... (Ахметьянов. ОЛМК, *104*).

Думается, что она представляет собой глагольную основу **ба-* ~ **па-* 'подниматься, возвышаться' в залоговой форме **ба-к-* ~ **па-к-*, реализующейся, на наш взгляд, в ряде образований (см., в частности, **баш**). Ср. также шор. *макыш* ~ *пакыш* 'лестница' (РСл. IV, *1128*, *1996*). Таким образом, *бакан* < **ба-к-* + *-(а)н*.

Что касается основы *багана* (< *бакана*), то она характерна для монгольских языков, где, бесспорно, является тюркизмом. В свою очередь, *багана* в тюркских языках, в том числе и в тувинском, — вторичное заимствование из монгольских (ЭСТЯ II, *43*).

бак-манчак. То же, что **баг-чеп** (*см.*).

См. **баг, манчак.**

баг-чеп *собир.* 'кожаные ремни, волосяные веревки; арканы'.

См. **баг, чеп.**

баг-шуг *собир.* см. **баг-чеп.**

См. **баг.** Что касается второго компонента (*шуг*), то он может быть сопоставлен с др.-тюрк. *čoγ* ~ *čuγ* 'сверток, тюк' (ДТС, *151*, *156*). В МК отмечено, в частности, и парное слово *bay čoγ* 'узел това-

ра' (ДТС, *77*, *151*), семантика которого, однако, не совпадает со значением тув. *баг-шуг*. См. также **шугла-**.

бадар ~ мадар [аъ], **падар, падыр** *уст.* 'большая деревянная чаш(к)а'. Ср. як. *бадыыр, бадыр, бадыыр* **'большой деревянный ковш; маленький сосуд из бересты или дерева'** (Попов, *70*), др.-тюрк. *badïr ~ batïr* [< согд. *p'ttr*, скр. *pātra*] 'бадыр, чаша, чашка; чаша для подаяния у буддийского монаха; мера емкости' (ДТС, *77*, *89*), п.-монг. *badar, badir* **'чаша (для подаяний); сбор подаяний'**, монг., бур. *бадар* уст. 'сбор подаяний, подаяние'. Но Б.Я. Владимирцову, монг. *бадар* (< *бадір*) 'чаща' — из санскритского *pātra* через посредство древнеуйгурского или тибетского языков (Владимирцов. Монгольский сборник, *516*).

Происхождение тув. *бадар* (с вариантами), возможно, связано с монгольским влиянием. Вместе с тем привлекает внимание то, что тувинское слово, как и его якутские соответствия, обозначает реалию традиционного быта, непосредственно не связанную с буддизмом. Согласно этнографическому описанию, обозначаемый объект есть "большая деревянная чаша темного цвета, емкостью до одного-полутора литров; изготовлялась из корня березы. Такие чаши носили с собой охотники" (Гребнев, *90*). Поэтому вполне допустимо, что его появление может относиться еще к домонгольскому периоду и обусловлено, в частности, влиянием древнеуйгурского языка. Ср. *бадарла-* 'собирать подаяние', *бадарчы ~ падарчы* [лама] 'бродячий лама' (см. **бадарчы**).

бадарчы ~ падарчы [лама] *уст.* 'странствующий буддийский монах (лама), сборщик подаяний'; **бадарла-** *уст. редко* 'собирать подаяние (о ламах)'.

Монголизмы. Ср., с одной стороны, монгол. *badarčin/бадарчин* 'странствующий монах; *бадарчи ~ бадирчи* [*лама*] 'нищенствующий монах': так в Монголии называли разного рода монахов, отправлявшихся за сбором милостыни (Владимирцов. Монгольский сборник, *516*). С другой стороны, отмечен также глагол типа монг., бур. *бадарла-* 'собирать подаяние'. И имя, и глагол являются производными от *badar ~ badir* и под. 'чаша (для подаяний)' (см. также **бадар**). В случаях *бадарчы* и *бадарла-* монгольское языковое влияние проявляется более определенно, нежели в отношении *бадар* как названия деревянной чашки.

В подобной ситуации монгольские заимствования отмечены в некоторых тунгусо-маньчжурских языках: ср. сол. *бадарчи* 'монах (странствующий, нищенствующий)', *бадири* 'чаша (для подаяний)'; *бадирила-* 'собирать подаяние' (ССТМЯ I, *63*).

бады-даңгырак [аъ-] *собир.* 'клятва, верность, присяга'.

Монголизм. Соответствия обоих компонентов слова отмечены в монгольских языках. Первый — *бат* (*batu*) — означает 'устойчи-

вый, крепкий; надежный', второй — *тангараг* — **имеет значения** 'клятва, присяга; обет'. См. также **даңгырак**.

бадыла- [аъ] 'голосовать; утверждать; регистрировать (напр., вступление в брак)'.

Монголизм. Ср. монг. *батла-*, п.-монг. *batula-* 'утверждать, подтверждать; скреплять, укреплять' < *бат*, *batu* (см. **бады-даңгырак**).

бадылга [аъ] 'уверение, заверение'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *batulγa* 'подтверждение, доказательство; ручательство, гарантия'.

бадылергей [аъ] *уст.* 'билет (членский)'.

Одно из поздних (скорее всего, относящихся к 1920-м гг.) монгольских заимствований. Ср. п.-монг. *batu ilerkēlekü*, монг. *бат илэрхийлэх* 'членский билет' (букв. 'твердо заверяющий (?)').

бадытка- [аъ] 'утверждать; подтверждать'.

Монголизм. П.-монг. *batudχa-*, монг. *бататга-* 'укреплять, упрочивать, закреплять' — форма каузатива от *batud-/баттах* 'укрепляться, упрочиваться'.

бажа 'свояк (муж сестры жены)'.

Общетюркское слово; наиболее распространенная его форма — *бажа*, более ранняя — *бача*. Значения — 'свояк (о мужьях родных сестер); деверь, шурин; родственник, приобретенный через женитьбу (замужество)'. Имеется соответствие в монгольских языках типа *бажа* (*база*) 'мужья сестер' и под. Убедительной этимологии нет (ЭСТЯ II, *24—25*). Э.В. Севортян склонен видеть в тюркском слове производное от глагольной основы ***бач-*** (***ба:ч-***), однако семантика последней не приводится.

Мы полагаем, что *бача* (> *бажа*) может быть гомогенно с др.-тюрк. *bačïγ* 'договор, обращение' (ДТС, *77*), или 'соглашение, договор; обещание' (Боровков 1963, *93*). Следовательно, **бач-* могло означать 'договариваться, заключать соглашение (договор); давать обещание', а в более общем плане — 'быть связанными определенными (близкими) отношениями' и т.п.

В свою очередь, **бач-* могло иметь связь с глаголом *ба-* 'связывать' (см. **баг**), хотя характер этой связи в деталях неясен.

Монгольские *бажа* > *база* — скорее всего, тюркизмы, причем восходящие к более позднему варианту слова (с интервокальным *-ж-*), но в случае с тув. *бажа* допустимо и вторичное монгольское заимствование.

бажың 'дом, изба, здание'; *разг.* 'тюрьма'.

Уже Н.Ф. Катанов отмечал связь тувинского слова с монгольским, приводя старописьменную его форму *байшинг* <'дом, строение, жилище'> (Опыт, *33*, *124*); в той же форме оно отмечено и в современном монгольском языке. Тув. *бажың*, однако, ближе к западномонгольскому, в частности дербетскому варианту слова (*баа-*

шинг), отмеченному Б.Я. Владимирцовым (Ср. грамматика, *291*). По его мнению, монгольское слово имеет иранское происхождение (то же см.: EW, *66*).

бажың-балгат *собир.* 'здание, строение, помещение'.

См. **бажың**. Компонент *балгат*, как и первый, также имеет монгольское происхождение: ср. монг., п.-монг. *балгад* 'город, селение; города', представляющее собой форму мн. ч. от *балгас* (п.-монг. *балгасун*), означавшего, по некоторым данным, в раннем монгольском письменном языке 'стена, местечко, деревня', а впоследствии — 'город' (Бертагаев. Лексика, *47*). Последнее отражено в топонимии Тувы. Ср. название населенного пункта *Балгазын*. Монгольское *балгасун*, в свою очередь, связано с др.-тюрк. *балык* 'город'.

база [аъ] *союз* 'и'; *нар.* 'еще; опять; тоже'.

Соответствия отмечены в древнетюркских памятниках (*basa* 'после, следом; и, еще, а также' (ДТС, *85*)) и в более поздних текстах, где *баса* означало 'еще, снова, также, кроме того', а также употреблялось как поощрительное слово ('еще!, еще!') (ЭСТЯ II, *77*). Вариант *паза* ('еще, опять, снова, и') отмечен в соседних языках (алтайском и хакасском).

Слово имеется и в монгольских языках, где *бас(а)* 'снова, опять, еще' и т.п. тюркского происхождения. По своей первоначальной форме слово представляет собой лексикализованное деепричастие на *-а* от глагола *бас-* 'давить; наваливать, накладывать сверху; ступать, следовать по пятам'... (ЭСТЯ II, *74—75*, *77*; см. также **бас-**). Эта этимология выглядит вполне обоснованной. По-видимому, наиболее старые значения *баса* — 'следом, потом, еще'.

Тувинское *база*, если судить по его форме, может быть как исконно тюркским словом, так и вторичным заимствованием из монгольских языков.

базымча [аъ] 'унижение, оскорбление; издевательство, глумление'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *basumǰi* 'пренебрежение, поругание, надругательство; презрение'. Образовано от глагола *basu-* 'пренебрегать, презирать, хулить' (ЧР, *226*) с помощью аф. *-mǰi*. В тувинском языке преобладает широкая (*-мча*) огласовка окончания слова: употребление гласного *-а* на месте монгольского узкого (практически же сильно редуцированного) гласного, в современном монгольском языке не обозначаемого на письме.

В некоторых подобных монголизмах тувинского языка отмечено узкое качество конечного гласного (см. **дузаламчы, серемчи**).

Соответствия *базымча* с широкой огласовкой отмечены и в некоторых других тюркских языках (ср., напр., кирг. *басымча* 'изнасилование'). Следует также отметить, что монг. глагольная основа *basu-* 'пренебрегать'... явно связана с тюрк. *бас-* (см. **бас-**).

базымчала- [аъ] 'унижать, оскорблять, издеваться, глумиться; считать кого-л. слабым, слабосильным'.

Этот глагол, как и его производящая основа (см. **базымча**), по-видимому, относится к числу монгольских заимствований: ср. п.-монг. *basumǰila-* 'оскорблять; насмехаться, иронизировать; надругаться, кощунствовать' (ЧР, *226*).

бай I 1. 'богатый, состоятельный; обильный чем-л.', **2.** 'богач, бай'.

Общетюркское слово, распространено в основном в форме *бай* (реже — *пай*); исходной считается форма с долготой: **баай* или *паай*. Основные значения те же, что и у тув. *бай*.

В структурном отношении слово неясно. По мнению А.Н. Самойловича, *бай* этимологически родственно общетюрк. *бар* 'есть, имеется' (см. **бар**). Более подробно о соответствиях слова и этимологических разысканиях — в ЭСТЯ II, *27 и след.*

Слово *бай* в тюркских языках, скорее всего, исконное, однако в последние годы предпринимается попытка трактовать его и как заимствованное слово. Оно, например, считается вероятным среднеперсидским заимствованием, восходящим к *бай* 'бог, господин' (И.Н. Шервашидзе). См. по этому вопросу также: ВЯ 1, 1993, *123*, сноска 17.

бай II: араганың (сөөлгү) байы '(последние) остатки араки (молочной водки)'.

Семантика *бай* в сочетании *араганың* (*сөөлгү*) *байы* может быть представлена как 'остаток', 'последняя часть' или, возможно, как 'последний, оставшийся' и т.п.

В тувинском языке имеется также производный от *бай* глагол *байла-* 'кончаться (об араке); опорожняться (о посуде, в которую была налита арака)'.

Бай в указанном значении, по-видимому, не сохранилось в тюркских языках в качестве самостоятельного слова (имени). Оно прослеживается лишь в виде связанной основы (в частности, в составе глаголов типа *байы-* (в нескольких языках) 'проходить, исчезать; закатываться (о солнце)'; кирг. *байы-* 'прекратить доиться (о корове)'; 'уменьшаться, спадать (напр., о воде)', *байа-* (турк.) 'кончаться, иссякать'). К этому же ряду, по всей вероятности, следует отнести уйгурское (лоб.) *паіла-* 'горевать (о смерти кого-л.)'; 'сожалеть, скучать'.

В отдельных языках отмечена и глагольная основа, соотносительная с именем *бай*: тат. *бай-* 'закатываться, заходить (о небесных светилах)', каз. диал. *бай-* 'кончаться'. По-видимому, производным от подобной основы является тур. *bayğın* 'лишившийся чувств; слабый, вялый, уставший'.

Приведенный выше материал подтверждает реконструированную семантику имени *бай*, позволяя вместе с тем расширить круг его

значений, включив в него семантику 'край(ний)', а также 'бедный, несчастный' и под.

С именной (*бай*) или глагольной основами типа рассмотренных выше можно связать некоторые названия соответствующих частей тела: ср. як. *байаа* в сочетании *саннын байаата* уст. 'нижний край лопатки', алт. *байкан* 'круп коня' (иначе см.: Рассадин. МБЗ, *21*), кирг. *баймак* 'нижняя часть голени (главным образом у лошадей)'. Далее именную основу *бай* можно встретить в составе общетюркской композиты типа *байкуш* 'сова' (при *куш* 'птица'; сова у тюркоязычных народов считается "несчастной" птицей), имеющей также значения 'бедняга, бедняк, несчастный' и т.п., но пока не получившей удовлетворительного объяснения (см.: ЭСТЯ II, *32—33*). С этими основами (главным образом глагольными) связаны и слова *байа*, *байакы* 'давешний, прошедший' и подобные им. См. **биээки**, а также: Менгес, *82*. Рассматриваемая основа *бай*, возможно, родственна с *бат-* 'спускаться' (см. **бат-**).

байбаң 1. 'болтливый; развязный', 2. 'болтун'.

Ср. алт. (жен.) *байбаң* 'болтливый; развязный'.

Можно полагать, что слово имеет образную основу, характеризующую первоначально способ передвижения, особую, неустойчивую походку, которая могла восприниматься как проявление излишней непринужденности, развязности. В дальнейшем подобная характеристика могла быть перенесена на язык, речь.

Ср., в частности, кирг. *байпаң* 'движение вразвалку', башк. диал. *байпаңла-* 'шагать, раскачиваясь, вразвалку', каз. (РСл. IV, *43*) *байпаңда-* 'ходить, разваливаясь (как утка, гусь)' и проч. К этому же кругу слов можно отнести и тув. *майтаңна-* 'косолапить'.

байбың *хим.* 'бор'.

По-видимому, позднее заимствование из монгольского языка (с изменением значения?). Ср. совр. монг. *байван(г)* 'купорос', п.-монг. *baibang* 'квасцы, купорос', бур. *байбан*, калм. *бәәвн* то же.

Монгольское слово считается китайским заимствованием (Будаев, *96*).

байгы [аъ] 'весь, имеющийся в наличии, наличный'.

Монголизм, принадлежащий, скорее всего, к числу поздних заимствований, источником которых явились тексты на старописьменном монгольском языке: ср. п.-монг. *baiχи* 'быть, существовать; находиться; иметься, быть в наличии'. Эта форма выступает также в качестве причастия настоящего времени ('существующий, имеющийся' и т.д.), к которому и восходит тув. *байгы*. См. также **айгы-байгы**.

байгыы-шай [аъ] 'байховый (рассыпной) чай'.

Тув. *байгыы-шай*, как и рус. *байховый*, имеет в конечном счете китайское происхождение. По имеющимся данным, первоосновой заимствования было кит. *bai hua* 'белый цветок' (Фасмер I, *108*).

Первый компонент тувинского названия имеет своим непосредственным источником монгольское слово (< кит.) *байхуу* 'чайное растение' (Цэвэл, *69*).

Вместе с тем в тофаларском языке отмечено наименование *баайһа шэй* 'байховый чай', которое возводится к рус. *байховый чай* (Рассадин. Фонетика, *160*), что вполне оправдано с фонетической точки зрения: в первом компоненте ударный гласный оригинала воспроизведен как долгий, его конечный (редуцированный) слог подвергся выпадению.

байдал 'положение, ситуация, состояние, обстановка; среда, условия'; *грам.* 'обстоятельство'.

Позднее (с последующей специализацией значения) заимствование из монгольского языка: ср. п.-монг. *bajidal*, монг. *байдал* 'состояние, положение; способ; форма; внешний вид, наружность, облик'. Монгольское слово, производное от основы "глагола бытия" *бай-* (см. **байгы**).

байза 'пограничный столб'; 'эстафетная палочка (вручается наездникам, занявшим призовые места в конном состязании)'; 'знак, признак'.

Байза — китайского происхождения (см.: EW, *378*), но оно проникло в тувинский язык, скорее всего, через монгольское языковое посредничество. Ср. чаг. *пайза* (< кит.) 'золотая или серебряная дощечка с надписью, даваемая послу как доказательство поручения' (РСл. IV, *1125*). Отмечалось, что "пайцзы широко известны в основном по монгольской эпохе" (Е.Н. Кычанов). Под названием *пай-цзе* или *пайцза* понимались своего рода верительные грамоты (дощечки), которые вручались гонцам и удостоверяли их личность или предоставляли им определенные права. Существовали также пайцзы — свидетельства тех или иных властных полномочий (Кычанов Е.Н. Тангутские пайцзы // Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск, 1974. — С. 266).

Монг. *пайз(а)*, судя по имеющимся данным, обозначала подобные же реалии, в том числе деревянные или металлические пластинки (дощечки) с надписями служебно-государственного характера, охранные документы (соответствующие современным пропуску или мандату), а также специальные знаки (устанавливались, в частности, на территории сенокосных угодий и служили для запрета ведения на ней постоянного хозяйства и пастьбы скота) (см.: Цэвэл, *450*; Бертагаев. Лексика, *369*).

Приведенная информация в основном объясняет особенности семантики тув. *байза*.

байлаң 'малек'.

Ср. тодж. *барлаң*, тоф. *балыраң* 'мальки рыб' (Рассадин. Словарь). Думается, что все эти формы связаны друг с другом. При этом

первичной является тофаларская, а тоджинская занимает промежуточное место и представляет, по-видимому, результат редукции узкого гласного *ы* среднего слога и последующей метатезы *лр* > *рл*. Форма *байлаң* — из *барлаң*, где не без влияния "народной этимологии" *бар-* изменилось в *бай-* (ср. *бай* 'богатый')[1].

Тоф. *балыраң*, вероятно, родственно общетюркскому *балык* 'рыба' (см. **балык**), которое, в свою очередь, не без основания связывается по происхождению с образными основами (ЭСТЯ II, *60*). К ним можно отнести также тоф. *балырт-балырт кын-* 'сплавляться (о жирующем хариусе, когда он выпрыгивает из воды)', с которым гомогенно *балыраа* 'жабры' (Рассадин. Словарь). Реальна, по-видимому, и глагольная основа **балыра-* 'плескаться (о рыбе)', от которой с помощью аф. *-ң* и образовано *балыраң*.

Менее вероятно сближение последнего с общетюркским *бала* 'дитя, ребенок', обозначающим также детенышей животных и птиц и пока не имеющим определенной этимологии (ЭСТЯ II, *48—49*). Более ясной выглядит связь с *бала* уйг. диал. *balajan* 'мальки рыб' (Тенишев. УДС, *23*).

байтыгай, байтык 'не то, что... не только; не говоря уже о'...

Монголизм. Ср. п.-монг. *bayituγai*/монг. *байтугай* 'не только... но и...' и соответствия в других монгольских языках (ЯМВМ, *119*). По своей структуре и происхождению монгольское союзное слово — побудительно-желательная форма, образуемая с помощью аф. *-тугай* от глагольной основы. В данном случае — это основа "глагола бытия" *бай-* (см. также **байгы**).

Вариант *байтык* — вероятно, сокращенный, разговорный вариант слова, возникший уже в заимствующем (тувинском) языке.

байтык см. **байтыгай**.

байыр 'праздник, торжество; привет, поздравление'.

Тув. *байыр* рассматривалось Э.В. Севортяном в той статье ЭСТЯ, где анализируется происхождение общетюркского слова типа *байрам* 'праздник'. Оно интерпретируется как производное от глагола **байыр-*, восходящего, в свою очередь, к **бай*, у которого имеется реальное соответствие *пай* 'пир, торжество'. Есть также данные, позволяющие говорить о тюрк. глагольной основе **бай-* 'устраивать празднество' (ЭСТЯ II, *35*, а также *32*).

Э.В. Севортян полагал, что тув. *байыр*, членимое им на **бай-* + (*ы*)*р*, независимо от монгол. *bajar*/*баяр* 'радость, веселье, счастье, наслаждение, удовольствие; празднество, торжество; поздравления' (монгольское слово связывалось Г. Рамстедтом с *bajan* 'богатый').

---

[1] Вместе с тем в речи западно-монгольских (цэнгэльских) тувинцев это слово отмечено в варианте *быйлаң*, который, по мнению Ч.М. Доржу, связан с образной основой *быйлаң* '(быстро) извивающийся'.

Вместе с тем в ЭСТЯ приводится мнение М. Рясянена о монгольском происхождении тув. *байыр* (ЭСТЯ II, *36*).

Очевидно, Э.В. Севортян излишне категоричен в своем отрицании связей между тувинским и монгольским словами, а точка зрения Рясянена выглядит более обоснованной.

В пользу версии о монгольском происхождении тувинского слова можно привести значительную смысловую общность его с монгольским и отсутствие у *байыр* непосредственных соответствий в других тюркских языках. Вместе с тем *bajar...* носит практически общемонгольский характер: см., в частности, калм. *байр* 'радость, веселье, праздник, торжество' и другие материалы (ЯМВМ, *119*). Кроме того, тув. *байыр*, скорее всего, принадлежит к числу поздних заимствований. В частности, гласный *-ы-* отражает, по всей вероятности, редуцированный гласный прототипа, близкий современному монгольскому или калмыцкому и произносимый примерно как *-и-* (**байир*). Если бы тувинское слово восходило к старомонгольскому варианту, то наиболее вероятной его формой было бы *байар* (*баяр*). Ср. также тоф. *байыр* 'радость, хорошее здоровье' < монгол. (Рассадин. Фонетика, *158*). См. **байырла-**, **байырлал**.

байырла- 'праздновать, справлять торжество'.

Как и производящая основа данного глагола (см. **байыр**), последний, по-видимому, также представляет собой монголизм: ср. п.-монг. *bajarla-*, монг. *баярлах* 'радоваться, веселиться, ликовать; праздновать'. Интересно, что значение 'праздновать' современным словарем отмечено как неологизм (МРС, *67—68*).

байырлал 'торжество; праздник'.

Видимо, один из поздних (и частично переосмысленных?) монголизмов. Ср. п.-монг. *bajarlal* 'радость, веселье'. В современных словарях монгольских языков слово не обнаружено.

байырлыг 1. 'торжественный; приветственный, поздравительный', **2.** 'до свидания!'.

Ср. монг. *баяртай* 1. '(жизне)радостный', 2. 'до свидания!'. Тув. *байырлыг* во втором значении — переоформленное монгольское заимствование: аф. *-лыг* заменил близкий ему функционально монгол. формант *-тай* в *баяр-тай* (< *баяр* 'радость, веселье, счастье' и под.; см. **байыр**). Вероятно, *баяртай* буквально означало 'с весельем (счастьем)!' и представляло собой пожелание благополучного обратного пути. Ср. рус.: *Добрый путь!* или *Счастливого пути!* Тув. *байырлыг* с семантикой 'торжественный'..., возможно, образовано от монгольского заимствования *байыр* и, в известной мере, по образцу рус. прил. *торжественный, приветственный* и т.п.

байысаа- 'допрашивать, вести дознание'.

Монгольское заимствование. Ср. п.-монг. *bajičaγā-* 'исследовать, расследовать; производить дознание, следствие, ревизию', монг. *байцаа-* 'допрашивать; ревизовать, проверять'.

Глагол заимствован сравнительно поздно, о чем свидетельствует наличие в нем свистящего *с* или, точнее, *сс* [байысса-], передающего звучание аффрикаты *ц* современного монгольского слова. См. также **байысаакчы, байысаалга**.

байысаакчы 'следователь'.

Позднее монгольское заимствование: ср. п.-монг. *bajičaγāγči* название чина; 'контролер при областном начальнике', *байцаагч* 'следователь; инспектор, контролер, ревизор'. См. **байысаа-**.

байысаалга 'допрос'.

Как и слова *байысаа-*, *байысаакчы* (ст. предыдущие статьи), тув. *байысаалга* относится к числу поздних монгольских заимствований и, вероятно, связано непосредственно с монг. *байцаалга* 'допрос', 'контроль, ревизия'.

бак [аъ] I 'плохой, дурной; несчастный; слабый, слабосильный'; ср. **багай**.

Ср. тоф. *баһай* 'плохой', алт. *багай* 'плохой, дурной', тел. *пагай* 'небольшой; плохой, негодный', як. *багайы* 'дурак, урод', кбалк. *багуш* 'мусор, свалка',? уйг. (лоб.) *паксичак* 'бедненький, беспомощный (младенец)'. Судя по ареалу, это явно архаичное слово. Ср. также п.-монг. *baγāsun*, монг. *баас(ан)* и др. 'испражнения, экскременты'; монгольское слово, вероятно, является старым заимствованием из тюркских языков.

Вместе с тем в основном в тюркских языках, за исключением тув. *бак*, отмечаются производные (двух- и многосложные) формы соответствий.

Этимология слова *бак* и других подобных слов неясна. М. Рясянен (EW, *57*) ограничивается тем, что приводит тувинские слова *бак* и *багай*; в других источниках дается главным образом сравнительный материал. Можно полагать, что в конечном счете *бак* и др. связаны своим происхождением с междометными основами, каковы, напр., як. *па*, *паа* — междометия, выражающие отвращение, презрение. Того же типа як. *пы*, *пый*, *багас*, *пахай* (в последнем случае практически совпадает форма междометия с формой прилагательного типа *багай* и др.), кирг. *баа* — возглас неодобрения, отвращения.

Вместе с тем возможно, что междометия, напротив, могут быть вторичны по отношению к прилагательным типа *бак*, *багай* и что в таком случае вероятен другой вариант этимологии последних. В частности, реальна глагольная основа **ба-* 'быть низким (малым, слабым, ничтожным, плохим и т.п.)'. Подобная основа фактически выделена Э.В. Севортяном, исходя из глаголов типа *бат-* 'опускаться, снижаться' и под. (ЭСТЯ II, *78—80*; см. также **бат-**). Семантика ее в ЭСТЯ четко не определена, но она вполне может быть такой, как представлена выше.

Следовательно, структурно тув. *бак* выглядит как *ба-к*. Возможно, первоначально оно означало 'мелкий, низкий (о росте, размере)'. В этом случае круг слов, родственных *бак*, может быть существенно расширен за счет производных, образованных на его основе и не содержащих в своих значениях элемента отрицательной оценки. В их числе каз. диал. *бакал* 'маленький, коренастый' (< **бак-а-л*). Ср. также *бакалтак* 'маленький ростом', *бакалак* 'короткие поперечные палочки в решетке крыши юрты' (Аманжолов, *362*), *макар* 'короткий, малый, невысокий человек' (Там же, *391*) (< **бак-а-р*). Возможно, основа *бак* прослеживается и в кирг. *багалак* (*багалек*, *багелек*) 'низ штанины'.

Семантика отрицательной оценки содержится в других возможных производных от *бак*, в том числе каз. *макау*, которое имеет в диалектах значения 'вялый', а также 'бессердечный, жестокий', а в литературное языке — 'непонятливый, бестолковый; тупица' (ср.: Там же, *391*; КазРС, *237*), кирг. *макоо* 'непонятливый, бестолковый'. Исходная форма *макау*, *макоо* восстанавливается в виде **макаг* < **бак-а-г*.

Все эти соответствия или по крайней мере их основная часть могут быть интерпретированы как производные от глагольной основы **бак-а-* 'быть маленьким, низким' (а также 'тупым, жестоким' и т.п.).

Так или иначе, не вызывает сомнений тюркское происхождение прил. *бак* и возможных производных от него. Ср. также **пака**.

Как заимствования из монгольских и тюркских языков трактуются осет. *baga* 'помет мелких животных' и *fagus* 'навоз' (Абаев I, *231*, *417*). Сходные слова имеются и в языках других семей. Так, с тюркскими словами сопоставляется финск. *paha* 'плохой' (Рассадин. Фонетика, *158*), но это могут быть самостоятельные, независимые, в частности от тюркских языков, отмеждометные образования.

О характере связи между тув. *бак* и *багай* см. **багай**.

бак II *уст.* 'баг' (*административно-территориальная единица, состоявшая из нескольких арбанов*).

Монгольское заимствование: ср. п.-монг. *bay*, монг. *баг* (произносится примерно как "бак") 'баг' (низовая административная единица); *спорт.* 'команда' (См. также: ЯМВМ, *117*). В Старой Монголии "основной хозяйственно-территориальной ячейкой были кочевые группы (*бак*), состоявшие из 50—60 юрт. Бак подразделялся на "десятки"... (Марков Г.Е. Кочевники Азии. — М., 1876. — С. 116). В свою очередь, монгол. *bay* (*баг*) сопоставлялся с др.-тюрк. *bay* 'отдел родового деления народа' (ПДТП, *367*). Последнее является многозначным словом. По ДТС (с. 39, 77) *bay* означало 'узы; повязка; узел; раздел, группа, разряд; узел, подразделение'.

Др.-тюрк. *baγ* С.Е. Малов правомерно считал родственным таким словам памятников, как *baγlïγ* 'связанный', *ba-* 'привязывать' (ПДТП, *367*). Точнее, *baγ* является производным от *ba-*. С указанным древнетюркским словом связано тув. *баг* 'ремень, аркан' (см. **баг**).

Следует также отметить, что в период существования государства древних кыргызов (IX—XII вв.) земли степных районов Тувы были разделены на шесть багов, т.е. на шесть крупных феодальных владений (уделов) (История Тувы. — М., 1964. — Т. I. — С. 158—159). Очевидно, монгол. *baγ/баг* по происхождению является довольно древним тюркизмом.

бак-сок [аъ-оъ] 'неважный, плохонький'.

О происхождении первого компонента этого, по-видимому, парного слова см. статью **бак I**. Второй компонент можно сопоставить с др.-тюрк. *soq* (~ *suq*) 'жадный, завистливый' (ДТС, *508*, *514*), др.-уйг. *сок* 'жадный', вост-тюрк. *сок* 'завидующий; злой' (РСл. IV, *517—518*). В основном тот же материал, но без тув. *бак-сок*, приводится М. Рясяненом (EW, *426*). В этот же ряд можно включить кирг. *сук* миф. 'злое существо в образе женщины, живущей в воде; завистливый, завистник', каз. *сук* 'сглаз, завистливый взгляд' (Кайдаров, *275*). Возможно, с этими словами родственно уйг. (лоб.) *соко* в сочетании *соко ваш* 'человек с уродливой головой'.

В целом слово *сок* (*сук*) по значению близко тув. *бак*: оно также содержит отрицательную оценку, которая относится в основном к человеку и носит морально-этический характер.

Происхождение слова неясно, однако, судя по ареалу, оно, как и *бак*, *багай*, бытует в тюркских языках с древних времен.

бактаа- [аъ] 'входить в состав, быть в составе, состоять (в какой-л. политической организации)'.

Судя по характеру семантики, слово принадлежит к появившимся недавно элементам лексики тувинского языка. Оно, очевидно, является поздним монгольским заимствованием: ср. п.-монг. *bayta-* 'вмещаться, помещаться, входить', монг. *багтах* 'помещаться, вмещаться; входить, влезать; входить в состав, принадлежать к чему-л.' (См. также: ЯМВМ, *118*). Происхождение долготы гласного в тув. *бактаа-* неясно. Может быть, она возникла как способ разграничения омонимичных основ: ср. *бактаа-* (< *бакта-*) 'входить в состав' и *бакта-* (< *бак*; см. **бак I**) 'ругать, порочить'.

бакыла- [баккыла-] 'заглядывать; выглядывать, высовываться; подглядывать'.

Учащательная форма с аф. *-кыла*, характерным для тувинского языка (ИП, *409*), однако ЭСТЯ (II, *40*) дает тув. *бакыла-* (основываясь на его орфографическом облике) среди подобных же учащательных форм других тюркских языков на *-ала- ~ -ыла-* со значениями, подобными тем, которые имеет тувинский глагол.

В свою очередь, указанная форма является одной из производных форм общетюркской глагольной основы *бак-* 'смотреть; разглядывать, наблюдать; присматривать за кем-, чем-л.' и др. (ЭСТЯ II, *38—39*). Эта исходная основа в самостоятельном употреблении в современном тувинском языке не сохранилась. Однако Н.Ф. Катанов еще отмечал в нем глагол *пак-* (=*бак-*) 'глядеть' (Опыт, *420*).

бала- 'вычеркивать; стирать (резинкой)'.

Ср. п.-монг. *balala- ~ bilala-* 'вымарывать, вычеркивать' (Владимирцов. Ср. грамматика, *145*), монг. *баллах* 'стирать, зачеркивать', бур. *балла-* 'замазывать, затушевывать; стирать, зачеркивать; разбивать, дробить, разрушать'. Тув. *бала-* — скорее всего, монгольское заимствование; в нем произошла либо гаплология, либо оно восходит к современной монгольской форме с редуцированным гласным (*бал(а)ла-*), в результате чего *балла-* дало *бала-* в тувинском языке.

бала I 'пест, пестик (для толчения в ступке)'.

Прямых соответствий слова в других тюркских языках не обнаружено. Однако Э.В. Севортян в своем словаре привлекал тув. *бала* при рассмотрении этимологии широко распространенного тюркского слова *балка* (*балга* и т.п.) 'молот(ок)', 'молот-топор', 'кувалда', 'палица', 'вид дубины'..., которое частью исследователей квалифицируется как древнее заимствование из языков Передней Азии (ЭСТЯ II, *58*).

Тюркское слово связывалось с шумер. *balag*, ассиро-вавилонским *pilaqqu* 'топор', а в последние годы — с индоевропейским словом семитского происхождения (**peleku-*) (см.: Шервашидзе 1989, *81—82*). Та же этимология предлагается и для другого тюркского слова — *балта ~ балты* 'топор' (см. также **балды**).

Э.В. Севортян считал, что подобные данные имеют "существенное значение". Вместе с тем он полагает, что "нельзя... оставлять без внимания собственные данные тюркских языков, которые не позволяют пока решить этимологию *балка*"... К числу этих данных относятся тув. *бала*, а также кирг. *балчала-* 'размозжить', монг. *balba-/балбах* 'бить, колотить, ударять, разбивать' и под. Предполагается, что "общим, возможно, корневым, элементом приведенных форм является *бал*, отношение которого к рассмотренным словам... предстоит еще выяснить" (ЭСТЯ II, *58*). Включение в рассматриваемый ряд слов, в частности тув. *бала*, вполне оправдано. Вместе с тем наличие подобных соответствий у тюрк. *балка* заставляет усомниться в заимствованном характере последнего, тем более что круг подобных соответствий можно значительно расширить.

Следует вначале отметить, что исследователи придерживаются единой точки зрения, согласно которой такие названия орудий,

как *балка* и *балта ~ балты* являются гомогенными, имеют единую этимологию.

С этими названиями, а также с тув. *бала* 'пест(ик)' может быть сопоставлен ряд названий массивных тяжелых предметов, в основном орудий труда, оружия и их частей, а также результатов работы соответствующими орудиями (топором и молотком, в частности). Такие названия особенно распространены в якутском языке и его диалектах. Ср. *балтыһах* 'стрела с тупым наконечником; ловушка на медведя', *балтарык ~ балтырык* 'бастрык (шест, которым придавливают сено на стогу)' (вероятна одноструктурность с тюркским словом типа тув. *бастырык ~ бастыргы* то же < *бас -тыр-* (*-ык ~ -ыг*) < *бас-* 'давить'; см. **бас-**), як. диал. *малтаар ~ маалтаар, малтыын*, обозначающие в сочетании со словом *оногос* 'стрела' виды стрел с широким тупым наконечником, а также *баллай* 'надрубка, надсечка, знак от топора или молотка при первичной обделке вещи' и *баллыр* 'заготовка (первичная обработка вещи топором, молотком)' (по данным ЯРС, ДСЯЯ, Пек.)

В меньшей степени подобные соответствия распространены в других тюркских языках. Так, узб. *болга* 'молот' (<*балга*) может быть сопоставлено с такими словами узбекского языка, как *болор* (< *балар*) 'бревно'; 'поперечная балка (потолочная)', *болиш* (< *балыш*) 'подушка'. С узб. *болор* ср., в свою очередь, уйг. диал. *бала* 'балка', *балийагач* (< *балий агач*, где *агач* — 'дерево'?) 'матица, балка (на потолке)'. Думается, в подобных лексемах может быть выделена основа глагольная (*бал-*) и, вероятно, соотносительная с последней именная или образная. Предполагаемая семантика глагола — 'давить, бить, ломать' или 'быть тяжелым, массивным' (ср. также алт. (леб.) *палта-* 'растоптать ногами').

Более спорной является точка зрения о связи монгол. и тюрк. *балта* 'топор' с основами типа *бал* и др., означающими полноту чего-л. (см.: Бертагаев. Лексика, *308—309*).

Восстанавливаемая основа сходна с другой, реально существующей общетюркской глагольной основой *бас-* 'давить'. Возможно, эти основы гомогенны. Во всяком случае, обращает на себя внимание явное структурно-семантическое тождество некоторых образований от *бас-* и *бал-* или их форм. В частности, выше приводилось соответствие *бастырык ~* балтырык. Кроме того, уже обращалось внимание на параллельные образования *балка* 'молот' и *баска* 'большой молот'. Ср. также тув. *бала* и др.-тюрк. *basu* 'пест'. Компоненты *-а* в *бала*, *-ка* в *балка* и *-та* (*-ты*) в *балта ~ балты* могут быть интерпретированы как аффиксы, служащие для образования названий орудий.

Однако вполне вероятно, что компоненты *-к-* и *-т-* в *балка* и *балта ~ балты* были своего рода глагольными формантами-моди-

фикаторами со значением усиления, интенсивности. Поэтому, возможно, не случайны различия семантики существительных *бала* и *балка*: первое обозначает сравнительно небольшой предмет (пестик для ступки), а второе — в основном более крупные и тяжелые орудия (молот, топор, кувалда и проч.).

бала II 'то, что пачкает, мажет, пачкающее, мажущее (обычно о металлах)'; 'графит',

Монголизм. Следует, однако, отметить, что в словарях монгольских языков значения 'то, что пачкает' и 'графит' считаются принадлежащими словам-омонимам. Ср. п.-монг. *bala* 'пятно, ржавчина' и *bala* 'шифер, сланец', монг. *бал* 'привкус металла; след, пятно, остающиеся от соприкосновения с металлом', и *бал* 'графит', калм. *бал* [балъ] 'привкус (окиси металла); пятно, след (оставшийся от прикосновения металла)' и *бал* [балъ] 'графит'.

Поскольку эти значения содержат общий смысловой признак (компонент): графит — вещество, которое также пачкает, оставляет следы и т.п., — представляется, что соответствующие значения вполне могут быть объединены в пределах одного многозначного слова, как это сделано в ТРС.

Существует, однако, мнение, что монг. *бал* 'сланец, графит' — санскритско-тибетское заимствование (Бертагаев. Лексика, *366*).

бала III 'вина; вред'.

Монгольское заимствование. Лексикографические источники отмечают явное соответствие тув. *бала* только в современном монгольском языке (в том числе, видимо, и в старописьменно-монгольской форме): *bala/бал* 'ослабление, помрачение ума (по пьянству или старости); плохие последствия; вина, зло'; ср. также монг. *балаг* 'вина; причина', *балагтай* 'вредный'.

По-видимому, включение тув. *бала* М. Рясяненом (EW, *59*) в ряд слов типа *бала ~ бäлä* и под. со значением 'беда, несчастье', являющихся арабским заимствованием, ошибочно. Возможно, однако, что с арабским словом было связано монгольское.

балар I 'тина, ил'.

См. также тоф. *балар* то же (Рассадин. Словарь). Тувинское слово включено Э.В. Севортяном в ряд названий водорослей в некоторых тюркских языках (киргизском, казахском, хакасском) типа *балыр ~ балдыр ~ палар*, где выделяется производящая основа **bal-*, которая в свою очередь устанавливается в статье **ба:лык** 'рыба', (см. **балык, байлаң**).

Возможно, однако, что между тув. (и тоф.) *балар*, с одной стороны, и названиями водорослей — с другой, существует только внешнее и, в определенной мере, смысловое сходство. В частности, *балар* 'тина, ил' явно гомогенно с другими словами (см. **былчак, малгаш**).

балар II: балар шаг[ның] 'древний, доисторический, первобытный'.

Ср. п.-монг. *balar*, монг. *балар* 'темный, мрачный, густой, дремучий; непроницаемый', которые в сочетании с *čaγ/цаг* 'время, времена' означают 'доисторический, первобытный; древний, патриархальный'. Таким образом, тув. *балар шаг* [*ның*] представляет собой заимствование монгольского устойчивого словосочетания в отличие, напр., от тоф. *балар* 'небрежный', монголизма, также связываемого с кругом слов, куда относятся и вышеприведенные *balar/балар*.

баларгай 'стертый, неясный'.

Ср. як. *балархай* 'туманный, мутный, пепельно-бледный'. Тувинское и якутское слова заимствованы из монгольских языков: ср. п.-монг. *balarχai* / монг. *балархай* 'темный, неясный, неразборчивый'; 'смутный, неотчетливый'. Ср. **балар II**.

балдаа *диал.* (Монгун-Тайга) 'кувалда' (РФ ТНИИЯЛИ, д. 591).

Слово имеет точки соприкосновения с некоторыми другими названиями орудий (см. **бала, балды**), ср. также як. диал. *маалтаа* 'большая стрела из мамонтовой кости, утяжеленная свинцом и предназначенная для пробивания панциря' (ДСЯЯ, *154*).

Однако семантически тув. диал. *балдаа* явно ближе рус. *балда* 'шишка, дубина; кувалда; болван, дурак'. Из сопоставления с русским словом становится ясным и происхождение долготы конечного гласного в *балдаа*, передающей, как и в ряде других подобных случаев, ударное качество гласного в прототипе (*балдá*).

В свою очередь, русское слово, по мнению части исследователей, могло быть связано с тюркским названием топора в варианте *балта* (см.: Фасмер I, *114*).

балды [аъ] 'топор'.

Общетюркское; распространено в вариантах с узкими (*балту ~ балты*) и широким (*балта*) гласными и со значениями 'топор', а также 'секира' (см., в частности: EW, *61*).

Как и название молота (молотка) *балка*, считается древним заимствованием из языков Передней Азии и возводится к одним и тем же исходным формам.

Вместе с тем и *балка*, и *балту ~ балты ~ балта*, на наш взгляд, вполне объяснимы с точки зрения этимологии как исконно тюркские слова, что детально рассмотрено выше (см. **бала III**).

балдыр [аъ] 'икра (ноги)'.

Общетюркское. Индекс форм и значений см. в ЭСТЯ II, *54—55*. Основные формы — *балтыр* и *балдыр*, причем "формы с инлаутом *-т-*... исторически старше форм с *-д-* (*балдыр*)". Тув. *балдыр*, судя по наличию фарингализации, восходит к *балтыр* с сильным согласным *-т-*.

Что касается семантики, то для большинства источников характерно значение 'икра, икры' (тоф. *баълтыр* 'икроножная мышца'), до-

вольно часты значения 'голень', 'нога' (иногда с уточнениями: 'нога животного и человека от колена до лодыжки', 'передняя нога с кожей и мясом, обрезанная по лопатку'). Встречается также употребление слова в качестве названий таких частей тела, как бедро, рука (в сказке), сустав. В нескольких языках (главным образом огузской группы) отмечено значение 'стебель', а в древнетюркских памятниках — 'выступ (горы)'. Этимология слова отсутствует.

Для этимологического решения существенно наличие в приводимых значениях такого общего признака, как 'массивный, толстый, крупный'. По этому признаку **балтыр* и др. могут быть сближены с другим общетюркским словом — *балабан* (с его вариантами) со значениями 'большой, крупный, с громадной головой; полный, толстый', которое, в свою очередь, правомерно связывается с кирг. *балкак* (в *балкак тоодай* 'громадный'), *балканак* 'толстый, мясистый', каз. диал. *балкай-* 'полнеть, тучнеть', кирг. *балпагай* 'грузный, толстый', хак. *палтах* 'неуклюжий; толстый, грузный' и т.п.

В турецком языке и его диалектах отмечен глагол *bala-r-* (*bal-ar-* ?) 'расти, становиться сильным'; 'становиться большим, жирным, крупным, увеличиваться, набухать', который, как полагал К. Менгес, может быть производным от *bala* 'дитя, мальчик' (Менгес, *90*), что, однако, маловероятно.

Из вышеприведенного материала следует, что мы имеем дело с образными словами или основами. Э.В. Севортян выделяет из подобных слов основу *бал(а)* подражательного (мимеографического) характера (ЭСТЯ II, *50*).

Вариантами данной основы, включающими в себя дополнительные элементы — согласные, являющиеся по происхождению структурными компонентами, выражавшими, возможно, интенсивность, являются *балк*, *балп*, *балт*. Последний выявляется также, исходя из следующих данных киргизского языка: *балт-балт бас-* 'ступать грузно и небрежно', *балтагай* — о чем-л., толстом и неуклюжем, *балтай-* 'быть толстым и неуклюжим', *балтаң* (о человеке) 'толстый, грузный', *балтак* (о человеке, собаке, теленке) 'толстенький, коротыш'.

Возможно, тот же компонент можно выделить и в широко распространенном тюркском слове *балдак* 'эфес шпаги, сабли, меча; рукоятка, ручка, черенок; кольцо' (в том числе 'гладкое кольцо без камня'); 'ступень'... (ЭСТЯ II, *52*). Ср. также уйг. (лоб.) *палток ~ палтук* 'порог (дома)'. Это слово не имеет определенной этимологии. Э.В. Севортян, правда, пытался связать *балдак* с *балдыр*, включив тат. диал. *балдак* 'голенище' в статью *балдыр*, но практически отвергнув сближение между *балдак* и *балдыр* на уровне других, основных значений первого из них, приводившихся выше.

По его мнению, среди них "нет ни одного, которое соприкасалось бы с семантическим составом... *балдыр*" (ЭСТЯ II, *55*), с чем едва ли можно согласиться.

Вместе с тем в статью о происхождении *балдак* не без оснований, хотя и под вопросом, включены тур. диал. *bal*, которое означает 'стороны альчика с выпуклостями и впадинами' и 'щека' (ЭСТЯ II, *53*). В частности, прослеживается родственная связь (или, по крайней мере, связь смысловая) этих диалектизмов с вышеуказанной образной основой *бал(а)*. Структурно *балтыр* может быть обобщенно представлено как производное либо от указанной образной основы (в варианте *балт*), либо от именной основы (типа тур. диал. *bal*), но через стадию образования глагольной основы **балт-* 'выдаваться, выпирать' (?) и с помощью аф. *-р* (см.: АИ, *340 и след.*). К сожалению, механизм образования обычных, "необразных" слов от основ образного характера в тюркских языках пока неясен, и поэтому структуру *балтыр* трудно представить более определенно.

балдыр-бээжек [аъ] *фолькл.* 'малыш' (в основном речь идет о мальчике, поэтому на русский язык *балдыр-бээжек* переводится как "мальчик-с-пальчик" или "мужичок-с-ноготок").

Первая часть наименования (*балдыр*) соотносится с названием икры, части ноги до колена (см. **балдыр**); вторая (*бээжек*) в тувинском языке неясна по значению и самостоятельно не употребляется. Ср., однако, полное соответствие тувинского составного наименования в кирг. *балтыр бешик бала* 'младенец, грудной ребенок', где, согласно КРС (с. 106, 133), *бешик* дается также в качестве самостоятельного слова со значением 'детская колыбель, люлька'. В близкородственном тувинскому тофаларском языке выражение *баълтыр бечжик* означает 'колыбель, ставшая для ребенка малой', а *баълтыр бечжик уруг* — 'двухгодовалый ребенок' (Рассадин. Словарь).

Слово *бешик* 'колыбель' и его соответствия широко распространены в тюркских языках, причем они используются также в значении 'младенец, дитя'[1]. (Список форм, значений, этимологию см.: ЭСТЯ II, *122—123*). По-видимому, и само выражение **балтыр бешик*, помимо той семантики, которую оно имеет в тофаларском языке, могло означать нечто вроде 'младенец, малыш (ростом с) балтыр (до колена)', т.е. очень маленький.

Определенную проблему представляет долгота в тув. *-бээжек*. Э.В. Севортян, на основании того, что долгота у его соответствий в первом слоге имеется в туркменском, уйгурском и некоторых

[1] Н.Ф. Катанов фиксировал данное слово в тувинском языке со значением 'колыбель' (в форме *пежиктерге* 'в колыбелях'). См.: Опыт, *22*.

других языках, считает ее этимологической (первичной). Но это сомнительно по отношению к тувинскому, где долгие гласные носят исключительно вторичный характер.

Долгота гласного в *-бээжек* может быть эмфатической по происхождению. Возможно также, что ее появление обусловлено позиционно: широкие гласные в словах тувинского языка иногда становятся долгими в соседстве с узкими (в частности, после них).

балды-сүге [аъ] см. **балды, сүге**.

Название топора, состоящее из двух компонентов: **балды** — тюркского по происхождению слова, и **сүге** — монголизма. Возможно также, что это наименование связано с монг. *балт(а) сухе* 'секира, топор', где первый компонент — тюркизм в монгольских языках.

балыг 'рана; болячка'.

Как и ряд других исследователей, Э.В. Севортян рассматривает *балыг* и его соответствия как гомогенные с другим словом — *баш* (*ба:ш*) 'рана, язва' и под. (ЭСТЯ II, *88—89*).

В предшествующих этимологических словарях (М. Рясянена, Дж. Клосона) *балыг* и *баш* производятся от основы **баа*, монгольской по происхождению и не совсем ясной по значению. Эта версия вызвала критическую оценку со стороны Э.В. Севортяна, справедливо полагавшего, что производящая основа *балыг* должна быть глагольной (**бал-*), хотя в то же время в ход рассуждений исследователя вкралась небольшая ошибка. Подтверждением реальности глагола **бал-*, по мнению Э.В. Севортяна, служит производное от этой основы: сой(отское) *бал-гы* 'рана', приведенное М. Рясяненом.

Но последний употреблял архаичное наименование "сойотский" (*Sojotisch*) для тувинского языка, где слова *балгы* нет, а есть *балыг* (по-видимому, в словаре М. Рясянена была опечатка).

Что же касается *ба:ш*, то оно сопоставляется с гомогенным производным чаг. *ба-г* 'рана, язва', где Э.В. Севортян выделяет глагольную основу **ба-*, в результате чего **бал-* может быть представлена как залоговая основа на *-л-* с пассивным значением (см. также **паш II**).

Соображения Э.В. Севортяна заслуживают внимания, но, к сожалению, структурный анализ здесь не подкреплен семантическим, и остается неясным, какие основы реконструированы в данной статье ЭСТЯ.

Слова со значениями типа 'рана, язва' в тюркских языках образуются от глагольных основ со значениями 'бить, колоть, рубить, резать' и под. (см., напр., **бертик, берт-межел, бышкын в балыг-бышкын**).

Возможно предположить, что подобная семантика характеризовала и глагольную основу **бал-*, и в таком случае она может быть

отождествлена с реконструированной нами для *бала* 'пестик' и *балды* 'топор' (см. **бала** I) основой ***бал-** 'давить, бить, ломать'. Вполне вероятно, однако, что эта основа — форма залога от ***ба-** 'бить' и под.

балыг-бышкын [-ыъ] *собир. разг.* 'раны, болячки'.

Относительно происхождения первого компонента см. **балыг**. Бесспорных непосредственных соответствий компонента *бышкын* не обнаружено. По-видимому, *бышкын* образовано от глагольной основы *быш-* (< *быч-*) 'резать, разрезать, рубить' и т.п., в настоящее время чаще употребляемом в значении 'кроить' (см.: ЭСТЯ II, *158—159*, а также **быш-** II). Семантическая параллель — тюрк. *йара* 'рана, язва' < *йар-* 'рассекать' (см. **чар-**). *Бышкын* образовано от глагольной основы при помощи аф. *-кын*, ныне малопродуктивного. Вместе с тем тув. *-бышкын* может быть сопоставлено с др.-тюрк. *bïčγïl*, которое, по одним источникам, означает 'трещина (на руках, ногах, на почве)' (ДТС, *105*), а по другим — 'рваный, растрескавшийся' (АИ, *194*) и трактуется как производное от *bïč-* 'резать', образовавшееся при помощи аф. *-кыл* (Там же). В *-бышкын* могла произойти и замена конечного сонанта (*-л* > *-н*). Ср. также **быжылгак, быжылган**.

балык 'рыба'.

Общетюркское; отмечено в вариантах *ба:лык ~ балыг ~ палык* и др. со значением 'рыба' (во всех источниках) и некоторыми производными от него (ЭСТЯ II, *59—60*).

Существуют различные этимологии этого слова, но наиболее реальной представляется версия Э.В. Севортяна, сопоставлявшего *балык*, в частности, с каз. диал. *балгы* 'пена на воде', як. *балкый-* 'болтать, взбалтывать, плескать' и некоторыми другими. Не со всеми сопоставлениями можно согласиться. Так, к рассматриваемому сюжету, возможно, не имеют отношения лоб. *балун* 'трава (около воды)', азерб. диал. *балах* 'осока'.

К сожалению, Э.В. Севортян четко не сформировал семантику производящей основы. Он лишь вычленил «односложные основы ***бал** и ***бал-**, первая из которых представлена в **бал** 'маленький арык'», и констатировал, что "слово можно было бы рассматривать как отглагольное существительное", образованное с помощью аф. *-(α)к* (ЭСТЯ II, *60*).

Думается, исходной является образная основа *бал*, которую Л.Н. Харитонов вычленял в вышеприведенном як. *балкый-*, а также в *баллаахтаа-* 'шумно рассекать, взбалтывать воду' (Харитонов, *265*), и от которой и мог быть образован глагол ***бал(ы)-** 'плескаться (в воде)', а от последнего с помощью аф. *-(ы)к* — слово *балык*.

Эта версия подтверждается другими материалами: см., в частности, статью **байлаң**.

бар- 'идти, двигаться, ехать; отправляться'.

Общетюркская глагольная основа с тем же кругом значений. Этимология неясна. См.: ЭСТЯ II, *64—65.*

бар 1. 'есть, имеется, существует', **2.** 'существующий, имеющийся, наличный'.

Общетюркское. Сводку форм и значений см. ЭСТЯ II, *61—62.* Исходная форма обычно восстанавливается с "первичной" долготой (**баар* и под.). Удовлетворительной этимологии слово, по-видимому, не имеет (ЭСТЯ II, *63*).

А.Н. Кононов, с учетом имеющихся версий (в том числе ЭСТЯ II), считал возможным вычленить в **баар* глагольный корень **баа-* с предположительным значением 'иметь, обладать', на основе которого образованы как *бар ~ баар* 'есть, имеется', так и *бай* 'богатый' (ГЯТРП, *209*). Ранее мысль о родстве *бай* и *бар* высказывалась А.Н. Самойловичем (см. **бай**). К сожалению, эта интересная версия выглядит пока недостаточно аргументированной.

бара-: падын (чудун) бара- 'измучиться, выбиться из сил'.

Выражение *падын* (*чудун*) *бара-* отражает монгольское влияние. В монгольских языках имеется глагольная основа *бара-* 'кончать, исчерпывать, израсходовать' и т.п. Кроме того, имеются словосочетания типа бур. *шэнээ тамираа бара-*, *тамир тэнхэгээ бара-* 'измучиться, выбиться из сил', где сочетающиеся с глаголом *бара-* парные слова имеют значение 'сила'.

В тувинском языке их место занимают слова *пат* и *чут* (в притяжательной форме вин. п.), означающие 'слабый; слабость' и под. (см. **пат**, **чут**), т.е. нечто противоположное тому, что отмечено для монгольских языков.

По-видимому, в тувинском языке произошло переосмысление глагольного компонента и его сближение с глаголом *бол-* 'быть' (ср., в частности, *пат бол-* 'сильно уставать').

В том же значении, что и *падын* (*чудун*) *бара-*, употребляется еще один тувинский фразеологизм с компонентом *бара-*: *үүле бара-*. Истолкование значений его компонентов вызывает затруднения (см.: ТРФС, *137*, *166*).

Хотя оба они — монголизмы (см. **үүле**), значение словосочетания в целом, по-видимому, не объясняется, исходя из материала монгольских языков, где, однако, встречаются сочетания соответствия тув. *үүле* с глаголом бытия, соответствующим тув. *бол-*. Эти сочетания по своей семантике в определенной мере сближаются с тув. *үүле бара-*. Ср., напр., калм. *үүл болох*, бур. *үйлэ болоо* 'случилось несчастье' (в монгольских языках *үүл*, *үйлэ* и их соответствия, в отличие от тув. *үүле*, имеют значения 'беда, несчастье; мучение, страдания', которые, вероятно, отразились в семантике тув. *үүле бара-*).

В то же время в тувинском языке встречаются отдельные устойчивые сочетания с глаголом *бара-*, идентичные монгольским по форме и близкие по значению: см., напр., тув. *назы бара-* 'стареть' и п.-монг. *nasu bara-*/монг. *нас барах* 'умирать' (см. **назы, назын**).

См. также **бараскан**.

бара 'верша, морда'.

М. Рясянен (EW, *80*) приводит только саг., койб. (по РСл.) *пара* 'рыболовный сачок' и хак. *пара* 'большой рыболовный сачок; морда, верша, сплетенная из прутьев ивы', не предлагая, однако, этимологии. К этому материалу можно, кроме тув. *бара*, добавить еще сиб.- тат. *параткы* 'сеть' (Тумашева, *168*), узб. *бардан* 'толстая, камышовая плетенка' (РСл. IV, *1486*) и, вероятно, уйг. диал. *бараң* 'беседка, вокруг которой посажены ползучие растения: дикий виноград, тыква, вьюн' и т.д. (Садвакасов 1970, *176*).

В целом это названия плетеных изделий (рыболовной снасти) или объектов, связанных с плетением (вьющимися растениями) и более или менее закрытых, замкнутых, в которых можно кого-л. (или что-л.) собирать, сохранять, удерживать и т.п.

Возможно, с этими названиями связаны наименования типа *бардак*, обозначающие посуду: кружки, горшки, кувшины, ведра — из глины, дерева, стекла и т.д. (ЭСТЯ II, *65—66*). Наиболее древняя посуда изготовлялась из плетеной основы и сверху обмазывалась глиной, которая затем высушивалась или обжигалась.

Бардак, в свою очередь, рассматривается как производное (уменьшительная форма) от *барт*, отмеченного в древнетюркских памятниках в значениях 'сосуд, мера жидких тел (вина и т.д.); кубок, кружка' < **барыт* (ЭСТЯ II, *66*), что, однако, не выглядит убедительно в плане семантики, и здесь вероятны другие структурные решения.

К тому же этимология не доведена до конца, и остается неясным, какова структура *барт* или **барыт* и с какой производящей основой оно связано. Сосуды в тюркских языках нередко называются по их форме (округлой, в том числе связанной с полнотой, шириной в боках, выпуклостью, что характерно для изделий типа горшков и кувшинов). Подобные наименования связаны с глаголами, обозначающими, в частности, вращение (см. **аяк**), или в конечном итоге — с образными основами, что можно видеть на примере некоторых названий вроде **ködäč* 'горшок' и т.п. См.: Татаринцев ВЯ 1, 1993, *127*.

С подобной же основой можно связать и происхождение слов, рассматриваемых в данной статье. Этот сюжет в определенной мере затрагивался в нашей публикации, где, в частности, рассматри-

валось происхождение слова *бармак* 'палец, пальцы' (Татаринцев 1988, *23—24*).

Семантика образного слова (**бар*) определяется как "подражание образному представлению о неуклюжем, разбухшем, раздутом предмете" (Кайдаров, *192*). Ему соответствовала также глагольная основа **бар-* (вероятно, производная от вышеуказанного слова), которая могла означать 'торчать', 'растопыриваться', 'выпирать' и проч. и от которой производным было, в частности, *бар-мак* 'пальцы'. Ср. также тур. *barmak* 'связка, пук (льна и т.п.)', а также значения 'решетка', 'перила', 'спицы колеса' у соответствий *бармак* в других языках (ЭСТЯ II, *66—67*).

Соответствия *бармак* могут означать также 'ветвистый, имеющий много ветвей'; ср. также алт. диал. *пар-ак ~ бар-ак* 'укрытие', 'густое ветвистое дерево, под которым охотник ставит шалаш' (Баскаков 1966, *106*; Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. — Л., 1991. — С. 239, примеч. 181), др.-уйг. *bra* 'зонт, тент, балдахин' (Тугушева, *282, 324*), даваемое без огласовки первого слога: вероятно, должно читаться *b(a)ra*. К тому же кругу слов, видимо, относится тюрк. *барак*, которое имеет значение 'лохматый, косматый, с длинной шерстью', а также обозначает собаку с лохматой и длинной шерстью.

Образная основа *бар* употребляется также в формах с согласными-модификаторами, чаще *б ~ п*, иногда *д* (< *т*?): ср. кирг. *барпайган ~ бардагай* 'развесистое, с густой кроной' (о дереве).

Возможно, названия сосудов типа *бардак* связаны (через промежуточную глагольную основу?) с миметой *бар* с модификатором *д* (**бард*) (сюда же относится и кирг. *бардак* 'мочевой пузырь'?), а *барт* (или **барыт*) — непосредственно с глаголом **бар-* 'торчать', 'выпирать' и проч.

С учетом значения 'ветвистый; густой (о ветках)', приводимого выше, логично предположить, что с той же глагольной основой можно связать и образование (с помощью форманта *-а*) названий снастей, сплетенных из прутьев, веток, типа тув. *бара*, хак. *пара*. Возможно, с этими названиями связано зафиксированное в одном из самодийских языков (камасинском) слово типа *bə̂ra* и под. 'мешок' (Donner, *9*). См. также **барба**.

бараа: **бараа элдеп, бараа чиктиг, бараа кайгамчык** 'очень странный, весьма удивительный'; **бараа ат** 'странный, удивительный, интересный; что за...'.

Компонент *бараа*, не употребляемый в современном тувинском языке в качестве самостоятельного слова, в вышеприведенных словосочетаниях выражает более высокую степень качества вторых компонентов сочетаний. *Элдеп, чиктиг, кайгамчык* как самостоятельные слова передают такие тождественные или близкие значе-

ния, как 'странный, удивительный' и под. (см. **кайгамчык, чиктиг, элдеп**). *Ат* в выражении *бараа ат*, по-видимому, связано с *ат* 'беда, несчастье, ужас' (см. **ат II**) и в конечном итоге семантически очень близко к словам *элдеп*.

Не случайно бытование таких синонимических выражений, как *ат болган* и *элдеп болган* 'гиблое дело'; 'беда, несчастье!'.

Н.Ф. Катанов фиксировал *бараа* (в варианте *параа*) со значением 'шутник, то показывающийся, то исчезающий', которое он возводил к п.-монг. *b(a)raγa*, но значение последнего, к сожалению, не приводится (Опыт, *138*), и остается неясным, о каком слове идет речь. Но в принципе монгольское происхождение *бараа* представляется вероятным, поскольку большинство сочетающихся с ним слов (*элдеп, чиктиг, кайгамчык*) — монголизмы. Возможно, *бараа* связано своим происхождением с монгольским словом типа **бара* 'темный (цвет)', ср. калм. *бар* [баръ] 'темнота; темный, мрачный', бур. *бара* 'темный, невежественный'. Слова же с исходным значением 'темный, черный' могут (в частности, в тюркских и монгольских языках) употребляться для обозначения высокой степени качества. Таким является, к примеру, тув. *кара* 'черный': ср. *кара кайгамчык* 'очень удивительный', *кара элдеп* 'очень странный', фактически синонимичные с *бараа кайгамчык* и *бараа элдеп*.

Долгота в тув. *бараа* — проявление достаточно распространенного для монголизмов тувинского языка процесса удлинения кратких гласных их прототипов.

бараада- 'наблюдать (посматривать) издали'.

Ср. п.-монг. *baraγāda-*/монг. *бараадах* 'держаться поблизости, находиться близко', калм. *барадах* то же. Фактически тув. *бараада-* сохраняет лишь структурную общность с монгольским словом. Различия же в семантике достаточно велики, включая и момент противоположности значений ('издали' — 'поблизости'). По-видимому, на значение тувинского слова оказало влияние сближение *бараада-* с *бараан* 'очертания, силуэт; фигура (отдаленная)', ср. также сочетания *бараан хараар* 'наблюдать, следить издали'..., *бараан чок* 'далекий, невидимый' (см. **бараан II**).

бараалга- 'официально представляться кому-л.; служить кому-л.'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *baraγālqa-* 'являться ко двору, представляться государю, знатному министру, являться на аудиенцию', монг. *бараалхах* уст. 'быть на приеме, получать аудиенцию', бур. *бараалхаха* высок. 'быть на приеме, представляться, получать аудиенцию', калм. *баралхх* [баралхъхъ] 'делать визит; иметь аудиенцию, быть на приеме'. Значение 'служить кому-л.' у тув. *бараалга-* возникло, вероятно, под влиянием другого монголизма — *бараан бол-* (см. **бараан III**).

бараан I 'товар'.

Монгольское заимствование. Н.Ф. Катановым слово (в форме *параан*) отмечено со значениями 'домашняя утварь', 'пожитки', 'товар' и сопоставлено с п.-монг. *baraγan* (Опыт, *33*, *149*), переводимым как 'домашний скарб, имущество, пожитки; товар'; ср. также монг. *бараа(н)* 'товар; ткань; скарб, пожитки'.

бараан II 'очертания, контуры, силуэт; фигура (отдаленная)'.

Тув. *бараан*, как и его соответствия в некоторых других тюркских языках (ср., напр., кирг. *бараан* 'силуэт, фигура'), представляет собой монгольское заимствование. Ср. п.-монг. *baraγa(n)* 'предмет, видимый в отдалении; наружный вид, форма', монг. *бараа* 'очертания, силуэт, видимость', бур. *бараа(н)* 'видимый вдали предмет; силуэт, контуры, очертания; облик, наружный вид', калм. *баран* [бараан] то же.

В свою очередь, монгольское слово могло иметь тюркское происхождение: ср. др.-тюрк. *barïq* 'неясный силуэт, нечетко видимый предмет' (ДТС, *84*), а также якут. *барый- ~ боруй-* 'смутно виднеться в темноте', *барык ~ борук* 'сумерки, тьма' и др. (Иванов С.А. Аканье и оканье якутского языка. — Якутск, 1980. — С. 32—33).

бараан III: **бараан бол-** 'служить'.

Монголизм. Ср. словосочетание п.-монг. *baraγā(n) bol-* 'сопровождать, быть спутником, товарищем', монг. *бараа болох* 'состоять в свите, сопровождать', бур. *бараа болохо* 'состоять в свите, сопровождать'. *Бараа(н)* сохранил самостоятельное употребление в калмыцком языке, где *баран* [бараан] означает 'свита; сопровождающее лицо, спутник'. В тувинском *бараан бол-* приобрело более общее значение 'служить'; ср. **бараалга-**.

бараан-сараан *разг.* см. **бараан I**.

По-видимому, монгольская разговорная форма слова *бараан* 'товар'. Н.Ф. Катанов приводил *параан сараан* 'товар и тому подобное добро' как пример "удвоения", имеющего монгольское происхождение (Опыт, *120*). Ср. также **белек-селек**.

бараскан 'бедняжка, бедненький'.

По-видимому, одно из старых монгольских заимствований. Ср. в этом плане также як. *барахсан* 'бедный, несчастный, достойный сожаления', относимое к числу соответствий, характерных для старомонгольского языка, и сопоставляемое с п.-монг. *baraγsan* 'пришедший к концу, конченый' < п.-монг. *bara-* 'кончиться' (Рассадин. МБЗ, *86*). См. также **бара-**.

Соответствия монгольского *baraγsan* (*барагсан*) встречаются и в других тюркских (сибирских, в частности) языках: ср. алт. *бараксан*, хак. *парахсан ~ парасхан* 'бедняжка, бедненький'.

Формы *бараскан* (тув.) и *парасхан* (хак.) — результаты метатезы.

барба 'кожаный вьючный мешок'.

В.И. Рассадин (Фонетика, *159*) приводил сопоставление тоф. *барба* 'вьючная сума, переметная сума' и як. *марба* 'сума, сумка, котомка, мешок' (в том числе 'кожаный мешок'). Судя по территории распространения, включающей, с одной стороны, якутский язык, а с другой — отдельные языки Южной Сибири, — это слово принадлежит к архаичной лексике.

В свое время (см.: СТ 1, 1973, *124*) нами высказывалось мнение, что тув. и тоф. *барба* — тюркское по происхождению слово, являющееся образованием на *-ба* (< *-ма*) от глагола *-бар* 'идти, отправляться', т.е. это название предмета, который берут в дорогу.

Думается, однако, что эта версия нуждается в уточнении. Слово это, скорее всего, тюркское, однако соответствующая реалия могла быть названа по своей форме, по признаку 'раздутый' или под. Не случайно, что як. *марба* (< *барба*) означает также 'живот, пузо', а от тув. *барба* образована глагольная основа *барбалан-* 'вздуваться, распухать'. *Барба*, вероятно, гомогенно с *бара* 'верша' (см. **бара**) и подобными словами, которые своим происхождением связаны с образными основами или соотносительной с ними глагольной основой *бар-* 'торчать, выпирать, растопыриваться' и под. Подобная основа, по-видимому, имеется в якутском языке, судя, в частности, по такому примеру из диалектной речи, как *дьэ, марбата барбыт ээ!* 'вот как раздулся (*барбыт*) живот у него (*марбата*)!' (ДСЯЯ, *157*). *Барба*, возможно, < **бар-ма* (если это отглагольное имя), но не исключено существование других вариантов реконструкции структуры слова. В частности, это касается аффиксальной части слова, где начальный согласный мог быть формантом, выражающим интенсивность признака или действия (*-б-* или *-п-*), и в таком случае структура *барба* может быть представлена в виде **бар-б-а*. (Ср. в структурном плане *орба* 'колотушка'; см. **орба**.)

бардам 'дерзкий, грубый; чванливый, кичливый, самонадеянный, горячий, вспыльчивый'; **бартам** 'сурок по второму году'.

Как и соответствия этого в отдельных тюркских языках (ср. як. *бардам* 'дерзкий, спесивый, наглый') (см.: EW, *63*), тув. *бардам* — монголизм. Ср. п.-монг. *bardam*/монг. *бардам* и др. в значениях 'чванливый, кичливый, гордый' и под. (< монг. *барда-* 'чваниться, кичиться, гордиться; хвастаться, бахвалиться').

Что касается слова *бартам*, то оно отличается от *бардам* в основном графически, но многие произносят эти слова (и воспринимают их!) как одно слово *бардам*. Повадки молодого (по второму году) сурка отличаются как бы самонадеянностью, гордостью: он близко подпускает к себе врагов, не осознавая исходящей от них (в частности, от человека) опасности. Возможно, название сурка (*бартам*) также заимствовано из монгольских

языков, хотя и не отмечено в них современными словарными источниками, за исключением калм. *бард* [бардъ] 'хомяк', *барда* 'суслик большой, суслик степной'; 'толстый', возможно родственных слову *бардам* (*бартам*).

баржа [аъ] *тодж.* 'весь, все'.

Тув. диал. *баьржа* входит в ряд существительных или субстантивированных основ с показателем *-ча* или *-чан* (< **чан*), производных от *бар* 'есть, имеется' и др. Наиболее распространенная из этих основ (фактически общетюркская) — *барча* со значениями 'все, всё, весь'; 'целиком, полностью; многие, множество' (ЭСТЯ II, *63*).

бартам см. **бардам**.

барык 'почти; около; сносно'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *baruγ* 'пристойно, прилично, изрядно', монг. *бараг* 'почти, около', бур. *бараг* 'ничего (себе), сносно; посредственно'.

барыкшы- 'подходить к концу, завершаться'.

Это может быть монгольская глагольная основа, производная от *baruγ/бараг* и, по всей вероятности, связанная с *бара-* 'кончать' (см. **барык**, **бара-**): глаголообразующий аф. *-ши-* (с вариантами по консонантизму и вокализму) характерен для монгольских языков, в некоторых из которых есть также производные имена от глаголов на *-ши-*: ср., например, бур. *барагшаг* (<*бара-г-ша-г*) 'довольно сносный'.

Однако возможно, что, поскольку в тувинском языке аф. *-ши-* (*-шы-*) приобрел определенную продуктивность (см.: ИП, *266—267*), *барыкшы-* могло образоваться в данном языке самостоятельно.

барылга *рел.* 'мзда, плата (шаману, ламе за камлание, молитву и т.п.)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *barilγa* 'держание, взятие; калым, плата со стороны жениха родителям невесты; приношение, дар' < *bari-* 'брать в руки, держать (в руках); подавать, подносить; представлять; подавать угощение гостям'. Ср. также алт. *барылга ~ барылгы* уст. 'жертва вещами'.

барымдаа 'основание, обоснование, подтверждение; довод, доказательство, факт, аргумент, свидетельство'.

Одно из поздних монгольских заимствований, связанное, видимо, со старомонгольским *barimta* 'хватание; обхват; твердость, устойчивость, опора; подтверждение, основание для чего-л.; факт, доказательство'. Как и предыдущее слово (см. **барылга**), *barimta* — производное от глагола *bari-*. Долгота в тув. *барымдаа* носит позиционный характер.

барындак *уст.* 'обертка (для завертывания священных книг)'; 'одежда, которую носят шаманские духи'.

Монголизм. Ср., в частности, монг. *баринтаг* 'одежда знатных лиц; матерчатая обертка (для книг, идолов)'. По-видимому, как и пре-

дыдущие слова, связано с глаголом *bari-* 'держать' (может означать также 'хранить, содержать (в порядке)' и т.п.).

барыын 'западный'; *полит.* 'правый'.

Одно из сравнительно поздних монгольских заимствований, источником которых был, по-видимому, халха-монгольский язык: ср. п.-монг. *baraγūn*/монг. *баруун* 'правый, западный'.

бас- [аъ] 'давить, понимать; ступать, шагать; ставить (печать и т.п.)' и ряд других значений.

Общетюркское слово, зафиксировано в формах *бас- ~ пас- ~ ба:с-*, характеризуется многозначностью, но основными значениями считаются 'давить; ступать'. Исходная форма указанного слова Э.В. Севортяном представлена с долготой: **ба:с-* (ЭСТЯ II, *74—76*), что, однако, не согласуется с данными тувинского языка (существование фарингализованного гласного допускает, во всяком случае, наличие вариативности по характеристике "долгота — краткость").

баскактан- [аъ] 'сидеть, скрестив ноги'.

Глагол имеет и другие варианты, в частности *баспактан-* (*маспактан-*). В том же значении, что и тувинский глагол, употребляется хакасское выражение *паспах сугына одыр-*, где *одыр-* означает 'сидеть', а *сугына* — по-видимому, деепричастная форма от *сугын-* (< *сук-*) 'засовывать, набивать, всовывать что-л.' Значение же целого может быть представлено как 'паспах (?), засовывая (т.е. скрещивая ноги?), сидеть'.

Можно предположить, что первоначальным значением слов (основ) *баскак*, а также *баспак ~ маспак ~ паспах* было именно 'нога'. Это в принципе допустимо, т.к. бесспорна связь вышеприведенных основ с глаголом *бас-* 'давить, ступать, шагать'. В таком случае перед нами какой-то локальный вариант названия ноги, поскольку имена типа *баскак* и *баспак* в тюркских языках имеют иные значения. В частности, в средние века употреблялся исторический термин *бас-как* 'чиновник для сбора податей с подвластного населения' (ЭСТЯ II, *77*), соответствия которого в современных тюркских языках отмечены только как историзмы. Структурно же тождественные с *баскак* слова имеют иную семантику: ср., напр., кирг. *бел-баскак* 'небольшая седловина на горном перевале'; образования же типа *баспак* обозначают либо 'снасти для ловли животных (западни, ловушки, силки, капканы)' (см. **маспак**), либо 'ручные (плоские) жернова'. Подобная семантика выглядит маловероятной и мало что проясняет в понимании тув. *баскактан-* или соответствующего ему выражения хакасского языка.

бат- [аъ] 'спускаться, идти (ехать) вниз; опускаться, снижаться'.

Общетюркская глагольная основа, основная форма — *бат-*; характеризуется широким кругом значений, в том числе 'погружать-

ся, увязать; спускаться, идти вниз; гибнуть, пропадать; приходить в упадок' и т.п.

Гомогенной с *бат-* Э.В. Севортян вполне обоснованно считал другую глагольную основу — *бан-* 'макать, погружать в жидкость', отмеченную лишь в некоторых источниках.

Исходя из этого "имеется достаточно оснований признать историческое существование двух форм: медиальной с аф. *-н-* и побудительно-переходной с аф. *-т-* от глагола **ба-*"... (ЭСТЯ II, *79—80*). Э.В. Севортян далее говорил о "десемантизации побудительного значения *бат-*", которая имеет аналогию в ряде других глаголов. В ЭСТЯ не определена семантика реконструированной глагольной основы **ба-*, но она может быть установлена по аналогии с семантикой глагола *бат-* (**'снижаться, быть низким, малым, слабым'** и др.) (см. **бак I**, а также **бай II**).

Интересно, что на основании других данных реально говорить о глагольной основе **ба-*, означающей, напротив, 'возвышаться, подниматься' (см. **баш**). Таким образом, налицо многозначная глагольная основа с антонимическими отношениями значений (или, иначе говоря, с энантиосемией). Значения-антонимы связаны с движением, перемещением по вертикали, направленным в противоположные стороны.

бачыда- 'сильно спешить, торопиться; суетиться; тревожиться; находиться в тяжелом состоянии (о больном)'.

По-видимому, данная глагольная основа по своему значению связана с двумя монголизмами тувинского языка (*бачым* 'спешный'... и *бачыт* 'грех'; см. последующие статьи), а по форме представляет как бы производное от последнего (*бачыт* + *-а-*); непосредственного соответствия в монгольских языках не обнаружено. В них фиксируется лишь глагол, производный от *бачим*: монг. *бачимдах* 'приходить в замешательство, теряться; суетиться', калм. *бачмдх* 'сильно спешить, делать что-л. быстро; суетиться'.

бачым 'спешный, торопливый; экстренный; суматошный, суетливый'; *перен.* 'горячий, напряженный'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *bačim*/монг. *бачим* 'поспешный, спешный, срочный', калм. *бачм* [бачъм] 'спешный, экстренный'; перен. 'горячий, напряженный, чрезвычайный' (см. также: ЯМВМ, *121*).

бачыт 'грех, скверна'.

Заимствование из монгольских языков. Ср. п.-монг. *barčid* (< тиб.) 'препятствие, препона; скверна, грех, испорченность' (ЧР, *235*), бур. диал. (уст.) *баршад* 'неизбежный несчастный случай'. При освоении интервокальное сочетание *рч* дало в тувинском *чч* [баччыт].

баш [аъ] 'голова; вершина, верхушка; макушка; начало, источник; кончик'.

Общетюркское. Список форм и соответствий см. в ЭСТЯ II, *85—87*; среди значений слова обращает на себя внимание семантика качественных прилагательных 'верхний; главный, основной'. Пратюркскую форму представляют по-разному: с долготой и без нее, с начальным глухим и звонким согласным; этимология практически отсутствует.

Как видно из предшествующего, у общетюрк. *баш* отмечены пространственные значения, связанные с положением наверху. В лингвистическом плане нет достаточных оснований истолковывать эти значения как вторичные по отношению к 'голова'. Логично было бы, напротив, интерпретировать *баш* 'голова' как наименование какой-то частной, конкретной реалии, занимающей верхнее, возвышающееся положение.

Если исходить из первичной семантики 'верхний, верх', то открывается возможность для дальнейших сопоставлений. В этом плане интересен глагол *пак-* 'лезть вверх (на гору, на дерево)', отмеченный в алтайских диалектах (ЭСТЯ II, *38*, *39*; ср. также хак. *пах-* 'залезать (вверх)'), в реальности которого убеждают такие вероятные производные от *пак-* (~ **бак-*), как др.-тюрк. *baq-и* 'гряда холмов', широко распространенное в тюркских языках *бакан* 'столб, колонна; шест' и др. (см., в частности, **багана**), в том числе, вероятно, тоф. *бакшы* в *няак бакшысы* 'скулы', *пакшы* 'верхняя часть нижней челюсти' (Рассадин. Словарь) (возможно, из *пак-(ы)ш-ы*), с.-югур. *пака* 'мускулы руки (выше локтя)' (**пак-а*).

В свою очередь, глагольная основа **пак-* ~ **бак-* может быть истолкована как производная, залоговая от **па-* ~ **ба-* 'подниматься; возвышаться', а *-к-* — как аффикс пассива, при помощи которого от непереходных глаголов образовывались также медиальные формы с дополнительными значениями интенсивности; ср., напр., *ök-* 'размышлять' < *ö-* 'думать' (ДТС, *660*).

С производящей основой **па-* ~ **ба-* (а также с **пак-* ~ **бак-*) могут быть также связаны глагольная основа **баг-* ~ **паг-* 'выдаваться, выступать' и ее именное соответствие, о котором было сказано выше (см. **баар I**).

Семантика типа 'выдаваться, выступать (вперед), выпирать', возможно, была свойственна и основе **па-*... о чем, в частности, свидетельствует наличие у соответствий *баш* в ряде источников семантики типа 'перед, передняя часть чего-л.' (см.: ЭСТЯ II, *87*), иногда реализуемой в составе производных от *баш* слов. Таково, к примеру, тув. *баш-кы*, означающее 'передний, головной', а также нар. и служ. *бажында* 'впереди'.

С **па- ~ *ба-* 'выдаваться'... возможно, связана и тюркская именная основа **бал*, выступающая как название или, чаще, как компонент названий объектов, имеющих выпуклую, округлую форму. Ср. тур. диал. *bal* 'сторона альчика с выпуклостями и впадинами; щека' и общетюрк. *балтыр* 'икра (ноги́)' и его соответствия, а также родственные с последним слова (см. **балдыр**). Хотя в данном случае прослеживается бóльшая общность с основами образного характера, подобная общность не исключается и в ситуации с *баш* 'голова'. Непосредственно структуру данного слова можно представить как **па- ~ *ба- + -ш* — аффикс, образующий иногда, в том числе и в языке памятников древнетюркской письменности, отглагольные основы со значением местоположения ('верхний') и/или формы ('выступающий, выпуклый').

башка [аъ] **1.** 'кроме', **2.** 'находящийся порознь, изолированный, отдельный, раздельный'.

Общетюркское. Основная форма — *башка*. Кроме значений, отмеченных для тувинского, у этого слова фиксируется также семантика 'другой, иной, непохожий, особенный; чужой, независимый'. Распространенная этимология *башка* истолковывает его как переосмысленную форму дат. п. от *баш* 'голова', что, однако, вызывает справедливые сомнения в достоверности такой версии (ЭСТЯ II, *92—93*). Более логично говорить здесь об имени, производном от глагольной основы **баш-* со значениями типа 'отделять(ся), обосабливать(ся)' и образованном с помощью аф. *-ка*.

Вероятно, та же основа, но в залоговой форме сохраняется в тур. *başın-* 'упрямиться, упорствовать; противостоять; ослушаться, уклониться', считающемся также производным от *baş* 'голова' (СИГТЯ М, *434*), с чем, как и в случае с *башка*, трудно согласиться. Ср. также др.-тюрк. *bašïar* 'серп' (ДТС, *88*); возможно, от **baš-ït-*, каузатива от **baš-* 'отделять' ('отрезáть'?) + аф. *-(α)r*.

Указанную глагольную основу можно видеть и в составе других производных, примером которых является имеющееся в части тюркских языков слово *башмак* 'теленок (годовалый)', т.е. теленок, который перестал сосать мать, отделился от нее. Ср. в этом плане тув.-тодж. *чарынды* 'двухлетний медвежонок' < *чар-* 'отделять', поскольку в этом возрасте "медвежонок отделяется, уходит от матери и начинает самостоятельную жизнь" (Чадамба 1974, *65*). Слово *башмак* в указанном значении пока не имело удовлетворительной этимологии, так же как и его омоним *баш-мак* 'башмак, туфля, обувь' (хотя некоторые исследователи связывают эти слова по происхождению и, в частности, выводят второе из первого) (см.: ЭСТЯ II, *93—94*).

По нашему мнению, *баш-мак* как название обуви самостоятельно образовано от *баш-* в качестве названия материального объек-

та, предназначенного для того, чтобы отделять от внешней среды, защищать (ноги). При этом, как предполагается, это была не закрытая обувь, например, туфли без задников (Иллич-Свитыч 1984, *68*). В связи с этим небезынтересно заметить, что соответствия *башмак* иногда обозначают не обувь, а только какую-то ее часть, выполняющую защитную, изолирующую от земли функцию, например подошву, подметку (РСл. IV, *1561*), а также соответствующую часть конечности животного: ср. турк. *паш-мак* 'ступня, пятка (ноги́ верблюда)'.

Реконструируемая нами глагольная основа **баш-* имеет, по-видимому, именное соответствие. См. **баштак**. Структурно-семантической параллелью к *башка* следует считать тюрк. *өзге ~ өске* (см. **өске**).

башкар- [аъ] 'ведать, вести; управлять; регулировать, налаживать; снаряжать (в путь)'.

Производное от *баш* 'голова'... (см. **баш**), образованное с помощью аф. *-кар* (ИП, *265*). Слово имеет соответствия общетюркского плана в формах *башар- ~ башкар-*, которые также считаются производными от *баш*, образованными при помощи аф. *-ар* и *-кар* (ЭСТЯ II, *91—92*).

башкы [аъ] 'учитель, преподаватель, педагог; наставник (а также форма обращения к учителям, преподавателям)'.

Соответствия отмечены в древнетюркских, в основном в древнеуйгурских памятниках X—XIII вв. (*baqšï* 'учитель, наставник'), а также (с изменением семантики) в части современных тюркских языков: як. *баксы ~ бахсы* 'хозяйка'; 'часть сложного имени *Кыдай Бахсы* или *Кытай Баксы тойон* — глава одного из восьми родов подземных богов' (Пек. I, *412*), каз. *баксы* 'шаман, знахарь'; в подобных значениях слово в формах *бакшы*, *бахшы* и под. распространено в тюркских языках Средней и Центральной Азии, в частности — в уйгурском. (См., напр.: Тенишев. УДС, *22*; EW, *59*.) Соответствия слова в формах п.-монг. *bayši*, монг. *багш* 'учитель, наставник, преподаватель' и др. (ЯМВМ, *118*) характерны также для монгольских языков, куда они проникли из древнеуйгурского. В тюркских языках мы отчасти имеем дело с вторичными монголизмами. Таково было, в частности, мнение Н.Ф. Катанова о происхождении тувинского слова, фиксируемого им в виде *пакшы* (Опыт, *31*, *142*). Таково же происхождение и як. *бахсы ~ баксы*. В другие языки слово, вероятно, проникло через уйгурский, а в последний — из древнеуйгурских памятников.

Др.-уйг. *baqšï* первоначально считалось заимствованием из санскрита, но в настоящее время фактически общепризнано его китайское происхождение (см.: EW, *59*; ДТС, *82*; ED, *321*; и др.).

Тюрк. *бакшы* восходит к средневековой китайской форме слова *bagši*, в котором первый компонент означает 'знающий', 'эрудированный', а второй — 'ученый'. В современном уйгурском употребляется также слово *боши*, восходящее к современной китайской форме (*бо-ши*) и означающее 'доктор наук' (Рахимов, *49*).

В современном тув. *башкы* имеет место метатеза *кш* > *шк*. Не исключено, что это также результат сближения с другим словом — *башкы* [аъ] 'первый (по счету), передний (головной)'... < *баш* 'голова'.

баштак [аъ] 'шутливый, шуточный; шутка, юмор; шутник, балагур'. Ср. алт. *баштак* 'шалун, баловник', хак. *пастах* то же, тат. *баштак* 'озорной, шаловливый'; 'самовольный', чув. *пуҫтах* 'озорной, бедовый; проказник, шалун', *ваштак* (< тат.) 'ловкий, бойкий', сиб.-тат. *паштак* 'своевольный, невоспитанный; глупый, шалун'.

Соответствия тув. *баштак* распространены, как видно из приводимого материала, в кыпчакских или испытавших их влияние языках. Удовлетворительной этимологии слово не имеет. М.Р. Федотов полагает, что структурно тат. *баштак*, чув. *пуҫтах* и проч. являются отыменными производными на *-так*. В круг сопоставляемых слов он включает с.-югур. *paštay* 'как голова' (Федотов III, *21*), что не вносит ясности в вопрос о происхождении *баштак*, поскольку прямой связи с общетюрк. *баш* 'голова' в этом случае не прослеживается.

Вместе с тем в некоторых языках встречаются сочетания типа башк. *баш-баштак* 'своевольный, самовольный', тат. *башбаштак* то же, турк. *баш-башдак* 'своевольный, самоуправный', где в первом компоненте *баш* можно, казалось бы, видеть слово *баш* 'голова' или подобное ему. Но в то же время здесь может быть и другое слово, родственное с *баштак* и представляющее собой как бы его производящую основу.

О последней можно судить исходя из др.-тюрк. *bašlaγ* 'свободный, предоставленный самому себе' (< *baš-la-γ*), где основа **баш* близка распространенному в тюркских языках прил. *бош* 'свободный, независимый' и т.д. (см. **бош**). Ср. также ккалп. *бас-кы* (< *баш-кы*) 'шутка, насмешка', которое позволяет, кажется, говорить и о соответствующей **баш* глагольной основе. Последняя же, в свою очередь, может быть сближена или даже отождествлена с ранее нами выделенной основой *баш-* в составе *башка* и подобных образований (см. **башка**).

Структурно *баштак* мог представлять собой отыменное или отглагольное производное с аф. *-так*(*-дак*) и со значением качества или признака (см., в частности: Хабичев, *79—80*). Первоначально оно обозначало нечто вроде 'уклоняющийся от нормы, ведущий себя вольно, свободно, раскованно' (в том числе и в своей речи, разговоре, что отразилось в семантике тув. *баштак* 'шутливый, юмористический').

баштаңгы [аъ] 'накидка на голову и плечи, доходящая до талии (часть свадебного убора невесты)'.

В монографии С.И. Вайнштейна (Мир кочевников Центра Азии. — М., 1991. — С. 171—172), где описана реалия и предпринята попытка этимологии, в частности, сказано: "Этимология слова *баштаңгы* не вполне ясна. Несомненно, что в него входит элемент *баш* — голова. Возможно, что он сочетается со словом *даңгына* — красавица, дочь хана. Но, скорее, здесь может быть предложена и другая этимология, основанная на данных древнетюркского языка: *баш* — голова, *тан* — надевать, натягивать и, наконец, (слово) — образовательный аф. — *гы*. Параллели к этому названию у соседних с тувинцами народов неизвестны, во всяком случае о существовании подобных уборов в литературе указаний нет".

Связь со словом *баш* здесь бесспорна, однако в целом с вышеприведенным представлением структуры слова *баштаңгы* согласиться невозможно. Какую-либо связь со словом *даңгына* следует отвергнуть: налицо простое созвучие. Древнетюркского глагола *тан-* в указанном значении (в ДТС, на который ссылается С.И. Вайнштейн) не отмечено.

Параллелей к тув. *баштаңгы* в языках ближайших соседних народов не обнаружено, однако соответствие ему имеется в якутском языке: слово *бастыңа*, обозначающее "головной убор замужней женщины, нечто вроде кокошника" (Пек. I, *396*), а также являющееся названием некоторых других реалий (ср., в частности, диал. *бастыңа* 'оголовье оленьей узды') (ДСЯЯ, *60*). Судя по самому факту тувинско-якутского соответствия, мы встречаем здесь достаточно древнее наименование соответствующей реалии.

Структурно *баштаңгы* могло быть связано с глаголом *башта(н)-* (или *башла(н)-*), означающее 'начинать', а также 'ставить новые головки, наложить союзки (на обувь)' (кирг. *башта-*); ср. также як. *баста-* 'быть впереди', *бастан-* (о торбасах) 'иметь пришитыми головки'. Можно предположить, что *баштан-* могло означать и что-л. вроде 'надеваться (быть накинутым) сверху на голову'. Ср., в частности, тюрк. *башлык* 'глава, вожак'; 'удила; башлык, капюшон', а также (уйг.) 'союзки'.

Образованы тув. *баштаңгы*, по-видимому, при помощи аф. *-гы*, а як. *бастыңа* — при помощи *-га*; глагольная основа в том и в другом случае одинакова (*баштан-*), но в якутском, возможно, осуществилась частичная контаминация с другим производным от *баш* (як. *бас*) — *бастың* 'лучший' (см. **баштың**).

Тув. *баштан-гы* (> *баштаңгы*), очевидно, одноструктурно с тув. *каьттангы* 'то, что надето сверху, на верхнюю одежду' (напр., дождевик на пальто и под.) < *каьттан-* 'надевать поверх чего-л.

(какую-л. одежду)' + *-гы*. В свою очередь, *каътта-* — залоговая форма от *каътта-* 'наслаивать' < *каът* 'ряд, слой, пласт'.

баштың [аъ] 'предводитель, главарь; вожак (в стаде, стае)'.

Ср. др.-тюрк. *baštïŋ* 'первый; главный' (ДТС, *88*), як. *бастың* 'лучший, самый лучший, первосортный; передовой'. По-видимому, более древняя семантика, качественная ('первый, лучший'), сохранилась в сравнительном материале.

Баштың образовано от *баш* 'голова, головной; верхний' и др. с помощью ныне практически мертвого аф. *-тың*, имевшего, судя по имеющимся данным, значение усилительности (см., в частности, **айдың**).

бе I 'кобыла'.

Общетюркское. Соответствия — типа *бе ~ бе: ~ пе ~ пи ~ би ~ бей ~ бийе*... и с той же семантикой. Преобладают односложные основы, первичная не очень ясна, однако существует мнение, что таковая является односложной (ЭСТЯ II, *133—134*).

Этимология практически отсутствует. В последние годы высказано мнение, согласно которому тюркское название кобылы является китайским заимствованием (И.Н. Шервашидзе). Однако возведение тюркского слова к ср.-кит. *pín* 'самка животного' мало что объясняет в структурно-фонетических характеристиках этого слова (как в односложных, так и в двухсложных его вариантах). Характер внешнего сходства китайского и тюркских наименований таков, что трудно судить, какова природа подобного сходства (ВЯ 1, 1993, *125*).

Нельзя ли связать *бе* и его соответствия с тюркскими словами *би, бий* 'танец, пляска', *бии-, бийи-, бей-* 'плясать' и другими их соответствиями, означающими также 'топтаться на одном месте, прыгать'; 'совершать ритмичные, грациозные движения руками, ногами' и т.п. (ЭСТЯ II, *231—232*)?

Может быть в основу тюркского наименования кобылы легло представление о каких-то характерных движениях животного?

К сожалению, и в этом случае производящая основа также недостаточно ясна. Вероятно лишь, что слова, характеризующие пляску, топтание и подобные движения, связаны с образной лексикой. Таким образом, в настоящее время возможности этимологизации *бе* и его вариантов достаточно ограничены.

бе II *вопрос. частица* 'ли, разве'.

В тувинских диалектах частица может гармонировать с предшествующим словом и имеет, таким образом, заднерядный вариант (*ба*), что, в частности, наблюдается в тоджинском диалекте (Чадамба 1974, *96*). В тофаларском языке она "не гармонирует, всегда сохраняя свой гласный" (Рассадин. Морфология, *269*).

В СИГТЯ М (с. 505) говорится об общетюркской воспрос. частице *ма*, имеющей от двух до восьми фонетических вариантов (по характеру гласных и согласных). Вместе с тем по характеру конечного гласного устанавливается два типа тюркских языков: с широкими гласными *а*(*е*) и с узкими *ы*(*и*). Тувинский и тофаларский относятся к первому типу языка, к которому принадлежат также алтайский, хакасский, шорский, казахский, каракалпакский и ногайский. Ряд других языков, к числу которых принадлежат часть кыпчакских, огузские и карлукские, имеют узкорядные варианты частицы (*мы*, *ми*). Сюда же относятся древнетюркские памятники: *ти* (*тй*, *тї*) (ДТС, *347*).

Иногда в пределах единого "языкового пространства" совмещаются оба типа (с широким и узким гласным), как это наблюдается в языке уйгуров Ферганской долины (Садвакасов 1976, *241—242*).

Предполагается, что частица возникла от указ. мест. *бу/пу/ти* 'этот' (СИГТЯ М, *505*). См. **бо**. Думается, однако, что с этимологией указанной частицы дело обстоит далеко не просто и вопрос этот нельзя считать решенным. Это касается, в частности, форм с широкорядным гласным. По крайней мере, материал тувинского и тофаларского языков определенно свидетельствует, что для них первичным был, скорее всего, мягкорядный вариант типа *бе*; не характерен также вариант с начальным *м-*.

Д.А. Монгуш обратил наше внимание на наличие в монгольских языках вопросительной частицы типа *бэ*, употребляемой при наличии в предложении вопросительных слов.

Возможно, она оказала влияние на облик тув. *бе* (*ба*), тоф. *бе* (*пе*), а также на варианты широкорядных форм частицы в некоторых других тюркских языках. Но здесь встает вопрос о происхождении соответствующего слова в монгольских языках.

бег 'свекор, деверь (о старшем брате мужа); *уст.* 'титул правителя хошуна (примерно равноценный нояну)'; 'предводитель дружины, военачальник (в основном — в фольклоре)'.

Общетюркское. Распространено в формах *бег*, *бек*, *бей* и др., древнейшими из которых считаются — *бег*, *бек* (последнее, правда, возводится к *бег*), однако это спорное мнение, поскольку вполне вероятно, что конечные *-г* и *-к* возникли независимо друг от друга). *Бег* и его варианты являются наименованиями различных титулов и званий или имеют обобщенную семантику типа 'господин, владыка, начальник', а также означают 'богатый, авторитетный человек; барин' и т.п. Кроме того, *бег* и его соответствия представлены в терминологии родства: 'супруг, муж' (в письменных памятниках), 'брат; старший родственник по отцу, если говорящий — мужчина'; двоюродный дядя' (в якутском языке). Значения 'свекор, деверь' у *бег*... отмечены только в тувинском языке (ЭСТЯ II, *97—99*).

Существующие этимологические версии связывают *бег...* с китайским и иранским источниками, причем соответствующие этимологии получили различную оценку исследователей в плане их сравнительной возможности.

ЭСТЯ (II, *99—100*) ограничивается лишь изложением соответствующих версий и не высказывается в пользу ни одной из них. Характерно, что обзор этимологий завершается в этом источнике приведением точки зрения Г. Дёрфера, допускающего чисто тюркское происхождение анализируемого слова.

Авторы ныне существующих этимологий исходят в основном из семантики "титульного" характера как из первичной, хотя это не представляется нам бесспорным. С этим, в частности, недостаточно согласуется отмеченное выше употребление *бег...* в терминологии родства. К тому же часть подобных значений отмечена в древних памятниках ('муж, супруг'), в то время как из числа современных тюркских языков подобная терминология представлена в основном в якутском и отчасти в тувинском, для которых характерны многие архаизмы.

Обращает на себя также внимание, что эти термины родства относятся к мужчинам и в значительной мере — к старшим родственникам. Возможно, именно подобные значения *бег...* и могли быть наиболее древними, характеризующими патриархально-родовые отношения и послужившими основой для других, в частности таких, как 'господин, владыка, начальник...' и, по крайней мере отчасти, — для титулов и званий.

Э. Таубе обоснованно считает, что *бег* «первоначально обозначение круга лиц из родни мужа, потом — главы родственной группы, позже — обобщенно в значении "высокий господин", "князь"» (Таубе, *370*).

В принципе *бег...* действительно, как это предположил Г. Дёрфер, может иметь тюркское происхождение. Допустима в данном случае связь этого слова с *берк* 'крепкий, мощный, могущественный, власть имущий...' и *бек* 'сильный, большой; жестокий, храбрый' (см. **берт, бек**).

В *бек...* выделяется глагольная основа **бе-* (с неуказанной семантикой) (ЭСТЯ II, *119—120*). Эти значения, возможно, — 'быть крепким, сильным; доминировать'. *Бек*, вероятно, имеет и вариант **бег* (в составе др.-тюрк. *beglä-* 'оберегать, стеречь'; см.: ЭСТЯ II, *120*). Не случайно, по-видимому, что и, напротив, слово *берк* (в киргизском языке) имеет то же значение, что и *бек* в качестве титула (~ *бег...*) (Ср.: КРС, *125*, *130*).

В отношении древнего титула *бег* допустима контаминация тюркского слова с иноязычными (скорее всего, с китайским). И.Н. Шервашидзе возводит тюрк. *бег* к ср.-кит. *päik*, позднедр.-кит. **pə̄k* (совр.

bo) 'бо' (наследственный титул знати 3-го из 5-ти высших классов в Старом Китае) 'граф'. Опираясь на соображения Г. Дёрфера о содержании (очевидно, исходном) тюркского титула *бег* и внося в них некоторые коррективы, Шервашидзе приходит к заключению о "весьма точном совпадении в ранговой иерархии китайского и тюркского терминов" (Шервашидзе 1989, *58*).

Если такое заключение верно, то указанное "совпадение" и могло явиться результатом сближения исконно тюркского *бег* и вышеприведенного китайского титула.

беге I [еъ] 'тушь'.

По М. Рясянену, тув. *беге* < п.-монг. *beke* 'чернила, тушь' < кит. **mek* (EW, *67*). Вместе с тем соответствие этого слова отмечено и в древнетюркских памятниках: (МК) *mäkkä* 'китайские чернила' (ДТС, *339*), *mkä* 'чернила, тушь' (Тугушева, *343*).

Существует также мнение, что монгольское слово заимствовано из маньчжурского языка: ср. маньчж. *бэхэ* 'тушь' (Бертагаев. Лексика, *363*), но маньчж., как и вообще т.-маньчж. его соответствия, — также китаизмы (ССТМЯ I, *90*), и каждое могло быть заимствовано самостоятельно.

беге II [еъ] 'головня (болезнь хлебных злаков)'.

Соответствия неясны. Возможно, *беге* II связано с *беге* I (см. **беге I**) по цветовому признаку: при головне колосья злаков превращаются в темную массу.

беди- 'возвышаться, выситься'.

Варианты, соответствующие тув. *беди-* типа *буйу- ~ беду-* и др., широко распространены в тюркских языках и различаются, в частности, по характеру интервокального согласного (известное чередование (*д ~ з ~ й*)) со значениями 'становиться большим; расти, вырастать, подниматься' и под., однако тув. *беди-* в ЭСТЯ отсутствует. Как полагал Э.В. Севортян (ЭСТЯ II, *288*), глагол образовался посредством аф. *-ы-* от именной основы **бед ~ *бей ~ *буй ~ *бий*, об исторической реальности которой свидетельствуют данные языков огузской группы, в том числе турк. *бейгел-* 'подниматься, повышаться', тур. диал. *bed* (*bel*) 'много, очень; красивый, хороший' и др. В свою очередь, *bed* и под. связывается с *бег* (см. **бег**) через глагольную основу **бе-*.

безерек [еъ] 'недостаточный; родившийся преждевременно, недоношенный'.

Ср. также як. *бэһэрик* 'низкорослый, малорослый, мелкий (о лесе, деревьях)'. Тув. *безерек*, как и якутское слово, — монгольское заимствование: п.-монг. *besereg*/монг. *бэсрэг* 'небольшой, малый; выродок; незаконнорожденный'.

безерек-дудуу [еъ-уъ] 'уродливый, родившийся ненормальным'; см. **безерек**, **дудуу**.

безин 'даже'.

Тоф. *безин* то же. Происхождение неясно. Возможно, тув. и тоф. *безин* — производное на *-н* (первоначально со значением признака?) от глагольной основы, соотносительной с *беди-* (см. **беди-**), но от того фонетического варианта этой основы, который характеризуется интервокальным *-з-*. Ср., напр., с.-югур. *пези-* 'становиться большим, увеличиваться; расти, вырастать'. *Безин* (< *бези-н*), став частицей, в значительной мере десемантизировалось, но значение усиления ощутимо связывает *безин* с указанной глагольной основой. Что касается ненормативного для тувинского языка интервокального *-з-* (*безин* вместо **бедин*), то оно также встречается в составе некоторых слов (см. **аскыр, эзер**); в отдельных случаях наблюдается чередование *д ~ й* (ср. **адыр, айыыр**). Поэтому допустимо и чередование *д ~ з*.

бек [еъ] **1.** 'крепкий, прочный', **2.** 'оковы'.

Ср. общетюрк. *бек* 'крепкий, прочный, твердый, сильный', а также 'замóк; запор', 'тюремное заключение'. Считается производным от глагольной основы **бе-* (ЭСТЯ II, *117—118*, *119—120*), означающей, возможно, 'быть крепким, сильным' (см. также **бег, берт, берге**).

бел I 'талия, поясница'; 'косогор, склон горы (у подножия)'.

Общетюркское; распространено в вариантах *бел ~ бил* (иногда с долготой гласного *и*), почти повсеместно отмечена семантика 'талия, поясница'; распространены также значения 'пояс; седловина, горный перевал; середина, половина; хребет, гребень горы' и др. (ЭСТЯ II, *135—136*). Соответствия (в форме *бел* и производных от него) имеются также в монгольских языках, причем и анатомические, и отчасти "географические" значения совпадают со значениями тув. *бел*: ср. монг. *бэл* 'талия' и 'склон или покатость в средней или нижней части горы, ближе к подножию' (ЭСТЯ II, *137*). Это, возможно, указывает на наличие элемента косвенного (семантического) заимствования в тувинском.

Э.В. Севортян, как и другие исследователи, не дает этимологии слова, указывая лишь на некоторые неясности с производными значениями. Не вполне понятно и то, какое значение является исходным. ЭСТЯ констатируются только "старейшие по времени своей регистрации" значения, среди которых — 'поясница, талия; бедро' (возможно, еще 'ляжка') и некоторые другие ('холм, горный хребет'), что не проливает свет на решение проблемы первичной семантики и этимологии слова.

Общетюркской его формой считается *бел*, а архетип слова реконструируется с долготой гласного (ЭСТЯ II, *136*).

В связи со сказанным привлекает внимание семантика типа 'середина' (в том числе 'середина тела'), 'половина, пополам', которая, судя по фиксации (средневековые памятники и отдельные

живые тюркские языки), также регистрируется достаточно давно и, по другим данным (см. **белдир**), едва ли не более древняя, чем анатомические значения 'поясница, талия'.

В свою очередь, значение типа 'середина' (="центр") связывается с **бе-* 'доминировать' (см. **бег**), а последнее — с "возвышением" и проч. (см. **беди-**).

Не случайны поэтому значения 'горный хребет; гора' и смежные с ними 'проход между горами, дефиле; ущелье, теснина' и под. Кроме того, возможно если не родство, то вторичное, но достаточно древнее, сближение с *балдыр* 'икра' и подобными образованиями (см. **балдыр**), что объясняет появление значения 'бедро' у соответствий слова *бел*.

бел II 'таймень'.

Слово отмечено в тюркских языках Сибири: ср. тоф., алт. *бел*, хак. *пил*, як. *бил* 'таймень' (*Рассадин. Фонетика*, *161*; EW, *68*). Происхождение неясно. М. Рясянен ограничивается лишь сопоставлением с саамским *pälʹl* 'вид лосося', что может быть и результатом совпадения.

Судя по ареалу, *бел...* должно быть архаичным словом; не исключено и его тюркское происхождение. Возможно, *бел* следует связать с тюркскими словами типа *белги ~ белли* и под. со значениями 'знак, признак; метка, помета'; 'отмеченный, известный; видный, знатный' (ЭСТЯ II, *108—109*). Эти слова считаются производными от глагольно-именных основ *бел- ~ бел*, соответствия последней из которых означают '(при)знак, примета' (ЭСТЯ II, *110*), а, возможно, также и 'заметный, видный, известный' и т.п. А.Т. Кайдаров при анализе казахских глаголов *бәлсин-* 'набивать себе цену' и *бәлден-* 'упираться, заставлять себя уговаривать, просить' выделяет в них производящую именную основу **бәл* (*bel*) 'нечто важное, степенное'... (Кайдаров, *192*).

Название тайменя в тюркских языках Сибири (*бел* и его соответствия) могло носить первоначально почтительный или эвфемистический характер и означать нечто вроде 'особый, заметный' или 'знатный, важный'. Вероятность возникновения подобной версии связана с тем, что таймень, действительно, в и д н а я, крупная рыба (по современным данным, достигает 1,5 м в длину и 60 кг в весе) и, возможно, по размерам наибольшая из тех пород рыб, которые были известны тюркам Сибири.

См. также **белги**.

белги 'гадание, ворожба'; *тодж.* 'деревцо, оставляемое охотником в местах кочевок как указатель'.

В тюркских языках широко распространено слово *белги ~ белгу* и под. 'знак, признак, тамга, намогильный камень, веха' и др., куда вписывается и значение тодж. *белги* (ЭСТЯ II, *108—109*). Значение

'гадание, ворожба' отмечено в ЭСТЯ у соответствий *белги* только в тувинском (ср., впрочем, семантику 'предзнаменование' в языке памятников).

В рассматриваемой статье ЭСТЯ Э.В. Севортян рассматривает как особое, отдельное слово форму *белге ~ билге*, характерную для части современных тюркских языков и употребляемую в основном в значениях 'знак, признак, примета'. Особое место среди соответствий занимают алт. *белге* 'гадание, ворожба' и як. *билгэ*, означающее, в частности, 'предузнавание (будущего), предугадывание, распознавание' и др., сближаемые с тув. *белги* в его первом значении. Слова типа *белги* (как и *белге*) наиболее вероятно объясняются Севортяном как производные от глагольной основы **бел-* 'обозначать(ся)' (ЭСТЯ II, *110*).

Вместе с тем соответствие тюркским словам отмечено в монгольских языках (наиболее старые формы — *belge ~ belke*) со значениями 'знак, признак, примета, знамение, предзнаменование', а также 'гадание' (которое, как уже выше отмечалось, нехарактерно для тюркских языков).

Монгольское слово является тюркским по происхождению (Б.Я. Владимирцов), и оно же вполне могло явиться вторичным монгольским заимствованием в некоторых тюркских языках (напр., в алтайском и якутском). Подобное, вероятно, имело место и в тувинском языке (если говорить о значениях 'гадание, ворожба'), хотя по форме тув. *белги* ближе к исконно тюркским словам.

Фактически в настоящее время в тувинском языке имеются два самостоятельных слова: *белги* 'гадание, ворожба' и (тодж.) *белги* как обозначение указателя. Последнее является более древним. Оно имеет также непосредственное соответствие в виде тоф. *белгі* 'указатель направления на охотничьей тропе (обычно в виде стрелки из палочек, веточек)' (Рассадин. Словарь), имеющего также морфологический вариант *белбі*. То и другое возводится В.И. Рассадиным (Морфология, *76*) к восстановленному им корню **бел-* 'быть явным, обнаруживаться'.

белдир [еъ] 'соединение, слияние; перекресток, стык, распутье; узел'. Тоф. *беьлтир* 'стрелка, место слияния рек; перекресток (дорог)' (Рассадин. Словарь), ср. др.-тюрк. *beltir* 'скрещение дорог, перекресток; место слияния рек' (о степени распространения можно судить по ДТС, *94*), алт. *белтир* 'слияние (рек)', хак. *пилтір* 'устье реки'. В.В. Радлов давал *пелтир* в алтайских диалектах и шорском в том же значении, а также (в примерах) в значении 'перекресток' (РСл. IV, *1491*). Ср. также як. *билир* 'соединение двух рек; мыс, выступ между двумя сходящимися реками' (Пек. I, *467*).

К рассмотрению следует привлечь и материал татарского языка, где *билтер* — 'средняя часть стопы; подъем (обуви)'. Ср., кроме

того, тат. *билдә-к* 'перехват (суженное место вокруг чего-л.)', *билдә-мә* 'филе'.

Белтир ~ белдир... естественно связывается с общетюрк. *бел* 'талия, поясница', а также 'середина, половина' (см. **бел I**).

Структурно *белтир* могло быть близко или тождественно *балдыр* (см. **балдыр**).

Бел могло быть, вероятно, как именной, так и глагольной основой (**бел-*). К сожалению, в статье ЭСТЯ, посвященной *бел*, в отличие от ряда других статей, Э.В. Севортян не приводит производных от *бел* (или **бел-*, что представляется весьма вероятным). Ср. як. *билии* 'часть суши между двумя водоемами, перекресток, распутье', тур. диал. *belen* 'горный проход, перевал', др.-тюрк. *belik* 'фитиль' и *belik* 'приспособление для измерения глубины колодца' (в том и в другом случае налицо реалия, занимающая срединное положение по отношению к другой).

Белтир отличается структурно от вышеприведенных примеров не только конечными компонентами, но также наличием *-т-* после основы **бел-*, который мог играть роль форманта-усилителя.

См. также структурно тождественное *белтир* алт. *пөлтир* 'раздел двух рек, улиц', исходная основа которого — *пөл-* 'отделить, разделить' (ГАЯ, *31*).

белек 'подарок, дар'.

Соответствия слова в вариантах *белек* (наиболее распространенный) ~ *пелек* ~ *билек* и некоторых др. со значением 'подарок' (разновидности: 'подарок гостя, свадебный подарок...; награда' и т.п.) широко распространены в памятниках и в меньшей мере — в современных тюркских языках.

Чередование гласных 1-го слога (*е ~ ө ~ и*) представлено уже в древнейших текстах. Это вызывает определенные сложности как с реконструкцией архетипа слова, так и с его этимологизацией.

Признанной этимологии *белек...* не имеет. Э.В. Севортян отвергает существующие версии, в том числе и высказанную некоторыми исследователями точку зрения о заимствовании слова из монгольских языков (ср. п.-монг. *beleg* 'подарок'), мотивируя это тем, что из *beleg* "уже называвшиеся тюркские формы, притом до XIII в., фонетически не выводятся" (ЭСТЯ II, *113*).

Сам он полагает, что "производящей основой *белек* мог быть назван глагол **бел-* со значением *'обозначать(ся)' (см.: ЭСТЯ II, *113*, а также *110*), однако принятию этой версии препятствуют те же причины фонетического порядка.

Вместе с тем мнение о *белек* как о монголизме вполне применимо по отношению к таким языкам, как алтайский, якутский, киргизский, тувинский. В последнем случае к трактовке *белек* как

монгольского заимствования склонялся и Н.Ф. Катанов (Опыт, *125*). См. также **белек-селек**.

белек-селек *собир.* см. **белек**.

Монголизм. Ср. монг. *бэлэг сэлэг* парн. 'подарок'. См. **белек**.

белен 'легкий, нетрудный; готов(ый)'.

Ср. алт., кирг. *белен*, хак. *пилен*, як. *бэлэм* 'готовый'. Заимствование из монгольских языков: ср. п.-монг. *belen*, монг. *бэлэн* 'готовый, подготовленный'. В тувинском *белен* мы имеем дело, вероятно, с элементом самостоятельного смыслового развития (появление значения 'легкий, нетрудный'). Последнее вместе с тем отмечено также в алтайском и некоторых других тюркских языках (РСл. IV, *1243*).

белен-селен *употребляется при глаголах в отрицательной форме*: **1.** 'всякий', **2.** 'легко, так легко'.

Связано с *белен* 'легкий, нетрудный' (см. **белен**), но более явно — со вторым значением. Появление значения 'всякий', как и употребление при глаголах в форме отрицания, неясно. Сопоставление с материалом монгольских языков, в отличие от случая с *белен*, не проливает свет на указанные особенности тув. *белен-селен*: ср. монг. *бэлэн зэлэн* 'приготовленное, готовенькое, готово; в одно мгновение, тотчас'.

В определенной степени появление первого значения у *белен-селен* можно объяснить, исходя из наличия сочетаний *белен* с отрицанием: *белен чок*, *белен эвес*, означающих 'необыкновенный, необычный' (в том числе о людях). Вероятно, само *белен* могло означать 'обычный, такой, как все', что уже довольно близко к *белен-селен* 'всякий', т.е. 'каждый, любой из себе подобных'.

белеңгиш *уст.* 'подъем ноги'; 'горная терраса'.

Связано с *бел* 'талия', 'середина' и под. (см. **бел I**). Как отмечалось уже выше (см. **белдир**), от основы *бел* или, возможно, от соотносительной с ней глагольной основы **бел-* образуются производные имена, означающие, в частности, горную или пересеченную местность, в том числе як. *билии* 'часть суши между двумя водоемами', тур. *belen* 'горный проход, перевал; горный район', а также каз. диал. *белен* 'возвышенность, подъем', кирг. *белес* 'отрог (плоский)'.

При помощи аф. *-гыш* (< *-гыч*) образуются отглагольные имена, часто со значением орудия (в тувинском чаще с долготой: *-гыыш*), но также со значениями признака и места (АИ, *276—278*). Структурно *беленгиш* может быть представлено в виде *бел-е-н-гиш*, где *бел-е-н-* — отыменный глагол (с основой *бел*) в форме залога на *-н-*, означавший, вероятно, 'подниматься'.

белергене 'дикая морковь'.

Ср. хак. *милегир*, *мирреген* то же (ВТЯ, *21*). Названия растений на *-гана* ~ *-гене* в тувинском языке — в основном монголизмы (ср.

чыжыргана 'облепиха' и под.). Можно полагать, что и в случае с *белергене* мы имеем дело с монгольским заимствованием. Характер связи с хакасскими соответствиями неясен.

белетке- 'готовить, подготовлять, приготовлять; варить, готовить (пищу); заготовлять'.

Монголизм. П.-монг. *beletge-*/монг. *бэлтгэх* 'готовить, приготавливать, заготавливать; готовиться, приготавливаться', к которым восходит тув. *белетке-*, является формой побудительного залога от п.-монг. *belet-*/монг. *бэлдэх* 'готовиться, подготавливаться', которые, в свою очередь, являются отыменными производными от *belen/бэлэн* 'готовый' (см. **белен**).

белеткел 'заготовка; приготовление, подготовка; репетиция (театр.)'. Монголизм. Ср. п.-монг. *beletgel*, монг. *бэлтгэл* 'приготовление, подготовка; заготовка, снабжение; резерв, запасы', являющиеся производными от *beletge-/бэлтгэх* (см. **белетке-**). Значение 'репетиция' у *белеткел* возникло, по-видимому, уже в тувинском языке.

белиңне- 'подскакивать; вздрагивать; вскрикивать (от испуга)'; **белиңчи** 'легко пугающийся, пугливый (о человеке)'.

Ср. тоф. *белиңнэ-* и *белиңші* в тех же значениях (Рассадин. Словарь). Другие соответствия отмечены в древнетюркских памятниках, в огузских языках (в основном в турецком), отчасти — в тюркских языках других групп. Список форм и соответствий см.: Иллич-Свитыч 1976, *98*.

Тув. *белиңне-*, *белиңчи* соответствуют, в частности, др.-тюрк. *beliŋlä-* 'пугаться, ужасаться', *beliŋči kiši* 'паникер'. В памятниках, а также в других источниках отмечена и производящая основа указанного глагола и имени на *-чи*: *beliŋ* 'страх, паника, ужас' и ее соответствия, в том числе тур. *belin* 'изумленный, ошалелый'.

В.М. Иллич-Свитыч дает праформу данной основы в виде **pēli-ŋ* (отглагольное имя на *-ŋ*), а семантическое развитие представляет в направлении 'вздрогнуть от неожиданности' → 'испугаться'.

В структурном плане эта реконструкция не вызывает сомнений. Вполне можно представить и существование глагольной основы типа **beli-* (или **pēli-* ?) 'бояться', хотя указанная семантика уже не представляется бесспорной, если принять во внимание производящую основу данного глагола, каковая, к сожалению, в труде Иллича-Свитыча отсутствует.

Это образная основа, имеющаяся, в частности, в турецком языке и употребляющаяся в сочетании с глаголом *bakmak* 'смотреть': ср. *bel bakmak* 'бессмысленно и неподвижно уставиться (глазами)', *bel bel* (*bakmak*) 'выражать состояние оцепенения, изумления; смотреть, выпучив глаза, как идиот' (ТурРС 1977, *106*; Дмитриев. СТЯ, *83*). Таким образом, указанная глагольная основа означала, скорее, 'терять ум, рассудок; вести себя соответствующим образом'.

Наличие исходной основы образного характера вместе с тем объясняет наличие у тюрк. *beliŋ* соответствий "ностратического" характера (довольно близких в индоевропейских, уральских и, возможно, в языках других семей), что и зафиксировано В.М. Илличем-Свитычем. Однако подобные основы могут возникать в разных языках и языковых семьях независимо друг от друга и, следовательно, не быть связанными одна с другой отношениями родства.

белиңчи см. **белиңие-**.

бер- 'давать, выдавать'.

Общетюркское. В этимологических словарях даются только перечни форм и значений. Архетип восстанавливается с долгим гласным (ЭСТЯ II, *114-116*).

берге [еъ] 'трудный, тяжелый; затруднительный'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *berke*, монг. *бэрх* 'трудный, тяжелый, обременительный' (см. также: Рассадин. МБЗ, *60*, *64*). В свою очередь, монгол. *berke* много раз сравнивалось с тюрк. *берк* 'крепкий, твердый; суровый, жестокий' и т.п. (см.: ЭСТЯ II, *119*). По всей вероятности, монгольское слово, в свою очередь, является тюркизмом. Ср. **берт**.

бергеде- [еъ] 'быть в затруднении, затрудняться; осложняться'.

Производное от *берге* (см. **берге**). Вместе с тем этот глагол может быть прямым заимствованием из монгольского языка: п.-монг. *berkede-*/монг. *бэрхдэх* 'оказываться слишком трудным, тяжелым, обременительным'.

бергедел [еъ] 'затруднение; осложнение'.

По-видимому, монголизм. См. **берге**, **бергеде-**. Правда, в монгольском языке (судя по источникам) соответствие этого слова, возможно, неупотребительно, но в некоторых из языков монгольской семьи такие соответствия отмечены: ср., напр., бур. *бэрхэдэл* 'трудность, препятствие, затруднение'.

бергежи- [еъ] = **бергеде-**.

Как и глагол *бергеде-*, *бергежи-*, скорее всего, является заимствованием из монгольских языков: ср., напр., бур. *бэрхээжэ-* 'становиться трудным (тяжелым), обостряться'.

берзен- [еъ] 'спустить один рукав, раздеться до пояса (не снимая халата)'.

Ср. кирг. *белсен-* 'обнажать тело до пояса; приготовляться к борьбе; проявлять энергию, активность (КРС, *128*), *бälсän-* (вероятно, *belsän-*) (каз., кирг.) 'выпрастывать руки из рукавов и опускать рубаху на пояс, готовясь к борьбе; носить платье только на одном плече', полов. *bälsän-* ~ *belsän-* (РСл. IV, *1616—1617*), каз. *белсен-* 'готовиться к схватке (в борьбе)'; проявлять энергию, активность'. Приведенные глагольные основы, по-видимому, ближе к исходной форме, нежели тув. *берзен-*: они явно связаны с сущ. *бел* 'пояс-

ница' (см. **бел** I), и их структура может быть представлена в виде *бел-се-н-*, где *-се-* — аффикс с первоначально дезидеративной или уподобительной семантикой, но здесь явно один из тех случаев, о которых писал Э.В. Севортян, и где наблюдается уподобление *-са-* (*-се-*) глаголообразующим аффиксам типа *-ла-* или *-а-*. Показатель же *-н-* в подобных случаях обозначает залог (действие, выполняющееся в собственных интересах) (АГ, *305—306*). Первоначальная семантика *белсен-* — 'спускать верхнюю одежду к пояснице, раздеваться до пояса'.

Превращение *белсен-* в тув. *берзен-* не вполне ясно, однако чередование тув. *-р-* с *-л-* в других словах спорадически встречается (ср., напр., *арын ~ алын*; см. **алын**).

беримче 'благо'; *уст.* 'даяние'.

Производное от глагола *бер-* 'давать' (см. **бер-**), образованное при помощи аф. *-мче*, заимствованного из монгольского языка (см.: Рассадин. МБЗ, *61*).

берт [еъ] **1.** 'труднопроходимый', **2.** 'труднопроходимое место'.

В этимологическом словаре Э.В. Севортяна отсутствует, однако тув. *берт* явно гомогенно с распространенными в тюркских языках именами типа *берк* (а также *бек*; ср. **бег**, **бек**). *Берк* характерно в основном для памятников, а также для огузских и отчасти кыпчакских языков, где оно употребляется в значениях 'крепкий, прочный; твердый, жесткий; густой (о лесе); закрытый', а также 'укрепление, защита' и др., часть из которых (в частности — последние) близки семантике тув. *берт*.

Тюрк. *берк* считается производным от реконструированной глагольной основы **бер-*, среди значений которой предполагается 'быть крепким, прочным, твердым' с помощью аф. *-к*. Конечный *-т*, кроме тувинского, имеется в некоторых других языках (ср. тоф. *беърт* 'добрый, хороший', як. *бэрт* с подобной семантикой, а также тодж. *беърти ыыт* 'хорошая охотничья собака', в которых произошел смысловой сдвиг и которые считаются производными от той же основы **бер-*, но образованными при помощи аф. *-т*) (ЭСТЯ II, *119*).

Однако этот элемент в данных языках, в частности в тувинском и тофаларском, может иметь не морфологическую, а, скорее, фонетическую природу: сочетание *рк* в окончаниях слов дает *рт* (ср. *бөрт* < *бөрк* 'шапка' и некоторые другие подобные случаи).

берт- [еъ] 'калечить; контузить'.

Распространено в ряде тюркских языков в вариантах с переднерядным (*берт- ~ бирт-*) и заднерядным (*барт- ~ бырт-*) вокализмом. Последние характерны главным образом для памятников и, возможно, отражают особенности их графики или орфографии, а не реальное произношение. Во всяком случае, Э.В. Севортян

склонен считать исходными переднерядные варианты, возводя *берт-* к глагольной основе *бер-* со значениями 'бить, ударять, колотить' (см. также **мерге**). Таким образом, *берт-* есть форма побудительности на *-т-* от *бер-* (ЭСТЯ II, *70—71*), а, возможно, форма интенсива этого же глагола.

Производным от *берт-* является *бертик* 'увечный, контуженный; вывихнутый, сломанный'.

бе́ртен 'сегодня утром'.

По-видимому, собственно тувинское слово по происхождению представляет собой лексикализованное сочетание *бо ертен* 'это утро, этим утром' (Сат, Салзыңмаа, *78*).

Следует отметить, что и другие слова, образованные слиянием сочетаний с начальным компонентом *бо* 'это(т)', имеют, как и *бертен*, ударение на первом слоге (см. **бо́рта**, **бо́гүн**).

бертик-межел, берт-межел [еъ] 'увечный, контуженный; вывихнутый, сломанный'.

В других тюркских языках подобных парных слов (композит) не встретилось. Первые и вторые компоненты тув. *бертик-межел, берт-межел* в имеющихся источниках фигурируют только как самостоятельные слова или в составе других композит и словосочетаний. *Бертик* — производное от глагола *берт-* (см. **берт-**); в тувинском языке употребляется и самостоятельно; довольно широко распространено в тюркской лексике; имеется и глагольное соответствие (*бертик-*) (ЭСТЯ II, *70*). Образовано с помощью аф. *-(и)к*.

Берт (с вариантами, различающимися по характеру вокализма) встречается в основном в памятниках и единичных современных тюркских языках в значениях 'рана, вывих, ушиб, контузия; раненый, сломанный'. Как и глагол *берт-*, связывается с основой *бер-* 'бить' (ЭСТЯ II, *71*).

Соответствия компонента *-межел* распространены в гораздо меньшей степени; они отмечены в части кыпчакских языков: ср. каз. *мешел* 'рахит', *мешеу* 'беспомощный; калека', ккалп. *мешел* 'инвалид, разбитый параличом', ног. *мешел* 'рахитичный, хилый, слабый'. В.В. Радлов в своем словаре давал также каз. *мешәр* 'худощавый, слабый', которое он предположительно относил к персидским заимствованиям (РСл. IV, *2114*).

Таким образом, с точки зрения семантики *берт* и *межел* (< *мешел*) близки друг к другу. Что касается происхождения, то, судя по данным казахского языка (*мешел, меше-у*, и, вероятно, *мешә-р*), эти образования явно структурны и, похоже, восходят к глагольной основе (типа **меше-* 'лишаться подвижности, слабеть, хиреть' <?>). Однако для окончательного решения вопроса о происхождении слова имеющихся данных недостаточно.

Неясно также, какова первоначальная форма слова (существует вероятность изменений *м-* < *б-* и *-ш-* < *-ч-*) и связано ли *мешел*, напр., с кирг. *бечел* 'сидень (ребенок, не начавший ходить своевременно)' (ср. также *ара бечел* 'взрослый, но слабый', *бечелдик* 'вялость, слабосилие'). По мнению К.К. Юдахина, кирг. *бечел* имеет иранское происхождение (КРС, *132*), но возникает вопрос, насколько обосновано это мнение.

берт-межел см. **берт-, бертик-межел.**

бес I 'железа'.

бес II 'кандык (луковичное растение)'.

Хотя *бес* I, II в ТРС даются в качестве омонимов (причем с обратным, по сравнению с приводимым здесь расположением слов), есть основание думать, что мы имеем дело с одним многозначным словом: кандык, по-видимому, названо по луковице (**бес II**), а последнее, в свою очередь, является результатом переноса наименования по форме (ср. **бес I** 'железа', а также **ай I, II**).

Бес I имеет близкие соответствия в ряде языков: ср. др.-тюрк. *bez* 'железа; бубон' (ДТС, *97*), тур. *bez* 'железа; желвак, опухоль; бубон', кирг. *без* 'железа, желвак', каз. *без* 'железа, желвак; наплыв на дереве (березе, карагаче)', перен. 'нечто упругое, узловатое, крепкое' (Кайдаров, *193*), ног. *без* 'сучок', уйг., чаг. *бäз* 'железа, опухоль, желвак', (уйг.) 'сухожилие' (РСл. IV, *1631*), чаг. *мäз* 'железа' (РСл. IV, *2110*), турк. *me:z* 'железа'.

В турецком, кроме *bez*, в значении 'железа' употребляется и двухсложное слово *beze*, которое означает также 'тесто в виде кругляшков'.

В отдельных тюркских языках *без ~ бес ~ мäз* соответствуют слова с сонантом *р* между гласным и конечным согласным: тел. *пäрс* 'железа', шор. *мäрс* 'вымя; опухшие железы', и указанный согласный может быть иным (*-ч*): ср. тел. *пäрч* 'железа' (РСл. IV, *1239*), кирг. *берч* 'отвердевшая (подкожная) опухоль; дикое мясо', кум. *берч* 'затвердевший, жесткий, черствый'.

К сожалению, тюрк. *без ~ бес...*, несмотря на свое достаточно широкое распространение, не нашли отражения в ЭСТЯ. В этом источнике отмечена только часть форм типа *пäрс* и *берч*, которые Э.В. Севортян склонен был включить в производные от глагола *бер-* 'бить'. К их числу он уверенно относил также такие имена, как тур. *bere* 'рана, шрам, ушиб'... и некоторые другие (ЭСТЯ II, *71*; см. также **берт-, бертик-межел, берт-межел**).

Однако едва ли можно согласиться, что слова со значениями типа 'железа' или 'затвердевший, жесткий' связаны с глаголом *бер-* 'бить', не говоря уже о тех именах, которые не содержат согласного *-р-* (*без ~ бес...*). Скорее всего, *без ~ бес...*, а также *пäрс ~ мäрс*,

берч (в указанных значениях) связаны с теми же основами, что и тюрк. *бек* и *берк*, означающие 'крепкий, плотный, жесткий' и под., о которых речь шла выше: см., в частности, **бек, берт**, а также: ЭСТЯ II, *116 и след.*

Таким образом, *без...* и *пärс...*, *берч* связаны соответственно с глагольными основами *бе-* и *бер-*, означающими нечто вроде *'быть крепким (прочным, твердым)' (ЭСТЯ II, *119—120*). Первоначальная семантика *без...* и других слов — скорее, семантика качественного прилагательного, близкая к значениям кум. *берч*.

С рассматриваемыми основами, возможно, гомогенны и некоторые другие слова тюркских языков, в том числе, напр., як. *бэриң* 'вымя', тоф. *беътэ* 'черные железы в конском сале' (Рассадин. Словарь) (? < *бе-т-э*). Можно допустить, что наряду с *бер-* существовали и одноструктурные с ней глагольные основы **бет-* (ср. тоф. *беътэ*) и **без-* (ср. тур. *bez-e*). Название кандыка, соотносительное с тув. *бес* II, имеется также в шорском: *пäс* (РСл. IV, *1252*), *пес* 'кандык'.

бет(и) [еъ] 'эта сторона' (*обращенная к говорящему*); употребляется также в качестве служебного слова.

Тувинское слово в грамматических описаниях и словарях дается в форме *бети* — с аффиксом принадлежности 3-го л., поскольку оно в основном употребляется либо в составе изафетных сочетаний (ср. *бажыңның бети* 'эта сторона дома'), либо как корневая сторона служебных имен типа *бетинге ~ бетинде* 'по эту сторону'.

Как отмечалось в "Грамматике тувинского языка", *бет(и)* связано со словом *бет*, существующим во многих тюркских языках и означающим 'лицо', а также имеющим ряд других значений (ИП, *443*).

Эта точка зрения подтверждается и другими исследованиями, в частности ЭСТЯ (II, *121—122*), где, к сожалению, тув. *бет(и)* отсутствует. Слово *бет* и его соответствия есть почти во всех тюркских языках, но пока не имеют удовлетворительной этимологии. Употребление *бет(и)* в качестве служебного слова в основной массе тюркских языков не отмечено; исключение в этом плане составляют лишь тувинский и тофаларский, где тув. *бет(и)* соответствует служебное слово *беът* 'пространство перед чем-л.' (Рассадин. Морфология, *262, 264*). Интересно также, что в этих двух языках, в отличие от других тюркских, рассматриваемое слово не сохранило значения 'лицо (человека)'.

беш 'пять'.

Общетюркское числительное, отмеченное в основном в вариантах, близких тув. *беш*, за исключением др.-булг. **bēl*, чув. *пилĕк* и *birt* в одном из древнеуйгурских (турфанских) текстов (ЭСТЯ II, *126*).

Удовлетворительной этимологии не имеет. Исходя (фонетически) из чувашских данных, исследователи сближают *беш...* и *билек* 'запястье' (см. **билек**), что, однако, вызывает обоснованные сомнения у Л.С. Левитской (ИМЧЯ, *40*). Она вместе с тем считает сближение числительного "пять" и обозначения руки вполне правомерным.

Существует также мнение, согласно которому *беш* — тохарское заимствование в тюркских языках (А. Рона-Таш) и которое критически рассматривается М.Р. Федотовым (СТ I, 1984, *68*; ср. также: Федотов II, *77—80*). Думается, в принципе возможно, что "тюркское числительное п я т ь этимологически должно быть связано с одним из названий руки (счет по пальцам: пять пальцев, рука = пятерня → пять)" (ИМЧЯ, *39*), хотя эта связь не является прямой, непосредственной. Скорее, "пять" — это разновидность чего-то единого, соединенного, чем могут быть и пальцы руки.

Нельзя ли в этом плане связать *беш...* с общетюрк. *бек...*, *берк...* 'крепкий, плотный, прочный; сильный; закрытый'; 'много'; 'связка' и др.? *Берк* Э.В. Севортян связывал с глаголом **бер-*, среди значений которого он допускал 'быть крепким (прочным, твердым)', а *бек* — с глагольным корнем **бе-* (ЭСТЯ II, *119—120*), который по значению соотносим с *бер-* 'укреплять(ся)' (в том числе и в результате связи, соединения?).

На подобные соображения ориентирует также соотносительная с **бе-* глаг. (вероятно, залоговая) основа **бек-*, имеющаяся в таких производных, как *бек-ик* 'связанный'... (ЭСТЯ II, *120*).

Производным от глагольной основы **бе-* и могло быть тюрк. *беш...* 'пять' (← 'соединенные вместе пальцы руки').

В связи со сказанным привлекает внимание кирг. *беш*, омоним к *беш* 'пять' со значением 'сила, мощь', истолковываемый как иранское заимствование (КРС, *132*), но вместе с тем по семантике соотносимый с *бек*.

По-видимому, существовала и глагольная основа **беш-* (*бе-ш-*), соотносительная с *беш* 'пять' (в его первоначальном значении) и означавшая, вероятно, 'соединять, скреплять'. Ее можно видеть в турецком *баш-ма* 'палка у токарного колеса'; ср. также *дäликли бäшмä* то же (*дäликли* 'с отверстием, просверленный') (РСл. IV, *1636*).

биди {иъ} *тодж.* 'луб'.

Ср. тоф. *биъти* 'расщепленные черемуховые или рябиновые прутья, используемые для сшивания полос бересты (покрытия чума)' (Рассадин. Словарь), ? каз. *бідā* 'веревка, надетая как намордник верблюду' (РСл. IV, *1780*).

По всей видимости, эти слова представляют собой производные от *бит-* (*~ бут-*) 'расти, зарастать; быть перевязанным' и т.п. (ЭСТЯ II, *154—155*). Для тувинского языка в основном характе-

рен огубленный вариант указанной глагольной основы (см. *бут-*), но в случае *биъти ~ биди* мы имеем дело с производным от ее неогубленного варианта (*бит-*). В современных тюркских языках более распространен последний, но *бут-*, судя по характеру источников, возможно, является более древним.

Э.В. Севортян отмечал, что "производные от *бит-* не получили значительного распространения в тюркских языках" и их заметно больше в турецком языке (ЭСТЯ II, *155*). Круг этих производных, определенно, может быть расширен за счет *биди* и его соответствий.

биеэ [бийээ] 'давний, былой; тот самый', **биеэги (~ биеэки)** 'прежний, давнишний; тот самый, тот'.

Ср. также *биеэде* 'раньше; прежде; когда-то давно, давным-давно'; *биеэк* 'уже давно'; тодж. 'не так давно'.

В тюркских языках имеется ряд слов, соотносительных с тувинскими и имеющими однотипную с последними структуру, в том числе *байа ~ пыйа ~ бийе*, а также *байакы ~ пийеги* и др. со значениями 'недавно, давеча; вышеупомянутый; недавний; прежде, раньше, давно, исстари; то (тот, та) самое' и т.п., ср. тоф. *бийе* 'недавно, только что'.

Долгота в тув. *биеэ* [бийээ] и производных от него формах, возможно, эмфатическая по происхождению.

Как отмечено в ЭСТЯ (II, *30—31*), у этих и подобных форм имеются общие значения типа 'недавно, давеча, прежде, раньше', фиксируемые начиная с древнеуйгурских памятников.

Э.В. Севортян отмечал, что основы с гласным *-е-* в первом слоге (и вообще с переднерядным вокализмом) не встречаются среди исходных форм; такие основы вторичны и появились под влиянием *-й-*. Исследователь вместе с тем высказывает мысль, что источником *-и-* в первом слоге могли быть основы, подобные *быя (~ пыйа)*, характерные в основном для турецких, а также алтайских диалектов. Формы с переднерядным вокализмом присущи, кроме тувинского и тофаларского (тоф. *бийе* 'недавно, только что'), диалектам алтайского, хакасского и турецкого, а также сарыюгурскому языку; ср. **мыя**.

Ситуация с фонетическими вариантами свидетельствует о возможной контаминации основ различного происхождения, и, во всяком случае, труднообъяснима действием факторов собственно фонетического характера. О том же свидетельствует и семантика: наряду со значениями, связанными с прошедшим временем ('недавно, прежде, раньше' и т.п.), наблюдается, хотя и в меньшей мере, дейктическая семантика ('тот, тот самый; тот, что и прежде'). Хотя между значениями этих типов прослеживается общность ('тот самый, что и прежде'), они могли появиться и независимо друг от друга, опять-таки в результате контаминации.

Этимология *биеэ* и его соответствий неясна. По мнению Э.В. Севортяна, более старой формой *байа...* является *бага* и его соответствия, означающие 'недавно, давеча' и т.п. и имеющиеся в некоторых современных тюркских языках.

Происхождение *бага...* в свою очередь, нуждается в объяснениях. К тому же Э.В. Севортян признает, что указанная версия уязвима в фонетическом аспекте: не вполне реален переход *-г- > -й-* еще в эпоху древнеуйгурского языка.

Можно полагать, что *байа* и под. гомогенны с именной основой *бай* 'остаток, последняя часть' (ср. также глагольные основы вроде *байы- ~ байа-* 'проходить; кончаться, иссякать'); существует также глагольная основа, соотносительная с *бай*. См. **бай II**. В *байа* можно видеть, скорее всего, отглагольное образование с семантикой 'раньше, прежде, в прошлом'... (см. также: Менгес, *82*). Структура форм типа *байак, байакы* и под. в целом ясна.

На внешний облик и семантику рассматриваемых слов, возможно, повлияло сближение *байа...* с общетюркским указ. мест. *бу* 'этот'... (варианты *бу — бо, бы, би* и т.п.) (см. **бо**).

биеэги см. **биеэ**.

бижек [иъ] 'нож'.

Соответствия этого слова (с тем же значением) имеют общетюркский масштаб, однако в основном оно распространено в вариантах с заднерядным вокализмом (*бычак ~ пычак* и т.п.).

Переднерядные по вокализму варианты встречаются гораздо реже. Кроме памятников, где они употреблялись наряду с вариантами, характеризуемыми наличием гласных заднего ряда, они отмечаются главным образом только в тувинском и тофаларском языках (ЭСТЯ II, *160*), причем более старой формой слова является *бичек* (с интервокальным *-ч-*).

Традиционная этимология *бычак ~ бичек...* истолковывает их как производные от глагольной основы *быч- ~ бич-* 'кроить; резать', но есть версия, трактующая эти существительные как форму уменьшительности от *бы ~ би* 'лезвие, острие; нож'. Этой версии придерживается и Э.В. Севортян (ЭСТЯ II, *159—160*), но, думается, она обоснована слабей, нежели первая.

бижи- [иъ] 'писать'.

В основной части тюркских языков соответствиями тув. *бижи-* являются варианты с интервокальным *-т-*: *бити-* и под.; отмечена также односложная глагольная основа *бит- ~ быт-* (основное значение — 'писать'). Эти варианты исследователями связываются с др.-кит. *pjet, *piĕt* 'кисть, кисточка (для писания тушью)' (ЭСТЯ II, *157*). Вместе с тем в монгольских языках отмечен глагол типа п.-монг. *biči-*/монг. *бичих* 'писать', определяемый как явный тюркизм. Тув. *бижи-* (< *бичи-*), как и некоторые его соответст-

вия (ср. алт. *бичи-* ~ *пичи-*), судя по внешнему облику, — монголизмы (*ЭСТЯ* II, *157*). Монгольское происхождение тувинского слова отмечалось первоначально Н.Ф. Катановым (Опыт, *426—427*).

бижигле- [иъ] 'посылать письма, сообщать письмами'.

Монгольское заимствование. Ср. монг. *бичиглэх* 'отправлять официальную бумагу'. См. **бижи-**, **бижик**.

бижиирге- 'стесняться, смущаться, робеть (обычно о детях)'.

Глагольная основа, образованная с помощью аф. *-рга-* (*-рге-*) от имени (об этом форманте см.: ИП, *269—270*). Производящая именная основа — вероятно, фонетический вариант прил. *бичии* 'маленький' (ср. глагол *улуурга-* 'вести себя высокомерно, заносчиво; зазнаваться' < *улуг* 'большой'). См. **биче**, **бичии**.

Если в *бичии* [биччии] произошло удвоение первоначального *-ч-*, то в *бижиирге-* он подвергся озвончению. Оба варианта изменения интервокального *ч* характерны для тувинского языка.

бижик [иъ] 'письменность; циркуляр, письменное указание; письмо, послание, записка'.

Уже Н.Ф. Катанов отнес тувинское слово к числу монголизмов и возвел его к п.-монг. *bičig* <'письмо, письмена, надпись; сочинение, книга'> (Опыт, *144*). Как монгольское заимствование определяют тув. *бижик* (< *бичик*) и его соответствия в некоторых тюркских языках и современные исследователи (ЭСТЯ II, *157*). В свою очередь, монгольское слово — тюркизм. Ср. др.-тюрк. *bitig* 'книга; надпись, документ' (ДТС, *103*). См. **бижи-**.

бижик-билик [иъ] 'грамота, письменность; умение читать и писать, грамотность'.

По-видимому, монголизм. Во всяком случае, оба компонента имеют форму, близкую к монгольской. Относительно первого из них см. **бижик**. *Билик* в конечном счете связано с *бил-* 'знать', но, в отличие, напр., от *билиг* 'знание' (см. **бил-**, **билиг**), в тувинском языке самостоятельно не употребляется. В монгольских языках имеется слово типа п.-монг. *bilig*, монг. *билэг* (*-g*, *-г* произносятся как *-к*) (Поппе. Мук.) *bilik* и под. со значениями 'ум, разум, мудрость' (см.: Рассадин. Этимология, *131*), являющееся тюркизмом.

Вместе с тем в современных источниках по монгольским языкам нами не обнаружено полного соответствия тув. *бижик-билик*, а в значениях 'грамота; письменность' употребляется наименование типа монг. *бичиг үсэг*; ср. **үжүк-бижик**. Возможно, однако, что подобное соответствие существовало ранее.

бижимел [иъ] **1.** 'рукописный, письменный', **2.** 'рукопись; подлинник, оригинал'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *bičimel*, монг. *бичмэл* 'писаный, рукописный; рукопись, манускрипт'.

бижээчи [иъ] *уст.* 'делопроизводитель, секретарь; писарь'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *bičigēči* 'писарь, писец; секретарь', монг. *бичээч* 'писарь; технический секретарь'. По-видимому, *bičigēči* из др.-тюрк. *bitigäči ~ bitigči* 'писец' (ДТС, *103*). См. также **бижи-** и последующие статьи.

бийир 'кисть, кисточка (для краски, клея)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *bijir*, монг. *бийр* 'кисть (для письма или живописи) < кит. *pir* то же.

бил- 'знать; уметь; понимать'.

Общетюркское. Распространено в вариантах *бил-* (основной) ~ *пил-* 'знать, ведать, разуметь' и т.п. Этимологические словари дают лишь перечень форм и значений, а также архетип слова; см. **пил-* 'знать, узнавать' (по А.М. Щербаку) (ЭСТЯ II, *137—138*). См. также **билиг**.

билди 'фокус; волшебство'.

Ср. алт. *пилди* 'знак, признак предмета, отличительная черта' (РСл. IV, *1343*). Подобная семантика не вполне подтверждается иллюстративным материалом словаря В.В. Радлова, где *пилди* отмечено в текстах религиозного характера в значениях 'откровение' и 'знамение'. Алт. *пилди* считается производным от глагольной основы *пил-* 'знать, узнавать, понимать' (см. **бил-**), образованным при помощи аф. *-ди*.

Можно полагать, что такую же структуру имеет и тув. *бил-ди*. Соответствия *бил-* в других тюркских языках имеют и значения типа 'угадывать, уметь, мочь; предвидеть', что связано с наличием определенных "сверхъестественных" способностей (ср. также як. *билгэ* 'узнавание, распознавание по приметам (напр., погоды); предугадывание'), что приближает указанную глагольную основу к тув. *билди*.

биле- см. **бүле-**.

биле *союз* 'и, да'; **-биле** *послелог* 'с, вместе; посредством, при помощи'...

В других тюркских языках соответствия тув. *биле* и *-биле* зафиксированы как наречие ('вместе, совместно, слитно, одновременно, тотчас, за раз'), послелог ('с(о), при помощи'), союз ('и') и др. Они имеют общетюркское распространение в вариантах *биле* и *билен*. Почти все исследователи, начиная с В.В. Радлова, возводят *биле* к *бирле* (ЭСТЯ II, *140—141*), употребляемому примерно с тем же кругом значений, что и *биле* (ЭСТЯ II, *149—150*), а *бирле* так или иначе связано с *бир* 'один'.

Однако возведение *биле...* к *бирле* вызывает сомнения: *биле* распространено не меньше, чем *бирле*, а утрата *-р-* в сочетании *рл* не получила широкого распространения в тюркских языках; как правило, *р* здесь сохраняется. См.: Рясянен. Материалы, *184—185, 203*.

Поэтому можно предполагать, что *биле* и *бирле* — конкурирующие формы наименования, вопрос о гомогенности которых не столь прост, как это обычно представляется.

Можно предположить связь *биле...* как с названием запястья (то, что охватывается, соединяется) (см. **билек I**), так и с тувинским послелогом *билек* 'сразу, как только' (см. **билек II**) с учетом того, что *биле* (как, впрочем, и *бирле*) может означать 'одновременно, тотчас, за раз'..., а последнее еще и 'как только'... *Биле* восходит к той же глагольной основе **бил-* 'схватывать, охватывать' и под. При этом не исключена гомогенность **бил-* и *бир* 'один' (см. **бир**), в семантике которого также ощутим элемент тотального охвата.

билек I 'запястье'.

Имеются соответствия общетюркского масштаба, в основном — в формах, близких тув. *билек*. Преобладающие значения — 'запястье, кисть руки, предплечье, рука'; следует отметить семантику типа 'хватка' в древнетюркских памятниках и 'сила' в киргизском языке (ЭСТЯ II, *145—146*).

В анатомическом плане для *билек* наиболее характерны названия руки до кисти; вероятнее всего, наиболее раннее значение — 'запястье', т.е. та часть руки, за которую можно схватить (или которая чем-л. охватывается); ср. интересное в этом плане значение уйг. диал. *биилек* — 'стебель'.

Этимология *билек* остается неясной. Относительно нее существуют различные предположения, которые, однако, не выглядят достаточно убедительно. Так, по фонетическим и семантическим основаниям неприемлема интерпретация слова как уподобительно-уменьшительной формы от *бел* 'поясница' (Хабичев, *58*). См. **бел I**. Вместе с тем существуют небезынтересные сопоставления, в том числе те, которые приводились Г. Рамстедтом. Он сближал *билек* с чаг. *билдургā* 'петля (для руки) на рукояти плети' (ср. также алт. *билдирге* 'ремешок, привязываемый к колотушке шаманского бубна')[1] и як. *билэ* 'отвороты на рукавах и обуви; плисовая или суконная оторочка; обшивка, опушка' (см.: ЭСТЯ II, *146*). Сюда же, возможно, относится кирг. *билик* 'фитиль (свечи́, лампы)'; диал. 'кромка, обшивка по краям одеяла, орнаментированной кошмы'.

В целом это названия объектов, которые охватываются или охватывают другие объекты, сжимая или ограничивая последние. Во всех этих именах можно выделить основу *бил-* 'охватывать(ся)' и под. (см. **биле**, а также **билзек**).

билек II *послелог* 'сразу, как только'.

Соответствий в других тюркских языках не выявлено. Гомогенно, по-видимому, со словом *биле* (см. **биле**), особенно если учесть на-

[1] Ср. также тув. диал. *булдурге* 'петля на конце жердей юрты' (ВТЯ, *83*).

личие у последнего значений типа 'одновременно, тотчас, за раз' (ЭСТЯ II, *141*), а также, вероятно, — с послелогом *бирле(к)*, у которого указаны значения 'как только', 'одновременно, тотчас' (характерные, в частности, для турецкого языка). При этом Э.В. Севортян указывал, что "такие значения *бирле* возможны лишь при сочетании его с глагольным именем на *-дык* в посессивной форме" (ЭСТЯ II, *150*).

Интересно, что и *билек* сочетается с глаголом (причастием) в той же форме. Ср.: *Хун унери билек, бис ажылдай берген бис* 'Мы начали работу, как только взошло солнце' (ТРС).

Думается, что *билек* как послелог (*билек* II) гомогенно со своим современным омонимом *билек* I (см. **билек I**), связанным с глаголом **бил-*, обозначающим процесс схватывания, (быстрого) соединения, связи, возможных в пространстве и, далее, во времени; ср. *билек* 'как только [так сразу]'.

билзек 'кольцо, перстень'.

В тюркских языках отмечены в основном слова типа *билезик* (с вариантами по вокализму), реже — *билерик* — со значениями 'браслет', характерными почти для всех этих языков, иногда — 'перстень, кольцо' и под. Следует отметить определенное распространение семантики 'запястье руки' (ЭСТЯ II, *143—144*). Это явно свидетельствует о том, что в части тюркских языков *билезик* (и *билерик*) первично обозначало часть тела, а только затем украшение, которое на ней носилось, и было, скорее всего, структурно-семантическим вариантом общетюрк. *билек* 'запястье'.

Э.В. Севортян говорит об "общепринятой этимологии" тюрк. *билезик...*, принадлежащей В.В. Радлову, согласно которой *билезик* — сращение определительного сочетания **билек (й)узук* 'кольцо для запястья'. Исходя из этого, Э.В. Севортян склонен считать "старейшей среди форм с прозрачным лексическим составом" узб. *билагузук* 'браслет' < *билак узук*, "хотя здесь не исключается и народная этимология" (ЭСТЯ II, *144*).

Однако народная этимология ощущается и в ранее приводимой "общепринятой", сомнительной во многих отношениях (структурном, фонетическом, смысловом), хотя связь с *билек* 'запястье' у *билезик* едва ли может быть оспорена (ср. в этом плане также тув. *билектээш* 'браслет'). *Билезик* и *билек* — однокоренные слова: по-видимому, и то и другое — производные от ранее реконструированного глагола **бил-* 'охватывать(ся)' и под. (ср., в частности, **билек I**), но *билек* образовано непосредственно от указанной глагольной основы, а *билезик* — от того же глагола в форме побудительного залога на *-с-* (*-з-*) (**билис-* или **билиз-*).

Эта версия позволяет понять и структуру варианта названия браслета типа *билерик*. В ЭСТЯ последний объясняется как вторичный,

представляющий собой результат преобразования *-з- > -р-*, "хотя, надо сказать, в кирг., тел., алт. не отмечалось заметное распространение ротацизма" (ЭСТЯ II, *144—145*). Более логичным было бы отнести *билерик* также к производным от формы побудительного залога от **бил-*, но образованного с помощью аф. *-(и)р* (**билир-*). Вторичным сближением с *билек* объясняется появление в среднем слоге названия браслета широкого гласного (*билезик* вместо ожидаемого *билизик* и соответственно *билерик* вместо **билирик*). Тув. *билзек* и сходные с ним формы (типа як. *билсээх*) Э.В. Севортян относит к "вторичным и, возможно, частично подвергшимся влиянию преобразованных форм тюркского заимствования в монгольском языке". Последние не приводятся (ср. п.-монг. *bilseg, bilčeg*, калм. *билцг* [билцег] 'кольцо, перстень'). Внешний облик и семантика этих форм явно свидетельствуют о прямом их заимствовании в тувинском из монгольских языков типа ойратских или старомонгольского (ср. монг. *булжиг* 'кольцо, перстень').

билиг 'знание, знания; понятие; образование'.

Производное от общетюрк. глагольной основы *бил-* 'знать' (см. **бил-**). Э.В. Севортян включил тув. *билиг* в число производных от *бил-* имен с аф. *-(α)к* (ЭСТЯ II, *139*). Однако, как правило, по отношению к тюркским языкам аффиксы *-(α)к* и *-(α)г* разграничиваются. Судя по приводимым Севортяном материалам, в этих языках в основном отмечена форма на *-(α)к* (*билик*). Производные на *-(α)г*, кроме тувинского, фиксируются еще только в древнетюркских памятниках, где *bilig* имеет значения 'знание; ум, разум; осторожность, предусмотрительность' (ЭСТЯ II, *139*; ДТС, *99—100*). Возможно, *билиг* с семантикой 'знание, знания' является одним из древних слов тувинского языка. В нем встречается и вариант *билик*, который, однако, употребляется не самостоятельно, а в качестве компонента сложного слова *бижик-билик* 'письменность, грамота' (см. **бижик-билик**), где, вероятно, является вторичным монгольским заимствованием. То же можно сказать и о части соответствий *билик* в других тюркских языках. Вместе с тем слова монгольских языков типа *bilig/билэг* и под., как это признано, представляют собой тюркизм (ЭСТЯ II, *139*).

билээ *тодж.* 'разновидность глинистого сланца'.

По всей вероятности, тув.-тодж. *билээ* родственно характерному в основном для турецкого языка и его диалектов слову *bileği ~ bilevi...* и его соответствиям в некоторых других тюркских языках и их диалектах со значениями 'оселок, точильный камень; брусок, точило'. В свою очередь, *bileği...* образовано от глагола *биле-* 'точить', широко распространенного в тюркских языках (см.: ЭСТЯ II, *142, 143*) при помощи аф. *-ги*.

Можно полагать, что это слово служило также названием камней (минералов), являющихся материалом для оселка, точила и под., что отразилось в семантике тодж. *билээ*.

Не исключено, что последнее может быть отнесено к монголизмам. Монгольские названия точильного камня, бруска близки к ранее рассмотренным тюркским и определенно являются тюркизмами в монгольских языках: ср., в частности, п.-монг. *bilegü* и его современные соответствия типа монг. *билүү* (ЭСТЯ II, *143*).

Если истолковывать тодж. *билээ* как монголизм, то оно, скорее всего, должно быть отнесено к числу достаточно старых (в частности, средневековых) заимствований. Судя по характеру конечного гласного (ээ), долгота в нем образовалась самостоятельно по "тюркскому" образцу (исходя из характера начального гласного комплекса *-egü*), тогда как в монгольских языках имела место регрессивная ассимиляция гласных и образование долготы по характеру конечного (узкого) гласного (ср., напр., монг. *билүү*).

В этом плане тув.-тодж. *билээ* отличается, к примеру, от тоф. *bülü*: (*булуу*) 'мелкозернистое точило, оселок (для точки кос)', позднего заимствования, которое возводится к бур. *булюу* 'точило, оселок' (Рассадин. Фонетика, *167*).

бир 1. 'один, единица', 2. 'один, какой-то'.

Общетюркское числительное. См. соответствия в ЭСТЯ II, *146—147*.

Этимология неясна; существуют алтаистические сближения (Там же, *148*), которые Л.С. Левитская справедливо не считает надежными (ИМЧЯ, 38).

Выдвигались и собственно тюркские этимологии Э.В. Тенишева (ТС 1974. — М., 1978. — С. 110—111), Т.М. Гарипова и Я.А. Чанышева (Лексика и морфология тюркских языков. — Новосибирск, 1982. — С. 29), которые, в свою очередь, ненадежны, в частности по фонетическим основаниям.

На материале различных языков устанавливается связь названия 'один' с личным местоимением 1-го л. ед. ч.; предполагается также связь того и другого с указательной частицей. Высказывается мысль, что тюркский материал подтверждает истинность этих положений. В частности, «элемент **bi* из **bi:r* 'один', несомненно, имеет прямое отношение к элементу **bi* из тюрк. *ben* 'я' (ср. 1-е л. мн. ч. тюрк. *biz* 'мы' — монг. *bi* 'я') и к указ. мест. *bu* 'этот'. На данной почве возможна новая этимология **bi:r* — **bi* 'я' + *er* 'мужчина, человек' > **bi*^{e}*r* > **bi:r* 'один'» (СИГТЯ М, *163*).

Однако для утверждения, высказанного выше, о наличии непосредственного отношения между числительным, с одной стороны, и указательным и личным местоимениями, с другой — нет достаточных оснований.

Мы полагаем, что для установления происхождения числительного *бир* необходимо учитывать некоторые не вполне ясные по характеру смысловой связи с 'один' значения слова *бир* в части тюркских языков. Так, например, привлекают внимание отмеченные Э.В. Севортяном значения 'целый, весь, вместе; вдруг' и пропущенное в ЭСТЯ кирг. *бир* 'сразу, разом', где ощущается семантика тотального охвата, объединения, схватывания (охватывания), действия, совершаемого резко, разом, вдруг. Подобный же круг значений характерен для слов, производных от *бир*, в числе которых др.-тюрк. *биртем ~ бирдем* 'совсем, совершенно', уйг. *бирдэм* 'вмиг, моментально', алт. диал. (туба) *бирик-* 'схватывать, вцепиться' (в других тюркских языках этот глагол обозначает 'соединяться, объединяться'; см.: ЭСТЯ II, *148*).

Интересны с этой точки зрения также наречие *бирге* 'вместе, сообща' и подобные ему, а также наречие и послелог *бирле ~ бирлен* 'вместе, совместно, тотчас, одновременно, как только' (см. о них: ЭСТЯ II, *148—149*, *149—151*).

Учитывая заметное количество подобных случаев, можно предположить, что первоначально *бир* могло обозначать однократное сильное, резкое движение, действие. В этом смысле оно напоминает русское слово *раз*, первоначальным значением которого считается 'удар' (Фасмер III, *432*) и которое затем стало употребляться в значении 'один' (напр., при счете: *раз*, *два*, *три*...). Ср. также употребление кирг. *бир* при глаголах, когда оно придает действию резкость, решительность (КРС, *135*).

Поэтому, вероятно, не случайно внешнее и смысловое сходство *бир* и реконструированной нами глагольной основы **бил-* 'охватывать(ся)' (см. **биле, билек I, II, билзек**). Они вполне могут быть гомогенными. С учетом *бир* возможно также выделение глагольной основы **би-* со сходной семантикой.

Можно также предположить, что, кроме именной основы *бир*, существовала и соотносительная с ней глагольная **бир-*, которая, в свою очередь, могла быть гомогенной с *бур-* 'хватать добычу (когтями)' (см. **бүргүт**).

бир-тээ [болза] 'раз, коли так, поскольку, если'.

Ср. тоф. *бир тэ*, *бир тэ болса* 'раз так, то'..., 'коли так, то'..., 'если так, то'... (Рассадин. Словарь).

По происхождению тоф. *бир тэ* и тув. *бир-тээ* представляют собой сочетание числительного *бир* 'один' и усилительной частицы, которая в тофаларском употребляется в сингармоничных вариантах *та ~ тэ* (Рассадин. Морфология, *270*) и соответствует общетюрк. *да ~ де*, *та ~ те* (см.: ЭСТЯ III, *109*), но в тувинском фактически заменена частицей *-даа*, не имеющей мягкорядного варианта и имеющей, по всей вероятности, иное происхождение, нежели

та ~ те (см. **даа**). В случае *бир-тээ* могла иметь место контаминация частиц *та* (в варианте *те*) и *даа*, результатом чего было, в частности, появление долготы у конечного гласного (*-тээ*).

Использование числительного *бир* в значении 'раз так' и под. типологически сходно с использованием рус. *раз* ('один') в качестве союза типа *если* (*раз уходишь, то уходи*) и косвенно подтверждает ту версию, которая высказана относительно происхождения числительного (см. **бир**).

По-видимому, использование *бир* (в комплексе с усилительной частицей) в качестве союза с указанным значением — достаточно архаичная черта тюркских языков. Судя по имеющимся данным, нечто подобное отмечено в основном в древнетюркских памятниках, где существовал союз *birük ~ birök* 'если' (ДТС, *103*), где *bir* явно связано с числительным *бир*, а *-ük(-ök)* — с частицей *oq ~ ök*, определяемой как "утвердительно-выделительная частица" (ДТС, *369*, *382*; ГЯТРП, *207—208*)[1]. Следует отметить, что к этой частице возводится тодж. аф. *-ык(-ик)*, *-ук(-ук)*, *-ак(-ек)*, присоединяемый к словам различных частей речи, в том числе к союзам и частицам, и усиливающий их значение (Чадамба 1974, *107—108*).

В тувинском языке, кроме *бир-тээ*, отмечен также союз *бир эвес* 'если', где имеется отрицательная (по форме) частица *эвес* 'не'. В "Грамматике тувинского языка" дается даже буквальный перевод союза 'не один' (ИП, *453*). Однако в данном случае *эвес* имеет, скорее, усилительное значение и близка в этом плане одной из усилительных частиц — *эвеспе* (см.: Сат, Салзыңмаа, *240*).

бирээ 'один, раз' (при счете); 'один из'... (*в сочетании с аффиксом принадлежности*).

Ср. тоф. *бирээ* 'один'; др.-тюрк. *birägü*, кирг. *бирөө*, тат., башк. *берәү* то же; при этом форма *бирээ* возводится к исходной форме типа *birägü* (Рассадин. Фонетика, *35*, *162*), что с фонетической точки зрения вполне обосновано.

Э.В. Севортян, приводя наиболее распространенные производные от *бир* 'один' (см. **бир**), указывает среди них существительное (?) с аф. *-е-гу* или *-е-г*, в котором "первый элемент является, видимо, глаголообразующим показателем" и который Севортян видит также в тур. *bir-e-t* 'объединение' и тур. диал. *birem ~ birim* 'по-одному'. Судя по примерам, слово в основном распространено в памятниках (вариант *бир-е-гу* и под.), а также в части современных тюркских языков и диалектов (варианты типа *бирев*, *бирею* и т.п.); его основные значения — 'некто', 'один'.

---

[1] Ср. также кирг. (=каз.) *бир-ок* 'если' (РСл. IV, *1747*) (в примере), кирг. *бир ок* (или *бирок*) 'но, однако; тем не менее' (при *ок* — частице ограничения) (КРС, *564*).

Исходя из подобной семантики, слово едва ли может быть отнесено к существительным: это, скорее, морфологический вариант числительного *бир*. По своему значению *бирээ*... заметно отличается от других производных на *-а-гу* (*-е-гү*), действительно являющихся существительными (см., в частности: АИ, *234—237*, а также статьи **билээ**, **бызаа**).

Некоторые исследователи структуру др.-тюрк. *birägü* представляют иначе: *-ägü* истолковывается как аф., образующий собирательные числительные (СИГТЯ М, *188—190*; ИМЧЯ, *50*). Но нетрудно заметить, что *birägü*, в отличие, к примеру, от др.-тюрк. *ikägü* 'вдвоем', *üčägü* 'втроем', не имеет собирательного значения, и, по-видимому, от числительного, означающего 'один', в принципе едва ли возможно образовать форму собирательности.

Предполагается, что формы типа *birägü* являются сравнительно новыми (ИМЧЯ, *50*).

В целом структура *birägü* и его современных соответствий, в том числе и тув. *бирээ*, пока недостаточно ясна.

бис I 'лезвие; острие'.

Имеет соответствия общетюркского характера в вариантах *биз ~ бис* и др.; распространен также двухсложный вариант типа *бигиз*. В большинстве источников слово означает 'шило'; часты также значения 'острие, острый конец' и 'лезвие' (ЭСТЯ II, *130—131*). Общепринятой этимологии *бис... ~ бигиз...* не имеет. Существует несколько версий, получивших критическую оценку. Э.В. Севортян, по сути, исходит из двухсложного варианта *бигиз*, который, по его мнению, имеет следующую структуру: **би*: 'нож, острие' + глаголообразующий аф. *-ка- ~ -кы-*... + аф. именного словообразования *-(α)з*: **би*:*-ки-з* > **би*:*-ги-з*. *Биз ~ бис*, по этой версии, явилось результатом фонетических преобразований, связанных с выпадением в *бигиз* интервокального *-г-* < *-к-* (ЭСТЯ II, *131*), однако подобный процесс не имел общетюркского характера, и поэтому такое объяснение трудно принять.

В другой статье ЭСТЯ (II, *142*) приводится (и притом без возражений!) версия К. Менгеса, согласно которой *бис* — *би*: + аф. *-з* со значением парности, т.е. **би-з* — 'оба лезвия' (?), что также неприемлемо. Логичнее было бы истолковать *биз ~ бис*... как отглагольное образование.

В частности, допустимо, что, кроме именной основы *би* 'острие, лезвие' (ЭСТЯ II, *142*; см. также **билээ**), существовала также и соотносительная с ней глагольная **би-*, подобно тому, как существует соответствие *биз* 'шило' и глагольной основы **биз-* (на основе данных турецких диалектов) (ЭСТЯ II, *131*). Последнюю же можно трактовать как форму побуждения от **би-* 'быть острым; колоть, резать'... от которой и было образовано с помощью вы-

шеназванного аффикса именного словообразования *-з* имя *биз ~ бис* и другие его односложные соответствия.

Если принять это объяснение, то структура двухсложного варианта слова предстанет в несколько ином виде, чем в ЭСТЯ. Как и *биз...*, *бигиз* — отглагольное существительное, образованное от **би-*, но в производной форме (с добавлением к этой основе аф. *-к-*): **би-к-*. Как известно, этот формант придает глагольным основам значение интенсивности действия с оттенком медиальности (см.: Рассадин. Морфология, *152—153*). Таким образом, *бигиз* < **би-к-(и)з*.

бис II [иъ] *мест.* 'мы'.

Общетюркское; распространено в основном в формах *биз ~ бис* и только в качестве личного местоимения 1-го л. мн. ч. ('мы'). Существует ряд этимологических версий, часть из которых носит алтаистический характер. Большее распространение получила этимология, согласно которой *биз* структурно делится на компоненты *би* + *з*, первый из которых считается реконструированной формой местоимения 1-го л. ед. ч. ('я'), а второй — древним показателем двойственного числа или множественности (ЭСТЯ II, *129—130*; ср. также: **ГЯТРП**, *164*; **Серебренников, Гаджиева**, *137*).

Древняя форма местоимения реконструируется по-различному: **биз*, **пиз* (> *биз*), **пiс* (*пӣс*?). Последнюю реконструкцию (принадлежащую А.М. Щербаку) Э.В. Севортян считает уязвимой как в отношении начального, так и конечного согласного (ЭСТЯ II, *130*).

Думается однако, что наличие в тув. *биъс* фарингализации свидетельствует в пользу конечного сильного согласного (а такие являются одновременно глухими) у прототипа тувинского слова. Возможно, что праформа тюрк. *биз ~ бис* могла варьировать по качеству конечного согласного.

Следует также заметить, что А.М. Щербак, практически отрицающий наличие в тюркских языках формы множественного или двойственного числа на *-з*, сомневается и в реальности приводимой выше структуры мест. *биз ~ бис* (Щербак 1977, *86—87*, *125*), однако, к сожалению, не приводит альтернативной этимологии местоимения.

Не является ли последнее производным на *-з(-с)* от глагольной основы **би-* 'охватывать(ся)'? См., в частности, **бир**.

биче 1. 'маленький, меньший; младший', **2.** 'малая часть (чего-л.)'; **бичии 1.** 'маленький, мелкий', **2.** 'немного, чуть-чуть'.

Соответствия тув. *биче*, *бичии* распространены достаточно широко. Можно говорить о межтюркском характере слова, которое тем не менее не нашло отражения в ЭСТЯ.

Кроме тувинского, слово имеется в древнетюркских (древнеуйгурских) памятниках (*бічā* 'маленький'), сарыг-югурском, где С.Е. Ма-

ловым отмечены *мічэ* 'маленький; немного', *мічі-* 'резать на куски, уменьшать', *пыча-пыча* 'помаленьку' (ЯЖУ, *77, 97*), а также в тофаларском (*бичче* 'маленький'). Ср. также сал. *пича* 'немного', уйг. (диал.) *пішэ* 'немного', кирг. *бичи* 'немного, чуть-чуть', каз. *пиши* 'чуточку, немножко' (Аманжолов, *399*).

Соответствия тюркских слов имеются и в монгольских языках, где в письменных памятниках отмечены формы *bičiqan ~ bičiken*, а в современных языках — монг. *бяцхан*, бур. *бишыхан*, калм. *бичкн* ('маленький'). Подобные формы (явные монголизмы) фиксировались в якутском языке: ср. *бичикäн ~ бычыкан* 'очень маленький' (Пек. I, *481*); сюда же, вероятно, относится и як. *бычык* 'немного; понемногу'.

Если говорить о данных монгольских языков, то едва ли могут быть сомнения, что здесь мы имеем дело с тюркским заимствованием, точнее с основой, восходящей к *бичи* или *биче*, к которой добавлен монгольский диминутив (аф. уменьшительности) *-кан(-хан)* и под. Источником монгольского слова послужила, возможно, лексика древнеуйгурского языка, хотя в имеющихся источниках монгольские формы трактуются как "параллели" к тюркским.

Что касается этимологии тюрк. *биче...* (*~ бичи*), то этот вопрос крайне запутан. В некоторых источниках мы сталкиваемся с отсутствием какой-либо версии: авторы ограничиваются только фиксацией (причем неполной) тюркских слов и их монгольских соответствий (Рассадин. Фонетика, *162*; EW, *75*).

В.Е. Егоров, этимологизируя чув. *пĕчĕк*, *пĕчĕккĕ* 'маленький; младший', сопоставляет их с данными тувинского, якутского, а также монгольских языков. Кроме того, он приводит "соответствия" с начальным заднеязычным *к* типа *кичиг ~ кичик ~ кучук*... 'маленький', трактуя различия слов тюркских и монгольских языков как результат чередования *к- ~ п-* (ЭСЧЯ, *159*), что, возможно, реально в отношении чувашского языка, но явно неприменимо к другим тюркским, а также монгольским языкам.

В.М. Иллич-Свитыч, исходя из данных монгольских и некоторых тюркских языков, реконструировал алтайскую праформу *bičа*, которую он отнес к числу ностратических основ и к которой привел параллели из уральских и дравидийских языков. Автор пытался истолковать близость слов разных языковых семей, относя их к словам "дескриптивного", или, иначе, образного характера (Иллич-Свитыч 1971, *178—179*), что, однако, малоубедительно.

Вместе с тем С.Е. Малов, комментируя др.-уйг. *bičä* 'маленький', привел мнение В. Томсена (1912 г.), согласно которому это слово связано с глаголом *bič-* 'резать' (ПДТП, *371*) и какое сам С.Е. Малов явно разделял, о чем свидетельствуют и вышеприведенные сопоставления, относящиеся к сарыг-югурскому языку.

По всей вероятности, эта точка зрения наиболее реальна, и *биче...* действительно производно от общетюрк. *бич- ~ быч-* 'резать' (> 'уменьшать, разрезая на части'). Ср. также **бижек**.

Биче и *бичи* образованы при помощи аф. *-е* и *-и* (это могут быть и фонетические варианты одного аффикса). Долгота в тув. *бичии* может носить эмфатический характер, но возможно, что *бичии* < **бичиги* < **бичи-ги*, где *бичи-* — удлиненный вариант глагольной основы **бич-* (ср. вышеприводимое с.-югур. *мічі-*, а также двухсложные основы в некоторых других источниках; см., в частности: ЭСТЯ II, *158, 159*). См. также **биче-бача**.

биче-бача 'мало-мальски, малость'.

Относительно этимологии первого компонента см. **биче**. Что касается *-бача*, то оно может быть "словом-эхом" к *биче*, но возможно, что этот компонент восходит к самостоятельному слову с семантикой типа 'маленький, малый' и под. Ср. уйг. *бачка* 'птенец голубя', уйг. (лоб.) *бачка, бачкы* 'птица-самка', узб. *бачча* 'дитя, ребенок', *бачки* бот. 'пасынок', уст. 'детская обувь', кирг.-южн. *бача* 'дитя, ребенок; мальчик' (однако, в части источников, в том числе по киргизскому языку, приведенные слова истолковываются как иранские заимствования, что не исключено).

На другое направление поисков этимологии *-бача* ориентируют данные языка желтых уйгуров, или сарыг-югурского языка, где имеется наречие *пыча-пыча* 'помаленьку' (ср. также *пычап перер*, переводимое как 'разделю, разрежу') (Малов. ЯЖУ, *97*).

Если *биче* связано с мягкорядным вариантом глагола *бич-* 'резать' (> 'уменьшать'), то *пыча*, вероятно, производно от твердорядного его варианта (*быч- ~ пыч-*; ср. с.-югур. *пычак* 'нож').

Возможно, тув. *биче-бача*, в отличие от с.-югур. *пыча-пыча*, восходит к сочетанию **биче-быча*, компоненты которого сводимы к двум указанным вариантам. В таком случае *-а-* в первом слоге *-бача*, возможно, является результатом перехода *ы* > *а* в неударном слоге.

биче-бөөвей 'мизинец'; **биче-шөөмей** то же.

Название мизинца в тувинском языке отмечено в разных вариантах, но в основном с начальным компонентом *биче-* ('малый, маленький'). Среди них есть вполне ясные по структуре и семантике, каков, напр., *биче-салаа* (букв. 'маленький палец'; см. **салаа**). По структуре и характеру связи компонентов от него явно отличны наименования типа *биче-бөөвей* и *биче-шөөмей*. В первом из них (ср. также тоф. *биче-биибей* арх. 'мизинец') компонент *-бөөвей* (~ *-биибей* и под.) связан, видимо, с распространенным в ряде тюркских языков словом *бебек ~ бөбек* 'дитя, ребенок; кукла; зародыш, почка, бутон', а также 'мизинец' (последнее — в узбекских диалектах) (ЭСТЯ II, *95—96*), вероятно имеющим междометное

(подражательное) происхождение. Варианты этих названий довольно многообразны: ср., напр., тат., тур. *бäбäкäй* 'младенец' (РСл. IV, *1637*), формы типа *бебей* 'младенец' и под., а также заимствования из монгольских языков, среди которых алт. *буубай* 'колыбель; кукла', як. *буөбэй* 'голубчик, голубушка'. Среди названных вариантов есть и достаточно близкие к тув. *-бөөвей*, тоф. *-биибей*. Вместе с тем семантически *биче* и *бөөвей* также, вероятно, были весьма сходны друг с другом.

Нечто подобное в плане семантики прослеживается и в *биче-шөөмей*, где второй компонент, возможно, родствен тюркскому глаголу *чөк-* (*čök-*) 'опускаться', среди производных от которого — имена типа др.-тюрк. *čökä* 'коленопреклонение', *čökät* 'низкорослый' и т.д. (ДТС, *154—155*). Можно предполагать и **чөке ~ *чөге* 'короткий, низкий' (см. **шөө-бөру**). В *-шөөмей* можно выделить основу *шөө*, восходящую к **чөге*, и уменьшительный аф. *-мей*.

биче-шөөмей см. **биче-бөөвей**.

бичии см. **биче**.

бо *мест.* 'этот'.

Распространение мест. *бо* и его соответствий, среди которых наиболее часто встречается вариант *бу* (*~ пу*), отмеченный как в памятниках, так и в современных тюркских языках, носит общетюркский характер. Древнейшими вариантами одни ученые считают **бу* и **бо*, с долготами и без них (ЭСТЯ II, *226*, *227*), другие — **пу* (*> бу*), **пу ~ *бу* (иногда также с долготой) (ср.: Щербак 1970, *196*; Серебренников, Гаджиева, *133*; СИГТЯ М, *236*). Этимология неясна, но прослеживается связь указ. мест. *бу...* с личными местоимениями тюркских языков (ГЯТРП, *164*; Серебренников, Гаджиева, *137*).

бовурзак, бооpзак 'баурсаки (*печенье в виде жаренных в масле кусочков теста*)'.

На материале тюркских языков соответствия тув. *бовурзак ~ бооpзак* отмечены главным образом в кыпчакской группе (*бавырсак* и под.). Как название еды это в основном баурсаки — маленькие куски теста (в виде шариков, квадратиков), жаренные в бараньем сале или масле (см.: ЭСТЯ II, *23*).

В свою очередь, указанное наименование еды представляет собой вторичную и, как полагал Э.В. Севортян, позднюю семантику общетюрк. *багырсак ~ багырсук ~ бавырсак* со значениями 'внутренности, кишки' (отсутствующую в тувинском). Это слово является производным от *багыр...* 'печень' (см. **баар**). Элемент *-сак ~ -сык* представляет собой сочетание аф. *-са- ~ -сы-*, образующего глагольные основы с уподобительной семантикой, а *-к* — аффикс, образующий от подобных основ отглагольные имена (ЭСТЯ II, *22—23*).

Бавырсак 'баурсаки' — результат метафорического переноса наименования по внешнему сходству: баурсаки представляют собой, в сущности, колбаски из теста (напоминающие формой кишку), разрезанные на кусочки и затем зажаренные.

В тувинском языке *бовурзак ~ боорзак* не обнаруживает явной связи с *баар*: неясно возникновение огубления гласных в корневой части слова. Здесь следовало бы ожидать формы **баарзак* или **баарзык* (ср. **баарзык**). Тув. формы *бовурзак ~ боорзак* ближе по своему облику монгольским словам (в свою очередь, явным тюркским заимствованиям в монгольских языках), в том числе п.-монг. *boγursaγ*, монг. *боорцог*, калм. *боорсг ~ боорцг*, бур. *боорсок*, обозначающие баурсаки или сходные с ними виды печенья (см., в частности: ЯМВМ, *124 и след.*). Тув. *боорзак* может быть непосредственно связано с современными вариантами монгольских языков, характеризуемыми долготой гласного *о*; другой вариант слова (*бовурзак*), по-видимому, также имеет монголоязычный источник.

В монгольских языках *г* в положении между двумя гласными нередко чередуется с *б* или *в*; есть также случаи перехода интервокального *б(в) > г* (см.: Владимирцов. Ср. грамматика, *203 и след.*). Можно полагать, что в случае с *бовурзак* мы имеем дело с сохранением подобного же согласного монгольского прототипа (предположительно — **бовурсаг* или **бовурцаг*) тувинского слова.

бог- 'затягивать (петлю); завязывать (узел); душить, давить; колоть, резать (о мелком скоте); делать запруду, перегораживать (например, воду в арыке)'.

Глагол общетюркского характера. ЭСТЯ дает два общетюркских глагола-омонима в форме *бог-*: первый — со значениями 'душить; стягиваться, задыхаться; задрать (кого-л.)' и второй — с семантикой 'вязать, связывать, завязывать; затягивать' и под. (ЭСТЯ II, *164—165, 165—166*).

С этим разделением едва ли можно согласиться. Скорее, мы имеем здесь дело с многозначностью глагольной основы *бог-*: в значениях 'душить, давить' и 'вязать, связывать' есть общий элемент стягивания, сжимания. Не случайно и ЭСТЯ в значениях "омонимов" *бог-* I, II фиксирует семантику типа 'стягивать(ся)', 'затягивать(ся)'.

богаа 'меховой шарф, боа; кольцо для косы (сельскохозяйственного орудия)'; *тодж.* 'браслет'.

В тюркских языках имеются два морфологических варианта слова: *букав* (< **букаг*) и *букагу ~ букагы ~ бокагу ~ богагу...*, второй из которых распространен шире первого и носит общетюркский характер. Семантика указанных вариантов — 'оковы, кандалы, колодки; цепь, цепи; ярмо; ошейник; женское серебряное украшение; ожерелье'... (ЭСТЯ II, *248—249*).

Таким образом, среди значений преобладают такие, которые связаны с орудиями наказания; семантика украшений (одежды), характерная для тув. *богаа*, отмечается лишь в отдельных источниках. Тувинское слово в ЭСТЯ не приводится.

Э.В. Севортян полагал, что "все эти образования, возможно, следовало бы соотнести с глаголом *бог-* 'связывать'..., однако среди его форм нет фонетической модификации *бок-* или *бук-*" (ЭСТЯ II, *249*). К этому следует добавить, что в *букагу* и его соответствиях преобладает узкий гласный первого слога, чего нельзя сказать о *бог-*. В ЭСТЯ нет этимологического решения, однако в более ранней работе Э.В. Севортяна слова типа *букав* и *букагу* относятся к числу производных от глагольной основы *бук-* 'сгибать' при помощи аффиксов *-аг* и *-агу* (*-а-гу*) (АИ, *236*), для чего имеются достаточные основания семантического характера: в частности, кроме 'гнуть, сгибать', *бук-* и его соответствия означают также 'крутить, вертеть; завертывать, заворачивать; связывать' и т.п. (ЭСТЯ II, *290—291*). Эти значения подтверждают реальность указанной глагольной основы как производящей для *букагу*...

В некоторых случаях возможно вторичное сближение, контаминация некоторых соответствий данного слова с *бог-* 'связывать' (см. **бог-**), чем можно объяснить появление широкого гласного *о* в первом слоге подобных соответствий. Вероятно, такое сближение имело место и в тув. **богаа**.

богба 'стригунок, годовалый жеребенок'; *тодж.* 'двухгодовалая (о лошади)'.

Ср. хак. (саг.) *пугба* 'стригунок' (ВТЯ, *36*).

Можно предполагать связь с *боос* 'жеребая; детеныш (в утробе)' (< *богаз*) (см. **боос**), где *бог-* — 'быть беременной'; возможно, 'рожать'. В таком случае *бог-ба* < **бог-ма*?

Вероятно, первоначально *богба* обозначало жеребенка от рождения до года, жеребенка-сосунка. Это обозначение могло быть затем заменено общетюрк. *кулун* (см. **кулун**), и в *богба* произошел сдвиг значений. В результате образовалось еще одно из конкурирующих названий жеребенка-стригунка (ср. **сарбаа**, **чаваа**), а в тоджинском диалекте *богба* обозначает жеребенка еще более старшего возраста.

З.Б. Чадамба относит *богба* к монголизмам, не приводя, однако, его соответствий в монгольских языках (Чадамба 1974, *83*). К этому мнению присоединяется и В.И. Рассадин, который также не приводит подобных соответствий (Рассадин. МБЗ, *59*).

богда 'будда; бог, святой'.

Монголизм. Этот факт установлен еще Н.Ф. Катановым, возводившим тувинское слово к п.-монг. *boγda* <'святой, премудрый'> (Опыт, *137*). Соответствия этого монгольского заимствования отмечены и в других тюркских языках, но с изменениями в значе-

ниях: ср. як. *богдо* 'смелый, отважный; бодрый, резвый; видный, величественный'... (Пек. I, *482*), хак. *погда* 'толстый и большой; красивый, представительный' и др. (см., в частности: EW, *78*).

бода- 'думать, раздумывать, мыслить; предполагать, решать'.

Монголизм. К монгольскому *bodo-* <'соображать, обдумывать, составлять проект, план, смету; считать'> тув. *бода-* (*пода-*) возводил Н.Ф. Катанов (Опыт, *424*).

бода 1. *ист.* 'бодо' (*единица подсчета скота в переводе на голову крупного скота*); *шахм.* 'легкая фигура', 2. 'крупный (о скоте, снеге)'.

Монгольское заимствование. Ср. п.-монг. *bodo*, монг. *бод* 'крупный скот (лошади, коровы, верблюды)'; 'бодо' (условная единица подсчета скота в переводе на одну голову крупного скота)'; 'фигуры в шахматах (кроме короля)'. Ср. также кирг. *бодо* (*бодо мал*) 'крупный скот'.

бодаган [оъ] 'верблюжонок до года'.

В тюркских языках тув. *бодаган* соответствуют различные родственные или, во всяком случае, близкие по звуковому облику наименования, в том числе *бот* (*борт*) ~ *бота* ~ *ботук* ~ *боталак* и др., означающие 'верблюжонок', а также выступающие в качестве названий детенышей некоторых других животных, зверей, иногда детей и др. Прямые соответствия тув. *бодаган* (типа алт. *ботоон*) или близкие к ним слова отмечены лишь в единичных языках (ЭСТЯ II, *198—199*).

Вместе с тем именно они имеют наиболее близкие соответствия в монгольских языках, из числа которых в ЭСТЯ приводятся п.-монг. *botuγan*, монг. *ботго* 'молодой верблюд на первом году; жеребенок'; ср. также *botaγan* 'верблюжонок' (Поппе. Мук., *122*). По мнению некоторых исследователей, тув. *бодаган* является монгольским заимствованием, однако Э.В. Севортян подвергает сомнению эту версию. Он указывает на то, что "все приводившиеся обозначения для верблюжонка этимологизируются на тюркской почве"; кроме того, тувинское слово "входит в отдельный ряд производных, образованных по одной словообразовательной модели с аф. *-акан*" (ЭСТЯ II, *200*).

Однако нельзя считать случайным, что форма типа *бодаган* — практически исключение для тюркских языков (включаемое в этот ряд слов Э.В. Севортяном тур. диал. *bodan* 'верблюжонок', вероятно, имеет несколько иную структуру). Едва ли случайна и максимальная близость тув. *бодаган* (<**ботаган*) именно с монгольскими словами. Последние — явные тюркизмы: монг. форма *botuγan* восходит, скорее всего, к тюркской форме типа др.-тюрк. *botuq* (~ *butuq*) 'верблюжонок'.

Следует также отметить, что выделение Э.В. Севортяном глагольной основы **бот-* (<**борт-*) *'производить на свет детенышей',

от которой считается образованным название верблюжонка (в различных морфологических вариантах), недостаточно обосновано. Существование различных вариантов предполагаемой производящей основы и производных от нее свидетельствует, на наш взгляд, об образном характере данной основы.

Это подтверждают имеющиеся у отдельных вариантов тюркского названия верблюжонка значения вроде 'полный, толстый'; ср., напр., тур. диал. *bodur* 'верблюжонок; низкорослый и упитанный' (ЭСТЯ II, *199*) (более вероятен обратный порядок расположения значений). Ср. также отсутствующее в ЭСТЯ азерб. *nota* 'полный, пухлый'; 'медвежонок; буйволенок от шести месяцев до одного года' (АРС, *287*).

Предполагаемая исходная образная основа (**bom[a]*) прослеживается, по-видимому, и в як. *боттой-* 'быть пухлым при маленьком росте' ~ *моттой-* 'быть полным и округленным при небольшом росте' (Харитонов, *286*, *292*).

бодал 'дума; мысль, идея; мнение'.

Ср. алт. *бодол* 'предположение, приблизительное определение'. Монгольские заимствования. См. п.-монг. *bodol*, монг. *бодол* 'соображения, размышления, мнение; мысль, дума; предположение' < *bodo-* 'думать'. См. также **бода-**.

бодалга *мат.* 'задача'.

Как и алт. *бодолго* то же, тувинское слово — монголизм. Ср. п.-монг. *bodulγa*, монг. *бодолго* 'соображение, рассуждение; решение, вычисление, задача' < *bodo-* 'думать'. См. **бода-**.

бодамча 'осторожность, осмотрительность; вдумчивость'.

Монголизм? Ср. п.-монг. *bodumǰi* 'установка, решение, суждение; рассуждение', *bodumǰila-* 'рассуждать, соображать, судить о чем-л.'.

бодара- *высок.* 'расти, размножаться; распространяться'.

Монголизм, вероятно связанный с п.-монг. *badara-*, монг. *бадрах* 'распространяться, расширяться, увеличиваться, умножаться', 'возрастать', калм. *бадрх* 'расцветать' и под. Замена *а* на *о* в тув. *бодара-* могла быть результатом сближения с *бода-* 'думать, решать' (см. **бода-**).

боду см. **бот**.

божа 'божа' (*остатки хойтпака после приготовления араки*).

В других тюркских языках имеется слово, употребляемое в основном в форме *боза* (реже — *буза*) и означающее 'буза (напиток); спиртной напиток из ячменя, проса и т.п.; брага; пиво (в частности, домашнее)' и под. "Вопрос об этимологии *боза/буза* остается неопределенным" (ЭСТЯ II, *173—174*).

Соответствия слова широко распространены в языках разных семей (тюркских, монгольских, германских, романских, славянских и др.). Наибольшее внимание привлекает в этом плане вопрос о

связях тюркских и иранских языков. По Г. Дёрферу, *боза* является тюркским заимствованием в новоперсидском, а в тюркские языки слово могло попасть из неизвестного иранского источника. Но это только предположение, основанное на "культурно-исторических соображениях" (ЭСТЯ II, *174*).

Возможно, *боза ~ буза* все-таки является собственно тюркским по происхождению и связано с основами звукоподражательного характера, имитирующими кипение, шипение пенящейся жидкости и под. См., напр., як. *буһургаа-* (от **бус*) 'отрывисто издавать приглушенные сопящие или шипящие звуки (о кипящем самоваре, всхлипывании и т.п.)' (Харитонов, *267*), каз. *божс* — подражание кипению самовара и подобным ему шумам (ср. *божылда-* 'кипеть с шумом (о самоваре)') (Кайдаров, *194*).

В монгольских языках также имеются соответствия тюрк. *боза ~ буза* типа п.-монг. *boju ~ boja*, монг. *бозо* и др. 'подонки, осадок (гуща) после перегонки; сыворотка; буза, брага'. По справедливому заключению Э.В. Севортяна, тув. *божа* и некоторые его соответствия — монгольские заимствования (ЭСТЯ II, *175*), однако едва ли *божа < boju*, как считал Э.В. Севортян. Более правильным было бы исходной формой тувинского слова считать форму типа п.-монг. *boja* (см., в частности: Опыт, *137*).

божаа, божаалык 'стригущий лишай'.

По-видимому, указанные тувинские слова, с одной стороны, родственны тюркским прилагательным типа *бужур* 'рябой; шероховатый; веснушчатый; ря́бина от оспы' и др., применительно к которым Э.В. Севортян считает возможным говорить о некоей глагольной основе **буж-* или **буч-*, но без указания на ее значения (ЭСТЯ II, *285—287*). Но, вероятно, подобная основа имела образный характер или, во всяком случае, была двухсложной (**бужу-* ?).

Однако с другой стороны, тув. *божаа* имеет соответствия и в монгольских языках: ср. бур. *бужуу* 'парша; стригущий лишай', исходная форма которого может быть представлена в виде **бужуга* (или, возможно, **божуга*), а к последней возведено тув. *божаа*. При этом долгота, как и в других подобных случаях (*уга > аа*), образовалась самостоятельно в тувинском языке.

Божаалык — отыменное образование от *божаа*; аф. *-лык* имеется как в тюркских (АИ, *20 и след.*), так и в монгольских языках (в последних — в формах *-лаг*, *-лиг* (см.: Бертагаев. Лексика, *181—182*). Ср. также **бөзүр, бузур**.

божаалык см. **божаа**.

божуу [оъ] 'побыстрее, поскорее'.

Монгольское заимствование: ср. п.-монг. *bišiγu(n)*, монг. *бужуу* 'быстрый, поспешный, скорый', бур. *бужуу* 'быстрый, ловкий;

верткий, юркий, прыткий, поспешный, торопливый; быстро'.

Тув. *божуу*, возможно, было сближено с *бош* (см. **бош I, II**).

бозага [оъ] 'порог'; 'местность с выступающими камнями'.

Тув. *бозага*, как и кирг. *бозого ~ босого* 'дверная рама (коробка); порог', алт. *бозого* 'порог; шпала' и некоторые другие его соответствия, является монголизмом (ЭСЧЯ, *167*). Монгольское слово (ср. п.-монг. *bosuγa*, монг. *босго* 'порог (дверной)' и т.п.) является производным от глагола типа п.-монг. *bosu-*, монг. *босох*, калм. *босх* 'вставать, подниматься; возвышаться'.

бойдус 'природа'.

Один из поздних монголизмов в тувинской лексике. Понятие 'природа' в монгольском языке передается сочетанием *түмэн бодис*, что буквально означает 'десять тысяч (или множество) предметов' (тел.) (*бодис* — 'предмет, тело, материя'). Последнее в тувинском языке подверглось переосмыслению и ему было приписано значение сочетания *түмэн бодис* в целом. См. также **түмен**.

бойла- 'портиться; хиреть; быть обреченным'.

Соответствия неясны, но, может быть, есть связь с глаголом *буйук-* 'быть печальным, грустить, унывать, сокрушаться, изнурять-ся', который связан с *буй- ~ буйу- ~ буйук-* 'замерзать, застывать'. Э.В. Севортян (ЭСТЯ II, *242—243*) считал, что характер связи значений типа 'замерзать' и 'скучать' неясен, и, возможно, семантика последнего рода принадлежит другой, омофонной основе. Здесь, однако, вероятен метафорический перенос наименований, хотя не исключена и контаминация *буй-* 'мерзнуть' и его возможной именной словоформы **буй* <'холод'?> , реконструированной Э.В. Севортяном с другой основой, в частности именной, типа **буй* или, может быть, **бой*, которая прослеживается в тув. *бойла-*.

бок 'сор, мусор'.

Слово имеет соответствия общетюркского характера (основная форма — *бок*), означающие главным образом 'помет; навоз, испражнения, экскременты' (ЭСТЯ II, *183*); этимология тюрк. *бок* фактически неясна.

Как отмечал Э.В. Севортян, "с тюрк. *бок*, *бог* формально и в одном из его значений совпадает с монг. *boγ/бог* 'остатки, отбросы; грязь, мусор'..." Тув. *бок* семантически ближе к монгольскому слову и может быть отнесено к числу монгольских заимствований.

бок-сак 'пожитки, скарб; сор, мусор'.

Ср. тоф. *боксак* 'внутренности (кишки, желудок, внутренности, взятые вместе)' (Рассадин. Словарь), хак. *похсах* 'сор, мусор, хлам, рухлядь, барахло', кирг. *бок-сак* 'нечистоты; мусор, хлам'. По-видимому, монголизм: ср. монг. *бог саг* 'сор, грязь, нечистота, навоз, кал' (Голст. II, *182, 312*).

бок-чам *собир.* 'сор, мусор'; см. **бок**, **чам**.

бол- 'быть, являться; становиться, делаться; случаться, происходить, хватать, быть достаточным; наставать, наступать'.

Общетюркский глагол, распространенный в основном в форме *бол-*, а частично *-ол-*, причем вторая является результатом перехода *бол-* > *ол-*. К числу старейших относятся значения 'становиться, быть' и 'происходить' (ЭСТЯ II, *185—188*).

Рассматривая этимологию глагольной основы *бол-*, Э.В. Севортян без возражений и вообще без комментариев приводит версию В. Банга и аналогичные ей, согласно которой *бол-* рассматривается как сращение *бу* (*бо*) 'этот' и *ол-* 'быть, становиться' (ЭСТЯ II, *188*). Других, более удовлетворительных этимологических версий на этот счет, по-видимому, не существует.

болат 'сталь, булат'.

Соответствия тув. *болат* в вариантах *болат*, *булат*, *полат*, *болот* и др. с теми же значениями широко распространены в тюркских языках, где это слово считается заимствованием и его источником называется перс. *pūlād* 'сталь' (см.: Фасмер I, *238*).

Вместе с тем соответствия данного слова имеются и в монгольских языках, ср. п.-монг. *bolad*, монг. *болд* 'сталь(ной)', калм. *болд* 'сталь(ной); булатный меч' и др. В монгольских языках слово считается персидским по происхождению (ЯМВМ, *123*).

Источником тув. *болат*, скорее всего, является монгольское слово, поскольку в тувинской лексике непосредственные заимствования из персидского (новоперсидского) отсутствуют.

болбаазын 'развитой, совершенный, превосходный'.

Монголизм. Ср. *bolbasun miqan* 'поспевшее (готовое) мясо' (Поппе. Мук.), п.-монг. *bolbasun* 'спелый, зрелый, опытный', монг. *боловсон* 'культурный, цивилизованный'. Долгота в тув. *болбаазын* — позиционно-комбинаторного характера.

болбаазыра- 'развиваться, совершенствоваться'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *bolbasura-* 'созревать, поспевать, доваривать, допекаться; усовершенствоваться'. См. также **болбаазын**.

болбаазырал 'развитие, совершенствование, прогресс'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *bolbasural* 'созревание; совершенствование'. См. **болбаазын, болбаазыра-**.

болбаазыраңгай 'развитой, совершенный; усовершенствованный'.

Как и предшествующие родственные слова (см., в частности, **болбаазыра-**), является монгольским заимствованием. Ср., в частности, п.-монг. *bolbasuranggui* 'готовый, спелый, зрелый; совершенный' (< *bolbasura-* + аф. *-nggui*). В тувинском языке аффиксальная часть подобных слов воспроизводится с широким неогубленным гласным (ср. также **делгереңгей**), что, по-видимому, обусловлено влиянием распространенных в этом языке прилагательных на *-гай* (*дазыргай*, *дымыргай*, *илергей* и под.).

болгаа- ‘изволить, соизволить (сделать, что-л.)’; **болгаан-** ‘быть осторожным (внимательным); успокоиться, перестать (делать что-л.)’. Монголизм. Ср. п.-монг. *bolγaγā-*/монг. *болгоо-* ‘соизволить’ (уст., вежл.); ‘рассматривать; быть осторожным, опасаться’, бур. *болгоо-* ‘быть осмотрительным, относиться с осторожностью, остерегаться, опасаться; быть внимательным (предупредительным)’. В свою очередь, монгольские соответствия тув. *болгаа-* представляют собой “форму вежливости” глагольной основы типа п.-монг. *bolγa-* ‘делать’ и одновременно — форму побудительного залога от *бол-* ‘становиться, делаться’, соответствующего тюркскому глаголу (Ср. **бол-**). Как видно, в тувинском языке произошло своего рода семантическое “расщепление” монгольского глагола и закрепление его значений за разными залоговыми формами глагольной основы: за формой основного (*болгаа-*) и возвратного (*болгаан-*) залогов. Ср. также **болгаамча**, **болгаамчылал**.

болгаамча, **болгаамчылал** ‘осторожность, внимательность’. Монголизмы. Ср., с одной стороны, п.-монг. *bolγomǰi*, монг. *болгоомж* ‘предосторожность, осмотрительность, осторожность, внимательность’, а с другой — п.-монг. *bolγomǰilal*, монг. *болгоомжлол* с теми же значениями. См. также **болгаа-**, **болгаан-**.

болгаамчылал см. **болгаамча**.

болгаан- см. **болгаа-**.

болгай *частица* ‘ведь’. Соответствий в других тюркских языках не найдено. По происхождению *болгай*, возможно, связано с глагольной основой *бол-* ‘быть’ в форме т.н. “согласительного наклонения” на *-кай*. См. о нем: ИП, *397 и след.*

болган[-на] ‘каждый, всякий, любой’. Считается формой причастия прошедшего времени от глагола *бол-* ‘быть’, употребляемой в значении определительного местоимения (обычно в сочетании с частицей *-ла/-ле*, *-на/-не*); ср. также хак. *полган на* в той же функции (ИП, *249*). Однако обращает на себя внимание, что у тув. *болган[-на]* и хак. *полган на* имеется прямое соответствие в монгольских языках: ср. п.-монг. *bolγan*/монг. *болгон* ‘каждый, еже-’ (ср. п.-монг. *edür bolγan* ‘ежедневно’). По своей форме монгол. *bolγan/болгон* тождественно (или, возможно, гомогенно) с формой слитного деепричастия от *bolγa-* ‘делать’... являющейся, в свою очередь, формой побуждения от *bol-/бол-* ‘быть’. Интересно также, что и тув. *болган[-на]*, и монгол. *bolγan/болгон* употребляются в постпозиции к определяемому слову.

болгаш ‘через (спустя) некоторое время’; *союз* ‘и’; *союзное слово* ‘и поэтому; потому что; постольку, так как’. Тув. *болгаш* по происхождению деепричастие прошедшего времени на *-каш* от глагола *бол-*, ставшее служебной частью речи (типа

послелога, союза и союзного слова). См.: ИП, *333*, *450*. С тув. *болгаш* гомогенно уйг. *болгач* 'если' (СИГТЯ М, *515*).

Вероятно, что указанное превращение *болгаш* в служебную часть речи отчасти обусловлено иноязычным (в частности, монгольским) языковым влиянием. В монгольских языках, например, также отмечен переход деепричастных форм глагола *бол-* 'быть' в соединительный союз. Так, калм. *болн* союз 'и', *болад* то же восходят соответственно к формам слитного и разделительного деепричастий от глагола *бол-* (Тодаева. Джангар, *171*); ср. также монг. *болоод* союз 'и', п.-монг. *boluγād* то же.

болза *союз* 'если'; 'а, что касается'; 'есть, суть, является'.

Болза в его первоначальном значении — форма условного наклонения глагола *бол-* **'быть'** ('если будет'...). Употребление слова *болза* в качестве союза 'если' и в других, указанных выше значениях, возможно, обусловлено монгольским влиянием.

Так, напр., п.-монг. *bolbāsu* — форма условности от *bol-* 'быть' также употребляется в качестве союза и в значении 'что касается' (ЧР, *264*; см. также: Санжеев. Ср. грамматика, *205*). Тув. *болза*, возможно, — результат частичного калькирования монгольской формы.

В других тюркских языках соответствия тув. *болза* (*болса* и др.) также могут выступать в качестве союзов, но значения их не всегда или не полностью совпадают с семантикой тувинского слова: ср. ккалп., уйг. *болса* — условно-уступительный союз, турк. *болса* — причинный союз (СИГТЯ М, *515*); *булса ~ болса* отмечено и в качестве союза 'а; что касается' (напр., в узбекском языке) (Щербак 1987, *118*).

болуш- 'заступаться, выступать в защиту; помогать'; *юр.* 'защищать, выступать в качестве защитника (адвоката)'.

По происхождению *болуш-* — форма совместно-взаимного залога глагола *бол-* **'быть, являться'** (см. **бол-**), однако *болуш-* принадлежит к числу таких, которые в указанной форме "удалились по своему значению от исходной основы" (ИП, *283*). В других тюркских языках соответствия тув. *болуш-* (*полыш-*, *болуш-* и т.п.) означают в основном 'помогать'; отмечен также именной коррелят указанной основы со значением 'помощь' (ср.: РСл. IV, *1279*, *1672*). Семантика, по-видимому, наиболее близкая к исходной, отмечена у др.-тюрк. *boluš-* 'стать заодно, принять чью-л. сторону' (ДТС, *112*). См. также **болчукчу**, **болчум[ча]**.

болча- 'назначать свидание (встречу), условливаться о свидании (встрече)'.

Соответствия тув. *болча-* отмечены в нескольких современных тюркских языках (каз., ккалп., кирг. и тюрк. языки Сибири) в значениях 'предвидеть, предполагать; назначать срок' и т.п. Во многих

языках распространены различные имена, производные от указанной глагольной основы. Эта основа и большая часть производных от нее (за исключением, возможно, чаг. *болчаш* 'обещание, свидание') Э.В. Севортяном, вслед за М. Рясяненом, отнесены к монгольским заимствованиям (ЭСТЯ II, *188—189*), что не вызывает возражений в целом.

Однако небесспорным представляется включение в эту же группу тув. *болчаг* 'свидание; срок, время (заранее назначенные, определенные)' (ср. п.-монг. *boljaγ*, монг. *болзог* 'срок; заранее назначенное место, время' и др.). Конечный *-γ(-г)* монгольских слов, по-видимому, не являлся сонантом типа тув. *-г*, и, как правило, в монгольских заимствованиях конечный "звонкий" соответствует тув. *-к*. Поэтому в данном случае следовало бы ожидать формы **болчак* (ср., в частности, саг. *молчак* 'срок, время'). Скорее всего, тув. *болчаг* образовано самостоятельно.

болчаг см. **болча-**.

болчайтылыг: болчайтылыг бора тей *фолькл.* 'серый холм назначенных встреч'.

В ТРС дается перевод 'серая гора, откуда ведется наблюдение', однако ранее приведенный вариант перевода представляется более точным, с учетом явной связи компонента *болчайтылыг* с *болча-* 'назначать свидание (встречу)'. Иногда словосочетание *болчайтылыг бора тей* интерпретируется как географическое название (см.: ТНС, *443*).

Это выражение представляет собой кальку наименований, характерных для эпических произведений монголоязычных народов: ср., напр., калм. *болзатын бора толһа* фолькл. 'условленный серый курган (где встречаются богатыри Джангара)' (КалмРС, *106*), монг. *болзоотын бор толгой* фолькл. 'серая горка (холм) назначенных встреч' (см.: Цэвэл, *89*).

Н.Н. Поппе давал монгольское выражение без перевода в качестве топонима в форме *Bolzōtiŋ boro tologoi* (Н.Н. Поппе. Халха-монгольский героический эпос. — М.; Л., 1937. — С. *42*, *49*, *77*).

В тув. *болчайтылыг бора тей* требует пояснений первый компонент, у которого выделяется основа *болчайты*, восходящая к старомонгольской форме типа п.-монг. *boljaγatu* 'обусловленный (местом и сроком); условленный, договорный' < *boljaγa* 'уговор, условия, договоренность (о месте и времени)' (ср. соответственно калм. *болзат* и монг. *болзоот*, *болзан* и *болзоо* с аналогичными значениями).

Вместе с тем в монгольском наименовании компонент **boljaγatu* — субстантивированное прилагательное, обозначающее нечто вроде 'обусловленная (назначенная) встреча'. Показатель субстантивации — форма монгольского род. п. (буквальный перевод монголь-

ского обозначения — 'назначенной встречи серый холм'), образуемая с помощью аф. *-ийн* (варианты *-иин* и под.). При этом конечный *-н* нередко редуцируется. Соответственно интересующий нас компонент монгольского наименования в указанной падежной форме выглядел примерно как **boljaγatij*, что в тувинском языке и должно было дать нечто вроде *болчайты* (отсутствие долготы, возможно, вызвано сближением со словами типа *болчаг* 'свидание, встреча').

При переводе монгольского наименования к этому компоненту был присоединен аф. обладания *-лыг*.

болчукчу 'заступник; адвокат, защитник'.

Производное от *болуш-* (см. **болуш**), образованное с помощью продуктивного аф. *-кчы*.

болчум, болчумча *разг.* 'надежда, уверенность; возможность, вероятность'.

По-видимому, производные от *болуш-* (см. **болуш**). Можно полагать, что эта глагольная основа, помимо отмеченной выше семантики, означала также *'быть надежным (возможным)' и под. Такие значения отмечены в некоторых тюркских языках у исходной формы глагола *бол-* ('мочь; иметь силу что-л. сделать; быть возможным'). В некоторых тюркских языках отмечено производное от *бол-* имя, структурно и семантически соотносимое с тув. *болчум*: ср. кирг. (=каз.) *болум* 'мощь, сила', чаг. *болум* 'постоянство'; ср. также тув. *болчумчок* 'ненадежный (о человеке); непостоянный (о погоде)', каз. *болумсуз* 'слабосильный, бессильный', чаг. 'непостоянный' (РСл.IV, *1672*), др.-тюрк. *bolumsuz* 'недостойный' (ДТС, *112*). Вместе с тем реальна и возможность заимствования подобных слов из монгольских языков; ср. монг. *болчим* 'возможность; основание, база', *болчимгүй* 'ненадежный, неосновательный', калм. *болм* 'возможный; пригодный, достойный, должный'.

Для образования *болчумча* использован заимствованный из монгольских языков аф. *-мча* (ср. также монг. *боломж* 'возможность').

болчумча см. **болчум**.

болчумчок см. **болчум**.

боо 'ружье'.

Как и тоф. *боо* 'ружье', является монгольским заимствованием. По своему облику тув. и тоф. *боо* ближе к совр. монг. *буу* [бо:] (Рассадин. Фонетика, *164*), откуда, по-видимому, и было заимствовано тув. *боо*. Его тофаларское соответствие, возможно, является бурятским по своему происхождению или же было заимствовано из тувинского языка. Уже Н.Ф. Катанов отмечал, что тувинское слово образовалось из кит. *пао* 'пушка' через монгольское языковое посредничество (Опыт, *131*). В тюркских языках, носители которых обитают на территории Китая, соответствия тув. и тоф. *боо*

являются прямыми заимствованиями из китайского: ср., в частности, с.-югур., уйг. *по* 'пушка' (Тенишев. С.-югур., *196*, *198*; Рахимов, *57*).

По мнению Б.Я. Владимирцова (Ср. грамматика, *238*), в монгольский *буу* попало из китайского через посредство маньчжурского.

боова 'пова' (*пресная лепешка, жаренная в масле*); 'лепешка'.

Ср. *момо* 'пресный (без соли) паровой хлебец; лепешка, печенная в котле' китайского происхождения (согласно КРС); п.-монг. *booba* (< кит. *бо-бо*), монг. *боов*(*он*) 'печенье', бур. *бообо* 'бобо' (печенье величиной с большую лепешку, поджаренное в масле и высушенное). Тув. *боова*, скорее всего, заимствовано из китайского через монгольский, но не исключено и непосредственное заимствование из китайского языка.

боогда- 'преграждать (путь); препятствовать, мешать'.

Ср. як. *бохтоо-* ~ *бохтуо-* 'оставаться, не следовать, отставать; оставаться', сопоставляемое с п.-монг. *boγōγda-* 'быть остановленным', 'встречать препятствие, затруднение, преграду, задержку, остановку' (Пек. I, *512*).

В свою очередь, монгольская основа — форма страдательного залога с аф. *-γda-* от *boγō-* < **boγa-* 'связывать; преграждать; загораживать (о дороге)' (ЭСТЯ II, *165*), сопоставляемой с тюрк. *бог-* 'душить; связывать' (см. **бог-**). В тув. *боогда-* при заимствовании монгольской залоговой формы сохраняется семантика исходной основы (действительного залога).

боогдал 'препятствие, помеха'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *boγoγdal*, монг. *боогдол* 'препятствие, преграда, помеха; задержка, проволочка' < *boγōγda-/боогдох* (см. **боогда-**).

боодал 'пачка, связка, пук (*штучных предметов*)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *boγōdal*, монг. *боодол* 'завязка, перевязка; связка, сверток, пачка, тюк' < *boγō-* ~ *боо-* 'завязывать, обвязывать, обвертывать, упаковывать'.

боодалга 'стрельба; состязания по стрельбе'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *buudalγ-a* 'стрельба из ружья' (ЧР, *248*), монг. *буудлага* 'стрельба, пальба' < *buuda-/буудах* 'стрелять, обстреливать'.

боок *диал.* 'название болезни'.

Тув. *боок* следует, вероятно, сопоставить с *бохак* ~ *богак* ~ *богок* ~ *богук*, широко представленным в современных тюркских языках и отмеченным в памятниках.

Оно обозначает части тела ('птичий зоб', 'кадык, адамово яблоко'...), а также заболевания типа опухолей, воспалений ('зоб (болезнь), баздедова болезнь, опухоль в горле, воспаление горла; ангина'); ср. также значения 'двойной (или второй) подбородок; на-

плыв, нарост (на стволах деревьев некоторых пород)' (ЭСТЯ II, *202*).

Э.В. Севортян, испытывая затруднения в определении того, какие из приводимых значений являются первичными (анатомические или медицинские), в конечном счете приходит к выводу, что таковыми следует считать медицинские значения.

Поэтому *бохак ~ бухак...* представлено в ЭСТЯ как "производное, образовавшееся с помощью аф. -(α)*к* в уподобительном и уменьшительном значении от именной основы **бок ~ *бук*". Последняя засвидетельствована в таких словах, как тур. диал. *bok* 'нарывы во рту', др.-тюрк. *buq* 'опухоль/нарыв в горле'.

Эту версию трудно принять, в частности, по логико-семантическим основаниям, поскольку название части тела не бывает вторичным по отношению к названию заболевания (чаще наблюдается обратное). Кроме того, в названиях типа *бохак...* не ощутима семантика уменьшительно-уподобительного характера (сравнительно с *bok* или *buq* в данном случае).

Нельзя ли основную часть названий типа *бохак* связать с глагольной основой типа **бук- ~ *бок-* 'гнуть, сгибать' и т.п. (ЭСТЯ II, *290—291*) (вариант с широким гласным встречается довольно редко, но и он зафиксирован ЭСТЯ; ср. также тел. *пок-* 'преклонить колено'; см. **богаа**)? Производными от указанной глагольной основы логично считать названия объектов округлой формы, каковыми являются птичий зоб, кадык, двойной подбородок и т.п. Названия же заболеваний либо вторичны по отношению к подобным анатомическим названиям, либо даны по внешнему виду (напр., различным опухолям), возможно, как эвфемизмы, наименования, употребляемые взамен тех, которые прямо называть запрещалось. Аналогичным образом могли появиться и односложные наименования болезней типа *bok ~ buq* (ср. *бук* и под. в значениях 'сгиб, изгиб' и т.п.; ЭСТЯ II, *290—291*).

Э.В. Севортян справедливо возражал против распространенного в прошлом мнения о происхождении *бохак ~ богак* от глагола *бог-* 'душить' (ЭСТЯ II, *203*), однако вторичное сближение этих слов и вызванное им в ряде случаев изменение звукового облика рассматриваемого слова (в сторону уподобления *бог-*) выглядит вполне реальным. Обращает на себя внимание, в частности, распространенность вариантов типа *богак ~ могак ~ богук ~ могох*, часть из которых встречается уже в древнетюркских памятниках. Не случайно также спорадическое появление значений 'гортань, горло', характерных для тюрк. *богаз* и родственных с ним слов (см., в частности, **боостаа**). Сближением с горлом, шеей можно объяснить появление у соответствия *бохак* семантики, связанной с украшениями, носимыми на шее: ср. кирг. *погок* 'ожерелье, колье' (РСл. IV, *1265*).

Тув. *боок* явно восходит к исходной форме на *бог-* (*богак* или, скорее, *богук*).

боолук 1. 'местами утолщенный, с утолщениями (напр., о змее, проглотившей мышь, или о дереве с неровным стволом)', 2. 'утолщение'.

Ср. тоф. *боолук* 'узелки, колена на стеблях растений; основание рогов (здесь они отпадают); кольцевой надруб на стволе дерева, чтобы оно засохло на корню' (Рассадин. Словарь).

Тув., тоф. *боолук* — производные от *боол-* (< *богул-*) 'затягиваться, завязываться (об узле)' — формы страдательного залога от *бог-* 'затягивать (петлю); завязывать (узел)' (см. **бог-**).

В других тюркских языках слова с подобной семантикой ('сустав, узел, колено' и т.п.) образуются непосредственно от глагольной основы *бог-* (см. об именах типа *богум* и *богун* в ЭСТЯ II, *170—171*). Ср. также **боостаа**, **үзүк-боолук**.

боом 'обрыв горного хребта над водой'.

Ср. алт. *боом ~ поом* 'узкое место между горой и рекой, где пролегает дорога; скалистый обрыв, крутой, обрывистый берег', як. *буом* 'препятствие, преграда; ущелье' (ТСГА, *29—30*).

По-видимому, монгольское заимствование. Ср. п.-монг. *боүит* 'мыс (высокий, крутой); ущелье', монг. *боом* 'крутой и высокий мыс; выдающаяся в сторону скала на берегу реки', бур. *боомо газар* 'труднопроходимое место'; калм. *боом* 'труднопроходимый, узкий проход'. Монгольское слово — производное от глагольной основы *боүō- ~ боо-* 'преграждать, загораживать (о дороге)'; образовано с помощью аф. *-м(а)*. *В свою очередь, указанная основа тюркского происхождения* (см. **бог-**).

Боом гомогенно с *боогдал* (см. **боогда-**, **боогдал**).

боо-моңгу *собир.* 'оружие'.

Первый компонент связан с *боо* 'ружье' (см. **боо**); происхождение второго неясно. В современном монгольском языке, откуда заимствовано *боо*, а также в других монгольских соответствий *-моңгу* не обнаружено. Нет ли связи у этого компонента со словом *моң* 'дубина'? (см. **моң**).

боор *частица* 'наверно, вероятно; пожалуй'.

Ср. тоф. *болур ~ болыр* 'кажется' (Рассадин. Словарь). Частица образована от причастной формы на *-р* глагола *бол-* 'быть': *болур > боор*. Глагол *бол-* в качестве самостоятельного в сочетании с деепричастной формой на *-п* основного глагола образует форму возможности. Иногда значение возможности выражается *бол-* (в форме *болур*) и самостоятельно, ср.: *Кирип болур бе?* 'Можно войти?' и *Болур бе?* в том же значении. Сказанным объясняется появление частицы *боор* с указанной семантикой.

боорзак см. **бовурзак**.

боос 1. 'жеребая, стельная, суягная', **2.** 'зародыш, детеныш в утробе (о животных)'.

Общетюркское; основные варианты — *богаз ~ богуз ~ бооз*; значения — 'беременная' (о женщине); 'беременная' (о животных) (при этом предполагается, что "распространение этого слова в применении к животным произошло позже"), в единичном случае — 'беременная женщина'.

Соответствия этого слова (скорее, как тюркского заимствования) отмечены также в монгольских языках: п.-монг. *boγus*, монг. *боос* 'беременная (о животных)'; 'зародыш, плод' и под. (ЭСТЯ II, *169*). При этом обращает на себя внимание фактическое тождество тув. *боос* и слов монгольских языков в плане семантики и внешнего облика, что свидетельствует, скорее всего, о заимствованном характере тувинского слова и, вероятно, части его соответствий в других тюркских языках (напр., в значительной мере вариантов с долготой гласного типа *бооз ~ боос*).

Тюрк. *богаз ~ богуз* не имеет твердо установленной этимологии. Некоторые исследователи рассматривают его как родственное с *богаз ~ богуз* 'горло, глотка', производя то и другое слово от *бог-* 'душить', что Э.В. Севортяну представляется сомнительным, и это сомнение оправдано. Вместе с тем автор ЭСТЯ с интересом отнесся к сопоставлению рассматриваемых здесь тюркских и монгольских слов с тунг. (эвенк.) *bogi-* 'родить', произведенному Г. Рамстедтом. Э.В. Севортян счел это сопоставление заслуживающим внимания, так как оно «выводит предлагавшееся объяснение *богаз* (*богаз* — из *бог-* 'душить') из семасиологического тупика и определяет приемлемое направление для этимологического анализа *богаз* 'беременная'» (ЭСТЯ II, *170*).

Однако достаточных оснований для поисков именно в этом направлении нет. Что же касается "семасиологического тупика", то из него можно выйти иначе, оставаясь на почве тюркских языков и обратившись к той же глагольной основе *бог-*. Последняя, помимо 'душить', означает '(крепко) связывать, стягивать' и, в отдельных источниках, 'сковывать, стеснять' (ЭСТЯ II, *166*).

Первоначально *богаз ~ богуз*... 'беременная' могло означать 'связанная в движениях, как бы скованная, тяжелая на подъем'.

Именно подобной исходной семантикой характеризуются некоторые слова и выражения тувинского языка, обозначающие беременных. В числе их, напр., *сааттыг* 'мешающий, задерживающий, служащий помехой', *адаа аар* 'медлительный, неповоротливый'. Слово *агыр* (> *аар*) 'тяжелый' в ряде тюркских языков означает 'тяжелый на подъем, неторопливый, непроворный', а в некоторых из них — 'беременная' (ЭСТЯ I, *85*). Подобные переносы

значений в конечном итоге могли быть обусловлены табу на употребление прямого названия беременности.

Наличие указанных смысловых параллелей позволяет прийти к выводу, что глагол *бог-* 'связывать' мог означать также 'беременеть', а затем (в результате сдвига значений) — 'родить'. См. также **богба**.

Сочетание в одном слове семантики, характеризующей различные стадии деторождения, отмечено и в других случаях: ср., напр., общетюрк. *дөл ~ төл*, имеющее, с одной стороны, значения 'семя, зародыш, зачаток', а с другой — означающее 'момент родов, новорожденный; детеныш, потомство' (см. также **төл**).

боостаа 'глотка, горло'; **боску** [оъ] '[его] глотка, горло'.

В тувинском языке наблюдается частичный супплетивизм форм названия глотки (горла): *боску* представляет собой притяжательную форму общетюрк. *богаз ~ богуз* 'горло, глотка' (ЭСТЯ II, *167—168*), а *боостаа* ближе всего к *богуздак* 'глотка, шея', которое, напротив, встречается достаточно редко и отмечено в основном в средневековых памятниках (в частности, в чагатайском языке) (ЭСТЯ II, *184*).

Можно полагать, что *боостаа<богуздак* в посессивной форме (*богуздакы > богуздагы > боостаа*). К таким формам нередко восходят анатомические названия в тюркских языках (ср. в этом плане также *көксү ~ көскү*). К тув. *боостаа* по форме ближе всего отмеченное В.Я. Бутанаевым хак. *моостаа ~ поостаа* 'горловина (коровы, быка)'. (См.: Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. — Новосибирск, 1993. — С. 153, 155).

Ни *боостаа*, ни *боску* не отражены в ЭСТЯ. По мнению Э.В. Севортяна, *богуздак* относится к числу отыменных производных, образовавшихся с помощью аф. *-дак* со значением места, предназначенного для чего-л., а в данном случае производящая основа — «обозначение для 'горло'» (ЭСТЯ II, *184*), т.е., очевидно, уже приводившееся общетюрк. *богаз ~ богуз*. Эта версия в целом приемлема.

Что касается этимологии *богаз ~ богуз...*, то она до настоящего времени не вполне ясна. Исследователи издавна считали это слово образованным от глагольной основы *бог-* 'душить' с помощью аф. *-(α)з*, что не вызывало у Э.В. Севортяна сомнений в структурном плане, но представлялось ему затруднительным с точки зрения семантики. По его мнению, «*богаз ~ богуз* 'горло' трудно рассматривать как объект, реально, органически связанный с действием 'душить'» (ЭСТЯ II, *168*), что, однако, неубедительно по существу. Этому противоречит приводимый ниже производный от названия горла глагол *богуз-ла-* 'закалывать, перерезать горло', а также 'душить' (ЭСТЯ II, *169*); ср. также тув. *боостала-* 'хватить за горло, душить, давить'.

Усомнившись в традиционной этимологии, Э.В. Севортян не предложил в то же время никакой альтернативной версии.

Между тем в предлагаемой некоторыми исследователями этимологии есть рациональное зерно. Сближение *богаз ~ богуз* с *бог-* именно в значении 'душить' носит, очевидно, излишне прямолинейный характер. Но эта глагольная основа означает не только 'душить', но и 'сдавливать, сжимать'; '(туго, крепко) завязывать' и т.п. (см. **бог-**). Иными словами, это семантика, которую можно определить как 'сильно, максимально сужать (то, что является полым внутри или то, что служит проходом)'.

Богаз ~ богуз, скорее всего, — название, данное по форме реалии: горло — это более узкий участок полости по сравнению со ртом. В плане семантической параллели к *богаз...* можно назвать хак. *иске*, означающее 'тонкий, узкий' и (в качинском диалекте) 'горло'. Первоначально *богаз ~ богуз*, возможно, вообще не обозначало 'горло, глотка' или, во всяком случае, имело не только это анатомическое значение. Не исключено, что так назывались более узкие, тонкие части и других органов. В этом плане обращает на себя внимание тоф. **боос* (< *богус*) в сочетании *хол боъксы* 'запястье' (Рассадин. Словарь), т.е. буквально и первоначально 'узкая часть руки' (*хол* — 'рука'); ср. также тув. *боолук*, обозначающее протяженные объекты (в том числе полые) неравной толщины (объема), родственное с *богуз ~ богаз* (см. **боолук**).

В фонетическом аспекте представляет интерес тув. (*боъксу*) и тоф. (*боъксу ~ боъксы*) притяжательные формы названия. Они восходят, очевидно, к **бог(у)су*, а фарингализация гласного отражает сильное (и придыхательное в прошлом) произношение одного из согласных, скорее всего, свистящего щелевого *-с* (*-з*).

боо-чемзек *собир.* 'оружие'; см. **боо, чемзек**.

боо-чепсек см. **боо-чемзек; боо, чепсек**.

Ср. также монг. *буу зэвсэг* 'оружие, вооружение'.

боошка *диал.* 'переметная сума'.

Слово имеет соответствия общетюркского характера типа *букжа ~ бокча ~ богча* и т.д. со значениями 'узел (с вещами)', 'сумка' и под. Исходной формой считается *богча*, возводимая к *бог* 'узел с вещами'; 'сумка (дорожная)' + уменьшительный аф. *-ча*. Как тюркизм отмечено монгол. *боүča/богц* 'дорожная сумка, переметная (седельная) сума' (ЭСТЯ II, *250—251*).

Тув. *боошка* является, вероятнее всего, старым монголизмом (*-ш-* < *-ч-*; ср. совр. *-ц-*). Долгота гласного первого слога может быть отражением ударного гласного монгольского слова, а ее семантика воспроизводит значение последнего ('переметная сума'). Кроме того, такое значение отмечено в диалектах уйгурского и в сарыг-югурском языке. Ср. *моожа* 'сноп' (**моожа II**).

бора- 'загрязнять, пачкать; мутить (воду); заметать, заносить (снегом, пылью)'; перен. 'путать, подводить'.

В ЭСТЯ (II, *172*) тув. *бора-* 'загрязнять'... дается в сопоставлении с ***бор* <'серый'> в составе каз. *борбаш* 'седая голова', а также с тур. (XIV в.) *bor* 'серый (о коне)' и подобными словами, которые, в свою очередь, сближаются с общетюрк. *боз* 'серый'... Однако включение в этот ряд тув. *бора-* недостаточно обосновано.

В то же время хак. *поран-* 'грязниться, пачкаться', явно связанное с *бора-*, дается в другой статье ЭСТЯ, где рассматриваются имена типа *бор ~ пор* 'мел, глина; осадок, прах, пыль' и т.п. (ЭСТЯ II, *192—193*), что имеет уже больше оснований, хотя они в указанном источнике не приводятся.

Следует, в частности, принять во внимание, что хак. *поран-* определенно является залоговой формой от хак. *пора-* 'подмешивать, подливать что-л.' (судя по примерам, речь идет о добавлении молока в чай, о дожде со снегом, о траве, растущей вперемешку с белыми цветами) (ХРС, *157*). Вполне реально говорить в связи с этим и о таких примесях и смесях, которые портят, загрязняют первоначально существовавшие реалии (напр., жидкости).

В настоящее время в южно-сибирских тюркских языках распространена не столько сама глагольная основа типа *бора-* 'загрязнять', сколько производные от нее имена: ср. тув. *бораң* 'мутный (о жидкости)', хак. *пораң*, *порамдых* 'мутный (о воде); тусклый', алт. диал. *порогон* 'мутный'; шор., хак. *порас* 'мутный (о воде), тусклый; потемки' (Вербицкий, *265*).

Не случайно, что некоторые из этих отглагольных имен имеют также семантику, характеризующую неблагоприятные погодные условия: тув. *бораң* 'ненастье, пасмурная погода', алт. диал. *порогон* 'метель, буран, вьюга'.

Поэтому обосновано включение подобных слов со всеми их значениями в ту статью словаря Э.В. Севортяна, где рассматривается происхождение тюркских слов типа *бора-* 'мести, буранить; обильно идти (о снеге)', *боран* 'буран, буря' и т.п. (ЭСТЯ II, *189—191*). К сожалению, тув. *бора-* 'загрязнять; заметать, заносить' и основная часть ранее отмеченных отглагольных имен не нашли места в этой статье, хотя использование этих материалов способствовало бы прояснению этимологии указанных слов.

Глагол *бора-* 'мести, буранить' возводится к основе *бор* 'буря, шторм' (ЭСТЯ II, *191*), которая фиксируется только в двух источниках: в древнетюркском памятнике (по Х. Оркуну; при этом подобное толкование небесспорно) и в уйгурском диалекте.

Если даже такая семантика и реальна, она, скорее всего, все-таки вторична и производна от значений вроде 'пыль, прах' и под.: буря, по сути, и есть перемешивающиеся и движущиеся с боль-

шой скоростью многочисленные частицы пыли, песка, снега и т.п., которыми заметается, заносится, загрязняется все вокруг (ср. тув. *бора-*).

Поэтому тюркские названия бури, бурана и т.п., производные от *бора-*, тесно связаны с *бор* 'пыль, прах' и с глагольной основой типа тув. *бора-*.

См. также **бораан**, **борала-**, **бораста-**.

бора 'серый; сивый (о масти лошади)'.

Монголизм. Факт заимствования тув. *бора* и его соответствий в других тюркских языках из монгольских неоднократно отмечался исследователями. (См.: Опыт, *126*; EW, *80*; ЭСТЯ II, *173*.) В свою очередь, монгольское *боро* (< **бора*), к которому возводятся соответствующие тюркские слова, является, очевидно, тюркизмом, восходящим к тюрк. *боз* 'серый'. Последнее в тувинском и части других тюркских языков было вытеснено монгольской формой слова. Но ср. **бос**.

бораан 'ненастье, пасмурная погода'; *тодж.* 'первый снег'.

Ср. тоф. *бораан* 'свежевыпавший снег', а также *бораган ~ бораан* в некоторых других тюркских языках со значениями 'буран, метель, вьюга, пурга, буря, ураган' и т.п. Считается производным от *бора-* 'мести, буранить, обильно идти (о снеге)' (ЭСТЯ II, *190*, *191*; см. **бора-**); ср. также др.-тюрк. *bora* 'буря, пурга' (Тугушева, *323*). Э.В. Севортян и другие исследователи отмечали наличие у этих названий параллелей в монгольских языках, в том числе п.-монг. *boruγan* 'дождь', монг. *бороон* то же, калм. *бораан* 'непогода; буря со снегом или дождем' и др.

По мнению Э.В. Севортяна, подобное "сходство и совпадение форм в тюрк. и монгол. языках объясняется, вероятно, их гомогенностью" (ЭСТЯ II, *190*), хотя ниже констатируется, что именно в тюркских языках имеется производящая глагольная основа *бора-*, которая не имеет соответствий в монгольских.

Более реально, таким образом, говорить о заимствовании последних из первых.

Тув. *бораан* 'ненастье', возможно, испытало монгольское влияние в области семантики, но более определенно об этом говорить трудно. Тув.-тодж. и тоф. *бораан* имеют, скорее всего, тюркское происхождение.

бора будун [уъ] 'неважный, посредственный; так себе, кое-как'.

По мнению Я.Ш. Хертека, *бора будун* буквально переводится как 'серый, целый' (ТРФС, *68*). Действительно, порознь слова *бора* и *будун* имеют такие значения (см. **бора**, **будун**). Кроме того, переносное значение *бора* ('серый, ничем не примечательный') также весьма вероятно. Ср. еще монг. *бор* (< **бора*) 'невзрачный; простой, неприхотливый'.

Однако в то же время *бора* как компонент *бора бүдүн* обнаруживает сходство в смысловом и структурно-фонетическом плане с иным кругом слов, в числе которых шор. *пора-* 'слабеть (о зрении, уме); тускнеть; уставать, ослабевать' (Вербицкий, *265*), чул.-тюрк. *порыг* 'плохой' (*порыг күн* 'плохой день') (Бирюкович, *55*), хак. *порт* 'хрупкий, ломкий; некрепкий, непрочный', алт. диал. *портык* 'хрупкий, ломкий; неноский (об одежде и обуви)' (РСл. IV, *1271*), хак. диал. *портыла-* 'уставать, утруждаться; убавляться' (Вербицкий, *265*), каз. диал. *морт-* 'притуплять', *мордук* 'комолая корова' (Аманжолов, *392*), каз. *морт* 'хрупкий, ломкий' (Кайдаров, *65*), тат. *мурт* 'прогнивший, трухлявый (о дереве)' и под. (ИМЧЯ, *175*).

Прослеживающаяся в данных словах семантика отрицательной оценки позволяет связать их также с ранее рассмотренным глаголом *бора-* 'загрязнять', его соответствиями и производными от подобных глагольных основ (см. **бора-**). Можно предполагать, что существовала и односложная глагольная основа **бор-* (*пор-*), семантически близкая приводимым выше, с одной стороны, тув. *бора-*, а с другой — шор. *пора-*, и означающая нечто вроде 'быть нечистым, ненадежным, малопригодным к чему-л.' и т.п.

От этой основы, вероятно, образованы тув. *бора* в составе *бора бүдүн*, а также близкие ему по значениям чул.-тюрк. *порыг* и хак. *порт*. **Бор-* (*пор-*) соотносительна с именной основой типа *бор ~ бур...* означающей, в частности, 'земля, не годная для обработки; прах, пыль, осадок, гнилой камень, мох, плесень' (ЭСТЯ II, *192—193*; см. также **пор**).

Сюда же, вероятно, относится и вост.-тюрк. *пур* 'испорченный, гнилой' (РСл. IV, *1365*); ср. также каз. диал. *мор-* 'сгнить, почернеть', *бор-* 'стать затхлым' (Аманжолов, *364*, *392—393*).

От именной основы *бора* образован тув. глагол *борала-* 'делать что-л. наспех (небрежно, кое-как)', который, в свою очередь, имеет залоговую форму *боралан-* со значениями 'ограничивать себя во всем; бедствовать, жить в нужде, влачить жалкое существование; покончить с собой'. Ср. также гомогенный с *борала-* глагол *бораста-*. Он и форма его возвратного залога *борастан-* имеют те же значения, что отмечены соответственно у *борала-* и *боралан-*.

Производящая основа *бораста-* (**борас*) явно родственна с **бора* в составе *борала-*, а **бора* — тождественно первому компоненту в *бора бүдүн*.

Вместе с тем **борас* определенно не имеет отношения к *бора* 'серый' в плане этимологии, и не случайно, что у него отсутствуют прямые соответствия с подобной цветовой семантикой. **Борас* гомогенно с шор., хак. *порас* 'потемки; мутный (о воде), тусклый' (Вербицкий, *265*), которое сопоставимо с тур. диал. *бораз*, помещенным в ЭСТЯ. Однако семантика его в этом источнике четко

не выявлена. Это могут быть значения 'белая почва', 'каменистая, необработанная твердая земля', 'накипь, налет на стенках чайника, кувшина' и т.п. или подобные им (см.: ЭСТЯ II, *192—193*). В хакасском языке имеется глагол *порастан-* 'пачкаться, грязниться'.

Таким образом, соотношение значений тув. *борастан-* и хак. *порастан* примерно то же, что у хак., шор. *пора-* и тув. *бора-*. Это подтверждает нашу точку зрения относительно происхождения компонента *бора* в *бора будун*.

Что касается компонента *будун*, то его исходным значением также едва ли было 'целый' или 'цельный'. Возможно, в этом случае *будун* (< **бутун*) было производным от глагола *бут- ~ бит-* 'кончаться, иссякать; уставать, обессиливать, израсходоваться, истощаться; сипнуть, хрипнуть (о голосе)' и т.п. (ЭСТЯ II, *152—153*), образованным с помощью аф. *-(у)н* и означавшим нечто вроде 'усталый', 'иссякший, истощенный', т.е. по исходной семантике компоненты *бора* и *будун* были близки, если не тождественны друг другу.

борала- 'делать что-л. небрежно (наспех, кое-как)'; см. **бора будун**.

боралгак 'водоворот; омут, пучина'.

Структурно тув. *боралгак* — отглагольное существительное, образованное с помощью аф. *-как* (> *-гак*) от основы *борал-*, являющейся формой страдательного залога глагольной основы *бора-* 'пачкать, загрязнять; мутить (воду)' (последнее подразумевает, в частности, перемешивание воды и различных инородных тел в водоворотах).

В некоторых тюркских языках названия водоворотов, сходные внешне с тув. *боралгак*, образованы от глагольной основы типа *бур-* (*бура-*) 'крутить, вертеть' или от соотносительной с ней именной; ср., напр., азерб., як. *бурулган* (< *бур-ул-ган*) 'водоворот, пучина, омут' (Попов, *56*), тур. диал. *bur-la-ğan* 'водоворот, омут' (ЭСТЯ II, *265*). Ср.: Ахметьянов. ОЛМК, *163*.

боран 1. 'мутный (о жидкости)', 2. 'ненастье, пасмурная погода'. См. **бора-**, **бораан**.

бораң-сараң 1. 'неважный, плохой', 2. 'бурда (о напитке)'.

Первый компонент (в частности, в *бораң-сараң* 2) идентичен *бораң* 1 < *бора-* 'мутить (воду), делать мутной (жидкость)'.

Первое значение ('неважный, плохой') также связано с указанной глагольной основой, а точнее — с ее соответствиями, имеющими семантику типа 'слабеть, тускнеть' (см. **бора-**, **бора будун**). Компонент *сараң*, по-видимому, — слово-эхо (ср. **белек-селек**, **белен-селен**), но не исключено, что он восходит к значимому слову; ср., в частности, хак. (саг.) *сараң* 'слабосильный, болезненный, немощный' (РСл. IV, *316*); ср. также **буук-сарык-**.

бораста- см. **бора бүдүн.**

борбай- см. **борбуяк.**

борбак см. **борбуяк.**

борбуяк [оъ] 'сычуг' (*часть желудка жвачных животных*); 'маленький сосуд, фляжка для араки (изготовлялся из кожи)'.

Сходные наименования типа *борпай ~ борбай*, но относящиеся к другим частям тела (ср. значения 'пах', 'ляжка', 'икры ног', 'голень', 'запястье') отмечены в ряде тюркских языков; в некоторых из них фигурирует также семантика типа 'бурдюк, сделанный из кожи, снятой с бедра коровы или лошади'.

Исследователи придерживаются мнения, согласно которому тюркские слова имеют монгольское происхождение: их сопоставляют с монгол. *borbi/борви* 'часть ноги у пятки' (ЭСТЯ II, *194*), что является явной натяжкой как в фонетическом, так и в семантическом плане. Можно согласиться с тем, что монгольское происхождение вероятно только в случаях с названиями сосудов (типа мехов, бурдюков): ср. алт. *борбуй* 'дорожный мех из цельной кожи'... и монг. *борви* 'бурдюк', калм. *бөрв* 'кожаная фляга'.

Судя по всему, тюрк. *борбай ~ борпай*... по своему происхождению — основа образного характера. Исходная основа типа **бор* (*пор*) обозначала нечто округлое, пухлое, полное: ср., напр., як. *бор-ой- ~ мор-ой-* 'иметь толстое лицо при короткой шее' (Харитонов, *286*). Соответствующий семантический признак явно прослеживается в большинстве анатомических названий *борбай ~ борпай*. Согласный, следующий за основой **бор* (*б*, *п*), обозначал модификатор основы, усиливающий образное начало: см. тув. *борбай-* [оъ] 'принимать шарообразную (округлую) форму, округляться', *борбак* [оъ] 'шарообразный, круглый; шар, клубок', ? каз. диал. *борпы* 'неуклюжий' (Аманжолов, *364*).

Исходный его вариант — *п* (глухой или сильный согласный). Первоначальная форма анатомического названия — **борпай*. Судя по наличию фарингализации, тув. *боърбуяк* < **борпуяк* (так же, как *борбай-* < **борпай-*). В роли модификаторов могут выступать и другие согласные, напр. *т* (см. **борта-, бортук**).

Тув. *борбуяк* [боърбуйак] — уменьшительная форма от *борбуй*, образованная с помощью аф. *-ак*. По своей семантике тувинское слово, являющееся названием части желудка животных, достаточно далеко отстоит от своих соответствий в других тюркских языках, и вместе с тем оно ближе к монгольским словам, обозначающим бурдюки и подобные емкости. Возможно, эта близость — результат монгольского влияния на семантику тувинского слова.

борлан[чык] 'годовалый горный козел'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *borlong*/монг. *борлон* 'годовалый козленок'; *-чык* в *борланчык* — уменьшительный аффикс.

борта [бóртта] 'здесь, сюда'.

Ср. тоф. *бортта* 'вот здесь' (Рассадин. Морфология, *255*).

Слово *бортта* в тувинском и тофаларском рассматривается как местоимение, но в других тюркских языках сходные случаи трактуются исследователями как наречия.

Этимология тув. и тоф. *бортта* не рассматривалась. Возможно, оно родственно тур. *бурда* 'здесь, на этом месте', которое, по мнению В.В. Радлова, восходит к сочетанию *бу järdä* 'в (на) этом месте' (РСл. IV, *1831*), где первый компонент — указ. мест. *бу ~ бо* 'это, этот'... (см. **бо**), а второй — общетюрк. *jär* (*йер*), тув. *чер* и т.п. 'земля; место' в форме мест. п.

Однако в последующем структура тур. *бурда* (*burda*, а также *burada*) представлялась исследователями иначе, хотя структурно-семантически, а отчасти и материально, она выглядит весьма сходной с той, которую реконструировал Радлов.

В турецком и некоторых других тюркских языках (в основном огузских) имеется слово *бура* (*bura*) '[это] место, находящееся здесь', которое исследователи, включая и В.В. Радлова, возводили к сочетанию *бу ара* 'это место' (см.: РСл. IV, *1816*; СИГТЯ М, *266*): тюрк. *ара* означает 'промежуток', 'пространство, место, местность' и т.п. (ЭСТЯ I, *162*; см. также **ара**).

Бурада ~ бурда 'здесь' (в последнем случае — с редукцией гласного среднего слога) может быть интерпретировано как форма местного падежа слова *бура* или сочетания *бу ара*, которая и в настоящее время бытует в некоторых тюркских языках (иногда с измененным значением): ср. хак. *пу арада* 'здесь' и тур. *bu arada* 'в это время, в настоящее время, сейчас'.

Тув. и тоф. *бортта* представляют собой, по-видимому, один из древних элементов лексики условно огузского происхождения. Соответствие в нем *о* тур. и др. *у* связано с тем, что мест. *бу* здесь бытует в варианте *бо*. Интересно, что элемент, соответствующий аффиксальной морфеме, представлен с начальным глухим двойным *тт* (вместо ожидаемого *д*). Это может быть объяснено тем, что в языке, в котором первоначально появилось слово *бортта*, аффикс мест. п. у существительных, оканчивающихся на *-р*, употреблялся в варианте с начальным глухим согласным (*-та*). Такая особенность характерна, в частности, для древнетюркских памятников (см.: ГЯТРП, *157*), и она могла сохраниться в тув. и тоф. *бортта* при утрате им своей первоначальной внутренней формы (**бо ар*(*а*)*та*>*бортта*). Относительно ударения в *борта* см. **бертен**.

См. также **орта I**.

борта-: **хырын борта-** 'перекусить, немного поесть'.

В сочетании *хырын борта-* первый компонент идентичен тув. *хырын* 'желудок' (см. **хырын**). Второй компонент можно сопоставить

с кирг. *бордо-* 'ставить животное на откорм для убоя', чаг. *бурда-* 'жиреть', *бурдат-* 'выкармливать' (РСл. IV, *1831—1832*), каз. *бордакы* 'откормленный на убой (о скоте)'.

По-видимому, эти слова, в частности глагольные основы, производны от образной основы **бор-т* (*бур-т*), идентичной **бор-п-*, имеющей иную модификацию (см. **борбуяк**) и обозначающей нечто округлое, пухлое, жирное и т.п. Та же основа, по всей вероятности, в тур. *burtlak* (< *burt-la-k*) 'поросенок', где именная основа *burt*, возможно, совпадает со значением производного слова в целом, а глагольная (*burtla-*) могла, как и в других подобных случаях, означать 'рожать' (в данном случае — 'пороситься') (см.: ЭСТЯ II, *198*).

В то же время соответствия *борта-* представлены и в монгольских языках: ср. п.-монг. *bordu-* 'откармливать', монг. *бордох* 'откармливать; удобрять', калм. *бордх* то же, бур. *бордо-хо* 'откармливать (скот)', где эти соответствия, возможно, являются тюркизмами. Тув. *борта-* могло быть монгольским заимствованием. Исходя из семантики его монгольских соответствий, первоначальное значение выражения *хырын борта-* можно представить как 'желудок откармливать' (подобно, домашнему скоту?).

бортук 'земляная насыпь, холмик (перед норой сурка и т.п.)'.

Ср. чаг. *бортак* 'кочковатая дорога', *бортаг* 'неровный (о дороге)', *буртак* 'местность с подъемами и спусками' (РСл. IV, *1665*, *1831*), каз. диал. *бордана ~ бортана* 'волна' (Аманжолов, *364*), а также слова с переднерядным вокализмом типа тур. *pürtük* 'бугорок, прыщ, волдырь', узб. *бўртік* 'прыщ; бугорок'. Последние могут быть связаны с глагольной основой типа *бурт- ~ борт- ~ борут-* 'пухнуть, вздуваться, толстеть'... (см.: ЭСТЯ II, *224*), которая явно имеет образное происхождение и, по-видимому, гомогенна с ранее нами рассматривавшейся основой **бор-т*. См. **борта-**, **борбуяк**.

бос *диал.* 'кряква'.

Слово отмечено в южных и восточных говорах тувинского языка. Ср. также тоф. *бос* 'кряква' (Рассадин. Словарь). Тув. и тоф. *бос* следует считать, по всей вероятности, субстантированной формой общетюрк. прил. *боз ~ бос* с первоначальным значением 'серый' (с различными оттенками), которое в качестве существительного имеет значения 'серая лошадь, отливающая голубым'; 'самка фазана (куропатка)' (ЭСТЯ II, *172*); ср. также алт. диал. *пос* 'серый'; 'птица-самка' (РСл. IV, *1287*).

Название серого цвета в тувинском языке бытует в монголизованной форме (см. **бора**), но его прежнее наименование сохранилось как реликт в слове *бос*.

боску- [оъ] 'подвязывать (напр., больную руку) к шее; привязывать переднюю ногу животного к шее (в частности, при ковке)'.

Очевидно, этот глагол, непосредственные соответствия которого в других языках не обнаружены, образован при помощи глаголооб-

разующего аф. *-ы-* (*-у-*) от *богус* (*богуз*), обозначающего в тюркских языках горло, глотку, иногда шею (ЭСТЯ II, *167*). Это слово сохранилось в тувинском языке в посессивной форме (*боску*) при *боостаа* 'глотка, горло' (см. **боостаа, боску**).

Таким образом, *боску-* — из *бог(у)су-* (с метатезой). Производным от *боску-* является существительное *боскуг* 'путы (для подвязывания передней ноги лошади к шее)', у которого имеются соответствия в некоторых современных тюркских языках (ВТЯ, *36*).

К их числу могут быть отнесены и др.-тюрк. *boγsuq* 'железный ошейник', *boχsuq* 'деревянные колодки с отверстиями для шеи и рук, надеваемые на преступников' (ДТС, *109*, *115*).

боску [оъ] см. **боостаа**.

бот 1. 1) 'тело(сложение)', 2) *мест.* 'сам', 2. 'холостой, одинокий'; **боду** 'он сам', **бот-боду** 'сами, свои'.

Общетюркское; соответствия существуют в вариантах типа *бод* (*бот*) ~ *боз* ~ *бой*, т.е. имеет место характерное для ряда тюркских слов чередование *д* ~ *з* ~ *й*. Семантика этих соответствий — 'рост', 'длина' (а также 'длинный, протяженный'); 'полоса (берег, край)', 'тело (корпус, туловище)', 'сам', 'один, одинокий (неженатый, холостяк, вдовец)', 'скопление людей (род, племя, народ)' и др. (ЭСТЯ II, *176—177*).

В тувинском языке *бот* в значении 'тело' в основном реализуется в качестве компонента составных наименований *мага-бот* и *эът-бот* или корневого элемента производных слов. Ср. также реализацию семантики 'рост' в составе прил. *боткур* 'рослый (обычно о домашних животных)'.

В качестве определительного местоимения 'сам' *бот* и его соответствия (чаще с аффиксом принадлежности) употребляются главным образом в южно-сибирских тюркских языках. Общетюркским соответствием *бот...* как местоимения является слово *өз* (и его варианты). Можно согласиться с Э.В. Севортяном в том, что значение 'сам' у слова *бот...* принадлежит к числу поздних (ЭСТЯ II, *178*). Структура *бот...* неясна. Архетип слова восстанавливается по-разному (Там же), но наиболее приемлема реконструкция А.М. Щербака (**поδ*). Не все ясно с вопросом о том, какое лексическое значение слова является исходным и как связаны с последним некоторые из производных значений.

Исследователи сходятся в том, что значением, исходным для 'сам', является у *бот...* 'тело' (см.: Щербак 1977, *134*; ОСМАЯ, *240*, *243*). Сходным образом, как считается, возникло значение 'сам' и у слова *өз* (ср. точку зрения Е.Э. Бертельса, А.К. Боровкова, О.П. Суника в ОСМАЯ, *240*, *241*, *243*).

По Севортяну, среди приведенных значений *бот...* "наиболее старым следует считать 'тело', — по-видимому, человеческое"

(ЭСТЯ II, *177*). Возможно, это соответствует действительности, но едва ли подобное значение является первичным, исходным, тем более что ЭСТЯ (II, *178*) отмечает неясный характер связи некоторых значений в смысловой структуре слова, а с указанными в данном источнике некоторыми другими направлениями смыслового развития *бот...* трудно согласиться.

С семантикой 'тело' определенно связаны, с одной стороны, значение 'сам', а с другой — 'рост', 'высота', 'длина', 'глубина', 'мера, степень' и под., но не 'один, одинокий' и некоторые другие. Возможно, первоначальное значение *бот...* может быть сформулировано как 'являющийся частью, в том числе основной, но не целым; обособленный' или как нечто подобное (ср. такие значения *бот...*, как 'главная часть предмета', 'ядро плода'). Не случайно, по-видимому, что это слово в ряде источников (в том числе и в древнетюркских памятниках) отмечено в значении 'туловище', т.е. 'тело человека или животного (исключая голову и конечности)'; ср. также значения 'стебель', 'ствол' у тоф. *бот* (Рассадин. Словарь) и у его чувашского соответствия (ЭСТЯ II, *176*).

Отсюда ясны значения типа 'полоса; берег, побережье; край, сторона', а также семантика 'один(окий)', 'неженатый, вдовец' (или, иными словами, 'тот, кто представляет собой только одну часть коллектива, семьи').

Часть значений *бот* явно возникла в результате переноса наименований "часть → целое" (синекдохи), в том числе, вероятно, и 'туловище' → 'тело'; ср. также значения 'лицо человека' и 'человек' (ЭСТЯ II, *177*). Понятна поэтому и связь значений 'один, одинокий'; 'человек' и 'скопление людей; народ, род' (ср.: ЭСТЯ II, *178*). См. также **бот-бозун**.

По-видимому, похожим путем шло развитие семантики слова *өз*, в смысловой структуре которого отмечены многие из значений, характерных для *бот...* или подобные им. См.: ЭСТЯ I, *506—507*, а также **өзек**.

Очевидно, ошибочно мнение, согласно которому тув. *бот* — монгольское заимствование (Сат, Салзыңмаа, *229*).

бот-бозун, бот-борзун *разг.* 'холостой, одинокий'.

По значению *бот-бозун, бот-борзун* идентичны *бот 2* (см. **бот**). Компонент *бозун* в тувинском языке самостоятельно не употребляется. Судя по значению *бот-бозун*, его второй компонент был идентичен в семантическом отношении слову *бот* ('холостой, одинокий') или, по крайней мере, был ему в этом плане очень близок. Кроме того, сходство внешнего облика компонентов *бот* и *бозун* таково, что оно может быть следствием общности их происхождения.

В предыдущей статье говорилось о том, что *бот* (< *бод*) восходит к ***поδ* и что здесь налицо чередование *д ~ з ~ й* (*бод ~ боз ~ бой*). В

тувинском языке иногда встречаются слова с *-з-* (в том числе *з* > *с*) вместо ожидаемого *-д-* (см. **аскыр, эзер**). К их числу принадлежит, по-видимому, и *бозун. Борзун* в *бот-борзун* содержит, скорее всего, вторичный (протетический) *-р-*, нередко встречающийся в тувинских словах (в частности, в диалектах).

Бозун может быть сопоставлено с др.-тюрк. *bodun ~ boδun ~ bojun*, означавшим 'население, народ, люди' (ДТС, *108*, *109*, *111*) и в плане содержания практически тождественным др.-тюрк. *bod ~ boδ ~ boj* 'скопление людей; племя, род' и под. (см.: ЭСТЯ II, *177*). Однако *бот...* вместе с тем означает и 'один, одинокий; (отдельное) лицо, человек'. Судя по имеющимся данным, подобная семантика существовала и у *bodun...* Так, в переводе на древнеуйгурский буддийской сутры отмечено выражение *jeti tümän jeti miŋ bodunlar* 'семьдесят семь тысяч людей' (т.е. 'человек') (ДТС, *108*). Относительно структуры *bodun...* было высказано мнение, согласно которому оно представляет собой форму мн. ч. от *bod* (ЭСТЯ II, *178*), но не исключено и отглагольное происхождение *bodun* и его соответствий.

бот-борзун см. **бот-бозун.**

боттан- 'сбываться, осуществляться, воплощаться; зарождаться, образовываться (о зародыше)'.

Непосредственных соответствий в других тюркских языках не обнаружено. В "Грамматике тувинского языка" относится к числу производных от корня *бот-* (см. **бот**), "свидетельствующих о происхождении... местоимения от существительного, употреблявшегося некогда примерно в тех же значениях, что и монгольские *бие* <'тело, организм'...> и *бод* <'тело, вещество, вещь, предмет, материя'>". Структура глагольной основы *боттан-* представлена в виде *бот-тан-*. По мнению авторов "Грамматики...", корень *бот* в данном случае означает 'тело', 'предмет', 'вещь', 'существо' (ИП, *248*).

Подобная семантика (за исключением значения 'тело') не характерна для *бот* и его соответствий в тюркских языках. Можно полагать, что в случае с *боттан-* корневая часть (*бот*) испытала смысловое влияние монгольского слова (ср. также п.-монг. *boda* 'предмет, существо, свойство, вещественность, материя', калм. *bod°* 'истинная сущность', 'эссенция', 'реальность'), семантика которого и реализовалась в глаголе *боттан-*, а также в прил. *боттуг* (см. **боттуг**). По-видимому, данные производные слова образовались сравнительно недавно.

Исследователи сближают тюрк. *бот* и его соответствия с монг. *boda/бод*, давая этому сближению алтаистическую трактовку (см.: ЭСТЯ II, *178*), но здесь вполне вероятно тюркское заимствование в монгольских языках.

боттаң 'тот, кто оказался (временно) один, без семьи, в "положении холостяка" (о семейном человеке)'; 'один, без спутника и багажа (о всаднике)'.

Ср. хак. *постаң*, алт. *бойдоң* 'одинокий, холостой'. *Боттаң* (*постаң*, *бойдоң*) — производное от *бот* и его соответствий в значениях 'одинокий (холостой)', 'сам' (см. **бот**), образованное при помощи аф. *-таң* с ограничительной семантикой (ср. **бөөртең**, **демиртең** и др.).

боттуг 'существенный; реальный, действительный, вещественный, действенный, практический'.

По форме — производное от *бот* (см. **бот**; а также: ИП, *248*), однако одноструктурные с *боттуг* наименования в других тюркских языках имеют совершенно иную семантику: ср. др.-тюрк. *bodluγ* 'обладающий телом, телесный; статный, рослый' (ДТС, *107*), кирг. *бойлуу* 'рослый (о человеке)'; тур. *boylu* 'рослый', каз. *бойлу* 'взрослый' (РСл. IV, *1644*) и т.п.

В содержательном плане тув. *боттуг* близко п.-монг. *bodatai*/монг. *бодтой* 'материальный, вещественный; действительный, настоящий, реальный'. Сходство тув. *бот* и монгольского *boda*/*бод* 'предмет, материя, вещество'... (см. также **боттан-**) послужило основой своего рода калькирования *bodatai*/*бодтой* и появления тув. *боттуг* с вышеприведенным кругом значений.

бош I [оъ] 'незакрепленный; шаткий, неустойчивый, ненадежный'. Соответствия слова широко представлены во многих тюркских языках. Э.В. Севортян (ЭСТЯ II, *203—205*) рассматривает прил. *бош* со значениями 'слабый, мягкий, рыхлый; слабо держащийся' и т.п., соответствующее тув. *бош* I, в одной статье с *бош* 'пустой, порожний; свободный' (см. **бош II**), хотя и задает вопрос: не принадлежат ли значения типа 'слабый' и под. к другой, омофонной основе. Это сомнение вполне оправдано с точки зрения семасиологии.

Кроме того, *бош* 'слабый'... и *бош* 'пустой'... различаются по характеру производных, что ощутимо, в частности, на материале тувинского языка: ср., с одной стороны, *божаң* 'шаткий, зыбкий, неустойчивый', а с другой — *бошта-* 'опорожнять, освобождать (посуду)', *боштун-* (< *бош-* + (*у*)*т-* + (*у*)*н-*) 'отвязываться, освобождаться от привязи'. Есть, правда, и примеры образования производных от *бош* I, II по общей модели: *божу-* 'расшатываться, становиться шатким'; 'освобождаться, опоражниваться; рожать'.

Интересно, что у *бош* I имеется соответствие в виде, возможно, родственной с ним основы на *-л* (**бол* или **бол-* ?), которую можно видеть, напр., в тел. *полтрак* 'слабый, вялый' (РСл. IV, *1282*), др.-тюрк. *bolaq at* 'вислозадая лошадь с широким крупом' (ДТС, *112*).

Вместе с тем наличие подобного соответствия может указывать на членимость как *бош* I, так и **бол*, однако имеющихся данных недостаточно для окончательного вывода на этот счет.

бош II [оъ] 'незаполненный, пустой (о посуде)'; **бош даг** 'гора, находящаяся на равнине, вне горного массива (хребта)'.

Слово связано с общетюрк. *бош ~ пош* 'пустой, порожний, незанятый; свободный' и др. (ЭСТЯ II, *203—204*). В круг соответствий *бош*, приводимых в указанном источнике, должно быть включено тоф. *боъш* 'оторванный' (а также, вероятно, 'обособленный, находящийся вне'...). Последнее значение реализуется в тув. *бош даг* (см. выше), а также в тоф. *боъш таг* 'холм или небольшая горка на ровном месте' и *боъш сойак* 'высокая сопка, торчащая на ровном месте' (Рассадин. Словарь).

Этимология *бош*... не ясна. Производимые исследователями сопоставления с данными монгольских языков, а также корейского (ЭСТЯ II, *204*) не проливают свет на решение этого вопроса.

Между тем наличие у *бош* значений типа 'оторванный; обособленный', а также 'разведенный, холостой, овдовевший' (последние характерны для древнетюркских памятников и некоторых других источников; см.: ЭСТЯ II, *204*) заметно сближает его со словом *бот* и его соответствиями (ср. **бот**). Эта семантическая общность явно не случайна и, возможно, указывает на родственные связи *бош* и *бот*.

бошка [оъ] *уст.* 'бошко' (*низший чиновник*).

Ср. кирг. диал. уст. *бошкоо* 'самый низший чин местной администрации'.

Н.Ф. Катанов (Опыт, *138*) тув. *бошка* (*пошка*) интерпретировал как кит. *po-che-kou*, заимствованное через п.-монг. *bošoχu* <'урядник, унтер-офицер в войсках; низший чиновник'>.

В целом с этой точкой зрения следует согласиться. Можно лишь уточнить, что тув. *бошка* явно принадлежит к числу довольно поздних по времени (вероятно, XVIII—XIX вв.) монголизмов. Он ближе по форме к монг. *бошго*, чем к п.-монг. его варианту.

Кирг. *бошкоо*, судя по его форме и ареалу (отмечено в речи синьцзянских киргизов), является прямым заимствованием из китайского языка.

бөгле- *диал.* 'останавливать (кровь)'; **бөөл-** 'перестать течь, свертываться (о крови)'.

Основу *бөгле-* можно сопоставить с п.-монг. *bögle-*, монг. *бөглөх* 'затыкать, закупоривать; заваливать, загораживать, преграждать (путь); заслонять'. В свою очередь, последние связаны с тюрк. *бөг ~ бөк ~ бек* (частично — в составе глагольных основ) 'запруда; затычка, пробка; запор, засов'... (ЭСТЯ II, *208*). Ближайшим структурно-семантическим соответствием монгол. *bögle-/бөглөх* являет-

ся турк. *бекле-* 'заграждать, преграждать, заслонять, перекрывать' (ЭСТЯ II, *208*, *209*).

Что касается тув. глагольной основы *бөөл-* (< *бөгүл-*), то она представляет собой по происхождению форму пассива от *бөг-* или *бөге- ~ бөгө- ~ бөө-*, распространенных в ряде тюркских языков со значениями 'запруживать, преграждать' и под. (ЭСТЯ II, *208—209*, где, однако, отсутствует тув. *бөөл-*).

Семантика, связанная со свертыванием крови, у *бөгле-* и *бөөл-*, возможно, обусловлена влиянием тув. глагольной основы *боол-* (< *богул-*) — формы страдательного залога от *бог-* 'затягивать (петлю)' и др. (см. **бог-**), которая означает, в частности, 'перестать течь, свертываться (о крови)'.

См. также **бөөшкүн**, **моон**.

бө́гүн 'сегодня'.

Тув. *бөгүн* представляет собой результат слияния устойчивого сочетания типа *бо(бу) күн*, означающего 'сегодня' (букв. 'этот день') и распространенного в ряде тюркских языков. Это сочетание отмечено и в памятниках: ср. др.-тюрк. *bu kün* 'сегодня' и тув. *бөгүн* то же, *bu künkü* и *бөгүнгү* 'сегодняшний'. Ср. также шор. *пүгүн* 'сегодня', хак. *пүүн* то же. Необычное место ударения в тув. *бөгүн* (на первом слоге) объясняется тем, что в сочетании *бо күн* логическое ударение могло падать на его первый (местоименный) компонент. См. **бо**, **хун**; ср.

также **бе́ртен**, **бо́рта**.

бөдей, **бөөдей** 1. 'бедный, простой (о жилище)', 2. 'бедная, маленькая юрта (или чум)', 'зимняя шапка округлой формы'.

Ср. тоф. *бөөдей* 'детская юрточка; детская игра в хозяйство; юрточка, ставившаяся над соболиным капканом', *бөөчжек* 'маленькая юрточка над ямой-дымокуром (над ней натягивались шкуры, предназначенные для дымления)' (Рассадин. Словарь).

Семантика уменьшительности, характерная для тофаларских слов, а также для тув. сущ. *бөдей* (*бөөдей*) связана, очевидно, с их аффиксальными морфемами: *-чжек* (ср. тув. *-чак ~ -чек*) в *бөөчжек* и *-ей* или, возможно, *-дей* в *бөөдей*.

В настоящее время уменьшительно-ласкательные аффиксы типа *-ай*, *-пай*, *-дай* в тувинском языке малоупотребительны, а последний отмечен в основном только в составе личных имен (см.: ИП, *149*; Монгуш 1973, *153—154*).

Если отбросить указанные морфемы, то основа рассматриваемых слов предстанет в виде **бөө* и, возможно, **бөөт* (или **бөт*), означавшего 'юрта' или нечто похожее и представлявшего собой какой-то локальный (местный) вариант наименования этого или подобного ему вида жилья. Наименование могло быть связано с формой обозначаемого объекта. Если исходить из первичности вариан-

тов с долготой (она подтверждается материалами тофаларского языка, более архаичного, нежели тувинский), то можно говорить о гомогенности реконструированных выше основ с глагольными типа *бүк-*, изредка также *бөк- ~ бөг-* со значениями 'гнуть(ся), сгибать(ся)' и др. (ЭСТЯ II, *290 и след.*). Исходным для *бөө(т)* более реально считать последний из вариантов основы (*бөг-*), и соответственно первоначальная форма указанных имен может быть восстановлена в виде **бөгу* или **бөгут*. Вероятно, одноструктурным с последним является чаг. *бөгут* 'пуговица; изогнутая часть дерева, сильно изогнутая ветка' (РСл. IV, *1696*); ср. также каз. диал. *бөген* 'дуга из тонких дощечек, вставляемая по обе стороны люльки' (Айдаров, *108*).

Непосредственных тюркских соответствий **бөгу*, **бөгут* в качестве названий жилищ не обнаружено, но среди наименований, связанных с временным жильем, имеются слова, производные от основы типа *бөг-*. К их числу можно отнести тел. *пукмä* 'киргизская юрта' (РСл. IV, *1395*) (< *пук-* + *-мä*), что, по-видимому, первоначально означало 'согнутый, изогнутый' или 'согнутая (изогнутая) юрта': имеется в виду, очевидно, юрта "тюркского" типа (в том числе и "киргизская", т.е. казахская) с изогнутыми жердями-стропилами. В "монгольской" юрте жерди имеют прямую форму (см.: Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. — М., 1991. — С. 66—68). Ср. также п.-монг. *bükügeg*, монг. *бухэг* 'лавка, ларек; навес, тент; укрытие от солнца и ветра', бур. *бухөөг* 'арка, навес, тент' ~ *бухээг* 'навес'; диал. 'коромысло; шалаш, балаган'.

У этих слов имеется соответствие в виде як. *бүкээк*, означающего в литературном языке 'укрытие (от дождя и солнца)', а в диалектах — 'шалаш с остовом из молодых лиственниц, полукругом закрепленных в земле; зимнее жилище, построенное как шалаш переплетом мелких лиственниц или тальника; крытые нарты с верхом, натянутым на остов из тальниковых дуг'; уст. 'загородка вокруг дымокура'. При этом як. диал. *бүкээк* сопоставляется с монг. *бухээг* (ДСЯЯ, *74*). Вероятно, якутское слово является монголизмом, хотя монгольское (или, в более широком плане, восточномонгольское) слово могло быть, в свою очередь, тюркским заимствованием.

Вариант тувинского слова с кратким гласным (*бөдей*) носит, скорее всего, вторичный характер. М. Рясянен (EW, *83*) сопоставлял тув. *бөдей* с тувинским же *бөдүүн* 'простой' (см. **бөдүүн**). Такое сближение не исключено, но оно также могло быть вторичным.

Соответствие тув. *бөөдей ~ бөдей* в качестве названия временного жилья отмечено и у монголов, где *бодэй* (*бөдэй? — Б.Т.*) фигурирует в качестве одного из наименований шалаша конической формы, покрытого войлоком и служившего местом проведения свадь-

бы (см. об этом: Г. Цэрэнханд // Обычаи и обряды монгольских народов. — Элиста, 1989. — С. 24—28).

Имеющихся данных для определения характера взаимосвязи между тувинско-тофаларскими и монгольскими словами недостаточно, но, возможно, монгольское было заимствовано из сибирского тюркского языка типа тувинского или тофаларского.

бөдене 'перепел, перепелка'.

Соответствия в вариантах *бөдене ~ будене* и подобных со значением 'перепел(ка)' широко представлены в современных тюркских языках. Согласно распространенному и вполне обоснованному мнению, указанная форма названия птицы является в них монголизмом (ЭСТЯ II, *101—102*). Э.В. Севортян полагал, что "с неменьшим основанием можно было бы утверждать обратное", т.е. что мы имеем дело с тюркским заимствованием в монгольских языках, но не привел никаких обоснований в пользу этого, ограничившись лишь замечанием, что "этимологическая разработка *бедене ~ бөдене* пока что нуждается в дополнительных материалах" (ЭСТЯ II, *102*). Ср. **матпадак**.

бөдүүн 'простой'.

Монголизм. См.: EW, *82*. В монгольских языках тув. *бөдүүн* соответствуют п.-монг. *bidügün*, *büdügün*, монг. *бүдүүн*, калм. *бүдүн* [бүдүүн] 'толстый; низкий, грубый, басистый; грубый, аляповатый; взрослый (о людях, животных)', бур. *будуу(н)* 'толстый; грубый, простой (о пище); густой, басистый; солидный, важный'.

В тув. *бөдүүн* отмечен определенный семантический сдвиг ('грубый' → 'простой'); появление *ө* на месте монгол. *у* спорадически отмечается в монголизмах тувинского языка.

Родственным по происхождению *бөдүүн* является слово *бүдүүлүк* (см. **бүдүүлүк**).

бөзүр 1. 'рябой, с ря́бинами, щербатый, со щербинами (о лице); негладкий, шероховатый (о поверхности чего-л.); зубчатый', 2. 'возвышение с небольшими скалами; место, покрытое камнями'.

Э.В. Севортян приводит тувинское слово (в вариантах *бөзүр ~ мөзүр*) в одной рубрике с башк. *бүзүр* 'рябой; рябь (на воде)', балк. *зыбыр* (< *бызыр*) 'шероховатый', сопоставляя их со сходными по значениям словами, характеризующимися интервокальными *-д-* (*бүдүр ~ будур*) и *-ж-* (*-ж,-*) (*бүж,ур ~ быжыр*) в других тюркских языках (ЭСТЯ II, *285—286*).

Варианты типа *бүдүр* производятся от основы **бүд-*, с которой гомогенным считается глагол *буд(у)ре-* 'спотыкаться, оступаться', что не выглядит бесспорным (см. **бүдүрү-**). Далее Э.В. Севортян допускает образное (подражательное) происхождение слов с чередующимися *-д- ~ -ж,-/-ж-* и приводит некоторые примеры чередования *-д- ~ з-*.

В итоге он считает возможным говорить о глагольной основе **бүт-*... и ее диалектных разновидностях **бөз- ~ *буз-*, *бүж- ~ *буж-* (ЭСТЯ II, *286—287*), семантика которых, однако, не указывается и остается неясной.

Можно согласиться, что во всех этих основах присутствует подражательное начало (см. также: ЭСТЯ II, *346*), но гомогенность их остается под вопросом. Такие основы и предполагаемые производные от них (*бүдүр*, *бөзүр*, *бүжүр*...) могли появиться и самостоятельно, независимо друг от друга.

Формы типа тув. *бозур* могут быть связаны с известной в огузских языках глагольной основой *буз-* (*бөз-*) со значениями 'сморщивать, стягивать'. Таким образом, вероятно, *бөзүр*... гомогенно с таким производным от *буз-*, как *бузук* 'сморщенный, стянутый, съёжившийся' и др. (см.: ЭСТЯ II, *294—295*).

бөкпек [өъ] 'букет; куча, толпа'.

Непосредственные соответствия не обнаружены. По-видимому, *бөкпек* < **бөк-мек*, где *-мек* — распространенный в тюркских языках аффикс отглагольного образования (в тувинском — мертвый формант), а *бөк-* — глагольная основа, зафиксированная в древнетюркских памятниках в значении 'собирать(ся)', которое интерпретируется как переносное значение глагола *bök-* 'запруживать, перекрывать (воду)' (ДТС, *117*; ЭСТЯ II, *208*), что вполне вероятно. С *bök-* 'собирать(ся)' ср. также чув. *пух-* 'собирать', тюркские соответствия которого, кажется, неясны (ЭСЧЯ, *169*).

См. **бөкперлеш-**, **бөктүр-**, **бөл-**.

бөкперлеш- [өъ] 'скучиваться, сбиваться в кучу'.

Непосредственных соответствий в других тюркских языках не обнаружено. Структурно *бөкперлеш-* однотипно с тув. *бөкпектеш-* (< *бөкпек-те-ш-*), связанным с *бөкпек* (< *бөк-мек*) (см. **бөкпек**).

Структура *бөкперлеш-* может быть представлена в виде **бөк-мерле-ш-*, где *бөк-* — та же глагольная основа, что и в *бөк-пек*, *-мер* (*-мар*) — довольно редкий тюркский отглагольный аффикс (см.: АИ, *196—197*), *-ле-* — глаголообразующий формант и *-ш-* — показатель совместно-взаимного залога.

бөктүр- [өъ] *диал.* 'положить поперек седла (перед собой)'.

Ср. отмеченный в ряде современных тюркских языков глагол *бөктер- ~ бөктөр- ~ пуктер-*, означающий в основном 'приторачивать, привязывать к торокам', а иногда — 'вьючить (привязывать к задней луке седла)'.

Считается заимствованием из монгольских языков: ср. п.-монг. *bögter-* 'навьючить, перекинуть через седло' и т.п. Вместе с тем, приводимые Э.В. Севортяном монгольские языковые материалы, с которыми такие исследователи, как Г. Рамстедт и М. Рясянен

сопоставляют указанную глагольную основу, "не являются прототипами тюркских глагольных форм" (ЭСТЯ II, *214*).

К этому следует добавить, что данные материалы не содержат и убедительной версии монгольского происхождения рассматриваемого глагола, который может быть связан с тюрк. глагольной основой *бөк-* 'собирать(ся)' (см. **бөкпек**) и по первоначальной структуре, вероятно, является формой каузатива (с аф. *-тар- ~ -тер-*) от этой основы.

Монгольская глагольная основа типа *bögter-*, таким образом, могла быть тюркизмом и притом достаточно древним: его соответствие отмечено в "Сокровенном сказании монголов" (ЭСТЯ II, *214*). Однако отсутствие фиксации тюрк. *бөктер-* и его соответствий в лексике древнетюркских памятников может служить основой для версии о (вторичном) заимствовании этого глагола из монгольских языков. Сказанное относится и к тув. диал. *бөктур-*, который в ЭСТЯ не отмечен.

бөл- 'собирать в одно место (напр., скот); сгребать (в одно место)'. Ближайшее соответствие — тоф. *бол-* 'складывать в кучу', которое Э.В. Севортян приводит в статье ЭСТЯ, где рассматривается общетюркский глагол *бөл-* (*бөле-*) 'делить, разделять; перегораживать; разламывать' и т.п., причем тув. *бөл-* в указанной статье отсутствует (ЭСТЯ II, *214—215*).

По своей семантике общетюрк. *бөл-* практически противоположно тувинскому и тофаларскому глаголам, что требует разъяснения. Можно было бы говорить о существовании некогда единого глагола с антонимическими значениями (явление энантиосемии).

В свою очередь, *бөл-*, возможно, гомогенно с *бөк-* 'собирать(ся)' и его соответствиями типа *бөг ~ бөк* 'затычка, пробка; укрепление', *бөг- ~ бөге-* 'запруживать, перегораживать' (см.: ЭСТЯ II, *208—209*, а также **бөкпек**, **бөкперлеш-**). Ср. также **бөле-хаара**, **бөлүк**.

бөлгүм 'кружок, группа'.

Позднее заимствование из монгольского языка: ср. п.-монг. *bölgüm* 'кружок, группа; общество, союз' (ЧР, *272*), монг. *бүлгэм* то же. Последнее, по-видимому, является заимствованием из тюркских языков. Ср., в частности, алт. (тел.) *пөлгүм* 'перегородка; отделение; угол за перегородкой' (РСл. IV, *1304*), которое семантически явно "старше" монгольского слова. Структурно-семантически алт. *пөлгүм* близко хак. (саг.) *пөлгүш* 'перегородка, отделение' (РСл. IV, *1304*). Первое из этих слов В.В. Радлов разделял на компоненты *пөл* и *кум*. *Пөл* — это, очевидно, глагольная основа *пөл-* 'разделять, делить, разобщать' (РСл. IV, *1302*), один из вариантов общетюрк. основы *бөл-* с подобными же значениями (ЭСТЯ II, *215—219*), но компонент *кум* неясен. Во всяком случае, аффик-

сальной морфемы, соотносительной с ним, в тюркских языках не отмечено.

Можно предполагать, что *-гум* в алт. *пөл-гум* представляет собой соединение двух формантов: *-гу-* — варианта аф. *-гы- ~ -га-*, имевшего учащательное (интенсифицирующее) значение (см.: АГ, *243 и след.*), и *-м*, образующего отглагольные существительные. В тюркских языках отмечено имя *бөлүм* (< *бөл-үм*) 'часть, отдел(ение)' и др. (ЭСТЯ II, *216—217*) с подобной же структурой, но без аф. *-гу-*. Хак. *пөлгүш*, возможно, в целом одноструктурно с *пөлгүм*, но образовано при помощи форманта *-ш*. Ср. также **бөлгээр, бөлгээт**.

бөлгээр, бөлгээт 'отдельный, обособленный, изолированный'.

Непосредственных соответствий в других тюркских языках не обнаружено, однако прослеживается явная связь тув. *бөлгээр ~ бөлгээт* с общетюрк. глагольной основой *бөл-* 'делить; разделять' (ср. **бөл-**). Вместе с тем структурно рассматриваемые тувинские слова пока не вполне ясны.

Можно полагать, что они образованы от глагольной основы типа **бөлге-* (< **бөл-ге-*), представляющей собой форму интенсива от общетюрк. *бөл-* и фонетический вариант основы **бөлгү-* (см. **бөлгүм**). В таком случае *бөлгээр* первоначально могло быть отглагольным именем (причастием) на *-ар* от **бөлге-*, где появление долгого гласного не требует объяснений. Сложнее объяснить в структурно-фонетическом плане слово *бөлгээт*. Возможно, оно образовано от той же глагольной основы (**бөлге-*), но с помощью аф. *-т* (**бөлге-т*). Долгота же здесь могла возникнуть как результат влияния слова *бөлгээр*.

бөлгээт см. **бөлгээр**.

бөле *тодж.* 'дети двоюродных сестер'.

З.Б. Чадамба сопоставляет это слово с хак. *пөле* 'двоюродный брат, двоюродная сестра (по женской линии)', алт. *бөлө* 'дети сестер', кирг. *бөлө* 'двоюродный брат (сестра) по материнской линии'.

Соответствия с такими или сходными значениями зафиксированы во многих современных тюркских языках (ЭСТЯ II, *217—218*); они сопоставляются с монгол. *böle/бүл* 'двоюродные братья/сестры (о детях двух сестер)', причем частью исследователей тюркское слово считается монгольским заимствованием.

С этим не вполне согласен Э.В. Севортян, который считает, что "при современном состоянии тюркской диалектной лексикографии этимологизировать *бөле* и проч. на тюркской почве трудно" и существует "вероятность общности источника для тюркского и монгольского *бөле* и других форм".

Однако такой источник остается неясным. Кроме того, думается, тюркская этимология *бөле...* в принципе вполне реальна. Э.В. Север-

тян отчасти прав, выражая несогласие с Л. Будаговым, который связывал это слово с глаголом *бөлмек* (в общетюркском значении 'разделять' и подобных ему) (ЭСТЯ II, *218*), но не исключена связь *бөле...* с *бөл-* 'собирать в одно место' (см. **бөл-**). *Бөле* (< *бөл-е*) во многих случаях имеет собирательное значение ('дети'...), т.е. те, кого собирают, приближают к себе определенные старшие родственники детей (родные сестры, как правило, со стороны матери).

Следует отметить, что *бөле* как название двоюродных сестер (братьев) по материнской линии было связано с близкородственными отношениями. Такие отношения, например, наблюдаются у киргизов (см.: КРС, *152*), калмыков. Ср. поговорку *бөл күн бөөсэн хувадг* 'двоюродные братья и сестры (по материнской линии) делятся последним' (КалмРС, *114*).

Интересно, что соответствия *бөле...* в некоторых источниках (в частности, в диалектах турецкого языка) являются наименованиями не только детей, но и их старших родственников (напр., тетки со стороны матери или отца, дяди со стороны матери и др.) (ЭСТЯ II, *217—218*). Существует также версия, истолковывающая *бөле* как производное от *бөл-* 'давать вторичный приплод' (Ахметьянов. ОЛМК, *67—68*), что, однако, требует дополнительного объяснения.

Возможно, с *бөле...* гомогенно и монгол. *büle/бүл* 'семья, и член(ы) семьи, домочадцы, домашние' (см.: ЭСТЯ II, *218*), причем с последним, скорее всего, связаны тув. и алт. *биле*, кирг. *бүло* 'семья' (см. также **өг бүле**).

В значительной части тюркских языков *бөле* как наименование детей сестер и подобные ему также могут быть монгольскими заимствованиями, хотя едва ли к ним принадлежат, например, турецкие диалектные формы, приводимые ЭСТЯ.

Монголизмом (со сдвигом значения) могло быть и тув.-тоф. *бөле* 'дети двоюродных сестер'; такой же смысловой сдвиг отмечен и в ног. *бөлешер* 'дети двоюродных братьев, сестер', которое, судя по форме, является бесспорным монголизмом (ЭСТЯ II, *218*).

бөле-хаара 'обхватив руками, в охапку'.

Тувинское парное слово состоит из двух синонимичных деепричастий на *-а*, первое из которых является формой, образованной от тув. *бөл-* 'собирать, сгребать' (см. **бөл-**); о происхождении второго компонента см. статью **хаара**.

бөлүгле- 'группировать'.

Позднее монгольское заимствование. Ср. п.-монг. *bölügle-* 'делить на части (главы, отделы)', монг. *булэглэх* 'группироваться', бур. *булэглэхэ* 'делить на части (разделы, главы); группировать(ся)'. Основа **бөлүг* в тувинском языке в качестве самостоятельного слова не отмечена. Ср. **бөлүк**.

бөлүглел *грам.* 'оборот (напр., причастный, деепричастный)'.

По форме, вероятно, монголизм: ср. п.-монг. *bölüglel* 'группа', бур. *бүлэглэл* 'группировка, группа; блок', см. также **бөлүгле-**. Однако характерное для *бөлүглел* грамматическое значение возникло, скорее всего, в тувинском языке как результат терминообразования.

бөлүк 'группа, круг (людей); группировка (*полит.*); категория, разряд; партия, группа; раздел (книги)'.

Существует общетюркское слово в формах *бөлүк* и, реже, *бөлүг*, производное от *бөл-* 'разделять'... и имеющее такие значения, как 'часть ('раздел, отдел' и т.п.); перегородка, группа; территориальное деление (район, округ); деление; отдельный, особый' и т.п., которые лишь отчасти совпадают с семантикой тув. *бөлүк*.

Последнее в этом плане явно ближе к монгольскому *bölüg/бүлэг* (см.: ЭСТЯ II, *216*) и если не полностью, то, по крайней мере, в смысловом аспекте хотя бы отчасти явилось результатом монгольского влияния. В свою очередь, монгольское слово — бесспорный тюркизм, и возражения против такой его трактовки, выдвигаемые Т.А. Бертагаевым (ПОАЯ, *94*), не содержат веских аргументов.

Следует отметить, что в ряде случаев в семантике части соответствий *бөлүк* и родственных с ним слов отразилась, скорее, семантика 'собирать' (см. **бөл-**), нежели 'разделять, разобщать'; см. с.-югур. *p'ylek* 'куча', як. *бөлөх* 'куча, скопище, толпа' (Пек. I, *521*), *бөлүөх-* 'скучиваться, скапливаться (напр., о скоте, рыбе); толпиться (о людях)'; сиб.-тат. *пулэк* 'мелкие деревья, лес' (Дмитриева, *177*), что свидетельствует о более широком, чем в настоящее время, распространении в прошлом "собирательской" семантики у указанной глагольной основы.

бөмбүк 'шар; мяч'; *уст.* 'бомба'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *bömbüge* 'мяч, мячик', монг. *бөмбөг(өн)* 'мяч(ик); бомба', бур. *бумбэгэ* 'мяч, мячик, шар'. Тув. *бөмбүк*, по-видимому, заимствовано непосредственно из современного монгольского языка или явилось результатом неточного (без конечной гласной) чтения старописьменного монгольского слова. Появление значения 'бомба' в монгольском и тувинском явилось, по-видимому, результатом сближения с рус. *бомба*.

бөмбүрзек 'земной шар; глобус'.

Монгольское заимствование. Ср. п.-монг. *bömbürčig ~ bömbürčeg* / монг. *бөмбөрцөг* 'шар', бур. *бумбэрсэг* 'шар'. Понятие "земной шар" в монгольских языках передается сочетаниями типа п.-монг. *γajar un bömbürčeg*, монг. *газрын бөмбөрцөг*, где первый компонент — слово *γajar* (*газар*) 'земля' в форме род. п., и сочетание в целом означает 'шар земли' (ср. более раннее тув. *чер бөмбүрзээ* то же). Ср. также бур. *бумбэрсэх дэлхэй* или *дэлхэйн бумбэрсэг* 'земной шар' (см. **делегей**).

Тув. *бамбүрзек* связано с совр. монг. *бөмбөрцөг* (передача через *з* монг. *ц*). В его семантике произошел сдвиг в сторону специализации и терминизации.

бөөдей см. **бөдей**.

бөөл- см. **бөгле-**.

бөөлде- 'кружить, вертеть кого-л. в воздухе (держа за обе руки или за пояс)'.

Непосредственных соответствий в других тюркских языках не обнаружено и, по всей вероятности, тув. *бөөлде-* является гомогенным с глагольной основой типа *бүк-* 'гнуть, сгибать; крутить, вертеть', а также связано с широкорядным вариантом этого глагола типа *бөк- ~ бөг-*, характерным, в частности, для уйгурских диалектов и турецкого языка. Исходным для тувинского слова был, скорее всего, вариант *бөг-* (см. также **бөдей ~ бөөдей**). Глагол *бөөлде-* — явно отыменный, образованный при помощи аф. *-ма-(-да-)* от именной основы **бөөл* < **бөг-(у)л* 'кружение; кружащийся'. Ср. кирг. (=каз.) *бүгүл* (< *бүк-* + *-л*) 'изгиб, крутой поворот' (РСл. IV, *1882*), башк. *бөгөл ~ бөгәл* 'извив, лука, изгиб, извилина'.

бөөлдес, бөөлдеш 'распоясанный, распахнутый, без пояса (о шубе, национальном халате)'.

Параллелей в других тюркских языках не обнаружено. Возможно, тув. *бөөлдес...* следует сопоставить, в частности, с турк. *бөвшен* 'просторный, широкий; свободный', которое, в свою очередь, гомогенно с глагольной основой *бөвүс-* 'пробивать, прорывать; разрывать, раздирать; смывать, разрушать, прорывать (дамбу)'. Последняя является формой каузатива от **бөв(у)-* < **бөг(у)-* 'разрывать(ся), разделять(ся)' и т.п.

Соответствия туркменскому глаголу имеются также в древнетюркских памятниках — глагольная форма *böksül- ~ böksil-* 'разрываться, лопаться' (ДТС, *117, 241*) страдательно-возвратного залога от **bökü̈z- ~ *bögü̈z-* (ср. турк. *бөвүс-* с указанной семантикой и *бөвсүл-* 'быть разорванным, разрываться, лопаться').

Глагольная основа **бөг(у)-* была синонимична общетюрк. *йар-* (см. **чар-**). Не случайно в одном из древнетюркских памятников употреблено сочетание двух глагольных основ *jarïl- böksil-* в качестве парного слова со значением 'разрываться' (ДТС, *241*).

Тув. *бөөлдес ~ бөөлдеш* членимо на компоненты *бөөл-де-с/-ш*, первый из которых (*бөөл*) есть отглагольное имя **бөгүл*, производное от названной выше глагольной основы **бөг(у)-*, образованное с помощью аф. *-л*. Структура основной (глагольной) части тув. *бөөлдес ~ бөөлдеш* (*бөөлде-*) выглядит аналогично *бөөлде-* 'кружить, вертеть' (см. **бөөлде-**).

Компоненты *-с* и *-ш* могут быть фонетическими вариантами одного форманта (*-ш*). Соответствия конечного аф. *-с/-ш* спорадически отмечаются и в других случаях (ср. **кыйгас**).

бөөртең [кижи] 'человек, страдающий паховой грыжей' (в области мошонки).

Ср. тел. *пөөртөң* 'кила в мошонке', *пөөртөң кижи* 'человек, имеющий килу', *пөртөн* 'скопец (от рождения)', алт. *бөртөн* 'импотент', *бөртөң* 'грыжа', ? др.-тюрк. *bükin* 'импотент' (ДТС, *132*). К этой группе слов, по-видимому, имеет отношение як. *бүөртүк* 'не оплодотворяющий производитель (о жеребце)', *мүөттүк* (? <*бүөртүк*) 'жеребец с одним яйцом в мошонке; неглубокое лиственничное дупло, в котором не несутся утки' (Пек. II, *1651*).

По-видимому, *бөөртең* и большинство из его приведенных соответствий гомогенны с тюрк. *бөгрек ~ бөөрек ~ пүгүрек*, основное значение которого — 'почка' (см. **бүүрек**), но в семантическую структуру которого входят также 'половые железы', 'грыжа', 'курдюк'; 'пухлый' (ЭСТЯ II, 206). Ср. также тув. *ак-бүүрек* 'мошонка, яйцо'.

В свою очередь, *бөгрек* и прочие — уменьшительная форма на *-ак* (*-ек*) от *бөгүр ~ бөөүр* 'бок; бедро, ляжка; почка; нижняя часть живота' (ЭСТЯ II, *207*).

Этимологически *бөгүр...* в имеющихся источниках не прояснено, но на основании имеющихся материалов это слово следует связать с основами, обозначающими округлую форму (см. **бөөдей, бөөлде-** и в особенности **бөскек** и **бүүрек**).

Бөөртең и его ближайшие (алтайские) соответствия членимы на **бөөр* (*пөөр*) и *-тең* (*-төң*), где последний — аффикс со значением ограничительности. Первоначальная семантика *бөөртең* — по-видимому, '(имеющий) низ живота (ляжки) (и только!)' (намек на нарушение репродуктивной функции мужчины). Подобную же функцию имел, вероятно, и аф. *-түк* в як. *бүөртүк* и *мүөттүк*. Структурно различия между тув. *бөөртең* и як. *бүөртүк...* напоминают те, которые существуют между алт. *бойдоң*, хак. *постаң* и т.п. (см. *боттаң*), с одной стороны, и *бойдак ~ бойтак* то же в ряде тюркских языков — с другой.

Др.-тюрк. *bükin* 'импотент' может быть производным от *bük-* и его соответствий (ср. значения 'гнуть(ся), сгибать(ся), преклонить колени, нагибаться книзу' и под.).

С рассматриваемым сюжетом непосредственно не связаны, вероятно, уйг. диал. *пордак* 'мошонка' (а также 'грыжа', 'кила'), *пордук* 'большой зад' (Малов. УЯ, *175*). См. **борта-**.

бөөшкүн 'пробка, затычка (из дерева, тряпки и т.д.)'; 'поршень'.

По-видимому, собственно тувинское слово. Производное от несохранившейся в тувинском языке глагольной основы *бөг-* 'загораживать, перекрывать' и т.п. (см.: ЭСТЯ II, *208—209*, а также **бөгле-, бөөл-**), образованное с помощью продуктивного аф. *-(ы)шкын*.

бөргү [өъ] см. **бөрт**.

бөрзек [өъ] см. **бөрү**.

бөрт [өъ] 'шапка, головной убор'.

Общетюркское; распространено в вариантах *бөрик* [бө:рик] ~ *бөрүк* ~ *бөрк* и др. со значениями 'шапка' (различных форм и видов) и (переносными по происхождению) 'чуб, хохол (у птицы); шляпка (гвоздя)'. Это слово (или близкие к нему) обозначает различные покрытия, покрывала, плащи и т.д. Тув. *бөрт* и тоф. *бөърт* < *бөрк* (последнее более сохраняется в формах с аф. притяжания: *бөргү* '[его] шапка' и др.).

По мнению Э.В. Севортяна, общим значением слова можно считать 'покрытие (для головы и тела)'. В соответствии с ним название шапки в ЭСТЯ, вслед за другими источниками, представляется как «производное, образовавшееся... с помощью отглагольно-именного аф. -(α)*к* от глагола **бөрү-* ~ *бүрү-* со значением 'покрывать, обертывать, закрывать'» (ЭСТЯ II, *222—223*).

Однако в этой версии есть уязвимые места, некоторые отмечал сам Э.В. Севортян. В их числе то, что предполагаемая производящая основа **бөрү-* "в таком виде в привлеченных материалах не встречалась" (ЭСТЯ II, *223*). Между тем едва ли могут быть сомнения в том, что первичным в первом слоге слова, обозначающего шапку, был гласный *ө*, а не *ү*.

Кроме того, никак не прокомментировано различие в длительности турк. *бө:рик* (наличие здесь долготы дает возможность предположить ее "первичный" характер) и предполагаемой производящей основы: ср. турк. *бүре-* 'покрывать'.

Возникают сложности и с толкованием природы узкого гласного второго слога. Э.В. Севортян склоняется к выводу о том, что *бөрк* и другие односложные формы представляют собой вторичные образования, явившиеся результатом редукции закрытого гласного второго слога и стяжения двухсложной производной основы в односложную (ЭСТЯ II, *223*), но им же приводятся и факты, явно не согласующиеся с этим заключением (Там же).

Картина соответствий, вариантов и форм рассматриваемого названия (или названий) довольно пестрая и далеко не всегда допускающая однозначное толкование. Можно, однако, полагать, что первоначально существовали гетерогенные (частично одноструктурные) наименования, с одной стороны, для (тонких) покрывал, платков, вуалей, где преобладают варианты и формы с гласным *-ү-* в первом слоге, а с другой — названия головных уборов с преобладающим и, по-видимому, исходным гласным *-ө-* в указанной позиции.

Первая группа наименований определенно связана с глагольной основой *бүр(ү)-* 'покрывать', в то время как производящая осно-

ва для *бө:рик*, *бөрк* (> *бөрт*) и под., по-видимому, иная, и она пока неясна. Наименования с гласными *-ө-* и *-ү-*, будучи близки по внешнему облику, структуре и семантике, взаимодействовали друг с другом и оказывали взаимное, хотя и не одинаковое влияние одно на другое.

Более заметно влияние наименований на *бүр-*. Поэтому чаще можно встретить названия головных уборов с закрытым гласным *-ү-*, чем названия покрывал с широким гласным *-ө-* (что, однако, также встречается, и о чем позволяют судить данные, приводимые в ЭСТЯ).

Что касается тюркского названия шапки, то оно, вероятно, дано не по функции ("покрывать, закрывать"), а по форме. Это название может быть поэтому сопоставлено с глагольной основой типа *бөр(ү)т-* 'пухнуть, вздуваться, толстеть' и др. (см.: ЭСТЯ II, *224—225*, где, однако, этимологическая разработка данной основы небесспорна). Среди производных от нее — слова, обозначающие складки и возвышения; ср. кирг. *бөртмө* 'гофрированный' (*бөртмө жибек жоолук* 'гофрированный шелковый женский платок'), уйг. *бөрүтмә* 'бугорок, небольшой выступ; шип'.

Структурно *бөр(ү)т-* — форма побудительного наклонения глагола на *-т*, но, как предполагал Э.В. Севортян (ЭСТЯ II, *225*), соответствующий аффикс десемантизирован, о чем, по-видимому, свидетельствует тат. *бүр-* 'разбухать (в воде)' (РСл. IV, *1886*).

Таким образом, вполне реальна основа **бөр(ү)-* с семантикой, подобной той, что была выше отмечена у *бөр(ү)т-*.

Возможно, **бөр(ү)т-* могло означать также 'иметь округлую форму, изгибать(ся), выступая над поверхностью' и под. В таком случае к числу производных от нее можно отнести др.-тюрк. *бөри* (< *бөр-и*) 'железное кольцо, надеваемое на наконечник стрелы; обруч, предохраняющий сосуд от поломки' (МК И, *76*).

От **бөр(ү)-*, возможно, и образовано *бөр-(ү)к* 'шапка', т.е. нечто утолщенное, возвышающееся, изготовленное из толстого материала (напр., из меха) или имеющее соответствующую (круглую или остроконечную) форму. Не случайны в связи с этим значения типа 'хохол' в татарском и башкирском языках, кирг. диал. 'кисточка на тулье шапки мальчика'. См. также **бөртек**.

Название головного убора в отдельных случаях может быть образовано и от других, производных форм основы **бөр(ү)-*. Так, тур. *börkenek* 'название головного убора' Э.В. Севортян, вслед за Б. Аталаем, возводит к *börk* 'шапка' (АИ, *226*), хотя в других случаях образования на *-anak* в турецком — отглагольные. Но *börkenek*, судя по ТурРС 1977, имеет значения 'сетка (второй отдел желудка у жвачных животных); гузка', а также 'капюшон' (диал.). С турецким словом родственно ног. диал. *бөркеншик* 'сетчатая часть желудка'

(Арсланов, *120*), где явно выделяется уменьшительный аф. *-шик*. Вероятно, сходную структуру имеет и *börkenek* (< *börken-ek*?). Можно полагать, что **börken* (**бөркен*) — производное на -(α)*н* от *bör(ü)k- ~ börk-* 'развариваться; набухать' и под., причем подобные глагольные формы "являются медиальной модификацией исходной формы *börü-* или **бөр-*, оформленной аф. *-к-*" (ЭСТЯ II, *224*, *225*).

бөртек [өъ] 'половой член мальчика'.

Непосредственных соответствий в других тюркских языках не обнаружено, однако тув. *бөртек* можно рассматривать как производное от широко распространенной тюркской глагольной основы *бөрүт- ~ бөрт-* 'пухнуть, вздуваться; толстеть' и под. (см.: ЭСТЯ II, *224—225*), образованное с помощью аф. *-(α)к*. Исходя из предлагаемой нами этимологии слова *бөрт* (см. **бөрт**), последнее должно быть родственно *бөртек*.

Вполне вероятно также, что *бөртек* < **бөркек* (< **бөрк-ек*), где **бөрк-* — глагольная основа, близкая к *бөр(ү)т-* по семантике (см. ЭСТЯ II, *225*).

Среди основ, гомогенных с *бөртек*, можно назвать др.-тюрк. (МК) *börkälän- ~ bürkälän-* (в ДТС ошибочно — *bürgälän-*) 'наполняться кровью' <о кровеносных сосудах> (ДТС, *118*, *133*; МК И, *76*).

бөрү 'волк'.

Общетюркское. Отмечено в вариантах *бө:ри ~ бөри ~ бөрү...* и в основном со значением 'волк'. Следует также отметить тур. диал. *börü* 'червь, насекомое, скорпион, паук'. Во многих вариантах отмечена долгота, которую Э.В. Севортян считает общетюркской (этимологической) для двухсложных вариантов. Однако, говоря об односложных вариантах типа хак. *пүүр* и сал. *bür* и *pür*, он допускает и ее вторичный (заместительный) характер, что наиболее вероятно. К числу подобных вариантов следует отнести и тув. диал. *бөөр* 'волк', отмеченное в речи жителей Пий-Хемского р-на (см.: УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIII, *291*).

В статью ЭСТЯ, где рассматривается происхождение тюркского названия волка, явно ошибочно включено тув.-тодж. *бөрүк* 'необщительный' (ЭСТЯ II, *220*) (см. **пөрүк**).

Этимология *бөрү...* неясна. Среди существующих версий большее распространение получила та, которая связывает рассматриваемое слово с иранскими языками, однако она не выдерживает серьезной критики. См., в частности, ЭСТЯ II, *221*.

Ближе к истине, по-видимому, исследователи, которые считали *бөрү...* собственно тюркским словом, как, в частности, К. Брокельман, который рассматривал его в качестве отглагольного производного, образовавшегося с помощью древнего аф. *-ы(-и)*, но сама глагольная основа при этом не называется (Там же).

Э.В. Севортян полагает, что "культ волка как легендарного родоначальника устанавливал запрет на его называние и требовал иносказательного обозначения волка-зверя". Он, далее, высказывает мнение о том, что "отдаленным рефлексом этого состояния" являются значения вышеуказанного тур. диал. *börü* ('червь' и подобные ему) (ЭСТЯ II, *220*).

Таким образом, семантика типа 'червь' оказывается древнейшей (исходной), а значение 'волк' — более поздним, иносказательным. В ЭСТЯ обращается внимание на то, что комбинация значений 'червь' — 'волк' характерна и для других, менее распространенных, чем *бөрү*..., тюркских слов, обозначающих волка, в частности *курт* (см. **курт**).

Предполагающийся Э.В. Севортяном перенос значений не исключен, хотя вместе с тем и труднодоказуем. К тому же его версия не доведена до завершения: этимология *бөрү* в значении 'червь' также остается загадкой.

Однако связь указанных значений закономерна. Поэтому, рассматривая этимологию слова *курт*, мы исходили из основ, характеризующих передвижение как насекомого (червя), так и зверя (волка) и включающих, в частности, элементы периодического сокращения, сжатия. См.: Татаринцев 1988, *22—23*, а также **курт**.

Связь с подобными движениями проявляются и у слова *бөрү*...; ср. чаг. *бөри* 'родильные судороги' (Боровков 1961, *140*) (параллель — *курт* и глагольная основа *курул-* 'стягиваться, сжиматься, корчиться', сущ. *кура* 'судорога'), а также кирг. *бөрт-* 'рысить'. В киргизском языке глагол *бөрт-* употребляется и как парный к *бөл-* 'разделять' (*бөлүп-бөртүп* 'разбросав-расшвыряв').

С *бөрт-* сопоставимо также як. *бөртөҥнөө-*, реализуемое в тексте загадки *бөрө огото бөртөҥнөөн ӓрӓр үсү* 'волчье дитя кривляется, говорят' (Пек. I, *525*). Здесь мы имеем дело с формой равномерной (ритмичной) кратности, образуемой аф. *-ҥнаа-* (Харитонов, *247*) от незафиксированной основы типа **бөртөй-*.

В глагольной основе *бөрт-* элемент *-т-*, возможно, являлся аффиксом интенсива (учащательности). **Бөр-* могло также означать бег рысью (рысцой) и вообще энергичное, быстрое движение. Таким образом, первоначально *бөрү* 'волк' (< *бөр-ү*) могло означать нечто вроде 'тот, кто бежит рысью'.

Э.В. Севортян обратил внимание на парное слово (тур. диал.) *bögü börtü* 'животные, подобные волку, шакалу, кабану, считающиеся вредными'; 'насекомое, скорпион, паук' и т.п., первый компонент которого в отдельном употреблении означает 'волк', 'червь', а второй — неясен (ЭСТЯ II, *220—221*).

По-видимому, *börtü* — один из вариантов *бөрү*..., но если последнее является производным от ранее указанной основы **бөр-*, то *börtü* образовано от ее формы *бөрт-* ('рысить').

При характеристике волка в тюркских языках нередко на первый план выходит именно его бег (рысь). Ср. турецкий фразеологизм *kurt gidişi* 'рысца, легкая рысь' (букв. 'ход, движение волка').

В тюркском языковом сознании, судя по некоторые производным от *курт* глаголам, как раз с волком был связан определенный вид движения, бега (см.: Татаринцев 1988, *23*).

Интересно, что одно из иносказательных (эвфемистических) названий волка в тофаларском языке — *челер аң* 'рысящий зверь' (Рассадин. Фонетика, *141*) в семантическом плане если не тождественно, то весьма близко *бөрү*... (если принять вышеприведенную версию). Тоф. *челер аң* близко одному из тув.-тодж. эвфемистических наименований волка — *челер бүүрек*, что переводится как 'рысистая почка' (Чаламба 1974, *81*), но не выглядит убедительным в толковании второго компонента (*бүүрек*). Употребление в данной ситуации слова *бүүрек* 'почка' недостаточно мотивировано. Возможно, здесь *бүүрек* связано по своему происхождению с тем фонетическим вариантом слова *бөрү* 'волк', который отмечен в хакасском языке и в т.н. "сойотских" (во многом близких тоджинским) материалах М.А. Кастрена (*пүүр*) (ЭСТЯ II, *220*).

Бүүрек в составе наименования *челер бүүрек* могло быть уменьшительной формой *пүүр* (*бүүр*), первоначально означавшей 'волчонок, волчок', но затем утратившей это значение и переосмысленной на основании сближения с тув. *бүүрек* 'почка'[1].

В настоящее время в тувинском языке в значении 'волчонок, детеныш волка' употребляется слово *бөөрзек* [бөързек]. А.М. Щербак относил тув. *бөөрзек*, по-видимому, к числу производных от *бөрү* 'волк', образованных с помощью аф. *-са-к* (ИРЛТЯ, *132*), что сопровождалось редукцией узкого гласного.

С учетом обычной семантики аф. *-сак* (< *са-к*) *бөөрзек* (< **бөрү-се-к* ?) должно было первоначально означать 'тот, кто желает стать волком'. Действительно, в тувинском аффикс, образующий глагольные основы со значением желания в форме *-са-*, присоединяется только к именам. От глаголов же форма желательности образуется с помощью расширенного варианта данного форманта (*-кса*): *барыкса-* 'хотеть идти (ехать)' (< *бар-*), *келиксе-* 'хотеть приходить (приезжать)' (< *кел-*) (ИП, *269*).

Однако в прошлом реальностью являлось присоединение аффикса в варианте *-са-* также и к глагольным основам, о чем, например, свидетельствуют материалы древнетюркских памятников: ср. *аysa-* 'захотеть подняться' (< *ay-* 'подниматься'), *ičse-* 'захотеть пить' (< *ič-* 'пить') и т.д. (см.: ДТС, *661*).

---

[1] Подобное произошло и в еще одном тоджинском иносказательном наименовании волка — *хелиң бүүрек* 'почка-гелунг' ?! (см. **хелеске, хелиң**).

Соответственно *бөрзек* могло быть образовано не от *бөру*, а от его производящей глагольной основы **бөр-* (*бөр-се-к*) и означало первоначально 'тот, кто желает, стремится бегать рысью' или нечто подобное.

бөске [өъ] 'чехол для охотничьего ружья (закрывающий приклад и прицел)'.

В ряде тюркских языков имеется слово *бөксе ~ бөксө ~ буксэ*... употребляемое в основном в анатомических значениях: 'нижняя часть туловища, зад; часть туловища выше поясницы; зоб у птиц' и под. Некоторые соответствия в ЭСТЯ пропущены: в их числе алт. *пөксө* 'приклад ружья' и тув. *бөске* (по-видимому, они не были "опознаны" из-за различия значений, а также, в последнем случае, и вследствие различий во внешнем облике, вызванных метатезой в тувинском слове). Ряд исследователей относит тюрк. *бөксе*... к числу монголизмов, с чем соглашался и Э.В. Севортян, мотивировавший это тем, что в данном слове "элемент *-се* нельзя идентифицировать с тюркским именным словообразовательным аффиксом" (ЭСТЯ II, *214*). Вместе с тем ничто не доказывает того, что указанный "элемент" действительно является аффиксом, поскольку анализ структуры слова отсутствует.

В монгольских языках имеется слово типа п.-монг. *bögse(n)*, монг. *бөгс* 'зад, огузок, задняя часть'; (последнее означает также 'приклад огнестрельного оружия') и т.д. Вместе с тем удовлетворительной монгольской этимологии оно не имеет. Предположение Г. Рамстедта о связи указанного слова с монг. *böki-* 'быть согнутым, кривым' оценивается А.В. Дыбо как сомнительное (МЛС, *215*), с чем в целом можно согласиться, хотя в версии Рамстедта имеется, как это будет показано ниже, и рациональное зерно.

Дыбо считает, что *bögse(n)*, очевидно, заимствовано в качестве эвфемизма (и вторично отнесено к *n*-основам) из тюрк. *böksek* (МЛС, *215*), но такое истолкование выглядит неубедительным в структурно-фонетическом плане: из *бөксек/böksek* появление *bögse(n)* затруднительно, замена *k* на *n* необъяснима.

Э.В. Севортян рассматривает *бөксе* и *böksek* 'живот, брюхо' в одной статье (ЭСТЯ II, *213—214*), что не лишено оснований, но тем не менее противопоставляет первое второму как заимствование собственно тюркскому слову, хотя это противопоставление недостаточно обосновано.

Бөксе... как анатомическое название вполне может быть тюркским по происхождению, как и *böksek* (см. **бөскек**), хотя в части тюркских языков оно — явный монголизм. Это касается, в частности, алт. *пөксө*, где оно заимствовано в переносном значении ('приклад ружья') и, естественно, тув. *бөске*. Последнее, как и алт. *пөксө*,

представляет собой к тому же, судя по содержанию, явно позднее заимствование.

В то же время источник его значения 'чехол для охотничьего ружья' не вполне ясен. Возможно, оно имеется у монгольского прототипа тув. *бөске*, но не зафиксировано в соответствующих лексикографических изданиях. Не исключено, однако, что такая семантика могла возникнуть в заимствующем языке самостоятельно.

бөскек [өъ] 'грудь (у птицы); кадык'.

Ср. также тоф. *бөскек* 'грудь птицы' (Рассадин. Словарь). Тув. *бөскек*, как и его тофаларское соответствие, не зафиксировано в ЭСТЯ, где приводятся их варианты *böksäk ~ böksik ~ böksig ~ büksäk*, отмеченные в древнетюркских памятниках и имеющие в них значение 'живот, брюхо; ребро женщины; верхняя часть груди, часть тела выше груди; часть тела между грудью и шеей женщины, на которую надевают ожерелье; горло; женская грудь' (ЭСТЯ II, *213—214*; ДТС, *117*).

Судя по ареалу, *бөскек* (<*бөксек*) принадлежит к архаичной лексике в тувинском и тофаларском языках.

Э.В. Севортян вышеприведенные древнетюркские формы рассматривает как гомогенные с *бөгур ~ бөвур...* 'бок, бедро, почка' и др., что вполне обоснованно. Однако этимология последнего, к сожалению, осталась нераскрытой, в связи с чем оказалось неясно и происхождение *böksäk* и его соответствий. Севортян ограничился предположением, согласно которому в *бөгур* выделяется основа **бөг* или **бөг-* (не имеющая удовлетворительного объяснения), от которой с помощью аф. *-сы-к/сы-г/-са-к* и образовались вышеуказанные формы (ЭСТЯ II, *207*).

По мнению А.В. Дыбо, тюрк. *böksek*, приводимое ею в значении 'живот', восходит к **bögüz-äk*, производному с диминутивным суф. от незафиксированного **bögüz*, каковое, в свою очередь, гомогенно с тюрк. **bögrek* 'почка' (МЛС, *216*). Этимоном последнего в монгольских языках считается **bögere* 'почки', перен. 'бок'. Тюрк. **bögür* (*бөгур*), как предполагается, является ранним заимствованием из монгольских языков, а в качестве этимона монгольской основы указывается т.-маньчж. **fuxin* 'внутренности', исходя из которого реконструируется праалтайская основа **pöχi* 'почки, внутренности' (МЛС, *216—217*).

В этой алтаистической реконструкции соотношение тюркских и монгольских слов представлено в "перевернутом" виде (по представлениям алтаистики, согласно которым более протяженные монгольские формы древнее более кратких тюркских); слова не имеют тюркской и монгольской этимологии. Им приписывается этимология, исходящая из данных тунгусо-маньчжурских языков как якобы наиболее древних, но эти данные, возможно, не имеют отношения к тюркскому и монгольскому словам.

Бөксек (> тув. *бөскек*) определенно имеет тюркскую этимологию: оно связано с глагольной основой *бук- ~ бөк- ~ бөг-* 'гнуть(ся), сгибать(ся)', вероятно, в форме каузатива на *-з-* (*-с-*) (**бөкуз- ~ *бөгуз- ~ *бөгус-*), от которой с помощью аф. *-(а)к* и образовалось *бөксек* и его соответствия — названия частей тела, имеющих округлую форму (см. также **бөөдей, бөөлде-**).

С *бөксек...* гомогенно тюрк. *бөксе* в качестве анатомического названия (см. **бөске**), которое образовано от той же формы глагола *бук- ~ бөк-* с помощью аф. *-а(-е)*. Как отмечалось в статье **бөске**, Г. Рамстедт предполагал связь монгольских соответствий тюрк. *бөксе* с монг. *böki-* 'быть согнутым'... Это мнение не лишено оснований структурно-семантического характера, но вышеприведенная основа вызывает сомнения в своей реальности (ср. п.-монг. *bökeji- ~ bökü̈ji-* 'сгибаться'). Кроме того, если бы таковая и существовала в действительности, то она вполне могла быть тюркским заимствованием. И наконец, структурно монгол. *bogse(n)/бөгс* труднообъяснимо, исходя из данных монгольских языков.

Соотношение слов *бөксе* и *бөксек* напоминает то, которое, возможно, существует между *bögrä* 'почки' и *бөгрек...* то же (см. **бүүрек**).

буга I [уь] 'бык-производитель'.

Общетюркское. Отмечено в вариантах *буга ~ бука ~ пока...* и в значениях 'бык(-производитель)', 'племенной бык', 'молодой и сильный бык', 'олень (самец)' и др. Близкие соответствия имеются в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. По мнению Э.В. Севортяна, "*бука...* является общеалтайской лексической основой"... (ЭСТЯ II, *231—232*).

Удовлетворительной этимологии слово не имеет. В основном его связывают с различного рода звукоподражаниями и образованными на их основе глагольными основами тюркских (см.: ЭСТЯ II, *231—232*) и тунгусо-маньчжурских языков (ИОЭАЯ, *122—123*), что не приводит к убедительным результатам.

Э.В. Севортян подвергает подобные концепции критике по частным моментам, но фактически отказывается от такого подхода к этимологии *буга...*, полагая, что оно и некоторые родственные с ним наименования образовались от глагола **бук-* *'покрывать (о самцах)' (?). Последний реконструирован на основании тур. диал. *bukuk* 'детеныш' и *bıko* (< **bıkag*) 'дитя' (ср.: ЭСТЯ II, *231—232, 237*).

Такая производящая основа представляется возможной, однако способ ее реконструкции не выглядит достаточно обоснованным. Не исключено, в частности, что вышеприведенные наименования детеныша и ребенка могут быть связаны происхождением и с другой основой — *богаз ~ бугаз ~ быгаз* 'беременная' (см. **боос**), а затем лишь фонетически сближены с *бука ~ буга*. Подобное, вероят-

но, имело место и в случае с чул.-тюрк. *пуга* 'бык' и *пугас инэк* 'стельная корова' (Бирюкович, *5*).

Мы полагаем, что при этимологизации *буга*... следует исходить не из звукоподражательной, а из образной (именной) или образно-глагольной основы типа **бук* ~ **бок* и под., о которой дают представление с.-югур. *покыр-* 'прыгать, скакать, кривляться, ломаться' (ср. *покырып камна-* 'шаманить в исступлении, кривляясь и ломаясь'), *полган-* (< *пог-ла-н-* ?) 'брыкаться, топать ногами' (при с.-югур. *быка* ~ *бока* ~ *пука* 'бык'), др.-тюрк. *buqrï-*, употреблявшееся в сочетании с глагольной основой *sučі-* 'прыгать, скакать' (в частности, о лошади). Парный глагол *sučі- buqrï-* означал 'прыгая, скакать' или 'прыгнуть и понести (о лошади)' (ср.: ДТС, *512*; МК И, *82*). См. также як. *бугуй-* 'упрямиться, артачиться, уросить, упираться, пятиться назад (о лошади)' (образная глагольная основа *бугуй-*, возможно, < **бук-*), хак. *покас* (< *пок-(а)с* ?) 'проказник, шалун, озорник'.

Бука в структурном плане — отглагольное имя (**бук-а*), по первоначальной своей семантике представлявшее собой характеристику поведения самца крупного животного: 'тот, кто возбужден, беспокоен (проявляет силу, энергию)' и т.п. С ней согласуется и значение, реконструированное Э.В. Севортяном.

Возможно, с глагольной основой **бук-* (**бок-*) гомогенно имя типа с.-югур. *пок* ~ *пык* 'сила, здоровье', кирг. (=каз.) *буу* 'сила, гордость' (РСл. IV, *1799*).

Реальность предлагаемой этимологической версии подтверждается вероятной этимологией другого тюркского названия быка (*өкуз* и его вариантов), которое мы считаем возможным связать с тур. *ögülde-* 'метаться, брыкаться, приходить в ярость', тур. диал. *öhcü* 'джинн, дьявол', чаг. *өктä* 'сильный, могучий; беспокойный', межтюрк. *өктем* ~ *өкдем* 'храбрый, сильный; дерзкий, сильный, горячий (о лошади)' и др. Во всяком случае, подобный параллелизм значений слов *буга* и *өкуз*, с одной стороны, и их вероятных родственных слов, с другой — едва ли случаен.

Тув. *буга* трудноопределяемо в плане этимологии: судя по фарингализации гласного *у* [буъга], оно должно восходить к праформе с сильным придыхательным интервокальным заднеязычным согласным, а таковой может быть как тюрк. **бука*, так и монгол. *buqa/бух(а)*.

буга II [уъ] 'оросительный канал; канава'.

Ср. также каз. (южн.) *бука* 'большой арык, направляемый с края пашни' (?) (Аманжолов, *274*).

По мнению М. Рясянена, тув. *буга* < монг., калм. *биχи* 'канал; водопровод; ирригация, орошение' (EW, *86*), что вполне вероятно. Вместе с тем в современных лексикографических источниках по

указанным монгольским языкам слово не зафиксировано и его происхождение не определено.

Возможно, если это монголизм в тувинском, то он относится к числу вторичных заимствований. Более затруднительно истолковать в качестве монгольского по происхождению слова каз. диал. *бука*. Допустимо, что тюрк. *бука* (> *буга*) — старое слово тюркского происхождения, сохранившееся ныне в ограниченном, локальном употреблении. Нам не удалось обнаружить его соответствий среди названий объектов оросительных систем в других тюркских языках, в частности в языках Средней Азии, но там оно, возможно, было вытеснено одним из многочисленных среди подобных наименований словом иранского происхождения.

Согласно материалам С.И. Вайнштейна, *буга* — магистральный канал, непосредственно отводимый от реки (Историческая этнография тувинцев. — М., 1972. — С. 163 и след.). Не исключено, что наименование *бука* и могло быть связано именно с этим отводом. В таком случае напрашивается сопоставление слова с глагольной основой *бук-* ~ *бүк-* 'гнуть(ся), сгибать(ся)', точнее — с ее твердорядным вариантом. Как полагает Э.В. Севортян, чередование *-у-* ~ *-ү-* в этой основе, по-видимому, дре́внее (ЭСТЯ II, *290*). Ср. также ее именное соответствие *бүк* ~ *бук* 'место сгиба, отворот; место изгиба, поворота реки; изгиб (поворот) реки, поворот; угол'. Таким образом, **бука* — название ирригационного объекта, отводимого, отворачиваемого (от реки).

Вместе с тем в данном случае возможна и альтернативная этимологическая версия. *Бука* по своей исходной семантике может быть однотипно с общетюрк. *арык*, восходящим к глагольной основе **ар-* 'отделять(ся), разделять(ся)' (см. **арык** I).

В памятниках отмечена глагольная основа *бук-* (возможно, и *буг-*): см. чаг. *бук-* 'разрезать, разделять' (РСл. IV; *1802*), с которым можно также сопоставить др.-тюрк. *buγar-* 'надрубать, делать зарубку', *buγra-* 'раскалывать, разрубать' (ДТС, *120*), *бугруш-* 'помочь срубить (дерево)' (МКИ, *83*).

По-видимому, с той же основой (через посредство производного от нее имени типа *богун* ~ *бугун* ~ *бувун* 'кусок' и под.) связаны и глаголы типа турк. *богна-* 'пилить дрова', тур. диал. *boğna-* 'делить какую-нибудь вещь надвое', ккалп. *бувна-* 'разделять на составные части' (Л.С. Левитская); см.: Проблемы современной тюркологии. — Алма-Ата, 1980. — С. 195.

буда- 'путать, запутывать, вводить в заблуждение; сбивать с пути, портить (нравственно)'.

Ср. тат. *бута-* 'путать; перемешивать, размешивать; тасовать (карты); портить (отношения)', башк. *бута-* 'перемешивать, размешивать; тасовать (карты); путать, запутывать кого-л. или что-л.', як.

бутуй- 'мешать, смешивать, взбалтывать, мутить; путать, запутывать; искажать' (Пек. I, *576*) < **буту-* ? (ср. *бутук* 'путаница в речи', *бутумах* 'смешанный, перемешанный' и под.).

Очевидно, данные основы гомогенны с глаголом, который установлен Э.В. Севортяном при анализе структуры общетюрк. *ботка ~ бутка...* 'каша' (+ переносные значения 'неразбериха, путаница, беспорядок') и существует в двух формах, простой — **бот* (~ **бут-*) и распространенной — **бота-* (**бута-*) *'мешать', *'перемешивать'. Обе формы представлены в татарских диалектах (см.: ЭСТЯ II, *202*) и, как явствует из приведенных выше материалов, не только в них.

Это относится не только к распространенной, но и к простой форме, которая, правда, в основном выступает как связанная, напр. в каз. *бытыс-* 'запутаться (о нитке, волосе, проводе)', *шатып бут-* 'путать; говорить что попало, нести вздор' (см.: Кайдаров, *197*, *199*).

Э.В. Севортян на своем материале отмечает, что распространенная основа *бот-а-* может быть производной от именной омоформы, т.е. **бот*, возможность которой, как он считает, подтверждается данными монгольских языков (ЭСТЯ II, *201*; см. также **быдаа**).

Первоначальная семантика глагола *бута-...* связана с механическим действием (смешивание какой-л. массы) и послужила основой развития переносных значений типа 'путать, сбивать с истинного пути'.

У тув. *буда-* (< **бута-*) отмечена только подобная вторичная семантика. См. также **будал- ~ будул-**, **будаң**, **будаң-шаң**.

будагда- 'расточать, расходовать неэкономно, сорить деньгами, транжирить; растрачивать, расхищать, разбазаривать'; **будагдал** 'растрата'.

По форме и значениям тув. *будагда-*, *будагдал* напоминают монгольские заимствования: в частности, в том и другом слове присутствует элемент *-гда-*, восходящий к монгольскому аффиксу страдательного залога *-гда-*, а глагольные основы в форме этого залога среди монгольских заимствований тувинского языка нередки (см.: Татаринцев 1976, *35—36*). В *будагдал*, кроме того, имеется и монгольский словообразовательный формант *-л*.

При этом семантика (категориальная, в частности) у заимствований на *-гда-* может меняться, утрачивая компонент страдательности; ср., напр., тув. *самчыгда-* 'растрачивать, разбазаривать' (синоним *будагда-*), связанное с монгол. *šamšiγda-/шамшигдах* 'быть разбрасываемым или растраченным' — страдательный залог от *šamši-/шамших* 'разбрасывать, присваивать, израсходовать, растрачивать; причинять ущерб'. Тув. *самчыгда-* по семантике ближе к *šamši-*, нежели к *šamšiγda-* (см. также **самчыгда-**).

В случае с *будагда-* глагол, возможно, образован с помощью форманта *-гда-* (подобно *самчыгда-*) от основы типа *буда-* 'путать, сбивать с истинного пути' и под. (см. **буда-**), имея в виду, что в рассматриваемом случае возникает запутанная или даже криминальная ситуация, связанная с расходованием денег и других ценностей. Кроме того, нами в имеющихся источниках по монгольским языкам не обнаружено непосредственных соответствий основам *буда-* и *будагда-*, а также сущ. *будагдал*. Может быть, *будагда-* и *будагдал* образованы в тувинском языке по образцу *самчыгда-* и *самчыгдал* (последнее — в значениях 'растрата, разбазаривание')? На семантику рассматриваемых глагола и имени могло повлиять сближение со словами типа *быдара-* 'рассеиваться, распыляться' и *быдаргай* 'разбросанный, разрозненный, рассеянный, распыленный' (см. **быдара-** и **быдаргай**).

будагдал см. **будагда-**.

будал-, будул- 'перепутываться (напр., о бумагах); запутываться, сбиваться (при разговоре, чтении, в показаниях); портиться (нравственно)'.

Будал- представляет собой форму возвратного залога глагольной основы *буда-* (см. **буда-**), в то время как *будул-*, вероятно, является той же залоговой формой от односложного варианта указанной основы (**бут-*), о котором также говорится в предыдущей статье. Возможно также, что существовал и двухсложный вариант с конечным узким гласным типа **буты-* (> **бутy-*).

Кроме того, обращает на себя внимание наличие у *будул-* близкого соответствия в монгольских языках: ср. монгол. *buduli-/будлих* 'терять самообладание; ошибаться, путаться, сбиваться с толку'. Указанное соответствие, очевидно, имеет тюркское происхождение, но не исключено, что монгольская глагольная форма могла в свою очередь оказать влияние на внешний облик тув. *будул-*.

будаң, будаң-шаң 'недобросовестный, неаккуратный; беспорядочный, хаотичный; запущенный (напр., о помещении)'.

В.И. Рассадин (МБЗ, *59*) указывает тув. *будаң* среди монгольских заимствований тувинского языка, не приводя, однако, соответствий слову в языке-источнике. Возможно, имеется в виду п.-монг. *budang*, монг., бур. *будан(г)* 'мгла, легкий туман', калм. *будң* 'неясный; мрачный, помраченный'; ср. также монг. *будангуй* 'мрачный, смутный; мутный, темный', бур. *будангы* 'мутный, тусклый, мглистый'; (диал.) 'глупый, тупой'.

Однако, несмотря на близость внешнего облика, тув. *будаң* едва ли может быть сближено с указанными монгольскими словами, учитывая значительную и труднопреодолимую дистанцию между тувинским словом и ими в плане семантики. Тув. *будаң*, скорее, является тюркским по происхождению словом, а в структурном

отношении — производным на *-ң* от глагольной основы *буда-* 'путать, запутывать'... и под. (с учетом семантики ее соответствий); см. **буда-**.

Непосредственного соответствия этому производному в других тюркских языках не обнаружено, но оно имеется у тув. *будаң-шаң*, по семантике одноплановое с *будаң*. Ср., в частности, кирг. *будуң-чаң* или *будунчаң* 'суматоха, хаос, беспорядок' (КРС, *154*, *844*), где компонент *-чаң* помещен во фразеологический раздел статьи с заглавным словом **чаң**.

Судя по примерам, в некоторых устойчивых сочетаниях у него реализуются значения 'смута; страх, переполох' (КРС, *844*). Здесь же к *будуң-чаң* дается синонимичное парное слово *чаң-тополоң*, второй компонент которого связан с кирг. *тополоң* 'переполох, паника, суматоха'. Ср. также каз. *шаң-шуң* 'шум и гам, галдеж'. Подобно каз. *шаң-*, тув. *шаң-* является закономерным фонетическим соответствием *чаң*. Кирг. *будуң-чаң* и тув. *будаң-шаң*, имея определенные различия лексических значений, отличаются друг от друга также в категориальном аспекте: первое — существительное, второе — качественное прилагательное. По всей вероятности, первичной является адъективная семантика последнего.

буду- 'красить, окрашивать'.

Ср. *бойа- ~ бойу- ~ бозу- ~ боду-* то же, восходящие к именным основам *бой* 'краска', *буй* 'цвет' (ЭСТЯ II, *178—179*). Исторически реальны и их соответствия типа **бод ~ *боз*. Формы, подобные тув. *буду-* 'красить (и *будук* 'краска') отмечены главным образом в алтайском и якутском языках. Подобные формы не характерны для основной массы тюркских языков. Это монгольские варианты соответствующих слов: ср. монгол. *buda- ~ budu-/будах* 'красить, писать красками' и *buda-γ ~ budu-γ/будаг* 'краска', которые, очевидно, являются тюркизмами и к которым восходят, в частности, тув. *буду-* и *будук*.

будук [уъ] 'сук, ветка'.

Общетюркское. Для современных тюркских языков в большей мере характерен вариант с широким гласным второго слога (*бутак ~ будак*); узкорядный вариант отмечен в тув. *будук*, як. *бутук ~ мутук*; встречается он также в древнетюркских памятниках (*butïq*). Основные значения — 'ветвь (ветка), сук, побег' (ИОЭАЯ, *156*).

В туркменском языке отмечена долгота гласного первого слога (*пу:дак* 'отросток; ветка, ветвь'), соответствующая фарингализованному гласному в тув. *буъдук*, что свидетельствует о варьировании соответствующего гласного по параметру "долгота-краткость".

Л.В. Дмитриева производит рассматриваемое слово от глагольной основы *бута- ~ буты-* 'обрезать ветви', 'удалять сучья' (см. также:

Мусаев, *222*). В принципе, связь с этой основой сомнений не вызывает, но следует иметь в виду, что у нее иногда отмечались и значения противоположного характера: ср. кирг. (=каз.) *бута-* 'ветвиться' (РСл. IV, *1856*), алт. *пуда-* 'разветвляться; обламывать ветви, очищать от сучьев' (РСл. IV, *1382*). По-видимому, более логично связывать *бутак ~ бутук* с указанным глаголом именно в значении 'ветвиться, разветвляться'.

Л.В. Дмитриева полагает, что основа *бута-* происходит от тюрк. *but* 'бедро; нога' (ИОЭАЯ, *156—157*). И в данном случае гомогенность именной и глагольной основ вполне реальна, однако в семантическом плане это сопоставление не вполне убедительно. Возможно, сущ. *but* (*бут*) могло иметь и другое значение, более близкое к значениям глаг. основы *бута-* и сущ. *бутак...*

Не исключено, что семантически *бут...* было подобно монгол. *buta/бут* 'куст; заросль', калм. *бут* [бутъ] 'куст; букет', которые связаны, вероятно, своим происхождением именно с тюрк. *бут*. Из подобной семантики логично вытекает значение *бута-* 'ветвиться' ("куститься"). Ср. каз. *бута* 'куст' (монголизм?)

См. также **бут**.

будул- см. **будал-**.

будулгаазын 'путаница, неразбериха'.

Судя по наиболее вероятной структуре (существительное на *-зын*) и соотносительности с монгольской основой типа п.-монг. *budu-li-/будлих* 'терять самообладание; ошибаться, путаться, сбиваться с толку', имеющей вместе с тем и тюркские соответствия (см. **будал-**, **будул-**), перед нами, скорее всего, монголизм. Прототип рассматриваемого слова должен был бы выглядеть как **budulγāsun*, однако подобного в имеющихся материалах не обнаружено. Наиболее сходно с тув. *будулгаазын* монгол. *bodulγan* 'рассеяние, смута' в тексте "Сокровенного сказания" (Козин. СС, *599*), с которым соотносимо як. *будулган* 'муть'.

Можно полагать, что *будулгаазын* принадлежит к числу старых монголизмов в тув. лексике.

бужар **1.** 'скверный, позорный, гнусный, **2.** *разг.* 'очень хорошо, отлично, замечательно'.

Монгольское заимствование. Ср. п.-монг. *bujar*/монг. *бузар* 'скверный, бесчестный, позорный', разг. 'чрезвычайно, весьма, очень'.

бужарта- 'загаживаться, оскверняться, портиться; позориться'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *bujarta-* 'быть (сделаться) нечистым, грязным, поганым'.

бужурган- 'раздражаться, нервничать, беспокоиться, злиться'.

В тюркских языках широко употребляется глагольная основа *бу:ш- ~ буш-* 'сердиться, гневаться, унывать, досадовать' и т.п. (ЭСТЯ II,

284—285). С этой основой связывается и глагол с аф. *-ырка-* или *-ырка-н-*. В ЭСТЯ отмечены лишь соответствующие формы из части памятников типа *pušurqan-* 'беспокоиться, заботиться; чувствовать себя виноватым, злиться' (ЭСТЯ II, *285*). Ср. также др.-тюрк. *bušan- bušurqan-* 'тревожиться, беспокоиться' (ДТС, *128*). Тув. *бужурган-*

в ЭСТЯ не отмечено. Оно включено в ЭСЧЯ (с. 152) как одно из соответствий чув. *пăшăрхан-* 'огорчаться, беспокоиться' (см. также ИМЧЯ, *173*, *180*).

Глаголы на *-(ы)рка-* в тюркских языках образуются только от имен. Можно полагать, что основой вышеприведенных образований послужило имя типа др.-тюрк. *buši* 'расстроенный, возбужденный, раздраженный, гневный' (ДТС, *128*). Для тув. *бужурган-* характерно отсутствие обычной долготы в аф. *-ырга-* (*-ырга*), что, возможно, связано с утратой внутренней формы глагола.

бузаа см. **бызаа**.

бузу- [уъ] 'скрываться, прятаться где-л. (напр., о диких, хищных животных, о преступниках и т.п.)'.

Тув. *бузу-* соответствуют распространенные в ряде тюркских языков односложные глагольные основы *бус- ~ пус-*, реже — *пус-*, которые считаются по своей форме "в одинаковой мере древними", поэтому "выводить одну форму из другой затруднительно". Основные значения *бус-* — 'устраивать засаду; скрываться, укрываться, прятаться' и др., из которых исходным считается первое (ЭСТЯ II, *278—279*), что, однако, небесспорно.

Тув. *бузу-* в ЭСТЯ не отмечено.

Его двухсложность, по-видимому, связана со структурностью данной глагольной основы, которая может быть производной от именной, соотносительной с *бус-* и ее соответствиями. О реальности последней может свидетельствовать, в частности, турк. *бус-бус* 'страдающий манией преследования', *бус-бус адам* 'человек, страдающий манией преследования; нелюдимый человек'.

Наличие подобных именных коррелятов глагола *бус-* свидетельствует, что его исходная семантика была, скорее всего, 'скрываться, прятаться' и под.

Наряду с *бус-* в тюркских языках отмечена глагольная основа *бук-* с тем же кругом значений, причем в качестве первого отмечено 'таиться, прятаться, укрываться' (ЭСТЯ II, *248*). Возможно, глаголы *бус-* и *бук-* гомогенны.

бузур 'стригущий лишай'.

Скорее всего, гомогенно с *бөзур* (см. **бөзүр**) и принадлежит к тому же кругу его соответствий в тюркских языках (см., в частности, ЭСТЯ II, *285—287*), которыми обозначаются всякого рода ря́бины и другие "неровности" на коже.

бузур-, бузуру-, бузарта- [уъ] 'отпираться, не сознаваться; присваивать обманным путем'.

По-видимому, данные глагольные основы связаны с *бузу-* 'скрываться'... (см. **бузу-**). Первая (*бузур-*) может быть формой каузатива на *-р-* ('скрывать истину' и под.), а *бузуру-* и *бузурта-* предполагают существование именной основы **бусур* > *бузур*, производной от *бузу-* или его односложных соответствий в других тюркских языках типа *бус-* и означающей 'сокрытие; нечто скрытое' и т.п. От этой основы при помощи аффиксов *-у-* и *-та-* и могли быть образованы соответствующие глаголы.

Вероятна также связь с монгол. *busur-/бусрах* 'отказываться от данного обещания', *busaki/бусхи* 'бесчестный, бессовестный, дурной', но характер этой связи неясен.

буйла 'палочка, продеваемая в нос верблюда (для прикрепления веревки)'.

Отмечено в ряде тюркских языков в формах *буйлы*, *buylu*, *budlu* с той же семантикой, что характерна и для тув. *буйла*, а также со значениями 'верблюжий повод', 'деревянный обод на колесах' и т.п. (ЭСТЯ II, *287*). М. Рясянен возводил *буйла* и другие названия к глаголу **боδ-* (EW, *77*, *86*), который известен в древнетюркских текстах в форме *bodu-* 'прикреплять, прицеплять'. Вероятно, к подобному глаголу можмо возвести и уйг. диал. *буда* 'верблюжий поводок'. Э.В. Севортян полагает более правомерным рассматривать названия *будлу*, *буйлу*, *буйла* в качестве производных, образовавшихся от залоговой формы указанного глагола *bodul- ~ budul-* 'быть прикрепленным' (ЭСТЯ II, *287—288*), что в целом приемлемо, однако вряд ли применимо ко всем вариантам этих названий.

Если исходить из предложенной этимологии, то в тувинском языке следовало бы ожидать, скорее, **будлу* (как в древнетюркских памятниках) или **будла*, но не *буйла*.

Э.В. Севортян вместе с тем отмечал, что «с тюрк. *буйла* совпадает монгол. *bujla/буйл* 'колышек (обычно деревянный), продеваемый через нос верблюда и соединяющийся с недоуздком'» (ЭСТЯ II, *288*). Естественно, что это не случайное совпадение. В монгольских языках мы имеем дело с явным заимствованием из тюркских языков, для которых характерно употребление *j* на месте *d* (ср. турк. *буйлы*, тур. *buy(u)lu*). В свою очередь, в некоторых тюркских языках имеет место вторичное заимствование *буйла* из монгольских. К числу таких языков относятся тувинский, а также киргизский, казахский и некоторые другие, где отмечена форма *буйла*.

бук 'злой дух, бес, дьявол, нечистая сила'.

Монголизм. Источником его явились, скорее всего, восточномонгольские языки: ср. п.-монг. *buγ*, монг. *буг* 'демон, вампир; злой дух, дьявол, черт', бур. *буг* фолькл. 'злой дух'.

Г. Рамстедт отмечал соответствие этим словам в виде калм. *buγ* 'какой-то демон степи, демон тумана', сближая его с тюрк. *буг* 'пар', 'туман' (ЭСТЯ II, *230*), что выглядит недостаточно убедительно.

була *фолькл.* 'тарелка'; *диал.* 'деревянное блюдо'.

См. также: Гребнев, *90*. Монголизм. Ср. п.-монг. *bila* 'тарелочка, блюдце', бур. *бяла* уст. 'блюдо'. По форме тув. *була* ближе к старомонгольской форме слова с гласным *-i-*, который в последующем подвергся "перелому" (ср. бур. *бяла*, монг. *пял*).

булак 'горная долина (с источником), исток; ручей (в степи), родник'.

Общетюркское слово, имеющее также ближайшие соответствия в монгольских языках. Основные значения связаны с текущей водой — 'родник, источник, ключ; фонтан; ручей; канал, арык'. *Булак* истолковывается как производное от глагола *була-* 'течь, вытекать' (ЭСТЯ II, *257—258*).

Тув. *булак* по значению и по форме может быть истолковано и как тюркское, и как монгольское по происхождению слово (ср., в частности, монгол. *bulaγ/булаг* 'источник, ключ, родник').

Едва ли обосновано мнение о родстве *булак* и слова типа *булуң* (АЭ, *160—161*); см. также **булуң**.

булан I 'буланый (о масти лося или лошади)'.

булан II 'лось (общее название); самка лося, лосиха'.

Соответствия *булан* I в тюркских языках представлены слабо, но ранее *булан* как название масти было, видимо, распространено более широко, о чем свидетельствует рус. *буланый*, основа которого считается заимствованной из северно-тюркских языков (Фасмер I, *238*). *Булан* 'буланый', по-видимому, — производное от глагольной основы *бул-(а)-*, имеющейся в ряде тюркских языков и означающей, в частности, 'мешать, смешивать', 'мутить, пачкать' (см.: ЭСТЯ II, *253—254*, *255*); ср. также **ала-була**, **шала-була**, **былга-**. *Булан* образовано при помощи аф. *-(а)н* и означало смешанную, неоднородную масть (ср. рус. *буланый* 'светло-желтый с черным хвостом и гривой'). С тув. *булан* I, по-видимому, гомогенны як. диал. *булумас*, *булуңас* 'бурый (о масти)' (ДСЯЯ, *70*).

Булан II, напротив, имеет соответствия в ряде тюркских языков, обозначая в современных языках лося, иногда оленя, а в памятниках *булан...* имеет значения 'дикая лошадь' ('дикий осел'), 'крупное дикое животное'... 'единорог в стране кыфчаков, в роге которого скапливается дождь и снег'.

Удовлетворительной этимологии слово не имеет (см.: ЭСТЯ II, *260*). Семантика тув. *булан* I ('буланый — о масти лося') явно свидетельствует, что животное названо по масти (у лосей туловище буровато-черного цвета и белые ноги). Интересно, что русское *лось*

(общеславянское по происхождению) также получило свое название по цвету шерсти (Шанский и др., *247*).

булара- 'болеть, ныть (о мышцах — после физической работы)'.

По мнению Н.Ф. Катанова, тувинское слово является монголизмом (Опыт, *430*), с чем следует согласиться. Оно может быть сопоставлено с глаголами типа п.-монг. *bulara-* 'хромать, приседать на ногу (о скотине) от затекания кровью около лодыжек' (Голст. II, *302*), калм. *булрх* [булърхъ] 'быть разбитым (онемевшим); быть вывихнутым', что связано с основой **була*; ср. калм. *бул* [булъ] 'разбитость, онемение (от чрезмерной работы)'.

В тувинском языке имеется другой фонетический вариант рассматриваемой глагольной основы (*балара-*), облик которого носит, по-видимому, вторичный по сравнению с *булара-* характер.

булгаар 'юфть' (*сорт кожи*).

Соответствия (в ряде современных языков, а также в поздних памятниках) существуют в двух вариантах: 1) с конечном узким гласным *-ы* (*булгары* и под.) и 2) без данного гласного (*булгаар ~ булгар*). Значения — 'юфть', 'сафьян', 'выделанная кожа' (ЭСТЯ II, *260—261*). Происхождение этих слов считается тюркским и связывается с этнонимом *булгар* (точнее, с волжскими булгарами), что справедливо только в самой общей форме, поскольку зафиксированные тюркские соответствия явно поздние и вторичные по форме.

Г. Дёрфер (мнение которого оспаривается Э.В. Севортяном), скорее всего, прав, считая, что непосредственным источником хотя бы части из них является персидский язык. Вместе с тем Э.В. Севортян допускает, что "форма булгары... имеет персидский показатель прилагательного *-i* при именной основе булгар" (ЭСТЯ II, *260—261*) (ср. перс. *bulġāri*).

Кроме того, персидский источник указывается и для монгольских языков: ср. монгол. *bulγari*, *buliγar/булигаар* 'юфть', 'русская кожа'. Часть тюркских слов, обозначающих юфть, справедливо квалифицируются как монголизмы. Так, в частности, монгольский источник Г. Дёрфером и Э.В. Севортяном указан и для тув. *булгаар*, причем, судя по форме (отсутствие конечного гласного и наличие вторичной долготы), оно принадлежит к числу поздних заимствований. Его источником был, вероятнее всего, современный монгольский язык.

булган- I 'проталкиваться; раздвигать (напр., ветви); вырываться (резкими движениями тела)'.

По-видимому, тув. *булган-* гомогенно с кирг., каз. *булк- ~ булку-* 'делать порывистые движения, шарахаться' (АГ, *444*), кирг. *булкун-* (возвратный глагол от *булку-*) 'увертываться, дергаться, метаться; порываться что-л. сделать'. В свою очередь, *булк-* (*булку-*) может быть формой интенсива от основы **бул-*, обозначающей резкое движение (возможно, быстрый поворот?); см. также булуң.

Тув. *булган-*, вероятно, < **булкан-* < **бул-к(а)-н-* (последнее представляет собой вариант *булкун-*).

С указанными глагольными основами, возможно, связаны отдельные монгольские формы: ср., в частности, бур. *булга-* 'бросаться обратно; кидаться назад'. Ср. также монг. *булгих* 'подпрыгивать, сбрасывать всадника (напр., о лошади)', бур. *булгиха* 'стараться сбросить всадника (о лошади, верблюде)'; 'выпрыгивать из воды, играть (о рыбе)'.

булган- II: хөөн булган- 'тошнить'.

Слово *хөөн* в тувинском языке означает 'настроение, желание'. Оно гомогенно с *гөңүл ~ көңүл* и его соответствиями в большинстве тюркских языков (см.: ЭСТЯ III, *75—77*, а также статью **хөөн**), имеющими значения 'сердце, душа; желание, охота' и др.

Тув. словосочетанию *хөөн булган-* соответствуют тоф. *hөөл булган-* 'тошнить', др.-тюрк. *kөŋül bulγan-* 'тошнить, чувствовать тошноту' (ДТС, *316*), тур. *көңүл булан-* 'чувствовать отвращение' (РСл. IV, *1838*), полов. *көңлү булганыр* 'он возмущен' (РСл. IV, *1849*).

Глагол *булган- ~ булан-* — форма медиопассива от общетюрк. *булга- ~ була-* 'мешать, мутить, возбуждать недовольство, смуту' и т.п. (ЭСТЯ II, *253—254*). (См. также **былга-**.) *Хөөн булганыр* буквально означает 'душа (сердце) мутится, возмущается' или под., с чем и связано значение 'тошнить'.

булук 'наледь, кромка льда'.

Ср. тоф. *булак ~ булук* 'замерзшая наледь возле родника' (Рассадин. Словарь), а также алт. (леб.) *пулуг* 'наледь (замерзшая в несколько пластов земля)' (РСл. IV, *1375*).

Э.В. Севортян использовал в своем словаре только тофаларское слово (в ошибочном написании *bilaq*), связав его с общетюрк. *булак...* 'родник, ключ, фонтан, ручей' (см. **булак**).

Однако, судя по семантике и отчасти по форме тофаларского слова, в нем, вероятно, имела место контаминация двух слов: *булак* 'родник' и *булак* (*булук*) 'наледь' и, таким образом, связь с родником, источником здесь, скорее, вторична, а в целом названия родника и наледи — гетерогенные образования.

Булук ~ пулуг... связаны с образной (глагольной) основой, обозначающей нечто изогнутое, раздувшееся. Ср., напр., кирг. *булай-* 'показываться, высовываться, торчать', *бултай-* 'выступать наружу; вздуваться, вспухать', *бултуй-* 'надуться, вздуться, вспухнуть', *булкак* 'высокий с узким горлом сосуд из сыромятной кожи', бараб. *пулта-* 'надувать щеки', алт. *пултук* 'опухшая щека; опухоль' (РСл. IV, *1378*, *1379*), каз. диал. *бултык* 'нарост на коже', *булык*, *булук* 'кант, окантовка', *булык көпшик* 'кожаная подушка на седле' (Аманжолов, *367*).

булуң 'угол; уголок, укромное место; местность в излучине реки'.

Общетюркское; отмечено в вариантах *булуң ~ булун* и под. со значениями 'угол(ок)'; 'край, грань, сторона'; 'отдельная, обособленная часть леса, реки, озера, возвышенности' и т.п.

Убедительной этимологии слово не имеет. Подробный обзор и оценка существующих версий дается Э.В. Севортяном (ЭСТЯ II, *261—262*), который, в частности, выражает обоснованное сомнение по поводу монгольского происхождения тюрк. *булуң* (ср. монгол. *bulung/булан(г)* 'угол, конец, излучина реки'). Он отмечает, что это слово "на тюркской почве допускает определенный морфемный анализ, тогда как на монгольской необходимые данные на этот счет, кажется, отсутствуют" (ЭСТЯ II, *262*).

Правоту мнения Э.В. Севортяна относительно монгольских языков как источника слова *булуң*... подтверждает одна из последующих попыток обосновать эту версию, предпринятая Л.В. Дмитриевой и основывающаяся на возможном, по ее мнению, родстве между *булуң* и *булак* (АЭ, *160—161, 171*), что, однако, не доказано (см. булак).

Между тем Э.В. Севортян высказывает мнение о вычленимости из *булуң* глагольной основы **бул-*, приводя в качестве обоснования тат. диал. *пўлмак* 'угол' (см. также: Тумашева, *175*). Можно привести и другие, очевидно, гомогенные с *булуң* слова тюркских языков, в том числе тел. *пулкуш* (< *пул-к-уш*) 'углообразная извилина реки' (Вербицкий, *271*), каз. диал. *булык ~ булук* 'кант, окантовка' (Аманжолов, *367*).

К сожалению, семантика основы **бул-* у Севортяна остается неясной. То же следует сказать и о **бул* (очевидно, именной основе?) в труде А.Т. Кайдарова: он видит эту основу в каз. *булың* 'угол' и *булыкта-* (< *бул* + *ык* + *та-*) 'отделывать кромки одеяла' (Кайдаров, *197*) (см. выше каз. диал. *булык*).

Возможно, искомая основа могла быть и глагольной, и именной (или образной), а выражала она, по-видимому, идею обособления, отделения (путем сгибания, поворота и т.п.).

Поэтому не случайны такие соответствия *булуң*, как хак. диал. *пулуң* 'чужой' (Вербицкий, *271*). См. также кирг. *булт ~ булта* (*булт бер-* 'шарахнуться; испуганно рвануться в сторону'), як. диал. *булгут-* 'сворачивать с пути, идти в сторону' (судя по примеру, речь идет о резком повороте) (ДСЯЯ, *70*).

Не исключено, что с **бул- ~ *бул* связана родством основа *бур-* (*бур-*) 'гнуть, сгибать, отворачивать', от которой также образовано название угла типа *бурч* (ЭСТЯ II, *274*). (Ср. кирг. *бурч* 'угол' и *буруш* 'сворачивание, поворот'), а также *бук-* (*бук-*) с древним чередованием *у ~ у* в корне (ЭСТЯ II, *290*), причем именное соот-

ветствие *бук-* имеет значения 'сгиб, отворот; поворот реки; согнутый, сложенный вдвое' и т.п. (ЭСТЯ II, *290—291*).

Отсюда следует реальность основы **бу-*, относительно которой *бул-*, *бур-*, *бук-* выглядят залоговыми формами. Возможно, что указанная основа могла носить и образный характер (ср. также **бургу-**).

булут 'облако; туча'.

Общетюркское; отмечено в той же или максимально сходной форме, причем "более старой является, вероятно, асингармоническая форма *булыт*, встречающаяся в древнейших текстах". Основные значения — 'облако', 'туча'.

Относительно этимологии тюрк. *булыт...* существует ряд версий, критическая оценка которых дана Э.В. Севортяном (ЭСТЯ II, *263*). Сам он считал правомерным сопоставить *булыт ~ булут* с тур. диал. *bolamak* 'плотно обволакивать атмосферу' (о тумане), *bulamak* 'охватывать, окутывать', к которым присоединялось также тур. диал. *bulkumak* 'облачная пасмурная погода'. Этот материал, по мнению Э.В. Севортяна, дает предполагаемый исходный глагол в трех формах: *bula- ~ bola-*, **bulu-* и **bul-*, к которым присоединяется распространенный аффикс отглагольного существительного *-m* (ЭСТЯ II, *264*).

В принципе с этой версией следует согласиться, тем более что она типологически близка к этимологии рус. *облако*, которое образовано от глагольной основы, близкой к *обволакивать* (Шанский и др., *298*).

Вместе с тем в тюркских языках подобная глагольная основа не первична. Она может быть связана с общетюрк. *бул(а)- ~ булга-* 'мутить, смешивать; омрачать, сгущать' и под. (см., напр., **булган- II**), но характер этой связи пока был не вполне ясен.

Возможна и прямая связь *булыт ~ булут* с *бул(а)-*. М. Рясянен возводил *булыт* к глаголу *булга-* 'затуманивать, омрачать' (EW, *88*). Э.В. Севортян отмечает в связи с этим, что в материалах этимологического словаря М. Рясянена "таких значений не оказалось" и что "в морфологическом плане из *булга-* + *-(α)m* вряд ли могло развиться *булут ~ булыт*" (ЭСТЯ II, *263*).

Однако соответствующие значения отмечены самим Севортяном в ЭСТЯ, и в структурном плане *булут* вполне могло быть производным если не от *булга-*, то, во всяком случае, — от *бул(а)-*.

булчу- 'вывихнуться, быть вывихнутым', **булчут-** 'вывихнуть, растянуть'. Ср. уйг. *булжу-* 'двинуться, сдвинуться, продвинуться', кирг. (=каз.) *булжут-* 'сдвинуть с места, выворачивать; искажать слова' (РСл. IV, *1855*).

По-видимому, рассматриваемая глагольная основа образного происхождения. Ср. также, в частности, монг. *булгарах* 'свихнуть, вывихнуть(ся)', *мулт* — частица, обозначающая мгновенное действие

срывания или вырывания, *мултлах* 'вынимать, выдергивать; вывихнуть (сустав)', *мултчих* — многокр. от *мултлах* 'вывихивать (о суставе)'.

бумба 'банка (медицинская)'.

Ср. с.-югур. *пумба* '(священная) вода, чаша, кувшин'. Монголизм (тибетского происхождения). См. п.-монг. *bumba*/монг. *бумба* '(священный) сосуд, ваза; урна, могильная насыпь, надгробный камень; банка (медицинская)', калм. *бумб* 'мифическое море и страна изобилия (Бумбайская страна); часовня; купол, маковка; сосуд (священный), кувшин' (см.: Тодаева. Джангар, *225*).

бурган [уъ] 'бог, божество; бурхан, идол, икона'.

Ср. тоф. *буrhан* 'бог', др.-тюрк. *burqan*, *burχан* 'будда; посланник, вестник, пророк; бурхан, идол', кирг. *буркан* (в эпосе, когда речь идет о калмыках или китайцах) 'бурхан, идол', с.-югур. *пуркан* 'изображение будды'.

Соответствия *бурган* имеются и в монгольских языках: см., в частности, п.-монг. *burqan*/монг. *бурхан* 'божество, бог; изображение божества; Будда' и под.

Б.Я. Владимирцов истолковывал соответствия *бурган...* в монгольских языках как заимствование из древнеуйгурской буддийской терминологии (см.: Турецкие элементы, *13*), что вполне закономерно. В свою очередь, древнетюркское (древнеуйгурское) слово считается китайским заимствованием (ДТС, *127*).

В.И. Рассадин в своем "Этимологическом словаре корневых основ современного тофаларского языка" (Рассадин, Фонетика, *166*) давал тюркские и монгольские слова как параллели, что едва ли оправдано. С происхождением *burqan* и его соответствий в монгольских языках вопрос ясен.

Но можем ли мы считать, что происхождение *бурган...* в современных тюркских языках связано непосредственно с древнетюркскими памятниками? Оснований для этого недостаточно. Скорее всего, слово, обозначающее Бога и связанные с ним понятия в таких языках, как тувинский и тофаларский, является вторичным заимствованием из монгольских. Это также вполне определенно можно сказать и о кирг. *буркан* (учитывая вышеприведенное указание на область его использования). Вполне вероятно, что монголизмом может быть и слово сарыг-югурского языка, где лексика монгольского происхождения представлена довольно широко.

бургу- [уъ] 'скопиться, густо клубиться (о дыме)'; **бургура-** [уъ] 'подниматься клубами, клубиться (о дыме); бурлить (о кипящей жидкости)'; **буртула- ~ бурула-** 'подниматься, клубиться (о дыме, пыли, паре).

По-видимому, если не все эти глаголы, то хотя бы часть из них имеют в качестве производящих образные основы. Так, *буртула-* —

определенно < *бурт* (ср. *бурт де-* 'подниматься, вздыматься — об облачке пыли или дыма при выстреле'). *Бургу-* могло быть связано с тюрк. глаг. основой *бур-* 'крутить, вертеть' или, конкретнее, с ее (вероятной) залоговой формой *бурк- ~ бурук-* 'крутиться' и под. (см. о них: ЭСТЯ II, *264—265*), образное происхождение которых весьма вероятно.

Однако тув. *бургу-* вместе с тем и по форме, и по значению ближе монгол. глаголу *burgi-/бургих* 'подниматься клубами, кружиться (как дым, пыль, вода); раздражаться, приходить в ярость', который Э.В. Севортян отмечал как близкий тюрк. *бур-* (ЭСТЯ II, *266*), но тув. *бургу-* в ЭСТЯ не отмечен (ср. также кирг. *бургу-* 'вздыматься клубами (о дыме, пыли)').

В этом труде делается попытка дать этимологию глаголов *бургура-* и *бурула-*, которые связываются с именной основой *быр ~ пыр* 'мелкая пыль', 'копоть' (тув. *пыр*); 'дым, пар'...

В числе производных от *быр* называется "глагольная форма с аф. *-кыра-* в учащательном значении", который образует соответствующую форму от именных и глагольных основ. Здесь приводятся глаголы *буркыра- ~ буркура- ~ бургура-* (тув.) 'валить клубами, распыляться, рассеиваться' и т.п., отмеченные в киргизском, каракалпакском, алтайском языках (ЭСТЯ II, *306—307*).

Однако здесь вместе с тем не учтено существование монгольской параллели типа п.-монг. *burkira- ~ burgira-* 'расстилаться, подниматься вверх (о дыме, парах); развеваться, разносить(ся) ветром; клубиться (о дыме)'.

С учетом подобного соответствия возникает возможность истолковать приводимые ранее глаголы как монголизмы, что и осуществлено В.И. Рассадиным относительно алт. *буркура-* (МБЗ, *25*).

Во всяком случае, трудно объяснить отсутствие среди названных Э.В. Севортяном вариантов глагольной формы ожидаемого **быркыра-* (*~ *быргыра-*), и едва ли можно обосновать отрыв *бургура-* от глаг. основы типа *бур-*, монгол. *burgi-/бургих* (и тув. *бургу-*).

Подобное же следует сказать о *буртула-* и *бурула-*. Последний считается производным от именной основы *буру*, которая, как полагал Севортян, имеет отглагольное происхождение: **бур- + -у* (ЭСТЯ II, *307*). Э.В. Севортян считает реальным говорить об односложной глагольно-именной паре *быр ~ *бур* 'пыль, дым' и **бур-* 'клубиться (о дыме, пыли)' (Там же), для чего, однако, нет достаточных оснований.

Происхождение тув. *бурула-*, как и *буртула-*, определенно связано с образной основой, точнее с одним из ее вариантов (*бур* в отличие от *бурт*). Оба эти варианта отмечены, в частности, в киргизском языке: ср. *бур* — подражание чему-л., бурно исходящему (напр., клубам дыма, пыли)... и *бурт* — подражание чему-л., вы-

рывающемуся клубами (напр., пыли, дыму) и т.д.; ср. также азерб. *бурум-бурум* 'клубами (о паре, дыме)'.

Сам Э.В. Севортян в списке соответствий именам *быр ~ пыр* дает чув. *пĕр* "в подражательном значении — о быстро поднимающейся ветром пыли" (ЭСТЯ II, *306*), но этот момент не находит развития в соответствующей статье ЭСТЯ.

Тув. *бурула-*, вероятно, из *бур(у)-ла-*, где узкий гласный второго слога — вставочный. Производным от той же образной основы *бур* является, скорее всего, и хак. *пурла-* 'клубиться, вздыматься клубами (о дыме); подниматься (о пыли)', которое в ЭСТЯ считается производным от сущ. **бур*, являющегося вариантом имен *быр*, *пыр*, о которых говорилось выше (ЭСТЯ II, *307*).

Кстати, по-видимому, и происхождение этих имен обусловлено связью с образными основами типа тех, которые рассматривались выше, что проявляется и в семантике некоторых подобных имен. В указанном плане интересно отсутствующее в ЭСТЯ алт., тел. *пур* 'пепел, поднятый огнем вверх и повисший в юрте в виде паутины (РСл. IV, *1364*).

См. также **бус**.

бургура- см. **бургу-**.

буртула- см. **бургу-**.

бурула- см. **бургу-**.

буру- 'упираться, пятиться, упрямиться, артачиться (напр., о лошадях)'.

Возможно, тув. *буру-* гомогенно с отмеченными в некоторых тюркских языках глагольными основами *бурул- ~ бу:рук- ~ буркан- ~ бурут-* 'сердиться, злиться' и под.

Э.В. Севортян считает, что они представляют собой производные формы с показателями медиальности *-(ы)л-*, *(ы)к-* или, одновременно, учащательности и медиальности с показателем *-кан-* от глагола *бу:р- ~ бур-*; ср. як. *бу:р-* 'сердиться', тур. диал. *burmak* 'сердиться'...

Э.В. Севортян предполагает также наличие именной основы, соответствующей *бур-* (**бур*) и явившейся производящей для тур. диал. *burut-* 'брюзжать; выглядеть нездоровым' (ЭСТЯ II, *269*).

Можно думать, что от подобной основы с помощью аф. *-у-* было образовано и тув. *буру-*, в ЭСТЯ не отмеченное. Производным от *бур-* или *буру-* является, по-видимому, кбалк. *буруш* 'упрямый'.

С *буру-*, вероятно, связано и як. диал. *бургура* 'упрямый, непослушный' (ДСЯЯ, *72*), структура которого, однако, не совсем ясна.

бурула- см. **бургу-**.

бурун, бурунгу 'прежний; давний, древний'.

Тув. *бурун* имеет общетюркские соответствия типа *бурун ~ пурун*... со значениями 'в старину, раньше, в прежнее время; прежний, древний' и т.п. См. также **мурну, мурнуку**.

"Рассматриваемая основа восходит к *бурун* 'нос' и семантически представляет собой временно́е соответствие к пространственным значениям: 'то, что впереди', 'пространство впереди', 'перед'..." (ЭСТЯ II, *272*). Э.В. Севортян прав в том, что в данном случае действительно налицо пространственно-временно́е соответствие (корреляция). Остается, однако, неясным, почему семантика, связанная с прошлым, коррелирует со значениями пространства, находящегося впереди (тогда как, по логике вещей, прошлое должно ассоциироваться с тем, что находится позади).

Вместе с тем привлекает внимание то, что соответствия *бурун* (и *бурунгу*) в некоторых источниках означают 'сначала' и 'начальный' (ЭСТЯ II, *272*) (что также приложимо как ко времени, так и к пространству).

Логично предположить, что именно на основе подобных значений и возникла, с одной стороны, семантика типа 'перед', а с другой — значения 'прежний, древний' и т.п. (т.е. 'находящийся в начале времен').

Тув. *бурунгу* [буруцгу] — производное на *-гы(-гу)* от *бурун*, которое, вероятно, ранее могло выступать и в роли существительного (в значении 'давние, древние времена'). Ср. др.-тюрк. *burunγï* 'прежний, давний; начальный, первый' (ДТС, *126*).

См. также **бурунгаар**.

бурунгаар 1. 'вперед', **2.** *разг.* 'южный'.

Тув. *бурунгаар* [буруцгаар] имеет соответствие в виде тоф. *бурунгаары* **'вперед, на восток; восток'**. В том и другом случае мы имеем основу *бурун* в пространственном значении типа 'перед' (см. **бурун**), оформленную аффиксом древнего дат.-направ. падежа (ср. др.-тюрк. *-γaru* и его соответствия: ДТС, *653*). Этот аффикс в тувинском языке утратил конечный гласный и приобрел долготу (*-гаар*), а в тофаларском совместилось наличие долготы и конечного узкого редуцированного гласного (*-гаары*).

По-видимому, в том и в другом случае ударение приходилось на предпоследний слог, что вызвало удлинение гласного *а*, а также полную или частичную редукцию конечного гласного.

Отличие тувинского и тофаларского слов как названий частей света ('южный' и 'восток') связано с различием в ориентации: в тофаларском языке направление 'вперед' совпадает с ориентацией на восток (как в древнетюркских памятниках), а в тувинском соответственно — с южной ориентацией. Такая ориентация характерна для монголоязычных народов и китайцев и "тувинская ориентация на юг была навеяна монгольской традицией" (А.Н. Кононов) (см.: ТС 1974. — М., 1978. — С. 79). Тоф. *бурунгаары* по своему производному значению ('восток') старше тув. *бурунгаар*, поскольку

сохранило более древнюю семантику, которая в тувинском языке подверглась изменению.

бурунгу см. **бурун**.

бурундук 'бурундук, повод (*веревка с палочкой на конце, продеваемой в нос быка*)'.

Соответствия со сходными значениями в формах *бурундук ~ бурундак*, а также *бурундурук*, *бурунлук* и др. отмечены в ряде тюркских языков (в основном — огузских), причем, судя по указаниям на источники, наиболее древней из них является форма *бурундук*. Все они связаны происхождением со словом *бурун* 'нос'. (ЭСТЯ II, *271*, *273*). Вместе с тем близкое соответствие тюрк. *бурундук* имеется и в монгольских языках (ср. п.-монг. *burunluγ ~ buruntaγ*/монг. *бурунтаг* 'недоуздок', 'веревка, прикрепляемая у рта верблюда'), где оно заимствовано из тюркских.

Тув. *бурундук* может иметь как тюркское, так и монгольское происхождение.

буруу I 'вина, виновность'.

Как и алт. *буруу* 'вина, преступление', хак. *пуруу* 'вина' и некоторые другие их соответствия, тув. *буруу* относится к числу монгольских заимствований (см., в частности: EW, *90*). Ср. п.-монг. *buruγū*, монг. *буруу* 'ложный, неправильный; виновный; ложь; ошибка, заблуждение; вина, проступок'.

буруу II *диал.* 'годовалый бычок или телка' (ВТЯ, *83*).

Слово соответствует тув. лит. *бызаа*, диал. *бузаа* (см. **бызаа**), в частности, по признаку чередования *р ~ з* (явление ротацизма-зетацизма). При этом ротацирующие формы характерны в основном для монгольских языков: ср. п.-монг. *biraγu(n)*, монг. *бяруу ~ бируу*, бур. *буруу* 'теленок на втором году; двухгодовалый теленок', а из тюркских — только для чувашского (чув. *пăру* 'теленок').

По мнению ряда исследователей (главным образом алтаистов), ротацирующие формы являются более древними и потому архетип (исходная форма) тюрк. *бузагу* (> тув. *бызаа ~ бузаа*) реконструируется с интервокальным *-р-* (см.: ЭСТЯ II, *241—242*; Федотов I, *142*, *147*).

Однако тюркское слово имеет вполне удовлетворительную этимологию, исходящую из его зетацирующей формы (ЭСТЯ II, *241—242*, а также **бызаа**), чего нельзя сказать о версиях, исходящих из первичности *р*-форм: ср., в частности, сопоставление (под вопросом) Г. Рамстедтом тюркского и монгольского слов с шумерским *bir* 'крупный рогатый скот' (ЭСТЯ II, *241*).

Более логично объяснить соответствующее слово монгольских языков как тюркское заимствование с переходом *з > р* (ср. **бора**, **бос**). В свою очередь, тув. диал. *буруу* является бесспорным монголизмом и, скорее всего, довольно поздним. Интересно, что в речи

населения Тере-Холя, где отмечено *буруу*, употребляется и *бузаа* (в значении 'лосенок') (ВТЯ, *83*).

Не исключено монгольское происхождение и для чув. *пăру*.

бурууда- 'подвергаться обвинению, быть обвиняемым в чем-л., быть виновником чего-л.'.

Глагол *бурууда-*, как и существительное, от которого он образован (см. **буруу I**), является монголизмом в тувинском языке: ср. п.-монг. *buruγūda-*/монг. *бурууда*х 'провиниться; ошибаться, заблуждаться; искажаться'.

бус- 'ломать, разрушать; разбирать (здание); колоть (лед, сахар); разделывать (тушу)'; *перен.* 'нарушать, портить'.

Ср. тоф. *бус-* 'разбирать на части; ломать, разделывать тушу', а также другие соответствия в ряде тюркских языков (Рассадин. Фонетика, *166*), в том числе др.-тюрк. *boz- ~ buz-* 'ломать, разрушать, разбивать'. В основном преобладают варианты с узким (закрытым) гласным, но в огузских языках отмечен вариант с *-о-* (ср. тур. *boz-*, турк. *боз-*). Исходя из имеющегося материала, трудно прийти к заключению о том, какой из этих вариантов является первичным.

Фактически данная глагольная основа носит общетюркский характер, но по неясной причине она не включена в ЭСТЯ.

По-видимому, *бус- ~ буз- ~ боз-* имеет именное соответствие, о чем свидетельствует древнетюркское парное слово *üz buz* 'разрушение, порча; препоны, преграды' (ЭСТЯ I, *622*), которое в другом источнике истолковывается как 'ненависть' (ДТС, *629*).

бус 'пар, испарение, испарения'.

Соответствия тув. *бус* (в виде *бус ~ пус ~ бурс*) отмечены в ряде источников; как констатировал Э.В. Севортян, эти "основы принадлежат к старейшей части тюркской лексики, но сохранились в немногих современных языках" (ЭСТЯ II, *277—278*). Их значения — 'туман, мгла, пар; туманный, мглистый, пасмурный' и др.

Отмечена также и глагольная основа *бус-* 'дымить; быть пасмурным', которая, как полагал Э.В. Севортян, развилась позднее именной.

Этимология *бус...* неясна. Исследователи не высказывают никаких версий, а Э.В. Севортян ограничился предположением о том, что *бус* 'туман, пар' "исторически связано с *буг(у)* 'пар', но пока ни та ни другая основа не поддаются морфемному анализу" (ЭСТЯ II, *278*).

С этим мнением, однако, не совсем согласуется этимология, предлагаемая Э.В. Севортяном для *буг ~ бугу* 'пар': он, в частности, обращает внимание на именную основу *bu* 'пар', отмеченную Махмудом Кашгарским, и допускает наличие ее глагольной омоформы **бу-*, от которой образовано, в частности, *буг* (ЭСТЯ II, *230*).

Возможно, что это та же глагольная основа, характеризующая повороты, вращение, обособление, рассеяние и т.п., которая выявляется в глагольных формах *бул-*, *бур-*, *бук-* (см. **булун**). Не случайно глагол *бур-* и соотносительное с ним имя (или образная основа?) *бур* входят в наименования клубов дыма, пыли, а также вращающейся воды (водоворотов) и т.п. (ЭСТЯ II, *265—266*).

Вполне логична связь с подобными основами и таких глаголов, как *бургу-*, *бургура-* и т.п. (см. **бургу-**).

От вышеупомянутой именной основы *bu* (*бу*) явно образованы глагольные основы типа тоф. *була-* 'клубиться (о пыли, дыме); лететь по ветру (о пухе, перьях, искрах); подниматься (о паре, тумане)' (Рассадин. Словарь) и хак. *пула-* 'клубиться (напр., о дыме, паре); подниматься, нестись клубами'.

Можно полагать, что подобную же семантику могла иметь и глагольная основа **бу-*.

Слово *бус* 'пар, испарение'... — определенно, производное от этой основы, однако его структура выглядит не совсем привычно: практически у всех соответствий слова отмечен конечный *-с*. Нет вариантов типа **буз*, которые свидетельствовали бы, что перед нами отглагольное имя, образованное при помощи известного форманта *-(α)з*. По-видимому, *-с* здесь исконно и следует говорить о каком-то другом форманте. Им может быть аф. *-(α)с*, сохранившийся как продуктивный формант, в частности, в тофаларском языке.

С его помощью образуются отглагольные имена с семантикой быстроты, мгновенности, однократности действия. В то же время прослеживается и употребление этого форманта в качестве атрибутива со значением обычности признака действия (Рассадин. Морфология, *71—72*), что для нас представляет наибольший интерес. К числу подобных отглагольных образований, распространенных в ряде тюркских языков, принадлежит слово *элес* 'силуэт, призрак; смутный, неясный, тусклый' и т.п. (см. **элесте-**).

Возможно, *бус*... (*< бу-с*) одноструктурно с *элес*. См. также **быза-**, **быскан**, **буудай**.

буста- 'реветь (напр., о быке)'.

Общетюркское; распространено в вариантах *бозла- ~ бузла- ~ бозда-*... со значениями 'реветь, кричать (о верблюде, верблюжонке, верблюдице, рогатом скоте, барсе и т.п.)', 'плакать, рыдать'.

Э.В. Севортян (ЭСТЯ II, *175—176*) связывает, хотя и не без сомнения, этот глагол с обозначением детеныша (типа *бозу ~ бозо*), представляя начальную форму слова в виде **бозу-ла-*. Эта версия не исключена, но вероятна и звукоподражательная производящая основа типа **буз ~ *боз*.

А.Т. Кайдаров выделяет общую основу **боз* с неясной семантикой для каз. *бозым* 'порода верблюдов' и *бозда-* 'реветь (о верблюдах)' (Кайдаров, *194*).

бут 'нога, конечность; ножка (мебели, прибора), основание; отрог (*горного хребта*)'.

Общетюркское; архетип восстанавливается в виде ***бу:т* 'нога (человека); ножка (какой-л. вещи, предмета); ляжка; пах; когти у птиц, палец (на ноге)' и т.п. Этимология неясна (ЭСТЯ II, *281—282*).

Можно согласиться с мнением, согласно которому *бут ~ бу:т* гомогенно с *будук...* 'сук, ветка' (см.: ИОЭАЯ, *157*, а также **будук**), но при этом тем не менее остаются неясными характер смысловых связей между ними и производящая основа слова *бут*.

Думается, *бут* первоначально могло обозначать нечто раздваивающееся, разделяющееся, обосабливающееся друг от друга (ноги, когти, пальцы и т.п.). Это слово, вероятно, образовалось от глагольной основы типа ***бу-* со значением разделения, рассеяния, о которой уже выше шла речь (см. **булуң**). Производным от той же основы возможно считать тоф. *бу-й* 'пах' (Рассадин. Словарь) (ср. значение 'пах' у соответствий *бут*).

Возможно, первоначальная семантика тюрк. *бут* не была связана с анатомией. Это слово могло обозначать нечто раздельное в более широком смысле, о чем свидетельствуют слова, которые могут быть истолкованы в структурно-семантическом плане как производные от основы *бут...*

Ср., в частности, др.-тюрк. *buδuš-* 'разделяться, расходиться' (< *buδ-u-š-*), *budraq* 'рассеянный, разбредшийся (о скоте)' (< *bud-ra-q*), *but-a-t-* 'разделять, пробирать (основу ткани на станке)', *but-a-r* 'нити основы при выделке ткани', возможно, *but-a-r-la-* 'терзать, разрывать, кромсать' (ДТС, *120, 129*).

Не исключена связь с той же основой глагола *быт(ы)ра- ~ бутра-*, которую Э.В. Севортян связывает с подражательной основой *быт*, реализующейся в форме повтора (*быт-быт* 'раздробленный' и под.) (ЭСТЯ II, *309*), но не исключено, что последняя гомогенна с *бут* и представляет ее вариант с неогубленным гласным. Ср. с *бут* также п.-монг. *buta* 'пополам' и *butara-* 'распадаться, делиться на части' (см. **быдара-**).

Несомненно, с *бут...* в его первоначальном значении связано и тюрк. *будук...* 'ветка' (< *буту-к*).

В тувинском языке налицо варьирование слов *бут* и *будук* по качеству гласного: в первом из них гласный *у* краткий, а во втором — фарингализованный. В случае с *бут* мы имеем более закономерное соответствие "первичной" долготе (***бу:т*), тогда как *будук* [буьдук] входит в более ограниченный круг соответствий (см. **будук**).

буудай *диал.* 'пшеница'.

В тюркских языках распространено в различных вариантах, в большинстве своем — в варианте *бугдай* и производных от него с ос-

новным значением 'пшеница', изредка встречается семантика 'хлебные злаки', 'колос' (ЭСТЯ II, *232—233*). Отмечены и другие формы (очевидно, морфологические варианты) слова, в том числе — с конечным гласным — *бугда* (в памятнике XIV в.), а также — с конечным *-г* (*бугдаг*) (ЭСТЯ II, *233*).

Варианты типа тув. *буудай* (*буудай ~ пуудай ~ буутай ~ будай* и под.) носят вторичный характер и в значительной мере представляют собой монгольские заимствования (ср. п.-монг. *buγudai* 'пшеница' и их соответствия), что, в частности, полагал еще Н.Ф. Катанов относительно тувинского слова (Опыт, *95*, *125*).

По мнению Э.В. Севортяна, старописьменная монгольская форма может быть старше *бугдай* (т.е. *бугдай* < *бугудай*) (ЭСТЯ II, *234*), что в данном случае не лишено оснований.

Основные версии происхождения тюрк. *бугдай...* — истолковывают его как заимствование, в частности китайское (по А. Йоки). Эту версию разделял и К. Менгес (Менгес, *133*, сноска 174), но Э.В. Севортян справедливо отмечал, что "с фонетической стороны гипотеза А. Йоки имеет уязвимые пункты" (ЭСТЯ II, *234*).

Много внимания уделяет рассматриваемому здесь тюркскому названию пшеницы Л.В. Дмитриева (ИОЭАЯ, *151—156*), которой критически рассмотрены и другие версии о заимствованном происхождении *бугдай*.

Она членит это слово на компоненты *буг* + *дай*, причем первый из них связывается с тюрк. *буг* 'пар': 'пшеница' ← 'распаренная, паровая' (ИОЭАЯ, *154*), что представляется искусственным в семантико-структурном плане. Тем не менее связь с *буг* в указанном значении, вероятно, существует, но имеет совсем иной характер.

Думается, что в качестве основы для *бугдай* вполне реальна именная основа **буг* (**бук*) или соотносительная с ней глагольная **буг-* ~ **бук-* со значением большого количества, а также размножения, распространения (или собирания) чего-л., которые закономерны для названий злаковых культур (см. также **арбай**). Ср. як. диал. *бугуй-* (? < **буг-* ~ **бук-*) 'пододвигать с краев к середине горящие в костре дрова' (ДСЯЯ, *70*), др.-уйг. *пуклун-* 'накоплять' (?) (РСл. IV, *1361*), лоб. *буг-ана(к)* 'насыпанные, пригнанные ветром бугры песку около деревьев', с.-югур. *пук ~ пуку* 'пыль', кбалк. *буку* то же; возможно, кирг. (=каз.) *букпа* 'густая каша' (РСл. IV, *1804*) (ср. каз. диал. *букпа* 'закваска, дрожжи'), где, главным образом, можно говорить, скорее всего, об исходной глагольной основе **буг-* ~ **бук-*. Сюда же следует отнести и др.-тюрк. *boγuz* (могло быть и *buγuz*) 'хлеб в зерне; фураж' (ДТС, *110*), где *boγ* (*buγ*?) могла быть как именной (*boγ-u-z*), так и глагольной (*boγ-(u)z*) основой; ср. также уйг. *бог-аз* (в *аш богаз* 'пища, провиант'), *богуз ~ богус* 'провиант для людей; корм для скота' (Малов. УНС, *100*).

Наконец, говоря о возможной исходной основе *бугдай*, следует обратиться и к тюрк. *буг ~ бугу* 'пар, испарения, дым' и т.п. (см. ЭСТЯ II, *229—230*), обозначающим субстанцию, состоящую из частиц (разделяющуюся на эти частицы и вместе с тем образующими их соединение, скопление в виде тумана, тучи, клубов дыма, пыли и т.п.). В свою очередь, *буг ~ бугу* гомогенно с общетюрк. *бус* 'туман, мгла; пар'... (см. бус).

В связи со сказанным не случайна близость названия пшеницы, пара и образных основ, семантически близких ко второму из этих названий: ср., в частности, ккалп. *бувдай* 'пшеница', *був* 'пар' и *бувдак-бувдак* (ср. *бувдак-бувдак тутун* 'дым клубами'); см. также кирг. *буудак* 'клубы (дыма, пыли)'.

Структура тюркского названия пшеницы не вполне ясна. Если исходить из наличия трех морфологических вариантов слова (*бугдай*, *бугда*, *бугдаг*), то их исходная основа (глагольная) выглядит, скорее всего, как **бугуд-*, учитывая наличие глаголообразующего аф. *-(α)d-* (см.: ДТС, *651*; СИГТЯ М, *430—431*) 'накапливаться, скапливаться (напр., о зернах в колосе)' (?). К последней присоединены соответственно имяобразующие аф. *-(а)й*, *-а* и *-(а)г*.

По мнению М.А. Хабичева, *будай* членится на *буда* и *-й*, где последний присоединяется к именной основе и является уменьшительным по происхождению, однако обоснования в пользу этого практически не приводятся (Хабичев, *48—49*).

буук- 'скучать, тосковать, томиться'.

Э.В. Севортян включает тув. *буук-* в число форм типа *буйык- ~ буйук-* 'замерзать, застывать; осоветь; быть печальным, печалиться, унывать' и т.п. (ЭСТЯ II, *242—243*).

Однако отнесение тувинского глагола к этому ряду сомнительно, в частности, по фонетическим основаниям. Во-первых, основа *буйык-*, по-видимому, принадлежит к числу тех, в которых отмечено чередование *д ~ з ~ й* (ср., в частности, др.-тюрк. *buδ-* 'застывать, замерзать'), а, значит, форме *буйык-* должно было бы соответствовать тув. **будук-*, а *-д-* в интервокальном положении должно было сохраниться. Во-вторых, если даже тув. *буук- < буйук-*, то выпадение интервокального *-й-* для тувинского языка нехарактерно.

Возможно, поэтому происхождение тув. *буук-* связано с другой производящей основой. В этом плане представляет интерес тур. *bık-* 'испытывать тоску, отвращение', а также кирг. *бук* 'тоска, угнетенное состояние', у которого существовал, по-видимому, вариант типа **буг*. О реальности последнего можно судить по таким производным словам хакасского языка, как *пуглан- (пуг-лан-)* 'рассердиться, надуться', *пугланҷык*, *пуглык* 'капризный'.

Вероятно, с основой *бук* или *буг* связано алт. диал. *пуган- ~ муган- ~ мукан-* 'быть слабым, утомленным; мучиться, маяться, заботиться (РСл. IV, *1362*, *2171*, *2174*).

Тув. *буук-* образовано, по всей вероятности, от основы **буг* с помощью аф. *-(у)к-*: **буг-(у)к-* > **бугук-* > *буук-*.

буук-сарык- см. **буук-**.

Парное слово. О происхождении первого его компонента см. статью **буук-**. Второй компонент, *сарык-*, синонимичный *буук-* и иногда встречающийся в качестве самостоятельного слова, родствен тув. *сарын* 'уныние, тоска' (см. **сарын**). Он может быть сопоставлен с кирг. (=каз.) *сарык* 'худощавый' (РСл. IV, *321*). В тюркских языках распространено прил. *саран- ~ сараң*, означающее в основном 'скупой', но в хакасском языке (саг. диал.) *сараң* имеет значение 'слабосильный, болезненный, немощный', а в уйгурском — 'безумный, сумасшедший, ненормальный'.

С предлагаемой исходной основой компонента *сарык-* могут быть также сопоставлены др.-тюрк. *sarp* 'трудный, нелегкий', турк. *сарп бол-* 'иссякать, приходить к концу', каз. *сарсаң бол-* 'измучиться'. Приводимых данных достаточно для того, чтобы говорить о реальности исходной именной (*сар*) или глагольной основы (*сар-*) со значениями, характеризующими тяжелое состояние человека.

Возможно, тув. *сарык-* одноструктурно с *буук-*.

буур 'лось, сохатый (самец)'.

Ср. тоф. *буур* 'лось-самец, сохатый' (Рассадин. Словарь). Другие ближайшие соответствия тув. *буур* (отсутствующего в ЭСТЯ) типа *бугур ~ пугур* распространены в основном в диалектах огузских языков, где они обозначают чаще всего верблюда-самца. Тув. и тоф. *буур* по форме (наличие вторичной долготы) и по значению ближе к як. *буур*, являющемуся наименованием самца (оленя, лося); ср. также уйг. *бугра* диал. 'олень'.

Э.В. Севортян считал, что *бугур*, как и *буга*, *бугра* (см. **буга**, **буура**) первоначально было названием самца одомашненных животных (ЭСТЯ II, *235—236*), для чего, по крайней мере в случае с *бугур ~ буур*, нет достаточных оснований. Вполне вероятно, что первоначальная семантика этого слова тождественна или близка той, которая характерна для вышеуказанных сибирских тюркских языков. Мнение Э.В. Севортяна о родстве между собой слов типа *буга*, *буур* и *буура*, а также имеющегося в ряде источников *бугу* ('олень', иногда 'марал', 'лось' и др.) вполне обосновано. Их структура также представлена в ЭСТЯ довольно реалистично. В частности, *бугур* истолковано как отглагольное имя, образованное с помощью аф. *-(у)р* со значением носителя действия (ЭСТЯ II, *237*).

Однако само этимологическое решение, предложенное Э.В. Севортяном, не выглядит убедительным, о чем уже было сказано выше, в статье **буга**.

Исходя из гомогенности *буур* (< *бугур*) с *буга*, первое из них может быть представлено структурно как **буг-(у)р*, где **буг-* — вариант основы **бук-* в *буга* (< *бука*). Но возможен и другой вариант структуры *бугур*: *буг-у-р*, где **буг* — именная основа (ср. каз. *буу* < **буг* 'сила, гордость'), *-у-* — глаголообразующий аффикс, а *-р* — формант причастной формы. Таким образом, *бугур* по своему первоначальному смыслу — это 'тот, кто проявляет силу'. Ср. азерб. *бугур* 'матерый, огромный, здоровенный' (ЭСТЯ II, *235—236*), где приводимые значения, возможно, не переносные по происхождению, а, наоборот, близкие к первоначальной семантике слова.

Таким образом, вполне вероятно, что *бугур* первоначально могло иметь значение признака, которое затем конкретизировалось в качестве названий самцов крупных животных.

буура 'верблюд-производитель'.

В отличие от слова *буур* (см. **буур**), соответствия *буура* в вариантах *бугра* ~ *бувра* ~ *буура* ~ *бура* и под. представлены весьма широко в современных тюркских языках, а также в памятниках древнетюркской письменности. В основном для них характерна семантика, связанная с верблюдом (чаще всего это названия верблюда-самца, производителя). Кроме того, в отдельных источниках указаны значения 'самец (производитель) всякого животного', 'бык', 'лев' и 'индюк' (ЭСТЯ II, *235*).

Вместе с тем у тюрк. *бугра* имеется соответствие в монгольских языках (п.-монг. *buγura*, монг. *буура* 'верблюд-производитель' и т.п.), которое часть исследователей относит к тюркизмам. Это вполне справедливо, тем более что доказано тюркское происхождение верблюдоводческой терминологии в монгольских языках.

Э.В. Севортян, вслед за другими исследователями, склоняется к тому, чтобы считать тюрк. *бугра* и монгол. *бугура* гомогенными. Он полагает также, что "фонетически монгольская форма... старше тюркской и допускать в ней эпентезу [*buγ(u)ra*] едва ли основательно" (ЭСТЯ II, *236*). Между тем подобные вставочные гласные (эпентезы) как раз весьма характерны для тюркизмов в монгольских языках (см., в частности, **буудай**). В тюркском же *бугра*, как будет видно из дальнейшего, мы имеем дело с беглым гласным типа *-у-*. Э.В. Севортян считает далее, что "в тюрк. языках нет следов монгольской формы *buγura*..." (ЭСТЯ II, *236*), но это мнение излишне категорично: формы типа тув. *буура*, алт. *бура* вполне могут быть (скорее всего, как раз и являются) вторичными монгольскими заимствованиями, причем, напр., тувинское слово мог-

ло восходить как к *buγura*, так и к современному монгольскому ее соответствию.

Этимология *бугра*... неясна. Версия, содержащаяся в ЭСТЯ, представляется не вполне основательной, как и в случаях с *бука* и *бугур* (см. **бука**, **буур**), но структура *бугра*, согласно которой оно является производным от **бук-ур-* + отглагольно-именной аф. *-а* (ЭСТЯ II, *237*), в целом воссоздана верно. Правда, производящая глагольная основа в *бугра*, как и в *бугур*, может иметь вид **буг-* или **буг-у-* (если она образована от именной основы **буг*), и соответственно аффикс каузатива может выступать в вариантах *-ур-* или *-р-*. При образовании имени *бугра* < *буг(у)ра* узкий гласный второго слога, как и в других подобных случаях, подвергается выпадению.

Если, как мы говорили, первоначальная семантика *бугур* ~ *буур* — 'тот, кто проявляет силу', то *бугра* первоначально могло означать 'тот, кого заставляют, побуждают проявить силу'. Вероятно, *бугра* также могло иметь исходное значение признака.

В связи с этим сто́ит отметить в уйгурском языке наличие двух омонимов: *бугра* I (диал.) 'олень' и *бугра* II 'знатный' (УРС, *221*). Ср. также древнетюркские имена собственные *buγra qara χaγan* — один из первых представителей династии Караханидов и *buγra χan* (см.: ДТС, *120*).

А.Н. Кононов дает последнее в варианте *Богра-хан*, отмечая, что так именовался первый караханидский хан и что *Богра-хан* употреблялось у древних тюрков как титул (в частности, титул государей). Вместе с тем исследователь, по-видимому, склонен был считать, что вышеприведенное имя (титул) связано с *бура* (*бугра*) 'двугорбый верблюд (жеребец)' (Кононов. Родословная туркмен, *101*).

Между тем в титуле и, вероятно, в именах каганов и правителей, а также в уйг. *бугра* 'знатный' могла найти отражение наиболее древняя семантика слова *бугра*: 'сильный' или 'обязанный проявить силу, мощь' (поэтому *бугра хан*, по всей вероятности, первоначально означало 'сильный, мощный хан').

Затем вышеприведенная адъективная семантика была перенесена на самцов крупных животных.

буура- 'терпеть крах (провал, крушение, банкротство)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *baγūra-* 'ослабевать, худеть, находиться в стесненном материальном положении; приходить в упадок, деградировать', монг. *буурах* 'снижаться, убавляться, уменьшаться, стихать, ослабевать; приходить в упадок, регрессировать' и т.п. По-видимому, *буура-* принадлежит к числу поздних заимствований.

буурай: **биче буурай** *уст.* 'малый, малочисленный (о народностях)'.

Первый компонент — *биче* 'малый, маленький (см. **биче**); компонент *буурай* представляет собой монгольское заимствование: ср.

п.-монг. *bayūrai*, монг. *буурай* 'слабый, хилый, тщедушный, слабосильный'.

буурал 'крушение, крах, провал, банкротство'.

Одно из поздних монгольских заимствований. Ср. п.-монг. *bayūral* 'уменьшение, убавление, понижение; нравственное падение, грех, проступок', монг. *буурал* 'регресс'.

См. также **буура-**.

буур-булан *собир.* см. **буур, булан.**

буурул 'седой; бурый'.

Соответствия в близком тув. *буурул* облике распространены в ряде тюркских языков, но их семантика несколько отличается от тувинского слова. Во всех источниках, кроме тувинского, отмечена семантика 'чалый' (о масти лошади), иногда встречаются значения 'серый', 'седой', 'белый с коричневыми пятнами'. Э.В. Севортян не без основания склоняется к мысли о том, что в тюркских языках рассматриваемое слово — монголизм: ср. п.-монг. *buγurul ~ buγural*/монг. *буурал* 'серый, сивый; седой; чалый' и т.п. (ЭСТЯ II, *228—229*). Ср. также: Ахметьянов. ОЛМК, *77—78*.

буу-хаа 1. 'экстренный, спешный; наспех, второпях', 2. *уст.* 'эстафета, спешное донесение (доставляемое гонцом)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *buuχij-a*, монг. *буухиа* 'курьерский; курьер, эстафета (спорт.)'.

буян 'милость, доброта, сердечность; добро, благо'.

Ср. др.-тюрк. *bujan* (< скр. *punya*) 'благодатный поступок; благодеяние, заслуга'. Соответствия тув. *буян* распространены в монгольских языках: ср. п.-монг. *bujan* 'добродетель, добро, благодеяние, благотворительность; милость, щедроты, вклады в храмы; подаяние', монг. *буян* 'добродетель; благодеяние, благотворительность' и т.п.

Монгольское слово Б.Я. Владимирцов относил к числу заимствований из древнеуйгурской буддийской терминологии (Турецкие элементы, *13*), куда оно, в свою очередь, проникло из санскрита, с переводами буддийской литературы. В тувинском языке *буян*, скорее всего, является вторичным монгольским заимствованием.

бүг: **диш бүү** 'альвеолы' (*углубления в челюсти, в которые вставляются корни зубов*).

Непосредственных соответствий в анатомической лексике тюркских языков не обнаружено. Вместе с тем можно допустить гомогенность тув. *бүг* (в сочетании *диш бүү*, которое можно истолковать как 'углубление (для) зуба') с общетюркской основой *бүк...* означающей 'сгиб, изгиб', а также обозначающей различные углубления: 'долина между гор, по течению реки'; 'горный проход, узкая долина, узкий овраг' и т.п. (см.: ЭСТЯ II, *290—291*, а также статью **бүк**). У *бүк...* имеется соответствие в виде глагольной основы *бүк-*

'гнуть, сгибать' (ЭСТЯ II, *291*), у которой существует, по-видимому, вариант **бүг-* (ЭСТЯ II, *296*).

Можно полагать, что существовала не только данная глагольная, но и соотносительная с ней именная основа *бүг*, которая, подобно *бүк*, обозначала, в частности, углубления, отражением чего является тув. *бүг* как компонент анатомического названия **диш бүгү > диш бүү*.

бүге 'альчик, игральная кость, являющаяся центральной фигурой национальной игры в кости'.

Ср. др.-тюрк. *bök* 'положение, когда игральная кость-бабка ложится возвышением вверх' (ДТС, *117*); кирг. (=каз.) *бүгө* 'положение бабки спинкой вверх' (РСл. IV, *1881*); каз. *бүк* 'положение альчика (выпуклой стороной вверх)', кирг. *бөгө* 'спинка альчика', *бөк* 'холм'; то же, что *бөгө*, хак. *пөге* 'выемчатая сторона лежащего альчика'.

По-видимому, тув. *бүге* как принадлежность игры также получила наименование по своему положению (спинкой или выпуклой стороной вверх).

В свою очередь, вышеприведенные слова явно гомогенны с общетюрк. глагольной основой *бүк-* 'гнуть(ся)' и ее именным соответствием *бүк* 'сгиб, изгиб; угол' (см., в частности: Кажибеков, *49—50*). Эти основы варьируют по характеру вокализма (наличие чередования *ү ~ ө*) и консонантизма (см. **бүг**, **бүк-**, **бүк**). Именные основы могут быть односложными и двухсложными: последние являются отглагольными производными от *бүк-* (*бөк-*), образованными при помощи аф. *-а ~ -е* (ср. *бүге*, *бүгө*, *бөгө*).

Эти имена могли служить наименованиями как углублений (как в случае хак. *пөге*; см. также **бүг**), так и возвышений (значение 'холм' и под.).

бүгү 'весь, всё, все'; **бүгүде** 'все'.

Тув. местоимения *бүгү* и *бүгүде* — монгольские заимствования, на что указывал еще Н.Ф. Катанов (Опыт, *141*). Ср., в частности, п.-монг. *bügü(n)* 'весь, вся, все', *bügüde* 'все, все вместе, всё сполна'. См. также: ИП, *239*.

бүгүде см. **бүгү**.

бүде- 'заволакиваться, закрываться (напр., туманом, дымом)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *büte-*, монг. *бүтэх* 'закрываться'. См. также **бүдүү I, II**, **бүдээ-**.

бүдүмче: **бүдүмче чок** 'непроизводительный; безрезультатный, неисполнительный, ненадежный; **бүдүмчелиг** 'производительный, результативный; полезный, дельный; исполнительный, надежный'.

Ср. алт. *бүдүмчилү* 'верный, честный; благонадежный, способный'. Основа тувинских (*бүдүмче*) и алтайского (*бүдүмчи*) прилагательных, как и основная часть производных на *-мча...* — монгольское заимствование: ср. п.-монг. *bütümji* 'исполнение, успех'.

бүдүмчелиг см. **бүдүмче**.

бүдүн [уъ] 'целый; цельный, из одного вещества'.

Тув. *бүдүн* имеет соответствия, носящие общетюркский характер (варианты *бүтүн ~ пүтүн...*), для которых характерна семантика 'весь, всё; целый, цельный, целостный, целиком; правильный, превосходный, совершенный'... Тюркское слово считается производным именем, образовавшимся с помощью аф. *-(α)н* от глагола *бүт-* 'кончаться, завершаться, осуществляться; истощаться, иссякать (о силе); теряться, сипнуть (о голосе)' (ЭСТЯ II, *302—303*); ср. также его именное соответствие типа кирг. *бүт* 'целый; целиком, сполна, полностью'.

В основном *бүдүн* и его соответствия характеризуют те или иные явления действительности с положительной стороны, но с учетом таких значений производящей глагольной основы *бүт-*, как 'истощаться, иссякать' и под., возможна и иная семантика *бүдүн* (ср. **бора-бүдүн**).

Следует также отметить наличие у тюркского слова соответствия в монгольских языках, семантически весьма близкого тув. *бүдүн* (типа п.-монг. *bütün* 'целый, цельный, весь, без изъяна').

Монгольское слово — явный тюркизм, однако его тувинское соответствие, возможно, относится к числу монгольских заимствований.

бүдүрү- 'скользить; спотыкаться'.

Соответствия, в основном в вариантах с широким конечным гласным (*бүдүре- ~ бүдре-*), отмечены в некоторых современных тюркских языках и поздних памятниках (в частности, чагатайских) со значениями 'спотыкаться, оступаться; поскользнуться' и т.п.

По мнению Э.В. Севортяна, эта глагольная основа гомогенна с общетюрк. *бүдүр* (и его вариантами), означающими, в частности, 'неровная (холмистая) местность; кочка, выступ' и т.п., к числу соответствий которого отнесено и як. *бүдүр* 'спотыкание', предполагающее глагол **бүд(γ)-* **'спотыкаться' (ЭСТЯ II, *285—287*).

Гомогенность общетюркской и якутской именных основ, однако, сомнительна: в последнем случае мы, скорее, имеем дело с образной основой, характеризующей движение, а не поверхность или рельеф: ср. як. *бүдүр гын-* 'спотыкаться', с достаточным основанием сопоставляемое О. Бётлингком с монгол. *büdür bedür* '(ходить) плохо и косо' (Бётлингк, *608*).

Э.В. Севортян оспаривает мнение Г. Рамстедта и М. Рясянена о монгольском происхождении рассматриваемого глагола (ЭСТЯ II, *287*). Это мнение в полном объеме действительно вызывает сомнения, но не исключено, что в отдельных источниках перед нами монголизм. Ср., в частности, тув. *бүдүрү-* (в ЭСТЯ не включенное) и п.-монг. *büdüri-* 'спотыкаться; делать ложный шаг'; а также чаг.

бүдрүү- 'кувыркаться' (РСл. IV, *1900*). Тувинские и чагатайские формы наиболее близки к монгольским.

бүдүү I [үъ] 'втихомолку, скрытно, тайно, исподтишка'.

бүдүү II [үъ] **1.** *уст.* 'последнее число месяца (по лунному календарю)', **2.** 'канун'.

Ср. як. *бүтүү* 'окончание, конец; окраина'.

Тув. *бүдүү* I, II, хотя и являются в настоящее время омонимами, имеют, однако, общее происхождение. Оно, как и у як. *бүтүү*, связано с монгольскими языками: ср. п.-монг. *bitegü̈*, монг. *битүү* 'не имеющий выхода, отверстия; глухой, закрытый со всех сторон; тайный, потайной, скрыт(н)ый' // 'скрытно, в тайне', а также п.-монг. *bitegü̈(n)*, монг. *битүүн* 'последний день (30-е число) месяца'; 'новолуние, канун нового месяца; канун Нового года'; калм. *бүтү* 'закрытый, глухой; сплошной; петля (на одежде); духота; скрытно, незаметно', бур. *бүтүү* 'закрытый, глухой, сплошной'; 'пробой; вешалка (у одежды)'; 'название последней ночи старого года по древнему монгольскому календарю'; 'скрытно, незаметно; про себя'.

Все эти случаи — производные от глагольных основ *bite-* ~ *büte-/бүтэх* 'закрываться, закупориваться'. См. также **бүде-**.

бүдүүлүк 'примитивный, отсталый, темный, невежественный; грубый, вульгарный'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *bidegülig*, монг. *бүдүүлэг* 'грубый, необделанный'; 'некультурный, невежественный; отсталый, примитивный'.

бүдээ- I [үъ] 'покрывать, окутывать (туманом, дымом и т.п.)'.

Монголизм. Тув. *бүдээ-* связано с монгольским словом типа п.-монг. *bütegē-/*монг. *бүтээх* 'покрывать, накрывать, прикрывать', которые, в свою очередь, представляет собой форму каузатива от глагольной основы со значением 'закрываться' и под. (см. **бүде-, бүдүү I, II**). Ср. также **бүдээлге**.

бүдээ- II [үъ] *уст.* 'совершать длительное моление (в закрытой со всех сторон юрте)'; **бүдээл** [үъ] *уст.* 'длительное моление' (в указанных условиях).

Глагольная основа *бүдээ-*, по всей вероятности, связана своим происхождением с монгольскими основами типа п.-монг. *bütügē-/*монг. *бүтээ-* 'исполнять, совершать, выполнять' — формой побудительного залога от *бütü-/бүтэх* 'удаваться; осуществляться, исполняться'. *Бүтээл* восходит к монгольскому же производному от указанной основы *bütügēl/бүтээл* 'создание, творение, произведение; исполнение, совершение; совершенствование, созерцание, размышление'. В свою очередь, на основе указанного имени образовано монгольское имя деятеля типа п.-монг. *bütügēlči(n)*/монг. *бүтээлч(ин)* 'совершитель, исполнитель; созерцатель, аскет, затворник, отшельник'.

В тувинском языке отмечено также выражение *бүдээл бүдээ-* 'совершать длительное моление'... По-видимому, семантика глагола *бүдээ-* в тувинском языке обусловлена влиянием сущ. *бүдээл* 'длительное моление' (< 'созерцание в одиночестве, затворничество'). Вместе с тем в тувинских словах *бүдээ-* и *бүдээл* наблюдается конкретизация значения их прототипов (моление в закрытой со всех сторон юрте), что, возможно, является следствием совмещения в тувинском (а отчасти и в монгольских языках) глаголов-омонимов со значениями 'исполнять', с одной стороны (см. выше), и 'закрывать' — с другой (см. **будээ- I**).

бүдээл см. **бүдээ- II**.

бүдээлге [уъ] 'летний головной убор из сукна (для защиты от дождя); капюшон, башлык'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *bütügēlge*, монг. *бүтээлэг* 'покрывало'. См. также **бүдээ- I**.

бүзүре- 'верить, доверять, надеяться; убеждаться'; **бүзүрел** 'вера, уверенность, доверие; надежда'.

Монгольские заимствования. Ср. стар. п.-монг. *büsire-*, п.-монг. *bisire-*, монг. *бишрэх* 'верить, благоговеть; почитать, уважать', калм. *биширх* 'благоговеть', а также соответственно *büsirel*, *bisirel*, монг. *бишрэл* 'вера; благословение; благоговение; почитание; почтение', калм. *биширл* 'благоговение'.

Тув. *бүзүре-* и *бүзүрел* связаны происхождением, скорее всего, со старописьменными монгольскими формами слов. Об этом свидетельствует как вокализм первых двух слогов, так и свистящее качество согласного (*-з-*). В старописьменном монгольском сохраняется написание типа *-si-*. В этом сочетании *s* должно читаться как *š*(*ш*), но в принципе оно может быть прочитано и как *s*(с), что, по-видимому, и имело место в данном случае.

бүзүрел см. **бүзүре-**.

бүзээле- 'окружать, осаждать, блокировать'; **бүзээлел** 'осада, окружение, блокада'.

Тув. *бүзээле-*, судя по семантике, принадлежит к числу поздних монгольских заимствований, проникших, по всей вероятности, через старописьменный монгольский язык: ср. п.-монг. *büsele-*/монг. *бүслэ-* 'опоясывать(ся), надевать кушак, пояс'; 'окружать, оцеплять, осаждать' < *büse/бүс* 'пояс, кушак'. Происхождение долготы гласного второго слога не вполне ясно.

бүзээлел см. **бүзээле-**.

бүк- [уъ]: **чоорган-биле бутту бүк-** 'обернуть ноги (спящего) одеялом'. Тув. *бүк-* (в указанном словосочетании) имеет соответствие общетюркского характера в вариантах типа *бүк- ~ пүк-* (реже — *бүк-*) 'гнуть(ся), сгибать(ся); крутить, вертеть; обертывать, завертывать' и т.п. (ЭСТЯ II, *290 и след.*). См. также **булуң**, **бүг**, **бүк**.

бүк [үъ] 1. 'закрытый от ветра, защищенный от ветра горами (о горных впадинах)', 2. 'горная впадина, узкая горная или речная долина'. Тув. *бүк* является одним из соответствий общетюркского имени *бүк ~ пүк ~ бук* 'сгиб, изгиб; поворот (реки), долина между гор по течению реки' и др. (ЭСТЯ II, *290—291*), которое, в свою очередь, соответствует глагольной основе *бүк-* 'гнуться' (см. **бүк-**). К сожалению, тув. *бүк-* и *бүк* не отражены в ЭСТЯ.

По-видимому, соответствующие именные и глагольные основы гомогенны тем, которые характеризуются заднерядным вокализмом и для которых нами реконструирована исходная основа **бу-*, связанная с понятием сгиба, поворота и т.п. См., в частности, **булуң**. Вероятно, достаточно древнее значение *бүк...* связано с понятием отделения, изолированности, закрытости и носило адъективный характер: ср. тув. *бүк* 'закрытый от ветра'... и як *бүк* 'тихий, безветренный' (о месте). Подобная семантика иногда прослеживается и у глагольного коррелята основы *бүк* (напр., як. *бүк-* 'укрываться, прятаться').

бүлүгүр- [үъ] 'опрыскивать, прыскать, обрызгивать (напр., водой изо рта)'. Ср. др.-тюрк. *bükür-* 'брызгать, опрыскивать окроплять', *bürkir-* 'обрызгивать', *bürkür-* 'опрыскивать, обрызгивать; брызгать, разбрызгивать' (ДТС, *132*, *133*), чаг. *бүркүр-* 'брызгать' (РСл. IV, *1891*), кирг. *бүрк-* 'брызгать изо рта; сплевывать, выплевывать', кр.-тат. *бүрүк-* 'брызгать воду ртом', тоф. *бүрһүр-* 'прыскать изо рта воду' (< *бүр-һүр-*) (Рассадин. Морфология, *242*).

Глагольные основы, приведенные выше, связаны со звукоподражанием. Тув. *бүлгүр-*, по-видимому, < *бүркүр-*, с диссимилятивным изменением *-р- > -л-* в первом слоге, что прослеживается и в других подобных случаях: ср. **аржыыл**, **бүлгээр**. В тодж. *бүъргүр-* 'прыскать' налицо, таким образом, не ассимиляция *-л-* под влиянием *-р-* (Чадамба 1974, *55*), а сохранение первоначального качества *-р-*; ср. **былгыр-**.

бүлгээр [үъ] 'деревянный перегонный аппарат (для получения араки)'. Монголизм. Тув. *бүлгээр*, скорее всего, связано непосредственно с совр. монг. *бүрхээр* 'колпак; конусообразная бочка для гонки вина' (< *бүрхэх* 'покрывать, накрывать'). В тувинском слове имеет место диссимиляция *р > л*, характерная для *р* в позиции перед аналогичным согласным последующего слога (ср. **аржыыл**, **бүлгүр-**). См. **бүрге-**.

Ср. также тодж. *бүъргээр* 'перегонный аппарат', где сохраняется первоначальный характер сонанта *-р-*.

бүлүрер- 'тускнеть, быть тусклым, слабо освещаться'; **бүлүргей** 'тусклый, с тусклым освещением; матовый'; **бүлүртүң** 1. 'сумрачный, серый, мрачный', 2. 'полумрак, сумрак'.

Ср. хак. *пуле-* 'мерцать (о свете); неясно виднеться (в сумерках)', *пулес* 'тусклый, чуть мерцающий, едва различимый (в сумерках)';

а также хак. (койб.) *пӱлӓ* 'свет, мерцание', *пӱлӓс* 'слепой' (РСл. IV, *1401*), кирг. *булбул* 'тусклый, чуть мерцающий'.

Очевидно, слова этого круга связаны с образной основой ***бул* (***пул*), обозначающей тусклый, слабый свет, которая в виде повтора отражена в кирг. *булбул*.

По-видимому, существовала и основа ***булур* ("распространенная" образная или именная), от которой образованы тув. *булурер-* (> *булургей*), а также *булуртуң* (ср. **имир[тиң]**).

бүлүргей см. **бүлүрер-**.

бүлүртүң см. **бүлүрер-**.

бүле- 'становиться чуть теплым (о жидкости)'; **бүлээн** 'чуть теплый (о жидкости)'.

Ср. п.-монг. *bülegen*, монг. *булээн*, калм. *булән* 'теплый' (см. также ЯМВМ, *129*). Вместе с тем по имеющимся источникам, в монгольских языках не зафиксирована глагольная основа, соответствующая тув. *буле-*.

Возможно, в самом тувинском языке *булээн* было осмыслено как форма причастия на *-ган* (*булеген* > *булээн*) от соответствующей глагольной основы (***буле-*). Не исключено однако, что ее исходная форма существовала и в каких-то монголоязычных источниках, откуда и была заимствована тувинским языком.

Соответствия *буле-* и *булээн* в тюркских языках не обнаружены.

бүрге- [үь] 'окружать, обступать, охватывать; обертывать, заворачивать, закутывать, окутывать; заволакиваться, затягиваться, покрываться (тучами), становиться пасмурным, ненастным'.

В тюркских языках имеются глаголы *бур- ~ буре- ~ бурке-* (причем наиболее распространен последний вариант) со значениями 'покрывать, закрывать; заворачивать, завертывать; заволакивать; быть пасмурным' и т.п. (ЭСТЯ II, *296—297*).

Э.В. Севортян склонялся к мнению, что двухсложные варианты образованы от именной основы ***бур*, соотносительной с *бур-*, с помощью глаголообразующих аф. *-е* и *-ке*, но в то же время допускал, что они могли образоваться и от глагольной производящей основы *бур-* "с помощью тех же показателей в их учащательно-интенсифицирующем значении и приглагольной функции" (ЭСТЯ II, *297*). Более определенно установить структуру *бурке-* и его соответствий, в том числе тув. *бурге-*, затруднительно. В ЭСТЯ отмечено также, что тюркские глаголы имеют монгольские параллели типа *büri-/бүрэх* 'покрывать, заворачивать, обивать (мебель)' и *bürkü- ~ bürke-/бүрхэх* 'становиться облачным, пасмурным; покрывать, заворачивать; затемнять, помрачать' (ЭСТЯ II, *298*).

Таким образом, не исключено, что в части тюркских языков (в том числе в тувинском) формы типа *бурке- ~ бурге-* могут иметь монгольское происхождение. Н.Ф. Катанов придерживался подоб-

ного мнения относительно тувинского слова (Опыт, *426*), однако едва ли этот вопрос допускает столь однозначное решение. Среди вариантов указанного глагола есть монголизм (см. **бүрү-**), а среди производных — как монголизмы (см. **бүлгээр**), так и слова, которые (в частности, по фонетическим основаниям) не могут быть отнесены к их числу: см., напр., тув. *бүргег* 'ненастный, пасмурный; ненастье, пасмурная погода'.

бүргүт 'беркут'.

Общетюркское; отмечено в вариантах *бүркүт ~ бүргүт*... 'беркут, орел, коршун, хищная птица'. По Э.В. Севортяну, *бүркүт* и др. — производное, образованное с помощью аф. -(α)*т* от учащательно-интенсивной формы (**бүркү-*) глагола *бүр-* 'хватать добычу когтями', 'хватать добычу (о беркуте)' и под. (ЭСТЯ II, *300*). С *бүркүт* гомогенно, в частности, ккалп. *бүркет* 'цепкий, хваткий'.

У тюркского слова есть близкое монгольское соответствие *bürgüd/бүргэд* 'орел, беркут', представляющее собой, скорее всего, тюркизм. Вместе с тем Э.В. Севортян, вслед за Г. Дёрфером, допускает, что "тюрк. формы с *-г-* (*бүргүд*) имеют своим источником монгольский..." (ЭСТЯ II, *300*), что вероятно и в случае с тув. *бүргүт*.

бүртүк [ъ] *редко, фолькл.* 'плохой' (АА, *14, 214*).

Общетюркское; распространено в основном в вариантах *бүртүк ~ бүртик* и др. со значениями 'зерно, зернышко; маленький кусок, крупинка, крошка'; 'очень маленький' и т.п. Оно считается производным, образовавшимся при помощи аф. -(α)*к* от глагольной основы **бүрт-* с предполагаемым значением 'отрываться, отпадать' (о кусочках, частицах) (ЭСТЯ II, *301*; иначе: ИОЭАЯ, *177—178*). В тув. *бүртүк* (отсутствующем в ЭСТЯ) произошел, по-видимому, семантический сдвиг (через этапы 'маленький' > 'жалкий' > 'плохой' ?).

Возможно, мы имеем дело с заимствованием, но едва ли с монголизмом. Для монгольских языков бесспорные соответствия слова *бүртүк* малохарактерны. К их числу относится бур. диал. *бүртэг* 'мусор, сор; сорный, пыльный, в пыли', считающееся тюркским заимствованием'. См.: Рассадин (Этимология, *130—131*); ср. **быртак**.

бүрү- 'обтягивать, обшивать (напр., кожей)'.

Ср. глагольную основу *бүре- ~ бүру-*, распространенную в огузских языках тюркской семьи и означающую 'покрывать, накрывать; заворачивать, обертывать' и т.д.; она гомогенна с *бүр- ~ бүрке-* (см. **бүрге-**). Однако у тув. *бүру-* есть соответствие и в монгольских языках: ср. п.-монг. *büri-*, монг. *бүрэх* 'покрывать, заворачивать; оббивать (мебель)', бур. *бүрихэ* 'обшивать, обтягивать, оббивать (мебель)', калм. *бүрх* 'заворачивать; укрывать, покрывать, обтягивать'. Тув. *бүрү-* явно ближе монгольскому слову, чем соответствию в

огузских (тюркских) языках. Оно, по-видимому, было заимствовано в определенном, специализированном значении из монголоязычных источников.

бүрү I 'лист (дерева, растения)'.

Ср. тоф. *бур* 'листья, хвоя; бутон', др.-тюрк. *bür* 'почка (растения)', алт. *бур* 'лист; ветка; почка', хак. *пур* 'лист', турк. *пур* 'хвоя; крона (дерева)', каз. *бұр* 'почка; шишка; хвоя', кирг. *бур* 'молодые листочки', тат. *бөре*, башк. *бөрө* 'почка (растения)'; чул.-тюрк. *пур* 'листва'.

Как видно, в тюркских языках соответствия тув. *бүрү* распространены в основном в односложной форме (*бур* ~ *пур*); структурно тувинское слово ближе его соответствию в татарском и башкирском языках. По мнению Л.В. Дмитриевой (ИОЭАЯ, *177—178*), у этих названий прослеживается связь с глагольной основой *бур-* 'стягивать, затягивать (с образованием складок)' (см. о ней также: ЭСТЯ II, *294—296*), производными от которой являются, в частности, двухсложные варианты наименований типа тув. *бүрү* (< *бур-ү*). Односложные варианты являются, таким образом, непосредственными соответствиями указанной глагольной основы. С семантической точки зрения эта связь объясняется Л.В. Дмитриевой тем, что "различительным признаком почки растений... является... покрытие, окутывание оболочкой".

Но в таком случае более логично было бы сопоставить глагольную основу *бур-* с иной семантикой ('покрывать, накрывать; завертывать, сворачивать' и под.), которую Э.В. Севортян обоснованно рассматривает как омонимичную к *бур-* 'стягивать'... (ЭСТЯ II, *294—297*). Таким образом, лист(ья), листва (ветка, крона и т.п.) — это то, что покрывает, образует покров. Ср. также тюрк. *йапрак* (и его многочисленные фонетические и морфологические варианты) 'лист (дерева, растения)', которое А. Вамбери сближал с глаголом *йап-* 'покрывать'. Это мнение было поддержано и некоторыми другими исследователями, однако "точка зрения А.В. Вамбери и др. остается необоснованной семантически..." (ЭСТЯ IV, *131*; см. также: ИОЭАЯ, *159*).

С этим трудно согласиться, поскольку в логическом плане связь названия листа и глагола со значением 'покрывать' не вызывает сомнений, а кроме того, едва ли случайно, что такая связь на материале тюркских языков возникает по меньшей мере в двух случаях. В случае со словом *бур(ү)* закономерен также вопрос о том, какое значение первично: 'лист' или 'почка'. Первичность последнего (по Л.В. Дмитриевой) небесспорна. Вполне вероятно, что исходным могло быть значение 'лист'. Не случайно, что в некоторых тюркских языках Сибири слово *бур* (*пур*) обозначает только лист, а в значении 'почка' употребляется та же основа с добавле-

нием уменьшительного аф. *-чык* (*бүрчүк ~ пүрчүк*) (см.: РСл. IV, *1400*; ИОЭАЯ, *177*). Совмещение у части слов семантики 'лист' и 'почка' или наличие у некоторых из них только значения 'почка (растения)' могло быть результатом вторичного влияния на семантику слов глагольной основы *бүр-* 'стягивать, затягивать'. Кроме того, почка могла мыслиться как нечто уже распускающееся, образующее лист (ср. кирг. *бүр* 'молодые листочки', хак. *пүрчүк* 'распустившаяся почка').

бүрү II 'всякий, каждый'.

Тув. *бүрү* относится к числу определительных местоимений, несомненно, заимствованных из монгольских языков (ИП, *244*), где соответствие тувинского слова (ср. п.-монг. *büri*, монг. *бүр*, бур. *бүри* и др.) считается послелогом, употребляемым в значении 'всякий, каждый' после определяемого существительного, что сохраняется и в тувинском: ср. *хүн бүрү* 'каждый день', *кижи бүрүзү* 'каждый человек' и т.п. Ср. также **бүрүн**.

бүрүл- 1. 'морщиться, коробиться, мяться', **2.** *перен.* 'умирать (обычно о детях)'; **бүрүш-** см. **бүрүл- 1.**

Тув. *бүрүл-* 1 — форма медиопассива от глагольной основы типа *бүр-* 'делать складки; морщить; стягивать; складывать', характерной для ряда тюркских языков или *бүрү-* (ср. уйг. диал. *бүрү-* 'морщиться'); *бүрүш-* имеет близкие соответствия в основном в кыпчакских языках с семантикой 'морщиться, покрываться морщинами (складками); съёживаться, скручиваться', истолковываемые как медиальная форма на *-(α)ш* от *бүр-* с указанными значениями (ЭСТЯ II, *294—295*, где, однако, отсутствует тув. *бүрүш-*); ср. также **бырыш-**. Менее ясно происхождение *бүрүл-* 2: в принципе это, возможно, действительно переносное значение глагола *бүрүл-* 1, но вместе с тем привлекает внимание наличие у *бүрүл-* 2 соответствия в монгольском языке; ср. п.-монг. *büril-*/монг. *бүрлэх* 'умирать; разоряться'. Не исключено, что возникновение переносного значения у тув. *бүрүл-* обусловлено монгольским языковым влиянием.

бүрүн 'всё, целиком, полностью'.

Относительно тув. *бүрүн* в "Грамматике тувинского языка" сказано, что оно "имеет общую этимологию с монг. *бүрэн*, употребляемым в том же значении" (ИП, *239*), но точнее было бы определить тув. *бүрүн* как монгольское заимствование: ср. п.-монг. *bürin*/монг. *бүрэн* и др. со значениями 'всё, полностью, целиком, вполне; весь, целый, полный' (ЯМВМ, *129*).

В свою очередь, монгольское слово, возможно, является производным от *büri-* 'покрывать'... (см. **бүргe-**, **бүрү-**).

бүрүс, кижи-бүрүс *уст.* 'обезьяна'.

Бүрүс (чаще — *кижи-бүрүс*) относится к числу не вполне ясных по значению и в целом малоупотребительных слов тувинского

языка. Некоторые носители языка истолковывает [*кижи-*]*бүрүс* как 'снежный человек', 'первобытный человек' и т.п. В целом, речь идет о человекообразном существе, по уровню развития уступающем человеку. Значение 'обезьяна' у слова *кижи-бүрүс* возникло, по-видимому, поздно, в 30-х гг. нашего столетия, когда при переводе с русского на тувинский язык школьных учебников потребовалось найти соответствие рус. *обезьяна* или, точнее, *человекообразная обезьяна*.

Первая часть наименования *кижи-бүрүс* связана со словом *кижи* 'человек' (см. **кижи**).

Бесспорных соответствий тув. *бүрүс* не обнаружено. У хакасов отмечен этноним *пүрүс* (*бирюсинцы*)[1] — название части сагайцев, с которым В.Я. Бутанаев сопоставляет *бүрүс*, истолковываемое со ссылкой на сообщение М.Б. Кенин-Лопсана, как "мифический снежный человек, обитавший в тайге". По мнению В.Я. Бутанаева, "не исключена возможность, что подобный персонаж тувинского фольклора возник в результате контактов с таежными бирюсинцами" (Этнические и этнокультурные контакты у народов Сибири: История и современность. — Кемерово, 1992. — С. 55). Там же указывается, что "образование бирюсинской этнической группы, по всей видимости, относится к началу XVIII в., ибо ранее подобный этноним не был известен".

Таким образом, согласно этой версии, тув. [*кижи-*]*бүрүс* возникло на основе этнонима. Но могло быть и наоборот, особенно если учесть, что последний, по Бутанаеву, появился относительно поздно и, возможно, отражает прозвище, данное степняками-скотоводами таежным охотникам-звероловам, находившимся на более примитивной стадии развития.

В.Я. Бутанаев констатировал, что "их (бирюсинцев — *Б.Т.*) таежная культура вызывала насмешку у степных хакасов", и, в частности, это обстоятельство отразилось в приводимой им характерной дразнилке. Интересно также, что «в народе этноним "бирюсинец" производят от слова "пурус" (*пурус*? — *Б.Т.*), которое характеризует речь с неясным произношением и с усеченными грамматическими формами (Там же, *56*).

На наш взгляд, *бүрүс* ~ *пүрүс* могло быть связано своим происхождением с тюрк. глагольной основой *бүр-* ~ *пүр-* 'стягивать, суживать', а также 'делать гримасы' и т.п. (см.: ЭСТЯ II, *294—295* и статью **бүрүл-**).

Среди производных от *бүр-* — именная основа, образованная с помощью аф. *-ы(ш)* (> *-(ы)с*): кум. *бүрүш* 'морщина, складка', каз.

[1] В свою очередь, с этим этнонимом связаны хакасские личные имена *Пүрүс* и *Пүрүстей*. См. Бутанаев В.Я. Хоорай аттары. Личные имена хакасов. — Б. м. — С. 43.

бүрїс, башк. *бүрїҫ* 'съежившийся, сгорбившийся' (последнее имеет также диал. значение 'зловредный').

Возможно, от того же глагола образовано (с помощью аф. *-(ы)з*) и тур. *pürüz* 'неровный край; недостаток, изъян; препятствие, затруднение' (ТурРС 1977, *728*); в других источниках у этого слова приводятся также значения 'пятна, кляксы', 'остатки вина, одонки' (РСл. IV, *1397*; ТурРС 1945, *495*).

В целом, подобные производные от *бүр-* (*пүр-*) обозначают нечто неполноценное, жалкое, дефектное и т.п., что соответствует возможному исходному значению тув. [*кижи-*]*бүрүс*. С точки зрения формы тув. *бүрүс* ближе тур. *pürüz*.

бүрүтке- 'регистрировать; заполнять (напр., анкету); производить опись'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *büritge-*/монг. *бүртгэх* 'окончить, исполнить, совершить; проверять наличие, учитывать; регистрировать', производное от *bürin*/*бүрэн* (см. **бүрүн**).

бүрүткекчи 'регистратор'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *büritgegči*/монг. *бүртгэгч* 'учетчик, счетчик; регистратор'. См. **бүрүтке-**.

бүрүткел 'анкета; ведомость; опись'.

Как и предыдущие слова (см. **бүрүтке-**, **бүрүткекчи**), тув. *бүрүткел* относится к числу монгольских заимствований: ср. п.-монг. *büritgel*/монг. *бүртгэл* 'учет; регистрационная книга'.

бүрүш- см. **бүрүл-**.

бүрээ 'музыкальный инструмент (длинная труба, входящая в состав оркестра лам, играющего при богослужении)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *bürijē* ~ *büregē*, монг. *бүрээ* 'большая труба (музыкальный инструмент); труба, рожок, горн'.

бүрээ-бүшкүүр *собир.* см. **бүрээ**, **бүшкүүр**.

бүт- [ъ] 'сбываться, исполняться, осуществляться; налаживаться, идти на лад; происходить; зарастать, заживать (о ране)'.

В тюркских языках отмечена широко распространенная глагольная основа *бут-* ~ *бит-* (< *бүт-*), однако ее главные и, как считал Э.В. Севортян, старейшие значения иные, чем у тув. *бүт-* ('кончаться, оканчиваться; прекращаться, быть оконченным; завершать; быть уничтоженным, исчезать' и под.) (ЭСТЯ II, *152—154*).

Также отмечена основа *бүт-* ~ *бит-* и со значениями 'исполнять(ся), совершать(ся); происходить' (т.е. с семантикой, близкой той, которая отмечена у тувинского слова).

Такие значения встречаются уже в текстах старейших памятников, но они с вышеприведенными "прямо не соотносимы, и путь их выработки остается неясным". Кроме того, Э.В. Севортян отмечал, что семантика типа 'исполнять(ся)'... образует "главную часть семантического состава монгольского соответствия тюрк. *бит-*" (ЭСТЯ II, *154*). Указанное соответствие является двухслож-

ным словом (*bütü-* ~ *büte-* 'быть исполненным, осуществленным' и т.п.).

Тув. *бүт-* является, скорее всего, исконно тюркским словом; эта глагольная основа достаточно продуктивна в тувинском языке, что служит одним из доводов в пользу ее собственно тюркского происхождения.

бүүзе *ист.* 'китайская торговая фактория'.

Принадлежит к числу относительно поздних (конец XIX — начало XX вв.) заимствований, по-видимому, непосредственно из китайского языка. Соответствие тув. *бүүзе* имеется и в монгольском языке: ср. п.-монг. *püse*, *püüse* (< кит. *пу-цзы*) 'лавка, магазин; торговая фирма', монг. *пүүс* то же.

бүүле 'десна'.

Тув. *бүүле* имеет близкие соответствия в языках сибирских тюрков. Оно и его варианты считаются монгольскими заимствованиями (см.: EW, *92*; Рассадин. МБЗ, *19*, *67*). Ср., напр., п.-монг. *büjile*, калм. *bülə* 'десна'. В то же время некоторые из этих вариантов явно не сводимы к монгольским формам, в частности алт. (леб.) *пүглө* 'десна'.

Долгота в тувинском языке также не образуется из сочетания гласных с интервокальным *-j-*. Во всяком случае, убедительных примеров перехода сочетаний гласных с интервокальным *-j-* в долгие на тувинском материале не обнаружено.

Монгольские же сочетания звуков типа *-üji-* могут восходить к **-ügi-* (Владимирцов. Ср. грамматика, *269*), и с учетом алт. диал. *пүглө* можно полагать, что первоначальной формой п.-монг. *büjile* было **bügile*. Однако происхождение монгольского слова остается неясным и его возможные связи с тюркским языковым материалом — также. В тюркских языках наиболее употребительно название десны в виде сочетания *тиш эти* (*диш эди*) (букв. 'мясо зуба'), но в них имеются и другие ее наименования, возможно, также имеющие тюркское происхождение. К ним, вероятно, относится и *бүүле* с его соответствиями. В связи с этим следует отметить сходство (может быть, не случайное) *бүүле* и *бүг* в составе наименования *диш бүү* 'альвеола' (см. **бүг**). Допустимо, что название десны было производным от **бүгүл-* — формы страдательного залога от **бүгү-* или **бүг-* 'сгибать(ся)', и тогда *бүүле* и под. < **бүг(ү)ле*.

Впрочем, тув. *бүүле* могло быть и монголизмом. В таком случае долгота гласного в его первом слоге восходит к сочетанию *-ügi-* в предполагаемом монгол. **bügile* или отражает качество соответствующего долгого гласного в современных монгольских языках (ср., напр., калм. *bülə*), если тувинское слово является поздним заимствованием.

бүүрек 'почка' (*анат.*); 'кончик пальца руки (мягкая часть, "подушечка" пальца)'.

Тув. *бүүрек* ранее могло означать также 'почка (растений, деревьев)', о чем свидетельствует производная глагольная основа *бүүрек-тел-* 'образоваться — о почках на дереве'.

Слово имеет соответствия общетюркского характера (варианты — *бөвүрек*, *бөгрек*, *пүгүрек* и др.) с семантикой 'почка, почки' (анат.) (чаще всего). В некоторых источниках отмечены также значения 'почка' (бот.), 'сердце (и легкие)', 'половые железы', 'грыжа', 'курдюк'. Отмечена также семантика качественного прилагательного типа 'пухлый', оцениваемая как переносная (ЭСТЯ II, *206*).

По своему внешнему облику тув. *бүүрек* относится к числу соответствий из тех языков (главным образом восточнотюркских), для которых характерен узкий гласный начального слога. Судя по долготе, исходной формой *бүүрек* была **пүгүрек ~ *бүгүрек*, ближайшие соответствия которой отмечены в диалектах хакасского и алтайского языков (ЭСТЯ II, *205*).

В одной из статей данного словаря (см., в частности, **бөөртең**) уже практически давалась этимология *бүүрек* (как уменьшительного от *бөгүр ~ бөвүр* 'бок, бедро, ляжка, печень' и т.д., которое, в свою очередь, связано с глагольными основами *бөг- ~ бүг-* 'сгибать' и под.). Характерно, что название почки в других языках, за пределами тюркских, также является производным от глаголов со значением 'крутить, вертеть'. См.: Абаев IV, *123*.

бүүрелчин 'холм, пригорок, бугор'.

Непосредственные соответствия в других тюркских языках не установлены. Судя по некоторым особенностям внешнего облика (окончание на *-лчин*), слово, возможно, имеет монгольское происхождение, однако и в монгольских языках его корреляты нам неизвестны.

Следует также отметить, что в некоторых случаях происхождение сочетания *-лдж-* в монгольских языках связано с тюрк. *-ш-* в интервокальном положении (см. **коргулчун**, **элчиген**).

Тув. *бүүрелчин*, возможно, гомогенно с тюрк. *бүкүрү ~ бүкри ~ бүгри* и под., означающим 'горб(атый), изогнутый'; 'бугор, выпуклость', образовавшимся с помощью аф. *-ы* от глагольной основы типа *бүкүр-* 'сгибаться, скорчиваться' (ЭСТЯ II, *293*), которая, в свою очередь, связана с тюрк. *бүк* 'изгиб' или *бүк-* 'сгибать(ся)' (см. **бүк-**, **бүк**); ср. также образования на *-(ы)ш* от *бүк-* — *бүкүш ~ бүгүш* 'сгиб, складка' (ЭСТЯ II, *292*). Возможно, существовали и тюрк. **бүкүрүш* > **бүгүрүш* (< *бүк-(ү)р-үш* или **бүкүр(ү)шүн* (< глагольная основа *бүкүр-үш-* + (α)*н*), которые затем подвергались омонголиванию, в результате чего могла возникнуть форма **bügürüljin* (**bügüreljin*), откуда — тув. *бүүрелчин*.

бүшкүүр [үъ] 'музыкальный инструмент типа флейты (входит в состав оркестра лам, играющего при богослужении)'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *biskigür* 'флейта, дудка из тростника; название музыкального инструмента вроде кларнета, употребляемого при богослужении', монг. *бишгүүр* уст. 'бичхур, дудка'. См. также: ЯМВМ, *122*.

быгын [ыъ] 'бок (нижняя часть)'.

Общетюркское; отмечено в вариантах *быкын* (древнейший) ~ *быгын* ~ *мыкын* и др. со значениями 'бок, боковая часть тела между нижним ребром и берцовой костью; бедро, филе, пах, поясница'... К числу старейших, наряду с 'бок', относятся 'поясница, бедро, берцовая кость, пах' (ЭСТЯ II, *304—305*).

По мнению К. Брокельмана и Э.В. Севортяна, *быкын* имеет отглагольное происхождение и образовано с помощью аф. *-(ы)н*. Как полагал Севортян, "глагольная основа *быкын* без труда восстанавливается при сравнении ее других производных", к числу которых относятся тур. диал. *bık-mak* 'сустав, сочленение, запястье; мелкие кости выше копыт у баранов и козлов'... и некоторые другие соответствия; отмечено также наличие в тюркских диалектах Западной Сибири (со ссылкой на Д.Г. Тумашеву) именной пары к **бык-*: *пык* 'поясница' (ЭСТЯ II, *305*).

Вместе с тем семантика указанной глагольной основы и ее ближайшие соответствия остаются неясными. Можно предположить, что искомая основа (**бык-* или **пык-*) в данном случае идентифицируется с получившим некоторое распространение в тюркских языках вариантом (заднерядным неогубленным) глагола *бук-* 'сгибать' (вариант *бык-* ~ *пык-* отмечен в турецких и алтайских диалектах, хакасском языке); довольно часто встречается и вариант *бук-*.

Все они отмечаются Э.В. Севортяном в соответствующей статье (ЭСТЯ II, *290—291*), но не связываются с предполагаемой исходной глагольной основой слова *быкын*.

Интерпретация значений типа 'бок', а также 'бедро', 'поясница' и проч. как разновидностей понятия 'сгиб, поворот' и т.п. выглядит вполне логично. Не случайно, по-видимому, что в значении 'бок' широко употребляется тюрк. *бөгүр* ~ *бөвүр*, являющееся наименованием также почки и печени и связываемое нами с переднерядными (*бук-* и др.) вариантами рассматриваемого глагола (см. **бөөртең, бөскек, бүүрек**). Интересно также, что в одном из источников и у *быкын* отмечается значение 'почка' (ЭСТЯ II, *305*).

быдаа 'суп; каша (жидкая)'.

Монголизм. То обстоятельство, что тув. *быдаа* принадлежит к числу монгольских заимствований, отмечалось неоднократно, в том числе Н.Ф. Катановым (Опыт, *138*); см. также ЭСТЯ II, *234*. В свою очередь, Э.В. Севортян склонялся к тому, чтобы считать монголь-

ское слово (ср. п.-монг. *budaγā(n)*, монг. *будаа(н)* 'зерно, зерновые злаки, просо; каша, крупа; еда, обед') связанным с тюрк. *бугдай* 'пшеница' (см. **буудай**) (ЭСТЯ II, *234*), что явно неприемлемо.

Более обоснованной представляется связь монг. *budaγa(n)/будаа* с тюрк. *ботка*... 'каша', интерпретируемая в плане проявления родства тюркского и монгольских языков (см.: ЭСТЯ II, *201*), но более реально говорить здесь, вероятно, о заимствовании из тюркских языков в монгольские.

Тюрк. *ботка* и проч. считается производным от глагольной основы **бот- ~ *бут-* 'мешать, перемешивать' (ЭСТЯ II, *201*).

По характеру изменений гласного первого слога (*у* > *ы*) тув. *быдаа* относится к тому ряду монголизмов, где наблюдается разогубление узкого *у* в указанной позиции; см. **быдара-** и другие примеры подобного характера.

быдара- [ыъ] 'разбредаться; рассеиваться; распыляться'.

В современных тюркских языках довольно широко распространена глагольная основа *бытыра- ~ пыт(ы)ра- ~ бутра-* 'рассеиваться, расходиться; раздробляться, крошиться, рассыпаться; быть разбросанным', и встречается имя *бытыр* 'дробь (охотничья); баурсаки' (тув. *боорзак*).

По мнению Э.В. Севортяна, в основе этих форм лежит подражательная основа *быт*: ср. *бытбыт* 'раздробленный' (каз.) и под., от которой посредством аффикса подражательных глаголов *-ыр* образовался производный глагол *бытыр-*, послуживший основой имени *бытыра*. Глагольная же основа *бытыра-* интерпретируется как учащательная форма на *-а-* от *бытыр-* (ЭСТЯ II, *309*).

Вместе с тем у тюрк. *бытыра- ~ быдара-* есть близкое соответствие в монгольских языках типа п.-монг. *butara-* 'рассеиваться, рассыпаться; мести (о метели); раздробляться, делиться на части, бежать в расстройстве, беспорядке (о разбитом неприятеле)' и его современных соответствий, имеющих свою этимологию (см., в частности: Санжеев. Глагол, *19*), близкую тюркской. Не исключено поэтому, что в тюркских языках (или по крайней мере в части из них: ср., напр., як. *бытарый-* 'раздробляться, рассыпаться, размельчаться; распадаться') мы имеем дело с заимствованием глагольной основы из монгольских.

Следует также отметить возможную связь (гомогенность) вышеуказанной тюркской подражательной основы *быт* и ее монгольского соответствия (*buta* 'напополам; вдребезги'), с одной стороны, и той же основы с тюрк. *бут* 'нога' и *будук* 'ветка' (см. **бут, будук**) — с другой, где наименование базируется на идее разделения, разобщения, которая по-разному реализуется в различных фонетических вариантах слов (с узкими гласными, характеризуемыми огубленностью или ее отсутствием).

Тув. *быдара-*, скорее, является монголизмом, как и некоторые родственные с ним слова (см., в частности, **быдаргай**) и характеризуется, как и часть других монголизмов, переходом гласного *у* > *ы*.

быдаргай [ыъ] **1.** 'разбросанный, разрозненный; рассеянный, распыленный', **2.** *уст. разг.* 'единоличник'.

Монголизм. Ср. п.-монг. *butarχai* 'рассеянный, разбросанный, раскрошенный', дроби (в арифметике)', монг. *бутархай* 'разбитый, раздробленный; рассыпанный, разбросанный', бур. *бутархай* 'разбитый, раздробленный; дробный, мелкий'; 'осколки, обломки, мелочь; крошки, крохи', родственные п.-монг. *butara-*/монг. *бутра-* и под. (см. **быдыра-**).

Для других тюркских языков нехарактерны соответствия тув. *быдаргай*, за исключением отдельных из них: см. як. *бытархай* 'мелкий; кроха, крошка (хлеба), крупинка, мелочь' (Пек. I, *642*).

быжар [ыъ] *диал.* 'корь'; **быжар-думаа** [ыъ] 'оспа'.

Происхождение первого компонента связано с глагольной основой *быш-* 'поспевать, созревать' (о плодах, ягодах, злаках) (см. **быш-** I), субстантивированная причастная форма (на *-ар*) от которой означает, в частности, 'корь'. *Думаа* в качестве самостоятельного слова имеет значения типа 'эпидемия, поветрие' (см. **думаа**); ср. также **улаанот**.

быжы-, быжык- [ыъ] 'крепнуть, укрепляться, упрочиваться'.

Тувинские глагольные основы сопоставимы прежде всего с каз. *пысы-* 'крепнуть, застывать; быть крепко скрученным; стать годным, дельным', помещенным Э.В. Севортяном в ряд производных, которые возводятся им к **быш* и под. со значениями типа **'созревание', 'варка'. Последнее является именным соответствием к глаголу *быш-* 'вариться, печься; созревать' (ЭСТЯ II, *161—163*; см. также **быш-** I). Каз. *пысы-* приведено в ЭСТЯ по словарю В.В. Радлова; в современных источниках приводится главным образом его односложкий вариант *пыс-* 'окрепнуть, закалиться; получить навыки; быть крепко скрученным'. Этимологическая версия Э.В. Севортяна в целом приемлема и может быть отнесена также и к тув. *быжы-* и *быжык-*, отсутствующим в соответствующей статье ЭСТЯ.

У реконструированной именной основы **быш*, возможно, могли существовать также значения вроде 'крепкий, закаленный' и т.п. Ср. фиксацию у глагола *быш-* (*биш-*) переносных по происхождению значений 'закаляться, мужать, быть опытным' и др. (< 'быть зрелым, подготовленным, приготовленным').

Тув. *быжы-* и *быжык-*, по-видимому, образованы от **быш* с помощью аф. *-ы-* и *-(ы)к-* соответственно.

быжык- см. **быжы-**.

быжылгак, быжылган [ыъ] 'опрелость, подопревание (у маленьких детей)'.
Непосредственные соответствия в других тюркских языках отмечены у тув. **быжылган**; они характерны для древнетюркских памятников и огузских языков: ср. др.-тюрк. *bičïlγan* 'трещины на руках, ногах, земле', азерб. *пычылган* 'мокрец' (мокрый лишай у лошади), тур. *biçılğan* 'мокрец; незаживающая рана', которые связываются с глагольной основой *быч-* (*бич-*) 'резать' (АИ, *314*, *319*), а точнее — с формой страдательного залога (*бычыл-*) от *быч-* (ср. **быш-** II) и образуются с помощью аф. *-ган*. Соответственно *быжылгак* связано с той же залоговой формой (аффиксальный элемент — *-гак*).
Быжылгак и *быжылган* гомогенны с *-бышкын*, вторым составляющим композиты *балыг-бышкын* (см. **балыг-бышкын**). В тувинском языке имеется также форма возвратного залога от *быч-* (> *быш-*) — *быжын-*, означающая 'подопревать (о маленьких детях)' и, в свою очередь, родственная *быжылгак* и *быжылган*.
Вместе с тем для тув. *быжылгак*, *быжылган*, а также *быжын-* вполне реальна связь с другой тюркской глагольной основой — *быш-* (*биш-*) 'вариться, печься', 'созревать' и под. или же с ее именным соответствием **быш...* реконструированным Э.В. Севортяном на материале предполагаемых производных от **быш*, в числе которых имеется, в частности, тур. диал. *bişluk* 'краснота на сопревшем месте' (ЭСТЯ II, *162*). Последнее в лексико-семантическом плане практически тождественно рассматриваемым тувинским словам. См. также **быш-** I, **быжар, быжар-думаа, быжы(к)-**.

быжылган см. **быжылгак**.

быжын- см. **быжылгак**.

быжырымчалыг- [ыъ] 'обстоятельный'.
Прилагательное на *-лыг* от именной основы **быжырымча*, образованной при помощи аф. *-мча* (монгольского происхождения) от *быжыр-* 'печь, стряпать, жарить'; перен. 'обстоятельно дорабатывать (доделывать)'. Последняя является формой каузатива от *быш-* 'поспевать; довариваться' (см. **быш-** I). Эта форма зафиксирована в ряде тюркских языков с подобными же значениями, среди которых — 'доводить до совершенства' (ЭСТЯ II, *163—164*).

быза- [ыъ] 'посыпать, рассеивая'; **быскан (или быскан хар)** [ыъ] 'мелкий снег, пороша'.
Ср. тоф. *быъs* (*быъс*, *пыъс*) 'снег-пороша; пороша, изморозь', которое сопоставляется с тув. *быскан* в указанном значении, алт. *бускан* 'пурга', а также с тат. *бес* 'иней, изморозь', башк. *беҫ* 'иней; плесень' (Рассадин. Фонетика, *167*; Рассадин. Словарь). Ср. также алт. диал. *пускак ~ пыскак* 'иней' (Вербицкий, *272*, *279*), шор. *пускак* 'иней' (РСл. IV, *1387*), сиб.-тат. *пыскак йамгыр* 'моросящий дождь' (Тумашева, *181*), тат., башк. *пыскак* 'мельчайшими каплями' (о дожде) и др. (Ахметьянов. ОЛМК, *8*).

Практически этимология вышеприведенных слов в полном объеме исследователями не рассматривалась. Э.В. Севортян из их числа привлек к анализу только алт. диал. *пускак ~ пыскак* 'иней', в нем он выделял глагольную основу *пус- ~ пыс-*, которую предположительно идентифицировал с тур. *buzmak* 'замерзать от холода', где *buz-* — глагольная основа, соответствующая тюрк. *буз ~ бу:з* 'лед, град'. Э.В. Севортян допускал, что *-как* в *пускак*... может быть аффиксом уменьшительности (ЭСТЯ II, *238—239*).

Однако более вероятным было бы связывать входящие в данный ряд слова с другими основами: тюрк. *бус* 'туман, пар' и *бус-* 'дымить, быть пасмурным', как это отчасти сделано в работе Р.Г. Ахметьянова (ОЛМК, *8—9*) (см. также **бус**; ЭСТЯ II, *278—279*).

Основа **быс* (ср. тоф. *быъс*, *пыъс*) может рассматриваться как фонетический вариант *бус*: она также обозначает некую массу, состоящую из мелких частиц. Кроме того, судя по наличию таких форм, как тув. *быс-кан*, алт. *бус-кан* (а также *пус-как* и *пыс-как*), именная основа **быс* могла иметь и соответствие в виде глагола **быс-* 'рассыпать, рассеивать' (ср. тув. **быза-**).

Сложнее дело обстоит с вопросом о включении в рассматриваемый ряд татарского и башкирского слов *бәс*, *бәҫ*; ср. также каз. диал. *бәс* 'пена' (Аманжолов, *368*). Имеющихся материалов недостаточно для окончательного вывода.

Подобно *бус*, **быс* (< *бы-с*) может быть интерпретировано как отглагольное производнос, образованное с помощью аф. *-с*. Возможно, оно гомогенно с такими именами, как, с одной стороны, *быр ~ пыр* 'мелкая пыль; дым, пар' (см.: ЭСТЯ II, *306—307*), где у данной основы допускается подражательное происхождение, а с другой — *быт* с подобной же трактовкой (ЭСТЯ II, *308—309*; см. также **быдара-**).

бызаа 'теленок (до года)'; **бузаа** *диал.* 'теленок' (*тодж.*); 'лосенок' (ВТЯ, *83*).

Общетюркское; распространено в основном в формах типа *бузагы ~ бузагу*... (> *бузаа*, *бызаа*) и *бузаг ~ бузак*... со значениями 'теленок' ('теленок в возрасте до года'), реже — 'ягненок, буйволенок, поросенок' и т.п. (ЭСТЯ II, *239—241*).

Относительно происхождения *бузагы*, *бузаг*... существуют различные версии, из которых наиболее вероятной является этимология Э.В. Севортяна, сближающего эти формы с тур. диал. *buza-* 'рожать' (о корове). Таким образом, *бузагу*... *бузаг ~ бузак* рассматриваются как производные существительные, образовавшиеся с помощью аф. *-кы* и *-г/к* от вышеприведенной глагольной основы (ЭСТЯ II, *241*). В свою очередь, **буза-* происходит от имени **буз* (Там же), реальность которого подтверждается такими производ-

ными, как тур. *быз-ла-* 'отелиться', вост.-тюрк. *буз-ла-* 'родить (о верблюдах)', чаг. *буз-ла-г* 'самка фазана' (РСл. IV, *1736*, *1869*). Возможно, **буз* могло иметь значение 'роды (у животных)' или подобное ему.

бызаң, бызаңчы 'плотник; столяр'.

Ср. п.-монг. *тиǰǰāп ~ тиǰап* 'плотник; столяр', монг. *мужаан* 'столяр', бур. диал. *мэжуунхэ* 'плотничий топор', а также близкие к монгольским формам соответствия в тунгусо-маньчжурских языках (ССТМЯ I, *551*).

По мнению Н.Н. Поппе, монгольское слово, приводимое им в форме *тиǰā̃*, и маньчж. *тиǰап* заимствованы из китайского языка (Поппе. Сол., *60*). Ср. также уйг. *муйаң*, *мужаң* 'плотник, столяр' < кит. *муцзян* (*му* 'дерево', *цзян* 'мастер') (Рахимов, *256*).

Тув. *бызаң* обнаруживает связь с монгольскими формами, но характер его фонетических отличий от них не вполне ясен. Это касается, в частности, отсутствия долготы и соответствия *з ~ ж*. Может быть, слово заимствовано из какого-то другого источника (непосредственно из китайского?).

бызаңчы см. **бызаң**.

быйыргын 1. 'рассыпанный, разбросанный (напр., о сыпи, веснушках); мелкий, убористый (о почерке)', **2.** 'мелкая сыпь на коже'.

Ср. тодж. *быйыраш* 'мелкий'; а также *мыйыр* 'маленький' (ДБХ, *172*, *233*).

Тув. *быйыргын* (*~ мыйыргын*), *быйыраш*, *мыйыр*, видимо, гомогенны с *мыя* 'незначительный' (см. **мыя**), соответствия которого отмечены в некоторых сибирских тюркских языках; в этих образованиях выделяется корень **мый-* (**бый-*) или, возможно, **мый* (**бый*). Структурно *быйыргын* может быть представлено как **бый-* (**бый*) + (α)*р-* (формообразующий или глаголообразующий аффикс) + *-гын*. В свою очередь, **бый-* (**бый*) могло быть связано родством с другими основами: см. **быза-**, **быт**.

былаа- 'отбирать, отнимать'.

Тув. *былаа-*, как и его соответствия в некоторых других тюркских языках (ср., напр., алт. *былаа-* 'отнимать'), является монголизмом (Опыт, *425*). См. п.-монг. *bulija-*, монг. *булаах* 'брать силой, отнимать, захватывать'. Тувинская форма заимствована, скорее всего, из языка типа современного (халха-)монгольского.

Э.В. Севортян включил соответствия тув. *былаа-* (с пропуском последнего) в статью, где рассматриваются тюркские глаголы *була- ~ булга-* 'мешать, мутить'. Этот факт, а также попытка дать тюркскую этимологию подобных соответствий (ЭСТЯ II, *253—255*) ошибочны, что отмечено, в частности, в примечании Л.С. Левитской на с. 254 указанного издания.

былга- 'махать; мешать, помешивать, размешивать; полоскать; обмывать что-л., водя из стороны в сторону в воде; мазать, пачкать'; *перен.* 'перехитрить, запутать'.

В тюркских языках широко распространена глагольная основа в формах *була-* ~ *была-* и *булга-* ~ *былга-* с близкими значениями. В частности, последняя из них означает 'мешать, смешивать; мутить; возбуждать недовольство; пачкать, марать; махать (руками), качать, кивать' и под. (ЭСТЯ II, *253—254*). По мнению Э.В. Севортяна, исходным является значение 'мешать (смешивать), перемешивать'. В ЭСТЯ дается также схема смыслового развития рассматриваемой глагольной основы, в целом достаточно убедительная (ЭСТЯ II, *254—255*).

Форма *булга-* Севортяном считается более древней, чем *була-*, а из фонетических вариантов более старшими определенно являются варианты с узким огубленным гласным *у* в первом слоге. В тувинском языке эта глагольная основа употребляется в вариантах с огубленным и неогубленным гласным (см. также **булган- II**).

Производящей для *бул-а-* и *бул-га-* Э.В. Севортян считал именную основу **бул*, семантика которой, однако, остается непроясненной (ЭСТЯ II, *255*), но, как уже было сказано выше, рассматриваемая глагольная основа (а значит, и производящая основа **бул*), по-видимому, гомогенна с тюркским названием тучи, облака (см. **булут**).

былгыр- [ыъ] 'фыркать'.

Ср. тув.-тодж. *буългур-*, тоф. *бырһыр-* 'фыркать, отфыркиваться', хак. *пыргыр-* 'брызгать (изо рта); фыркать, чихать', кирг. *быр* — подражательное слово (*быр-быр бышкыр-* 'фыркать').

Структурно рассматриваемая глагольная основа образована с помощью аф. *-кыр* от *быр*, *пыр* — подражания фырканью (Рассадин. Морфология, *242*). Тув. *былгыр-* < *быргыр-* < *быркыр-* с диссимилятивным изменением *р* > *л*, как это наблюдалось уже и в других подобных случаях. См. **бүлгүр-**, **бүлгээр**.

былда- [ыъ] 'шарахаться от испуга (о лошади); попадать мимо цели (о пуле)'; *перен.* 'уклоняться, увертываться, увиливать, хитрить'.

Ср. тел. *пулта-* 'бегать туда и сюда' (РСл. IV, *1378*), кирг. *булк(у)-* 'делать резкие, порывистые движения, шарахаться', *булт(а)* — подражательное слово (*булт бер-* 'шарахнуться, испуганно рвануться в сторону'), каз. *булт* — подражание резкому, неожиданному повороту, движению (*булт бер-* 'резко повернуть в сторону'), *бултак* 'извилистый, неровный, зигзагообразный; изворотливый' (Кайдаров, *197*).

Очевидно, производящая основа тув. *былда-* имеет образное происхождение (**булт*) и таким образом *былда-* < **булт-а-*. Вместе с тем образное (подражательное) слово *булт* может быть гомогенно с тюркским словом, обозначающим угол (см. **булуң**).

Тув. *былда-* имеет близкие соответствия в монгольских языках: ср. п.-монг. *bulta-*, монг. *бултах* 'увертываться, ускользать, вырываться, избегать чего-л.', калм. *бултх* 'прятаться, скрываться' (см. также ЯМВМ, *127*). Но едва ли мы имеем дело с монголизмом в тувинском языке: *былда-* более многозначно, чем монгольские слова и содержит более конкретные и, очевидно, более ранние значения (типа 'шарахаться от испуга').

Кроме того, имеется ряд производных от этой основы, в том числе и такие, которые имеют явно архаичный характер. Ср., напр., *былда-мыш* 'увертливый, уклончивый', образованное с помощью аф. *-мыш*, который в тувинском языке является мертвым формантом и встречается в составе лишь отдельных слов: см. **арбыш, чемиш** и некоторые другие примеры.

былда [ыъ] 'запальный фитиль'.

Ср. кирг. *милте* 'фитиль; кант', уйг. *пилтә* 'фитиль (ламповый)', азерб. *пилтә* 'фитиль; крученая нитка или вата'; тел. *мылта* 'фитиль у ружья' (РСл. IV, *2114*), сиб.-тат. *мылта* 'фитиль' (РСл. IV, *2159*), узб. *пилта* 'фитиль'. Некоторые исследователи считают, что в этих случаях имеет место заимствование из персидского, хотя возможное соответствие тюрк. *милте...* в указанном языке заметно отличается от последнего (ср. перс. *fatīla* 'фитиль' в EW, *337*). Вместе с тем в части тюркских языков отмечено слово типа уйг. *пилик* 'фитиль', кирг. *билик* 'фитиль (свечи́, лампы); кромка, обшивка по краям одеяла, орнаментированной кошмы', узб. *пилик* 'фитиль; косоплетка из ваты, вплетенная в конец косички; кусочек ваты на кончике спички или щепки (для окрашивания бровей и ресниц)'..., которое, возможно, гомогенно с *билек* 'запястье' (см. **билек I**) и одновременно родственно *милте ~ пилтә*.

Соответствия последнего имеются и в монгольских языках: ср. п.-монг. *bilta* 'фитиль', монг. *бялт* 'фитиль; пистон, капсюль', которые, по-видимому, относятся к тюркским заимствованиям. Тув. *былда* по фонетическому облику (наличие заднерядного вокализма) заметно отличается от основных его соответствий в тюркских языках (за исключением тел. *мылта*). По-видимому, *былда, мылта* представляют собой монголизм, восходящий к форме типа п.-монг. *bilta*.

былча- [ыъ] 'мазать, марать, пачкать'; **былчак** [ыъ] **1.** 'грязный, замазанный, запачканный, чумазый', **2.** 'клякса, пачкотня, мазня'.

Ср. каз. *былшык* 'гнойное выделение (из глаз)', в котором А.Т. Кайдаров вычленяет образную основу **был* 'нечто влажное, мокрое, мягкое, тягучее, липкое', практически отождествляемую им с **былш* — подражанием шлепанью, звукам, издаваемым при ударе по лицу, при ходьбе по воде, грязи (Кайдаров, *198*).

Более ранняя форма этого звукоподражания — *быч* (*пыч*): ср. кирг. *быч-быч чайна-* 'чавкать', турк. *пыч* — подражание звуку, возни-

кающему при падении на землю хрупких, бьющихся или наполненных жидкостью тел.

Как видно, звуковые представления, связанные с *былч*, заметно варьируют, и это проявляется в семантике производных от данного подражательного слова глагольных основ: ср. турк. *пылча-* (< *пылч-а-*) 'бросать, кидать, ударять обо что-л.' и тув. *былча-* (< *былч-а-*) (в последнем случае *былч* по семантике ближе к каз. **былш*; соответственно структура *былшык* может быть представлена в виде *былш-ы-к*). См. также **мылчыра-**.

Каз. *былшык* соответствует тув. *былчак* 'грязный'... Оба они представляют собой узкорядные варианты общетюркского слова *балчык ~ палчык* 'грязь, слякоть; глина (жидкая)' и т.п. (ср. также каз. *балшык* 'жидкая грязь, вязкая глина'), этимология которого не вполне ясна (см.: EW, *60*; а также: ИБРГ, *129—130*).

По-видимому, *балчык* < *балч-ы-к*: ср., напр., турк. *палч* 'шмяк' (подражание звуку, возникающему при падении с высоты человека, а также при ударе о какой-л. нетвердый предмет) и *палчык* 'глина; грязь, слякоть'.

Э.В. Севортян включал тув. *быльча-* в число тех слов, где наблюдается переход общетюркского корневого гласного *а* в *ы* (ЭСТЯ I, *27, 28*), однако в данном случае мы имеем дело с обычным для тюркских языков чередованием гласных в образно-звукоподражательных основах, отражающим различные модификации звучания (образа): ср., в частности, як. **бал, балк* — звук падения студенистой, полужидкой или тестообразной массы, *был, былх, был-бал* — шлепанье мягкой, полужидкой массы (Харитонов, *260*). Широкорядный вариант подобной основы нашел отражение в тув. *балгаш ~ малгаш* 'грязь, слякоть'... и его соответствиях (см. **малгаш**).

быра I 'рычаг для подъема тяжестей; опора'.

Бесспорных соответствий не найдено. По мнению М. Рясянена (EW, *74*), тув. *быра* может быть сближено с глагольными основами типа *бырак- ~ бырка-* 'бросать, кидать' и под. (см. также: ЭСТЯ II, *307—308*), однако в плане лексической семантики такое сближение затруднительно.

Этимология *быра* остается неясной. Можно лишь допустить, что первоначально слово обозначало шест или длинную палку, "орудие для битья". В таком случае оно могло быть производным от глагольной основы **бар-* 'бить', являющейся твердорядной параллелью к **бер-* с тем же значением (см., напр., **мерге**) и, видимо, судя по производным, когда-то встречающейся чаще, нежели теперь (ЭСТЯ II, *70—71*). Можно полагать, что производным от **бар-* (**пар-*) могло быть чаг. *пар-хі* 'копье' (РСл. IV, *1154*). В тув. *быра*

(? < **бар-а*), как и в ряде подобных случаев, возможно, произошел переход *а* > *ы*.

См. о нем: ИП, *21—23*.

быра II *редко* 'заберeги, первый лед на реке у берегов'; **быраг** *тодж.* 'шуга'.

Ср. также тоф. *бырaг* 'шуга' (Рассадин. Словарь). Гомогенность *быра* и *бырaг* не вызывает сомнения, тем более что они обозначают смежные (и, вероятно, в прошлом совпадающие) реалии, связанные с началом замерзания реки. Других соответствий не обнаружено.

В отличие от *быра* 'рычаг' (см. **быра I**), *быра ~ бырaг* 'шуга; забереги' может быть реально сопоставлено с глагольными основами типа *бырак- ~ бырка-* и под. 'оставлять, бросать, кидать; распускать отпускать' (т.е. в данном случае 'пускать плыть по течению реки — о шуге'). К сожалению, структура вышеприведенных глаголов, распространенных во многих тюркских языках, не вполне ясна и их исходная основа или основы трудноопределимы (см.: ЭСТЯ II, *307—308*). Однако, думается, реальна глагольная основа **быр-* с исходной семантикой, близкой той, которая отмечена у *быр-(а)к- ~ быр-ка-*, а аффиксальные компоненты, возможно, по происхождению были модификаторами с семантикой частоты или интенсивности действия.

Быра, а также его соответствие — тодж. и тоф. *бырaг* могли быть производными от вышеуказанной глагольной основы **быр-*, образованными при помощи аф. *-а* и *-(а)г*.

быра III 'серая степная куропатка (один из видов)'.

Происхождение неясно. Производящая основа, возможно, имеет звукоподражательный характер. Нет ли связи с як. *бараах* 'петушок'?

бырaат *разг.* 'бурят, бурятский'.

Одно из поздних заимствований из монгольских языков (вероятнее всего, непосредственно из бурятского): ср. п.-монг. *burijad*, монг. *буриад*, бур. *буряад* 'бурят(ский)'.

бырaш- 'не уступать, быть равным (в силе, умении); сладить, справиться'.

Соответствия в других тюркских языках не выявлены. Возможно, тув. *бырaш-* родственно п.-монг. *bira*, бур. *бира*, монг. *бяр* 'сила, мощь', у которого имеется также глагольный коррелят: ср., в частности, бур. *бира-ха* 'быть в состоянии, мочь'.

В тувинском языке *быра-ш-* — форма совместно-взаимного залога от **быра-*, которая восходит либо непосредственно к монгольскому глаголу типа *бира-*, либо является результатом конверсии имени типа *bira*, *бира* (ср. случаи типа *тоожу-*, *тввгу-*).

В тув. *бираш-* нашла отражение более старая монгольская форма (с гласным *и*, в дальнейшем претерпевшем т.н. "перелом": ср. монг. *бяр* < *бира*).

быржы [ыъ] *тодж.* 'шрам, рубец'.

Ср. тоф. *bырšы* 'шрам', сопоставляемое В.И. Рассадиным с тув.-тодж. *быржы*, а также с башк. *бирсә* 'шрам, рубец' и относимое к "кыпчакской лексике" (Рассадин. Фонетика, *82—83*, *167*).

Вместе с тем для *быршы* ~ *быржы* есть основания предполагать гомогенность с *бырыш-* 'морщиться; коробиться' (см. **бырыш-**) или, конкретнее, производность от подобной глагольной основы: *бырыш-* + *-ы* > *быршы* > *быржы*.

Башк. *бирсә*, судя по его фонетическим особенностям, могло быть результатом внешнего сходства с *быршы* ~ *быржы*. Оно, возможно, связано с формами типа *берч* 'отвердевшая опухоль' и т.п. (см. **бес** I, II, а также: ИМЧЯ, *181*).

быртак [ыъ] 'слизь; сорняк'.

Ср. тоф. *буъртак* 1. 'грязный, неряшливый', 2. 'грязь, беспорядок (в доме)' (Рассадин. Словарь), як. *бырtах* 'нечистый, поганый, скверный, грязный', хак. *пуртах* 'мутный (о жидкости); грязный, засоренный', алт. (тел.) *пыртак* 'злой дух, демон' (см., в частности: EW, *74*).

М. Рясянен приводит в своем словаре др.-уйг. *bīrt-* 'становиться черным, грязным', тел. *pīrt-* 'темнеть' и п.-монг. *burtaγ* 'грязь; нечистый' (ср. монг. *буртаг* 'грязный, нечистый; грязь, нечистоты'); Поппе. Мук и некоторые другие *burtaq* (Рассадин. Этимология, *130*). По его мнению, алтайское, хакасское и якутское слова — монгольские заимствования, с чем в принципе возможно согласиться. Судя по имеющимся данным, производящая глагольная основа отмечена в (отдельных) тюркских языках, где она, вероятно, связана с именной основой, обозначающей, в частности, 'то, что загрязняет, пачкает': см. сиб.-тат. *бур-ы-м* 'дым, копоть', *пыр*, *пырым* 'сажа', *пырла-* 'испачкаться в саже' (Тумашева, *47*, *181*; см. также **бургу-**). Однако соответствия с тюрк. *быртак* ~ *буртак*... характерны в основном для монгольских языков.

Вместе с тем реально предположить, что, по крайней мере в части случаев, мы имеем здесь дело с собственно тюркским словом. Может быть, например, семантические различия тув. *быртак* и его монгольского соответствия являются свидетельством в пользу этого.

бырыш- 'морщиться; мяться, коробиться'.

В части тюркских языков отмечен глагол (в основном — в форме *буруш-*) 'покрываться морщинами, морщиться', истолковываемый как отглагольный или отыменный, который образовался посредством аф. *-(ы)ш-* соответственно от *бур-* 'крутить, поворачивать, морщить' и т.п. или от его именного коррелята **бур*. Существует

подобное соответствие и у *буруш-* в виде отглагольного имени *буруш* (> *бырыш*) 'морщина, складка' (ЭСТЯ II, *267*). См. также **быржы, бүрүл-, бүрүс**.

быскан см. **быза-**.

быт [ыъ] 'вошь'.

Общетюркское слово; основной вариант — мягкорядный (*бит* 'вошь', реже — 'тля' и т.п.), твердорядный отмечен, кроме тувинского, в якутском (*быт*) и тофаларском (*быът*) (ЭСТЯ II, *151—152*); "более старое состояние" слова реконструируется в виде **би:т ~ *бит* (Там же).

Этимология неясна, но слово, бесспорно, тюркское. Вероятна связь с образной или именной основой, обозначающей нечто малое, мелкое, разделенное на мелкие части и т.п.; ср., напр., каз. *быт-быт* 'раздробленный', тур. диал. *pıtpıt* 'мелкая пшеничная крупа' (ЭСТЯ II, *309*), кирг. *быт-чыт* 'вдребезги, в пух и прах; на кусочки', *бытый-* 'быть коротышкой; быть маленьким, малюсеньким', каз. диал. *бітегене* 'немного, немножко, мало, очень мало' (Аманжолов, *366*). В.В. Радлов дает то же слово в виде *бітәгәнә* и членит его на *бір + тә + гінә* (РСл. IV, *1775*), что не выглядит достаточно ясно и убедительно. Ср. также кар. *битам, битрах* 'слегка, немножко, чуть-чуть'.

Как видно из приведенного материала, предполагаемая исходная основа *быт ~ бит* характеризуется как задне-, так и переднерядным вокализмом.

В ряде тюркских языков *быт ~ бит* имеет соответствие со срединным *-й-* типа *бийт ~ бийит ~ пийт ~ пыйт*, основываясь на котором, А.М. Щербак восстанавливает архетип слова в виде **пыйт* (*пӣjт*), а Э.В. Севортян допускает **бийт* в качестве одного из вариантов архетипа (ЭСТЯ II, *152*). Последнее, вероятно, более обосновано: **пыйт* или **бийт*, в отличие от *быт ~ бит*, могло быть отглагольным образованием от **пый- ~ *бий-... (**пый-* + (*ы*)*т* или **бий-* + (*и*)*т*). В свою очередь, **пый- ~ *бий* (а также **бый-*) следует отождествить с основой **мый- ~ бый-*, которую мы отмечали в составе *быйыргын ~ мыйыргын* и других образований (см. **быйыргын, мыя**). См. также **быза-**.

быш- I [ыъ] 'поспевать, созревать; довариваться (о пище)'.

Общетюркская глагольная основа, существующая в вариантах *быш- ~ биш-*. Семантика 'вариться, довариваться; созревать' является у нее наиболее распространенной; генерализирующим (фактически исходным) считается значение, формулируемое как 'становиться/быть готовым для употребления в пищу', 'доходить до состояния пригодности в пищу'. Чередование *ы ~ и* в интервокальном положении очень старое, но "имеющийся материал не позволяет реконструировать единый фонетический архетип для рас-

сматриваемой основы" (ЭСТЯ II, *162—163*). Не способствует этому и отсутствие сколько-нибудь убедительной этимологии рассматриваемого слова. См. также **бышпак**.

быш- II [ыъ] 'кроить'.

Общетюркская глагольная основа, существующая в вариантах *бич- ~ быч-* и др., в частности вторичных (тув. *быш- < быч-*). Наиболее распространено значение 'кроить'; к числу весьма частотных относится также 'резать' и под. Последнее считается "центральным и генерализирующим" в *бич- ~ быч-* (ЭСТЯ II, *158—159*); 'кроить', действительно, выглядит специализированным, вторичным по отношению к 'резать', и, похоже, не было характерно для древнетюркских памятников (ЭСТЯ II, *158*).

По мнению Э.В. Севортяна, этот глагол является производным от сущ. *би: ~ бы* 'нож', 'лезвие'... образованным при помощи аф. *-ча- ~ -чы-... -ша- ~ -шы-* (изредка глагол встречается в двухсложном варианте типа *бычы-*). Этот аффикс при основах с конечным гласным может приобретать форму *-ч-*.

Предложенная этимология в целом приемлема. См. также **бижек**.

быш- III [ыъ] 'сбивать, мешать, болтать, взбалтывать (напр., молоко при его заквашивании)'.

Соответствия тув. *быш-* (в формах *быш- ~ пыш- ~ биш-* и др.) отмечены главным образом в тюркских языках Южной Сибири, а также кыпчакских, но отсутствуют в древнетюркских памятниках. Основные значения — 'взбивать (масло)', 'взбалтывать (о кумысе, кислом молоке)', 'пахтать' и под. Этимология глагола неясна (ЭСТЯ II, *309—310*). Вяч.Вс. Иванов восстанавливал его пратюркскую форму в виде **biš-*, сопоставляя слово с тох. В *peṣk* 'масло' (которое считается, однако, "миграционным культурным термином": ВЯ 4, 1988, *100*), что требует разъяснений в структурном плане.

бышкак [ыъ] 'шкура (мех) с лапок зверя, ног животного'.

Слово имеет соответствия фактически общетюркского характера. Имеющиеся варианты различаются как фонетически, в частности по начальному согласному и последующему гласному (*бучкак ~ пучкак ~ бычкак ~ пычкак*), так и, по-видимому, морфологически (ср. такие редкие варианты, как *бышпак* и *бучак*) (ЭСТЯ II, *283*). Их значения — 'кожа конечностей животных, из которой изготовляют обувь'; 'шкура с ног лап животных' и т.п.

Э.В. Севортян считает, что "формы с делабиализованным корневым гласным — поздние". Согласно его версии, *бучкак* и его соответствия восходят предположительно к *бучкак* 'угол, который образует каждый из четырех концов шкуры животного', что, по его мнению, подтверждается чаг. *бучак* 'шкура животных' и некоторыми другими данными (ЭСТЯ II, *283*).

Таким образом, фактически *бучкак*... оказывается вариантом другого тюркского слова — *бучак ~ бучкак* (а также *пычмак* и др.) 'угол, уголок', 'поворот', 'край, конец'...), этимология которого рассматривается Э.В. Севортяном в статье, предшествующей той, где этимологизируется *бучкак ~ бычкак ~ бышкак* 'шкура с лапок зверя'... Однако, анализируя происхождение *бучак ~ бучкак* 'угол', Э.В. Севортян примыкает к традиционной этимологии слова, согласно которой последнее считается производным от глагола *быч-* 'резать, отрезать' (см. **быш- II**), и эта точка зрения выглядит наиболее разумной.

В ее поддержку Э.В. Севортян высказывает оправданное суждение, согласно которому "господствующий почти во всех формах (в том числе и в древнетюркских — *Б.Т.*) губной гласный в корневом слоге развился под влиянием начального согласного позже, когда генетическая связь между глаголом и его производным перестала ощущаться" (ЭСТЯ II, *282*).

Практически тот же ход рассуждений повторяется и в еще одной статье ЭСТЯ, где рассматривается этимология *бучук ~ бычук* 'половина'... и где исходной признается форма *бычук* (ЭСТЯ II, *283—284*). Поэтому высказанное Э.В. Севортяном по поводу *бучкак ~ бышкак* мнение о том, что здесь делабиализованный *-ы-* является поздним по сравнению с *-у-*, носит непоследовательный характер. Очевидно, что, напротив, и в последнем случае гласный *-ы-* был первичным и что в этом плане алт. *бычкак*, тув. *бышкак* и другие подобные южносибирско-тюркские формы сохранили более древний вокализм данного слова.

В более общем плане следует заметить, что в тюркских языках Южной Сибири огубляющее действие начального *б-* на последующий узкий гласный явно проявилось в более слабой форме, нежели в других тюркских языках. В указанном регионе вероятнее встретиться с противоположным процессом: делабиализацией гласного в инициальном сочетании *бу-* . Это наглядно проявляется при освоении монголизмов (см. статьи **быдаа, быдаргай** и др.).

Вместе с тем следует отметить, что В.В. Радлов в своем словаре представлял слова типа *бучкак* 'шкура с ног животных', с одной стороны, и *бучкак* 'угол' — с другой, и подобные им как пары омонимов (РСл. IV, *1862—1863*), что, возможно, оправдано с точки зрения этимологии. В частности, *бучак, бучкак, бучмак* и др., означающие 'угол', могли быть производными от глагольной основы **буч-* 'изгибать(ся)' ?, гомогенной с *бук-, *бур-, бул-* (< **бу-*) (см. **булун**), тогда как слова, имеющие семантику 'шкура с ног животных', 'половина' и под., определенно связаны с *быч-* (> *буч-*) 'резать, отрезать'. К ним должно быть отнесено также чаг., вост.-тюрк. *пучак* 'скорлупа; кожица с плода' (РСл. IV, *1383*).

Этимология *бучкак ~ бышкак*, предложенная Э.В. Севортяном, оказалась недостаточно четкой и последовательной. Можно определенно сказать, что словом **быч-как* обозначались первоначально отрезанные от шкуры животных части, снятые с их ног в качестве материала для меховых изделий. Интересно, что в некоторых языках соответствующим словом именуются и сами эти изделия. Ср. *бычкак* 'обувь из лапок животного' (алт.), *пушкак* 'шуба из лапок животных' (каз.) (ЭСТЯ IV, *283*).

Недостаточная четкость и последовательность этимологии ЭСТЯ, по-видимому, побудила к поиску источника рассматриваемого слова за пределами тюркских языков. Так, А.В. Дыбо полагает, что тюрк. **bu/ič-kak* 'кожа с ног животных' заимствовано (с оформлением тюркским уменьшительным суф. *-как*) из угор. **роča* с идентичным или, скорее, сходным значением (ЛРДИВ, *210*). Эта версия, однако, выглядит неубедительно в структурно-фонетическом и других аспектах.

быштак [ыъ] 'быштак' (*особый вид сыра, получаемый из кипяченого молока*); 'сыр'.

М. Рясянен наряду с тув. *быштак* отмечал также шор. *пышлак* 'сыр из творога', тел. *пыштак* то же, балк. *бышлак*, *бишлак* 'сыр'. Наиболее ранняя фиксация слова в средневековом источнике (Ибн-Муханна) отмечена в форме *bišlaq* 'сыр'. Ср. также кирг. *быштак* 'творог из кипяченого молока', алт. *быштак* 'сыр, род прессованного творога из кипяченого молока', хак. *пызлах* то же.

По мнению Рясянена, приводимые им названия продуктов являются производными от глагольной основы *быш- ~ биш-* 'поспевать, довариваться' (EW, *74*) (см. также **быш-** I).

Сама идея связи слова *быштак ~ бышлак*... с указанным глаголом не вызывает сомнений, но остается вопрос о том, какова структура слова в целом и что собой представляет его аффиксальная часть. Очевидно, первоначальной формой слова следует считать *бышлак*, членимую на *быш-ла-к*. Однако *-ла* — это глаголообразующий аффикс, и, значит, *быш* в данном случае не глагольная, а именная основа.

Э.В. Севортян, рассматривая тюркскую глагольную основу *биш- ~ быш-* 'вариться' и под., счел возможным выделить (на основании имеющегося материала) и ее именное соответствие **быш* со значениями *'созревание', 'варка' (ЭСТЯ II, *162—163*).

К сожалению, *бышлак* и его соответствия отсутствуют в указанном источнике как среди производных от *биш- ~ быш-*, так и среди производных от **быш*. Но вместе с тем *бышлак* доказывает реальность последней.

С формой *бышлак* связан тюркизм монгольских языков: ср. п.-монг. *bislaγ*, монг. *бяслаг* 'сыр', что отмечено М. Рясяненом.

Формы типа *быштак* — результат прогрессивной ассимиляции (*шл* > *шт*), поскольку сочетание определенных шумных с сонантами в части тюркских языков невозможно.

бээжин: **бээжин-кара** *уст.* 'шелковая нить, вплетаемая в косу', **бээжин-аяк** *тодж.* 'название фарфоровой чашки, привезенной, видимо, когда-то из Китая'.

Ср. также тоф. *беэчжең такша* 'старинная деревянная лакированная пиала' (Рассадин. Словарь).

Вторые компоненты приведенных выше наименований употребимы в качестве самостоятельных слов: *кара* 'черный, черная', *аяк* 'чашка' (см. **аяк**, **кара**, ср. также **дашка**). Первый компонент отмечен в тувинской речи как имя собственное (*Бээжин*), являющийся устаревшим вариантом названия столицы Китая (*Пекин*) и, шире, — Китая в целом[1]. Ср. загадку: *Моон аткан огум Бээжин кирди* 'Стрела, пущенная мной отсюда, достигла Пекина (Китая)'. Отгадка — *бодал* ('мысль').

Топоним *Бээжин* — слово китайского происхождения, заимствованное тувинским языком, скорее всего, через монгольское посредничество: ср. п.-монг. *Bejiǰing* ~ *Begeǰing*, монг. *Бээжин(г)* (возможны варианты с конечным *-н* и *-ң*, первый из которых отразился в тувинском *бээжин*, *Бээжин*, а второй — в тоф. *беэчжең*) < кит. *бей-цзин*.

В монгольском языке соответствующее слово — не только топоним, но и (образованное на его основе) нарицательное существительное со значениями 'пекинский купец; лавка, фирма из Пекина' (Владимирцов. Ср. грамматика, *88*, *292*).

В наименованиях типа тув. *бээжин-кара*, *бээжин-аак*, тоф. *беэчжең такша* первый компонент представляет собой определение, обозначавшее 'привезенный из Китая (об определенном изделии, товаре)'.

бээр 1. 'сюда', 2. 'находящийся на этой стороне (по эту сторону), этот', 3. 'с, начиная с, с тех пор'.

Общетюркское; варианты *бе:ри* ~ *бе:р* ~ *бери* ~ *бер*... со сходным набором значений (ЭСТЯ II, *124—125*).

Относительно происхождения *бээр* и его соответствий существует несколько версий, одни связывают его происхождение с личным мест. 1-го л. *бен* (тув. *мен*) 'я' или с его основой (*бе*), представляя исходную форму слова как **ben-ge-ri* (где *-ge-ri* — составной аффикс направ. п. или как **be-ri* (*bä-ri*) (где *-ri* — аффикс направ. п.). См.: ЭСТЯ II, *125*, а также СИГТЯ М, *495*, где эти версии преобладают.

[1] Ср. подобное же использование топонима *Бээжин* в киргизском эпосе "Манас", отмеченное, в частности, Э.А. Абдылдаевым. См.: *Эпос* "Манас" и эпическое наследие народов мира // Тез. междунар. науч. симпоз. — Бишкек, 1995. — С. 79.

Другая группа версий связывает рассматриваемое слово с указ. мест. *бу ~ бо* (см. **бо**). Одни исследователи (напр., В. Банг) только допускали, что в *бээр...* может быть "скрыто" данное местоимение. Э.В. Севортян обоснованно указывал, что "фонетически трудно объяснить преобразование *бо*: (с первичной долготой — *Б.Т.*) в *бэ/бе*: (*бэ:ри/бе:ри*)" (ЭСТЯ II, *125*).

Тем не менее в свое время была предпринята попытка представить архетип данного слова как форму дат.-направ. п. указ. мест. *бу ~ бо* (*bu-γarï*), что заслуженно оценивается как маловероятная этимология (СИГТЯ М, *265*).

Особенно много внимания проблеме происхождения *бээр...* уделил А.М. Щербак, ранее интерпретировавший его как форму деепричастия на *-а ~ -ы* (правда, исходный глагол при этом оставался неизвестен; см. об этом: Щербак 1977, *44*), но в одной из последующих частей своего капитального труда по сравнительной грамматике тюркских языков он пытался обосновать связь рассматриваемого слова с мест. *бу*.

Согласно этой версии, *бери ~ бээри* восходит к определительному сочетанию *бу йер* <'это место, эта сторона'>, выступающему в форме принадлежности 3-го л. (Щербак 1987, *30—31, 78—79*). А.М. Щербак полагает, что хотя образование данного слова из вышеприведенного сочетания не является окончательно установленным, тем не менее эта этимология достаточно надежна (Щербак 1987, *78*). С этим можно согласиться, если рассматривать *бери ~ бээри* в качестве слова с локально-дейктической семантикой типа 'сюда, в эту сторону' и 'этот, находящийся на этой стороне', но, на наш взгляд, особого рассмотрения заслуживает *бери...* как послелог с темпоральным значением ('с тех пор, как'...).

Слово с дейктической функцией и послелог традиционно считаются родственными, но в реальности их родство не доказано, и Э.В. Севортян с полным основанием писал, в частности, о *бери...* как о послелоге, что его значения обособлены от остальных и путь развития его семантики неясен (ЭСТЯ II, *125*).

Действительно, в данном случае пространственная (локальная) и временна́я (темпоральная) семантика не имеют четко выраженных общих элементов, что может быть и следствием гетерогенности слов, выражающих соответствующие значения.

Вместе с тем *бери...* как послелог обнаруживает значительное смысловое сходство с другим послелогом — *ала* (реже — *алы*) 'с, начиная с...'. В.И. Рассадин отмечает, что в тофаларском языке "*бээри* 'начиная с...' в какой-то мере синонимичен послелогу *алы*, но употребляется гораздо чаще" (Рассадин. Морфология, *261*). Оба послелога употребляются в тождественных грамматических конструкциях, в частности в сочетаниях с именами в форме исх. падеж).

Этимология *ала ~ алы* известна: исследователи единодушно считают, что по своему происхождению этот послелог представляет собой форму деепричастия на *-а* (*-ы*) от глагола *ал-* 'брать'. См.: Рассадин. Морфология, *260*; Щербак 1987, *89*; СИГТЯ М, *492—493*.
Можно полагать, что и послелог *бери...* имеет подобное же происхождение и восходит к соответствующей деепричастной форме глагола *бер-* 'давать'. Тюрк. *ал-* и *бер-* — глаголы, соотносительные и взаимосвязанные по семантике, и не случайно, что в их смысловой структуре в той или иной мере прослеживаются значения, связанные с началом действия. Так, у якутского соответствия глагола *ал-* отмечено лексическое значение 'начинать' (ЭСТЯ II, *128*), а у *бер-* начинательная семантика активно проявляется тогда, когда он выступает в качестве вспомогательного (см., в частности, ЭСТЯ II, *116*).
Не случайно поэтому, что от того и другого глагола (точнее, на основе их неспрягаемых, деепричастных форм) могли быть образованы сходные по значению и употреблению послелоги.
Таким образом, *бери ~ бээр...* как слова с дейктическим (указательным) значением, с одной стороны, и как послелог — с другой, скорее всего, гетерогенны, омонимичны по происхождению.
В плане происхождения рассматриваемых слов представляет интерес некоторые их фонетические особенности, относящиеся, в частности, к вокализму. В их числе долгота гласного в части соответствий *бери... ~ бээри, бээр...* Как полагал Э.В. Севортян, в одних языках (напр., в туркменском и некоторых других) долгий гласный — этимологический ("первичный") и "должен быть восстановлен в архетипе рассматриваемой основы", а в других (в частности, в тувинском) "долгота этого гласного, скорее всего, заместительная" (ЭСТЯ II, *124—125*). А.М. Щербак, исходя из своей этимологической версии, говорит только о "вторичной долготе, появление которой обусловлено обычными для такого рода сочетаний (типа *бу йери* — *Б.Т.*) упрощениями и стечением гласных" (Щербак 1987, *78*).
Последняя точка зрения, возможно, более обоснована, но вместе с тем вопрос о происхождении в данном случае долготы усложняется, если иметь в виду различную этимологию указательного слова и послелога. Если последний связан происхождением с глагольной основой *бер-* 'давать', то в нем следовало бы ожидать появления первичной долготы, поскольку таковая устанавливается для *бер-* (ЭСТЯ II, *115*). Однако возникает вопрос, не имела ли в данном случае место контаминация гетерогенных слов (указательного и послелога).
Взаимодействие такого рода между этими словами представляется достаточно вероятным. В частности, если послелог **бери* струк-

турно аналогичен *ала*, то он, скорее всего, должен бы иметь форму **бер-е* или **бээр-е* или, по крайней мере, такая форма была бы распространена очень широко. В реальности же варианты *бери...* с конечным *-е* встречаются как редкие исключения, которые, возможно, и указывают на исходную форму деепричастия на *-а* (ЭСТЯ II, *124*, *125*).

В связи с этим можно предположить, что *бээри ~ бери* с указательным значением (< *бу йери*) возникло ранее послелога (**бере ~ бээре*) и оказало определенное влияние на форму последнего.

Тувинское *бээр* (как указательное слово и послелог) — скорее всего, из **бери*, и здесь, как и в некоторых других подобных случаях, следует признать правоту Э.В. Севортяна, объяснявшего долготу гласного как заместительную по своему характеру.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Используемые сокращения 18
А 29
Б 165

Научное издание

Татаринцев Борис Исакович

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Том I

А—Б

Редактор *М.С. Кравцова*
Вычитчик *Н.С. Дерябина*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *И.С. Попов*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректор *И.О. Ощепкова*
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

ЛР № 020297 от 23.07.97. Сдано в набор 26.05.2000. Подписано в печать 31.08.2000.
Бумага офсетная. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Офсетная печать. Гарнитура Таймс.
Усл. печ.л. 21,5. Уч.-изд. л. 19,0. Тираж 750 экз. Заказ № 214.

Наука. Сибирская издательская фирма РАН.
630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.

ГП "Новосибирский полиграфкомбинат"
630007, Новосибирск, Красный проспект, 22.

Сибирская издательская фирма "Наука" РАН предоставляет индивидуальным и коллективным заказчикам широкий диапазон услуг:

Книжные редакции

готовят к изданию литературу практически по всем направлениям фундаментальной науки — математике, геологии, химии, физике, ботанике, зоологии, медицине, физиологии, истории, философии, экономике, русской литературе и языку; помогают в оформлении и редактировании диссертаций и других материалов.

Отдел допечатной подготовки изданий выполняет

компьютерный набор и верстку;
сканирование и цветоделение;
техническую и художественную ретушь;
оригинал-макеты любой сложности.

Отдел маркетинга и рекламы

заключает договоры на поставку научной литературы и литературы для широкого круга читателей;

размещает рекламу на страницах книг и журналов Сибирского отделения РАН;

проводит маркетинговые исследования научно-популярной литературы;

ищет партнеров для совместного издания книг.

Мы рассмотрим любые предложения и программы!

Приглашаем российских и иностранных партнеров к сотрудничеству в области книгоиздания.

Об условиях размещения заказов и оплате можно узнать по адресу:

630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

Звоните по телефонам: (383-2)22-51-81 (приемная);

(383-2)22-68-82 (зам. директора);
(383-2)22-35-02 (отдел маркетинга);
(383-2)22-33-23 (редакция естественно-научной и технической литературы);
(383-2)22-02-47 (редакция литературы по гуманитарным наукам).

Адреса книготорговых предприятий Российской торговой фирмы "Академкнига" Магазины "Книга — почтой"

121009, *Москва,* Шубинский пер., 6
197345, *Санкт-Петербург,* ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга — почтой"

690088, *Владивосток,* Океанский проспект, 140 ("Книга — почтой")
620151, *Екатеринбург,* ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга — почтой")
664033, *Иркутск,* ул. Лермонтова, 289 ("Книга — почтой")
660049, *Красноярск,* ул. Сурикова, 45 ("Книга — почтой")
117312, *Москва,* ул. Вавилова, 55/7
117192, *Москва,* Мичуринский проспект, 12
103642, *Москва,* Б. Черкасский пер., 4
630091, *Новосибирск,* Красный проспект, 51 ("Книга — почтой")
630090, *Новосибирск,* Морской проспект, 22 ("Книга — почтой")
142292, *Пущино* Московской обл., МР "В", 1 ("Книга — почтой")
443022, *Самара,* проспект Ленина, 2 ("Книга — почтой")
199034, *Санкт-Петербург,* В.О., 9-я линия, 16
191104, *Санкт-Петербург,* Литейный проспект, 57
199164, *Санкт-Петербург,* Таможенный пер., 2
194064, *Санкт-Петербург,* Тихорецкий проспект, 4
634050, *Томск,* наб. реки Ушайки, 18 ("Книга — почтой")
450059, *Уфа,* ул. Р. Зорге, 10 ("Книга — почтой")
450025, *Уфа,* ул. Коммунистическая, 49

Сибирская издательская фирма
"Наука" РАН

готовит к выпуску в 2001 г.

Татаринцев Б.И.

Этимологический словарь тувинского языка

Том II